A detailed historical map of Saint-Petersburg, Russia, showing the city's layout along the Neva River. The map includes various districts and landmarks, with labels in French and Russian. The text is overlaid on the map.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

БЮЛЛЕТЕНЬ

2

ОХРАННАЯ АРХЕОЛОГИЯ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2011

**ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

**RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR HISTORY OF MATERIAL CULTURE**

BULLETIN

№ 2

RESCUE ARCHAEOLOGY

ST. PETERSBURG

2011

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

БЮЛЛЕТЕНЬ

№ 2

ОХРАННАЯ АРХЕОЛОГИЯ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2011

УДК 902/904
ББК 63.4
Б98

Редакционная коллегия:

О. И. Богуславский, В. А. Завьялов, В. А. Лапшин, Е. Н. Носов,
Н. Ф. Соловьёва (ответственный редактор, составитель)

Технический редактор, оформитель С. Л. Соловьёв

Бюллетень Института истории материальной культуры РАН. [№] 2
(охранная археология) / науч. ред. Н. Ф. Соловьёва ;
ИИМК РАН. – СПб.: Изд-во ООО «ЭлекСис», 2011. – 360 с. : ил.

Bulletin of the Institute for the History of Material Culture RAS. [№] 2
(rescue archaeology) / ed. by N. F. Solovyova ;
IIMK RAS. – SPb.: Publishing house «ElekSis», 2011. – 360 pp. : ill.

ISBN 978-5-904247-47-8

Периодическое издание посвящено охранно-археологической деятельности ИИМК РАН по изучению культурного наследия России. Первый номер бюллетеня представляет результаты археологических исследований объектов культурного наследия Санкт-Петербурга и его окрестностей, осуществленных Группой охранной археологии ИИМК РАН в сотрудничестве с другими научными, образовательными и государственными организациями в 2009–2010 гг.

Издание предназначено для историков, археологов, государственных служащих, частных предпринимателей и широкого круга читателей, заинтересованных в научной и достоверной информации об истории России и состоянии памятников ее культуры.

This periodical is dedicated to the rescuing and archaeological activities of the Institute for the History of Material Culture (IIMK) RAS in studies of the cultural heritage of Russia. The first number of the Bulletin presents the results of archaeological investigations of the cultural heritage of St.-Petersburg and its surroundings carried out in 2009–2010 by the Group for Rescue Archaeology of IIMK RAS in collaboration with other scientific, educational and public organizations.

This publication is intended for historians, archaeologists, government employees, private entrepreneurs and a wide circle of readers interested in reliable scientific information on history of Russia and the state of the monuments of its culture.

ISBN 978-5-904247-47-8

УДК 902/904
ББК 63.4

ПРЕДИСЛОВИЕ

Одним из направлений работы III (XIX) Всероссийского археологического съезда, состоявшегося 24–29 октября 2011 г. в Старой Руссе и Великом Новгороде, привлёкших внимание большого количества участников, стало обсуждение результатов охранно-спасательных археологических исследований, современное состояние законодательной и нормативно-правовой базы, регулирующей вопросы сохранения археологического наследия нашей страны. В русле отражённых на съезде задач охранно-спасательной археологии и в связи с повышением строительной активности Институт истории материальной культуры РАН выполняет большой объём археологических мероприятий в различных регионах Российской Федерации – Мурманской, Новгородской и Саратовской областях, в Красноярском крае, в Туве и Кабардино-Балкарии, и, в том числе, на территории Санкт-Петербурга и его ближайших окрестностей (цв. илл. 1).

ИИМК РАН отнюдь не является единственной организацией, проводящей археологические исследования в Санкт-Петербурге. Наряду с работами института, масштабные исследования проводились НП СЗНИИ «Наследие» под руководством заместителя директора П.Е.Сорокина на территории Летнего сада. Проведение охранных археологических работ – одна из задач сотрудников кафедры археологии СПбГУ. Лаборатория археологии, исторической социологии и культурного наследия НИИКСИ при СПбГУ работает в сфере контрактной археологии с момента образования. Незначительные исследования периодически выполняют и частные структуры, приглашающие к сотрудничеству профессиональных археологов. Охранно-спасательная археологическая деятельность ИИМК РАН обусловлена договорами, заключаемыми между институтом и хозяйствующими субъектами в рамках 73 федерального закона «Об объектах культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации». Объёмы и характер этих работ различны – от археологического надзора за земляными работами до масштабных раскопок. В полевых экспедиционных исследованиях ИИМК РАН и обработке полученных коллекций участвуют специалисты различных научно-исследовательских, учебных и музейных организаций Санкт-Петербурга (Государственного Эрмитажа, СПбГУ, Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого и др.) и многих городов России – Москвы, Новосибирска, Вологды, Калининграда, Казани, Самары и т.д. В свою очередь, сотрудники ИИМК РАН

принимают участие в аналогичных работах научных учреждений России и ближнего зарубежья. В 2011 г. по приглашению Национальной Академии Наук Украины специалисты ИИМК РАН участвовали в охранно-спасательных археологических исследованиях в Коктебеле.

В связи с большим объёмом получаемой в ходе работ новой информации возникает потребность в оперативном введении её в научный оборот. Этой цели и призван служить Бюллетень ИИМК РАН. Первый выпуск появился в свет в декабре 2010 г. и освещал работы, проводившиеся на территории Санкт-Петербурга в 2009 г. Во втором выпуске Бюллетеня приводится информация об исследованиях, проведённых ИИМК РАН в течение сезонов 2010-2011 гг. и результатах научного изучения коллекций предыдущих лет. Бюллетень №1 открывала информационная статья К. М. Плоткина «Правовые основы охраны археологического наследия Санкт-Петербурга», посвящённая законодательной базе изучения культурного слоя Петербурга (Плоткин. 2010. С. 11-43). Второй выпуск Бюллетеня также открывается актуальной статьёй К. М. Плоткина о современных подходах к реставрации объектов культурного наследия Санкт-Петербурга. В городе под государственной охраной состоит 7800 объектов культурного наследия, т.е. около 10 % всех охраняемых памятников России. Автор статьи, с точки зрения представителя городской администрации, занимающейся охраной памятников истории и культуры, и одновременно учёного-археолога, полагает, что всё большее значение при проведении научной реставрации всех категорий памятников приобретают археологические исследования.

Археология Нового времени в последние два десятилетия приобрела «права гражданства», о чем свидетельствует выделение на III (XIX) Всероссийском Археологическом съезде секции «Археология Московского государства и Российской империи». Специфика этого раздела науки в возможности привлечения большого количества графических материалов и других письменных источников, что нисколько не умаляет значение классических методик раскопок и обработки материалов. Ярким подтверждением этого стали спасательные раскопки, проведённые ИИМК РАН на территории Петропавловской крепости, в результате которых были обнаружены останки 112 жертв «красного террора». Результаты раскопок имели колоссальное общественно-политическое и историческое значение и широко освещались в средствах массовой ин-

формации. Изучение основания колокольни Смольного монастыря, проведённое в 2009–2010 гг. – пример археологических исследований с целью выявления нового объекта культурного наследия. Оно позволило детализировать строительную технологию середины XVIII в., о которой письменные источники умалчивают. В связи с начавшейся реставрацией ансамбля Главного штаба и передачей здания Государственному Эрмитажу масштабные археологические работы были проведены в 2009–2011 г. сотрудниками ИИМК РАН во дворах Восточного крыла здания. Выявлены слои и комплексы второй четверти XVIII – первой четверти XIX в.

Значительная часть археологических работ на территории города носит разведочный характер, в результате которых уточняются исторические сведения о городской застройке, наличие или отсутствие культурного слоя раннего Петербурга, его характер и насыщенность. Так, разведочными шурфами в квартале между Смольным проспектом, улицами Тульской и Бонч-Бруевича выявлены остатки строений, булыжное мощение двора и многочисленный вещевой материал конца XVIII – XIX вв. Археологические исследования на территории Военной академии связи – бывшего плаца Преображенского полка (Суворовский пр., д. 32) дали материал, отражающий формирование городского культурного слоя XVIII–XX вв.

Археологические разведки на северо-западной окраине исторического района города Большая Охта (Пискаревский пр., д. 3) выявили культурный слой XVIII – первой половины XIX вв., в котором зафиксированы разновременные деревянные конструкции XVIII – начала XIX в., клад медных монет 1812–1833 гг., остатки стен и фундаментов бумагопрядильной фабрики, основанной в середине XIX в. Часть объектов можно предположительно связать с поселением, существовавшим до основания Петербурга. На двух участках исследований 2011 г. в Центральном районе Санкт-Петербурга (Невский пр., д. 68 и ул. Стремянная, д. 15) под каменными строениями XIX в. выявлены срубы, являющимися характерными для периферийного, в то время, района застройки Петербурга второй половины XVIII в. Фрагменты культурного слоя выявлены также на Лиговском пр. (д. 60–62, лит. Д). По четырем адресам (Звенигородская ул., д. 16, литер А; ул. Маяковского, д. 5, литер Б; Загородный пр., д. 19, литер А; Невский пр., д. 85, литер Б) слои ранее второй половины XIX – начала XX в. не выявлены. Отрицательный результат в данном случае ценен для градостроительной истории Петербурга, как свидетельство неравномерности освоения его территории. Самые масштабные раскопки на Петроградской стороне, давшие ценный материал по истории раннего Петербурга

проведены на участке по адресу: ул. Большая Посадская, д. 12, литер А. Результаты этих исследований будут опубликованы в следующем выпуске Бюллетеня. На Мичуринской ул. (д. 1, лит. Б) выявлены сохранившиеся фрагменты слоя, датируемого монетами 30-х гг. XVIII в. На Аптекарской набережной (Аптекарская наб., д. 3, лит. Б, уч. 1) исследованы культурные слои, связанные со строительством тротуаров, скверов и благоустройством проезжей части вдоль Аптекарской набережной в XIX–XX вв. В одном шурфе зафиксирована периферийная зона строительства Храма Спаса Преображения Господня, возведённого в 40-е гг. XIX в.

Обследование северо-западной части о. Котлин выявило постройку второй половины XIX в. Архитектурно-археологические изыскания на территории ГМЗ «Петергоф» – в парке Александрия предваряют планируемую комплексную реставрацию ряда объектов. В 2009–2010 гг. исследовались фундамент Фельдъегерского дома при Фермерском дворце и фундамент утраченной ограды садика перед южным фасадом здания Телеграфной станции середины XIX в. Объектом аварийно-спасательных исследований на кладбище Черменецкого Иоанно-Богословского монастыря в Лужском районе Ленинградской области стал склеп XIX в., выявленный в ходе работ по благоустройству территории вокруг церкви Преображения Господня (1707 г).

Уникальный материал дали раскопки памятника Харбас I, расположенного в Зольском районе Кабардино-Балкарской республики на территории, отведённой под строительство автодороги «Кисловодск – Долина нарзанов – Эльбрус». Зафиксированный первоначально, как скальный могильник, памятник по результатам работ 2010 г. может быть определён как сложносоставной, предположительно включающий поселенческий комплекс, могильник и, возможно, святилище.

В этом выпуске начата серия публикаций, посвящённых изучению отдельных категорий находок из раскопок последних лет: коллекции кожаных предметов из Петропавловской крепости, белоглиняным курительным трубкам из раскопок на Охтинском мысу, а также фаунистическим остаткам, обнаруженным при археологических исследованиях в излучине Невы. Бюллетень в последующих выпусках по мере подготовки полевых отчётов и завершения обработки материалов будет оперативно освещать археологические работы Института истории материальной культуры РАН, как в Санкт-Петербурге, так и в других регионах России.

Е. Н. Носов, Н. Ф. Соловьёва

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Современные подходы к реставрации объектов культурного наследия Санкт-Петербурга	11
<i>К. М. Плоткин</i>	
Археологические исследования на территории Восточного крыла здания Главного Штаба в 2009–2011 гг. Предварительные итоги	15
<i>А. А. Аветиков, С. В. Александров, Н. А. Боковенко, Д. Д. Ёлшин, В. И. Кюльдюшевский, В. Я Стёганцева</i>	
Исследование территории шведского города Ниена	35
<i>А. А. Аветиков, С. Л. Соловьёв</i>	
Предварительные результаты археологического исследования участков, расположенных по адресам: СПб., Невский пр., д. 68 и ул. Стремянная, д. 15	47
<i>А. Ю. Городилов, А. О. Поликарпова</i>	
Коллекция кожаных предметов из раскопок в Петропавловской крепости (сезоны 2007–2008 г.)	63
<i>В. И. Кильдюшевский, А. В. Курбатов</i>	
Археологические исследования на Аптекарской набережной	73
<i>В. А. Лапшин, И. А. Гарбуз</i>	
Археологические исследования территории бывшего Чугунолитейного и механического завода Ф. К. Сан-Галли на Лиговском проспекте	99
<i>В. А. Лапшин, И. А. Гарбуз</i>	
Исследование основания колокольни Смольного монастыря	135
<i>В. А. Лапшин, И. А. Гарбуз, Н. Ф. Соловьёва</i>	
Археологические работы в квартале между Смольным проспектом, Тульской и улицей Бонч-Бруевича	145
<i>К. А. Михайлов, В. А. Лапшин, Н. Ф. Соловьёва</i>	
Археологические исследования на территории Военной академии связи	173
<i>С. А. Семёнов</i>	
Археологические исследования в излучине реки Невы	193
<i>С. А. Семёнов, С. Г. Попов, З. Р. Румянцева, В. А. Лапшин</i>	
Архитектурно-археологические изыскания в Петергофской Александрии: Фельдъегерский дом, Телеграфная станция (сезоны 2009–2010 гг.)	221
<i>С. Ю. Каргапольцев, М. Ю. Каргапольцев, В. Н. Седых</i>	
Археологические исследования на кладбище Черменецкого Иоанно-Богословского монастыря в 2003 г.	233
<i>С. А. Семёнов, А. А. Липатов</i>	

Предохранительная обувь в средневековье и Новое время: европейские традиции и русская действительность	241
А. В. Курбатов	
Белоглиняные курительные трубки из раскопок Охтинского мыса (по материалам работ 2010 г.)	251
Т. Н. Пошернева	
Поселенческий комплекс в составе памятника Харбас I	331
Т. Р. Садыков	
Фаунистические остатки, обнаруженные при археологических исследованиях в излучине Невы	341
А. К. Каспаров	
Список сокращений	344
Цветные иллюстрации	345

CONTENTS

Preface	5
Modern Approaches to Restoration of Cultural Heritage of St. Petersburg //.....	11
<i>K. M. Plotkin</i>	
Archaeological Research in the East Wing of the General Staff Building in 2009-2011. Preliminary results	15
<i>A. A. Avetikov, S. B. Aleksandrov, N. A. Bokovenko, D. D. Yolshin, V. I. Kyuldeshevskii, V. Ya. Styogantseva</i>	
Study of the Swedish Town Nien	35
<i>A. A. Avetikov, S. L. Solovyev</i>	
Preliminary Results of Archaeological Research at the Site, Located at the Following Addresses: St. Petersburg, Nevskii Pr., 68 and Stremyannaya Str., 15	47
<i>A. Yu. Gorodilov, A. O. Polikarpova</i>	
Collection of Leather Items from the Peter and Paul Fortress on Research 2007–2008	63
<i>V. I. Kyuldeshevskii, A. V. Kurbatov</i>	
Archaeological research on the Aptekarskii Embankment	73
<i>V. A. Lapshin, I. A. Garbuz</i>	
Archaeological Study of the Territory of the Former Ironworks and Mechanical Plant of F. K. San Galli on Ligovskii Avenue	93
<i>V. A. Lapshin, I. A. Garbuz, N. Yu. Novoselova</i>	
Smolny Monastery Bell Tower Foundation study	135
<i>V. A. Lapshin, I. A. Garbuz, N. F. Solovyova</i>	
Archaeological Works in the Block between Smolnyi Avenue, Tuskaya and Bonch-Bruevicha Str.	145
<i>K. A. Mikhailov</i>	
Archaeological Studies at the Military Academy of Communications	173
<i>S. A. Semenov</i>	
Archaeological research in the Bend of the Neva River	193
<i>S. A. Semenov, A. G. Popov, Z. R. Rummyantsev, V. A. Lapshin</i>	
Architectural and Archaeological Explorations in Peterghof Alexandria: Feldegerskii House, Telegraph Station (Seasons 2009–2010)	221
<i>S. Yu. Kargapoltsev, M. Yu. Kargapoltsev, N. V. Sedykh</i>	
Archaeological Research at the Cemetery of the Ceremenetskogo John the Apostle Monastery in 2003	233
<i>S. A. Semenov, A. A. Lipatov</i>	

Safety Shoes in the Middle Ages and the New Time: European Traditions and Russian Reality	241
<i>A. V. Kurbatov</i>	
White-Clay Pipes from the Excavations of Okhta (on Materials of 2010 Season)	251
<i>T. N. Posherneva</i>	
Settlement Complex in the Site Kharbas I	331
<i>T. N. Posherneva</i>	
Fauna Remains, discovered during archaeological research in the bend of the River Neva	341
<i>T. N. Posherneva</i>	
Abbreviations	344
Colour Plates	345

Современные подходы к реставрации объектов культурного наследия Санкт-Петербурга

К. М. Плоткин

В европейских странах и России охрана памятников и реставрация существуют уже около двух веков. В современных условиях они трансформировались в междисциплинарную отрасль научной, проектной и производственной деятельности со своей научной и учебной базой, исследовательскими центрами, индустрией материалов, передовыми технологиями. Творческий процесс изучения и реставрации объектов культурного наследия объединяет усилия архитекторов и строителей, инженеров и конструкторов различных направлений, историков, искусствоведов, археологов, специалистов в области естественных наук.

Санкт-Петербург – сравнительно молодой город, сформировавшийся на основе европейских градостроительных принципов и архитектурных стилей. Основу его наследия составляет уникальная историческая застройка XVIII – начала XX вв., сохранившаяся в подлинности и целостности. Ныне в Санкт-Петербурге под государственной охраной состоит почти 7800 объектов культурного наследия с их территориями, т.е. около 10 % всех охраняемых памятников России. Это здания и инженерные сооружения, сады и парки, пруды и каналы, монументальная и садово-парковая скульптура, исторические захоронения и археологические объекты.

Почти 3500 охраняемых зданий и сооружений составляют лишь незначительную часть всей исторической застройки, фонд которой насчитывает около 25000 объектов. Даже на Невском проспекте до трети зданий не имеют статуса памятников, хотя в любом городе России они рассматривались бы как выдающиеся произведения зодчества. Поэтому региональное законодательство уделяет большое внимание средовой охране, которая охватывает 1117 планировочных и ландшафтных структур и зоны охраны объектов культурного наследия общей площадью 72000 га. Меры градостроительной охраны предусмотрены для обширных участков исторического культурного слоя, признанных исторически ценными градоформирующими объектами.

Время работает против наследия. Угрозы разрушения связаны с процессами естественного

старения и износа его объектов. Эти процессы ускоряются внешними факторами природного и антропогенного характера: неблагоприятными климатическими воздействиями, атмосферными загрязнениями, активной урбанизацией с новым строительством в исторической среде и движением транспорта, нарушениями режима эксплуатации зданий, пожарами, актами вандализма. Все способы сохранения памятников истории и культуры направлены на замедление процессов естественного старения и износа, на минимизацию негативного воздействия внешних факторов.

В крупном городе общими мерами противодействия процессам разрушения являются сокращение и запреты движения транспортных средств, создание рациональной системы парковок, вывод промышленных предприятий за пределы исторической застройки с реконструкцией корпусов и реновацией земельных участков. Необходима качественная эксплуатация исторической застройки с защитой конструкций от погодных условий и опасного воздействия влаги, своевременное устранение дефектов, систематические противопожарные мероприятия, защита от нежелательного проникновения. В процессе реставрации, консервации, ремонта недопустимо применение непригодных или вредных материалов и технологий.

В каждом конкретном случае комплекс мер защиты должен основываться на проведении междисциплинарных исследований процессов износа, внешнего физического, химического, биологического, антропогенного воздействия на основе постоянного мониторинга и прогноза развития. Для каждого вида опасностей и типов исторических сооружений разрабатываются профилактические меры с комплексом организационных, административных и технических мероприятий по предотвращению угроз, снижению потерь и ущерба. Риски утраты, повреждения, хищения объектов культурного наследия подлежат обязательному страхованию с учётом особенностей этого вида недвижимости.

Важным условием сохранения является рациональное использование исторических построек,

достойное их значения и не противоречащее сохранности. Музеефикацию памятника с учётом его исторических функций можно рассматривать как своего рода высшую меру сохранения.

Венецианская хартия 1964 г., утвердившая международные принципы реставрации, отдаёт предпочтение консервации и рассматривает реставрацию как вынужденную и чрезвычайную меру. Своевременная консервация, обеспечивающая защиту уязвимых конструкций, частей сооружения и декора, в сочетании с качественным уходом и надлежащей эксплуатацией – это наиболее эффективный и щадящий способ сохранения наследия, увеличивающий сроки межреставрационных периодов. Реставрация предусматривает глубокое вмешательство в подлинную ткань памятника, влечёт за собой элементы воссоздания и уносит частицу подлинности.

Специфика реставрационной школы Ленинграда–Петербурга была обусловлена беспрецедентными разрушениями Великой Отечественной войны, потребовавшими широкого применения методов воссоздания и комплексной научной реставрации. В послевоенные десятилетия ленинградские реставраторы осуществляли уникальную строительно-реставрационную деятельность с использованием традиционных технологий, на основе натурного изучения фрагментов памятников, исследования иконографических и архивных материалов. Послевоенные реставрации называют подвигом возрождения, исключительным по масштабам, сложности и мастерству. Работы выдающихся мастеров реставрации сегодня имеют самостоятельную историко-культурную и художественную ценность.

В современных условиях действующее законодательство и сложившаяся международная практика предъявляют к реставрации качественно новое требование – максимальное сохранение подлинности. Воссоздание утраченного объекта допускается лишь в исключительных случаях. Современный подход отвергает возведение неосуществлённых частей строения, предусмотренных авторским замыслом, ликвидацию позднейших исторических наслоений, «стилистические» и «романтические» реставрации, реставрации «на период расцвета памятника». Излишнее обновление и «улучшение» реставрируемого объекта превращает его в «новодел».

В основу реставрационной практики в Санкт-Петербурге положен принцип «археологической» реставрации, предполагающей тщательное

и методическое изучение памятника в натуре. Он полностью соответствует Венецианской хартии, провозгласившей, что научная реставрация заканчивается там, где начинается домысел.

В реальных условиях нашего города реставрация по-прежнему необходима. В 2004 г. примерно 90 % объектов, охраняемых государством, нуждались в реставрационных вмешательствах с объёмом затрат не менее 60 млрд. руб., а 1317 объектов находились в активной фазе разрушения. За пять последующих лет активизация реставрационных работ за счёт бюджета города и Российской Федерации, внебюджетных средств вывела из опасного состояния несколько сотен объектов.

Благодаря государственной поддержке, реставрация стала реальным фактором экономической и социальной жизни. В кризисные 1990-е гг. советский «трест» ПСО «Реставратор» разорился. Однако его мастера передали свои знания, навыки и умения новому поколению реставраторов. Толчок к возрождению дали работы к 300-летию города, но качественное увеличение финансирования произошло в 2005 г. Экономический кризис 2009–2010 гг. привёл к сокращению объёмов работ, но не прервал реставрационную деятельность в целом. Реставрацией занимаются свыше 300 лицензированных организаций с общей численностью свыше 12 тысяч человек. Преобладание малых и средних фирм с высококвалифицированными специалистами исключает монополию на данный вид работ, обеспечивает необходимую конкурентную атмосферу.

Характерной чертой современной реставрации является международное сотрудничество. Петербургским реставраторам готовы оказать содействие ЮНЕСКО, Всемирный центр наследия, ICCROM (Европейский институт реставрации в Риме), Институт реставрации камня в Милане. Символом сотрудничества стал совместный проект Министерства промышленности и торговли Италии и Комитета по государственному контролю, использованию и охране памятников по реставрации Петровских ворот Петропавловской крепости (1703, 1708–1718 гг., архитектор Д. Трезини, скульптор Г.-К. Оснер, Н. Пино; 1720-е гг., двуглавый орёл, литейный мастер Ф. П. Вассу; 1951–1952 гг., реставрированы архитекторами А. А. Кедринским, А. Л. Ротач). Реставрация велась с февраля 2006 г. по май 2007 г. силами российских специалистов ООО «Интарсия» и итальянских ассоциаций «Ассорестауро» и «Федеркимика». Инженер П. Мароне и архитектор К. Алессандрия положили в основу проекта опыт итальянской

школы реставрации, старейшей в Европе. Они избрали путь консервативной реставрации на принципах Венецианской хартии. Детальное структурное, диагностическое, лабораторное обследование каменного портала позволило оценить его подлинное состояние, роль исторических слоёв в формировании целостности внешнего облика, совместимость первоначальных и более поздних материалов. Консервация кладки ворот и их декоративного убранства сопровождалась расчисткой только тех слоёв, которые не имеют исторического значения. Были удалены поздние цементные вставки и наслоения, разрушавшие структуру памятника, и зафиксированы элементы различных периодов истории объекта с учётом сохранения его целостности. Совместная работа итальянских и российских реставраторов стала своеобразным «полигоном» для творческого переосмысления отечественного и международного опыта, сопровождалась проведением семинарских занятий по реставрационным практикам.

Реставрация объектов культурного наследия Санкт-Петербурга осуществляется под научно-методическим руководством Комитета по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры. Научные изыскания, архивный и иконографический поиск, обследование, выдача заданий, согласование ПСД на всех стадиях проектирования, выдача разрешений на производство работ, контроль и приёмка реставрационных работ составляют важнейшее направление его деятельности.

Государственный контроль дополняется контролем общественных организаций – Союза реставраторов, Северо-Западной ассоциации «Сезар». Они контролируют качество реставрационных работ, вытесняя с рынка недобросовестных подрядчиков. Важную роль в подведении итогов играет ежегодный конкурс «Сделано в Санкт-Петербурге», отраслевой этап которого проходит по номинациям «Проектные работы», «Комплексная реставрация», «Реставрация фасадов», «Реставрация интерьеров», «Реставрация скульптуры. Реставрация предметов декоративно-прикладного искусства».

Финансирование реставрационных работ осуществляется в рамках федеральной целевой программы «Культура России» с подпрограммой «Сохранение и развитие исторического центра Санкт-Петербурга» и городских реставрационных программ «Фонда развития Санкт-Петербурга», фонда «Реставрация и развитие Ораниенбаума», фондов, созданных к 300-летию Царского Села и Кронштадта.

Практическое значение реставрации хорошо видно на примере губернаторской программы реставрации исторического центра «Фасады Санкт-Петербурга». Фасады формируют неповторимый облик нашего города. Их стилевое разнообразие, архитектурно-пластическое великолепие, декоративное многообразие форм и богатство отделки ценными материалами были испорчены атмосферными загрязнениями, многочисленными утратами декора. За исключением особо ценных объектов фасады профессионально не реставрировались. На протяжении десятилетий строительный ремонт фасадов зданий-памятников осуществлялся на общих основаниях, с применением цементных растворов и синтетических красителей, которые разрушали историческую штукатурку и кирпичную кладку. Только реставрация позволила обеспечить долговечность результатов с помощью специальных технологий и материалов, которые в обычной строительной практике не применяются. Для фасадов используются силикатные и известковые красочные материалы, штукатурные растворы на извести, красители на минеральной основе, идентичные или близкие подлинным историческим материалам. Строго соблюдается традиционная сезонность ведения работ при температурах не менее восьми градусов.

Средняя цена реставрации 1 кв. м фасада составляет около \$ 60. При регулярных промывках раз в два–три года, грамотном уходе и своевременном устранении дефектов период эксплуатации отреставрированных фасадов может составлять до 20–30 лет. При отсутствии профилактического ухода потребность в очередном реставрационном ремонте возникает через 6–7 лет. В то время как фасады исторических зданий, отремонтированных в 2002 г. к 300-летию Санкт-Петербурга по обычным строительным технологиям, через три года уже нуждались в новом ремонте. Очевидным результатом фасадной программы для горожан и гостей города стало повышение привлекательности городской среды, а для владельцев и пользователей – удлинение периода между ремонтами. На исторических зданиях, не имеющих статуса памятников, ремонт фасадов по заказам районных администраций по-прежнему вели строительные фирмы по обычным строительным технологиям. Строители первоначально обещали выполнить фасадные работы в пять раз дешевле реставраторов. Однако превышение реставрационных смет над строительными составило в среднем чуть более 20 %. Этот пример опровергает широко распространённое мнение о чрезмерной стоимости реставрации. В оценке технического состояния

здания от 15 до 20 % стоимости приходится на фасад. Осуществление фасадной программы привело к росту рыночной цены недвижимости в отремонтированных зданиях в результате улучшения их физического состояния.

Ещё одним направлением реставрации является регенерация промышленных зон, реконструкция промышленных построек. Эта «индустриальная археология» во всем мире стала характерной чертой старых промышленных городов, вступивших в постиндустриальную стадию развития. В Санкт-Петербурге тоже есть интересные опыты реновации промышленного наследия. Водонапорная башня городской насосной станции превращена в Музей воды. В башне Обуховского завода размещена гостиница. Краснокирпичные корпуса заводов «Эриксон» и «Красный треугольник», бумагопрядильной мануфактуры Штиглица реконструированы для размещения бизнес-центров. Этот список можно продолжить. Подобно своим аналогам в европейских и американских городах памятники промышленной архитектуры после реконструкции становятся привлекательными местами, активно используются в повседневной жизни современного города.

Ценность культурного наследия в подлинности коллективного опыта, который оно воплощает. Стремление к сохранению подлинности наследия имеет и культурное, и экономическое измерение. В расчёты стоимости исторической недвижимости в зарубежной практике давно вводится коэффициент подлинности. После реставрационных работ прибыли от продаж превышают все понесённые собственниками затраты. Следует также учитывать косвенные выгоды от использования наследия, которые получают застройщики и риэлторы, производители товаров с городской символикой, туристический, гостиничный, ресторанный, рекламный и другие виды бизнеса.

В культурном измерении масштабные реставрационные программы обеспечивают сохранение наследия в его подлинности и целостности. Они трансформируют смысл культурного пространства исторического центра города, превращают его в территорию коммуникации и деловой активности, место отдыха. Исторический центр города становится не только привлекательным для туристов и горожан, но и своеобразной рекреационной зоной, позволяющей укрыться от угроз проживания в мегаполисе.

Археологические исследования на территории Восточного крыла здания Главного Штаба в 2009–2011 гг. Предварительные итоги

А. А. Аветиков, С. В. Александров, Н. А. Боковенко, Д. Д. Ёлшин,
В. И. Кюльдюшевский, В. Я. Стёганцева

В 2009–2011 гг. во дворах Восточного крыла здания Главного Штаба экспедицией Группы охранной археологии ИИМК РАН по договору с ООО «Интарсия» были проведены археологические раскопки (рис. 1). Они были обусловлены масштабными работами по реставрации и приспособлению реконструкции здания для нужд Государственного Эрмитажа.

Судя по архивным и изобразительным данным, первоначальная застройка этой территории была завершена в первой четверти XVIII в. На ней размещались дворовые участки с домами на высоких полуподвалах. В дальнейшем часть домов поменяла своих владельцев и была перестроена. К 1819 г., когда К. Росси приступил к строительству здания министерств, все частные дома были выкуплены в казну и разобраны. В июне 1830 г. строительные работы были закончены.

В 2009 г. на территории пятого и четвёртого дворов были проведены небольшие работы (200 кв. м) (рис. 2–3). Был выявлен слой XVIII в. с остатками жилых и хозяйственных построек и сооружений, большое количество находок XVIII–XIX вв. В 2010–2011 гг. исследования были продолжены. Раскопы были заложены во дворах 1–3, общая их площадь составила около 600 кв. м. В рамках договора также были проведены археологические наблюдения за земляными работами в цокольных этажах здания Главного Штаба на общей площади свыше 1000 кв. м.

В раскопках принимали участие сотрудники ГОА ИИМК РАН: Кюльдюшевский В. И. – нач. отряда, Домасёв А. Н. – заместитель. Полевыми работами руководили: Аветиков А. А. – первый двор, Боковенко Н. А. – второй и третий дворы, Александров С. В. – третий двор. Чертёжную и фотографическую фиксацию выполнили Ёлшин Д. Д. и Козодёрова М. Н. Камеральную обработку материала – Стёганцева В. Я.

Во дворах имелись большие участки поздних перекопов конца XIX–XX вв., поэтому была принята следующая методика: сначала выбирались места поздних перекопов, а затем исследовались

участки нетронутого культурного слоя XVIII – первой четверти XIX вв., которые маркировались булыжной вымосткой 30-х гг. XIX в. (рис. 4). Такая методика позволила более тщательно исследовать слой, получить чёткую стратиграфию культурных напластований, строительных остатков и выявить уровень всех перекопов. Благодаря такой методике удалось соотнести значительную часть находок из перекопов с тем или иным строительным горизонтом.

Главной задачей исследований было изучение культурных отложений XVIII – XIX вв., обнаружение и фиксация остатков сооружений, изучение истории строительства здания, уточнение планировки, а также исследование архитектурных деталей проекта К. Росси, скрытых до последнего времени под поздними наслоениями. В связи с тем, что при реконструкции здания проводятся крупномасштабные земляные работы и понижение уровня дворов, культурным напластованиям XVIII–XIX вв. грозит полное уничтожение. Поэтому первоочередной задачей экспедиции было выявление первоначальной застройки этого участка в первой половине XVIII в.

В результате исследований удалось зафиксировать, по крайней мере, остатки трёх строительных горизонтов. К сожалению основная часть жилых домов, выходивших своими фасадами на Дворцовую площадь и набережную р. Мойки, была уничтожена фундаментами существующего здания.

Материк – светло-серый песчанистый суглинок, перекрытый тонкой прослойкой погребённой почвы, выявлен на глубине 1,20–1,40 м БС. Наблюдается небольшое понижение к берегу р. Мойки.

Нижний строительный горизонт (первой половины XVIII в.)

Фрагменты построек этого горизонта были обнаружены практически во всех дворах здания Главного Штаба, а также в подвалах восточной стороны здания. Как правило, фундаменты из валунов, впущенные в материк на 0,40–0,50 м, для выравнивания использовали обломки известковых

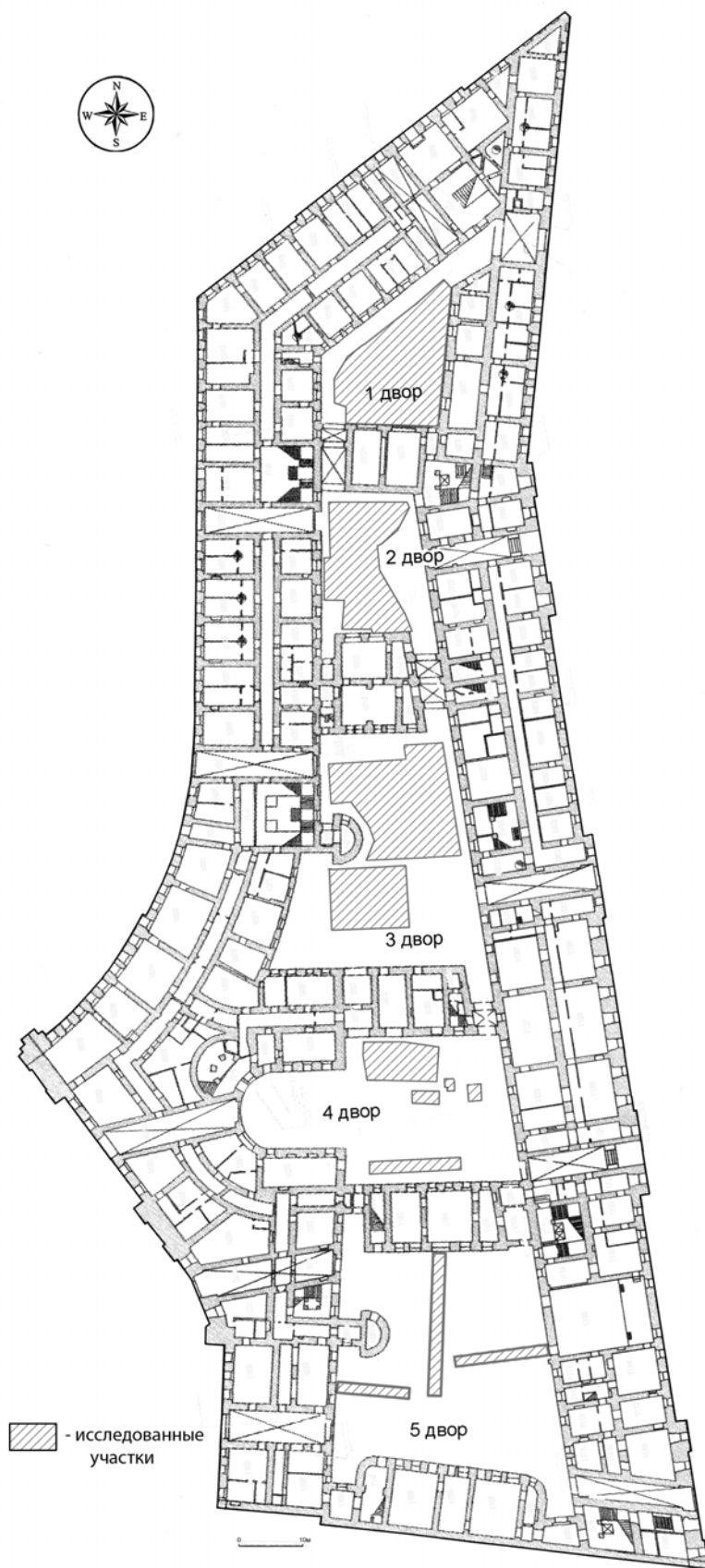

Рис. 1. Главный штаб. Восточное крыло. Общій план с исследованными участками

Рис. 2. Двор 5. Траншея 1

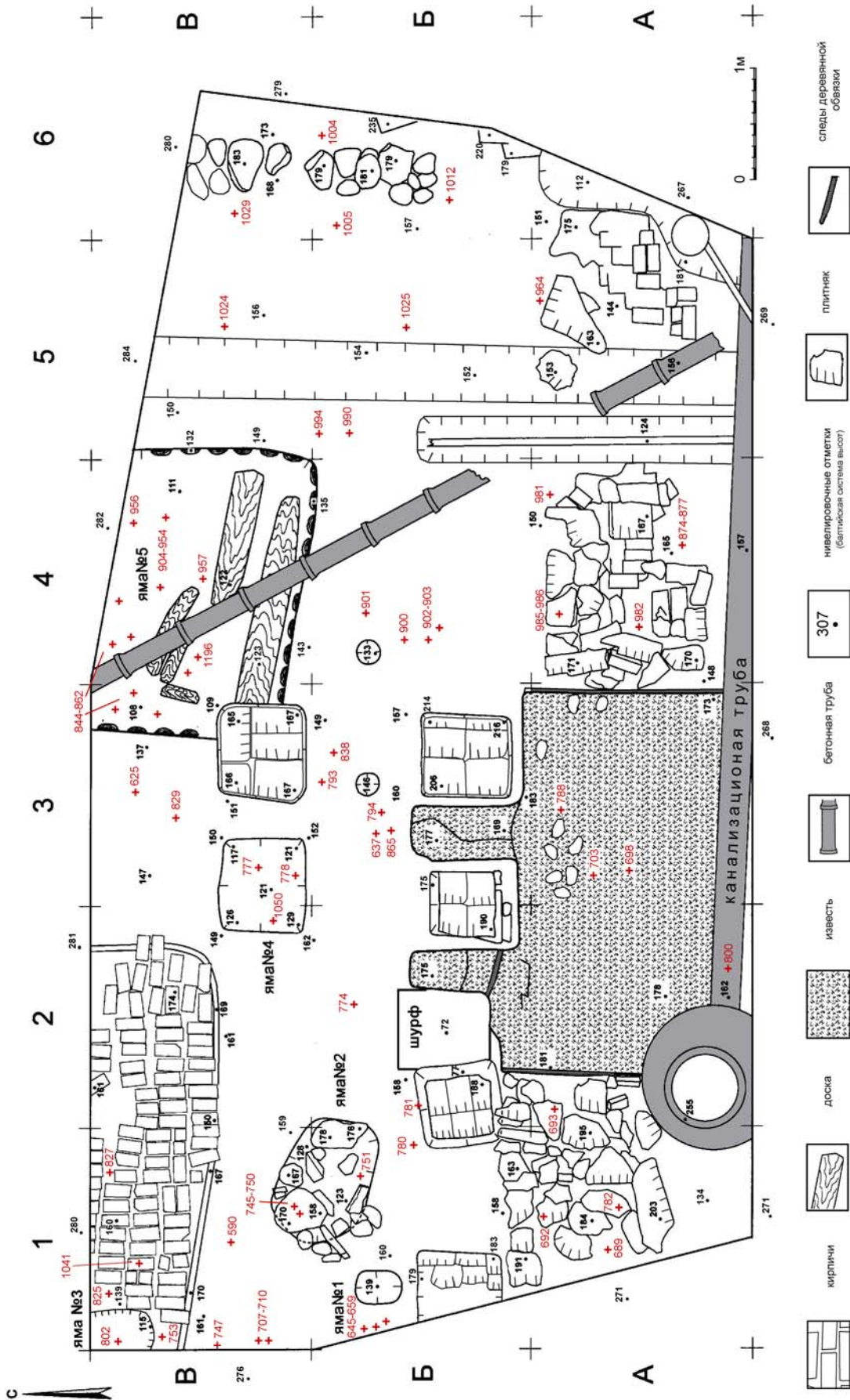

Рис. 3. Двор 4. План раскопа

Рис. 4. Двор 3. Бульжняя мостовая

плит и раствор. На территории четвертого двора в двух случаях были обнаружены вымостки из мелкого булыжника, залитые толстым (до 0,10–0,12 м) слоем извести со щебнем (рис. 3). Однако, судя по результатам исследований, большая часть застройки этого периода — деревянные срубы площадью 25–30 кв. м, рубленные из брёвен с выпуском (все три сруба рублены по-разному) (рис. 5). От них сохранились лишь подвальные части, углублённые в материк на 0,80–1,00 м (до отметок 0,40–0,70 м БС). Два таких сруба были обнаружены в восточной части двора 3 и один — в первом дворе.

Двор 3 (рис. 6)

Деревянная постройка № 1 в плане прямоугольной формы размерами 3,50 x 6,00 м, длинной стороной ориентирована в меридиональном направлении (рис. 7). Сруб подвала дома заглублен в материк на глубину 1,10 м от погребённой почвы XVIII в. Северная и восточная стена сруба не сохранились, в южной стене сруба сохранились три нижних венца на высоту 0,90 м. Сруб сооружён из круглых сосновых брёвен диаметром 0,30 м, рубленных в лапу с шипом без остатка. На южной стене сруба, на третьем венце сохранился конец продольной подпольной лаги, диаметром 0,25 м. Пол подвала сооружён

из 12 полубревен шириной 0,22–0,25 м, толщиной 0,12–0,15 м, уложенных в направлении С–Ю на глубине 2,50 м от современной поверхности (рис. 5). Вдоль длинных стен сруба, восточной и западной, полубрёвна уложены круглой стороной вверх по центру пола, пять брёвен положены плоской стороной вверх, образуя плоский, ровный участок пола, удобный для ходьбы. В центральной части пола подвала в брёвнах, положенных округлой стороной вверх, были зафиксированы два вырубленных паза под вертикальные опорные столбы, вероятно поддерживавших поперечную лагу верхнего пола деревянной постройки.

В нижних слоях заполнения сруба (придонная часть) в слое серо-коричневого песка, насыщенного органическими и древесными остатками: щепой, фрагментами бересты, скорлупой лесных орехов и т.п., были зафиксированы развалы столярных, бондарных и плотницких изделий. Среди них практически на полу подвала были найдены многочисленные фрагментированные остатки майоликовой и стеклянной посуды первой половины XVIII в. Под брёвнами пола сруба найдена железная двузубая вилка с фигурной костяной рукоятью. Под брёвнами и в щелях между брёвен пола подвала найдены многочисленные фрагменты голландских курительных трубок первой четверти XVIII в.

Рис. 5. Двор 3. Остатки деревянных конструкций на дне раскопа

Обнаруженная постройка № 1 предположительно является остатками деревянной постройки хозяйственно-бытового назначения (склад-амбар) начала XVIII в.

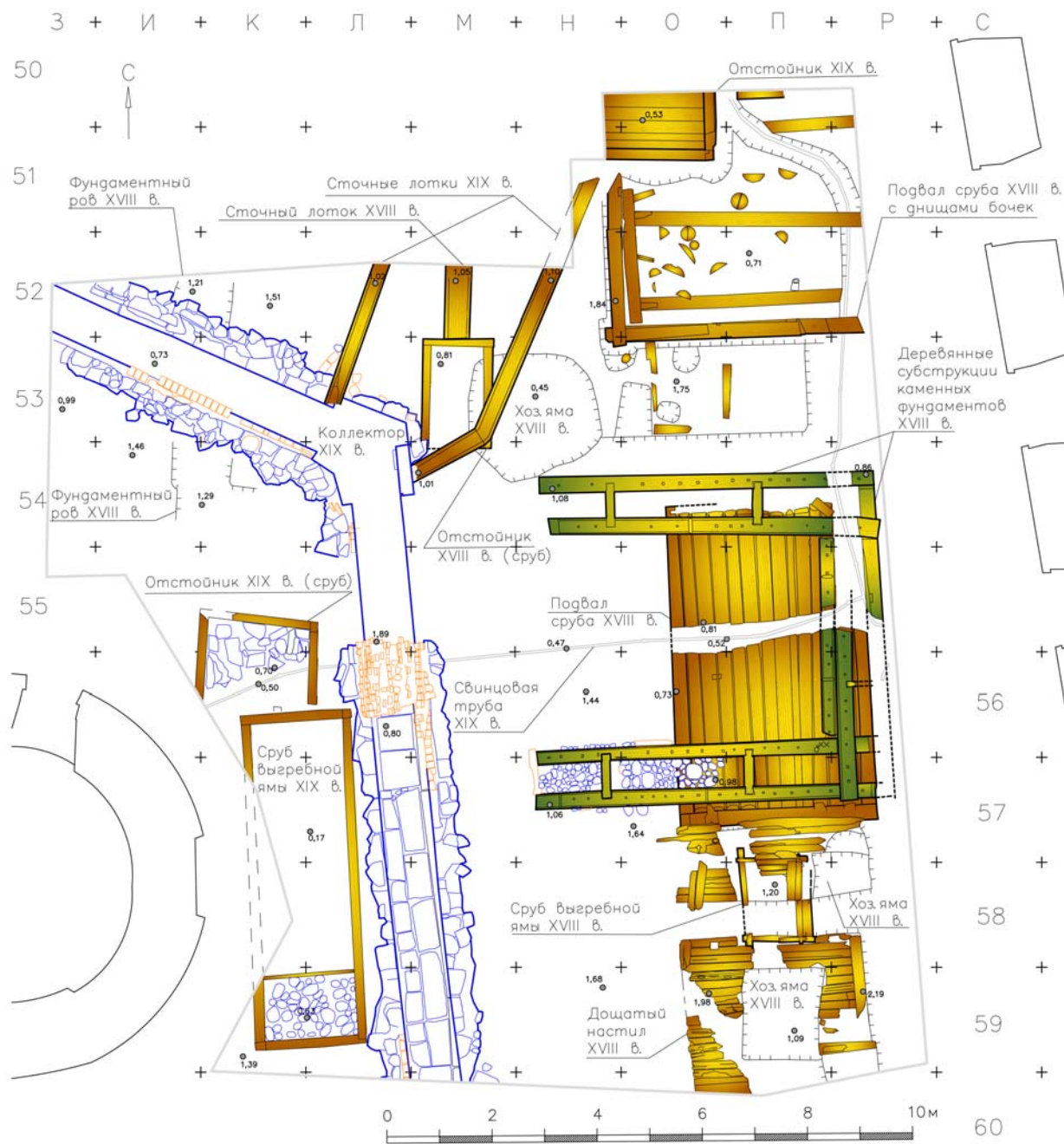
В северной части раскопа обнаружен и полностью исследован сохранившийся юго-восточный угол подвального помещения деревянного жилого дома начала XVIII в., получивший условное наименование постройка № 2 (рис. 6). Северо-восточная часть сруба была разрушена при строительстве здания восточного крыла Главного Штаба в начале XIX в. и строительными траншеями под инженерные коммуникации в начале XX в. Сруб подвала дома заглублен в материк на глубину 1,00 м от погребённой почвы XVIII в. В юго-западном углу сохранились три нижних венца на высоту 1,10 м. Сруб сооружён из круглых сосновых брёвен диаметром 0,35 м, рубленых в лапу с остатком. Размеры сохранившегося и исследованного участка по дну подвала составили 5,00 x 5,00 м.

Было произведено несколько горизонтальных зачисток по различным слоям заполнения сруба. Первый горизонт зачистки выполнен на уровне погребённой почвы XVIII в. Внутри сруба вдоль западного борта зафиксирована каменная выкладка шириной 1,20 м, сооружённая из уложенных в один ряд булыжников размерами 0,10 x 0,10 м. Слой земли тёмно-коричневого цвета насыщен органическими включениями в виде мелкой

древесной трухи, мощность слоя до 0,12 м. Под самой каменной выкладкой залегал слой земли с древесной трухой, переходивший в слой мелкой спрессованной щепы.

Ниже, были открыты крупные остатки деревянных брёвен, полубрёвен и толстых досок, образующих сплошной бессистемный завал, лежащий на бересте. Слой бересты представлял собой уложенные в три-четыре ряда резаные полотнища бересты – своеобразное гидроизоляционное перекрытие. Береста перекрывала ещё один развал досок и поленьев, находящийся в придонной части сруба, и кирпичный развал. Кирпичный развал состоял в основном из обломков разновеликого кирпича красного цвета. Несколько кирпичей сохранились практически целыми, их размеры: 0,26 x 0,115 x 0,06 м, 0,245 x 0,14 x 0,065 м, 0,29 x 0,135 x 0,065 м. На некоторых кирпичах по длинному ребру отмечены следы устоявшейся копоти. Скорей всего, это остатки развалившейся печи.

Основная масса находок была сделана в нижних слоях заполнения сруба. На материковом дне подвала дома обнаружены остатки бондарных изделий, представленных в основном одними лишь крышками и донцами (рис. 7). На одной крышке вырезано клеймо в виде щита и цифра 26. В придонной части сруба обнаружены многочисленные фрагменты глиняной, майоликовой и стеклянной посуды, обломки белоглиняных голландских

Условные обозначения

	Нивелировочные отметки		Деревянные конструкции (срубы)
	Граница раскопа		Кирпичи
	Деревянные субструкции фундаментов каменных зданий второй пол. XVIII в.		Плиты, валуны

Рис. 6. Двор 3. План раскопа

Рис. 7. Двор 3. Остатки бондарных изделий и посуды в подвале постройки № 2

курительных трубок, развалы импортных бутылок из каменной массы (рис. 8). Там же, на дне была найдена железная торговая гирия, импортная свинцовая печать, железная стамеска. По типологическим особенностям и внешнему виду найденные предметы, в основной своей массе, датируются первой половиной XVIII в. На раскопе найдены единичные медные монеты Петра I и серебряная копейка-чешуйка, что подтверждает датировку. К срубам примыкает дощатый настил, прорубленный более поздним туалетом.

Похожий сруб был обнаружен и на территории первого двора (рис. 9–10). Его размеры 5,00 x 5,20 м, впущен в материк на 1,00–1,20 м. Внутри сруба найдены остатки от трёх лаг под настил пола. В заполнении, в слое щепы найдено большое количество фрагментов деревянных изделий, в том числе деревянная ось от телеги или повозки.

На территории второго двора, где нижние слои сильно повреждены сооружениями XIX в., ранних строительных останков не обнаружено (рис. 11).

Помимо построек, на исследованной территории в материке выявлены ямы, которые по стратиграфии и материалу можно отнести к первой половине XVIII в.

Средний строительный горизонт (вторая половина XVIII в.)

После пожара 1737 г. и запрещения строить в центральной части города деревянные дома на этом участке начинается строительство каменных домов. Сооружение этих зданий требовало более мощных фундаментов с учётом слабости насыщенных водой супесчаных грунтов. Кроме того, была необходима продуманная дренажная система для отвода грунтовых и паводковых вод в р. Мойку. Было выявлено два типа фундаментов. В первом случае, в фундаментный ров, выкопанный в материке, укладывались два-три массивных, подтёсанных бревна, соединённых поперечными брусками, а пространство рва между ними засыпалось булыжником. На этой конструкции выкладывали цокольную часть из плитняка на растворе, а стены возводились из кирпича. Ширина таких фундаментов достигала 1,00–1,20 м.

Рис. 8. Двор 3. Развалы посуды на дне подвала постройки № 1

Подобный тип фундамента был обнаружен на территории двора 3, в центральной части раскопа (рис. 12). Размеры фундамента составляют 6,50 x 6,50 м. В плане фундаментная конструкция П-образной формы, разомкнута с западной стороны. Сооружена из парных массивных подтёсанных брёвен, диаметром 0,35–0,40 м, уложенных параллельно друг другу и скрепленных врубленными поперечными брёвнами на глубине 2,35 м от современной поверхности. На брёвнах со стороны подтёса имеются сквозные квадратные отверстия размерами 0,02 x 0,02 м, расположенные в один ряд по всей длине ствола с интервалом 0,50 м. На кв. П58 на конце одного из брёвен были зафиксированы два вырубленных косых креста в виде римской цифры XX. Поверх брёвен и между ними по дну траншеи были уложены гранитные валуны размерами от 0,25 до 0,50 м. На кв. П57 на деревянных конструкциях фундамента сохранился лишь небольшой участок каменной кладки высотой 0,55 м. Каменная кладка сооружена из необработанных известковых плит, размерами от 0,30 x 0,20 x 0,15 м до 0,60 x 0,40 x 0,20 м, на

известковом растворе. Большая часть каменной кладки фундамента разобрана и была использована при строительстве здания восточного крыла Главного Штаба в начале XIX в.

К югу от постройки расчищены остатки более раннего деревянного настила из плах, размерами 3,50 x 5,10 м, и остатки трёх хозяйственных ям (рис. 5). В одну из них был впущен сруб размерами 1,50 x 1,50 м, северо-восточный угол которого, рубленный в лапу, сохранился на полную высоту в пять венцов, на 0,80 м. Нижние слои заполнения тёмно-коричневого цвета с резким запахом. На дне найдены фрагменты фаянсовой посуды, стеклянная бутылка открытого выдува ручной работы, битое оконное стекло желтоватого оттенка. Судя по нижним слоям заполнения, это остатки деревянного нужника второй половины XVIII в.

Второй тип построек этого горизонта несколько отличается по характеру фундамента. На бревенчатые лаги (два-три бревна), положенные на материк, после небольшой известковой подушки

Рис. 9. Двор 1. План раскопа

Рис. 10. Двор 1. Общий вид раскопа

устанавливалась кладка из кирпича или известняковые плиты. Подобный тип фундамента встречен практически на территории всех дворов, кроме первого, а также в подвалах цокольного этажа Главного Штаба. Например, во втором дворе эти фундаменты обнаружены в западной части двора, где встречена различная посуда этого времени. В ряде случаев удалось зафиксировать кирпичные полы на уровне фундамента (рис. 13).

Изменение характера застройки, появление более зажиточных владельцев участков сказалось и на характере находок. Основную массу находок составляют фрагменты фаянсовой и фарфоровой посуды, изразцы с кобальтовой росписью, бутылочное стекло, рюмки и стопки с гравировкой. Среди глиняной посуды представлены фрагменты поливных изделий (рис. 14–16). Наряду с голландскими курительными трубками встречены и глиняные «ту-

речкие» трубки. В России они появляются в основном со второй половины XVIII в. (рис. 17–18).

Верхний строительный горизонт (начало XIX в.)

При строительстве здания Министерств частные дома были выкуплены в казну и снесены. Сохранились лишь те части фундаментов домов, которые не вошли в зону закладки нового здания. Ко времени строительства Восточного крыла здания относятся находки большого количества творильных ям для гашения извести. Все они изготавливались в виде деревянных ящиков, впущенных с уровня строительного мусора на глубину 1,20–1,50 м БС до материка или несколько выше. Большая их часть располагалась вблизи фундамента строящегося здания.

По проекту К. Росси, с 1826 г. через все дворы были проведены дренажные коллекторы. Через

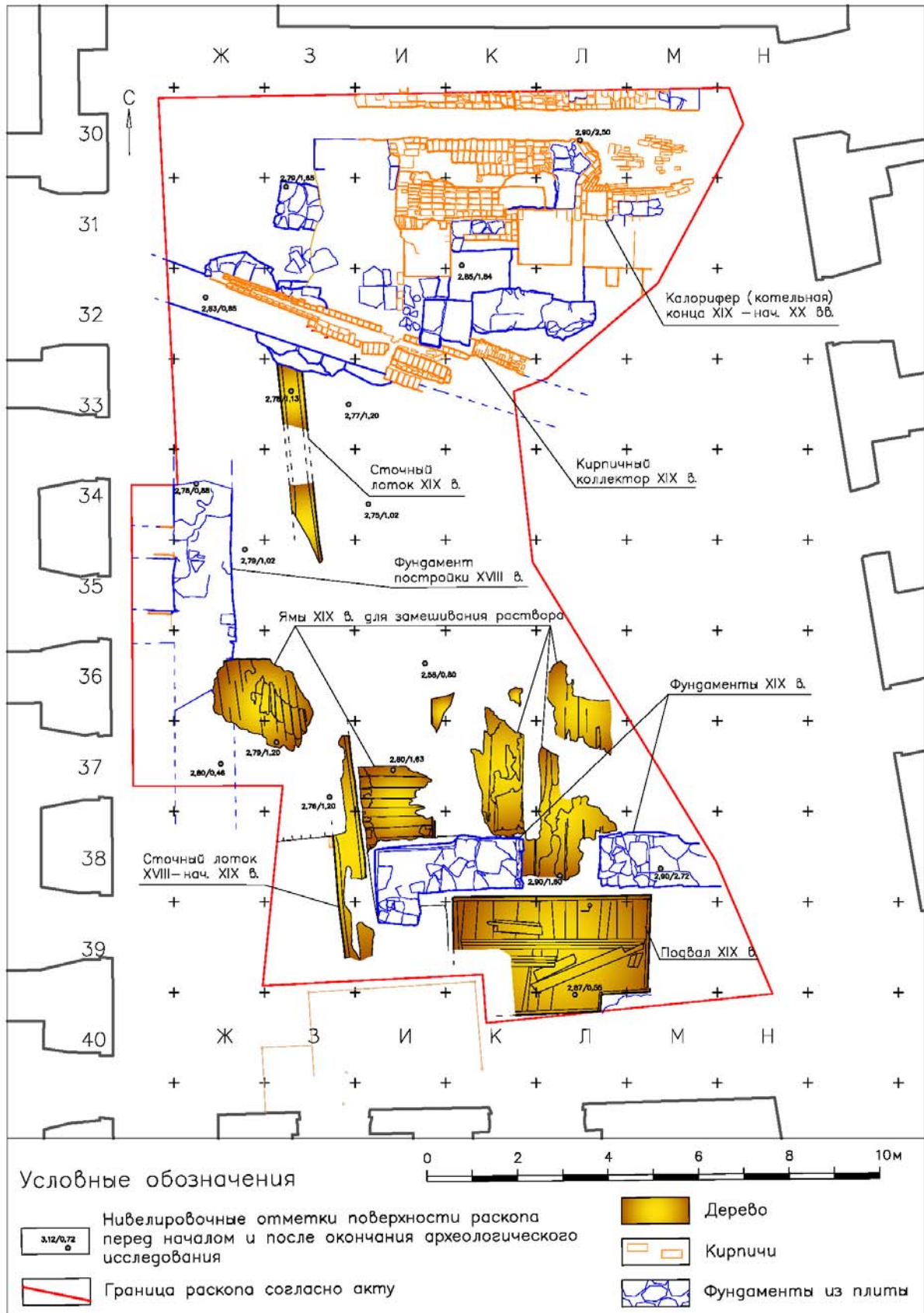

Рис. 11. Двор 2. План раскопа

Рис. 12. Двор 3. Остатки фундамента постройки второй половины XVIII в.

Рис. 13. Остатки фундамента в подвале Главного Штаба

Рис. 14. Двор 2. Глиняный таз

Рис. 17. Двор 3. Фрагменты белоглиняной курительной трубки

Рис. 15. Двор 2. Глиняная поливная кружка

Рис. 18. Двор 3. Чашка белоглиняной курительной трубки с гербом

Рис. 16. Двор 3. Клеймо на стенке бутылки

проезды они соединялись с системой коллекторов, проложенных под Дворцовой площадью, и выводили грунтовые и паводковые воды в р. Мойку. По своей конструкции, это каменные каналы сечением 1,00 x 1,20 м, перекрытые кирпичным сводом. Стены сложены из тёсаных, хорошо подогнанных известковых блоков толщиной до 0,25 м. Дно выложено плоскими тёсанными известковыми плитами (рис. 19–20).

Коллекторы были впущены в материк до глубины 0,70–0,80 м БС, так что верхняя часть свода лишь незначительно возвышалась над материком, а после строительства была перекрыта слоем подсыпки двора. В эти коллекторы были впущены деревянные дренажные короба, собиравшие

Рис. 19. Двор 3. Дренажный коллектор К. Росси

Рис. 20. Двор 1. Дренажный коллектор К. Росси

грунтовые воды внутри подвалов здания (рис. 21). Таким образом, К. Росси была разработана и осуществлена дренажная система, которая исправно функционировала вплоть до середины XX в. Не исключено, что часть деревянной дренажной системы могла относиться ещё к XVIII в.

Для поддержания санитарного состояния в каждом дворе были сооружены большие выгребные ямы, расположенные у туалетов, находившихся в выступающих внутри дворов башнях. Подобная яма размерами 6 х 2 м, впущенная в материк на 1,20–1,30 м, была расчищена на территории третьего двора (рис. 6).

Во втором дворе внутри фундамента пристройки XIX в. обнаружен погреб-ледник, вкопанный в материк на 1,10–1,20 м (рис. 11; 22).

Слой, относящийся к этому строительному периоду, в основном состоит из строительного мусора, в котором встречаются отдельные находки и фрагменты изразцов с синей росписью от ра-

зобренных печей конца XVIII – начала XIX вв. (рис. 23). После строительства здания площадь дворов была замощена булыжником на уровне 2,30–2,50 м БС. Во время наблюдений за земляными работами в цокольном этаже в ряде подвальных помещений выявлен кирпичный пол первой четверти XIX в., вымощенный торцевым кирпичом (рис. 24–25).

В засыпке подвалов встречены различные находки XVIII–XIX вв. (рис. 26–27). В одном из помещений на уровне пола конца XIX в. найден склад (около 160 ед.) литографических камней второй половины XIX – начала XX в., принадлежавших литографии Министерства иностранных дел России. (Кильдюшевский, Стеганцева, 2011. С. 223–242).

На территории дворов 1–5 выявлены части культурного слоя XVIII в., в котором обнаружены остатки деревянных срубов первой половины XVIII в., хозяйственные ямы и система дренажных лотков и колодцев того же периода. Во всех дворах,

Рис. 21. Двор 5. Траншея 1. Деревянный дренажный короб

Рис. 22. Двор 2. Дно погребя-ледника

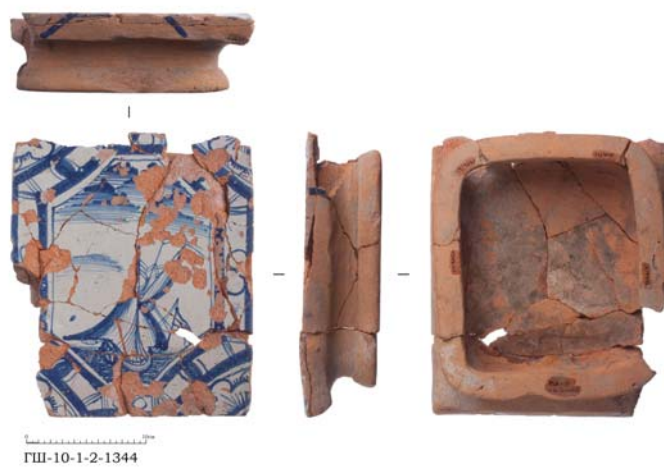

Рис. 23. Двор 1. Расписной изразец

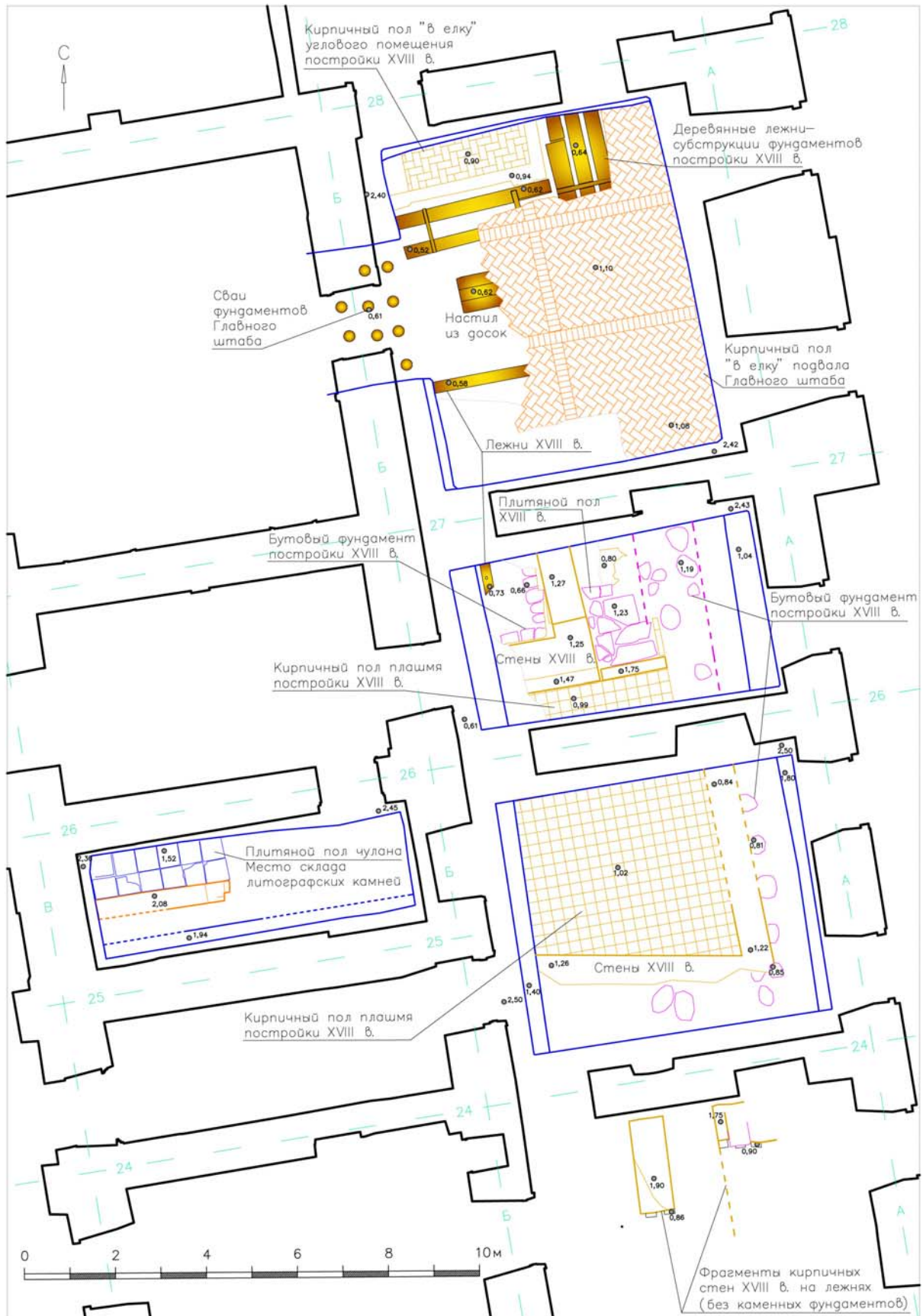

Рис. 24. План подвалов цокольного этажа с выявленными кирпичными полами

Рис. 25. Остатки кирпичного пола в подвале

Рис. 26. Глиняный горшок из засыпки подвала

Рис. 27. Стекло́нная бутылка из засыпки подвала

кроме первого, открыты фрагменты каменных фундаментов XVIII в. Скорее всего, они относятся к середине–второй половине XVIII в. Судя по историческим сведениям, на территории дворов в 1740 г. находились дома адмирала Сенявина, Московских компанейщиков, камергера Скворцова, лакировочного мастера Бронкоста и других, которые в дальнейшем поменяли своих хозяев. Фундаменты некоторых из этих домов и были обнаружены во время раскопок, в основном, фундаменты дома надворного советника Маркелова.

При строительстве здания Главного Штаба в первой четверти XIX в. все эти дома были разобраны до уровня дневной поверхности того времени. В ряде случаев сохранились нижние ряды кирпичной кладки и булыжные фундаменты, как правило, лежавшие на бревенчатых лагах. Строительный мусор, оставшийся от разобранных построек, был использован для подъёма уровня дворов и засыпки подвальных помещений. Ко времени строительства зданий Главного Штаба относится большое количество известковых творильных ям, облицованных досками. Они обнаружены во всех дворах, часто впущены в материк. Размеры ям варьировали в пределах 3,50–2,00 х 2,00–1,50 м, что зависело от объёма необходимого для работы раствора.

К 1826 г. были закончены работы по сооружению кирпичных дренажных коллекторов. Они были подсоединены к системе коллекторов, проходящих под Дворцовой площадью и выводивших грунтовые воды в р. Мойку. Остатки этих коллекторов были обнаружены во всех дворах, а также в проездах на набережную р. Мойки. Отметим, что часть этих коллекторов, вероятно, была сооружена ещё до строительства Главного Штаба. Позже к коллекторам К. Росси была подсоединена целая система деревянных дренажных лотков и колодцев, впущенных в кирпичные коллекторы, которые и были обнаружены во дворах.

К третьему этапу (конец XIX – XX вв.) относится большое количество различных перекопов под коммуникации и постройки.

Во время раскопок собрана большая (свыше 6000 ед.) коллекция находок XVIII–XIX вв., характеризующая быт и занятие населения Петербурга этого времени. Значительную часть находок XVIII в. составляет керамика, фаянс, фарфор, голландские курительные трубки, деревянные изделия. Они после реставрации, несомненно, займут достойное место в экспозиции Государственного Эрмитажа. В ходе раскопок построек взято более 20 спилов брёвен, пригодных для дендрохронологического анализа.

В результате раскопок на территории дворов Главного Штаба обнаружены остатки застройки этого участка в XVIII – начале XIX вв., что даёт возможность уточнить планировку этой части Петербурга, начиная с первой четверти XVIII в. Археологические исследования позволили выявить целый ряд деталей и сооружений К. Росси, оказавшихся под землёй в результате многочисленных ремонтов и перепланировок в XIX–XX вв.

Источники и литература

Кильдюшевский В. И., Стеганцева В. Я., 2011. Литографические камни из раскопок во дворах Генерального Штаба // Записки ИИМК РАН. СПб. № 6.

Исследование территории шведского города Ниена

А. А. Аветиков, С. Л. Соловьёв

В настоящей статье в изложены предварительные результаты охранных научно-исследовательских археологических работ, произведённых ГОА ИИМК РАН на территории жилого квартала в границах пересечения Среднеохтинского пр., ул. Якорной и пр. Металлистов, расположенного по адресу: г. Санкт-Петербург, квартал 13/14, корпус 8Б (Среднеохтинский пр. – пр. Металлистов), проведённых с 15 апреля по 30 сентября 2011 г. (рис.1) в ходе прокладки газопровода низкого и среднего давления.

В период Смутного времени и во время русско-шведской войны 1611 г., по приказу шведского короля Карла IX, на мысу при слиянии реки Охты (швед. Свартбэкен – «Черная речка») с Невой была основана крепость Ниеншанц. Постепенно рядом крепостью, через Охту, появляется городок Ниен. Вследствие политики пожалования земель шведскому и немецкому дворянству, а также финскому крестьянству, население Ниена, в основном, представлено было этими группами, по большей части – немцами, но было и русское население. В 1632 г. король Швеции Густав II Адольф подписал привилегии на основание города Ниена и дал разрешение иностранцам, торгующим с Россией, посещать города Нарву и Ниен. В течение последующих десяти лет королева Кристина, дочь Густава II Адольфа, даровала Ниену полные городские права Шведского королевства. В 1633–1634 гг. был разработан проект укрепления города, а в 1638 г. шведский Государственный совет принял постановление о планировке Ниена. Наиболее подробный из ранних планов-проектов Ниена был выполнен в 1644 г. Георгом Швенгелем. Застройка в городе была усадебная, улицы в его центральной части проходили вдоль берегов Охты и Чернавки. В 1656 г. город был взят русскими войсками и сожжён. В сентябре этого же года шведы вернули себе Ниен и приступили к его перестройке по радиальному плану. Улицы, как и участки в глубине кварталов, предполагалось застраивать однотипными домами. В 1681 г. в большом пожаре сгорела немецкая церковь, почти три четверти всех строений. На плане города 1698 г., составленном капитаном Якобом Мейером, к северу от Охты кварталы в виде квадратов, в

юго-восточной части переходящие в сельскохозяйственные угодья. Вдоль Невы, к северу, располагался собственно город с предместьями. Город был окружён сильно обветшавшей стеной. В центре Ниена располагалась ратуша, шведская и немецкая церкви, школа, порт и торговая площадь. На окраине города находились земледельческие угодья и ветряные мельницы. В октябре 1702 г., шведское командование, при приближении русских войск, эвакуировало население, сам же неукреплённый город был очередной раз сожжён и уже не восстанавливался.

После основания Санкт-Петербурга территория, где ранее находились Ниен и Ниеншанц, пустовала. По описанию ганноверского посланника Вебера, к 1714 г. от Ниеншанца уже не осталось ни единого камня, а развалины этого города послужили материалом для постройки новой столицы.

В XVIII в. на правом берегу Охты разместились пильные мельницы, канатный завод, амбар для судового такелажа, казармы для мастеровых людей: пильщиков, плотников, канатчиков и матросов (рис. 2). Поселение это получило наименование Матросская слобода. Вплоть до середины XX в. Охта представляла собой пригород, застроенным небольшими по преимуществу деревянными домами. Сегодняшний вид застройки Охты стал складываться в 1940–1950-е гг., когда здесь развернулось строительство новых типовых малоэтажных домов. Первоначально были реконструированы и озеленены кварталы, примыкавшие к Большоохтинскому и Среднеохтинскому проспектам. В 1960–1962 гг. была создана Красногвардейская площадь, в 1968–1970 гг. сложился современный архитектурный вид Свердловской набережной.

На территории, примыкающей к устью Охты, первые археологические исследования были проведены в 1992–1993 гг. Санкт-Петербургской археологической экспедицией НП «СЗНИИ Наследие» и ИИМК РАН. В 1999–2000 гг. на правом берегу Охты были обнаружены фундамент немецкого храма и прилегающее к нему кладбище. В 2007 г. силами ИИМК РАН и СЗИ «Наследие» были произведены раскопки на Конторской улице и был

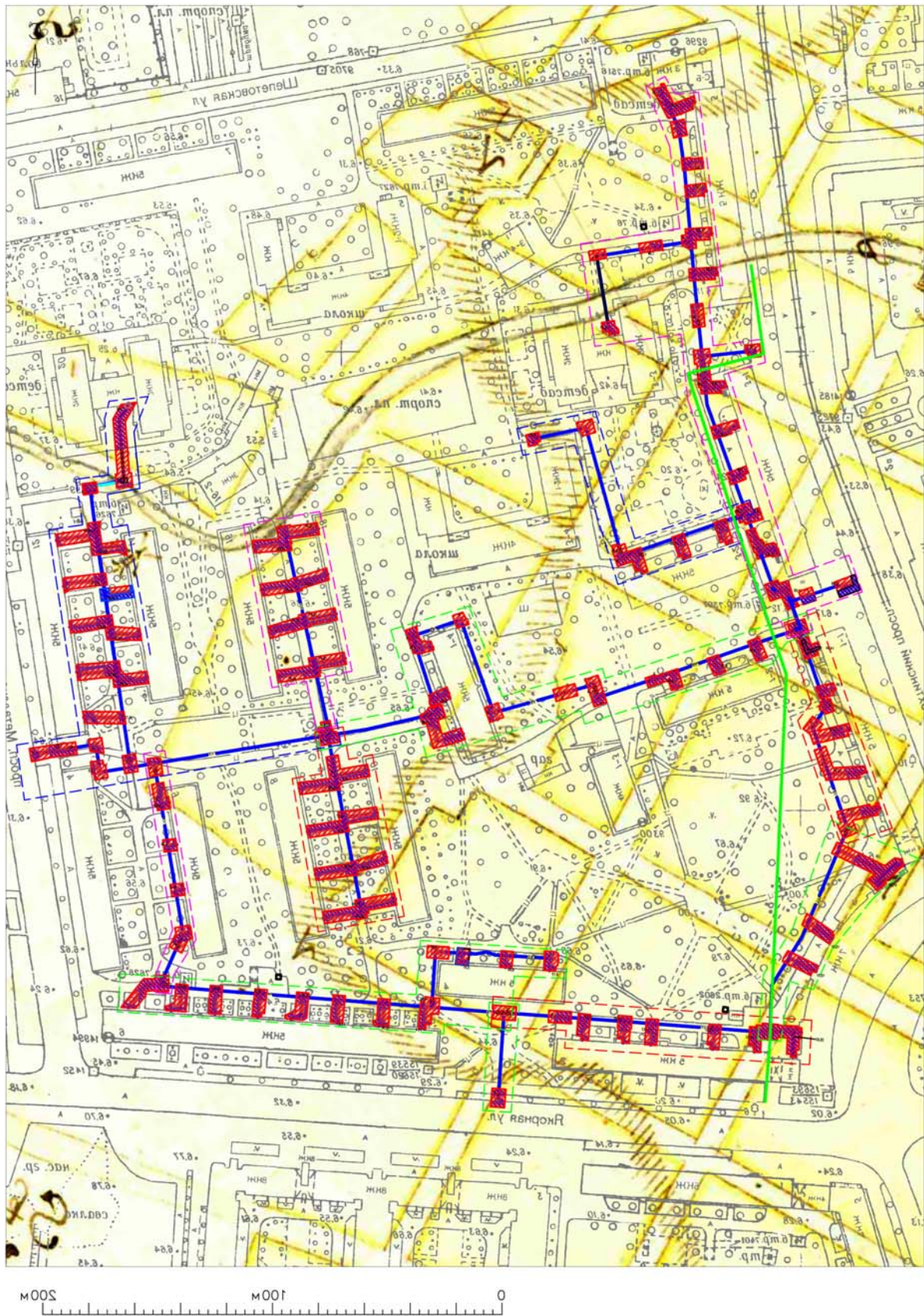

Рис. 1. Совмещение плана современной застройки с проектным планом 1698 г. юго-восточной части г. Ниена и план-схемой трассы нового газопровода

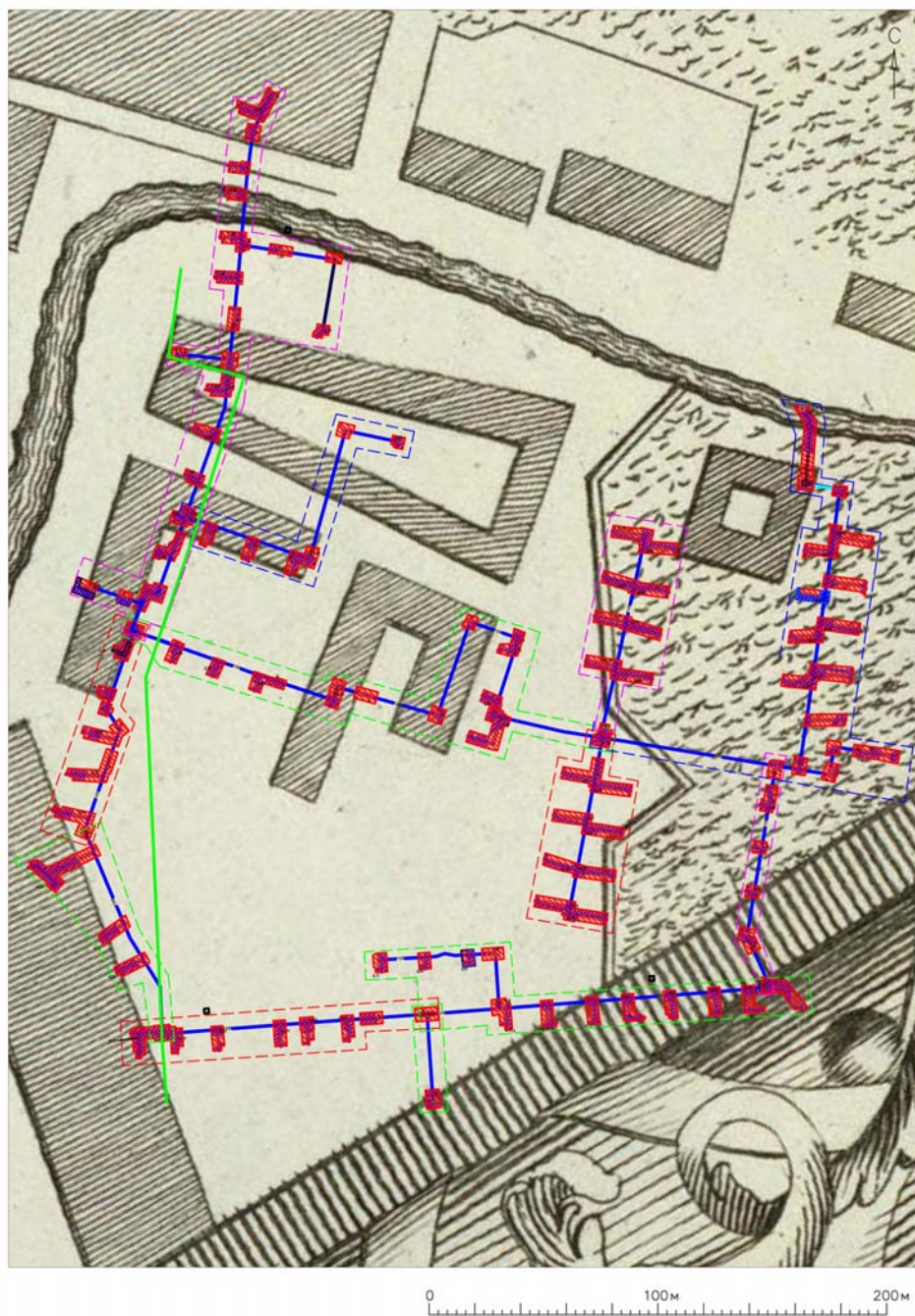

Рис. 2. План Трускотта 1753 г., совмещенный с план-схемой нового газопровода

выявлен участок интенсивной срубной и каменной застройки периода Ниена XVII в. и последующих конструкций XVIII–XX вв. (Сорокин, 2009; Сорокин и др., 2009). Предполагалось, что ныне (май–сентябрь 2011 г.) исследуемая территория совпадает с центральной частью города Ниена, расположенного по правому берегу р. Охты.

Трасса прокладки коммуникаций и места проведения земляных работ определялись заранее спроектированной план-схемой Заказчика (ЗАО «Технополис») (рис. 1). Прокладка магистральных труб производилась путём горизонтального бурения. Суть земляных работ заключалась в выкапывании небольших котлованов (до 2 x 3 м) для введения бура и протаскивания под землёй основной трубы, а также траншей различного назначения, в основном, для подводки труб к домам от магистральных газопроводов (до 10 м длиной и 0,70 м шириной). В среднем глубина котлованов составляла 2,00–2,20 м, траншей – 1,50 м.

Для удобства ориентирования на большой территории квартала и лучшего восприятия картины характеристик объектов – уровней залегания слоёв, взаиморасположения выявленных комплексов, все котлованы и траншеи были сгруппированы в 15 участков – 3 (№ 5, 7, 15) в зоне археологических раскопок (подзона ЗА1) и 12 в охранной зоне (подзона ЗА2), где земляные работы производились под надзором археологов (рис. 3). Нумерация объектов следует хронологической последовательности работ. Обозначаются объекты как К-№ и Т-№. Заказчика. Площадь и глубина их обуславливались технологическими нуждами Заказчика. Всего было исследовано 149 объектов или шурфов – 60 котлованов и 89 траншей. В подзоне ЗА1 раскопками было исследовано всего 35 объектов общей площадью 346,79 кв. м (16 котлованов и 19 траншей). В подзоне ЗА2 подверглось наблюдению и фиксации 114 объектов, площадью 974,10 кв. м (соответственно 44 котлована и 70 траншей).

В надзорной части исследуемой территории грунт выбирался экскаватором и лопатами работниками Заказчика. Борта зачищались сотрудниками ГОА ИИМК, общий вид и стратиграфия фиксировалась фотосъемкой, уровни слоёв замерялись тахеометром относительно Балтийской системы высот (далее БС). Грунт просматривался, выбирались находки и паспортизировались. В части территории, исследуемой раскопками, экскаватором снимался верхний слой асфальта или дёрна, а также слои со строительным мусором XX в. до слоя, определяемого нами как культурный слой XVIII–XIX вв. Дальнейшие раскопки производились лопатами

и мастерками. Чертежи бортов и горизонтов делались в масштабе 1:20.

Характер напластования слоёв на всей территории квартала практически единообразен, за исключением колебания в определённых рамках уровня залегания и мощности слоёв, а также степени их сохранности. Часть объектов была впущена с асфальтового покрытия внутривортовых проездов, часть – с дёрна газонов.

Если мы рассмотрим систему слоёв в местах, незатронутых строительной и хозяйственной деятельностью советского периода, картина будет следующей (рис. 4–5). Асфальт порой уложен в три слоя, до 0,15 м толщиной. Его подстилают подсыпки из гравия, жёлтого песка, серого мешаного суглинка со строительным и бытовым мусором времени застройки квартала (середина XX в.). Общая мощность этих слоёв достигает 0,40–0,60 м. Почти то же фиксируется на объектах, впущенных с газонов: вместо асфальта – дёрн толщиной 0,10–0,15 м, а подсыпка – из мешаного серого суглинка со строительным мусором, но несколько меньшей толщины – до 0,50 м. Ниже залегает тёмно-серый, во многих местах просто чёрный гумусированный суглинок, достаточно плотный, на ощупь несколько жирноватый. Мы определяем этот слой как культурный XVIII–XIX вв. Верхняя граница всегда чёткая, без проникновения грунта верхнего слоя. Фиксированный верхний уровень находится на высоте 5,60–5,80 м БС. Толщина слоя колеблется от 0,25 до 0,50 м. В нем встречаются в небольшом количестве и, что примечательно, незначительные по размерам (около 3 x 3 см) артефакты – фрагменты красноглиняной и белоглиняной керамики как с поливой коричневого и зелёного цвета, так и без неё, обломки плоского оконного стекла, размерами до 0,01 м и толщиной 2–3 мм, редкие обломки белой фаянсовой посуды, кусочки крошеного кирпича и угля. Под этим слоем прослеживается, однако, не повсюду, светло-коричневый суглинок с супесью с серым оттенком, толщиной 0,02–0,10 м, определяемый нами как погребённая почва. Она плавно переходит в материк – пачку переслаивания различных мелкофракционных видов супеси от светло-коричневого до красного оттенков (отметки 5,60–4,90 м БС). Ниже залегает материковая супесь, однородная, светло-серая, порой синеватая. В некоторых местах на отметках 4,50–4,00 м БС прослеживается ожелезнение в виде сплошной или пятнистой рыжевато-красной окраски.

В большинстве исследованных объектах вышеописанная стратиграфия нарушена строительной и хозяйственной деятельностью XX в. – котлованами

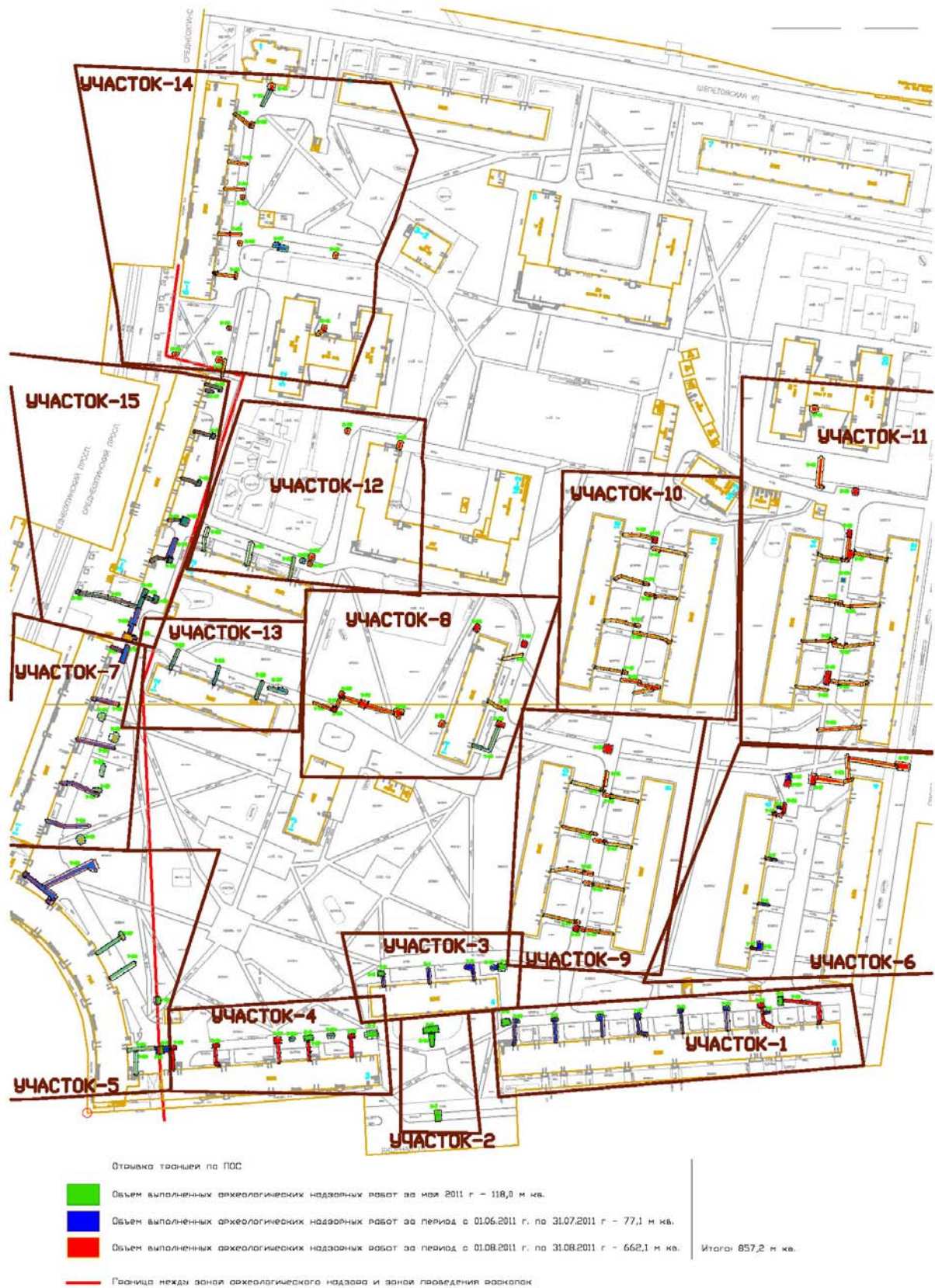

Рис. 3. Разбивка территории по участкам

Рис. 4. К-5. Южный борт

Рис. 5. К-20. Юго-западный угол

под фундаменты зданий и многочисленными траншеями инженерных коммуникаций. Более того, нынешние котлованы и траншеи закладывались в непосредственной близости от зданий, где строительной деятельностью затронута почти вся территория. Тем не менее, в нескольких шурфах удалось зафиксировать объекты, представляющие интерес для археологического исследования.

Участок 7

К-14 (рис. 6). В юго-западном углу обнаружено сооружение в виде трёх рядов постелистой кладки, сложенной из рваных грубо обработанных плоских известняковых камней подпрямоугольной формы, размерами 0,50 x 0,40 x 0,15 м. Она лежит на материке на уровне 5,07 м БС, сохранилась на высоту 0,45 м. Размеры выявленной части конструкции – 1,00 x 1,20 м. Ориентировка длиной стороны – ЮЗ–СВ. Частично перекрыта тёмно-серым гумусированным суглинком.

К-15 (рис. 7). Выявлена частично разрушенная стена, сложенная из плоского известняка подпрямоугольной формы разных размеров на известковом растворе. Верхний уровень залегания кладки находится на высоте 5,90–5,95 м БС, нижний – 4,95 м БС. Точно установить количество горизонтальных рядов не удалось из-за их прерывистости и наличия камней различной толщины. Кладка двухслойная, шириной 0,65 м, длиной 2,60 м. Ориентирована по линии З–В.

Фрагментированные каменные кладки или завалы известняковых камней открыты в Т-80 (рис. 8) и Т-84 (рис. 9). В Т-82 выявлено сразу два объекта: в 10,50 м от стены здания на восток обнаружена кирпичная кладка арки на известковом растворе, шириной 0,40 м 0,70 м. Кирпичи грубой формовки, без клеймения, размерами 0,27 x 0,175 x 0,07 м. На некоторых кирпичах прослеживаются следы приставшей смолы в виде растянутых капель (рис. 10). Арка открыта на ширину траншеи, на 0,70 м. Направление Ю–С. Пространство под аркой заложено до уровня материка плоскими рваными камнями, скрепленными рыхлым известково-глинистым раствором. Расстояние от свода арки до материка 0,65 м. В 4,50 м от арки на восток открыта кладка из камней известняка, практически необработанных, различной формы (рис. 11). Кладка иррегулярная, на глинистом растворе, шириной 0,45 м. Расположена, как и кирпичная арка, поперёк траншеи, с Ю на С. Подстиляет её лежащее поперёк кладки бревно, впущенное в материк и не выходящее по длине за ширину кладки. К В от кладки видны фрагменты нижних частей свай из круглых брёвен, стоящих вертикально, вкопанных в тёмно-серый

гумусный суглинок и материк. Насколько связаны между собой эти два комплекса судить трудно.

Участок 12

В Т-79 (рис. 12) на расстоянии 7,20 м от стены здания на глубине 1,60 м (4,80 м БС) выявлена дренажная система, сложенная из грубо обработанных каменных плит размерами 0,60 x 0,50 x 0,15 м, ориентированная по линии З–В. Плитами были выложены верх и дно системы, расстояние между верхними и нижними плитами 0,30 м. Более тщательному обследованию объекта препятствовала текущая вода, которую едва успевали откачивать.

В восточном борту Т-85 (рис. 13) на расстоянии 3,00 м от стены здания обнаружена каменная кладка из грубо обработанных плит толщиной 0,10–0,15 м. Её точные размеры не установлены, поскольку конструкция уходит в борт. Сохранилось пять рядов постелистой кладка на известково-глинистом растворе, на высоту 0,70 м, её основание находится на отметках 4,90 – 4,95 м БС. По выявленному фрагменту можно только предположить, что это либо угол сооружения, уходящего на В, стены которого ориентированы по сторонам света, либо торец стены, идущей на В.

Участок 14

В котловане К-36 (рис. 14) на глубине 1,00 м от асфальта (5,15 м БС) выявлена постелистая кирпичная кладка на известковом растворе, ориентированная по линии З–В, расположенная поперёк котлована. Ширина стены 0,58 м, прослеживается на длину 1,30 м. Кирпичи размерами 0,27 x 0,12 x 0,07 м, некоторые с клеймом «КОНОНОВЪ». Севернее стены завал целых и битых кирпичей.

В котловане К-48 (рис. 15), впущенном с газона, на глубине 1,65 м от современной дневной поверхности обнаружен колодец – сруб, сложенный из брёвен, соединённых по углам в «чашку». Размеры сруба 1,00 x 0,95 м. Диаметр брусев 0,18–0,20 м. Часть брёвен подтёсана под прямоугольное сечение. Ориентировка сторон колодца – ЮЗ–СВ. Удалось открыть три венца колодца до уровня 4,35 м БС. Сооружение уходит глубже.

Участок 15

В шурфах К-38, Т-33, Т-74 (рис. 16) на небольших глубинах в культурном слое тёмно-серого суглинка выявлены маловыразительные остатки деревянных конструкций – пара досок, возможно от настила, одиночные фрагменты брёвен.

В К-54 (рис. 17) на глубине 1,90 м от асфальта (4,42 м БС) был обнаружен угол деревянной кон-

Рис. 6. К-14. Каменная кладка

Рис. 7. К-15. Каменная стена. Вид с В

Рис. 8. Т-80. Скопление камней. Вид с Ю

Рис. 9. Т-84. Скопление камней

Рис. 10. Т-82. Арка из кирпича

Рис. 12. Т-79. Западный борт. Дренажная система

Рис. 11. Т-82. Каменная кладка со сваями

Рис. 13. Т-85. Восточный борт. Кирпичная кладка

Рис. 14. К-36. Кирпичная кладка. Вид с 3

Рис. 15. К-48. Колодец

Рис. 16. К-38. Доски настила в культурном слое. Вид с 3

Рис. 17. К-54. Угол погребя XIX в. Вид с В

струкции – сруб из полубрёвен (сохранилось три венца) с деревянным настилом из досок в основании (4,02 м БС). Ориентированы стены – ЮЗ–СВ. Можно предположить, что это фрагмент погребя XIX в., впущенного глубоко в материк. В доступной части заполнения погребя найдены лишь фрагменты кирпичей грубой формовки.

Большая часть находок происходит из слоя перемешанного суглинка со строительным мусором,

подстилающим асфальт или дёрн. К ним относятся фрагменты красноглиняных и белоглиняных кувшинов с резко отогнутым венчиком, с зелёной, жёлтой и коричневой поливой на внутренней стороне. В заполнении мусорной ямы в К-13 обнаружено десяток фрагментов красноглиняных рельефных печных изразцов с зелёной поливой XIX в, фрагмент корродированной лопаты, конёк с закруглённым носом, железный ухват для горшков, несколько фрагментов «голландских» курительных трубок. В К-54, в слоя строительного мусора, найдено нескольких единиц обуви – две непарные подростковые девичьи туфельки, пара женских туфелек и два непарных мужских ботинка, предположительно фасона первой половины XX в.

Культурный слой тёмно-серого и чёрного суглинка крайне беден на находки. Создается впечатление, что они попали туда в процессе сельскохозяйственных работ (вскапывании земли и пр.). Вполне возможно, что крупные фрагменты целенаправленно выбирались из почвы при её обработке.

Отметим, что концентрация найденных комплексов увеличивается в северо-западной части исследованного участка. В южной и восточной частях практически ничего не обнаружено, прослеживается только культурный слой тёмно-коричневого и чёрного суглинка, ничем не отличающийся от слоя в северо-западной части. Это можно было бы объяснить небольшими размерами шурфов, малой глубиной большинства траншей, но такая же ситуация наблюдалась на территории, прилегающей к Среднеохтинскому проспекту, где были обнаружены строительные комплексы. Более вероятно, что восточные и южные части данного участка не были освоены под застройку ни шведами в XVII в., ни в более поздние времена населением Охтинских слобод. Территория могла использоваться под огороды или другие сельхозугодия, о чем свидетельствует насыщенный гумусный слой, возможно культивированный. Центральная часть Ниена, как и слобод, тяготела ближе к устью Охты на её правом берегу.

Источники и литература

- Сорокин П. Е., 2009. Археологические исследования на территории Санкт-Петербурга // Археологическое наследие Санкт-Петербурга. СПб. Вып. 3.
- Сорокин П. Е., Берташ А. В., Андреева О. В., Бельский С. В., Михайлова Е. Р, Семенов С. А., Соболев В. Ю., 2009. Историко-археологическое изучение утраченных храмов Петербурга // Археологическое наследие Санкт-Петербурга. СПб. Вып. 3.

Предварительные результаты археологического исследования участков, расположенных по адресам: СПб., Невский пр., д. 68 и ул. Стремянная, д. 15

А. Ю. Городилов, А. О. Поликарпова

Статья посвящена предварительному описанию археологических работ, произведенных ГОА ИИМК РАН зимой–весной 2011 г. по адресам: ул. Стремянная, д. 15 и Невский пр. д. 68 (рис. 1). На первый взгляд, между этими участками мало общего: один находится в глубине Московской части, здесь на протяжении всей ранней истории Петербурга жили служивые люди, мастеровые и пр., второй, выходящий на «Невскую перспективу», расположен рядом с Итальянским садом и Дворцом Шереметьева и должен представлять собой образец «парадной» застройки. Однако, как показали проведённые на участках археологические раскопки, это не совсем так.

До основания Санкт-Петербурга и в первые годы существования города местность, где расположены участки, сохраняла свой первозданный вид – здесь были болотистые леса, смесь низкорослых хвойных и лиственных деревьев (Очерки истории Ленинграда, 1955. С. 123), среди которых были расположены редкие шведские хутора и погосты. После основания города административным и культурным центром изначально был Петроградский остров, в то время как интересующей нас территории отводилась роль окраины и места размещения «загородных дворов бояр». Одним из первых объектов, который связал данную территорию с центральной частью Петербурга, стал Невский проспект (или Перспективная дорога к Невскому монастырю, как его тогда называли). К строительству проспекта приступили в 1710-х гг. Указ об этом не сохранился, но А. И. Богданов сообщает в своём описании Санкт-Петербурга, что строительство началось в 1713 г. (Богданов, 1753. С. 218). В петровское время Невский рассматривался не как улица, а как дорога, проходящая за городом, то есть, территория за Фонтанкой считалась предместьем (Луппов, 1957. С. 118). Тем не менее, судя по свидетельствам современников, трасса была весьма благоустроенной. От Адмиралтейства до будущей Знаменской площади её окопали осушительными каналами и вымостили булыжником (Сомина, 1959. С. 9). На самой Невской Перспективе были в 1721 г. посажены берёзы в четыре ряда, а в 1723 г. установлены первый фонари, у которых затем устроили скамьи для отдыха (Сомина, 1959. С. 16).

В 1715 г. на пересечении с рекой Фонтанкой (до 1714 г. носившей название Безымянный Ерик) был устроен деревянный мост, названный Аничковым по фамилии подполковника М. О. Аничкова, руководившего постройкой моста силами вверенного ему Адмиралтейского работного батальона, чьи дома располагались по правой стороне Большой Перспективы за Фонтанкой, в так называемой Аничковой слободе (Чеснокова, 1985. С. 11).

Несмотря на то, что территория за Фонтанкой считалась предместьем Петербурга, активное строительство велось и здесь. В первую очередь следует отметить строительство Литейного двора и всей связанной с ним инфраструктуры. Начало Литейному двору было положено осенью 1711 г., когда на купленном у стольника П. И. Бутурлина участке построили первый Литейный амбар (Исаченко, Питанин, 1989. С. 8). В 1714 г. возле Литейного двора основали Пушечный двор, рядом образовались Литейная и Пушкарская слободы. Однако территория Литейного двора достаточно удалена от интересующего нас участка, хотя и оказала определённое влияние на развитие этой части города.

Одновременно с прокладкой Большой перспективной дороги по берегам Фонтанки началось строительство первых загородных дворов. Так, генерал-фельдмаршал граф Б. П. Шереметев получил данную на дворовое место под загородное строение на берегу Фонтанки 27 июля 1712 г. (Станюкович, 1923. С. 16). В 1715 г. на этом участке был построен двухэтажный мазанковый дом с высокой кровлей, названный фельдмаршалским. Вокруг дома был разбит сад (Белов, 2001. С. 530). По соседству в 1711 г. получила земельный надел Екатерина Алексеевна. Для неё был выстроен деревянный Итальянский дворец (Микишагъев, 2008. С. 248), начало строительства которого относится к 1712 г. Одновременно с постройкой дворца осуществлялось создание парка.

На плане 1716 г., опубликованном в издании 2007 г. книги Г. фон Реймерса «Санкт-Петербург в конце своего первого столетия», вдоль Фонтанки и в том числе на пересечении с Невским обозначены

Рис. 1. Расположение участков работ на плане части г. Санкт-Петербурга

строения, названные в экспликаци «дома бояр на Фонтанке» (Г. фон Реймерс, 2007. С. 96–97) (рис. 2). На плане Трускотта, изданном в 1753 г., на углу Фонтанки и Невского обозначены некие строения, которые, однако, невозможно соотнести с рисунком М. И. Махаева этой же территории. На рисунке (вид Невского проспекта с Аничковским дворцом) в правом нижнем углу изображён интересный нас участок. Хорошо прорисована часть двухэтажного типового дома с черепичной крышей и свободное пространство перед ним со стороны Невского. Где

кроется неточность – на плане или на рисунке – установить не представляется возможным. На «Части Генерального плана С.-Петербурга, или Чертеже о действительном положении Литейной и Рождественской частей в царствование Государя Императора Павла I, составленном на основании атласа города С.-Петербурга, сочинённого Свиты Его Императорского Величества по квартирмейстерской части Штаб и Обер офицерами под смотрением Генерал-квартирмейстера Барона Аракчеева» 1796 г. на угловом участке чётко выделено каменное зда-

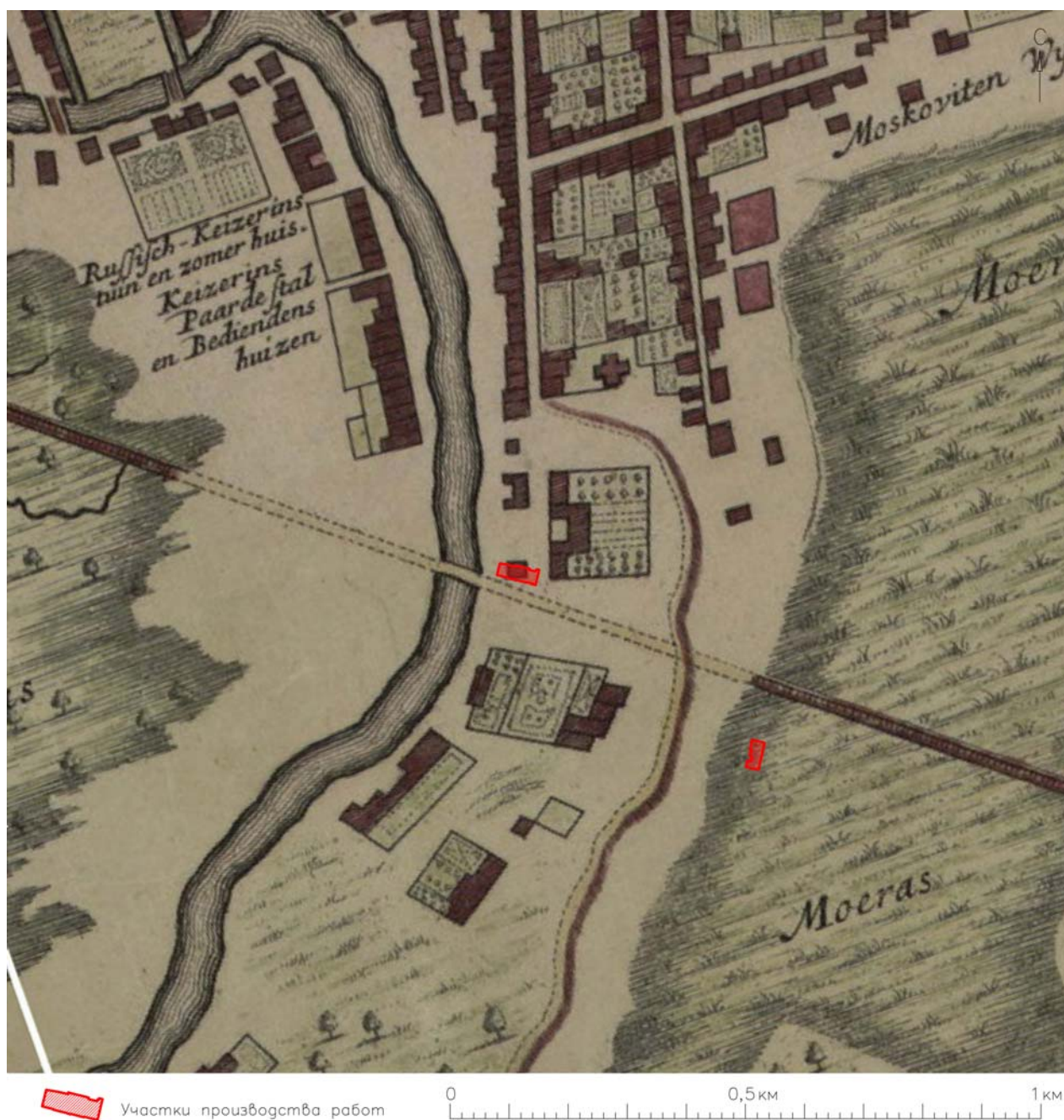

Рис. 2. Расположение участков работ на «плане Оттенса» 1725 г.

ние. На последующих планах (1796, 1806 гг. и др.) обозначение участка и строений на нем такое же. Иначе выглядит застройка по так называемому плану Шуберта 1828 г. Обозначены крупные дома, со смыкающимися фасадами по Невскому проспекту. Нумерация домов на плане сквозная по частям. Будущий Невский, 68, имеет номер 165 по Литейной части.

В 1783 г. участок на Невском был разделен на отдельные дворы и продан разным владельцам. В

начале XIX в. со стороны Невского здесь стояли два четырёхэтажных дома, ими владел купец Дехтерев, а с 1820-х гг. купец И. Ф. Лопатин (Кириков и др., 2004. С. 305–306). И хотя достоверно неизвестно, как именно выглядел дом Лопатина (до сегодняшнего дня первоначальный облик сохранил только четырёхэтажный корпус, обращённый на Фонтанку, построенный архитектором В. Е. Морганом в 1839–1840 гг.) можно с высокой долей точности предположить, что он представлял собой типичный доходный дом XIX в.

Участок на Стремянной улице осваиваться начал не так рано. Вплоть до середины XVIII в. на планах Петербурга здесь обозначен лес (рис. 3). Начало хозяйственного освоения участка связано с работой Комиссии о Санкт-Петербургском строении. Толчком к созданию комиссии послужили пожары 11 августа 1736 г. и 24 июня 1737 г., уничтожившие значительную часть домов на Адмиралтейском острове (Малиновский, 2001, С. 485). 28 июня 1737 г. императрица Анна Иоанновна повелела никому из придворных служителей квартир при дворцах не давать, а «тем, которым наперёд сего квартиры по указам даваны, ныне от тех квартир отказать и впредь не давать». Высочайшими указами от 9 и 10 июля 1737 г. придворным служащим было отведено место в Московском предместье (Исакова, Шкаровский, 2004. С. 10).

Для придания большего порядка, регулярности при застройке 10 июля 1737 г. именным указом была учреждена «Комиссия о Санкт-Петербургском строении». Ей вменялось в обязанность, «рассмотрев план, который ныне велено учинить и показав улицы и места, где большим, малым и средним домам быть и в какой пропорции и в каком одному от другого расстоянии, также и где публичным площадям быть и генерально иметь о всем том рассуждении, что к лучшему, порядочному и безопасному строению служить может». Комиссией было решено разделить город на пять частей: Адмиралтейскую, Васильевскую, Петербургскую, Литейную и Московскую и в каждой части «ради лучшей обывателям удобства» указать места для площадей, гостиных и мытных дворов, рынков и т. п. Контроль над

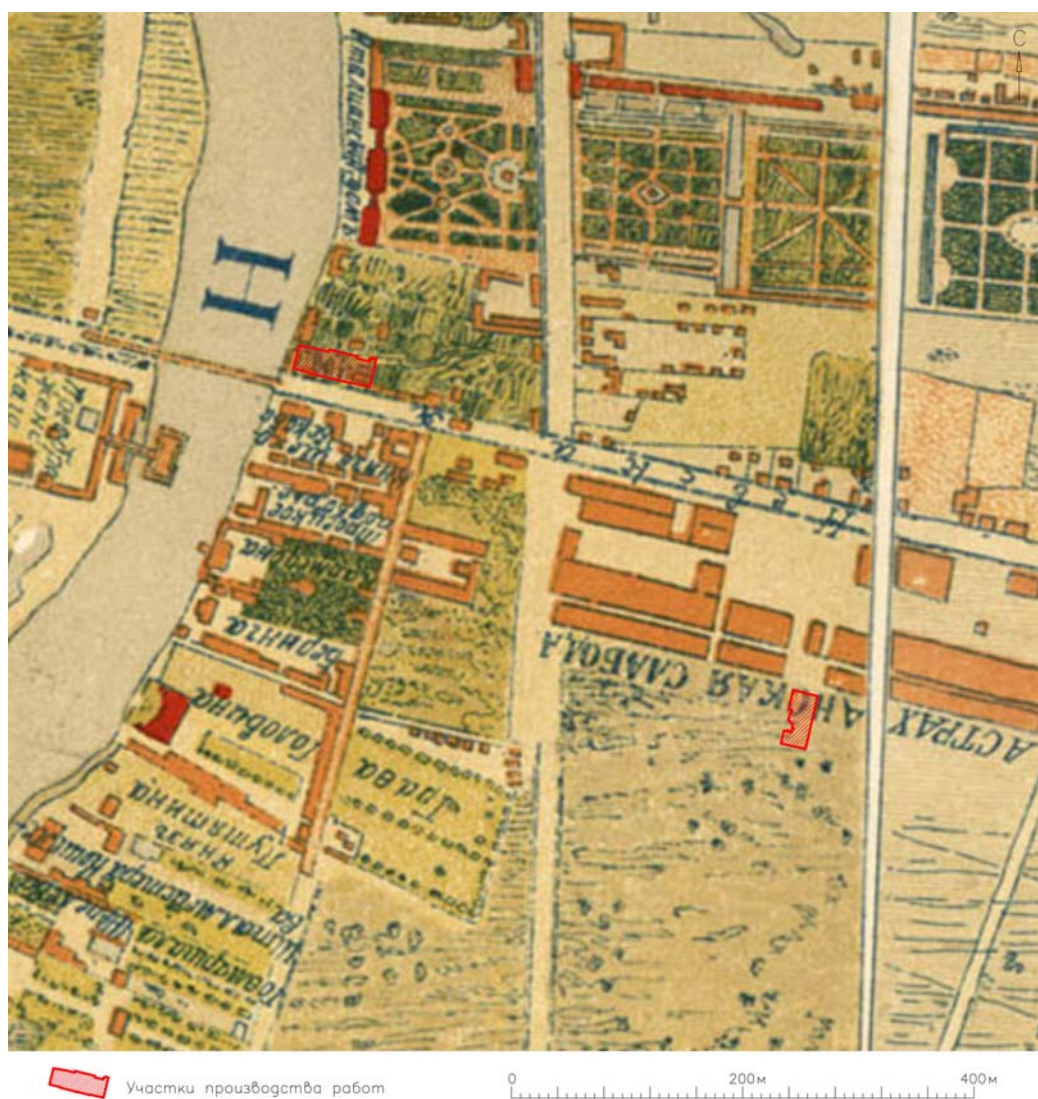

Рис. 3. Расположение участков работ на плане 1738 г.

отдельными частями города был распределен между архитекторами Комиссии (Малиновский, 2001. С. 485). Московская часть оказалась в ведении И. Я. Шумахера, общее же руководство осуществлял Е. П. Еропкин.

Проект и доклад об устройстве Московской стороны был подготовлен Комиссией и Высочайше утверждён 20 августа 1739 г. В докладе говорилось: «...для поселения Вашего Императорского Величества как Придворных, так и Конюшенных, так и дворцовых служителей, в правой стороне оной [Невской] Перспективы, в том месте, где Аничкова и Астраханские слободы, и за теми слободами, от Литейной улицы до болота, на котором построен господина Генерал-Фельдмаршала и Кавалера Графа фон Миниха двор, назначены места...» (Двор Миниха находился близ Лиговского Канала, на месте нынешней Пушкинской улицы). «...А кроме тех Придворной, Конюшенной и Дворцовой команд в тех назначенных им местах под строение дворов места другим посторонним никому не отдавать, а быть тем местам за теми командами вечно». Внутри самих слобод участки

распределялись в зависимости от положения, достатка, профессии. «Наличные» места, то есть выходящие на Невскую перспективу, Литейную и «к прочим знатым улицам», отдавались «первым чинам». Они должны были строить «наличные дома на каменном фундаменте, по показанию архитекторскому». Таким образом, Придворная слобода в Московской части располагалась на территории современных Стремянной улицы, Кузнечного переуллка и Владимирской площади, граница слободы проходила примерно по нынешней улице Марата (Исакова, Шкаровский, 2004. С. 11), а нынешний Владимирский проспект разделял слободу и дачные земли (Векслер, Крашенинникова, 2010. С. 5–6).

После решения комиссии о строительстве Придворной слободы и иных участков за Фонтанкой, освоение их началось достаточно быстро. Так на «Академическом плане» 1753 г. на обоих интересующих нас участках показаны улицы, топографическое положение которых соответствует современному, и плотная внутриквартальная застройка (рис. 4). Справедливости ради следует отметить,

Рис. 4. Расположение участков работ на «Академическом плане» 1753 г.

что на данном плане не всегда отображена фактическая застройка, а зачастую показана проектная. Особенно это касается периферийных районов города. Впрочем, и на изданном несколько позже (в 1776 г.) «плане Рота» на интересующей нас территории нарисована сеть улиц, сохранившаяся и поныне (рис. 5).

С конца XVIII – начала XIX вв. изначальная деревянная застройка постепенно начинает вытесняться каменной, а облик города становится все больше похож на тот, который мы видим сегодня, о чем свидетельствует изданный в 1828 г. план Шуберта, где показана достаточно плотная, преимущественно каменная застройка по основным проездам Московской части (рис. 6). В 1830 г. запрет на строительство деревянных домов распространился и на остальные улицы Придворной слободы (Векслер, Крашенинникова, 2010. С. 7). Хотя в отдалённых кварталах малоэтажная деревянная застройка сохранялась до конца XIX в.

Описание археологических работ, произведённых по адресу: Невский пр. д. 68

При проведении предварительного археологического исследования на территории было заложено четыре разведывательных археологических шурфа общей площадью 24 кв. м: один с внешней стороны фундамента разрушенного здания с целью оценить степень сохранность культурного слоя за пределами здания и три в пределах фундамента здания с целью оценить степень разрушения, которой подвергся культурный слой при строительстве «дома Лопатина» (рис. 7). В результате было выяснено, что на большей части площади обследования культурный слой XVIII в. был уничтожен при закладке котлована для строительства «дома Лопатина» в первой половине XIX в., вместе с тем, в одном из шурфов, расположенном в западном углу территории обследования, сохранились фрагменты углублённой деревянной постройки XVIII в. Для её полного археологического изучения весной 2011 г. был заложен археологический раскоп (рис. 8).

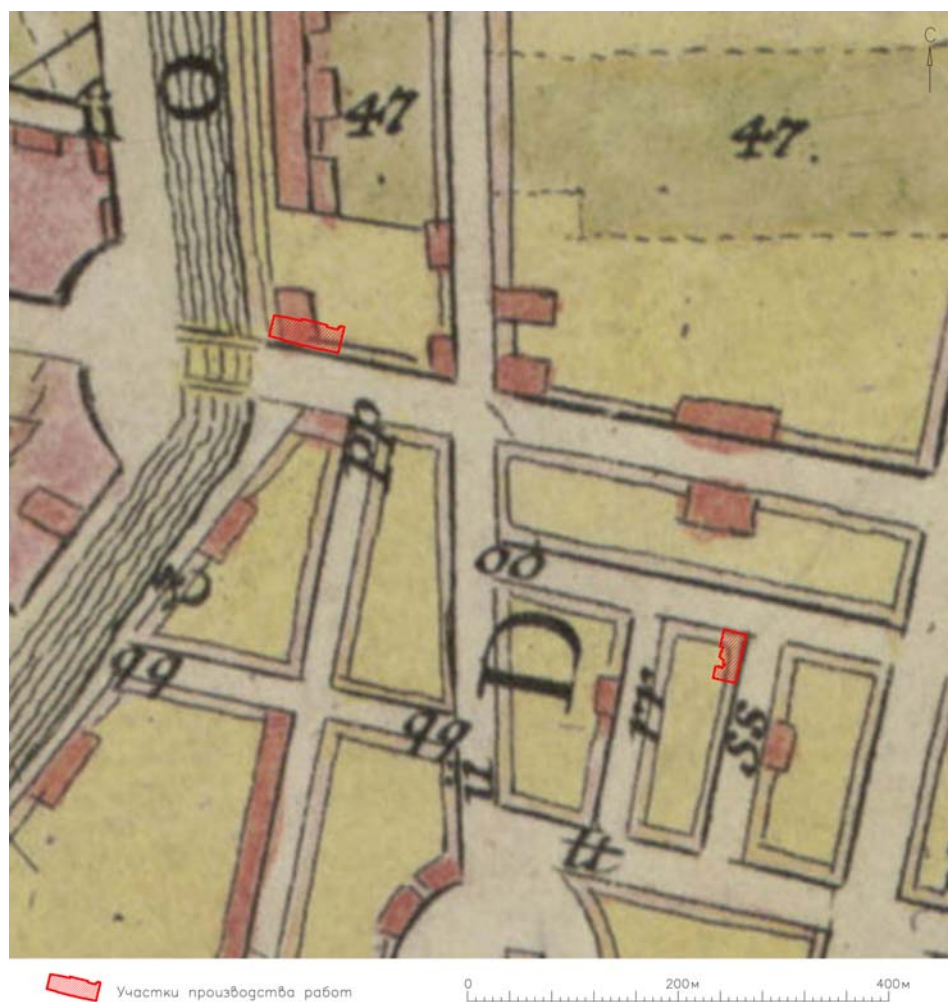

Рис. 5. Расположение участков работ на «плане Рота» 1776 г.

Рис. 6. Расположение участков работ на «плане Шуберта» 1828 г.

В раскопе зафиксирована только северная часть сруба, южная уходит за пределы участка обследования и расположена под тротуаром и проезжей частью Невского проспекта. Сруб сильно повреждён при строительстве более поздних каменных построек. Так, южная лента фундамента «дома Лопатина», идущая вдоль Невского проспекта нарушает сруб. Сруб также повреждён поперечной фундаментной лентой, идущей на кв. А4–Г4. Северо-западный угол сруба также не сохранился. К моменту раскопок сохранился фрагмент северной

стенки сруба, фрагмент восточной стенки сруба на длину 1,20 м и фрагмент центральной перегородки на длину 1,80 м. Закладной венец сохранился по всей, второй – фрагментарно (рис. 8).

Сруб прямоугольной формы. Удалось зафиксировать только его размеры по северной стенке длиной 9 м. По центру северной стенки проходит перегородка, делящая сруб на два равных помещения (западное и восточное), шириной по 4,50 м. Внешние стены сруба сложены из массивных брё-

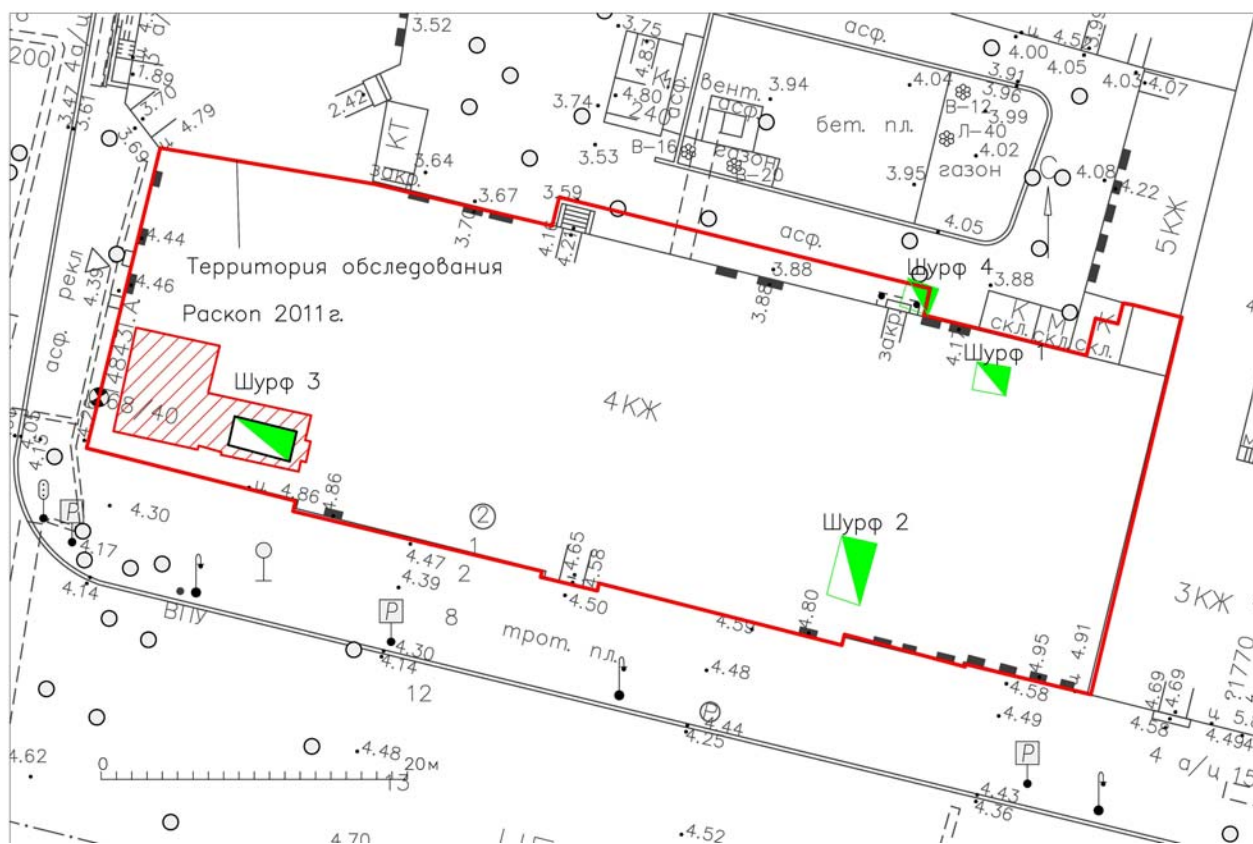

Рис. 7. Схема территории по адресу Невский пр., д. 68. с указанием мест закладки археологических шурфов и раскопа

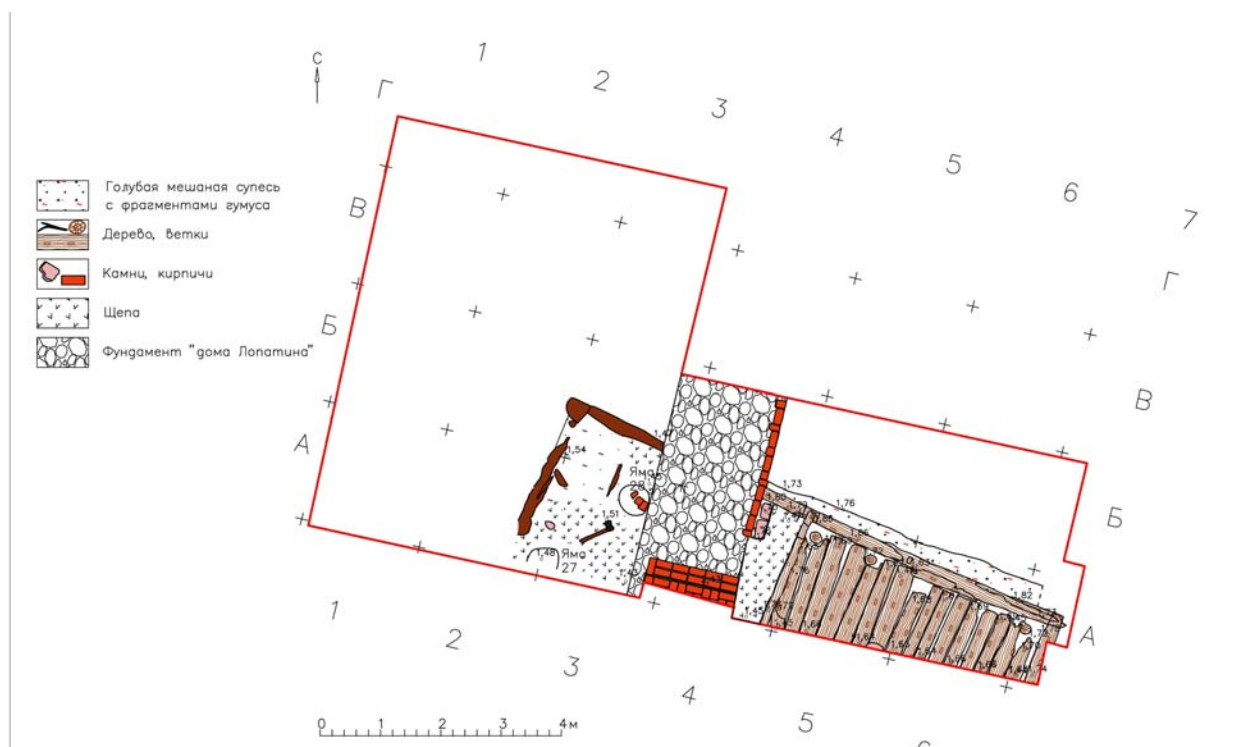

Рис. 8. Невский пр., д. 68. Схема раскопа с указанием основных выявленных объектов

вен диаметром 0,20–0,25 м, внутренняя перегородка из брёвен диаметром 0,15 м. Способ рубки брёвен – в лапу. Горизонтальные поверхности брёвен подтёсаны. В западной части сруба брёвна не сохранились. Были зафиксированы и контуры ямы, в которую был поставлен сруб. Внешний её край проходит параллельно стенам сруба на расстоянии 0,15–0,25 м от внешнего края стены. Заполнение ямы – голубая мешаная супесь с фрагментами гумуса.

Внутри сруб на данном горизонте был заполнен голубой мешаной супесью со следами размыва, кровля которой зафиксирована на отметках 1,74–1,78 м БС. В данном слое встречены фрагменты красноглиняной и сероглиняной керамики и различные деревянные поделки. Скорее всего, данный слой сформировался вследствие размыва культурного слоя грунтовыми водами и наводнениями в тот период, когда сруб был заброшен. Непосредственно под слоем голубой мешаной супеси внутри сруба на отметках 1,72–1,74 м БС зафиксировано несколько хаотично лежащих целых и фрагментированных досок со следами горения, маркирующих горизонт разрушения сруба. После разборки верхней части заполнения деревянной постройки, связанной с размывами культурного слоя после окончания функционирования сруба, структура и размеры выявленной постройки стали более понятны.

В восточном помещении сруба был расчищен деревянный пол, сложенный из массивных грубо тёсанных досок шириной 0,25–0,30 м и толщиной до 0,05 м, длиной 1,60 м, в южной части они нарушены фундаментной лентой «дома Лопатина». Доски уложены почти вплотную друг к другу, максимальная ширина щелей до 0,05 м по оси С–Ю. Высотные отметки пола 1,65 м БС. По высоте пол располагался между закладным и вторым венцом. Также внутри сруба, вдоль его северной стенки зафиксированы остатки трёх деревянных вертикально стоящих столбов, круглых в сечении (диаметр около 0,20 м). Верхняя отметка 1,72 м БС. Два из них расположены по углам помещения, а один на расстоянии 3 м от западного угла сруба. Скорее всего, это остатки конструкции типа нар или лавки, идущей вдоль стенки дома.

Заполнение в помещении к западу от перегородки отличалось от описанного выше, в первую очередь, тем, что здесь не зафиксировано деревянного пола. К тому же и брёвна, из которых сложен сруб, в западном помещении не сохранились. Тем не менее, в западном помещении сруба его границы определяются достаточно чётко: по рас-

пространению культурного слоя. Дело в том, что за пределами сруба на высоте четвёртого горизонта (1,55–1,60 м БС в западной части раскопа) пространство в основном заполнено материковой голубой супесью, а в пределах сруба западного помещения (поскольку оно было заглублено в материк) – слоем спрессованной щепы. Верх щепы зафиксирован на отметках 1,57–1,59 м БС и располагался под слоем жёлто-голубой мешаной супеси. Слой распространялся в пределах всего западного помещения сруба, что и позволило определить границы постройки. Этот слой представляет собой смесь из спрессованной щепы, перемежающейся тонкими (мощностью менее 0,01 м) локальными линзами голубой супеси, фрагментированных досок, веток, коры и археологических находок. Высотные отметки слоя, а также его стратиграфическое положение (под слоем размыва) однозначно говорят о его синхронности слою деревянного пола, зафиксированному в соседнем помещении. Ниже данного слоя, непосредственно на материке выявлены фрагменты рогозы, которыми был выстлан пол западного помещения (рис. 9–10). Разделение сруба по способу обустройства поверхности (деревянный пол в восточном помещении и слой щепы и мусора в западном), возможно, свидетельствует о бытовом разделении помещений: более значимая жилая или промысловая зона в восточном и менее значимая – хозяйственная в западном.

В общих чертах можно реконструировать основные этапы функционирования деревянной постройки. Изначально в грунте была вырыта яма по размерам сруба, в которую и поставлены нижние венцы. С внешней стороны сруба яма была засыпана. Интересно, что под углами дома не зафиксировано камней, столбов или иных сооружений, т.е. сруб был поставлен прямо на землю. Поверхность внутри сруба на первом этапе его существования была частично покрыта рогозой, корой и подобными органическими материалами. Впоследствии пол внутри сруба постоянно подтоплялся, что привело к образованию достаточно мощного слоя бурой гумусированной супеси. Функционирование постройки в этот период продолжалось, о чем свидетельствует сильная гумусированность культурного слоя и большое количество артефактов в нем, а также наличие локальных линз голубой супеси. Видимо, для ограничения размыва поверхности внутри сруба в восточной его части был положен деревянный дощатый пол, а в западной части – слой щепы. Уровень поверхности, таким образом, был поднят до отметки 1,70 м БС. Последний этап функционирования сруба связан с его разрушением,

Рис. 9. Невский пр., д. 68. Фото западной части выявленного деревянного сруба. Вид с востока

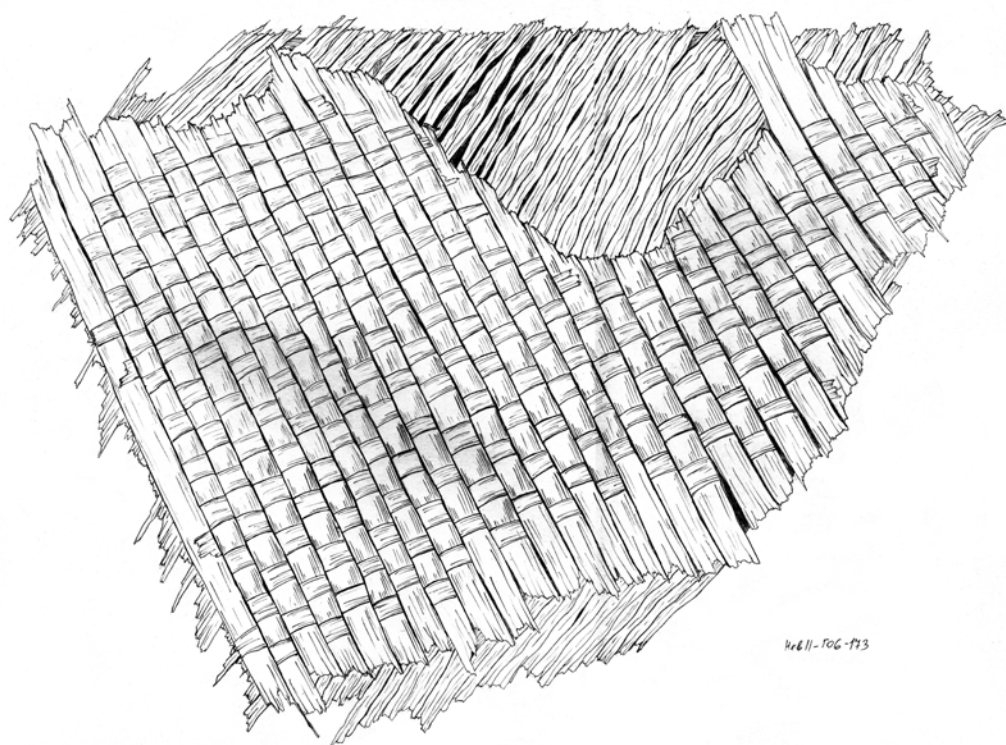

Рис. 10. Невский пр. д., 68. Фрагмент рогозы, которой был выстлан пол западного помещения сруба

которое маркируется большим количеством фрагментированных досок, лежащих на полу. Видимо, разрушение сруба было связано с пожаром, следы которого отчётливо читаются в западной части раскопа. Датировать это событие можно достаточно точно – не позднее первой трети XIX в., когда на месте деревянного сруба возводится каменная постройка – предшественник «дома Лопатина».

Если время разрушения сруба можно определить достаточно точно, то время его создания на основании полученных данных можно указать лишь примерно – вторая половина XVIII в.

Археологические находки

В пределах сруба зафиксировано большое количество археологических находок, иллюстрирующих быт и культуру Петербурга XVIII столетия. Всего обнаружено более 250 артефактов, большую часть из которых составляют керамические изделия. Зафиксированы развалы восьми сосудов и многочисленные единичные фрагменты керамики. К кухонной керамике относятся фрагменты сероглиняных округлобоких горшков, красноглиняных горшков с зелёной поливой изнутри и тонкостенной серолощеной керамики, представленной как кувшинами, так и горшками (цв. илл. 2). Столовая керамика представлена фрагментами четырёх красноглиняных поливных тарелок с полихромным геометрическим орнаментом, выполненных в едином стиле (рис. 11). Интересной находкой является и плоская стеклянная фляга (цв. илл. 3).

Помимо фрагментов посуды обнаружено большое количество деревянных изделий: крышек от бочки, пробок, колышков, изделий, произведённых на токарном станке и др. (цв. илл. 4). Особый интерес представляют полностью сохранившаяся «дубина» и почти полностью сохранившийся железный топор (рис. 12).

Большинство находок относятся ко второй половине XVIII в. Однако некоторые из них явно датируются более ранним временем. Среди них фрагмент черепицы и несколько кирпичей из слоя мешаной супеси, имеющих архаичный облик и нехарактерных для Петербурга.

Описание археологических работ, произведенных по адресу: ул. Стремянная, д. 15

При проведении археологических исследований на территории было заложено три разведывательных шурфа общей площадью 12 кв. м: один на проезжей части Стремянной улицы с целью оценить степень сохранности культурного слоя за

Рис. 11. Невский пр. д., 68. Фрагмент красноглиняной тарелки

Рис. 12. Невский пр. д., 68. Топор из западной части сруба

пределами территории, подвергавшейся застройке, и два в пределах фундамента здания доходного дома с целью оценить степень разрушения, которой подвергся культурный слой при строительстве здания в 1897 г. (рис. 13). В результате работ было выявлено, что на большей части территории обследования культурный слой XVIII–XIX вв. был уничтожен при строительстве доходного дома. Однако, в западной части территории за пределами фундамента здания был открыт участок общей площадью около 120 кв. м. на котором частично сохранились культурные напластования XVIII–XIX вв. (рис. 14).

Летом 2011 г. для исследования выявленного участка культурного слоя были проведены археологические раскопки. Общая площадь раскопа составила 120 кв. м. Верхняя часть культурных напластований была представлена слоем строительного мусора начала XX в. и расположенными под ним линзами техногенного слоя, связанными с выравниванием поверхности в XIX в. Ниже, на отметках 4,25–4,30 м БС был прослежен культурный слой более раннего времени, представляющий собой спрессованную щепу чёрного или тёмно-коричневого цвета мощностью до 0,10–0,15 м, распространяющуюся по

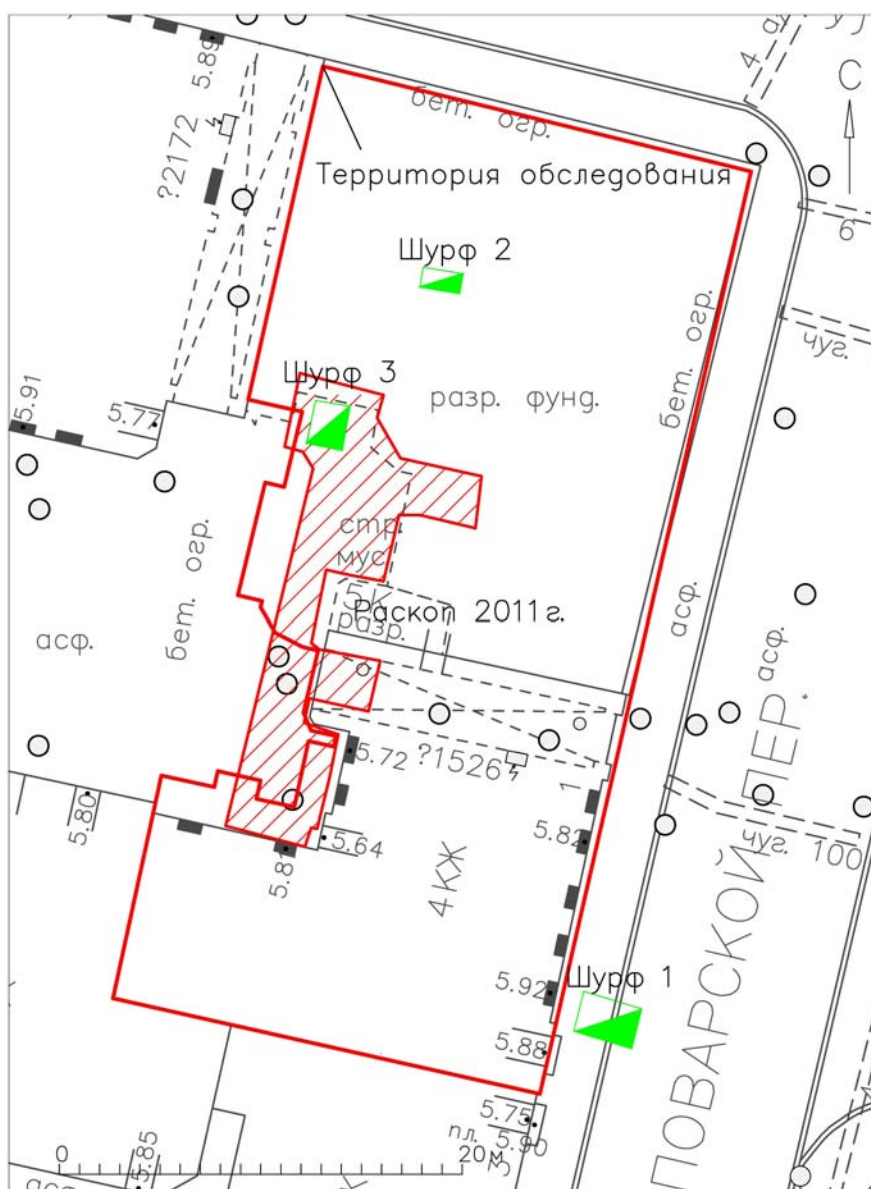

Рис. 13. Схема территории по адресу ул. Стремянная, д. 15. с указанием мест закладки археологических шурфов и раскопа

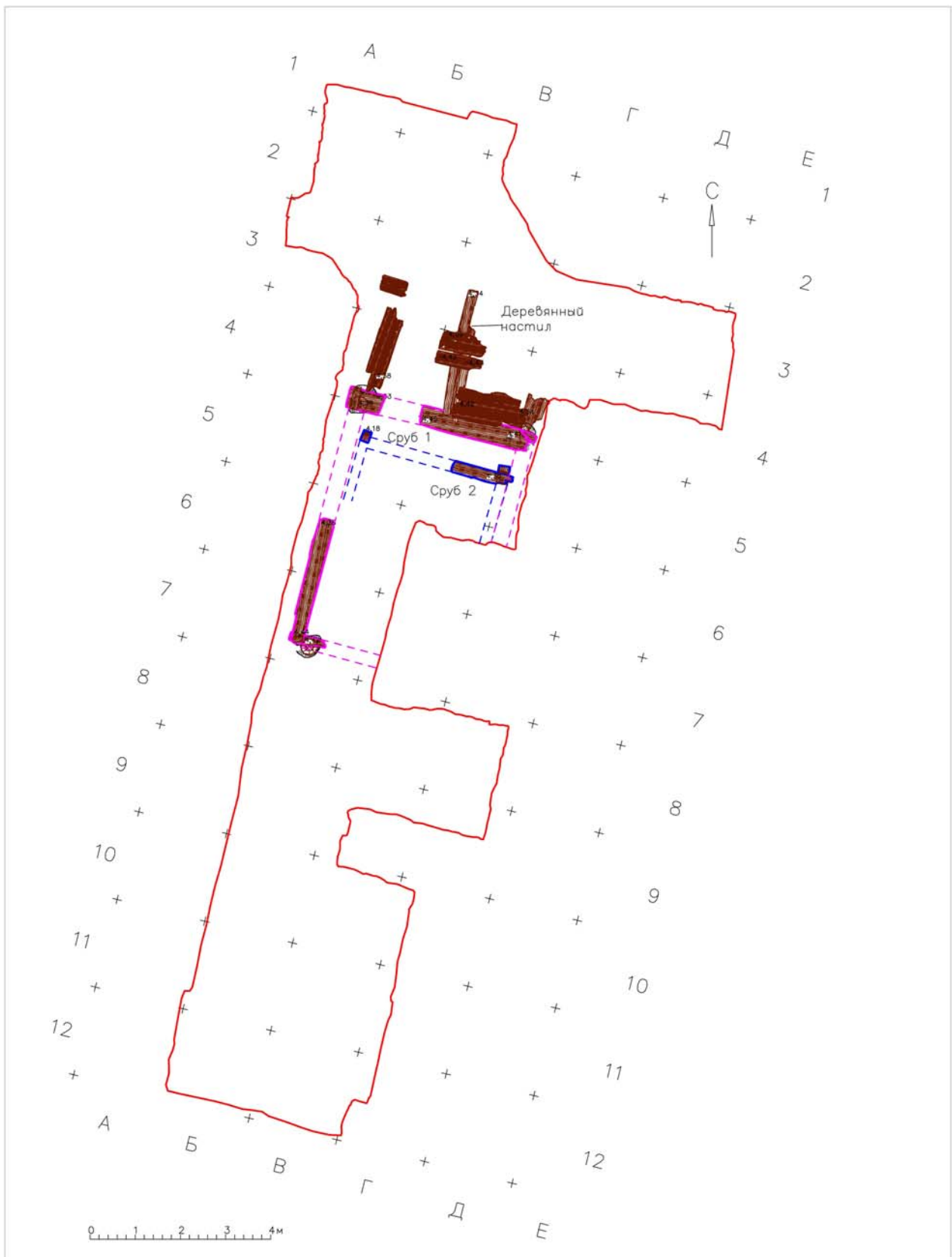

Рис. 14. Ул. Стремянная, д. 15. Схема раскопа с указанием основных выявленных объектов

всей площади раскопа. В центральной и южной частях раскопа слой щепы в значительной степени повреждён при прокладке позднейших коммуникаций. Накопление слоя щепы связано со строительством деревянного сруба 1.

Сруб 1 расположен на кв. А–Г4, Б6 и Б7, его примерные размеры 4,10 x 5,60 м. От сруба фрагментарно сохранилась северная стенка (в центральной части нарушена при прокладке деревянного водоотвода) и фрагментарно западная стенка. Сохранился только закладной венец. Остальная часть сруба, как и основная часть его внутреннего заполнения, была уничтожена при строительстве доходного дома в 1897 г. и прокладке коммуникаций в XX в. Закладной венец сделан из мощных брёвен диаметром 0,30–0,35 м. Углы сруба сохранились очень плохо, так что способ рубки брёвен определить сложно. Скорее всего, в обло, чашкой вниз. Под углами сруба врыты массивные столбы диаметром до 0,36 м на глубину до 1,00 м, на которые и положены стены (рис. 15–16). Прокладка

между столбами и брёвнами стен зафиксирована только в северо-западном углу сруба и представляет собой доску толщиной 0,02 м. К северу от сруба зафиксированы связанные с ним фрагменты деревянного настила. Настил устроен следующим образом: к северу от сруба перпендикулярно его северной стенке на кв. В3 и В4 проходит лага длиной 2,80 м, на которую перпендикулярно ей вплотную друг к другу положены доски шириной 0,25–0,30 м. Всего зафиксировано восемь рядов досок. Реконструируемые размеры настила 4 x 3 м. Скорее всего, это остатки пристройки к срубам: сеней или веранды.

Под слоем щепы на отметках 4,12–4,15 м БС прослежены линзы крупнозернистого песка мощностью 0,005–0,01 м, а под ними лежал нижний слой щепы мощностью 0,10–0,15 м. Щепка на данном горизонте несколько отличается от вышележащей. Она сильнее спрессована, а размеры щепок несколько больше. С данным горизонтом связано строительство сруба 2.

Рис. 15. Ул. Стремянная, д. 15. Фото сохранившейся части сруба 1 и деревянного настила

Рис. 16. Ул. Стремянная, д. 15. Поперечный разрез сруба 1

Сруб 2 расположен на кв. Б–Г5 (рис. 14) и практически полностью уничтожен при последующем строительстве. От сруба сохранился фрагмент северной стенки длиной 2 м, а также северо-западный и северо-восточный углы закладного венца. Размер по северной стенке 3,40 м. Сруб расположен прямо на погребённой почве без дополнительных конструкций под углами, и, видимо, являлся наиболее ранней постройкой на изучаемой территории. Под северо-восточным углом сруба найден сломанный железный нож (рис. 17). Со срубом 2 связаны многочисленные археологические артефакты середины XVIII в., в том числе монета 1740 г.

Археологические находки

В процессе раскопок обнаружено 866 находок, иллюстрирующих материальную культуру Петербурга XVIII–XIX вв., из них 300 относится ко времени функционирования срубов 1 и 2. Основную часть находок можно связать с верхним слоем щепы, т.е. с функционированием сруба 1. Большую часть артефактов составляют керамические изделия. К кухонной керамике относятся в основном фрагменты

Рис. 17. Ул. Стремянная, д. 15. Сломанный железный нож, найденный под углом сруба 2

сероглиняных округлобочных горшков. Также найдено несколько развалов сосудов серолощеной керамики (рис. 18–20), представленной кувшинами с округло-биконическим туловом и цилиндрическим горлом и несколькими фрагментами округлобочных горшков. Столовая керамика представлена фрагментами красноглиняных крышек и тарелок.

Помимо фрагментов посуды обнаружено большое количество изделий из органических материалов: кожи и дерева. Изделия из кожи представлены фрагментами обуви, ремнями и остатками кожаного производства, из деревянных изделий найдены пробки, нагели и др. Из стеклянных изделий найдены фрагмент штофа с клеймом «LONDON», фрагменты стопок зелёного стекла, на одной из которых нанесена надпись «ДВОРНОЙ» и фрагментами стеклянных бутылок. С верхним

Рис. 18. Ул. Стремянная, д. 15. Фрагменты серолощённых сосудов

Рис. 19. Ул. Стремянная, д. 15. Фрагменты серолощённого кувшина

Рис. 20. Ул. Стремянная, д. 15. Фрагменты серолощённого кувшина *in situ*

слоем щепы связаны две монеты 1760 и 1776 гг. чеканки. Интересны также находки строительной керамики, в частности красноглиняных изразцов с синей росписью пейзажных мотивов (цв. илл. 5).

В заключение следует отметить, что исследованные в ходе работ 2011 г. участки культурного слоя являются характерными примерами периферийной застройки Петербурга второй половины XVIII в.

Источники и литература

Белов В. С., 2001. Шереметевский дворец // Три века Санкт-Петербурга: Энциклопедия в трёх томах. СПб. Т. I. Кн. 2.

Богданов А. И., 1997. Описание Санкт-Петербурга. СПб.

Векслер А., Крашенинникова Т., 2010. Владимирский проспект. М.

Г. фон Реймерс., 2007. Санкт-Петербург в конце своего первого столетия. СПб.

Исакова Е. В., Шкаровский М. В., 2004. Собор на Владимирской и храмы Придворной слободы. СПб.

Исаченко В. Г., Питанин В. Н., 1989. Литейный проспект. Л.

Кириков Б. М., Кирикова Л. А., Петрова О. В., 2004. Невский проспект: Архитектурный путеводитель. М.

Луппов С. П., 1957. История строительства Санкт-Петербурга в первой четверти XVIII в. М.; Л.

Малиновский К. В., 2001. Комиссия о Санкт-Петербургском строении // Три века Санкт-Петербурга. Энциклопедия. СПб. Т. I. Осьмнадцатое столетие. Кн. 1.

Микишатыев М. Н., 2008. Вокруг Литейного. Прогулки по Литейной части. М.

Очерки истории Ленинграда. М.; Л., 1955. Т. 1. Период феодализма (1703–1861 гг.).

Сомина Р. А., 1959. Невский проспект: Исторический очерк. Л.

Станюкович В. К., 1923. Фонтанный дом Шереметевых. Музей быта: Путеводитель. Л.

Чеснокова А. Н., 1985. Невский проспект. Л.

Коллекция кожаных предметов из раскопок в Петропавловской крепости (сезоны 2007–2008 г.)

В. И. Кильдюшевский, А. В. Курбатов

Введение

По договору между ИИМК РАН и ЗАО «ПО Возрождение», в зонах земляных работ на территории Петропавловской крепости в Санкт-Петербурге осенью 2007 – зимой 2008 гг. были проведены археологические наблюдения и раскопки. Одним из объектов был раскоп I на Соборной площади, заложенный с запада от Ботного домика для выяснения места здания канцелярии Сената. Известно, что при основании крепости, после строительства в 1703 г. канала через всю её территорию, в северной части были построены две линии деревянных домов (план крепости 1707 г.). Один из них предназначался для гарнизонной канцелярии. В 1711–1718 гг. в нём располагалась канцелярия Правительствующего Сената (Богданов, 1997. С. 22). По мнению М. И. Пыляева, это здание было мазанковым (Пыляев, 2005. С. 29). В 1761 г. по проекту архитектора Ф. Виста на этом месте был построен Ботный домик, поныне служащий местом хранения ботика Петра I.

Раскоп I был заложен на расстоянии 8 м от западного входа в Ботный домик (рис. 1). В процессе раскопок на глубине 1,70–1,90 м (по Балтийскому футштоку, далее – БФ) была расчищена вымостка из ломаных известняковых плит, с большими щелями между плитами, положенная насухо на чёрный (или тёмно-коричневый) слой. С северной и южной сторон вымостку ограничивали бревна диаметром 0,18–0,20 м, имевшие плохую сохранность. С северной стороны частично обгоревшие бревна лежали на расстоянии 0,25 м друг от друга в серо-коричневом слое со щепой. Вымостка, шириной 7,60 м, заканчивалась у восточной стенки раскопа и уходила в западную. Она была перекрыта плотным коричневым слоем, содержащим щепу и древесный глени, вероятно, бывшие остатками деревянного пола постройки. Остатки этой постройки, шириной 8,30 м, расчищены на длину 3,00 м (рис. 2).

В юго-западном углу раскопа на глубине 2,30 м расчищена кирпичная кладка шириной 1,50 м. Она лежала на прослойке известкового раствора с примесью кирпичного щебня и уходила в западную и южную стенки раскопа. Для кладки были использованы, в основном, половинки кирпичей.

Эта кладка, перекрывавшая серо-коричневый слой с примесью щепы и щебня, лежавший на плитах известняковой вымостки, судя по высотным отметкам и стратиграфическим данным, относится к более позднему времени, с которым также следует связывать и кирпичную вымостку шириной 1,00 м, сложенную из одного слоя кирпичей, лежавшую на плитах (кв. В3). Эта вымостка почти полностью ушла в западную стенку раскопа. Кроме того, в известняковую кладку были впущены два столба диаметром 0,18–0,20 м (кв. В2), вершины которых находились на глубине 1,92–1,99 м по БФ.

Для изучения стратиграфии и конструкции фундамента Ботного домика с северной стороны к раскопу была сделана прирезка (кв. А1–2), подходившая вплотную к фундаменту крыльца Ботного домика. Южная стенка прирезки была доведена до материка. В целом, стратиграфия напластований в зоне раскопа выглядела следующим образом (рис. 3): под слоем строительного мусора и песка, оставшегося от ремонта крыльца в 80-е гг. XX в., лежал серо-коричневый слой с кирпичной крошкой; под ним находился тёмно-серый слой с углём и кирпичным «боем», который, в свою очередь, подстилал слой песка с примесью глины, прослеженный по всей восточной стенке раскопа на глубине 0,70–0,80 м от дневной поверхности; ещё ниже отмечены прослойки тёмно-серого и серого песка. С глубины 1,20 м от дневной поверхности (1,60–1,70 м по БФ) по всей площади раскопа прослежен мощный слой щепы, перекрывавший пол деревянной постройки. Если на плитах известняковой вымостки его толщина составляет 0,08–0,10 м, то на этом участке она достигает 0,20–0,30 м. Этот слой щепы перекрыл линзу серого песка – выброс из ямы, впущенной в материк с уровня слоя щепы и заполненной ею. Овальная яма, размерами 1,00 x 0,80 м и глубиной 0,40–0,50 м, частично уходила в восточную стенку раскопа. В её заполнении обнаружены фрагменты кожаной обуви, клёпка от бады и фрагменты деревянных изделий. На отметках 1,34–1,36 м по БФ залегал материковый песок.

В раскопе собрана большая коллекция предметов быта, которую можно разделить на две части. Одна

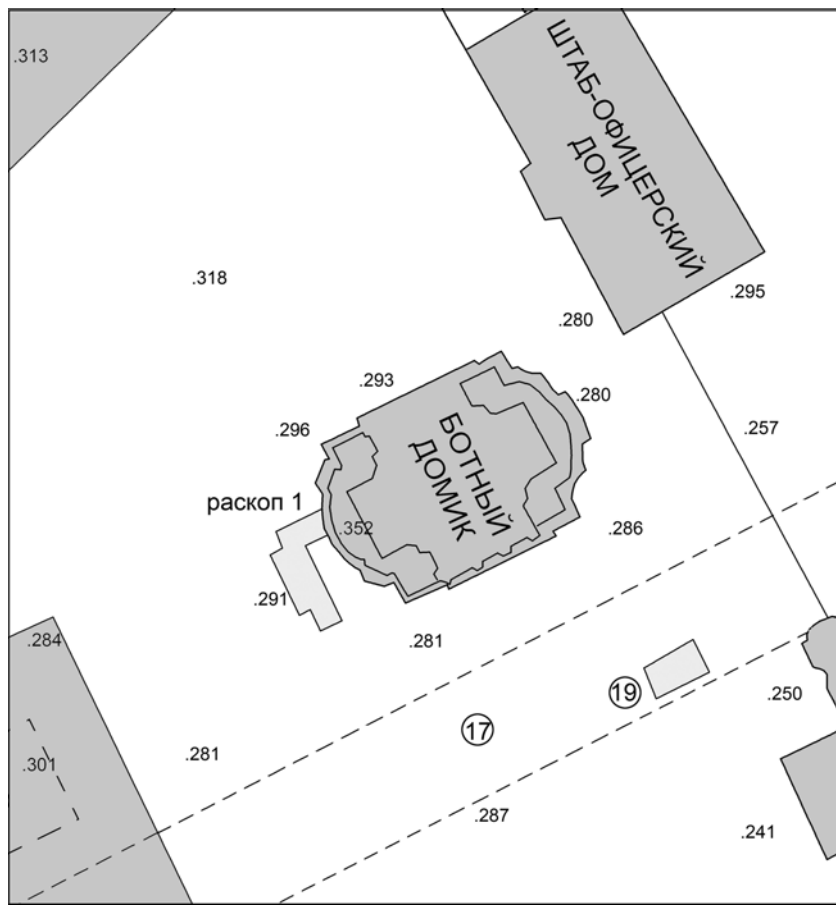

Рис. 1. Раскоп I («Сенат»)

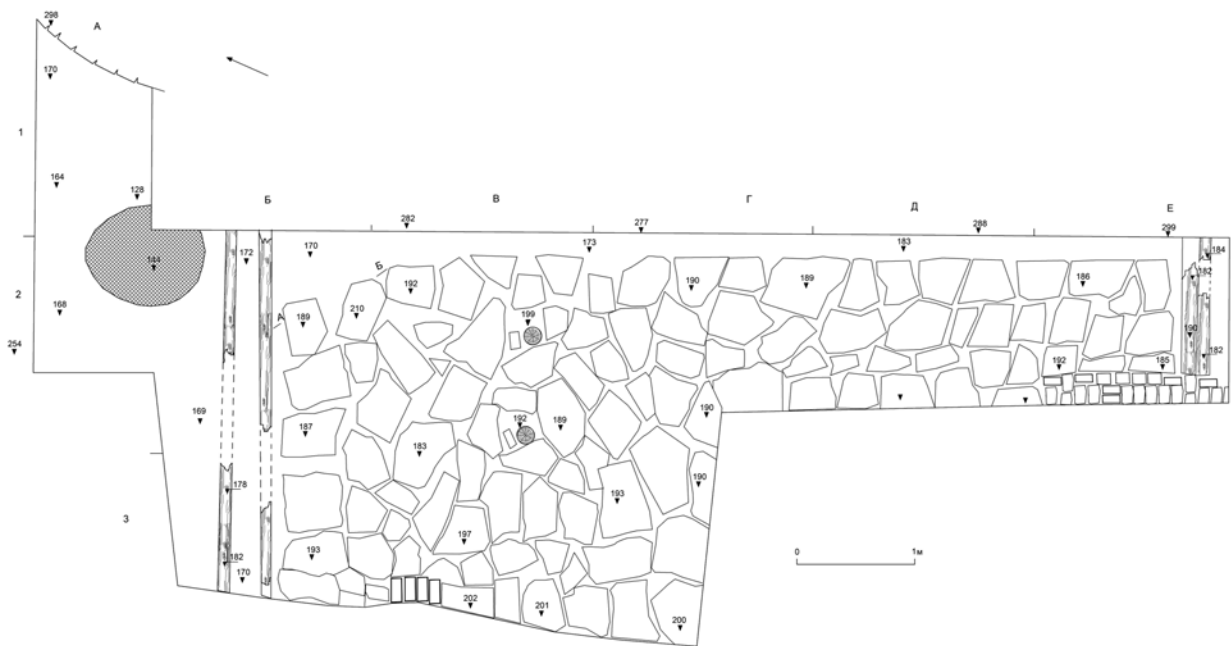

Рис. 2. «Сенат». План открытых сооружений и объектов

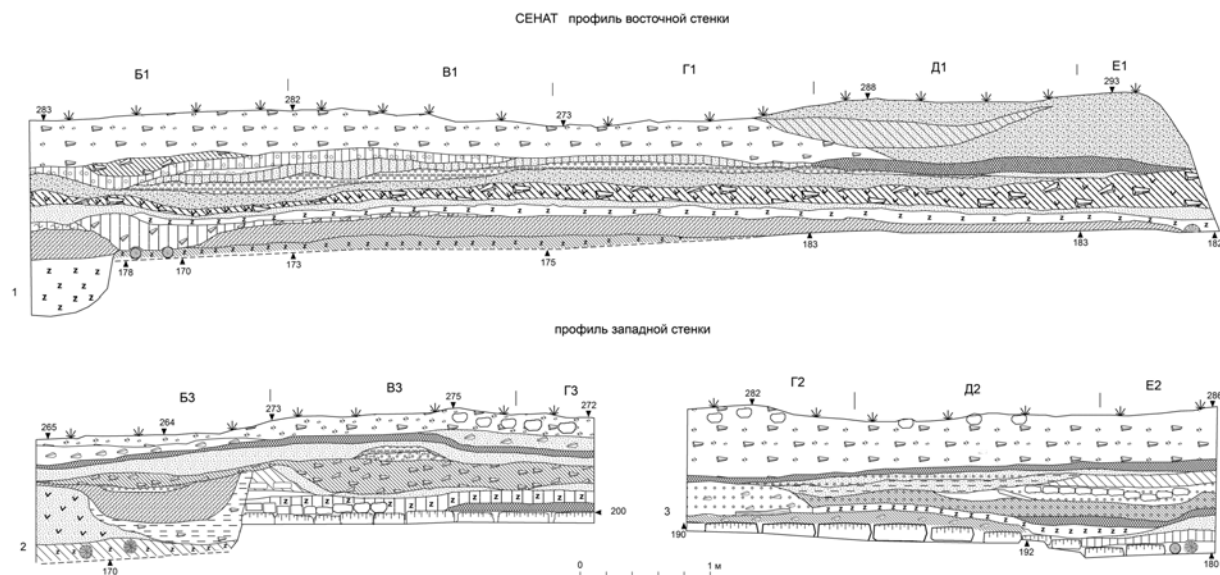

Рис. 3. «Сенат». Профили стенок раскопа I

часть происходит из верхнего мешаного слоя и представляет, в основном, материалы XIX–XX в.: фрагменты стеклянных бутылок разных размеров и формы, оконное стекло, кованые гвозди, фарфоровая и фаянсовая посуда, в том числе аптечная, медная мундирная пуговица с орлом, железные оковки, железная кувалда с квадратной насечкой на обухе, гончарная посуда. Вторая часть коллекции собрана в тёмно-коричневом слое над кладкой при расчистке плит и брёвен. Большая часть предметов относится к XVIII в., среди них: медная гладкая мундирная пуговица, железная двузубая вилка, железный пробой, фрагменты керамических курительных трубок, среди них одна с клеймом, фрагменты стеклянной посуды – рюмок и бокалов, в том числе с гравировкой, придонная часть стакана со шлифованными гранями (цв. илл. 6). Собрано большое количество керамики, в том числе и целые развалы горшков, часть из которых реконструирована. Основные скопления керамики встречены в северной части раскопа возле бревен обкладки и за их пределами (рис. 4–5). Форма сосудов и характер примесей в глиняном тесте позволяет относить их к началу XVIII в. Там же, под бревном найдена бронзовая накладка треугольной формы с ушком и тремя заклёпками, служившая застёжкой для книжного переплёта или ларца.

Таким образом, раскопки у Ботного домика в Петропавловской крепости привели к открытию остатков части дома гарнизонной канцелярии, в

котором с 1711 г. размещался Правительствующий Сенат. Большая часть здания осталась западнее границ раскопа на территории Соборной площади.

Состав коллекции изделий из кожи

Комплекс кожаных предметов, по сути, можно назвать сборами. Это определило случайный характер выборки, т.е. всего объёма находок и состава вещей. Одним из объектов наблюдений был двор штаба офицерского собрания. Здесь найдены: обрезок толстой кожи и детали обуви – подмётка, флик каблука, две неопределённые детали. На территории Монетного двора в траншее под кабель встречены: обрезок от раскроя, часть подошвы и фрагмент чехла для сабли. На территории Каретного двора найдены детали обуви: внутренняя подошва, две детали верха и обрезок голенища. Из траншеи между «каретником» и Монетным двором происходит обрезок от раскроя.

Основным объектом археологических наблюдений и раскопок, откуда получено наибольшее количество кожаных предметов, был «Сенат». В этом собрании вещей, представляющем наибольшую историческую ценность, встречены полные наборы обуви. Кроме того, все находки происходят из заполнения ямы, вырытой в материковом грунте, и относятся к самому раннему периоду истории Санкт-Петербурга. Коллекция включает 41 предмет: два обрезка от раскроя, неопределённую деталь и элементы обуви (два ранта, три союзки, шесть берцев, четыре головки, десять подошв,

Рис. 4. «Сенат». Реконструкция гончарных сосудов

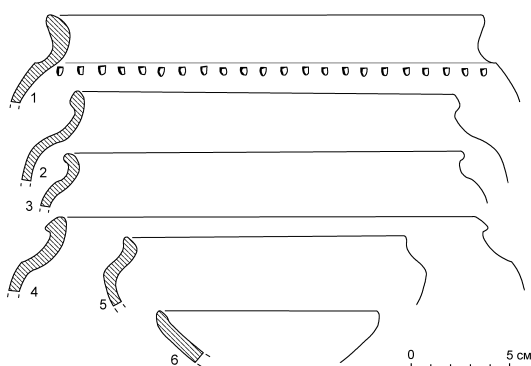

Рис. 5. «Сенат». Профили фрагментов гончарных сосудов

восемь деталей поднаряда, три обрезка голенища и заплата).

Описание предметов и аналогии

В составе находок из ямы на раскопе I у «Сената» выделено четыре модели обуви, сохранившие полный или частичный набор деталей. Все модели относятся к вариантам низкой обуви типа башмаков, различными по конструкции. Три модели принадлежат к обуви рантовой конструкции, в которой соединение деталей верха и низа (подошвы) делается при помощи ранта – узкой полосы кожи, вшиваемой по всему периметру. При этом технические и конструктивные приёмы, а также набор деталей и форма их раскроек имеют полную стандартность, что позволяет предполагать одновременность пошива всех трёх моделей и, следовательно, одновременности их эксплуатации. Приёмы, характерные для конструкции этой обуви, предполагают определённую последовательность сбора деталей. Рантовая обувь включает внешнюю и внутреннюю подошвы (рис. 7: 1.1–1.2). На внешней подошве сохранились следы деревянных

шпешков, к которым прибивался наборный кожаный каблук (рис. 6: 1.2). Это действие предваряло общую сборку модели. Затем сшивались другие детали. По краю внутренней подошвы, по сравнению с внешней меньшего размера, пришивались рант (рис. 7: 1.1–1.2, 2.4–2.5) и детали верха. После этого на почти собранную модель через рант пришивалась внешняя подошва. В связи с такой последовательностью сборки рант выглядит в виде длинной полосы кожи, вырезанной по форме подошвы и загнутой по одной из длинных сторон. На ранте сохранились следы трёх швов – выворотного, вертикального сквозного (сандального), захватывающего два слоя кожи ранта, и обмёточного шва «через край» (рис. 7: 1.2, 2.5).

Верх башмаков состоял из трёх основных деталей: головки и двух симметричных берцев. Последнее название деталей, русское по происхождению, вошло в профессиональный лексикон, по-видимому, не ранее XIX в. и используется в лексике кожевников по сей день. Ранее существовало другое русское название – клюши, известное с XVIII в. (Словарь русского языка XVIII в., 1998. С. 65). Головки имели короткие боковые удлинённые полуотрезные «язычки»-крылья (рис. 6: 1.3; 8: 1.3, 2.1). На внутренней стороне головок, по бокам для придания им необходимой жёсткости и для лучшего сохранения формы обуви обмёточными швами крепились узкие полосы кожи – поднаряд (рис. 6: 1.5–1.6; 8: 1.7–1.9, 2.2–2.3), а также овальная деталь в носке – союзка (рис. 6: 1.4; 8: 1.4, 2.6). Берцы представляют собой парные симметричные детали, прикрывающие пятку стопы (рис. 6: 1.8–1.9; 7: 1.5–1.6, 2.7–2.8). Они заменяли задники, используемые в других формах обуви. На нижнем крае берцев имеются вырезы, в которые вшивались крылья головок. Передний край берцев сильно вытянут и представляет узкие полосы кожи, служившие для крепления обуви на стопе. Эти вытянутые концы перекидывались через подъем стопы и соединялись друг с другом на лицевой или боковой поверхности подъёма с помощью пряжки, пришитой к одному из концов берцев.

Все три рантовые модели имеют общие признаки по форме деталей, единой манере пришивания дополнительных деталей (поднаряда и союзки), а также по оформлению верхнего края. Так, ни на одной из трёх моделей нет усилительных деталей: обшивок края или заменяющую их прочную нить – корд, пришиваемый на внутренней стороне деталей по верхнему краю обуви. Кроме того, на берцах двух моделей имеются ряды неровных прорезов или вырезов, свидетельствующие о

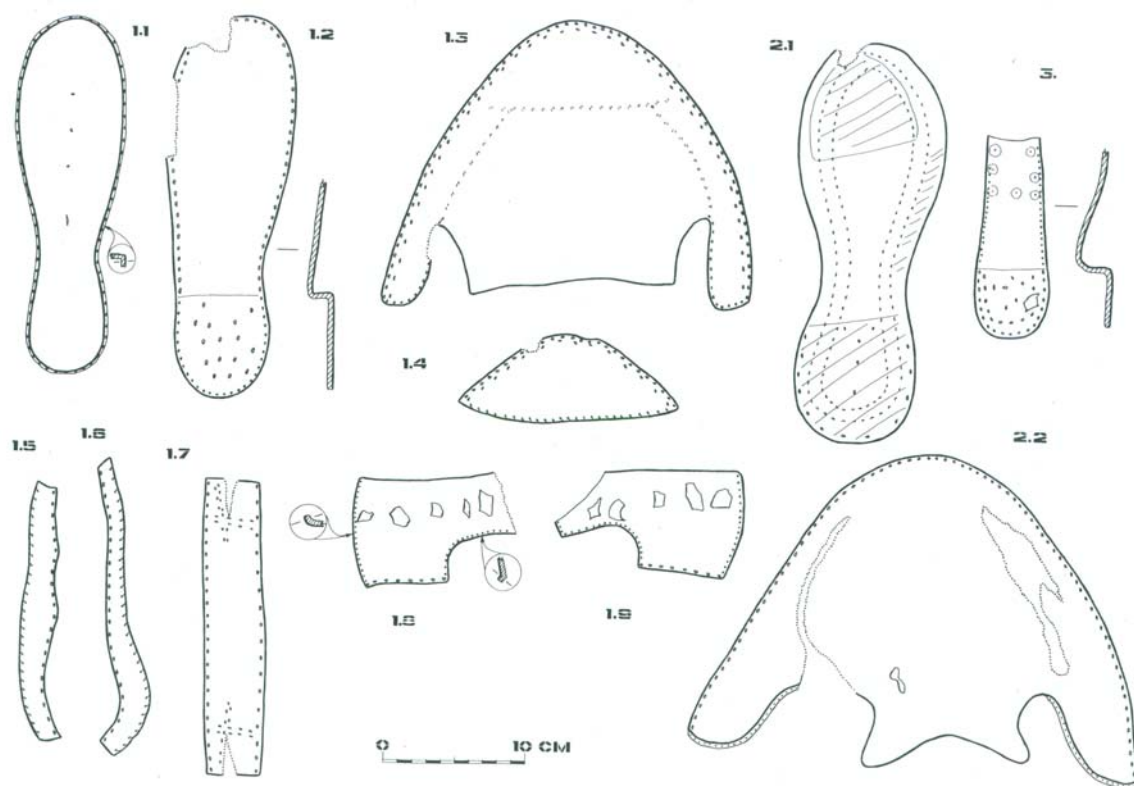

Рис. 6. Кожаные предметы из ямы у «Сената». Наборы деталей обувных форм

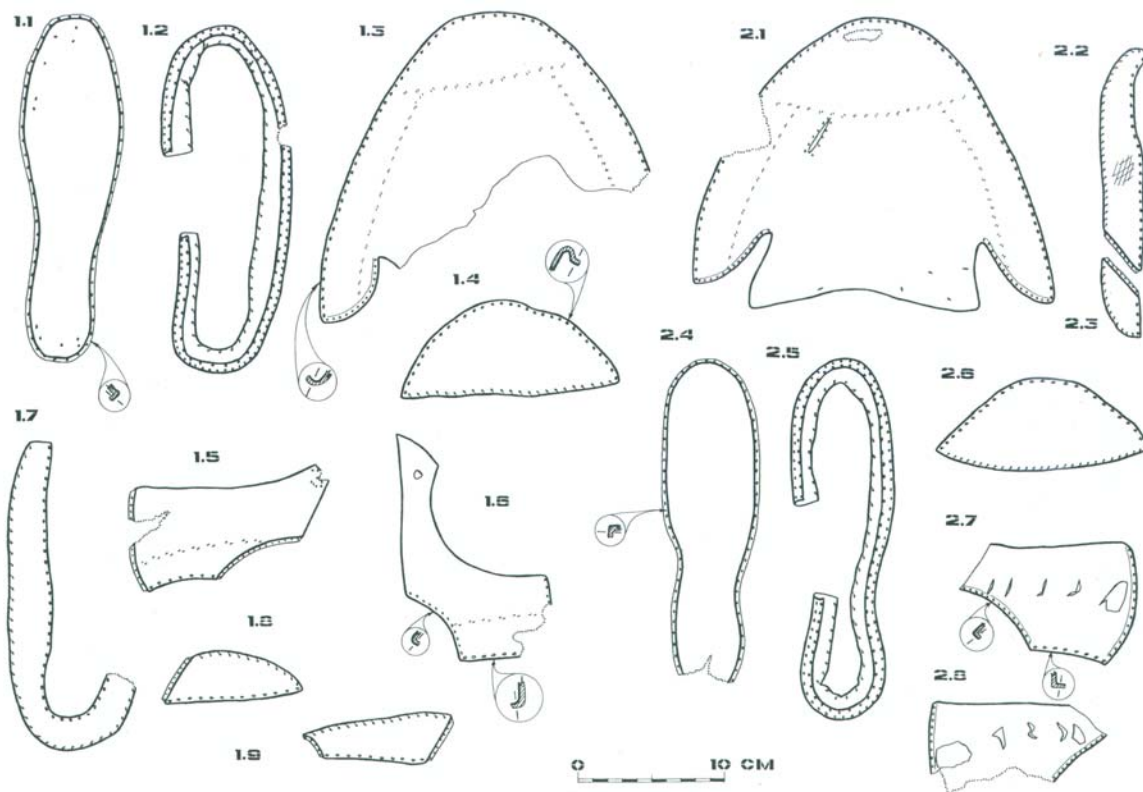

Рис. 7. Кожаные предметы из ямы у «Сената». Наборы деталей обувных форм

длительном использовании обуви. В результате длительного ношения обувь стала крепиться на ноге не пряжками (вероятно, к тому времени они уже оборвались), а обычной лыковой верёвкой или кожаным ремешком, продетым сквозь прорези в берцах (рис. 6: 1.8–1.9; 7: 2.7–2.8). Две найденные модели с такими вырезами можно считать одной парой обуви.

Иную конструкцию имел башмак, от которого сохранился неполный набор деталей. Здесь однослойная подошва соединялась с верхом потайным швом (шов «в подтай»), расположенным на внутренней стороне подошвы и не выходящим на её внешнюю сторону, соприкасающуюся с почвой. Из деталей верха сохранилась только головка, по форме раскроя очень близкая к головкам рантовых башмаков (рис. 6: 2.1–2.2). Предполагается, что у этой модели также использовались берцы. На внутренней стороне головки не прослежены следы поднаряда и союзки, что указывает на упрощение конструкции обуви (цв. илл. 7).

В поисках аналогий находкам в Петропавловской крепости следует отметить, что в конце XVI – XVII вв. в большинстве стран Западной Европы все конструкции с жёсткими подошвами имели тот или иной вариант рантового крепления (Goubitz, 1984; Volken, 1996). В меньшей мере такой приём был распространён в Скандинавии, где подошвы иногда сшивали с верхом выворотным способом, с двумя рядами стежков для прочности. Это подтверждают находки выворотной обуви на шведском корабле «Ваза», затонувшем в Балтийском море 10 августа 1628 г. При подводных археологических исследованиях среди остатков корабля встречены модели с двухрядным выворотным швом, который в Англии назывался «норвежским», и рантовые формы, на которых иногда использовали контрастные по цвету стежки по краю. На некоторых туфлях рант оставался внутри верха, напоминая боковую подкладку, и, видимо, затягивался внизу нитью, проходящей до наружной подошвы. Выворотные туфли, по мнению Ю. Сванн, использовались шведами в качестве домашней обуви вплоть до XX в. (Swann, 2001. S. 108–109).

Связь со шведской традицией моделирования обуви демонстрируют все четыре вышеописанные формы, находящие близкие аналогии и в других европейских городах. Среди географически близких мест можно назвать коллекцию обуви из раскопа № 4 в г. Выборге на Карельском перешейке, относимую к первой половине XVII в. (Курбатов, 2003. С. 130–132, 135, рис. 1–8). С этой традиции также связана деталь верха башмака из сборов у

«Каретника» в Петропавловской крепости, которая была одной из двух парных продольных половин верха башмака (рис. 9: 4).

Кроме описанных моделей обуви в заполнении ямы, вырытой в материке на раскопе I у «Сената», встречены и отдельные обувные детали – обрзок голенища (рис. 9: 1), уплотнительная наружная накладка на рант (рис. 9: 3), накладная заплата (рис. 9: 5), два обреза головки (рис. 9: 6, 9) и два обреза от раскроя подошв (рис. 9: 7, 8).

В составе кожаных деталей, найденных на других объектах археологических исследований, отметим фрагмент кожаной обтяжки ножен шпаги (сабли, палаша), декорированной теснёными линиями и кругами с вписанным крестом (рис. 9: 10). Предмет найден в траншее у «Монетного двора». В свою очередь в траншее у «Каретника» найдены: одна из парных продольных половин верха башмака (рис. 9: 4), обрзок голенища(?) (рис. 9: 12) и подошва с основным швом «в подтай» (рис. 9: 13). Последние по особенностям раскроя и шивания, а также по качеству материала, можно сравнивать с находками из ямы у «Сената». Встреченные в этих местах изделия сопоставимы с изделиями скандинавских обувщиков, известными в материалах конца XVI – XVII вв. из городов Швеции. Они сопоставимы и с находками в городах Северо-Запада России, которые в XVII в. находились под властью шведской короны. Прежде всего, к ним относится Ивангородская крепость, захваченная шведами в 1581 г. и окончательно закреплённая за Швецией по Столбовскому мирному договору 1617 г. В ходе археологических исследований в крепости были найдены комплексы кожаных изделий конца XVI – XVII вв. (Курбатов, 1995. С. 198–208).

Сырьем для кожаных изделий служили шкуры крупного рогатого скота, выдубленные танинными настоями. Петропавловские кожи выглядят более плотными, по сравнению с кожами XVI–XVII вв., найденными в других русских городах, что может быть связано с более качественной технологией процесса выделки. Некоторые предметы имеют лощение лицевой стороны, относимое к операциям на завершающем этапе выделки кож. Лицевая сторона кож (мерея) имеет чёрный цвет, тогда как внутренняя (бахтарма) – коричневый.

Заключение

По конструктивным признакам и качеству материала кожаные предметы, найденные в яме, вырытой в материке на раскопе I у «Сената», и в траншее у «Каретника», скорее всего, отно-

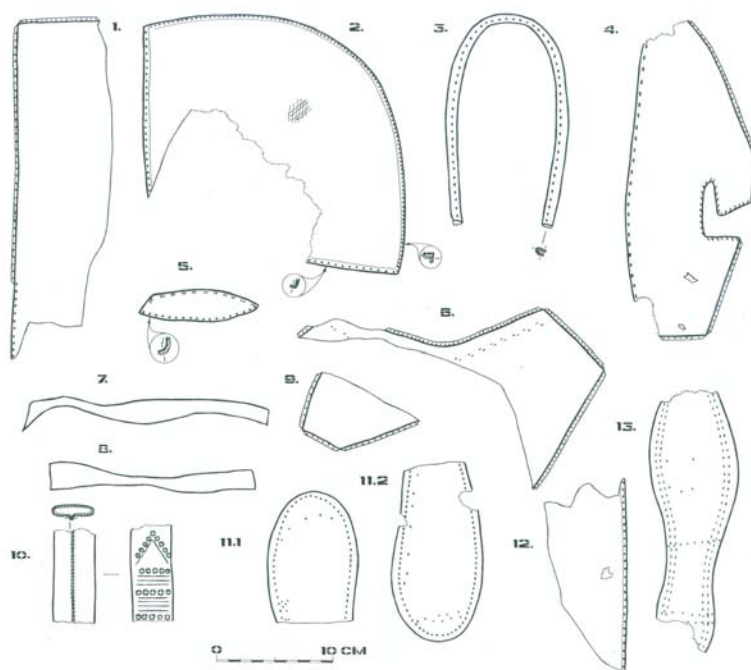

Рис. 9. Кожаные предметы из сборов в разных местах: 1–3, 5–9 – раскоп у «Сената», яма в материке; 10 – Монетный двор; 4, 12–13 – «Каретник»

сятся к одному достаточно узкому периоду бытования. Многочисленные аналогии, известные в западноевропейских и русских городах, позволяют датировать их, в целом, XVII–XVIII вв. и связывать их изготовление со шведской традицией сапожного дела. Между тем по условиям нахождения более вероятно относить эти предметы к началу XVIII в., а точнее, к первым годам существования г. Санкт-Петербурга.

Найденные в археологических комплексах предметы XVIII в. имеют высокую научную ценность для изучения бытовой культуры и ремесла этого времени. Это связано, прежде всего, с тем, что археологические находки этого столетия долгое время не фиксировались. Особенно интересна предлагаемая датировка вещей, что позволяет рассматривать их как обувную моду очень «узкого» временного диапазона. Находки в Петропавловской крепости имеют большое значение для изучения форм повседневной обуви первых горожан Санкт-Петербурга. Может показаться странным, но об этой стороне материальной культуры широких слоёв русского населения первой половине XVIII столетия мы знаем очень немного. Представления историков, в основном, основываются на письменных источниках. Также имеется большое количество изобразительных материалов и подлинных вещей, хранящихся в музеях (Белогорская, Ефимова, 1985. С. 343 и сл.).

В музеях Западной Европы хранятся коллекции одежды XVI–XVII вв., составлявшие часть королевских гардеробов. Такие собрания имеются и в отечественных хранилищах, хотя их состав нельзя считать полным (Рабинович, 1986. С. 63–64). Некоторые трудности в изучении одежды вызывает у исследователей определение времени их пошива. В равной мере это относится к вещам из хранилищ древностей и к археологическим находкам. В Восточной Европе изделия позднего средневековья и Нового времени в археологических комплексах разделяются далеко не всегда. Часто их датируют широко – XVI–XVIII вв. или XVII–XVIII вв. Памятники этого времени исследовались археологами в разных регионах России (Алексеев, 1996. С. 45–46; Артемьев, 1999; Боброва, 1984. С. 153), на Украине, в Белоруссии и странах Балтии (Левко, 1984. С. 49–52; Археологія Беларусі, 2001. С. 359–364; Соболев, Тарасов, 1985. С. 34–36; Дук, Соловьёв, 2004. С. 241 и сл.). Комплексы XVIII в. археологами выделяются крайне редко, но даже при раскопках таких комплексов изделия кожевенного ремесла не всегда подвергаются специальному анализу.

Впервые такого рода анализ кожаных изделий XVIII в., происходящих из раскопок 1950-х гг. в Москве, провели сотрудники Московского технологического института лёгкой промышленности. Они пришли к заключению, что

обувь петровского времени резко отличается от изделий XVII в. и более раннего времени. В ней впервые появляется стелька, а также используется затяжной метод сшивания подошвы и верха, что предполагает наличие специальной колодки. В это же время появляется жёсткая одинарная или многослойная подошва, крепившаяся в стельке деревянными шпёнками или ниточным внутренним швом (Зыбин, 1961. С. 108). В настоящее время систематические раскопки последних лет в Москве дали новые серии обуви этого времени (Осипов, 2006. С. 10–12). Кроме московских находок была исследована модель башмака конца XVIII в. из собрания музея Киево-Печерской Лавры (Зыбин, Малина, 1969. С. 98–102).

Можно добавить, что бытовая культура, изучаемая этнографами, как правило, не содержит вещей ежедневного использования, изготовленных в XVIII в. В лучшем случае, этнографы описывают изделия конца XIX – начала XX вв. Сохранившиеся формы одежды в соответствии с более ранними описаниями и изображениями ученые переносят на весь XIX в., а подчас и на более раннее время (Лебедева, Маслова, 1967. С. 193 и сл.). Повседневная одежда широких слоёв населения XVIII–XIX вв. практически не сохранилась. Например, обувь XVIII в. мы можем представить почти исключительно по запискам русских ученых и путешественников, обследовавших разные области и губернии России, а также по заметкам иностранцев. Поэтому любые археологические находки XVIII в. представляют большой интерес для реконструкции всех сторон жизни в отдельных регионах России.

Материальную культуру русских в XVIII в. историки, как правило, рассматривают сквозь призму эпохальных изменений, внесённых в жизнь России преобразованиями Петра I. В отношении одежды взгляды царя сформировались под влиянием уже сложившихся к последней четверти XVII в. в кругах титулованной знати и дворянства тенденций следования европейской моде (Шамин, 2005. С. 23 и сл.). Проникновение в русский быт европейского платья в XVII в. демонстрируют портреты и документы этого времени. Известно, что гардероб некоторых сановников (В. В. Голицына, Н. И. Романова, А. С. Матвеева) включал немецкие рубашки и кафтаны иноземного покроя. Так, боярин Н. И. Романов, даже находясь в своих сельских поместьях, любил носить французское и польское платье (Забелин, 1918. С. 63, 64). Великий князь Алексей Михайлович с детского возраста носил немецкие епанчи и кафтаны (Коршунова, 1979. С. 6). Но эта «европеизация»

затрагивала преимущественно придворную сферу и не отражалась на внешнем облике широких слоёв населения. Тем не менее, она должна быть ощутимой, если в конце своего правления Алексей Михайлович именным указом напоминал придворным, чтобы они «иноземных немецких и иных извычаев не перенимали, волосов у себя на голове не подстигали, тако ж и платья, кафтанов и шапок с иноземских образцов не носили и людем своим потому ж носить не велели» (Полное собрание законов Российской империи, 1830. № 607).

В последнее время в исторических работах появилось мнение о длительной, существовавшей на Руси на протяжении всего средневековья традиции разнообразных заимствований на Западе, связанных с разными сферами культуры и, надо полагать, отражавших постоянное общение русских с европейской культурой. Европейские традиции, накопленные в русской культуре ко второй половине XVIII в., отдельные исследователи делят на три этапа «соединения потоков древнерусской и западноевропейской культур» (Беляев 2006: 7). Это подтверждают и факты организации производства иноземных товаров в самой России приезжими ремесленниками-иностранцами, которых обязывали обучать своему ремеслу русских мастеров (Леонтьев, 1979. С. 9–10).

Преобразования начала XVIII в. затронули формы и фасоны одежд, регламентированных рядом именных Указов царя. Толчком к переменам послужило непосредственное знакомство Петра с нравами, бытом и внешним обликом европейцев во время его поездки за границу в составе Великого посольства в 1697–1698 гг. Уже 4 января 1700 г. Пётр издал первый указ, предписывающий «всех чинов служилым и приказным и торговым людем, и людем боярским, на Москве и в городах носить платья венгерские...». В Указе от 30 декабря 1701 г. подробно разъясняется, какую одежду и кто должен носить, а также, кто освобождается от этой обязанности. Ношение «немецкого платья» предписывалось всем категориям людей, находящихся на государственной службе, а также крестьянам, живших «на Москве для промыслов». Кроме священников всех рангов и пашенных крестьян, все названные группы жителей, а также члены их семей, должны были носить «платье немецкое и верхняя саксонския и французския, а исподнее камзолы и штаны и сапоги и башмаки и шапки немецкия, и ездить на немецких седлах». В отношении ремесленников указано, что русского и черкесского платья им впредь «не делать и в рядах не торговать». За ослушание полагался де-

нежный штраф, а для ремесленников – «жестокое наказание». Послабление было сделано только для сибирских жителей именным указом царя 1706 г. Им разрешалось «носить такое платье, какое кто пожелает и при верховой езде употреблять прежние их седла» (Полное собрание законов Российской империи, 1830. Т. 4.).

Однако надо полагать, что предпринятая коленная смена бытовых привычек населения России внедрилась не сразу и далеко не везде. Поэтому от 29 декабря 1714 г. последовал более жёсткий указ, по которому за ношение или изготовление русского платья виновных должны бить кнутом и ссылать на каторгу. Особый Указ от 3 октября 1715 г. ко «Всем промышленникам, которые делают юфть» обязывал кожевников делать юфть на ворваньем сале, а не смазанную дёгтем, поскольку вторая от воды «расползается». На обучение новому методу царь отводил два года, за которые посланные со всех городов представители кожевников должны были выучиться у мастеров, выписанных из Ревеля. Ссылка на эти указы легла в основу выводов Ю. П. Зыбина о резкой смене русского кожевенного и обувного производств в первой четверти XVIII в. (Зыбин, 1961. С. 111–112).

Археологическое изучение слоёв и комплексов XVIII в. в последние два десятилетия стало неотъемлемой частью масштабных археологических раскопок русских средневековых городов. Это позволило накопить материал и ответить на ряд вопросов градостроения: территориальный рост городской застройки, характер застройки (жилая или производственная, регулярная или рассеянная, каменная или деревянная), дало информацию о бытовой стороне жизни и занятий. Например, в Твери именно комплексы XVII и XVIII вв. стали основой для обоснования стадий территориального роста посадов города (Курбатов, 2001a) и традиционности материальной культуры горожан в Новое время, рассмотренной на примерах изделий керамических и кожаных (Кильдюшевский, Курбатов, 2001). Материалы XVIII в. приобретают особую ценность при изучении ранних этапов истории городов в Западной Сибири, что показательно для г. Березова, лежащего на слиянии рек Оби и Северной Сосьвы (Визгалов, Пархимович, 2010). В частности, изучение застройки XVIII в. позволяет проследить русскую традицию положения «строительных прикладов» под основания строящихся домов с IX–X вв. до XVIII–XIX вв. включительно (Визгалов и др., 2009). Во Владимире-на-Клязьме при широкомасштабных раскопках был открыт большой участок деревянных Торговых рядов

второй половины XVII – XVIII вв., а позднее перестроенных в камне (Курбатов, 2007).

Для изучения русского кожевенного ремесла археологические материалы XVIII в. также имеют большое значение, например, для подтверждения преемственности в развитии техники и технологии производства в России петровского времени по отношению к ремеслу XVII в. Также определяются особенности кожевенного ремесла в отдельных городах и регионах, региональная обувная мода и другие черты быта (Курбатов, 2008). Эти материалы ещё раз подтверждают ранее сделанные выводы о невозможности видеть в берестяной обуви (лаптях) доказательство бедности русского крестьянства в средневековье и Новое время (Курбатов, 2001b).

Источники и литература

- Алексеев А. Н., 1996. Первые русские поселения XVII–XVIII вв. на северо-востоке Якутии. Серия: История и культура востока Азии. Новосибирск.
- Артемьев А. Р., 1999. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII – XVIII вв. Владивосток.
- Археалогія Беларусі. Мінск, 2001. Т. 4. Помнікі XIV – XVIII ст.ст.
- Белогорская Р. М., Ефимова Л. В., 1985. Одежда // Очерки русской культуры XVIII в. М. Ч. 1.
- Беляев Л. А., 2006. Европеизация России и её исторические этапы: археологическая модель // Ростовский Архиерейский дом и русская художественная культура второй половины XVII века. Материалы конференции (Ростов, 21–23 сентября 2005 г.). Ростов.
- Боброва А. И., 1984. Погребения XVIII–XIX вв. Тискинского курганного могильника // Западная Сибирь в эпоху средневековья / Отв. ред. Л. А. Чиндина. Томск.
- Богданов А., 1997. Историческое, географическое и топографическое описание Санкт-Петербурга о начале заведения его, с 1703 по 1751 год, сочинённое Богдановым и дополненное Василием Рубаном. СПб. (Переиздание книги: СПб., 1779).
- Визгалов Г. П., Курбатов А. В., Пархимович С. Г., 2009. Строительные «приклады» в Восточной Европе и Западной Сибири (по данным археологии и этнографии) // НОМО EURASIUS. У врат

- искусства: Сборник трудов международной конференции. СПб.
- Визгалов Г. П., Пархимович С. Г., 2010. Березовский кремль: некоторые результаты и перспективы археологических исследований // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск. Вып. 8.
- Дук Д., Соловьёв А., 2004. Кожевенно-сапожное ремесло Полоцка XVI–XVIII вв. (по итогам археологического надзора на территории Великого посада в 2000–2002 гг.) // Гістарычна-археалагічны зборнік. Минск. № 19.
- Забелин И. И., 1918. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. М. Т. I, ч. 2.
- Зыбин Ю. П., 1961. Об одной исторической эпохе в развитии конструкции русской обуви // Известия ВУЗов. Технология легкой промышленности. Киев. № 4.
- Зыбин Ю. П., Малина О. В., 1969. Конструкция и технология одного из видов обуви XVIII в. // Известия ВУЗов. Технология легкой промышленности. Киев. № 4.
- Кильдюшевский В. И., Курбатов А. В., 2001. Традиционность в материальной культуре русской провинции позднего средневековья // Тверской археологический сборник. Тверь. Вып. 4, т. II.
- Коршунова Т. Т., 1979. Костюм в России XVIII – начала XX вв. Из собрания Государственного Эрмитажа. Л.
- Курбатов А. В., 1995. Кожаные изделия шведского периода из раскопок Ивангородской крепости // РА. № 2.
- Курбатов А. В., 2001а. К истории формирования посадов г. Твери (этапы территориального роста города по раскопкам 1980-х – 1990-х гг.) // Тверской археологический сборник. Тверь. Вып. 4, т. II.
- Курбатов А. В., 2001б. К истории лаптя на Руси (жизнь историографических мифов XVIII в.) // Тверской археологический сборник. Тверь. Вып. 4, т. II.
- Курбатов А. В., 2003. Кожаные изделия средневекового Выборга по раскопкам 2000–2001 гг. // Старо-ладожский сборник. СПб.; Старая Ладога. Вып. 6.
- Курбатов А. В., 2007. Раскопки 2003–2004 гг. у Торговых рядов в г. Владимире // Археология Владимиро-Суздальской земли: материалы научного семинара. М. Вып. 1.
- Курбатов А. В., 2008. Археологические данные о кожевенно-обувном ремесле в древнем Владимире // Археология Владимиро-Суздальской земли: материалы научного семинара. М. Вып. 2.
- Лебедева Н. И., Маслова Г. С., 1967. Русская крестьянская одежда XIX – начала XX вв. // Русские. Историко-этнографический атлас. Земледелие. Крестьянское жилище. Крестьянская одежда (середина XIX – начало XX века). М.
- Левко О. Н., 1984. Витебск XIV–XVIII вв. Минск.
- Леонтьев А. К., 1979. Быт и нравы // Очерки русской культуры XVII в. М. Ч. 2.
- Осипов Д. О., 2006. Обувь московской земли XII–XVIII вв. М. Материалы охранных археологических исследований. Т. 7.
- Полное собрание законов Российской империи, 1830. СПб. Т. 1; 4.
- Пыляев М. И., 2005. Старый Петербург. СПб.
- Рабинович М. Г., 1986. Одежда русских XIII–XVII вв. // Древняя одежда народов Восточной Европы / Отв. ред. М. Г. Рабинович. М.
- Словарь русского языка XVIII в., 1998. СПб. Т. 10.
- Соболь В. Е., Тарасов С. В., 1985. Обувь средневекового Минска // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. Мінск. № 4.
- Шамин С. М., 2005. Мода в России последней четверти XVII столетия // Древняя Русь: вопросы медиевистики. М. № 1 (19).
- Goubitz O., 1984. The drawing and registration of archeological footwear // Studies in conservation. London. Vol. 29, № 4.
- Swann J., 2001. History of Footwear in Norway, Sweden and Finland. Stockholm.
- Volken M. und S., 1996. Die Schuhe der St. Martiskirche in Vevey // Zeitschrift für Schweizerische Archäologie und Kunstgeschichte. Basel. Bd. 53. H. 1.

Археологические исследования на Аптекарской набережной

В. А. Лапшин, И. А. Гарбуз

В июле–августе 2011 г. экспедицией Группы охранной археологии Института истории материальной культуры РАН были проведены археологические исследования участка Аптекарской набережной, расположенного в Петроградском административном районе г. Санкт-Петербурга (Аптекарская наб., уч. 1, южнее дома 3, лит. Б по Инструментальной ул.) (рис. 1).

Исследования велись согласно договору №33/06/2011 от 10 июня 2011 г., заключённому между ИИМК РАН и ООО «ЛУКОЙЛ-Северо-Западнефтепродукт» на основании Открытого листа № 634, выданного на имя Лапшина Владимира Анатольевича от 30 июня 2011 г. В археологических работах принимали участие научные сотрудники ИИМК РАН, студенты Санкт-Петербургского государственного университета и сотрудники Государственного Эрмитажа. Территория археологических исследований находится в исторической части города и согласно Закону Санкт-Петербурга № 820-7 от 24.12.2008 входит в подзону археологического надзора ЗА 2.

При проведении археологических работ на территории исследования было заложено восемь разведывательных шурфов 2 x 2 м общей площадью 32 кв. м (шурфы 1–8). Инструментальная съёмка и измерения проводились с помощью лазерного электронного тахеометра (Leica TS2) в Балтийской системе высот (БС). В результате работ были выявлены археологические материалы (142 инв. №) и частично сохранившиеся культурные напластования XIX–XX вв.

Территория археологических работ располагается на Аптекарском острове, на участке между Инструментальной ул., Аптекарским пр. и ул. Проф. Попова и примыкает к Аптекарской набережной, которая занимает левый берег Большой Невки от Гренадерского моста (набережная р. Карповки) до Кантемировского моста (пр. Медиков) (рис. 2).

Согласно исторической справке, высокая железобетонная стенка Аптекарской набережной, облицованная гранитными плитами, и лестничные спуски к воде из гранита (один из них напротив исследуемого объекта) были построены в 1979 г.

по проекту инженеров Б. Б. Левина, Б. Н. Брудно и архитекторов Л. А. Носкова, Л. В. Говорковского и В. М. Иванова. Современное наименование набережной присвоено 16 апреля 1887 г. участку от р. Карповки до Аптекарского пр. Около 1982 г. набережная была продлена от Аптекарского пр. до пр. Медиков.

Аптекарский проспект начинается от наб. Карповки и проходит в северном направлении, пересекает ул. Проф. Попова и выходит на набережную Большой Невки. Ул. Профессора Попова проходит от Каменноостровского проспекта до Большой Невки, пересекая, таким образом, Аптекарский остров с запада на восток. Современное название улица получила в августе 1940 г. в честь профессора А. С. Попова, который с 1901 г. жил и работал в здании Электротехнического института на этой улице, где и скончался в 1906 г.

Аптекарский проспект и ул. Проф. Попова проложены в конце XVIII в. и показаны на плане Петербурга 1796 г. «План города С. Петербурга 1796 г. Составленный на основании атласа С. Петербурга, сочиненного Свиты Его Императорского Величества по Квартирмейстерской части Штаб и Обер-офицерами под надзором Генерал-квартирмейстера Барона Аракчеева» (без обозначения). Интересно, что Большая Невка названа Малой Невкой на некоторых ранних планах Санкт-Петербурга: «Плане Императорского столичного города Санкт Петербурга, сочиненный в 1737 году», планах 1738, 1744 и 1753 гг., плане Роша 1776 г., планах 1792, 1796 гг. (рис. 3–4).

На так называемом плане Шуберта 1828 г. участок набережной Большой Невки от р. Карповки до места ответвления Малой Невки назван Аптекарским проспектом. Современный же Аптекарский проспект обозначен как Песочный проспект; современная ул. Проф. Попова – как Песочная улица на участке западнее Каменноостровского пр. (Большого Каменноостровского проспекта на этом плане) и как Паршной переулочек от Каменноостровского проспекта до Песочного (то есть современного Аптекарского) проспекта. Продолжение улицы вдоль Ботанического сада до Б. Невки без надписи (рис. 5).

Рис. 1. Спутниковый фотоснимок территории археологических исследований (Яндекс, 2011)

Рис. 2. Территория археологических исследований перед началом работ. Вид с северо-запада

Рис. 3. Территория археологических исследований на плане Санкт-Петербурга 1717 г.

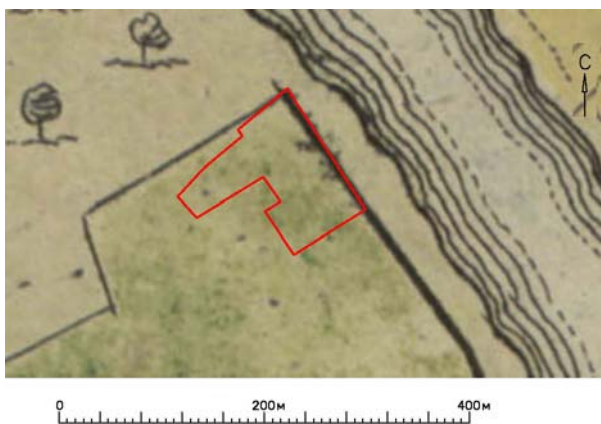

Рис. 4. Территория археологических исследований на плане Санкт-Петербурга 1776 г.

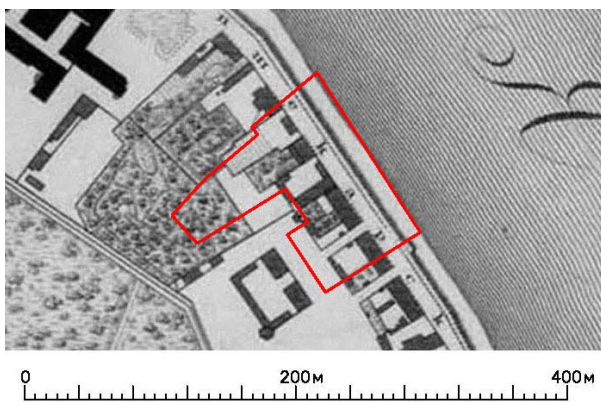

Рис. 5. Территория археологических исследований на плане Санкт-Петербурга 1828 г.

Инструментальная улица, проложенная в связи со строительством храма Преображения Господня в 1840-х гг., появляется на плане 1861 г. «План Петербургской части города С. Петербурга с показанием вновь предполагаемого урегулирования улиц» под названием Церковная улица. На этом же плане показана и современная церковь Преображения Господня как Церковь Спаса (рис. 6). При этом направление Инструментальной улицы можно проследить уже на «плане Шуберта» (без надписи).

Аптекарский остров – территория в северной части дельты Невы, в период до основания Санкт-Петербурга именуется на шведских картах островом Корписаари, что можно перевести как «келовый, дремучий» (от фин. *korpi*-) или «вороний» (от фин. *korppi*). Остров действительно был покрыт преимущественно лиственным лесом, и только лес обозначен в этом месте на плане 1698 г.

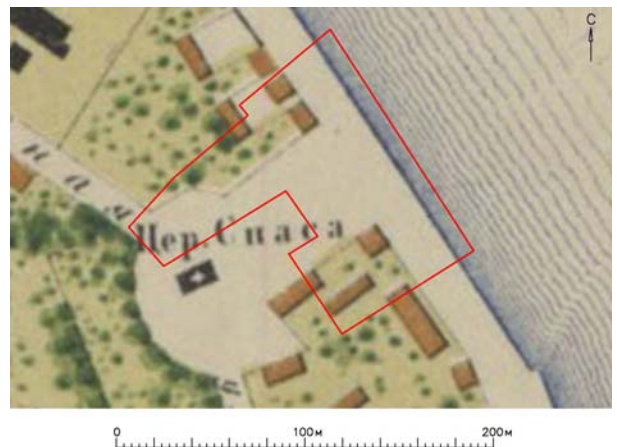

Рис. 6. Территория археологических исследований на плане Санкт-Петербурга 1861 г.

Исторические источники свидетельствуют о том, что территория современного Санкт-Петербурга была освоена ещё в VI–IX вв., и здесь формировалось единое прибалто-финско-славянское население.

С IX в. до 1478 г. эти территории входили в состав Водской пятины Великого Новгорода, затем были присоединены Иваном Грозным к Московскому княжеству, но уже с 1579–1580 гг. (юридически с 1617 г.) Приневье и Приладожье принадлежат Швеции. Шведское правительство проводило политику вытеснения прежнего населения, в 1630–1640-х гг. на место бежавшего в Россию православного населения были привезены десятки тысяч финнов из Финляндии. С этого времени тра-

диционные славянские топонимы были заменены на финские.

Известно, что на территории современного Санкт-Петербурга, начиная, по крайней мере, с середины XV в. находились сотни поселений. По новгородским описным книгам 1471–1478 гг. на Фомин-острове (Петроградском острове) имелось 30 дворов, на Васильевском острове – 24 двора, в устье реки Охты – 50 дворов и т.д. По описным книгам 1500 г., на территории нынешнего города насчитывалось более 1000 дворов с населением 5500 человек обоего пола. Наконец, по шведскому плану 1676 г., на этой территории находилось около 40 небольших селений. Одни селения носили шведские названия, другие – финские, третьи – русские. Селения были разбросаны среди лесов и болот. Жители их занимались охотой, рыбной ловлей, а также торговлей, которую Новгород, а затем шведы активно вели с народами Европы. Незначительные участки земли использовались под огороды и пашни.

Для изучения истории Аптекарского острова в «Петербургский период» были использованы планы и карты Санкт-Петербурга XVIII–XIX вв. На «Исторических картах С. Петербурга» на плане «Санкт-Петербург в 1705 году» по левому берегу Малой Невки (напротив Каменного острова) обозначены «Русские батареи, 1705 г. Брюсса»; напротив них на Каменном острове – «Шведские батареи, 1705 г. Майделема».

На тех же «Исторических картах...» и на планах 1717 г., 1725 г. на восточной окраине острова в углу, образованном Карповкой и Большой Невкой, обозначен (рисунком) Аптекарский огород, появившейся после 1714 г., когда Указом Петра I остров Корписаари был отдан под нужды Медицинской канцелярии и Главной аптеки.

В юго-восточном углу острова, образованном Карповкой и Большой Невкой, был разбит Аптекарский огород для выращивания лекарственных растений (ныне Ботанический сад и Ботанический институт им. В. Л. Комарова РАН). Этот «огород» занимал большую территорию, но не имел ещё «особых достопримечательностей». Соответственно здесь же сформировалась и Аптекарская слобода. На так называемой Палибиной гравюре, относящейся к концу 1716 – началу 1717 гг., одном из самых ранних планов Санкт-Петербурга, Аптекарский огород имеет буквенное обозначение Е.

На плане Буша 1717 г. участок исследования также как и на «Палибиной гравюре» обозначен

в виде буквы «Е» и при этом имеет описание (на немецком языке): «Аптекарский сад, а также Немецкое кладбище». Немецкое кладбище, очевидно, расположено в самом углу, образованном Большой Невкой и Карповкой (то есть довольно далеко от исследуемого участка). То же обозначено и на другом плане 1717 г. Хоманна. Аптекарский сад Медицинской коллегии с деревянным домом настоятеля и хозяйственными постройками занимал самую восточную часть Аптекарского острова.

Неподалеку от Аптекарского огорода в феврале 1721 г. по указу Петра I была основана «мастеровая изба лекарских инструментов» (в основном хирургических), или «инструментальная изба», или «Дело лекарских инструментов». В 1760 г. её преобразовали в Петербургскую инструментальную фабрику, а в 1796 г. – в Петербургский инструментальный хирургический завод, с 1896 г., после слияния инструментально-хирургического, фармацевтического и перевязочных производств, он назывался Заводом военно-врачебных заготовлений. В апреле 1917 г. на заводе был сформирован один из самых крупных на Петроградской стороне отряд Красной Гвардии, и с 1922 г. завод стал называться «Красногвардеец».

К территории археологических исследований с юго-западной стороны примыкает Церковь Преображения Господня. 6 августа 1808 г. в одном из домов близ Ботанического сада протоиереем Иоанном Семёновым из Петропавловского собора была освящена Преображенская церковь, предназначенная для служащих медицинского ведомства. Иконы для неё были написаны академиком С. А. Безсоновым. По-видимому, эта церковь обозначена на «плане Шуберта» 1828 г. как Церковь Спаса Преображения на берегу Большой Невки возле Ботанического сада.

Население Аптекарского острова росло, и 7 июля 1840 г. была заложена новая однопрестольная церковь на 360 человек. Автором проекта был знаменитый архитектор К. А. Тон, который считается наиболее ярким представителем русско-византийского стиля в архитектуре. Церковь возводилась на насыпном холме. В архитектуре церкви использованы мотивы русской архитектуры XVII в. Первоначально храм завершался луковичным пятиглавием. Восточный фасад был обращён к Большой Невке, и купола были хорошо видны с противоположного берега. Внутри храм был бесстолпным, свод украшала лепная отделка. Строительство здания храма длилось два года, после чего ещё три года ушло на его внутреннюю отделку, которая была поручена знаменитым художникам. В овальных медальонах

в парусах свода располагались фрески с изображениями четырёх евангелистов, выполненные знаменитым художником К. П. Брюлловым, кисти которого принадлежат также две иконы «на золотом фоне» для иконостаса – Спасителя и Богоматери. Остальные иконы в церкви принадлежат перу В. К. Сазонова. Барельефы на фасаде выполнены Н. А. Рамазановым и М. Г. Крыловым. Храм был освящён 16 сентября 1845 г.

В 1873 г. церковь стала считаться принадлежащей Гренадерскому полку. В Преображенский храм были перенесены чтимые полковые иконы XVIII в: св. Себастиана и Казанской Божией Матери, серебряная утварь 1829 г. и богатые сосуды, подаренные министром внутренних дел графом П. А. Валуевым. На стенах храма висели полковые знамёна и траурные доски; в витринах лежали мундиры Императоров-шефов. С 1905 г. при храме существовало приходское братство, содержавшее детский приют. Настоятелем в 1915–1921 гг. служил протоиерей Терентий Павлович Теодорович. В 1930 г. церковь была закрыта. Вскоре после этого, в 1933 г. здание было приспособлено под лабораторию электроакустики Ленинградского электротехнического института (ЛЭТИ) (ныне Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет).

Во время Великой Отечественной войны, в 1942 г. в бывшей церкви расположилась ставка командования военноморского флота. Вокруг здания были построены железобетонные укрепления. После войны укрепления были разобраны, и в здании вновь расположилась кафедра электроакустики и ультразвуковой техники, которая оставалась здесь до недавнего времени. Церковь искажена переделками. Она обезглавлена (частично сохранился только барабан центральной главы); вместо горизонтального пояса, опоясывавшего здание сверху, появились фигурные аттики; изменено оформление западного входа, а северный и южный входы исчезли; нет больше барельефов. Внутри храм разделен на три этажа. Сохранилась лепная отделка. В настоящее время храм передан Русской Православной церкви. Необходимо отметить, что здание Спасо-Преображенской церкви на сегодняшний день – единственная сохранившаяся церковная постройка архитектора К. Тона. Все остальные церкви в Ленинграде и пригородах, возведённые по его проектам, были уничтожены в 1920–1930-х гг.

Уже в годы царствования Павла I и Александра I остров становится модной дачной местностью, здесь строятся аристократические усадьбы и раз-

биваются парки. Однако это почти не касается исследуемого участка – в этой части острова известна лишь министерская казённая дача, на которой в начале XX в. проживал П. И. Столыпин и его семья. Сад этой дачи граничил с территорией храма Преображения Господня (и непосредственно примыкал к обследуемому участку). 12 августа 1906 г. на Аптекарском острове, напротив Ботанического сада, во время приёма на даче официальных и частных лиц на председателя Совета министров Петра Аркадиевича Столыпина было совершено покушение. В результате взрыва, совершенного террористами «Союза социалистов-революционеров максималистов» погибло тридцать человек, тридцать два получили ранения. Дочь и сын П. А. Столыпина также получили увечья. Сам министр не пострадал. Во всем доме не пострадала лишь одна комната – кабинет П. А. Столыпина, в котором он в этот момент находился.

К первой годовщине трагического события было принято решение о сооружении памятника. На участке разрушенной дачи разбили цветник и состоялась торжественная закладка монумента. Проект обелиска из пютерлакского красного гранита высотой более пяти метров составили архитектор Р. Р. Марфельд и гражданский инженер В. К. Терлецкий. Памятник был открыт во вторую годовщину трагедии в 1908 г. На стороне четырёхугольного обелиска, обращённого к Большой Невке, была помещена икона Воскресения Христова, написанная монахинями-художницами Новодевичьего монастыря. С противоположной стороны установили медную доску с именами погибших. Икона и доска были утрачены в 1920-х гг. Восстановлены в 1991 г.

Анализ исторических источников позволяет проследить основные этапы освоения исследуемой территории. На ранних планах Петербурга: «Палибиной гравюре» (1716 г.), «плане Николая де Фера» (1717 г.), «плане Буша» (1717 г.) и др., территория отмечена как незастроенная. В это время здесь располагался лесной массив. Первые признаки хозяйственного освоения территории фиксируются на плане Санкт-Петербурга 1738 г. На этом плане непосредственно на участке изображена прямоугольная постройка и нарисована дорога примерно в 60 м к западу от границ участка.

Идентичная картина зафиксирована и на «плане Трускотта» 1753 г. На незастроенной части территории на плане изображён смешанный лес. Более плотная застройка участка показана на плане 1796 г. Здесь участок изображён как полностью освоенный, и большая его часть занята строениями.

На «плане Шуберга» зафиксирована проложенная к тому моменту Аптекарская набережная и регулярная деревянная застройка по всей восточной части территории. В 1841 г. с западной стороны участка был построен Храм Спаса Преображения Господня.

Согласно известным картографическим источникам, наиболее ранние культурные слои на участке могут относиться к первой половине XVIII в.; интенсивная застройка участка начинается в конце XVIII – начале XIX вв.; окончательно исторический облик участка формируется к середине XIX в.

Таким образом, исследуемый участок Аптекарской набережной оставался слабозаселённым в «допетербургский» период и часто изображался как покрытый лесом и редкими деревянными постройками. После основания Санкт-Петербурга эта часть Аптекарского острова использовалась преимущественно под сады Медицинской коллегии (с XVIII в.) и дачи Министерства внутренних дел (с XIX в.), к одной из которых (дача премьер-министра П. А. Столыпина) примыкал церковный сквер Храма Преображения Господня (с 1845 г.).

К моменту начала археологических работ территория исследования представляла собой огороженную площадку неправильной П-образной формы общей площадью 8242 кв. м, вытянутую вдоль р. Большая Невка по Аптекарской набережной (рис. 1). В северной и северо-западной части площадки расположены остатки бетонного фундамента, заваленного битым кирпичом, керамической плиткой, стеклом и досками перекрытий. Это остатки демонтированных фундаментных конструкций зданий авторынка, располагавшегося на этом месте в 2000-е гг. Площадь разрушенного фундамента 1064 кв. м (рис. 2).

В центральной части площадки с юго-западной стороны находится единственное сохранившееся двухэтажное здание бывших автомастерских и складских помещений авторынка. К юго-западу от разрушенного фундамента произрастают старые тополя. Эта часть территории исследования частично покрыта асфальтом, асфальтной крошкой и утрамбованным песчаным грунтом. Северо-восточная, восточная и южная части площадки, примыкающая к Аптекарской набережной, полностью покрыта асфальтом, на котором равномерно залегают современный бытовой мусор. На юго-восточном участке территории исследования также зафиксированы остатки бетонного фундамента, частично поросшего травой. Площадь разрушен-

ных фундаментных конструкций составила 846 кв. м. С северо-запада территория работ примыкает к действующему бизнес-центру «Кантемировский», с юго-востока к обелиску в память о погибших при покушении на П. А. Столыпина, расположенному во дворе нового жилого дома. С юго-западной стороны территория исследований граничит с участком бывшего церковного сквера, засаженного деревьями, в пределах которого расположен укрепленный бункер – бывший командный пункт Штаба Балтийского флота. Сразу за укрепленным сооружением находится Храм Преображения Господня.

В ходе археологических исследований было выделено три условных горизонта культурных напластований и несколько связанных с ними слоёв различных контекстов, залегающих между условными горизонтами на разных участках работ (шурфы 1–8) (рис. 7).

Горизонт 1. Уровень дневной поверхности XX в. (4,00–3,50 м БС). На отдельных участках площадки зафиксировано несколько прослоек асфальтового покрытия, под которым выявлены два уровня булыжных мостовых, перекрывающих мешаные техногенные слои второй половины XIX–XX вв.

Одна из булыжных мостовых исследована в юго-западной части площадки (шурф 4). Мостовая была сложена из крупных обработанных гранитных камней и, судя по заполированности гранита и датирующему материалу, использовалась продолжительное время, начиная со времени не ранее второй половины XIX в. Поверх мостовой в XX в. был уложен второй (верхний) уровень брусчатки, затем была произведена частичная разборка мощения и укладка асфальтового покрытия. В юго-восточной части площадки (шурфы 5, 7) под слоями асфальта и бетонных перекрытий были также зафиксированы булыжные и деревянные мостовые XIX – первой половины XX в. Ниже уровня мостовых, как и уровня современной дневной поверхности, на исследованных участках залегают мешаные техногенные слои, связанные с освоением территории в XIX–XX вв.

Горизонт 2. Уровень распространения фрагментированного слоя гумусированного суглинка погребённой почвы XIX в. (2,65–2,23 м БС). Выявлен преимущественно в северо-западной части территории исследования (шурф 1, 3, 4). На одном из участков исследования (шурф 3) слой полностью уничтожен строительным котлованом, зафиксированным в периферийной зоне возведения Храма преображения Господня.

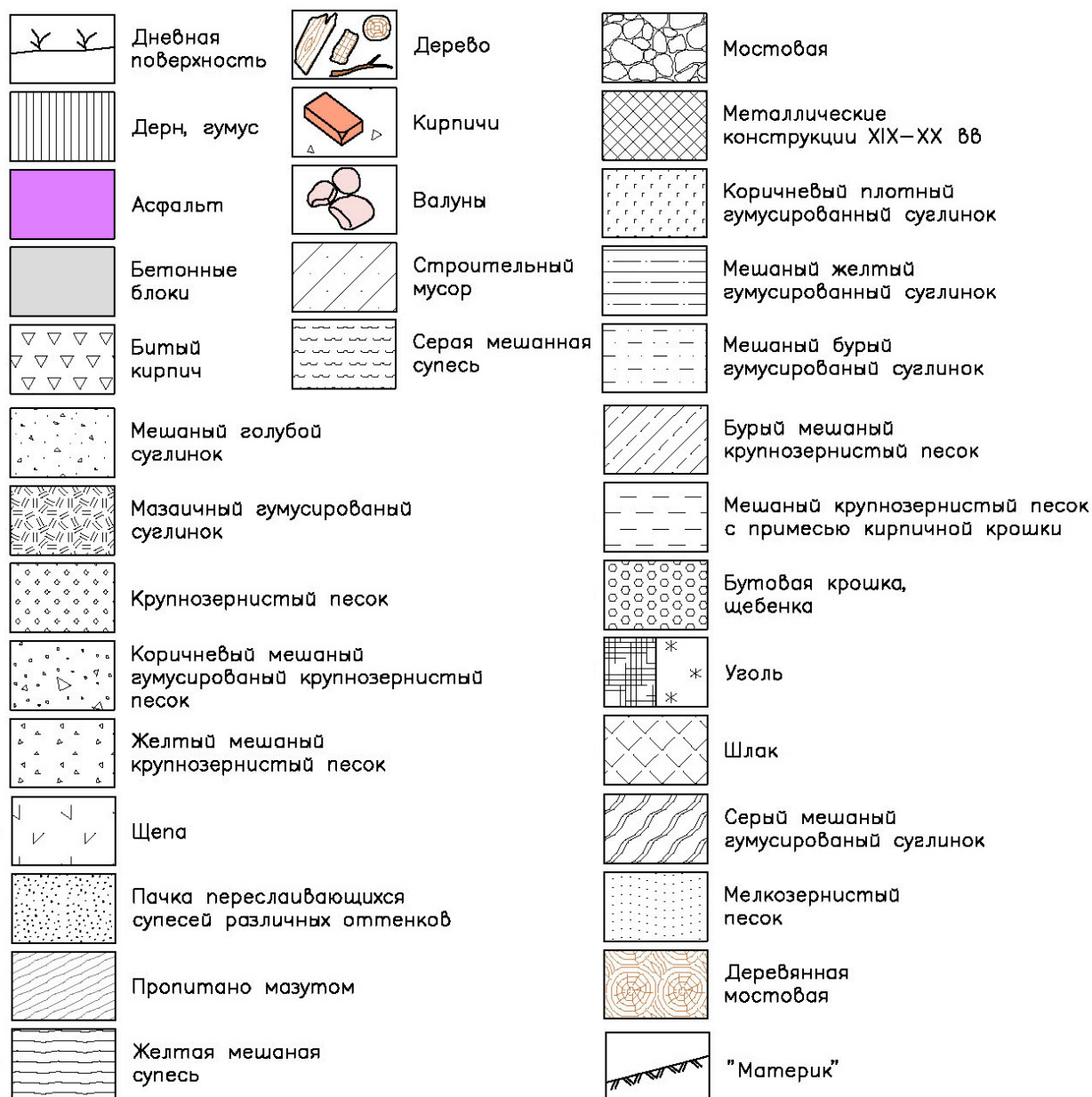

Рис. 7. Условные обозначения

Горизонт 3. На отметках 2,20–1,40 м БС зафиксирована материковая поверхность. Слой материка представляет собой суглинки, глины и мелкозернистый песок разных оттенков от серого до светло-зелёного с включениями ожелезнений. Общая мощность культурных напластований составила 1,50–2,45 м.

Шурф 1. Шурф размерами 2 x 2 м заложен в юго-западной части территории исследований на расстоянии 1,00 м к юго-востоку от металлического ограждения площадки рядом с растущими деревьями. Площадь шурфа 4 кв. м.

Верхний уровень фиксации современной дневной поверхности 3,59–3,66 м БС, нижний уровень фиксации поверхности исследования 1,50–1,55 м БС. Общая глубина исследований 2,10 м (рис. 8–10).

Стратиграфия культурных напластований шурфа представлена следующими слоями: задернованный слой мусора и бытовых отходов XX в. (3,59–3,66 м БС); слой мешаной серой супеси с включениями угля, битого кирпича, стекла, фрагментов железных изделий (3,02–3,15 м БС); слой коричневого плотного гумусированного суглинка погребённой почвы XIX в. (2,62–2,70 м БС); подпочвенный слой

Рис. 8. Общий вид шурфа 1 с северо-востока

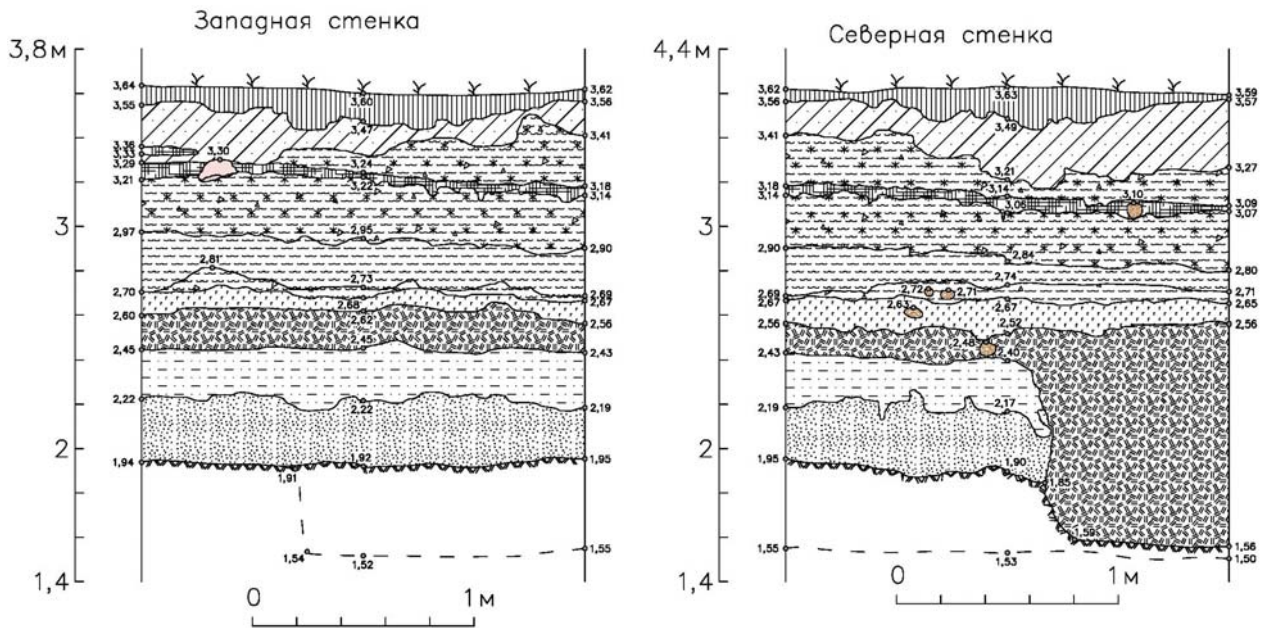

Рис. 9. Стратиграфия западной и северной стенок шурфа 1

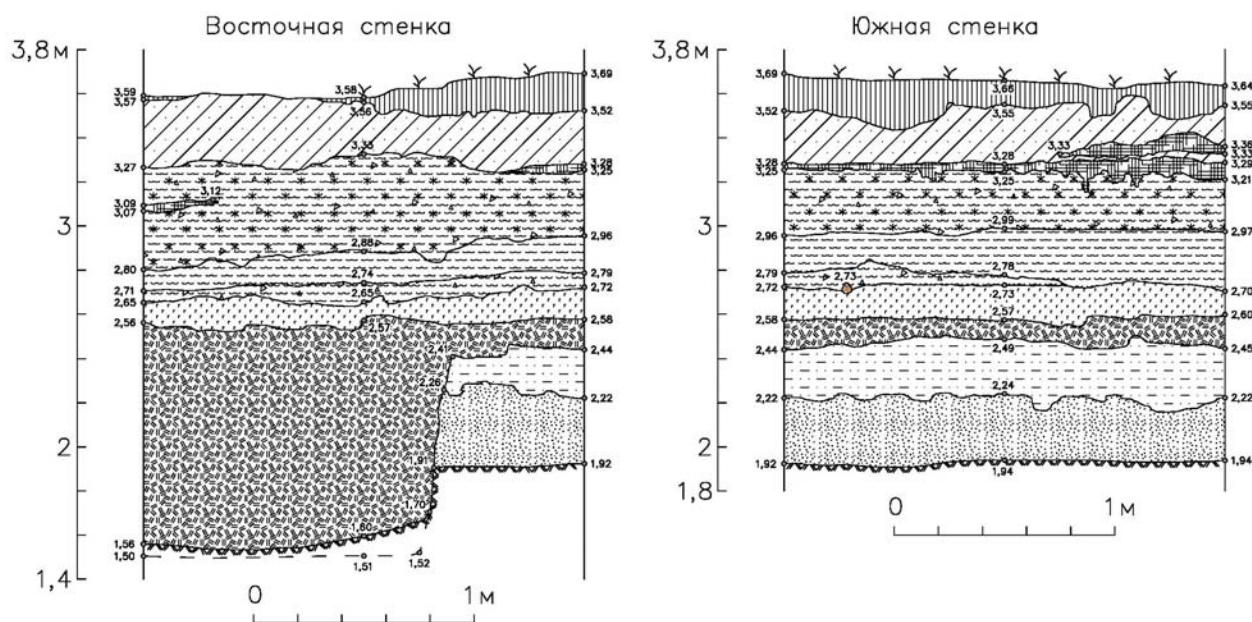

Рис. 10. Стратиграфия восточной и южной стенок шурфа 1

мешаного бурого гумусированного суглинка (2,40–2,47 м БС); серый мелкозернистый материковый песок с ожелезнениями (1,90–1,95 м БС).

В пределах шурфа зафиксирована яма диаметром 1,60 м (яма 1), заполненная мозаичным гумусированным суглинком. Контрольный прокоп по уровню материковой поверхности позволил проследить стерильный материковый слой и наличие грунтовых вод (1,50–1,55 м БС).

Судя по стратиграфической ситуации, на исследуемом участке в XIX в. располагалась садово-парковая зона, в XX в. участок был засыпан белым строительным песком и мешаным грунтом с отдельными фрагментами бытовых отходов, поверх которых в настоящее время зафиксировано новое почвообразование вокруг произрастающих здесь тополей, высаженных, вероятно, уже после Великой Отечественной войны.

Шурф 2. Шурф размерами 2 x 2 м заложен в юго-западной части территории исследований на расстоянии 38,2 м к северо-востоку от шурфа 1. Площадь шурфа 4 кв. м. Верхний уровень фиксации современной дневной поверхности лежит на отметках 3,70–3,90 м БС, нижний уровень фиксации поверхности исследования – на отметках 1,50–1,55 м БС. Общая глубина исследований 2,35 м (рис. 11–13).

Стратиграфия культурных напластований шурфа представлена следующими слоями: задернованный слой мусора, битого кирпича и бытовых отходов XX в. (3,70–3,90 м БС); слой мешаного бурого гумусированного суглинка с включениями разрушенных бетонных блоков и свай, битого кирпича, стекла, фрагментов железных изделий (2,50–2,55 м БС); слой предматериковых переслаивающихся супесей различных оттенков с вкраплениями мешаного бурого гумусированного суглинка (1,91–2,12 м БС); уровень грунтовых вод (1,50–1,55 м БС).

В пределах шурфа зафиксирована траншея под бетонный фундамент шириной до 1,20 м, заполненная мозаичным гумусированным суглинком. Зачистить шурф по уровню материковой поверхности не представлялось возможным в связи с активным поступлением грунтовых вод. Судя по стратиграфической ситуации, исследуемый участок в XX в. подвергался интенсивной застройке. Частично исследована засыпка котлована под бетонные фундаментные конструкции.

Шурф 3. Шурф размерами 2 x 2 м заложен в юго-западной части территории исследований на расстоянии 37 м к югу от шурфа 2 в непосредственной близости от территории Храма Преображения Господня. Площадь шурфа 4 кв. м. Верхний уровень фиксации современной дневной поверхности 3,97–4,01 м БС, нижний уровень фикс-

Рис. 11. Общий вид шурфа 2 с востока

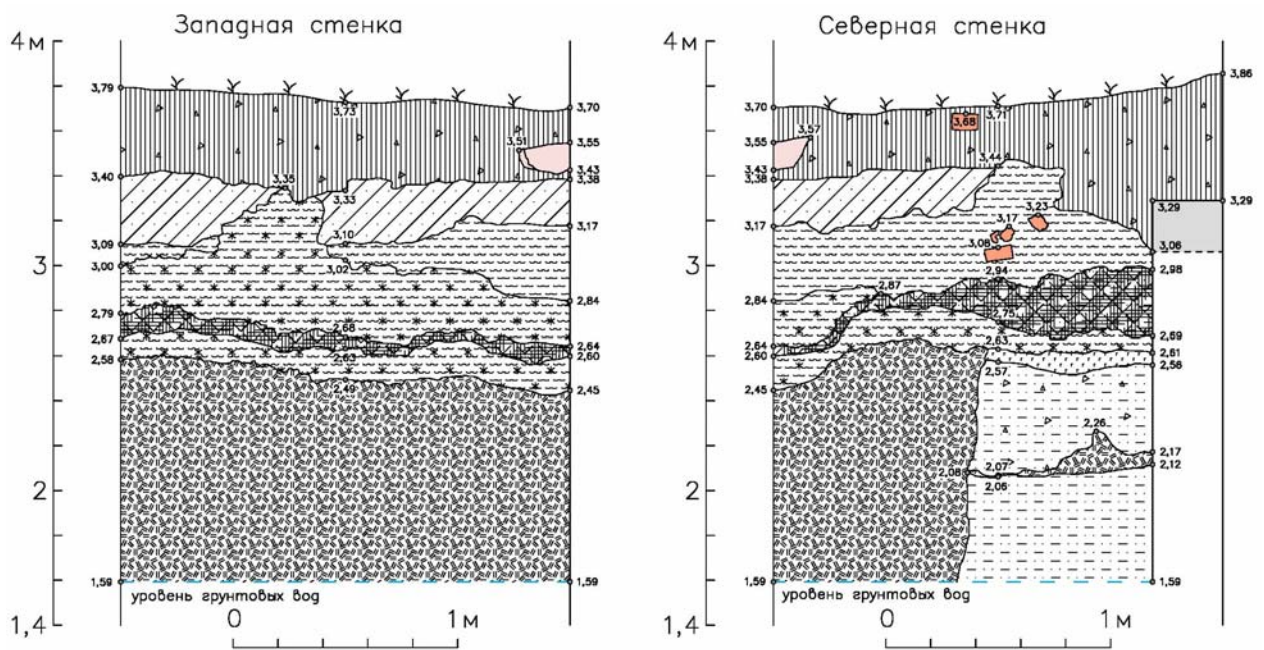

Рис. 12. Стратиграфия западной и северной стенок шурфа 2

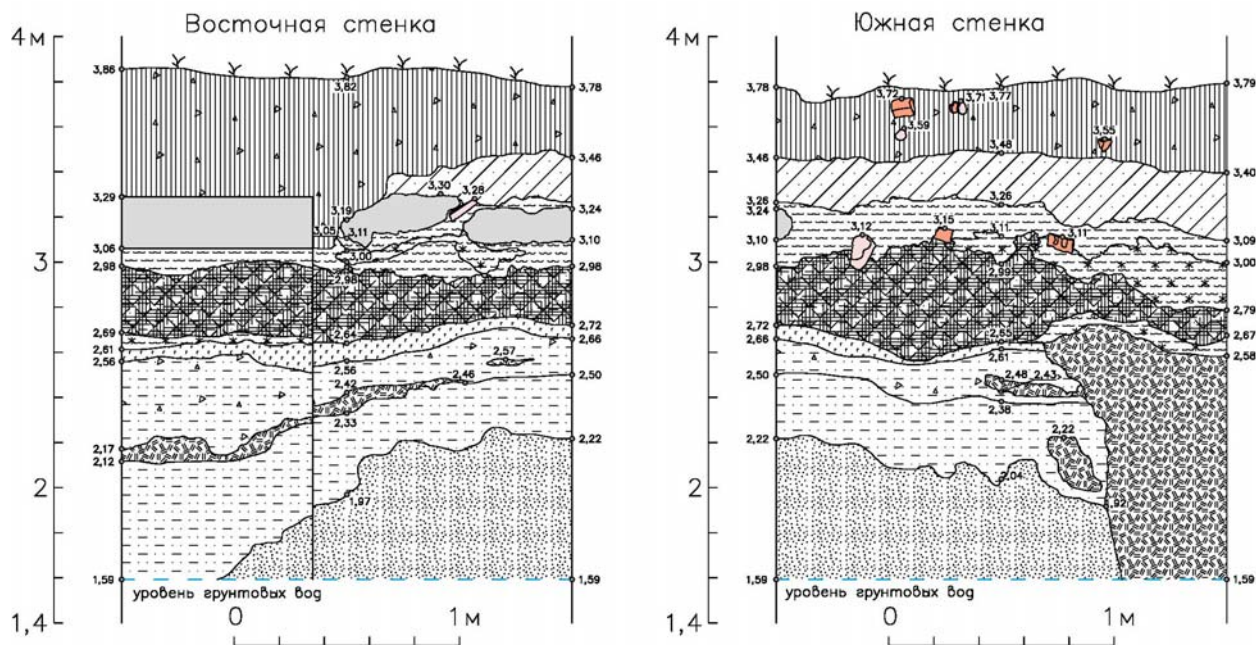

Рис. 13. Стратиграфия восточной и южной стенок шурфа 2

сации поверхности исследования 1,52–1,56 м БС. Общая глубина исследований 2,45 м (рис. 14–16).

Стратиграфия культурных напластований шурфа представлена следующими слоями: слой мешаного грунта со строительным мусором, асфальт, включения угольного шлака, асфальтовой крошки и битого кирпича (3,97–4,01 м БС); слой кирпичной крошки с включениями известнякового раствора, битого кирпича и крупными фрагментами архитектурного декора (3,37–3,43 м БС); фрагмент коричневого плотного гумусированного суглинка погребённой почвы XIX в. (2,40 м БС); серая плотная материковая глина (2,02–2,31 м БС).

В пределах шурфа зафиксирована траншея с силовым кабелем в коррозированной металлической оплётке. Контрольный прокоп по уровню материковой поверхности позволил проследить стерильный материковый слой (1,52–1,56 м БС). Судя по стратиграфической ситуации, исследуемый участок в 40-е гг. XIX в. располагался в периферийной зоне строительства Храма Спаса Преображения. Зафиксирован строительный котлован, перерезающий уровень материковой поверхности, с остатками строительного мусора и фрагментами архитектурного декора.

Шурф 4. Шурф размерами 2 х 2 м заложен в юго-западной части территории исследований на

расстоянии 38 м к северо-востоку от шурфа 3 в непосредственной близости от сохранившегося здания бывших автомастерских. Площадь шурфа 4 кв. м. Верхний уровень фиксации современной дневной поверхности 3,44–3,50 м БС, нижний уровень фиксации поверхности исследования 1,53–1,65 м БС. Общая глубина исследований 1,90 м (рис. 17–20).

Стратиграфия культурных напластований шурфа представлена следующими слоями: слой бутовой крошки, щёбенки плотной асфальтовой крошки с подсыпками жёлтого строительного песка, фрагментами битого кирпича, раздробленного бетона, железной арматуры, стекла (3,44–3,50 м БС); фрагментированная булыжная мостовая XX в. с подсыпками из мешаного бурого гумусированного суглинка (2,90–3,05 м БС); булыжная гранитная мостовая XIX в. с подсыпкой мелкозернистого песка (2,59–2,80 м БС); слой мозаичного гумусированного суглинка с пятнами мешаного жёлтого гумусированного суглинка, мешаного бурого гумусированного суглинка с включениями угля (2,46–2,55 м БС); серая плотная материковая глина (2,10–2,22 м БС).

В пределах шурфа зафиксированы фрагменты трёх хозяйственных ям неправильной овальной формы диаметром до 1,50 м (ямы 1, 2, 3), заполненные мешаным жёлтым и мешанным бурым

Рис. 14. Общий вид шурфа 3 с юго-запада

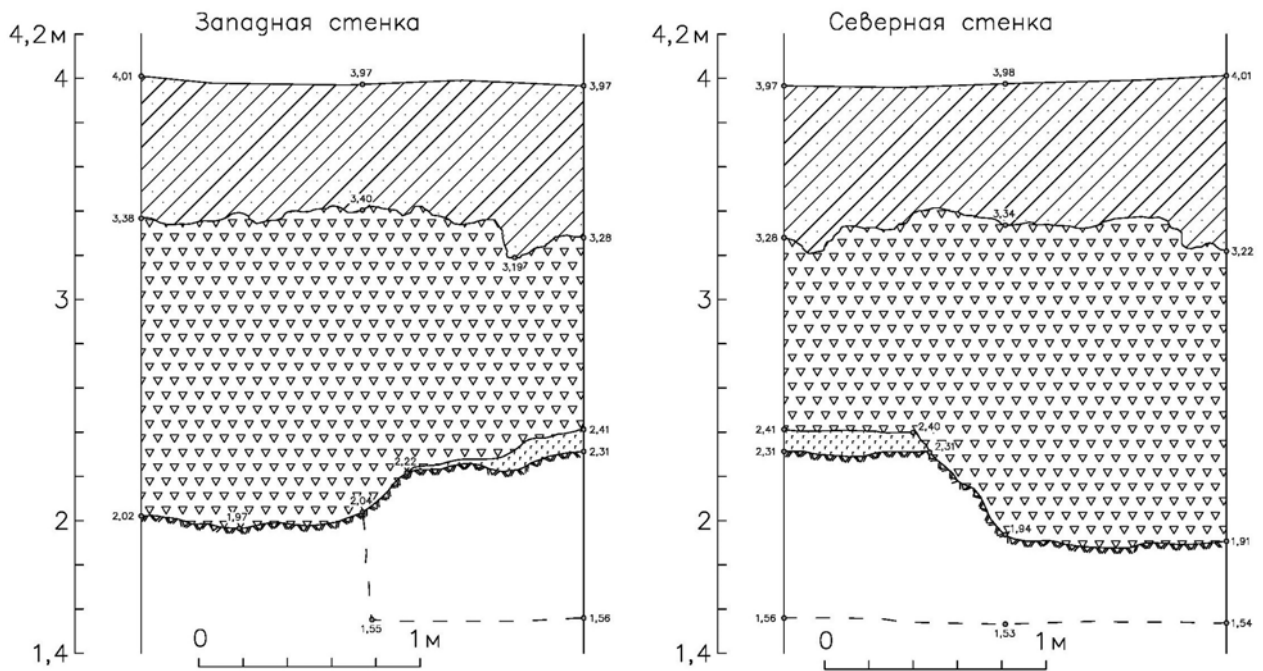

Рис. 15. Стратиграфия западной и северной стенок шурфа 3

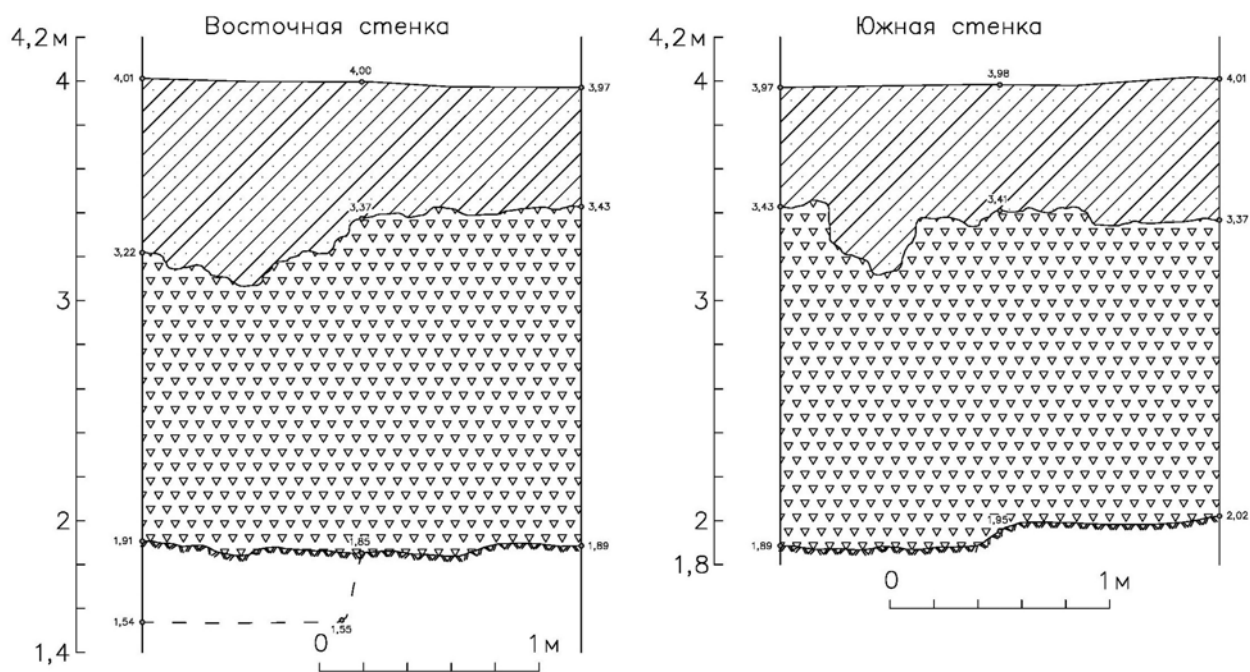

Рис. 16. Стратиграфия восточной и южной стенок шурфа 3

Рис. 17. Булыжная мостовая в шурфе 4. Вид с юга

Рис. 18. Общий вид шурфа 4 с юго-запада

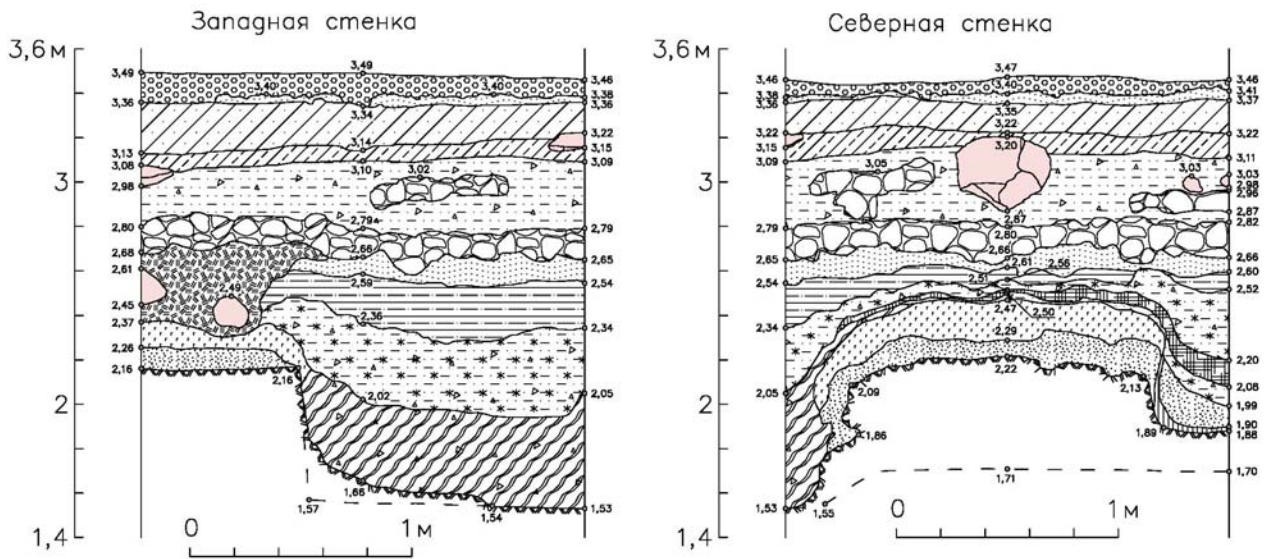

Рис. 19. Стратиграфия западной и северной стенок шурфа 4

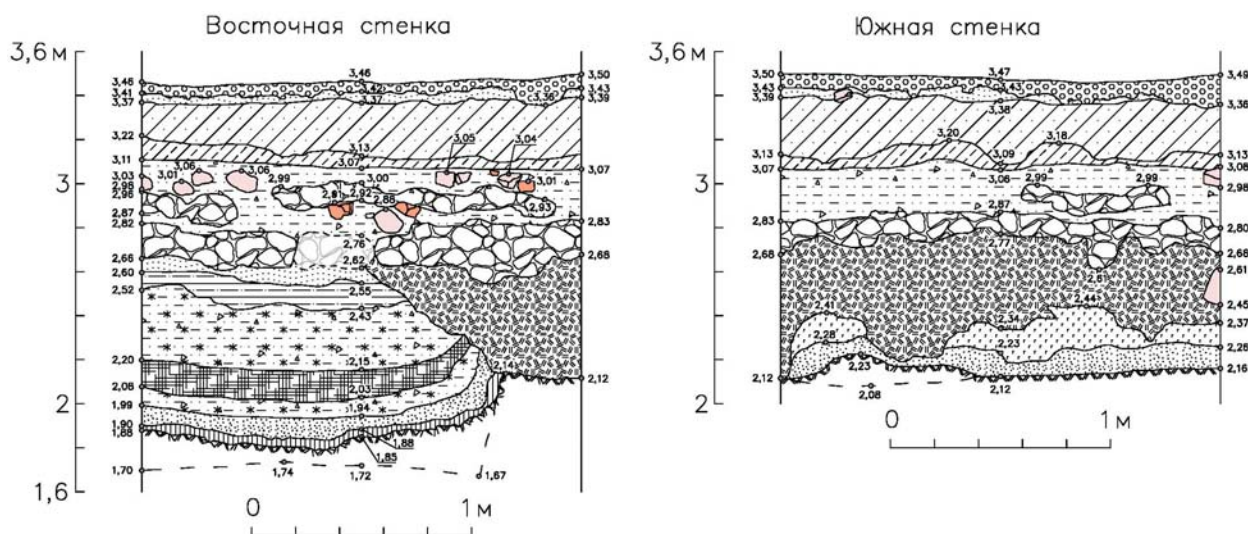

Рис. 20. Стратиграфия восточной и южной стенок шурфа 4

гумусированными суглинками с включением угля. Ямы продолжаются в стены шурфа. Контрольный прокоп по уровню материковой поверхности позволил проследить стерильный материковый слой (1,57–1,65 м БС).

Судя по стратиграфической ситуации, по территории исследуемого участка на протяжении XIX в. и первой половины XX в. проходила основная дорога к набережной Большой Невки.

Шурф 5. Шурф размерами 2 x 2 м заложен в южной части территории исследований на расстоянии 36 м к юго-востоку от шурфа 4 в непосредственной близости от сохранившегося здания бывших автомастерских. Площадь шурфа 4 кв. м. Верхний уровень фиксации современной дневной поверхности 3,85–3,92 м БС, нижний уровень фиксации поверхности исследования 2,20–2,26 м БС. Общая глубина исследований до 1,67 м (рис. 21–24).

Стратиграфия культурных напластований шурфа представлена следующими слоями: бутовая крошка, щебёнка, асфальт, цельная бетонная плита, армированная арматурой, слой строительного мусора (3,85–3,92 м БС); булыжная гранитная мостовая XIX в. с подсыпкой мелкозернистого песка (3,09–3,15 м БС); слой бурого мешаного крупнозернистого песка с включениями битого кирпича и пятнами мозаичного гумусированного суглинка (2,89–2,93 м БС); мешанный бурый гумусированный суглинок с пятнами мозаичного гумусированного суглинка (2,82–2,88 м БС); серая плотная материковая глина с ожелезнениями (2,38–2,43 м БС).

В пределах шурфа зафиксированы две ямы подпрямоугольной формы (ямы 1, 2), диаметром до 0,70 м, заполненные мешаным бурым гумусированным суглинком. Ямы частично продолжаются в стены шурфа и оставлены, вероятно, истлевшими деревянными свайными конструкциями под фундамент. Контрольный прокоп по уровню материковой поверхности позволил проследить стерильный материковый слой (2,20–2,26 м БС).

Судя по стратиграфической ситуации, по территории исследуемого участка на протяжении XIX в. и первой половины XX в. проходила одна из дорог вдоль набережной Большой Невки.

Шурф 6. Шурф размерами 2 x 2 м заложен в юго-восточной части территории исследований на расстоянии 44 м к востоку от шурфа 5 в непосредственной близости от разрушенного фундамента одного из зданий авторынка. Площадь шурфа 4 кв. м. Верхний уровень фиксации современной дневной поверхности 3,91–4,09 м БС, нижний уровень фиксации поверхности исследования 2,05–2,12 м БС. Общая глубина исследований до 2,00 м (рис. 25–27).

Стратиграфия культурных напластований шурфа представлена следующими слоями: задернованный слой мусора и бытовых отходов XX в., слой плотной асфальтовой крошки с подсыпкой гранитной щебёнки, прослойкой белого строительного песка, и слой коричневого мешаного гумусированного крупнозернистого песка с фрагментами битого кирпича, раздробленного бетона, железной арматуры,

Рис. 21. Булыжная мостовая в шурфе 5. Вид с юго-запада

Рис. 22. Общий вид шурфа 5 с юго-запада

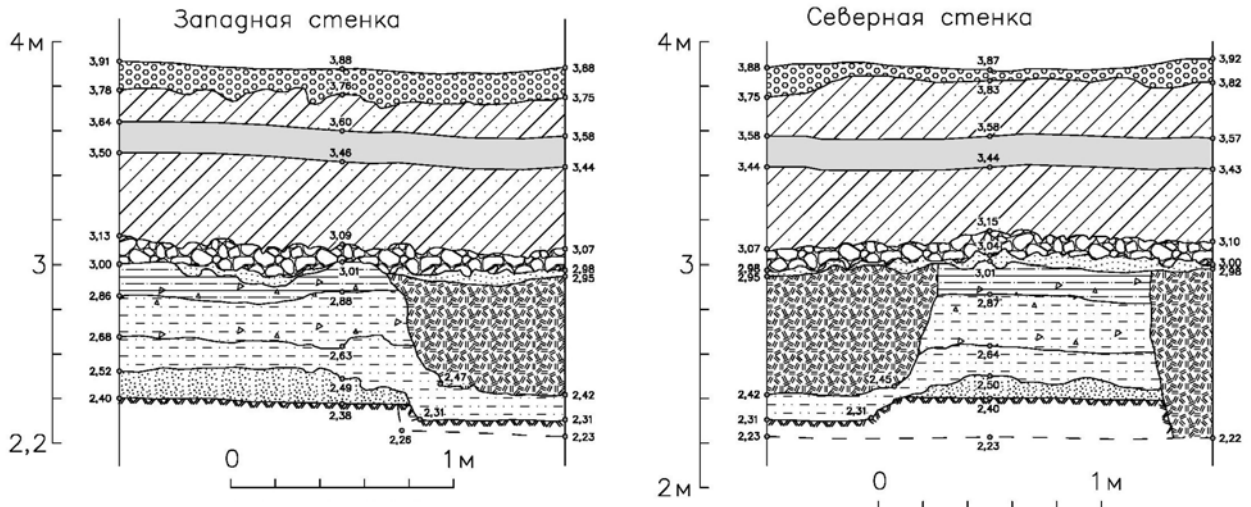

Рис. 23. Стратиграфия западной и северной стенок шурфа 5

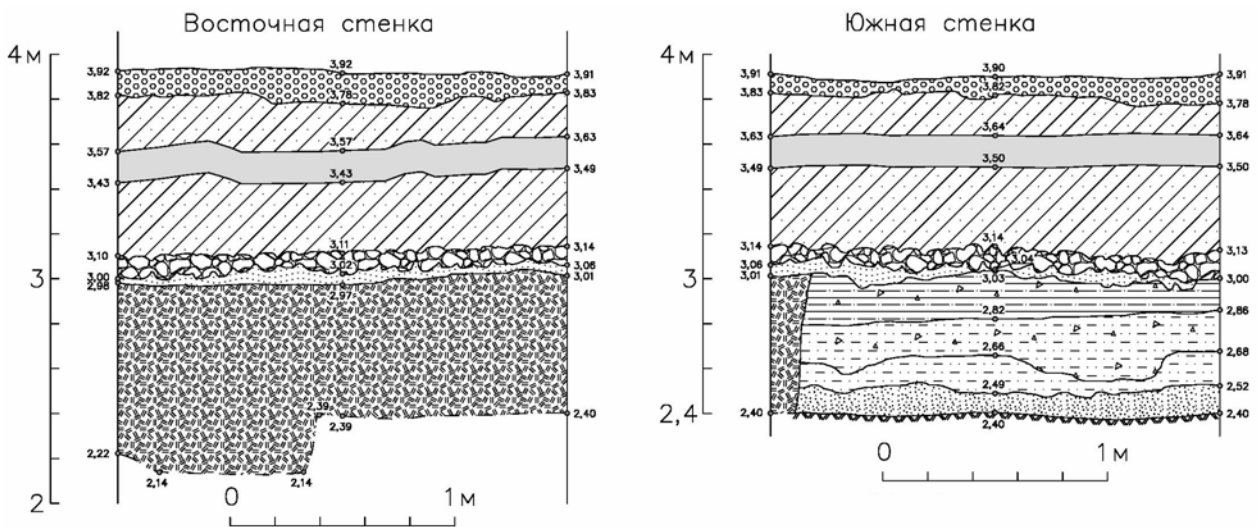

Рис. 24. Стратиграфия восточной и южной стенок шурфа 5

стекла (3,91–4,09 м БС); слой серого мешаного гумусированного суглинка (2,44–2,53 м БС); слой переслаивающихся супесей различных оттенков (2,31–2,37 м БС); серый материковый песок (2,30 м БС). Контрольный прокоп по уровню материковой поверхности позволил проследить стерильный материковый слой (2,05–2,12 м БС).

Судя по стратиграфической ситуации, исследуемый участок в XX в. подвергался интенсивной застройке. Частично исследована засыпка одного из строительных котлованов.

Шурф 7. Шурф размерами 2 x 2 м заложен в восточной части территории исследований на расстоянии 15 м к востоку от шурфа 6 вдоль проезжей части Аптекарской набережной. Площадь шурфа 4 кв. м. Верхний уровень фиксации современной дневной поверхности 3,70–3,73 м БС, нижний уровень фиксации поверхности исследования 2,21–2,26 м БС. Общая глубина исследований до 1,50 м (рис. 28–31).

Стратиграфия культурных напластований шурфа представлена следующими слоями: асфальт с че-

Рис. 25. Общий вид шурфа 6 с юго-запада

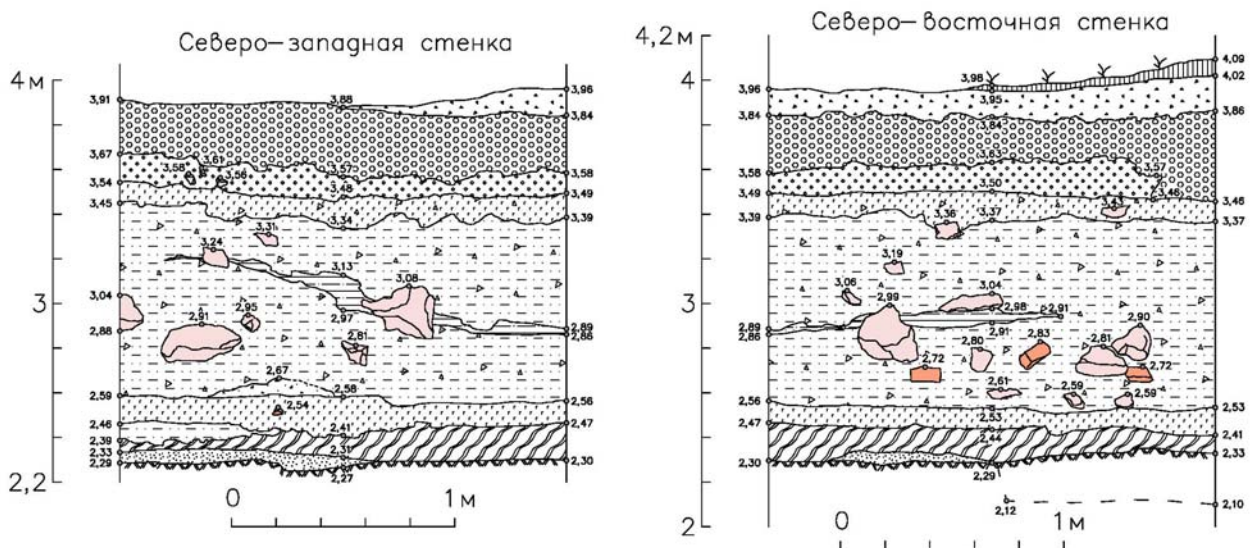

Рис. 26. Стратиграфия западной и северной стенок шурфа 6

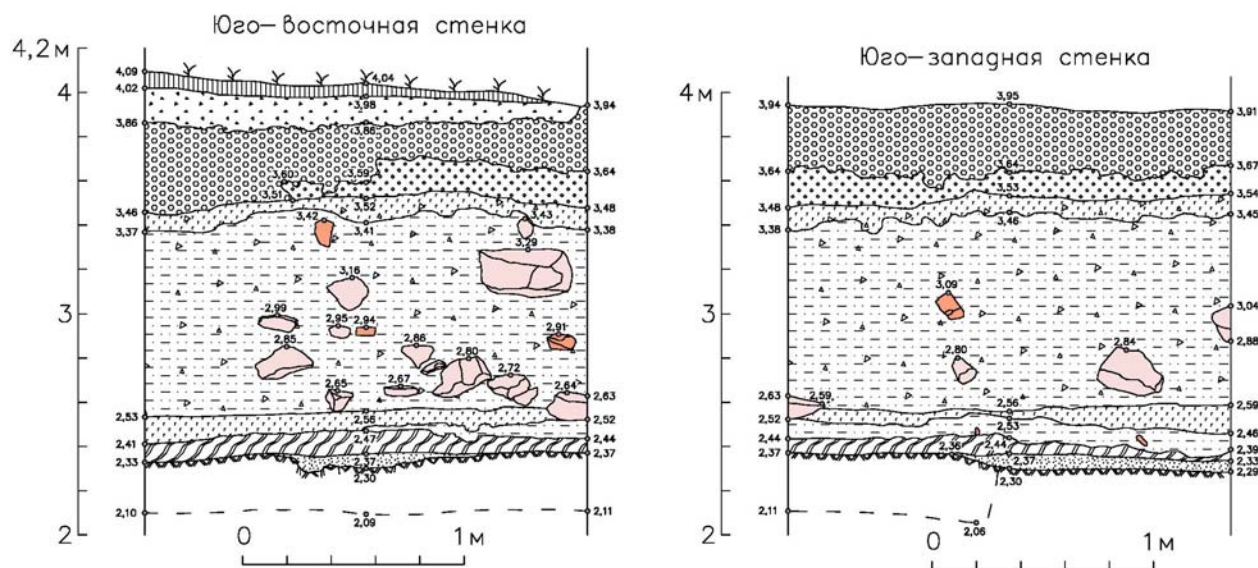

Рис. 27. Стратиграфия восточной и южной стенок шурфа б

Рис. 28. Торцевая мостовая в шурфе 7. Вид с северо-запада

Рис. 29. Общий вид шурфа 7. Вид с северо-востока

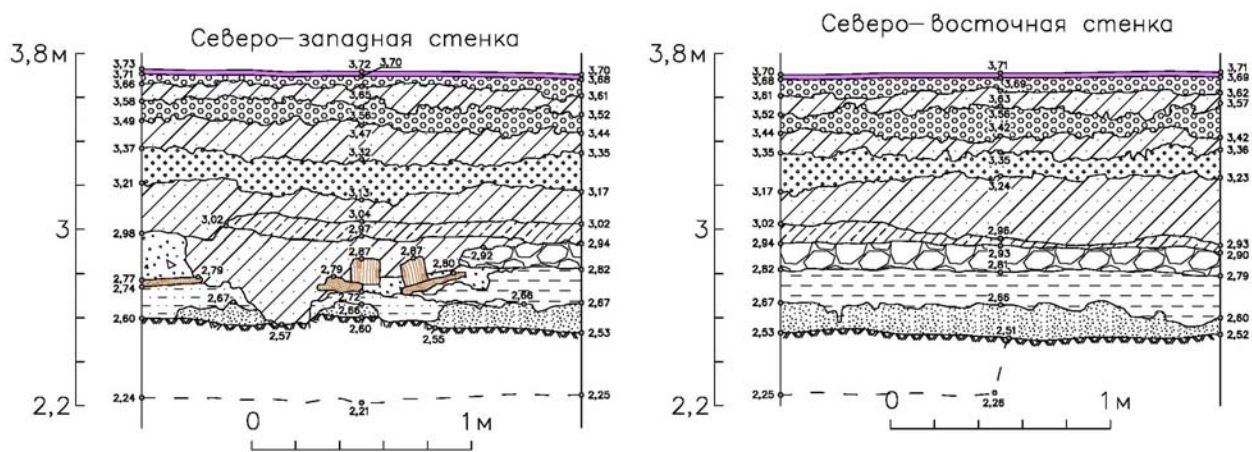

Рис. 30. Стратиграфия западной и северной стенок шурфа 7

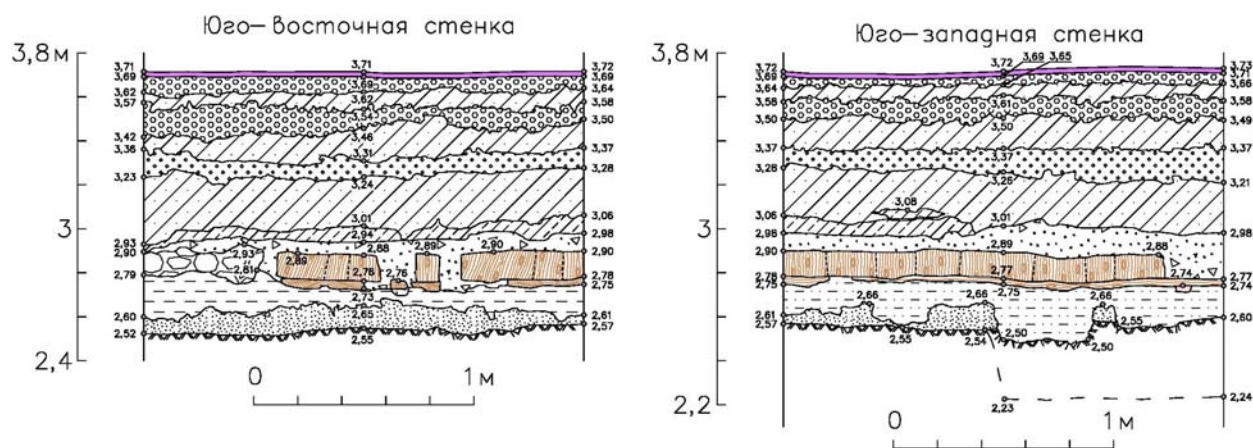

Рис. 31. Стратиграфия восточной и южной стенок шурфа 7

респолосными подсыпками гранитной щебёнки, асфальтовой крошки, белого строительного песка, и мешаной гумусированной супеси с фрагментами битого кирпича, раздробленного бетона, железной арматуры, стекла, резиновых покрышек (3,70–3,73 м БС); булыжная и торцевая деревянная мостовые XIX – начала XX вв. (2,89–2,96 м БС); деревянные лаги под торцевую деревянную мостовую XIX – начала XX вв. с подсыпкой коричневого мешаного гумусированного крупнозернистого строительного песка (2,76–2,80 м БС); серая материковая супесь (2,51–2,60 м БС). Контрольный прокоп по уровню материковой поверхности позволил проследить стерильный материковый слой (2,21–2,26 м БС).

Судя по стратиграфической ситуации, по территории исследуемого участка на протяжении XIX в. и начала XX в. проходила одна из дорог вдоль набережной Большой Невки. В результате археологических работ была зафиксирована граница булыжной гранитной мостовой и торцевой деревянной вымостки, выложенной поверх продольных деревянных лаг (рис. 28). Торцевая деревянная мостовая (шашечная торцевая кладка) – распространённый в XIX – начале XX вв. способ настила проезжей части улицы восьмиугольными в плане обрубками дерева, сплочёнными между собой.

Шурф 8. Шурф размерами 2 x 2 м заложен в северной части территории исследований на расстоянии 104 м к северо-западу от шурфа 7 в непосредственной близости от бизнес-центра «Кантемировский» и проезжей части Аптекарской набережной. Площадь шурфа 4 кв. м. Верхний уровень фиксации современной дневной по-

верхности 3,28–3,36 м БС, нижний уровень фиксации поверхности исследования 1,43–1,52 м БС. Общая глубина исследований до 1,85 м (рис. 32–34).

Стратиграфия культурных напластований шурфа представлена следующими слоями: асфальт с подсыпкой гранитной щебёнки, прослойкой жёлтого строительного песка с кирпичной выкладкой над коммуникациями, и слой мешаной гумусированной супеси с фрагментами битого кирпича, раздробленного бетона, железной арматуры, стекла (3,28–3,36 м БС); слой шлака и угля с пятнами мешаной серой супеси и крупнозернистого строительного песка (2,45–2,67 м БС); слой переслаивающейся супеси различных оттенков с пятном строительного мусора засыпки котлована (2,02–2,09 м БС); серая материковая супесь с ожелезнениями (1,92–1,99 м БС). В пределах шурфа зафиксирована вертикальная металлическая свая и высоковольтный кабель, проложенный вдоль Аптекарской набережной (горизонты 2, 3) Контрольный прокоп по уровню материковой поверхности позволил проследить стерильный материковый слой (1,43–1,52 м БС). Судя по стратиграфической ситуации, исследуемый участок в XX в. подвергался застройке и использовался под прокладку коммуникаций.

На этом археологические работы были завершены, произведена обратная засыпка археологических шурфов и рекультивация территории исследований.

Полученный археологический материал датируется в пределах второй половины XVIII – XX вв. и включает находки различных категорий. Наиболее многочисленными и разнообразными

Рис. 32. Общий вид шурфа 8 с северо-востока

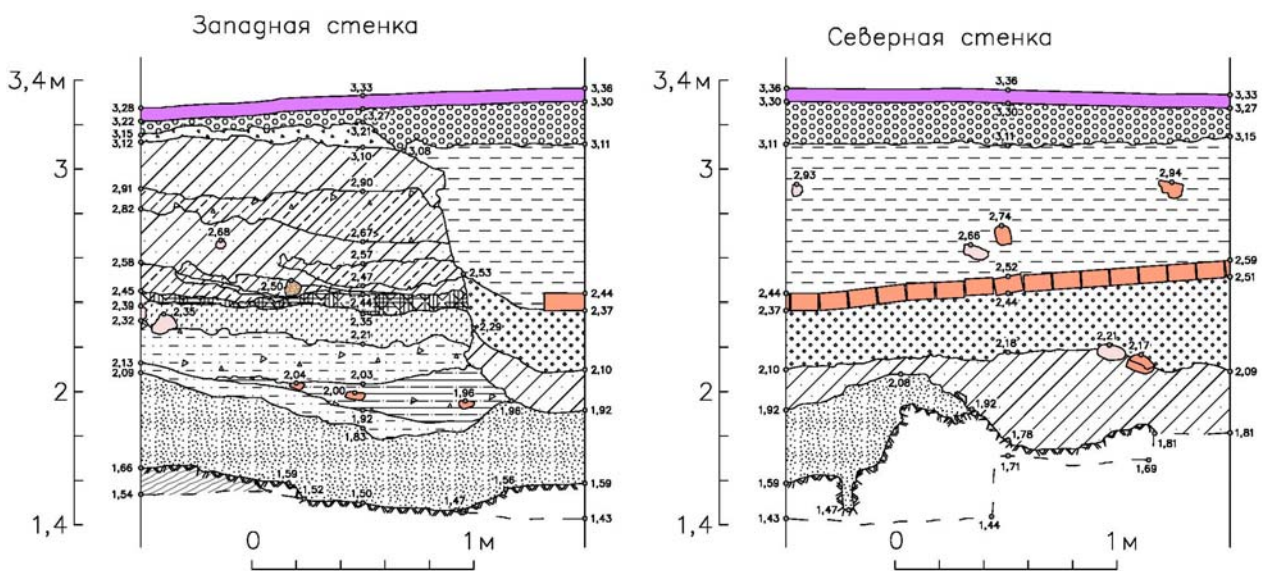

Рис. 33. Стратиграфия западной и северной стенок шурфа 8

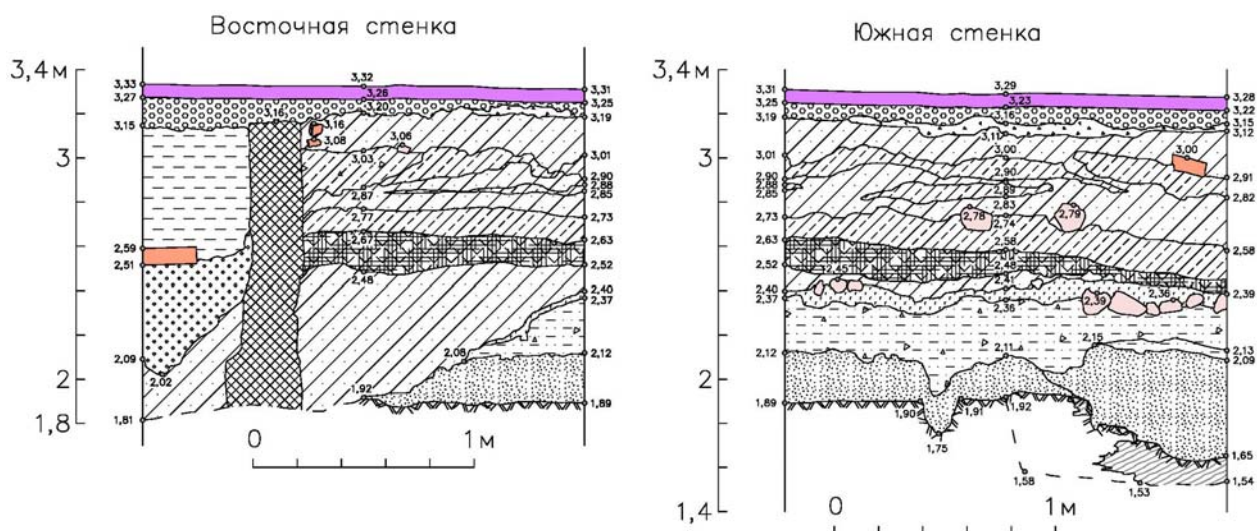

Рис. 34. Стратиграфия восточной и южной стенок шурфа 8

являются посуда из глины, фаянса и фарфора, поливные печные изразцы, кирпичи, кованые железные гвозди, фрагменты стеклянных изделий. Зафиксированы находки медных монет и несколько фрагментов голландских курительных трубок.

Керамика. Обнаружены фрагменты глиняных кухонных горшков, мисок, кувшинов, тарелок, цветочных горшков. Эта категория очень разнообразна и включает, в частности, поливную и лощёную посуду. Предметы из фаянса: столовая посуда, туалетная, фрагменты помадных банок. Предметы из фарфора: столовая и чайная посуда, аптечные банки. Среди фаянсовых и фарфоровых предметов встречаются изделия с росписью, золочением, клеймами. Предметы из стекла: винные бутылки, флаконы, аптечные банки (рис. 35). Глиняные изразцы с белой поливой и кобальтовой росписью. Это преимущественно элементы печного набора: лицевые изразцы, перемычки, карнизы (рис. 36). Кирпичи и фрагменты архитектурного декора – одна из наиболее массовых категорий находок строительной керамики. Курительные трубки единичны. Найдены стебли и чашки белоглиняных курительных трубок голландского типа, бытовавшего в XVIII–XIX вв. Одна из трубок имеет клеймо г. Гауды, датирующееся не ранее 1740 г. (рис. 37–40).

Находки из железа представляют собой преимущественно массовый материал плохой сохранности. Это кованые гвозди и костыли. Монеты. Найдены медные русские монеты XVIII–XIX вв. с вензелем Елизаветы Петровны Романовой (рис. 41) и 3

копейки с двуглавым орлом (рис. 42). Обе монеты плохой сохранности.

В результате проведения научно-исследовательских археологических работ на участке

Рис. 35. Фрагмент стеклянного изделия

Рис. 36. Керамический изразец

Рис. 37. Фрагмент голландской курительной трубкой с клеймами

Рис. 38. Клеймо на голландской курительной трубке

Рис. 40. Клеймо на голландской курительной трубке

Рис. 39. Клеймо на голландской курительной трубке

Рис. 41. Медная русская монета XVIII в.

Рис. 42. Медная русская монета XIX в.

Аптекарской набережной на площади 32 кв. м (шурфы 1–8) были исследованы культурные слои, связанные со строительством тротуаров, скверов и благоустройством проезжей части вдоль Аптекарской набережной в XIX–XX вв. Изучены фрагменты булыжных мостовых разных строительных горизонтов (шурфы 4, 5, 7) (рис. 17; 21; 28). Выявлен фрагмент частично сохранившейся торцевой деревянной мостовой XIX – начала XX вв. (шурф 7) (рис. 28). Булыжные мостовые мощностью до 0,60 м залегают под засыпкой современного строительного мусора – бетона и асфальта на глубине 0,50–0,80 м от уровня современной дневной поверхности. На одном участке работ (шурф 3)

зафиксирована периферийная зона строительства Храма Спаса Преображения Господня, возведённого в 40-ые гг. XIX в. Под булыжными мостовыми (шурфы 4, 5, 7) и на остальных изученных участках (шурфы 1, 2, 3, 6, 8) культурные слои перемешаны и прорезаны строительными котлованами, большей частью, заглубленными ниже уровня материковой поверхности. Остатков захоронений, связанных с функционированием Храма Спаса Преображения и с трагическими событиями 1906 г. на территории исследований не выявлено. В будущем, при реализации проекта по хозяйственному освоению участка Аптекарской набережной необходимо проведение археологического надзора за строительными работами.

Археологические исследования территории бывшего Чугунолитейного и механического завода Ф. К. Сан-Галли на Лиговском проспекте

В. А. Лапшин, И. А. Гарбуз, Н. Ю. Новосёлова

В 2011 г. экспедицией Группы охранной археологии Института Истории материальной культуры РАН были проведены археологические исследования территории бывшего Чугунолитейного и механического завода Ф. К. Сан-Галли и примыкающего к нему городского квартала между Лиговским пр., Транспортным пер. и участком земель Октябрьской железной дороги Московского направления, расположенного по адресу: г. Санкт-Петербург, Лиговский пр., д.60–62, лит. Д (рис. 1; 2).

Исследования проводились согласно договорам №01/03/2011 от 11 марта 2011 г. и №67/09/2011 от 9 сентября 2011 г., заключённым между ИИМК РАН и ЗАО «Парк Центр», на основании Открытых листов № 108 и № 634 выданных на имя Лапшина Владимира Анатольевича. В археологических работах принимали участие сотрудники ИИМК РАН, Санкт-Петербургского государственного университета и Государственного Эрмитажа. Территория археологических работ находится в исторической части г. Санкт-Петербурга и частично расположена в подзоне археологического надзора ЗА2.

Археологические исследования проводились в два этапа. Первоначально было заложено семь разведочных шурфов размерами 2 x 2 м и 2 x 4 м, общей площадью 52 кв. м (Шурфы 1–7) и осуществлена зачистка южной стенки строительного котлована площадью около 70 кв. м (Зачистка 1). В дальнейшем по результатам разведок были проведены археологические раскопки участка с выявленным культурным слоем (Раскоп 1) площадью 300 кв. м. Общая площадь исследованной территории составила 420 кв. м (рис. 2). В результате работ были выявлены археологические материалы и культурный слой XVIII–XX вв.

Согласно исторической справке¹, местность, на которой находится исследуемый участок, начала осваиваться ещё в XII в., когда на песчаной гряде, образованной древним морем, был проложен тракт,

которым пользовались новгородские купцы для провоза своих товаров к невским берегам. По сторонам тракта, получившего название Новгородского, рос сильно заболоченный лес, и находились редкие шведские и русские поселения. Этот тракт с начала XVIII в. стал основной магистралью, связывавшей строящийся Петербург с внутренними областями России. Вскоре часть Новгородского тракта вошла в предместье новой российской столицы Санкт-Петербурга. Точно определить места, по которым проходил тракт, не представляется возможным. Однозначно можно утверждать, что он проходил параллельно нынешнему Лиговскому проспекту, на том или ином удалении от него. Основными источниками, по которым можно определить местоположение тракта являются карты раннего Петербурга. Существует достаточно большое количество планов Санкт-Петербурга первой половины XVIII в., изданных как в России, так и за её пределами. Однако до начала XIX в. рассматриваемая территория не входила в состав города, поэтому зачастую не изображалась на городских планах.

В словаре Брокгауза и Ефрона приведена историческая карта Санкт-Петербурга 1705 г., на которой изображён Новгородский тракт, проходящий примерно через центральную часть интересующей нас территории. Однако эта карта не является первоисточником, т.к. была создана позже и лишь реконструирует положение Санкт-Петербурга в 1705 г. Если же говорить об исторических картах, созданных до прокладки Лиговского канала, то наиболее ранней из них является, так называемая «Палибина гравюра», относящаяся к концу 1716 – началу 1717 гг. Название «Палибина гравюра», или «План крепости, города и местоположения С.-Петербурга», гравированный план Петербурга, не имеющий подписи автора и даты, получил по имени одного из своих владельцев. Экземпляр плана, хранящегося ныне в Государственном музее истории Санкт-Петербурга (№ 5213и), был обнаружен в Берлине в 1898 г. и куплен русским купцом Михаилом Палибиным. На «Палибиной гравюре» Новгородский тракт изображён в качестве извилистой дороги, проходящей параллельно р. Неве, по её левому берегу на расстоянии

¹ Историческая справка составлена А. Ю. Городиловым и А. О. Поликарповой, справка по исторической застройке территории предоставлена Заказчиком работ (Шарова и др., 2007).

Рис. 1. Спутниковый фотоснимок территории археологических исследований (Яндекс, 2011)

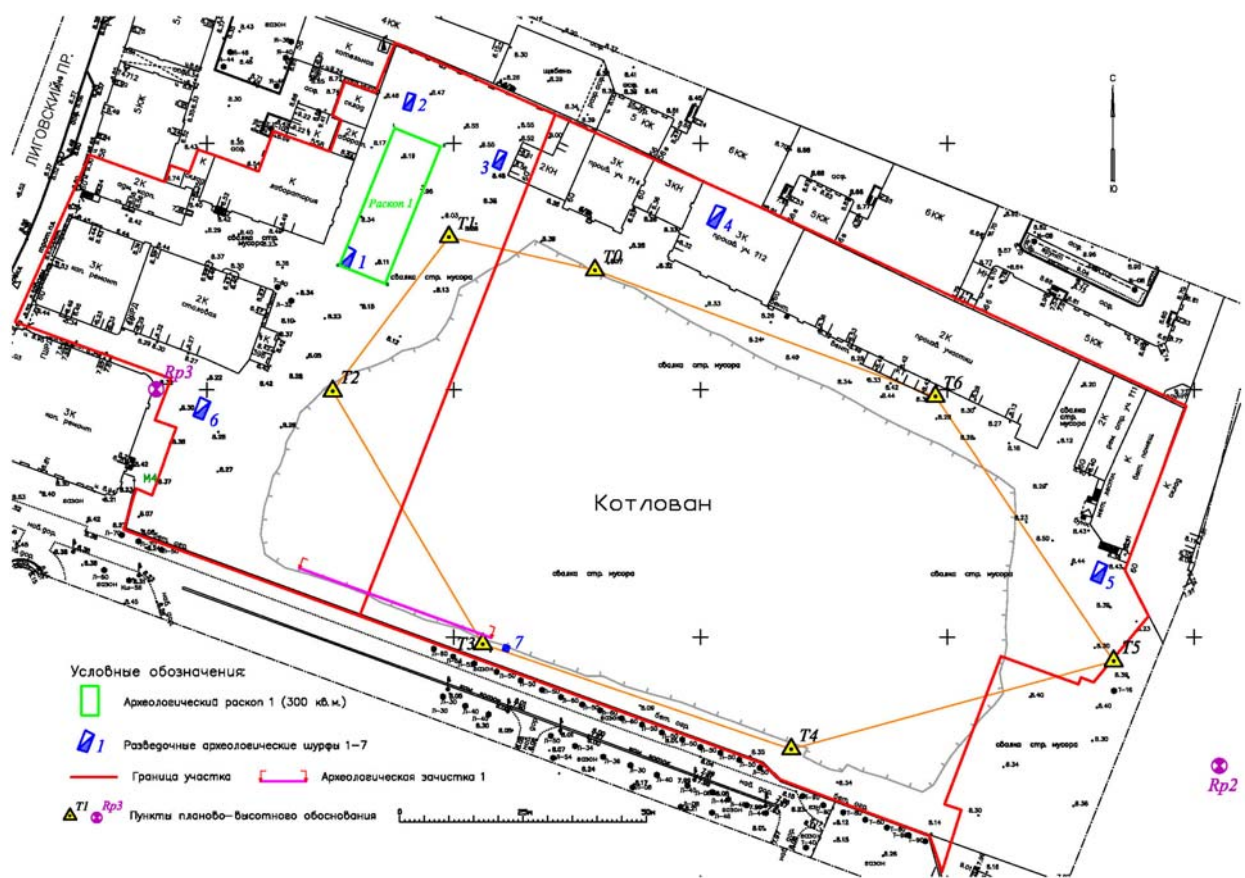

Рис. 2. Общий план археологических исследований

примерно 1 км от уреза воды. Определить точное местоположение тракта относительно исследуемого участка не представляется возможным.

Единственный гравированный план Санкт-Петербурга, время и место издания которого точно известны – 1717 г., Париж – это план королевского гравёра и географа Николая де Фера, автора более чем 600 географических карт, в том числе планов и описаний французских городов и провинций, а также морских путей (рис. 3). Однако необходимо учитывать, что план Николая де Фера показывает не только реальное положение

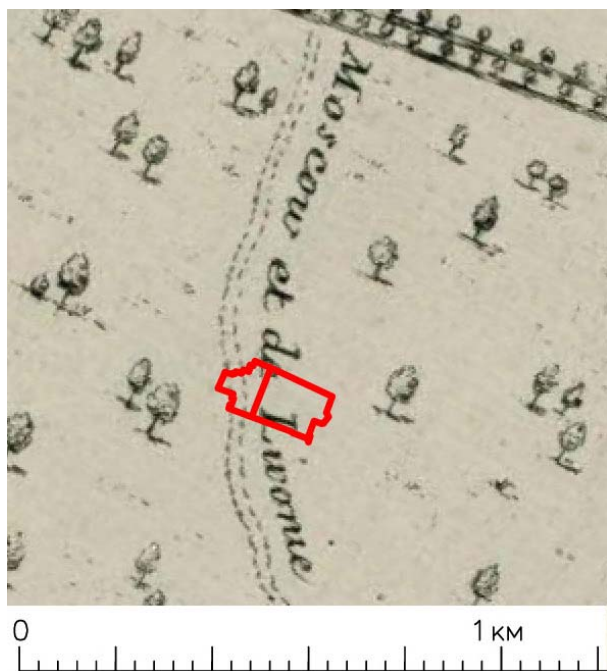

Рис. 3. Территория археологических исследований на карте Санкт-Петербурга 1717 г.

вещей, но и проектную застройку, например, будущей Литейной части. Строящийся в ту пору будущий Невский проспект, названный «Большой дорогой из города к монастырю», показан как прямая, хотя из-за просчётов строителей на месте будущей Знаменской площади два строившихся с разных сторон участка сходились под углом. На данном плане Новгородский тракт также показан как извилистая дорога, проходящая через лес, и изображено большее количество объектов, дошедших до наших дней: Невский проспект (хотя восточная часть проспекта нанесена неточно, но место его пересечения с р. Фонтанкой указано верно), Александро-Невская лавра, Адмиралтейство и др. Кроме того, показаны характерные изгибы

рек: Невы, Монастырки, Фонтанки и пр. Совмещая план де Фера по этим объектам с современной картой можно с большей точностью установить планиграфическое соотношение исследуемого участка и Новгородского тракта. При таком совмещении можно видеть, что Новгородский тракт проходил через западную часть исследуемого участка. Интересно, что к югу от описываемого участка нарисован Лиговский канал, строительство которого шло во время создания карты.

План И. Б. Хоманна публиковался неоднократно, но относительно его датировки существуют разные мнения. К настоящему времени укрепилось мнение, что этот план достаточно достоверно изображает состояние города к началу 1718 г. При совмещении плана Хоманна и современной карты получается, что Новгородский тракт проходил несколько к востоку от нашего участка. Хронологически план Хоманна является последним изображением Новгородского тракта, на более поздних планах по этой территории уже проходит русло Лиговского канала.

С 1727 г. Академия наук начала подготовительные работы для составления очередного подробного плана города. Прежде всего, предпринимались действия по выявлению чертежей Санкт-Петербурга и его частей, хранившихся в различных ведомствах. Основная работа по составлению плана была выполнена Г. В. Крафтом. Официальный статус работе был придан указом Петра II от 29 января 1729 г. «учинить геометрический план Санкт-Петербурга», для чего требовалось произвести съёмку по всему городу. Работа была получена И. Делилю и Г. Крафту.

В марте 1729 г. И. Делиль сообщал в Сенат, что в нынешнем году «генеральный, перспективный геометрический план» будет «в готовности». Однако к концу 1729 г. в связи с переездом столицы в Москву работы приостановились. Возобновлены они были лишь в 1732 г. по возвращении столицы на берега Невы.

В результате сотрудничества Академии наук (Ж. Делиль, Г. Крафт, К. Шеслер) и Главной Полицеймейстерской канцелярии (П. Еропкин, М. Земцов) первый русский академический генеральный опорный план был закончен в 1737 г., издан он был лишь в 1741 г. К тому времени город претерпел существенные изменения в результате опустошительных пожаров 1737–1738 гг.

Учрежденная 10 июля 1737 г. Комиссия о Санкт-Петербургском строении поручила «лейб-гвардии

капитану-поручику от бомбардир фон Зихгейму» уточнение существующей топографии. В результате оба плана: «академический» 1737 г., изданный в 1741 г., и план Зихгейма 1738 г. базируются в основном на одних и тех же материалах съёмок (рис. 4). На данных планах по западной границе участка проходит Лиговский канал, а Новгородский тракт уже не обозначен. Канал, как известно, был построен по проекту директора Морской академии Г. Г. Скорнякова-Писарева. Работы под его наблюдением и руководством начались в 1719 г. и закончились в 1725 г. Интересно, что на набережной канала, как раз в том месте, где в настоящее время находится особняк Сан-Галли, нарисованы постройки. На «Новом плане Столичного города и крепости Санкт-Петербурга» (плане Роша), изданном в 1776 г. и плане Санкт-Петербурга 1792 г., основанном на плане Роша, данная территория обозначена как застроенная. Однако в силу слабой детализации обоих этих планов определить границы построек невозможно (рис. 5).

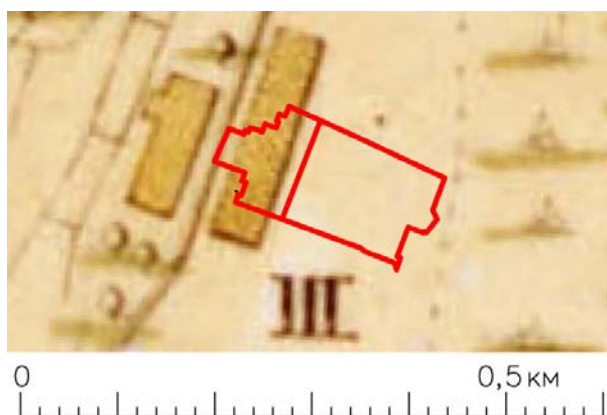

Рис. 4. Территория археологических исследований на карте Санкт-Петербурга 1737 г.

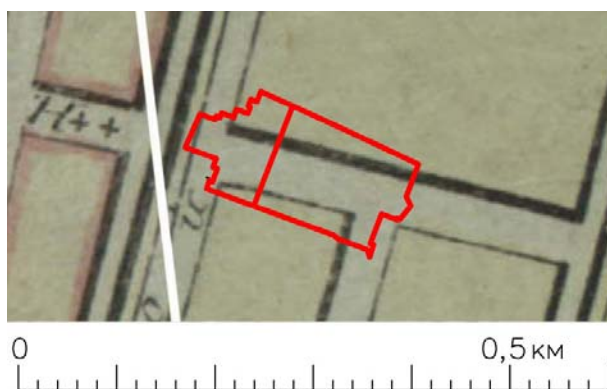

Рис. 5. Территория археологических исследований на карте Санкт-Петербурга 1792 г.

Интересно, что на следующем плане Санкт-Петербурга, изданном в 1804 г., на исследуемом участке отсутствуют какие-либо постройки. Однако на данном плане вся восточная набережная Лиговского канала от современной площади Восстания и почти до Транспортного переулка отмечена как незастроенная, что очевидно не соответствует действительности. Достаточно плотная застройка участка показана на плане Шуберта 1828 года (рис. 6), согласно которому на участке преобладала деревянная застройка, однако, в тоже время обозначено и несколько каменных строений.

Таким образом, по результатам анализа картографических материалов первой половины XVIII в. можно сделать следующие заключения: Новгородский тракт проходил в районе исследуемого участка, но однозначное его местоположение определить сложно; первая деревянная застройка территории участка началась как минимум с 30-х гг. XVIII в.;

Рис. 6. Территория археологических исследований на карте Санкт-Петербурга 1828 г.

в первой половине XIX в. на территории участка появляются первые каменные дома.

С основанием Санкт-Петербурга можно говорить о формировании исторической застройки исследуемого района Лиговского проспекта. В 1718–1725 гг. на всем протяжении нынешнего Лиговского проспекта (от улицы Некрасова до Московского проспекта) по проекту Г. Г. Скорнякова-Писарева был прорыт канал для питания фонтанов в Летнем саду. Канал начинался от реки Лиги, вытекавшей из Дудергофского озера, и тянулся более чем на 20 км. По нему вода попадала в специальный бассейн (на его месте сейчас находится Некрасовский сквер). Отсюда по трубам через реку Фонтанку

вода попадала в водовзводную башню у Летнего сада. Это был первый своеобразный водопровод в Санкт-Петербурге. В середине XVIII в. – первой трети XIX в. к востоку от Лиговского канала располагалась Ямская слобода, к которой параллельно каналу проходила Моховая-Каретная ул. (со второй половины XIX в. именовалась Предтеченской ул., с 1952 г. – ул. Черныховского). Территория вдоль Лиговского канала к северу от начала Моховой-Каретной ул. (напротив Свечного пр.) долгое время не была застроена, в первой половине XIX в. была занята огородами и садами. Далее к северу вдоль канала в первой трети XIX в. располагались узкие участки с партикулярными домами. С 1739 г. проспект назывался Московской улицей, во второй половине XVIII в. ему дано новое официальное название – набережная Лиговского канала. С 1777 г., после наводнения, когда были разрушены фонтаны в Летнем саду, Лиговский канал потерял своё первоначальное назначение. С середины XIX в. Лиговский канал представлял собой узенькую речку с мутной и грязной водой и берегами, поросшими травой. В 1833 г. было закончено строительство восточной части Обводного канала, что способствовало более активному освоению близлежащих территорий (в особенности к северу от канала, ближе к центру города), получивших удобную связь с портом. Здесь началось активное строительство промышленных предприятий.

После приобретения в 1853 г. большого пустого участка Галченкова, Сан-Галли стал покупать прилегающие участки частных владельцев. Одним из первых был куплен участок Кудряшова, состоявший в Каретной части 1 квартала под № 256. К нему вскоре был присоединён участок купца Федорова, числившийся во 2 квартале Каретной части под № 257 (впоследствии под № 52/66), расположенный между Литовской и Моховой улицами. В начале 1850-х гг. во владение Сан-Галли перешли также участки купца Степанова (в Каретной части 3 квартала под № 518, между набережной Лиговского канала и Средней улицей), наследника жены поручика Ветошникова (Александровской части 2 участка по Лиговскому каналу под № 50).

В 1860-е гг. на территории в южной части располагались: обширный «Kuchengarten von San Gali» (огород) и квадратный в плане «Gas Gesselschof» (газовый двор) с газгольдером и каменными служебными постройками; в северной части располагались каменные и деревянные строения жилого и служебного назначения. В 1866–1867 гг. на участке, принадлежащем Санкт-

Петербуржскому купцу 1 гильдии Ф. К. Сан-Галли, состоявшему в Александровской части 1 квартала под № 46 и 48, находились следующие постройки: каменный дом для сборки машин, навес для склада готовых чугунных изделий, одноэтажный флигель для склада ценных металлических изделий, каменный одноэтажный флигель для литейной мастерской и навес для склада кокса. В 1867 г. в восточной части участка было сооружено в кирпичном стиле здание газгольдера. В 1868 г. вдоль линии застройки набережной Лиговского канала по проекту инженера-архитектора А. А. Докушевского построены два двухэтажных каменных оштукатуренных корпуса (проходной и заводоуправления), соединённых воротами и металлической оградой, на крупных кирпичных столбах которой позже были установлены две чугунные аллегорические скульптуры Гефеста и Гермеса, олицетворявших «Торговлю» и «Промышленность». В 1869–1872 гг. по проекту архитектора К. К. Рахау по линии Лиговского канала было построено главное здание комплекса – особняк владельца. С южной стороны от особняка вдоль сада была установлена чугунная ограда сада (архитектор И. И. Горностаев, 1873 г.). В 1875 г. по проекту того же К. К. Рахау было возведено кирпичное оштукатуренное одна-двухэтажное здание конторы, примыкавшее к корпусу проходной (в 1891 г. контора перестроена по проекту архитектора К. Ф. Фейерейзена). У входа в здание были установлены два чугунных льва.

В 1875 г. Ф. К. Сан-Галли купил соседний участок с северной стороны (бывший участок Киселла – современный дом № 58). В этот же период западная часть этого участка была застроена по периметру каменными зданиями по проекту архитектора К. К. Рахау: пятиэтажным жилым домом по линии Лиговского канала и службами (в северо-восточной части), с соединяющей их каменной оградой. Полицейский адрес строений: Александровская часть, 1-й квартал, наб. Лиговского канала, 44, 46, 48, 50, 52.

В 1879 г. Ф. К. Сан-Галли приобрёл участок, примыкавший к его владениям с южной стороны, в 1881 г. – соседний участок, граничащий с ранее купленной территорией. Существовавшие в западной части этих участков каменные жилые дома (современный адрес № 64 и 66) были расширены и перестроены (архитектор Д. Д. Зайцев, 1880–1881 гг.; в 1908 г. дом № 64 был расширен по проекту гражданского инженера И. И. Герасимова совместно с архитектором Ф. Ф. Миритцем). Одновременно по проекту Д. Д. Зайцева продолжалось строительство заводских корпусов. В

этот период в восточной части территории была построена жилая колония для рабочих (городок для рабочих) с элементами благоустройства и озеленения, включавшая каменные здания школы и служб, а также деревянные жилые дома, решённые в стиле эклектики с резьбой и металлическим декором. К началу 1880-х гг. сложилась планировка и границы сада, располагавшегося к югу и востоку от особняка.

В 1886 г. перед жилым домом установлен фонтан. Скульптурная фигура Афродиты с резвящимися у её ног амуром и тритонами, оформляющая фонтан, предположительно возникла в 1890-х гг. Это аллегорическое изображение, по преданию, посвящено дочери Ф. К. Сан-Галли, утонувшей в Финском заливе. Произведение было создано по модели французского скульптора (в настоящее время скульптура демонтирована, отреставрирована и установлена в вестибюле КГИОП на пл. Ломоносова, д. 1).

В 1891-1892 гг. в царствование Александра III канал заключили в трубы, засыпали и проложили новую улицу с бульварами. Название Лиговская улица появилось в 1892 г. Знаменская площадь (современная площадь Восстания) служила своеобразной межой между центром города и его окраинами.

В 1893 г. по проекту архитектора К. Ф. Фейерейзена вдоль северной границы участка Сан-Галли возведена каменная трехэтажная «постройка для заводских работ» (на планах начала XX в. – модельно-столярная мастерская или Столярная мастерская). На архивных чертежах здание было в три этажа, без подвалов, с наружными стенами из лицевого красного кирпича, деревянными перекрытиями и внутренним металлическим каркасом с двумя колоннами. В здании Столярной мастерской показаны две лестницы внутренняя вдоль западной стены и Г-образная в плане в восточной части здания с северной стороны (в настоящее время не сохранились). По проекту здание завершалось ассиметричной вальмовой крышей (при строительстве здания крыша была несколько изменена).

К концу XIX в. границы территории чугунолитейного и механического завода Ф. К. Сан-Галли окончательно сформировались и проходили по линии Лиговского проспекта, Преображенской ул. (ныне ул. Чернышевского) на востоке, на западе граничили с участком Николаевской железной дороги и кварталами жилой застройки Лиговского проспекта на севере и юге. В период с 1884 по 1893 гг.

по проекту архитектора К. Ф. Фейерейзена строились и перестраивались промышленные корпуса в глубине участков. В этот же период газгольдер был перестроен под кладовые завода (1892 г.), здание конторы было расширено (1891 г.). В 1901–1903 гг. к востоку от Столярной мастерской было построено трёхэтажное каменное здание слесарной и механической мастерской (Весовая мастерская на планах начала XX в.). К началу 1900-х гг. предприятие Ф. К. Сан-Галли превратилось в большой завод (рис. 7). В 1908 г. основатель

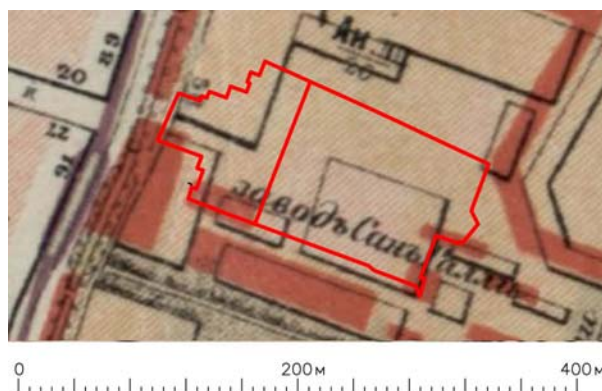

Рис. 7. Территория археологических исследований на карте Санкт-Петербурга 1904 г.

чугунолитейного завода Ф. К. Сан-Галли умер. Похоронили его на Тентелевском кладбище (ни кладбище, ни могила до настоящего времени не сохранились). В 1910-е гг. владельцами завода и построек стали Франц Францевич (сын), Виргиния Ивановна Сан-Галли (вдова). На территории завода были возведены новые производственные корпуса по проектам архитектора Г. Г. Гансона и гражданского инженера К. Г. Резцова.

В 1917–1990-е гг. на части территории бывшего завода Сан-Галли возведён целый ряд корпусов, связанных с новой ориентацией производства на бумагоделательные машины. Эти корпуса, как правило, пристраивались к уже существовавшим зданиям. Кроме того, вдоль границы производственного двора с садом в 1960-х гг. было возведено длинное двух-трёхэтажное кирпичное здание, западная часть которого заняла участок, где находился зимний сад особняка Ф. К. Сан-Галли, что сделало невозможным восстановление зимнего сада. Западный и восточный корпуса (лит. Ж) (бывшие Столярная и Весовая мастерские) в 1960-е гг. были объединены кирпичной встройкой для служебных помещений с лестницей и лифтом (на генпланах Ленинграда встройка фиксируется

с 1962 г.). С западной и восточной стороны к ним пристроены современные кирпичные здания цехов. В 1991 г. проводились мероприятия по усилению перекрытий с расчётным сроком на пять лет. Планировка производственного двора, сложившаяся к настоящему времени, представляет собой конгломерат разновременных корпусов, выстроившихся в три неровные линии (вдоль северной и южной границ участка и между ними) и образующих два узких двора. В конце 1990-х – в начале 2000-х гг. после прекращения производственной деятельности на бывшей территории завода Ф. К. Сан-Галли разрабатывался проект многофункционального комплекса с устройством торгового пассажа в корпусах цехов, однако проект не был осуществлен (Шарова и др., 2007. С. 18–26).

К моменту начала археологических работ территория исследования представляла собой площадку, освобождённую от заводских корпусов и капитальных промышленных строений общей площадью около 21000 кв. м (рис. 1). В центре площадки находился обширный котлован, заглубленный на 1,50–2,00 м от уровня современной дневной поверхности и частично заполненный водой. Котлован размерами 150 х 70 м имеет неправильную многоугольную форму и ориентирован длинной стороной по линии СЗ–ЮВ. Площадь котлована около 10000 кв. м. В нем находятся испытательные бетонные фундаментные сваи, заложенные под проектируемые строительные сооружения (рис. 2). В восточной части площадки расположена свалка строительного мусора и битого кирпича с клеймами второй половины XIX в., оставшегося от снесённых корпусов завода. Восточнее, за пределами территории исследований находятся железнодорожные пути Октябрьской железной дороги. Западная часть площадки ограничена Лиговским проспектом. На проспект ориентированы фасады сохранившихся зданий завода и заводской конторы, расположенные в пределах территории исследований. Западная часть территории работ площадью около 6700 кв. м входит в подзону археологического надзора ЗА2. На севере площадка ограничена кварталом административно-жилых зданий, на юге территория исследований граничит с парком, от которого она отделена бетонным забором. Средние значения уровня современной дневной поверхности в пределах территории исследования составляет 8,20–8,30 м БС. Перепад высот в 0,50–0,40 м фиксируется с максимального значения высоты на западе площадки в районе Лиговского проспекта на уровне 8,52 м БС до минимальных значений 7,96 м БС на северо-западе и 8,14 м БС на юге. В ходе раскопок выявлено четыре

условных горизонта культурных напластований и несколько связанных с ними слоёв различных контекстов.

Горизонт 1

Уровень дневной поверхности второй половины XIX–XX вв. (7,90–8,20 м БС). На отдельных участках площадки зафиксировано несколько прослоек асфальтового покрытия, под которым выявлены три уровня булыжных мостовых, перекрывающих мешаные техногенные слои второй половины XIX–XX вв.

Ранняя булыжная мостовая исследована в восточной части площадки (Шурф 5). Мостовая была сложена из крупных обработанных подквадратных гранитных камней и, судя по заполированности гранита и датирующему материалу (силикатные английские кирпичи), использовалась продолжительное время, начиная со времени не ранее второй половины XIX в. В пределах мостовой зафиксирована разобранная узкоколейная железная дорога, ведущая к современным железнодорожным путям. По мостовой был уложен второй (верхний) уровень брусчатки, поверх которой в XX в. была произведена заливка жидкого асфальта и укладка нескольких слоёв твёрдого асфальтового покрытия.

В западной части площадки на одном из участков работ (Шурф 6) также под несколькими слоями асфальта была зафиксирована булыжная мостовая. Благодаря тому, что заливка мостовых производилась жидким асфальтосодержащим составом, удалось полностью вскрыть и зафиксировать каменные выкладки. Вторая мостовая, судя по археологическому материалу и качеству исполнения, была сооружена во второй половине XX в. и не имела серьёзного функционального назначения. Под уровнем мостовых, как и под уровнем современной дневной поверхности, на всей территории площадки на глубину до 7,00–6,50 м БС залегают мешаные техногенные слои, связанные со строительством заводских корпусов и функционированием завода во второй половине XIX–XX вв.

Горизонт 2

Уровень распространения слоя гумусированного суглинка с включениями щепы (6,80–6,60 м БС), выявлен преимущественно в западной части территории исследования (Зачистка 1, Шурфы 1–3, Шурф 7, Раскоп 1). Характерный для Санкт-Петербурга времён активного деревянного строительства слой с включениями щепы распространён и в исследуемой части города. Судя по зафиксированному материалу (русская монета

1737 г., курительные трубки голландского типа 1740 г. с гербом г. Гауды), слой датируется не ранее второй четверти XVIII в., что свидетельствует о начале освоения этого периферийного в то время района Санкт-Петербурга.

Выше уровня слоя щепы в некоторых случаях (Шурф 1, северная часть Раскопа 1) фиксируется толща бурого мешаного крупнозернистого песка мощностью до 0,30 м. Мешаный песок, вероятно, гидрологического происхождения, связан с периодом кратковременного запустения отдельных участков исследуемой территории. Слой щепы местами перекрывает и подстилает уровень дневной поверхности XVIII–XIX вв.

Горизонт 3

Уровень дневной поверхности XVIII–XIX вв. представляет собой тонкую прослойку погребённой почвы в виде коричневого плотного гумусированного суглинка мощностью 0,10–0,30 м. Зафиксирован в западной части площадки на глубине 6,50–6,90 м БС (Зачистка 1, Шурфы 1–3, Шурф 7, Раскоп 1).

Горизонт 4

Под уровнем погребённой почвы XVIII–XIX в. на глубине 6,30–6,40 м БС залегает материковая поверхность. Слой материка представляет собой крупно- и мелкозернистый песок разных оттенков: от серого до светло-жёлтого с редкими включениями ожелезнений. Уровень материковой поверхности зафиксирован преимущественно в западной части территории исследования (Зачистка 1, Шурфы –3, Шурфы 6–7, Раскоп 1). На северных и восточных участках территории археологических работ (Шурфы 4–5) материковая поверхность прорезана строительными котлованами, дно которых часто определить невозможно из-за обильно поступающих грунтовых вод. Максимальная глубина исследованных строительных котлованов достигала 2,00–2,20 м (6,00–6,20 м БС). Общая мощность культурных напластований составила 1,60–2,00 м.

Зачистка 1

Наиболее информативный участок территории исследования был зачищен в западной части южной стенки строительного котлована (рис. 8). Протяжённость зачистки составила 42 м, её площадь 70 кв. м. Верхний уровень фиксации современной дневной поверхности – 7,89–7,99 м БС, нижний уровень фиксации поверхности исследования – 6,38–6,41 м БС. Общая глубина исследований 1,50 м.

Стратиграфия культурных напластований зачистки представлена следующими слоями: дёрн

с включениями современного строительного мусора и битого кирпича (до 0,30 м); слой строительного мусора (техногенный) (от 1,00 до 1,50 м); битый красный кирпич и кирпичная крошка (до 0,60 м); мешаная серая супесь с кирпичной крошкой (техногенный слой) (до 1,00 м); гумусированный суглинок с щепой (от 0,10 до 0,30 м); гумусированный плотный коричневый суглинок (погребённая почва) (до 0,20 м); супеси различных оттенков (до 0,20 м); крупнозернистый материковый песок с ожелезнениями (материк) (рис. 9–16). На всём протяжении разрез нарушен строительными ямами под фундаменты снесённых корпусов завода и траншеями для инженерных коммуникаций.

В разрезе зафиксирована прослойка гумусированного слоя с щепой периода деревянного строительства из которого происходят археологические материалы XVIII–XIX вв. Судя по сохранности находок, выявлен непереотложенный культурный слой, перекрывающий уровень дневной поверхности (погребённой почвы) XVIII–XIX вв. (гумусированный плотный коричневый суглинок). В центральной части Зачистки 1 в слое щепы открыт керамический водопровод, состоявший из скреплённых между собой встык керамических труб длиной 0,20 м, диаметром 0,06 м. Стыки водопровода изолированы берестой.

Шурф 1

Шурф размерами 2 x 4 м заложен в западной части территории исследований на расстоянии 5 м к юго-востоку от угла сохранившегося здания заводской конторы (рис. 5). Площадь шурфа 8 кв. м. Верхний уровень фиксации современной дневной поверхности – 8,19–8,21 м БС, нижний уровень фиксации поверхности исследования – 6,46–7,12 м БС. Общая глубина исследований до 1,70 м (рис. 17).

Стратиграфия культурных напластований шурфа представлена следующими слоями: асфальт (до 0,10 м); подсыпки щебня и песка под асфальт (до 0,30 м); слой строительного мусора – мешанная гумусированная супесь с включениями кирпичной крошки, шлака, остатков литейного производства и фрагментов металлических изделий (техногенный) (до 1,50 м); бурый мешаный крупнозернистый песок (до 0,30 м); гумусированный суглинок с щепой (до 0,20 м); коричневый плотный гумусированный суглинок (до 0,10 м); крупнозернистый материковый песок (материк) (рис. 18–19).

В пределах шурфа зафиксировано основание кирпичной стенки и фундамента, сложенного

Рис. 8. Общий вид Зачистки 1

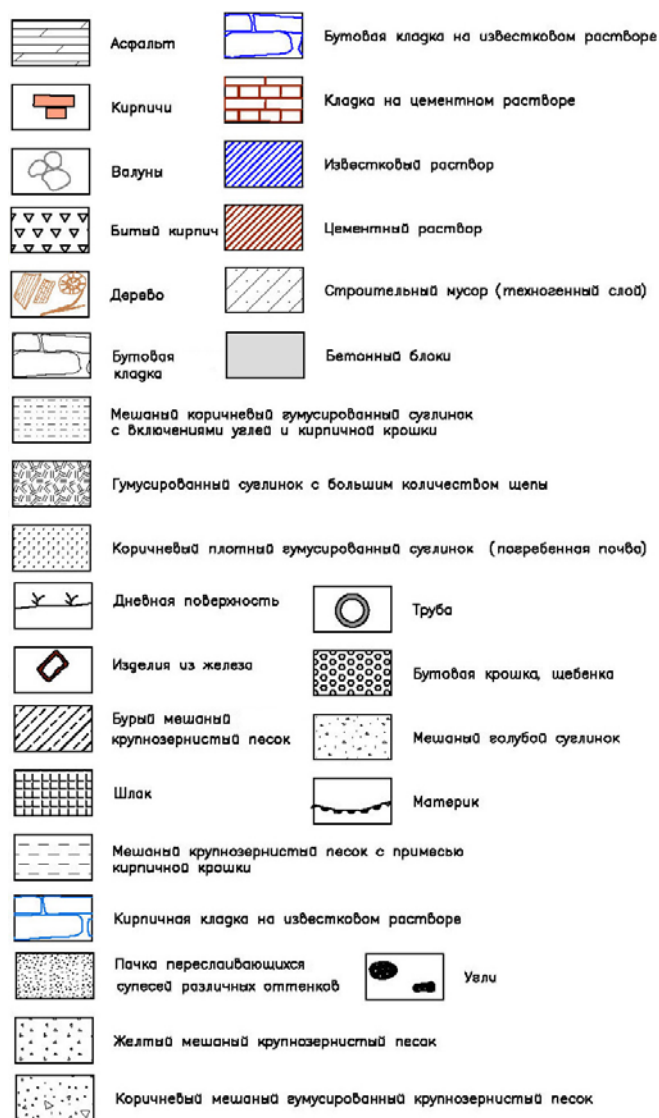

Рис. 9. Условные обозначения (Зачистка 1, Шурфы 1–7)

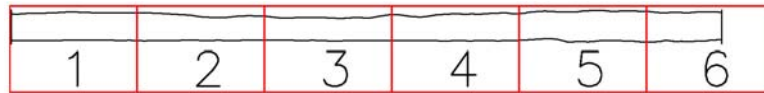

Рис. 10. Схема разбивки листов стратиграфии Зачистки 1

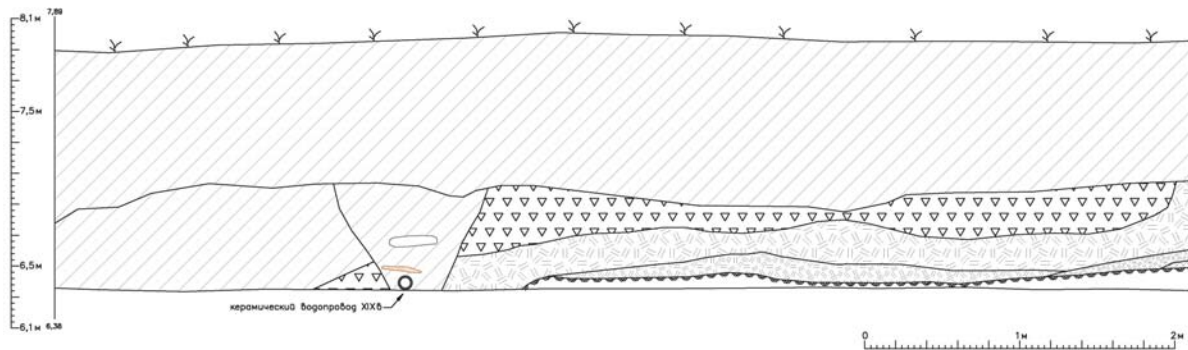

Рис. 11. Стратиграфия Зачистки 1. Лист 1

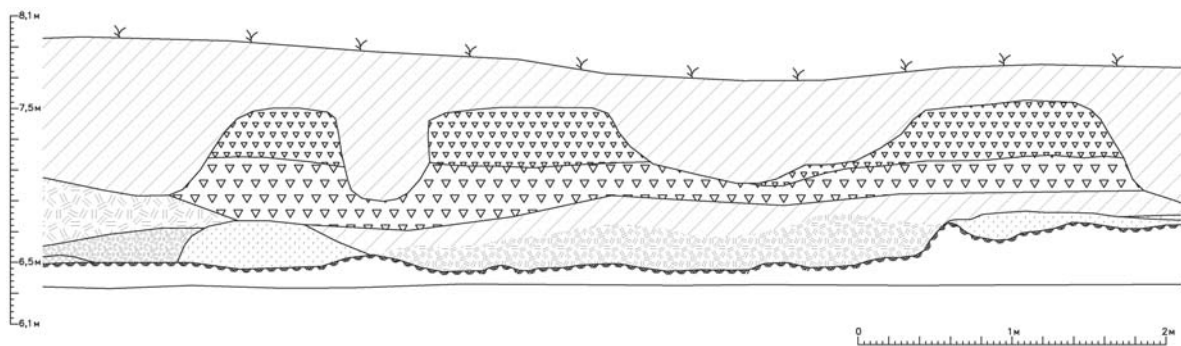

Рис. 12. Стратиграфия Зачистки 1. Лист 2

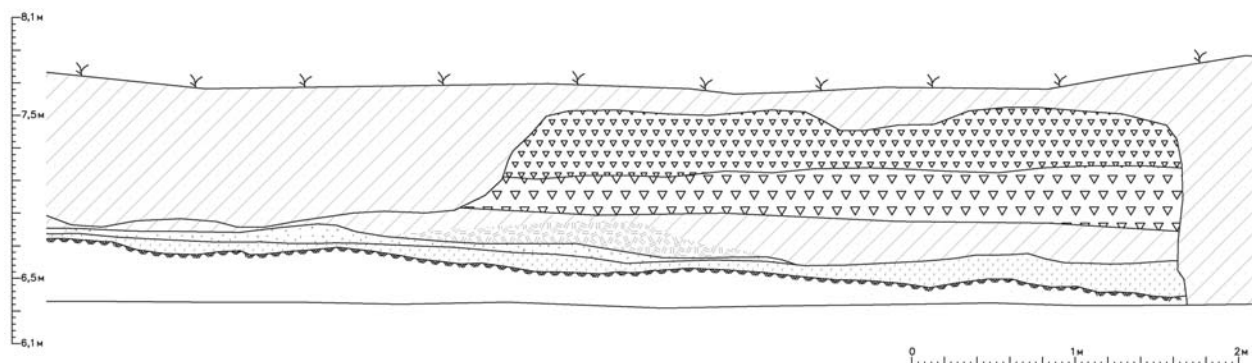

Рис. 13. Стратиграфия Зачистки 1. Лист 3

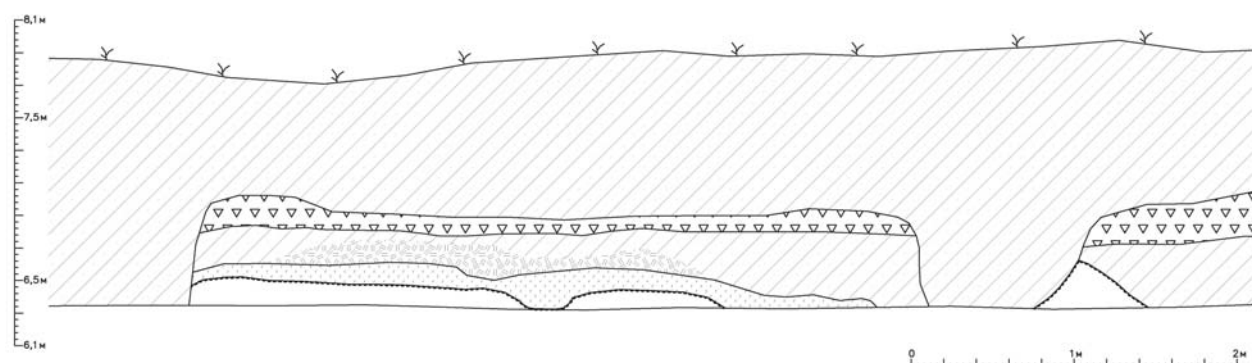

Рис. 14. Стратиграфия Зачистки 1. Лист 4

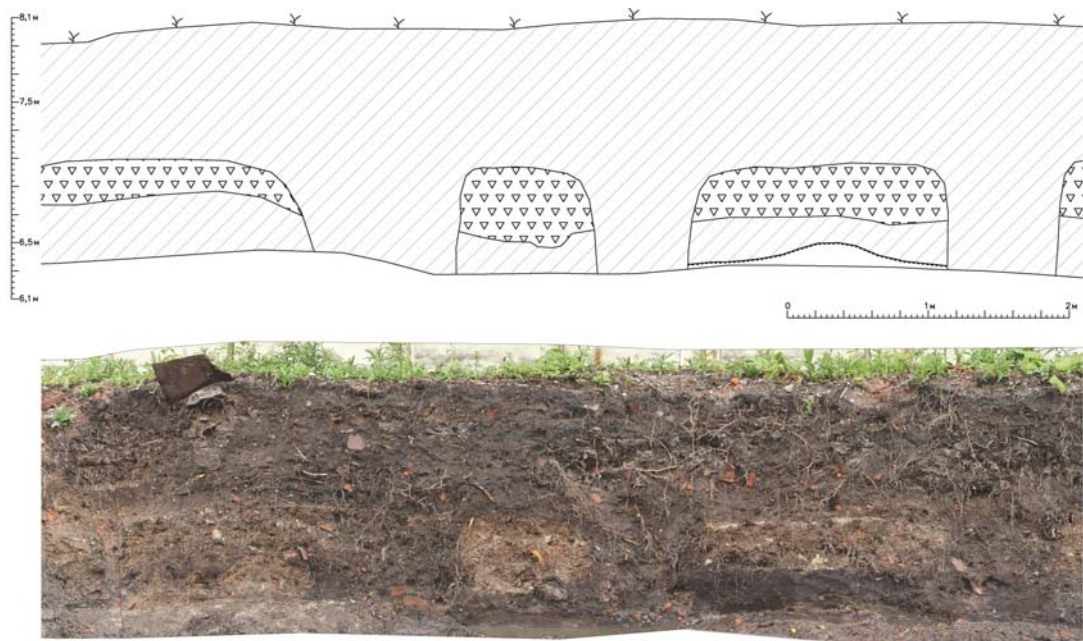

Рис. 15. Стратиграфия Зачистки 1. Лист 5

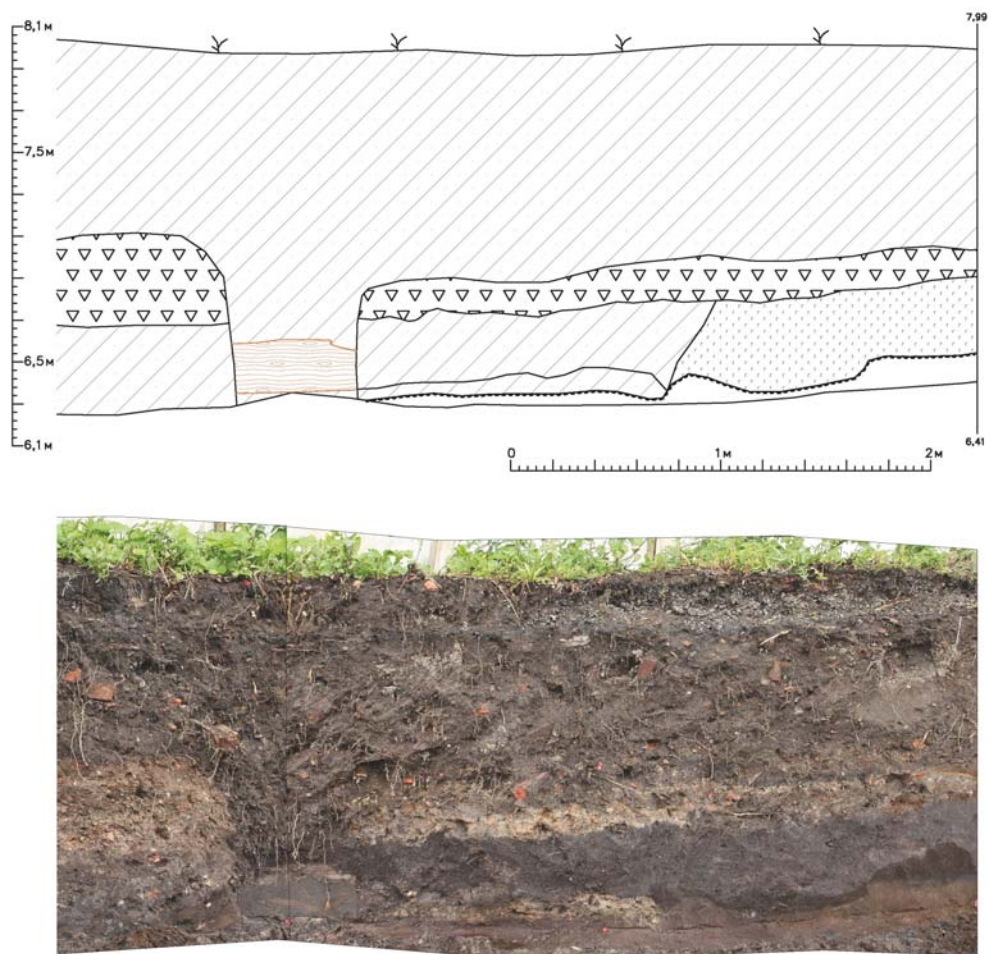

Рис. 16. Стратиграфия Зачистки 1. Лист 6

Рис. 17. Общий вид Шурфа 1

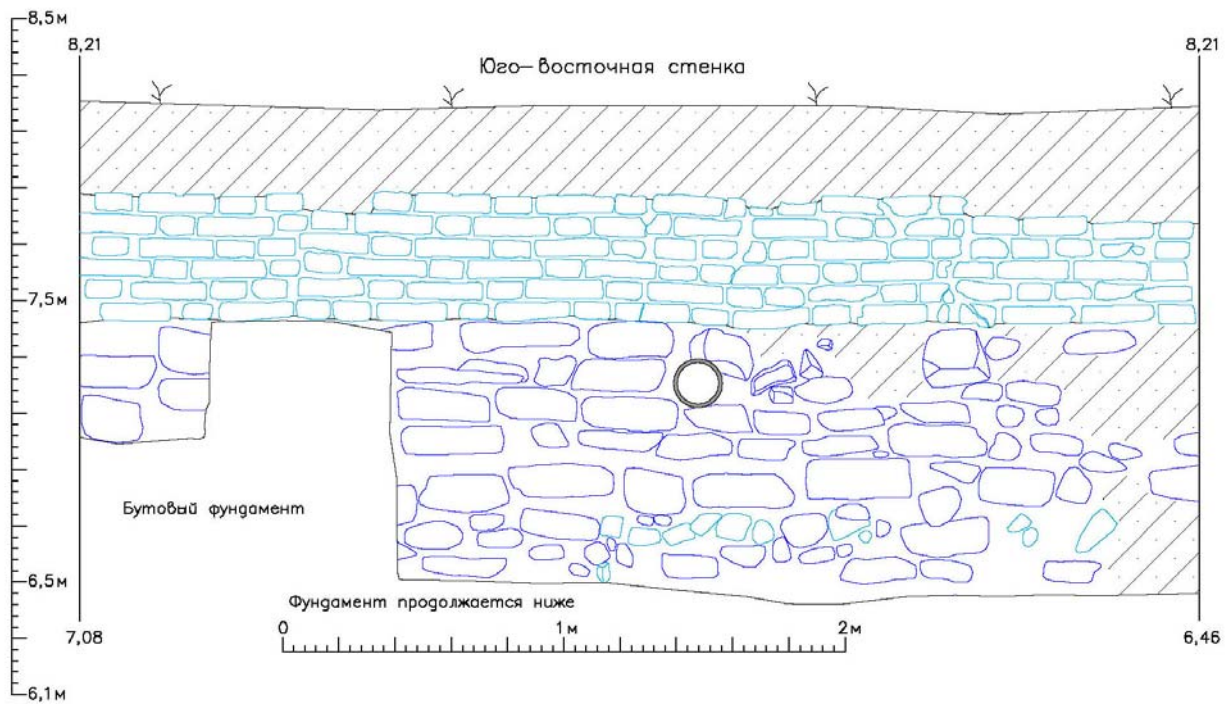

Рис. 18. Стратиграфия юго-восточной стенки Шурфа 1

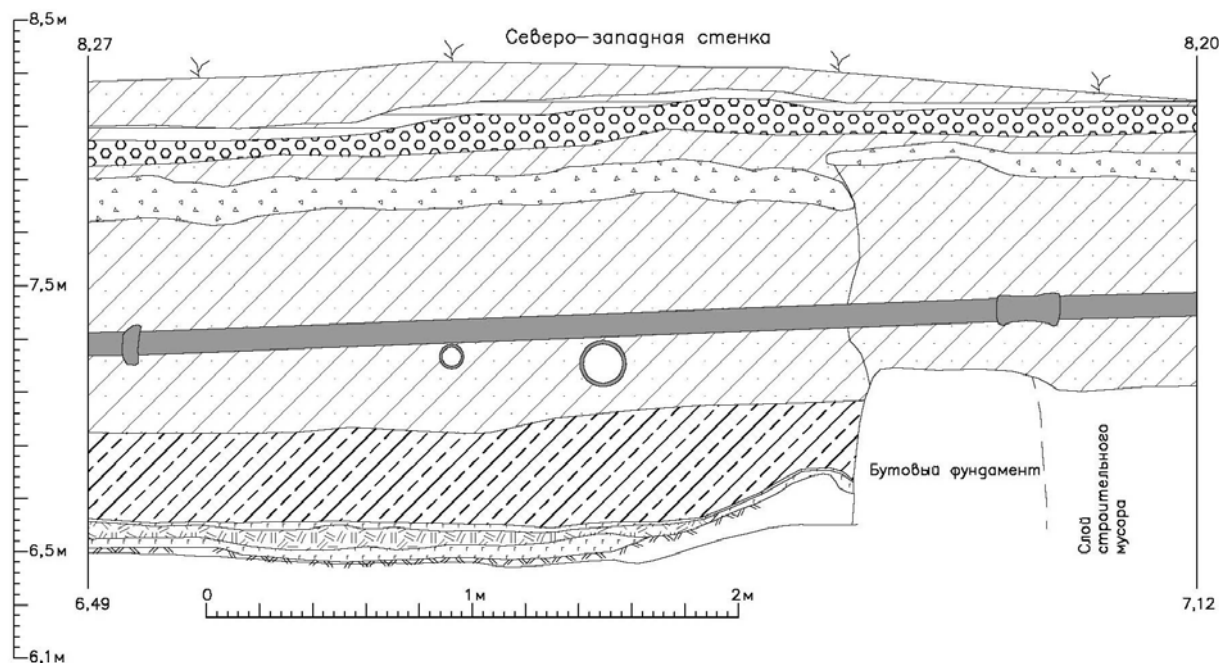

Рис. 19. Стратиграфия северо-западной стенки Шурфа 1

из обработанных прямоугольных известняковых блоков, поставленных в фундаментный ров на кирпичную забутовку. На нижнем уровне заполнения шурфа выявлен непереотложенный слой тёмно-коричневого суглинка с щепой периода деревянного строительства Санкт-Петербурга XVIII – начала XIX вв.

Археологический материал из шурфа представлен красноглиняной посудой, фарфором, фаянсом, фрагментами курительных трубок турецкого и голландского типов. Интересна находка чашечки голландской белоглиняной трубки с гербом города Гауды из слоя крупнозернистого мешаного песка. Подобное клеймение появилось не ранее 1740-ых гг. Слой песка, вероятно, связан с коротким периодом запустения участка территории исследования.

Шурф 2

Шурф размерами 2 x 4 м заложен в северо-западной части территории исследований на расстоянии 30 м к северо-востоку от Шурфа 1. Площадь шурфа 8 кв. м. Верхний уровень фиксации современной дневной поверхности – 8,37–8,49 м БС, нижний уровень фиксации поверхности исследования – 6,17–6,92 м БС. Общая глубина исследования 1,60–2,20 м (рис. 20).

Стратиграфия культурных напластований шурфа представлена следующими слоями: асфальт (до

0,10 м); подсыпки щебня и песка под асфальт (до 0,30 м); слой строительного мусора – мешаная гумусированная супесь с включениями кирпичной крошки, битого кирпича, извести, шлака, остатков литейного производства, фрагментов металлических изделий (техногенный) (до 1,50 м); бурый мешаный крупнозернистый песок (до 0,30 м); гумусированный суглинок с щепой (до 0,15 м); коричневый плотный гумусированный суглинок (погребённая почва) (до 0,03 м); крупнозернистый материковый песок (материк) (рис. 21).

В пределах шурфа зафиксировано основание каменного фундамента, сложенного из обработанных прямоугольных известняковых блоков на известковом растворе. На нижних уровнях выявлен непереотложенный слой тёмно-коричневого суглинка с щепой периода деревянного строительства второй половины XVIII – начала XIX вв., перекрывающий уровень дневной поверхности того времени (уровень погребённой почвы). В слое с щепой выявлены ямы с развалами керамических сосудов (Ямы 1–4).

Археологический материал представлен печными изразцами с белой поливой, красноглиняной посудой, фрагментами фаянсовых тарелок, изделий из фарфора, стекла, каменной массы. Заслуживает внимание находка русской монеты 1737 г. в слое гумусированного суглинка с щепой, что позволяет

Рис. 20. Общий вид Шурфа 2 с В

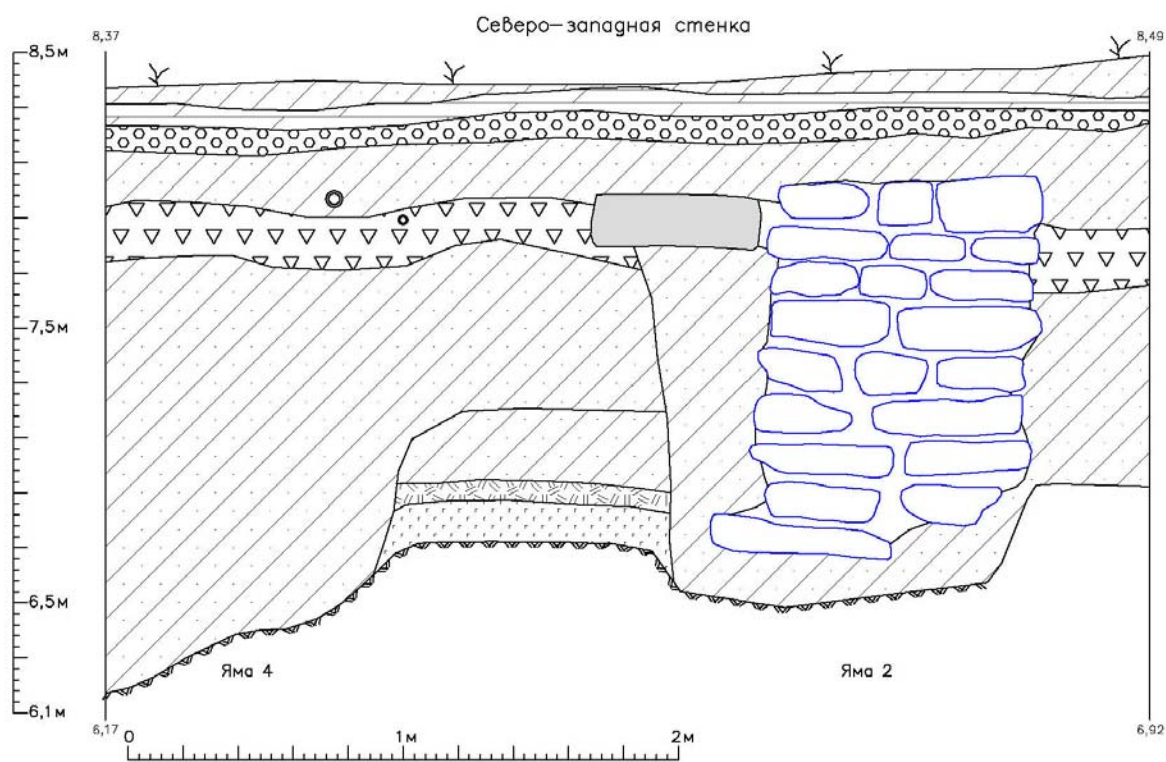

Рис. 21. Стратиграфия северо-западной стенки Шурфа 2

датировать начало образования слоя не ранее второй четверти XVIII в.

Шурф 3

Шурф размерами 2 x 4 м заложен в северо-западной части территории исследований на расстоянии 20 м к юго-востоку от Шурфа 2. Площадь шурфа 8 кв. м. Верхний уровень фиксации современной дневной поверхности – 8,37–8,41 м БС, нижний уровень фиксации поверхности исследования – 6,32–6,59 м БС. Общая глубина исследований 1,08–2,05 м (рис. 22).

Стратиграфия культурных напластований шурфа представлена следующими слоями: асфальт (до 0,10 м); подсыпки щебня и песка под асфальт (до 0,03 м); слой строительного мусора – мешаная гумусированная супесь с включениями кирпичной крошки, кирпичей, камней, шлака, остатков литейного производства, фрагментов досок и металлических изделий (строительный мусор) (до 1,50 м); отдельные тонкие прослойки битого кирпича и плотной кирпичной крошки (от 0,10 до 0,40 м); мешаный коричневый гумусированный суглинок с включениями углей и кирпичной крошки (до 0,20 м); гумусированный суглинок с щепой (до 0,40 м); крупнозернистый материковый песок (материк) (рис. 23).

В пределах шурфа зафиксировано основание каменного фундамента, сложенного из обработанных прямоугольных известняковых блоков на известковом растворе и две вертикально забитые деревянные сваи. На нижних уровнях выявлен слой мешанного суглинка с археологическим материалом XIX в., ниже которого зафиксирован непереотложенный слой тёмно-коричневого суглинка с щепой периода деревянного строительства XVIII в., перекрывающий уровень материковой поверхности. В слое с щепой выявлены ямы со скоплениями керамики и развалами керамических сосудов.

Шурф 4

Шурф размерами 2 x 4 м заложен в северной части территории исследований на расстоянии 43 м к востоку от Шурфа 3. Площадь шурфа 8 кв. м. Верхний уровень фиксации современной дневной поверхности – 8,17–8,23 м БС, нижний уровень фиксации поверхности исследования – 6,60 м БС. Общая глубина исследований 1,60 м (рис. 24).

Стратиграфия культурных напластований шурфа представлена следующими слоями: бетонные напольные плитки заводского цеха XX в. (до 0,05 м); бетонная стяжка пола заводского цеха XX в.

(до 0,30 м); кирпичная кладка (до 0,20 м); кирпичный бой и кирпичная крошка (до 0,20 м); слой строительного мусора – мешаная гумусированная супесь с включениями кирпичной крошки, кирпичей, камней, шлака, остатков литейного производства, фрагментов досок и металлических изделий (техногенный) (до 1,20 м); слой шлака (до 0,15 м); мешаный крупнозернистый песок с включениями кирпичной крошки (ниже уровня грунтовых вод) (мощность слоя до конца не прослежена) (рис. 25).

Шурф был заложен внутри одного из бывших цехов завода. Заполнение состояло из строительного мусора, котлован под который, судя по всему, прорезает уровень материковой поверхности. На дне шурфа выявлены крупные фрагменты корней деревьев и остатки деревянных водоотводных коммуникаций XIX в. в виде широкой доски – вероятно стенки деревянного короба, залегавшего с южной стороны шурфа по направлению З–В. В связи с активным поступлением грунтовых вод со дна шурфа и из повреждённого деревянного короба, археологические исследования на этом участке были остановлены. В пределах шурфа на уровне остановки работ непереотложенных культурных напластование не зафиксировано. Судя по стратиграфической ситуации, в этой части площадки уровень материка прорезан заводскими сооружениями XIX в.

Шурф 5

Шурф размерами 2 x 4 м заложен в восточной части территории исследований на расстоянии 100 м к востоку от Шурфа 4. Площадь шурфа 8 кв. м. Верхний уровень фиксации современной дневной поверхности – 8,19–8,41 м БС, нижний уровень фиксации поверхности исследования – 6,25–6,42 м БС. Общая глубина исследований 1,90–2,00 м (рис. 26–27).

Стратиграфия культурных напластований шурфа представлена следующими слоями: асфальт (до 0,30 м); булыжная мостовая XIX в. (два уровня) (до 0,40 м); слой строительного мусора – мешаный крупнозернистый песок с включениями угля, шлака и кирпичной крошки (техногенный) (до 1,80 м). Слой продолжается ниже уровня грунтовых вод (рис. 28–29). Заполнение Шурфа 6, как и в случае с Шурфом 5 состоит преимущественно из строительного мусора, котлован под который, прорезает уровень материковой поверхности.

На нижнем уровне булыжной мостовой XIX в. зафиксированы остатки разобранной узкоколейной железной дороги в виде двух сохранившихся

Рис. 22. Общий вид Шурфа 3 с В

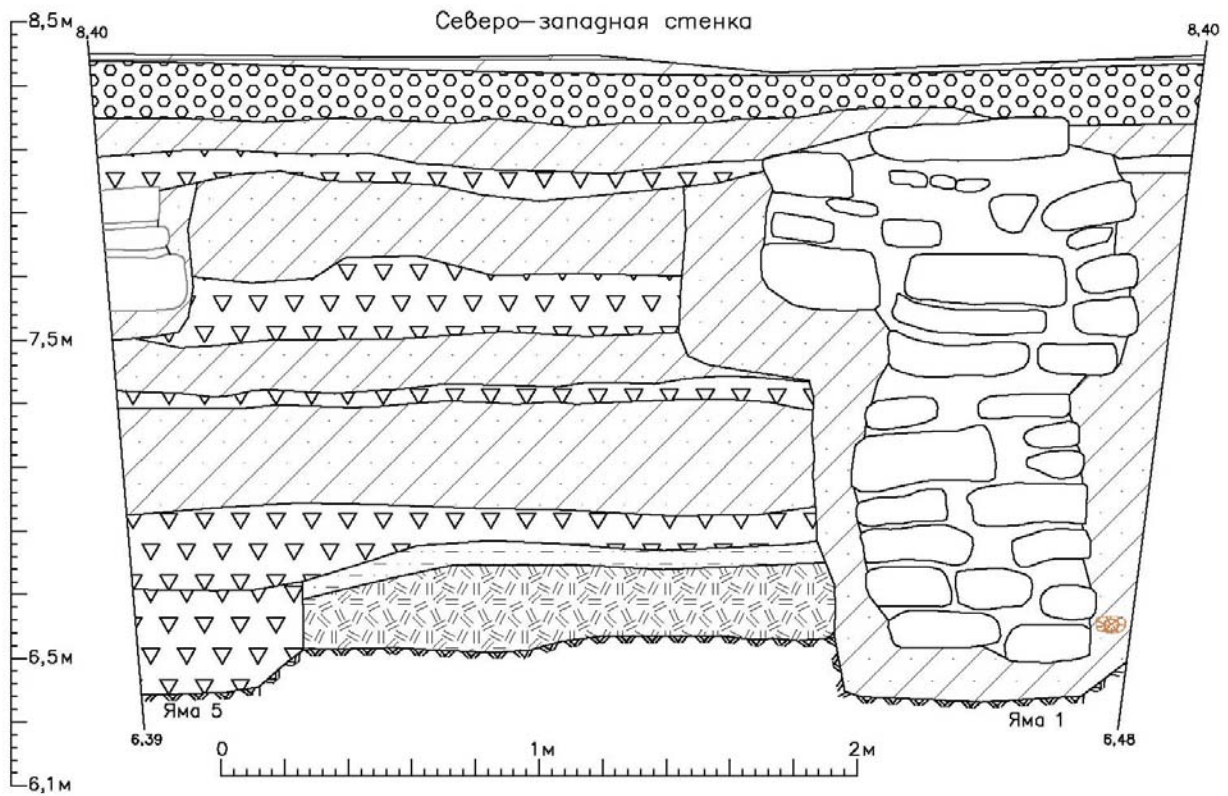

Рис. 23. Стратиграфия северо-западной стенки Шурфа 3

Рис. 24. Общий вид Шурфа 4 с Ю

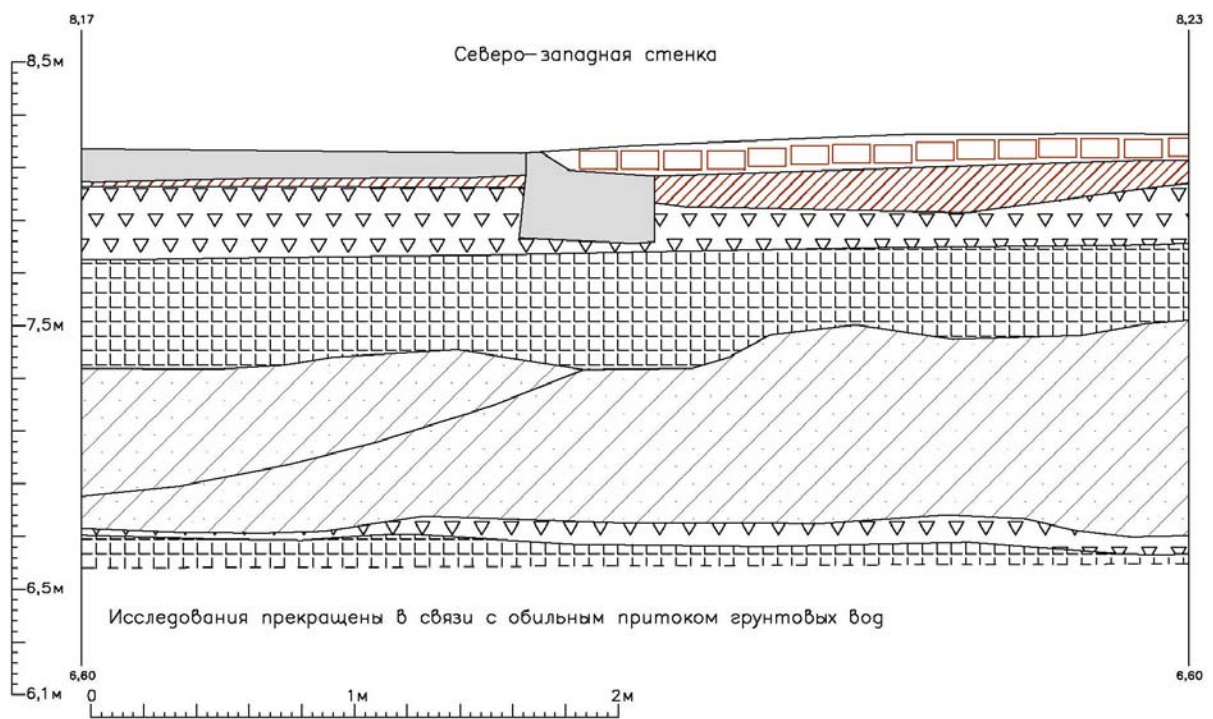

Рис. 25. Стратиграфия северо-западной стенки Шурфа 4

Рис. 26. Общий вид булыжной мостовой в Шурфе 5

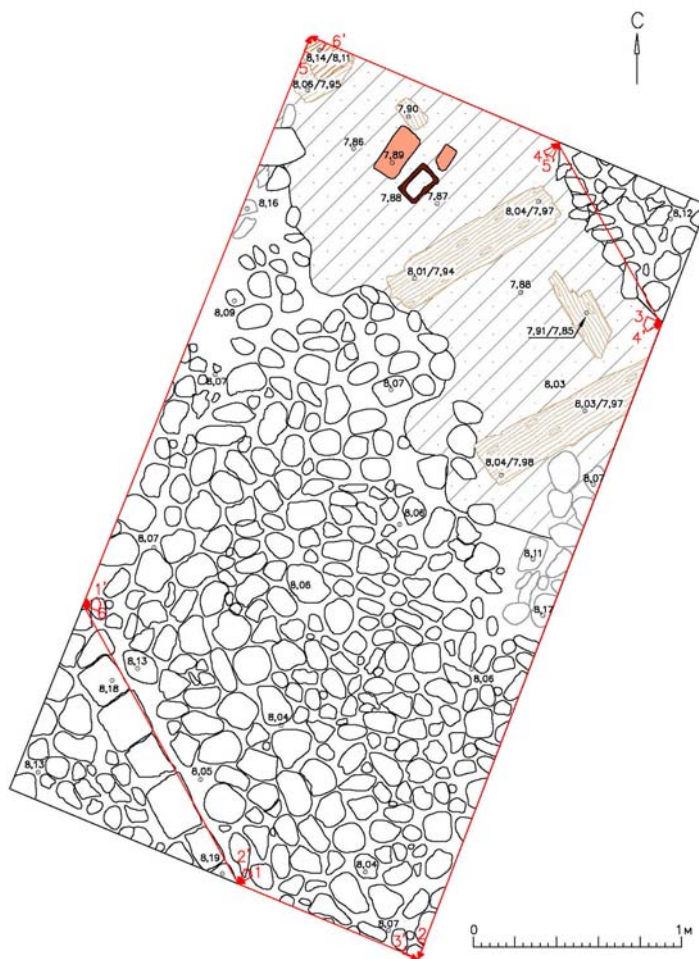

Рис. 27. Общий план булыжной мостовой в Шурфе 5

Рис. 28. Общий вид западной стенки Шурфа 5 с В

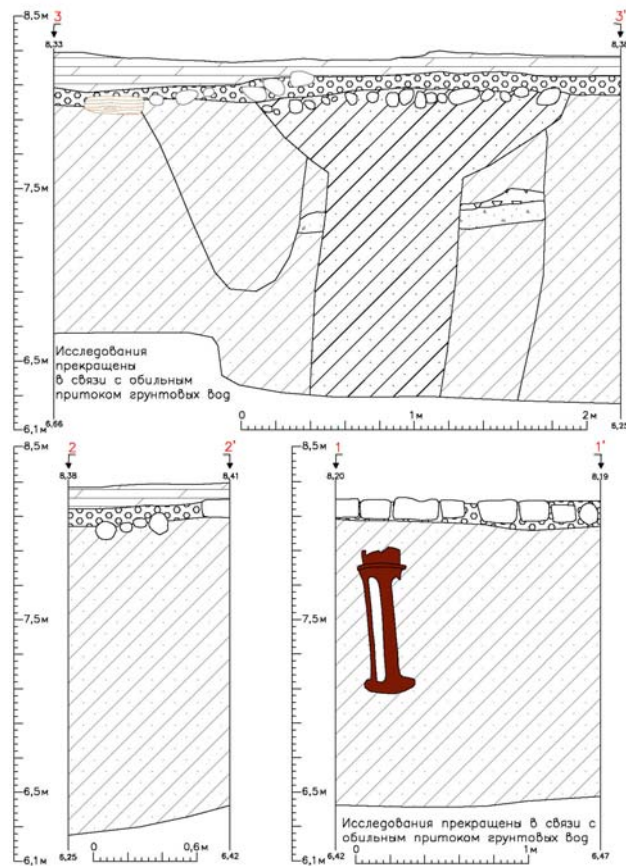

Рис. 29. Стратиграфия стенок Шурфа 5

деревянных шпал с забитыми в них костылями (рис. 26–27). Направление железной дороги ориентировано по линии СЗ–ЮВ. Вероятно, дорога использовалась для подвоза угля к цехам завода, а на самом участке работ располагался склад угля или кокса, который упоминается в источниках. На дне шурфа под узкоколейной дорогой выявлены остатки деревянного настила в виде обработанных массивных брёвен, залегающих по линии СЗ–ЮВ в восточном углу шурфа. Ниже уровня грунтовых вод удалось проследить остатки деревянных и чугунных водоотводных коммуникаций XIX в. В связи с активным поступлением грунтовых вод со дна шурфа работы были остановлены. В пределах шурфа на уровне остановки работ непереотложенных культурных напластование не зафиксировано. Судя по стратиграфической ситуации, в этой части площадки уровень материка прорезан заводскими сооружениями XIX в.

Период сооружения булыжных мостовых и функционирования узкоколейной железной дороги можно датировать по залегающему под ними археологическому материалу. Кроме традиционного набора фрагментов красноглиняной керамики, фаянса, стекла и фарфора, из мешаного слоя строительного мусора происходят английские силикатные кирпичи с клеймами, выполненные из характерной светлой глины. Подобные экземпляры часто использовались при сооружении промышленных печей и датируются временем не ранее середины XIX в.

Шурф 6

Шурф размерами 2 x 4 м заложен в западной части территории исследований на расстоянии 180 м к западу от Шурфа 5 вблизи от сохранившегося здания завода, выходящего фасадом на Лиговский проспект. Площадь шурфа 8 кв. м. Верхний уровень фиксации современной дневной поверхности – 8,08–8,17 м БС, нижний уровень фиксации поверхности исследования – 6,34–6,44 м БС. Общая глубина исследований 1,70–1,80 м (рис. 30).

Стратиграфия культурных напластований шурфа представлена следующими слоями: асфальт (до 0,15 м); прослойка битого кирпича (до 0,20 м); булыжная мостовая XX в. (до 0,20 м); слой строительного мусора – мешаная гумусированная супесь с включениями кирпичной крошки, кирпичей, камней, шлака, стекла и железа (строительный мусор) (до 1,30 м); мешаный крупнозернистый песок с примесью кирпичной крошки (до 0,40 м); жёлтый мешанный гумусированный крупнозернистый песок (стерильный) (до 0,40 м); крупнозернистый материковый песок (материк) (рис. 31–32).

В пределах шурфа зафиксировано основание фундамента, сложенного из кирпича и обработанных прямоугольных известняковых блоков, поставленных в фундаментный ров. Фундамент ориентирован по линии З–В. С южной стороны за пределами фундамента выявлен строительный котлован, заполненный строительным мусором и фрагментами разобранной кирпичной стены. Работы на этом участке шурфа были остановлены в виду стеснённых условий и технической невозможности продолжить выборку строительного мусора. В северной части шурфа была произведена зачистка по уровню материковой поверхности с контрольным прокопом материка.

Шурф 7

Шурф размерами 2 x 2 м заложен в южной части территории исследований на расстоянии 75 м к югу от Шурфа 6 в виде прирезки в центральной части Зачистки 1. Площадь шурфа 4 кв. м. Верхний уровень фиксации современной дневной поверхности – 7,48–8,05 м БС, нижний уровень фиксации поверхности исследования – 6,74–6,79 м БС. Общая глубина исследований до 1,30 м (рис. 33).

Стратиграфия культурных напластований шурфа представлена следующими слоями: слой строительного мусора, кирпичного боя и мешаной серой супеси с кирпичной крошкой (до 1,00 м); коричневый плотный гумусированный суглинок (до 0,10 м); слой супеси различных оттенков (до 0,30 м); крупнозернистый материковый песок (материк). В пределах шурфа исследован уровень погребённой почвы XVIII–XIX вв. (рис. 34).

Раскоп 1

Раскоп был заложен в западной части территории исследований, где по результатам проведённых археологических разведок между заводскими фундаментами был зафиксирован участок с сохранившимся культурным слоем (Шурфы 1–3). Раскоп 1 расположен на расстоянии 5 м к юго-востоку от угла здания заводской конторы на месте исследованного ранее Шурфа 1, который вошёл в границы Раскопа 1. Раскоп 1 размерами 10 x 30 м, площадью 300 кв. м, ориентирован длинными сторонами по линии С–Ю. Верхний уровень фиксации современной дневной поверхности – 8,18–8,22 м БС, нижний уровень фиксации материковой поверхности – 6,10–6,63 м БС. Общая глубина исследований до 2,08 м (рис. 35–41).

Стратиграфия культурных напластований раскопа представлена следующими слоями: слой 1 – мешаная тёмно-серая супесь техногенного проис-

Рис. 30. Общий вид булыжной мостовой в Шурфе 6 с 3

Рис. 31. Общий вид западной стенки Шурфа 6 с ЮВ

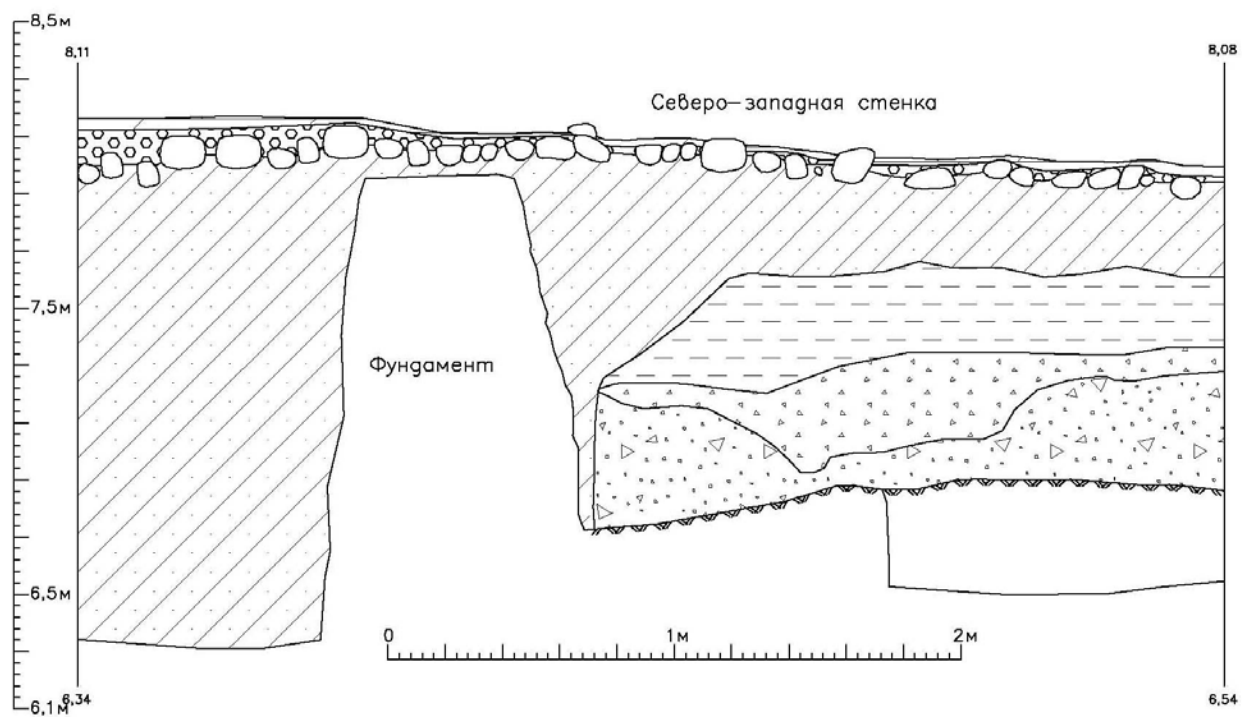

Рис. 32. Стратиграфия западной стенки Шурфа 6

Рис. 33. Общий вид Шурфа 7 с С

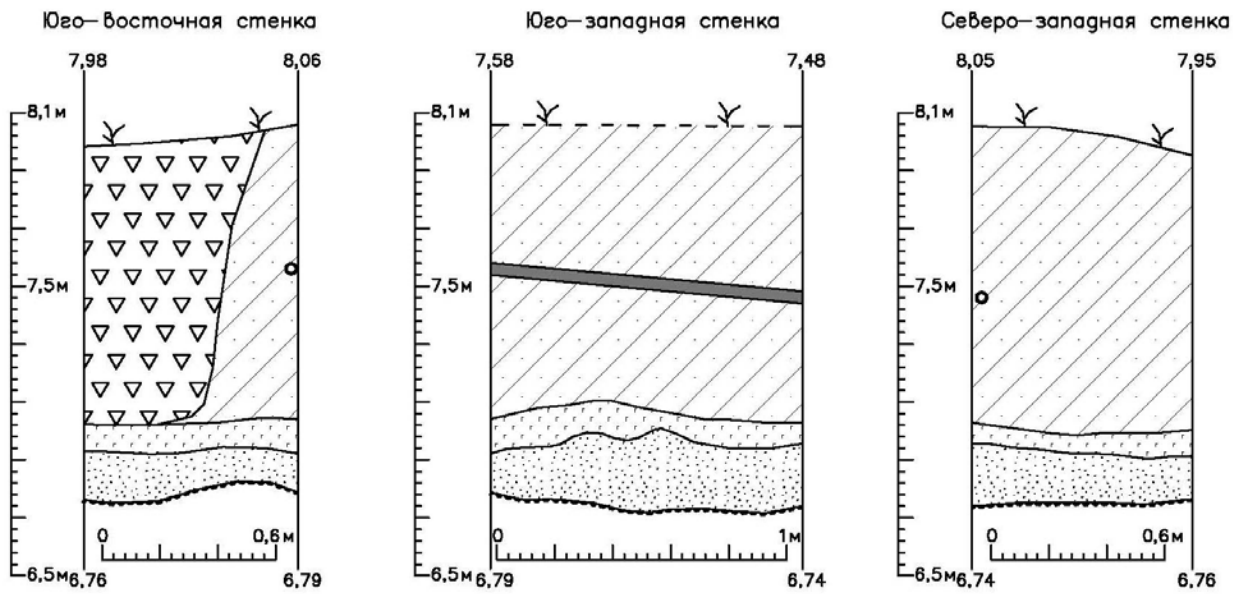

Рис. 34. Стратиграфия стенок Шурфа 7

Рис. 35. Общий вид Раскопа 1 перед началом работ с С

Рис. 36. Общий вид северной части Раскопа 1 с ЮВ

Рис. 37. Общий вид центральной части Раскопа 1 с С

Рис. 38. Участок стратифицированного культурного слоя (кв. А-8-10), вид с В

Рис. 39. Общий вид южной части Раскопа 1 с Ю

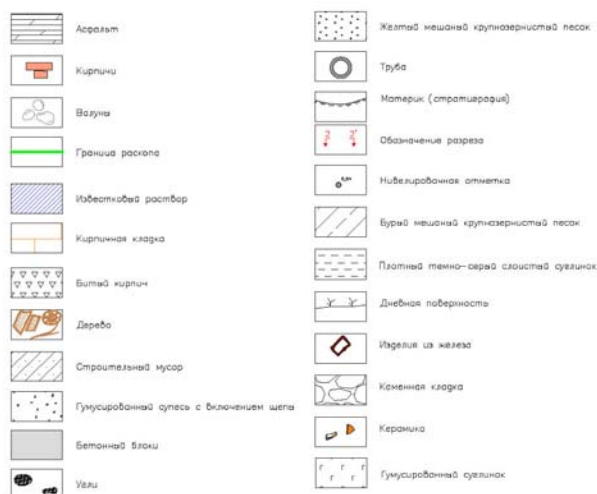

Рис. 40. Условные обозначения (Раскоп 1)

хождения с включениями строительного мусора (битый кирпич, асфальт, кирпичная крошка, камни, фрагменты стекла, шлак, уголь, изделия из железа, остатки чугунолитейного производства) – распространялся с уровня современной дневной поверхности по всей площади раскопа от 8,05–8,33 м БС на глубину до 6,11–7,22 м БС, современная дневная поверхность в пределах раскопа представляла собой асфальтовое покрытие, под которым на отдельных участках в центральной части фрагментарно залегала булыжная мостовая, нарушенная строительными котлованами, мощность слоя до 0,02 м; слой 2 – бурый мешаный крупнозернистый песок – залегает на глубине 7,22–7,37 м БС, зафиксирован исключительно в северной части раскопа, на остальной территории нарушен техногенными включениями, мощность слоя 0,30–0,70 м; слой 3 – плотная гумусированная супесь с включением щебы – залегает на уровне 6,60–6,90 м БС, мощность слоя до 0,40 м; слой 4 – коричневый плотный гумусированный суглинок погребённой почвы XVIII–XIX вв. – зафиксирован в западной части раскопа на глубине 6,40–6,60 м БС, мощность слоя 0,01–0,30 м; слой 5 – коричневый гумусированный суглинок заполнения строительного котлована XX в. – зафиксирован в котловане южной части раскопа на уровне 6,37–6,53 м БС, мощность слоя заполнения 0,30 м; слой 6 – известковое заполнение деревянного короба (Комплекс 3) – зафиксирован на уровне 7,41 м БС, мощность слоя заполнения 1,20 м; слой 7 – плотный тёмно-серый слоистый суглинок заполнения деревянных колодцев и дренажных сооружений (Комплексы 1 и 2) – зафиксирован на уровне 6,52–7,06 м БС, мощность слоя 0,50–1,10 м;

слой 8 – материковый крупно и мелкозернистый песок разных оттенков от серого до светло-жёлтого с редкими включениями железняков (материк) (рис. 42).

В пределах Раскопа 1 выявлены участки культурного слоя с фрагментами деревянных настилов, остатки деревянных дренажных сооружений (Комплексы 1 и 2), деревянный короб, заполненный известью (Комплекс 3), остатки восьмиугольной деревянной фундаментной конструкции (Комплекс 4), прослежено залегание каменного фундамента одного из корпусов завода второй половины XIX в. (рис. 41).

Дренажный Комплекс 1 зафиксирован в центре северной части раскопа. Дренажная система представляла собой прямоугольный деревянный короб размерами 2,20 x 2,20 м, сооружённый из массивных досок, сохранившийся на высоту в пять венцов (1,00 м). Дно короба выстелено досками. В деревянный короб с противоположенных сторон вмонтированы дренажные желоба, сложенные из длинных массивных досок, перекрытых перпендикулярными короткими полубрёвнами (длиной 0,80 м) с подрубкой по торцам. Дренажные желоба протяжённостью 10 м пересекают раскоп в направлении 3–В (рис. 36; 41). Дренажный Комплекс 2 зафиксирован рядом с восточной стенкой раскопа в виде небольшого деревянного сруба размерами 0,95 x 0,93 м, сохранившегося на высоту в три венца с одним дренажным желобом. Дно сруба выстелено досками (рис. 37; 41).

Исследованные дренажные системы впущены с уровня поверхности XX в., перерезают слой строительного мусора XIX–XX вв., погребённой почвы XVIII–XIX вв. и заглублены в материк. Южнее практически параллельно направлению деревянным дренажным конструкциям найдена бетонная труба ливнёвой канализации, проходящей через коллекторный бетонный колодец, по всей вероятности, заменившей в XX в. деревянную систему водоотведения (рис. 41).

Деревянные колодцы прорезают строительный комплекс (Комплекс 3), выявленный у западной стенки раскопа. Комплекс представляет собой остатки деревянного прямоугольного короба размерами 1,60 x 5,00 м, заполненного известковым раствором и перекрытого слоем битого кирпича и кирпичной крошки. Судя по всему, короб использовался для изготовления раствора при сооружении корпусов завода Сан-Галли во второй половине XIX в. Вокруг короба выявлены остатки истлевших деревянных настилов, уложенных

Рис. 41. Общй план Раскопа 1

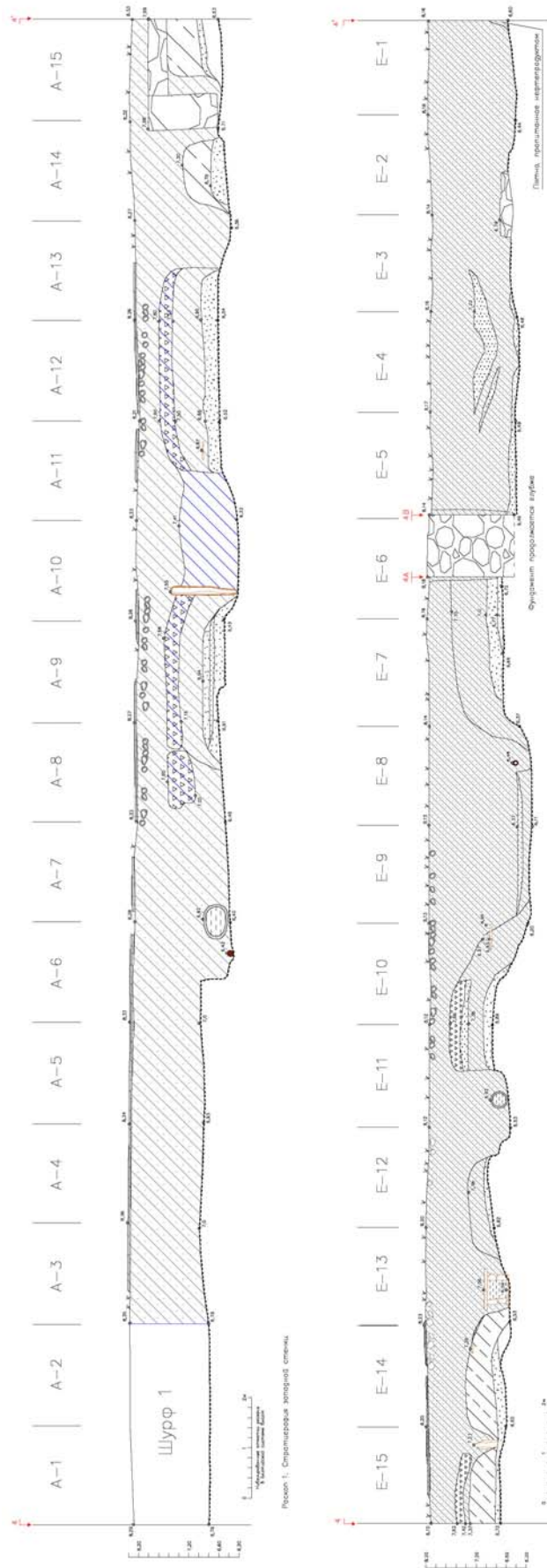

Рис. 42. Стратиграфия стенок Раскопа 1

поверх погребённой почвы XVIII–XIX вв. и останец стратифицированного участка гумусированного слоя погребённой почвы, перерезанный бетонной канализационной трубой (рис. 36; 38; 41). Под остатками деревянных настилов в гумусированном слое найдено шесть медных монет Елизаветы Петровны (1741–1761 гг.).

В центре раскопа открыты остатки восьмиугольного сруба неясного назначения в виде фундаментной конструкции, незначительно заглубленной в материковую поверхность (Комплекс 4). Фундаментный сруб перерезан деревянным дренажным желобом (Комплекс 1) и бетонными трубами ливнёвой канализации. Сруб высотой в один венец был сложен из толстых круглых брёвен диаметром 0,50 м. Восьмиугольная форма фундаментного сруба восстанавливается благодаря фрагментарно сохранившимся брёвнам по периметру в северной и южной части постройки. Максимальный зафиксированный диаметр сооружения 18 м (рис. 36; 41).

В южной части раскопа зачищены остатки каменных фундаментных стен шириной 1,20 м, относившихся к П-образной постройке одного из разобранных корпусов завода Сан-Галли. Фундамент сложен из обработанных прямоугольных известняковых блоков, сохранился на высоту 1,80 м. В западной стенке каменного фундамента была сооружена кирпичная арочная конструкция. С внутренней стороны фундамента под бетонными армированными полами был открыт обширный строительный котлован, засыпанный строительным мусором и фрагментами снесённых стен заводских цехов – результат многочисленных перепланировок XX в. (рис. 39; 41). На этом археологические работы были завершены, произведена обратная засыпка археологических шурфов и раскопа, рекультивация территории исследований.

Полученный в результате археологических исследований материал датируется первой половиной XVIII – XX в. и включает находки разных категорий. Наиболее многочисленными и разнообразными являются обломки посуды из глины, фаянса и фарфора, каменной массы, поливные печные изразцы, кирпичи, черепица, кованые железные гвозди, фрагменты стеклянных изделий. Найдены медные монеты и фрагменты турецких и голландских курительных трубок с клеймами (рис. 43–57).

Керамика

Обнаружены фрагменты глиняных кухонных горшков, мисок, кувшинов, тарелок, цветочных

Рис. 43. Бутылка из-под сельтерской воды

горшков (рис. 44). Эта коллекция очень разнообразна и включает, в частности, поливную и чернолощеную посуду. Керамический материал имеет большой разброс по хронологии. Можно выделить более ранние изделия XVIII в. с примесью крупнозернистой дресвы и песка, изготовленные на ручном гончарном круге, поливную посуду с мраморной глазурной росписью. Кроме ранней керамики, встречены фрагменты относящиеся к 30-м гг. XX в., однако большая часть материала

Лиг11-зач01-г01-726

Рис. 44. Керамическая посуда

приходится на конец XIX – начало XX вв. Из находок датирующихся, вероятно, XVIII в. следует отметить фрагментированную серолощенную миску и фрагменты поливных мисок с мраморовидными зелёными и коричневыми разводами. К изделиям промышленного назначения XIX в. следует отнести красноглиняные массивные сосуды с коричневой поливой на внутренней стороне. Фрагментов таких сосудов обнаружено более 100 штук, один сосуд реконструирован полностью. Основную массу находок конца XIX – начала XX вв. составляют фрагменты красноглиняной поливной керамики – фрагменты мисок и кувшинов. Интересно отметить массивную красноглиняную миску со светло-коричневой поливой.

Предметы из фаянса и фарфора

Столовая и чайная посуда, аптечные и помадные банки с клеймами (рис. 45). Среди фаянсовых и фарфоровых предметов встречаются изделия с росписью, золочением, с клеймами. Из фарфоровых изделий следует назвать продукцию английских мастерских, прежде всего, веджвудского фарфора, в основном тарелки с клеймом WEDGWOOD и без него. Из изделий других фабрик английского фарфора найдены фрагменты тарелок с клеймом GREENS & Co/ POTTERY, фрагмент тарелки с клеймом: TP&Co / FERRYBRIDGE. Изделия русского фарфора конца XIX – начала XX вв. представлены продукцией фабрик «М.С. Кузнецова», «Братьев Корниловых», «Петра Фомина». Особо выделяется группа изделий, вероятно XVIII века, возможно, подражавших мейсенскому фарфору, выполненных в технике полихромной надглазурной и кобальтовой подглазурной росписи – мелким цветочным орнаментом. К продукции произведённой в 70-е гг. XVIII в. можно отнести изделия Казенного фаянсового завода, в основном фрагменты тарелок, среди которых интересен фрагмент тарелки с синим расписным надглазурным клеймом в виде скрещенных шпаг.

Импортная керамика из «каменной» массы

Тарные бутылки разного размера для сельтерской минеральной воды, многие из которых клеймёные. Одна бутылка сельтерской воды найдена целой с запечатанной пробкой (рис. 43).

Глиняные изразцы с белой поливой и кобальтовой росписью

Это преимущественно элементы печного набора: лицевые изразцы, перемычки, карнизы (рис. 47).

Кирпичи

Одна из наиболее массовых категорий находок строительной керамики. Отобраны кирпичи

Лин-11-III02-IV1-337

Рис. 45. Фарфоровая помадная банка

Рис. 47. Печной изразец

Лин11-III02-я02-505

Рис. 46. Стекланный флакон

с клеймами: Беляев, Захаров, различными инициалами. Встречены фрагменты светлоглиняных огнеупорных кирпичей с английскими клеймами второй половины XIX в. Salamander, Didier, Ramsay. Найдены и более ранние экземпляры кирпичей без клейм с характерными расчёсами по поверхности.

Находки красноглиняной черепицы единичны. Особый интерес представляет находка керамического водопровода, состоявшего из небольших керамических труб.

Курительные трубки

Найдены чубуки красноглиняных курительных трубок турецкого типа, стебли и чашки белогли-

ных голландских курительных трубок с клеймами «L» и гербом города Гауды первой половины XVIII в. (рис. 48–55).

Найдено большое количество фрагментов стеклянных предметов: винных бутылок, аптечных банок, флаконов, рюмок, крышек (рис. 46). По следам технологических операций можно выделить группу стеклянных изделий XVIII в.

Рис. 48. Красноглиняная курительная трубка турецкого типа

Рис. 50. Клеймо 1

Рис. 49. Белоглиняная курительная трубка с клеймами

Рис. 51. Клеймо 2

Рис. 52. Белоглиняная курительная трубка с клеймами

Рис. 54. Клеймо 2

Рис. 53. Клеймо 1

Рис. 55. Клеймо 3

Монеты

Найдены 16 русских монет из меди, в том числе монеты: 1733 г., 1737 г., 1744 г., 1746 г., 1799 г., 1800 г., 1811 г., 1814 г., 1844 г., 186? г. и несколько монет плохой сохранности (рис. 56–57).

В результате археологических исследований территории бывшего Чугунолитейного и механического завода Ф. К. Сан-Галли и примыкающего к нему городского квартала было выявлено наличие культурного слоя XVIII–XIX вв. и собрана коллекция из более чем 1800 находок, подготовленных для передачи в государственный музейный фонд. Прослежено начало формирования культурного слоя на исследуемой территории (не ранее второй четверти XVIII в.), выявлен слой, свя-

Рис. 56. Русские медные монеты XVIII–XIX вв.

Рис. 57. Медные монеты времён Елизаветы Петровны (1741–1761 гг.) из слоя погребённой почвы

занный со строительством заводских сооружений второй половины XIX в., уточнены конструктивные особенности фундаментов заводских корпусов и прослежены деревянные коммуникации.

Культурный слой распространён неравномерно и залегает преимущественно в западной и южной частях площадки, на территории, примыкающей к парку и Лиговскому проспекту (подзона ЗА2). Стратифицированный культурный слой мощностью 0,20–0,40 м залегает фрагментарно под засыпкой строительного мусора на глубине 1,00–1,50 м от уровня современной дневной поверхности. На северном и восточном участках культурный слой перемешан и прорезан строительными котлованами, заглубленными ниже уровня материка. В дальнейшем хозяйственном освоении этой территории должно сопровождаться археологическим надзором, согласно действующему законодательству.

Источники и литература

- Шарова Е. А., Мясникова М. Е., Степанова Е. А., Захарова О. Г., 2007. Историко-культурная градостроительная экспертиза по территории бывшего Чугунолитейного и механического завода Ф. К. Сан-Галли. Санкт-Петербург, Лиговский пр., 60–62. СПб. 138 с. // Архив ГОА ИИМК РАН. Рукопись.

Исследование основания колокольни Смольного монастыря

В. А. Лапшин, И. А. Гарбуз, Н. Ф. Соловьёва

В 2010 г. отряд ИИМК РАН исследовал основание колокольни Смольного монастыря по адресу г. Санкт-Петербург, площадь Растрелли, 1 (рис. 1–2). Ансамбль Смольного монастыря – один из шедевров русской архитектуры XVIII в. – имел сложную судьбу. Строительство заканчивалось после смерти автора проекта. Доминанта ансамбля – пятирусная колокольня так и не была достроена. О замысле Ф.-Б. Растрелли мы можем судить только по чертежу первого варианта проекта (рис. 3) и по хранящемуся в музее Академии художеств макету (рис. 4). Чертежи фундаментов колокольни не сохранились. После того, как недостроенная колокольня была разобрана в 1833 г., информация об её архитектурных характеристиках могла быть получена только путём проведения археологических исследований.

В 2009 г. на месте несохранившейся колокольни Смольного монастыря в Санкт-Петербурге были заложены два разведочных шурфа. Главная задача этих полевых работ состояла в установлении наличия фрагментов фундамента колокольни. В результате проведённых исследований были выявлены фрагменты платформы, сложенной из известняковой плиты на известняковом растворе. Одновременно собрана коллекция находок характеризующих строительную технику и материальную культуру Санкт-Петербурга второй половины XVIII в. (Лапшин и др., 2010). Задача полевых археологических исследований, продолженных в 2010 г. по договору с ЗАО «Озерки», состояла в максимальном (насколько это позволяла существующая застройка) исследовании выявленного архитектурного объекта и перекрывающих его культурных отложений. Площадь раскопа составила 727,6 кв. м (рис. 5).

Прежде всего, следует упомянуть об особенностях методики проведения раскопок данного объекта. Так как место закладки раскопа находится в центре города, в месте массового посещения туристов при проведении раскопок было предписано соблюдать ряд условий. Площадь раскопа была ограничена газоном и соответствовала его конфигурации. Рабочая площадка была окружена забором. Над раскопом был сооружён шатёр с электрическим ос-

вещением, что позволило провести исследования с должной тщательностью в условиях плохой погоды и короткого светового дня. Перебранный грунт складывался в мешки и складировался на рабочей площадке рядом с раскопом и по мере накопления вывозился. С глубины около 2,40 м от дневной поверхности в шурфах появились грунтовые воды, что потребовало применения насосов. Соблюдение техники безопасности обусловило необходимость укрепления стенок раскопа. Поэтому стратиграфия стенок фиксировалась в два приёма: после фиксации верхней, наиболее рыхлой их части (около 1,00–1,40 м от дневной поверхности) делался уступ, а верхняя часть укреплялась мешками с перебранным грунтом. Чтобы предотвратить осыпание стенок раскопа на глубине около 2,20 м вдоль северной и южной стенок был сделан второй уступ. В ходе раскопок выявлено четыре слоя.

Слой 1 – дёрн и подстилающий его гумус мощностью 0,20–0,40 м отложился при устройстве газона. Находки: советские монеты 1924–1949 гг. чеканки и 1 копейка 1899 г., фарфор и фаянс XVIII–XX вв., фрагменты бутылок из «каменной массы» из-под сельтерской воды XIX в., фрагменты белоглиняной, красноглиняной и сероглиняной керамики; фаянсовых помадниц, бутылок коричневого, зелёного и прозрачного стекла; оконного стекла; печные изразцы XVIII–XIX вв., кованые гвозди.

Слой 2 – серая гумусированная супесь – нивелировочная подсыпка с примесью строительного мусора мощностью 0,30–0,50 м. Слой прорезан траншеями, связанными с прокладкой ливневой канализации и кабелей. Находки: пуговицы костяные; фрагменты посуды из фарфора, фаянса, белоглиняной, красноглиняной, сероглиняной керамики; фаянсовых помадниц; сосудов коричневого и зелёного стекла; оконного стекла; печных изразцов с белой поливой и кобальтовой росписью.

Слой 3 мощностью 0,40–0,80 м состоит из битого кирпича и известкового раствора (преобладает большемерный кирпич середины XVIII в., встречен кирпич предположительно первой половины XIX в.). Находки: фрагменты бутылок из «каменной

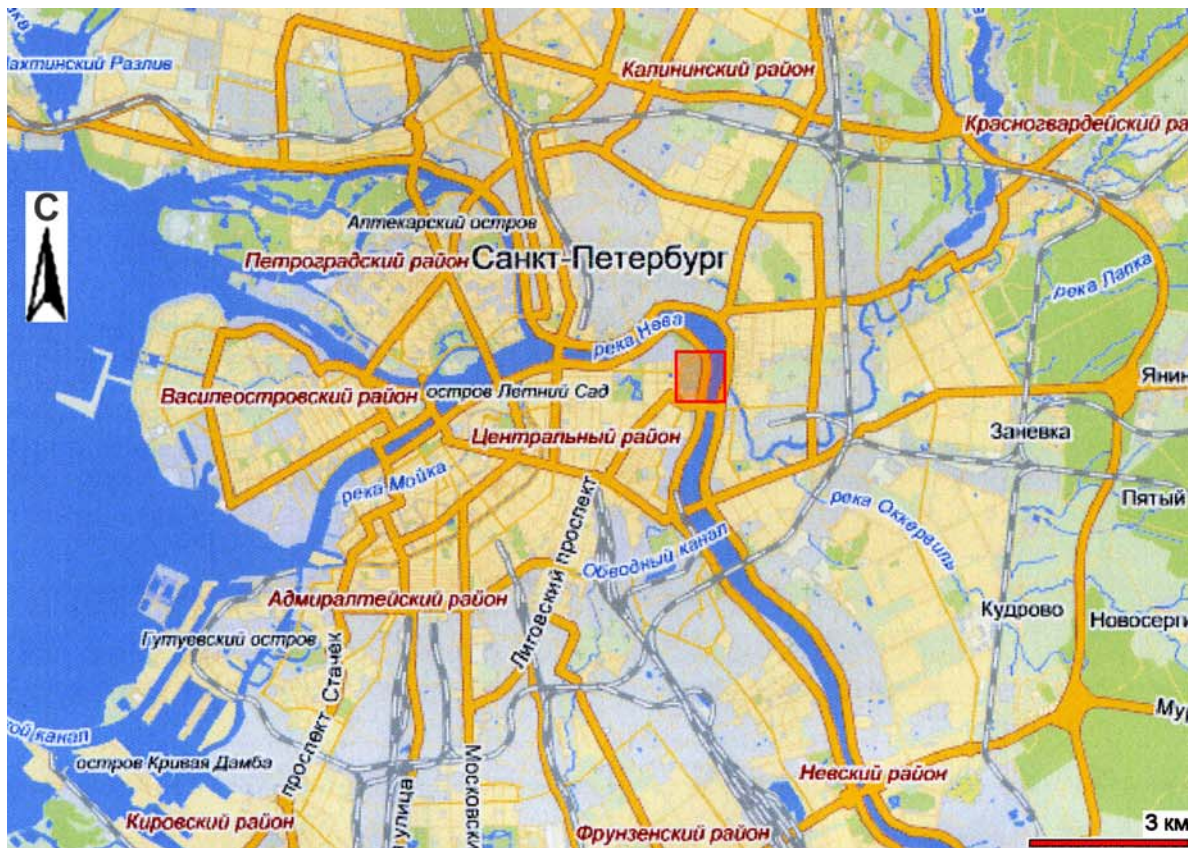

Рис. 1. Расположение места исследований на карте Санкт-Петербурга

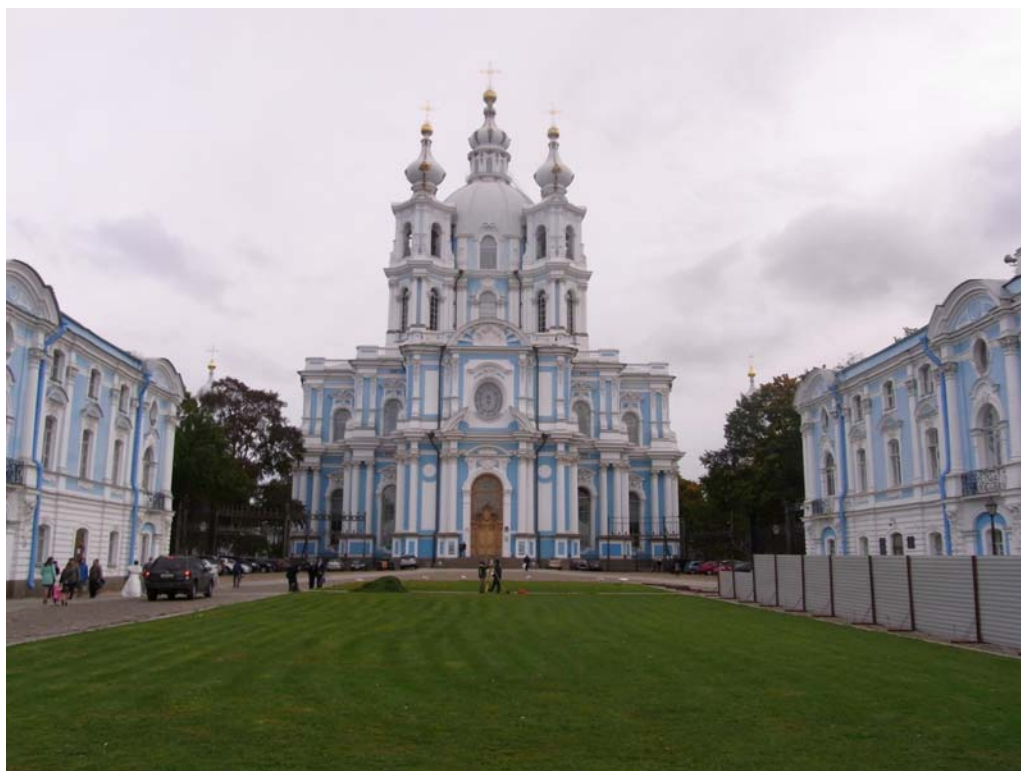

Рис. 2. Участок исследования основания колокольни перед фасадом Смольного собора. Вид с запада

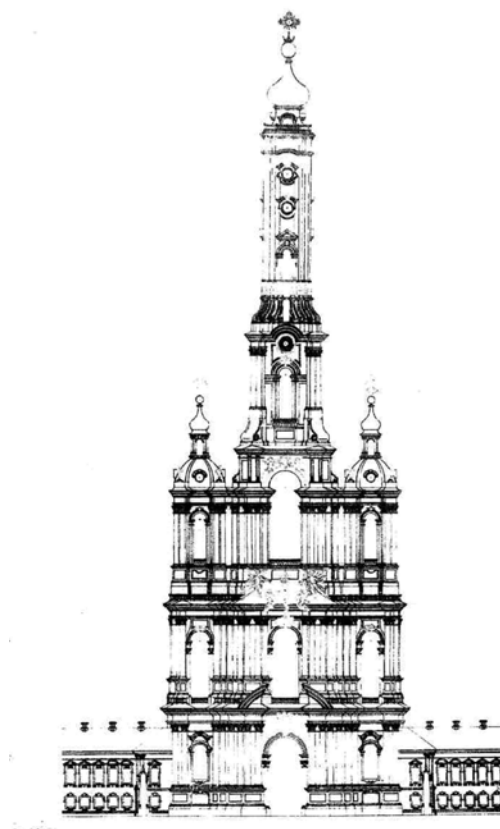

Рис. 3. Колокольня собора Смольного монастыря. Фасад. Чертеж 1749 г.

Рис. 4. Фрагмент макета Смольного монастыря. Нижняя часть колокольни

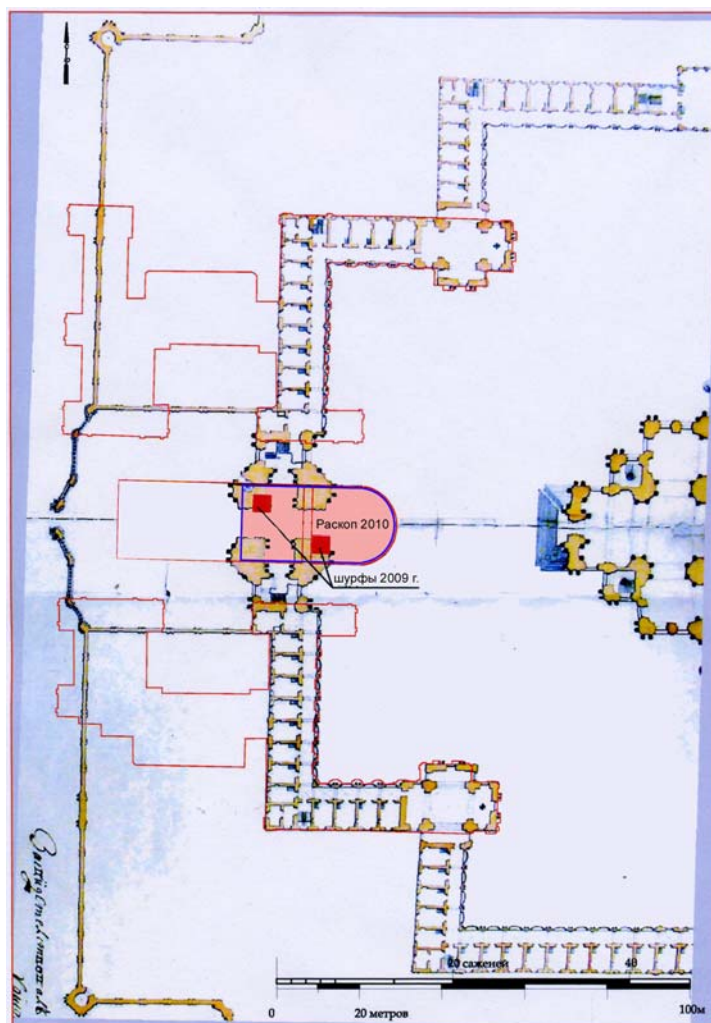

Рис. 5. Схема расположения раскопа 2010 г., совмещённая с генеральным планом Смольного монастыря 1753 г.

массы», фрагменты посуды из фарфора, фаянса, белоглиняной, красноглиняной, сероглиняной керамики; сосудов коричневого и зелёного стекла; печных изразцов с белой поливой и кобальтовой росписью, керамических шестигранных плиток, а также архитектурные детали из известняка и гипса, штукатурка со следами краски предположительно связанные с разборкой основания колокольни.

Слой 4 – светло-коричневая супесь, насыщенная строительным и бытовым мусором XVIII в. (кирпичная крошка, известковый раствор, фрагменты керамики, фаянса, фарфора), мощностью 1,20–1,40 м, в восточной части раскопа мощность слоя доходит до 2,40 м. Находки: фрагменты стенок бутылей из «каменной массы», фрагменты посуды из фарфора, фаянса (в том числе с клеймами и датами «1771», «1773», «1774»); фрагменты сосудов из поливной белоглиняной, красноглиняной, сероглиняной керамики; сосудов коричневого, зелёного и зеленоватого прозрачного стекла; печных изразцов с полихромной и кобальтовой росписью; плитки пола красноглиняные шестиугольные; фрагменты архитектурных деталей из известняка и гранита, большемерный и лекальный кирпич, фрагменты штукатурки со следами розовой, голубой и зелёной краски; гвозди кованые.

На глубине от 1,00 м до 2,60 м были выявлены каменные конструкции, являющиеся остатками разобранного фундамента колокольни и фундаментной платформой под ним. В восточной части раскопа удалось выявить край котлована и край фундаментной платформы, сооружённой под фундамент колокольни. На глубине 0,80 м от дневной поверхности (отметки 3,92–3,94, 4,08 м БС), среди перекопов XX в. выявлена фрагментарно сохранившаяся прослойка тёмной гумусированной супеси толщиной 0,04–0,12 м – погребённая почва. Непосредственно под ней залегал светлосерый песок с ожелезнением – материк, также сохранившийся небольшими фрагментами.

Далее на запад зафиксирован склон котлована, поверхность которого была пролита известковым раствором. Перепад глубин на протяжении 4 м составляет около 2 м (отметки 3,68–1,61 м БС). На дне котлована выявлен край фундаментной платформы, протянувшейся с юга на север (рис. 6). Платформа сложена из известняковых блоков на известковом растворе. Край её оформлен в виде семи ступеней шириной 0,12–0,20 м и высотой 0,15–0,28 м. Размеры каменных блоков: длина 0,35–0,50 м, высота 0,15–0,25 м (рис. 7–8). При засыпке котлована его дно было заполнено битым кирпичом.

Фундаментная платформа продолжается к западу по всей площади раскопа и уходит за его пределы. Раскрытая её часть, таким образом, составляет 14,80 м с юга на север и 28 м с востока на запад. Поверхность платформы залита известковым раствором. Высотные отметки поверхности 2,79–2,93 м БС. В северо-восточной части платформы верхний ряд плит выбран при разборке фундамента колокольни, высотные отметки составляют здесь 2,61–2,62 м БС. Интересная деталь: на известковом растворе сохранились отпечатки колёс тачек времени строительства (рис. 9).

Восточная часть фундамента колокольни полностью была выбрана при разборке основания колокольни в 1833 г. В западной части раскопа выявлены северо-западная и юго-западная части фундамента. Они повреждены при прокладке коммуникаций XX в. и выходят за границы раскопа на север, запад и юг. Высота сохранившихся остатков составляет от 0,35 м в восточной части (отметки 2,87–3,22 м БС) до 1,15 м в западной (отметки 2,93–4,08 м БС). Основание фундамента сложено из гранитных плит длиной до 1,00 м и высотой около 0,30 м. Поверх плит находилась фрагментарно сохранившаяся выравнивающая подушка из камня и кирпича на известковом растворе, которая, по видимому, являлась непосредственно основанием стен колокольни (рис. 10–12).

Согласно письменным источникам, весной или летом 1751 г. началось рытьё ямы под фундамент колокольни и забивка свай. Котлован имел глубину 2 сажени (4 м). В 1751–1753 гг. под фундамент колокольни было забито 10539 свай длиной от 2 до 6 сажен (4–12 м). К осени 1757 г. была закончена закладка фундамента (Зорина, 2009). Как производилась подготовка котлована под фундамент колокольни позволяет понять чертёж профиля фундамента Смольного собора 1748 г. (рис. 13).

О конструкции собственно фундамента колокольни письменные источники умалчивают. Археологические исследования позволили детализировать строительную технологию. Важной деталью является зафиксированная проливка края котлована известковым раствором. Действительно, сооружение фундамента в течение шести лет было бы невозможно без укрепления краёв котлована. Далее, выявлена значительная часть (16 x 29 м) фундаментной платформы, сложенной из известняковых плит на известковом растворе, по меньшей мере, в семь слоёв. Если сделать весьма вероятное предположение, что фундамент колокольни находился в центре подстилающей его платформы, то её размеры должны составлять

Рис. 6. Разрез края фундаментного котлована. Вид с юга

Рис. 7. Восточный край фундаментной платформы колокольни. Вид с юго-востока

Рис. 8. Восточный край фундаментной платформы колокольни. Вид с востока

Рис. 9. Часть фундаментной платформы колокольни: на известковом растворе сохранились отпечатки колёс тачек времени строительства

Рис. 10. Фрагменты юго-западной части фундамента колокольни. Вид с юго-востока

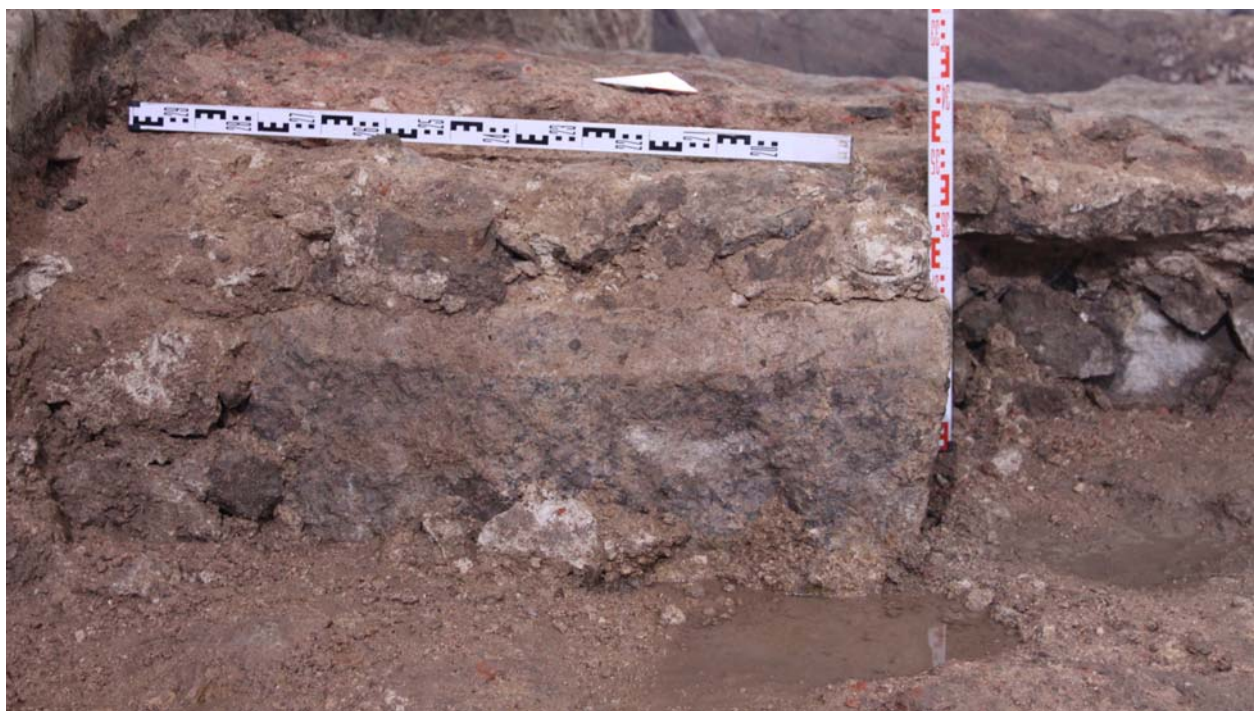

Рис. 11. Фрагмент юго-западной части фундамента колокольни. Вид с юга

Рис. 12. Фрагмент северо-западной части фундамента колокольни на кв. O28. Вид с юга

Рис. 13. Профиль фундамента, на котором был заложен камень для строительства Смольного собора. Чертёж 1748 г.

34 x 34 м (1156 кв. м). Зафиксированы фрагменты западной части фундамента колокольни, сложенного из гранитных и известняковых плит на известковом растворе.

Собрана большая коллекция находок, среди которых большемерный кирпич середины XVIII в. и фрагменты фигурного кирпича (рис. 14), характерные для построек стиля барокко, предположительно относящиеся к декору колокольни, а также фрагменты архитектурных деталей из камня и гипса (рис. 15), штукатурка, сохранившая окраску. В слое, перекрывающем фундамент, преобладают находки, относящиеся ко второй половине XVIII в., в том числе фрагменты фаянсовой посуды с датами в клеймах: 1771, 1773 и 1774. Коллекция представляет значительный интерес для изучения архитектуры и материальной культуры Санкт-Петербурга второй половины XVIII в.

Рис. 14. Слой 4. Кирпич красноглиняный фигурный

Рис. 15. Архитектурная деталь середины XVIII в.

В целом состав и характер находок предположительно позволяют связать вскрытые слои со строительной историей колокольни: строительство из большемерного кирпича середины XVIII в.; накопление культурного слоя с бытовыми находками второй половины XVIII в.; разборка стен сооружения в 30-е гг. XIX в., в результате которой образовался котлован, заполненный окружающим культурным слоем второй половины XVIII – начала XIX в.

Источники и литература

Зорина А. М., 2009. Отчет об историко-архивных и библиографических исследованиях по комплексу зданий Смольного монастыря / ЗАО «Озерки». СПб.

Лапшин В. А., Гарбуз И. А., Городилов А. Ю., Мурашкин А. И., Садыков Т. Р., Соловьёва Н. Ф., 2010. Колокольня Смольного монастыря // Бюллетень ИИМК РАН (охранная археология). СПб. № 1.

Археологические работы в квартале между Смольным проспектом, Тульской и улицей Бонч-Бруевича

К. А. Михайлов, В. А. Лапшин, Н. Ф. Соловьёва

В сентябре 2011 г. Группой охранной археологии Института истории материальной культуры РАН были проведены археологические работы на территории по адресу: Смольный пр., д. 11, лит А, Смольный пр., д. 11, лит. В, Смольный пр., д. 13, лит А, Смольный пр., д. 15 лит. А, Смольный пр., д. 17, лит. А, Смольный пр., д. 17, лит. Х. Исследованная территория расположена на левом берегу Невы в квартале, ограниченном Смольным проспектом, улицей Бонч-Бруевича, Тульской улицей и Синопской набережной. Участок находится к югу от Смольного монастыря и непосредственно напротив Охтинского мыса (рис. 1; 2). Площадь археологического обследования составила около 3,5 га.

Археологические исследования проводились на основании Открытого листа № 634 от 1 июля 2011 г., выданного Росохранкультурой на имя д.и.н. В. А. Лапшина. Работы проведены по договору № 64/09/2011 от 7 сентября 2011 г., заключенному между Учреждением Российской академии наук Институт истории материальной культуры и ЗАО «ЮИТ Санкт-Петербург». Основной задачей исследований на участке являлось определение наличия культурного слоя, изучение стратиграфии и фиксация археологических материалов.

Историческая топография¹ Средневековый период

Начало освоения региона связано с новгородской колонизацией Приневья и может быть отнесено к XIV в. На изучаемом левом берегу Невы на месте современного Смольного монастыря с начала XVI в. известно село с церковью. Можно предполагать, что поселение появилось на этом месте ранее, так как церкви обычно строились в уже существующих крупных сёлах. Впервые Спасский храм упоминается в источниках в 1504–1505 гг. как церковь в волости Калганицы. В 1555 г. «Спас на Неве» назван пунктом сбора русских войск, готовившихся к походу на шведов. По царской грамоте сюда должны были явиться дети боярские, а также доставлен корм для войска татарского царевича Кайбалы. Во время русско-шведской

войны 1593 г. русские войска стояли в Ямском уезде, откуда «...послали воеводы ко Спасу на Неву на Устье князя Петра Ахамошуковича Черкасско да князя Михаила Быка Путятина, а с ними посланы казаки да татаровья». В одном из документов, сохранившихся в сборнике отдельных и обыскных книг Водской пятины 1599–1601 гг., упоминается священник церкви Преображения Господня выставки Ненелы Софроний Иванов. Выставкой Ненела (Нюнела) здесь названо село, известное по более поздним документам как Спасское (Селин, 1998, 2001, 2004; Сорокин, 1995б, 2003).

Расположение участка исследования напротив устья р. Охты в значительной степени определило его развитие в XV–XVII вв. В XVI–XVII столетиях поселения в районе Смольного монастыря и в устье Охты (Ниен) развивались как поселения с городскими чертами. Этому способствовало ключевое положение данных пунктов на важной водной магистрали, связавшей Россию с Балтикой. Однако образованию здесь города препятствовали войны России со Швецией и опричное разорение второй половины XVI в. (Сорокин, 1996. С. 28; 2001. С. 17–18).

Шведский период

В 1610–1615 гг. шведские войска под руководством Якоба Делагарди завоёвывают новгородские земли. В 1611 г. в устье Охты сооружается шведская крепость Ниеншанц. Вблизи крепости стал развиваться городок Ниен. Во времена шведского владычества на протяжении всего XVII в. в Спасском селе сохранялась действующая православная церковь. Однажды священник церкви Федор Сизов за отстаивание прав православного населения был отправлен шведским правительством в тюрьму. На карте устья Невы 1640-х гг. «Delineatio geografia» имеется первое изображение Спасского села с церковью. Оно характеризуется реалистичными чертами. Здесь показана деревянная церковь прямоугольной формы с двускатной крышей, в центре которой выделяется колокольня шатрового типа, увенчанная крестом (Сорокин, 1995а). На карте этого же периода, составленной Э. Н. Аспегреном церковь изображена более схематично (рис. 3). На плане Мейера 1698 г. здесь изображена часовня.

¹ Историческая справка составлена к.и.н. М. А. Юшковой.

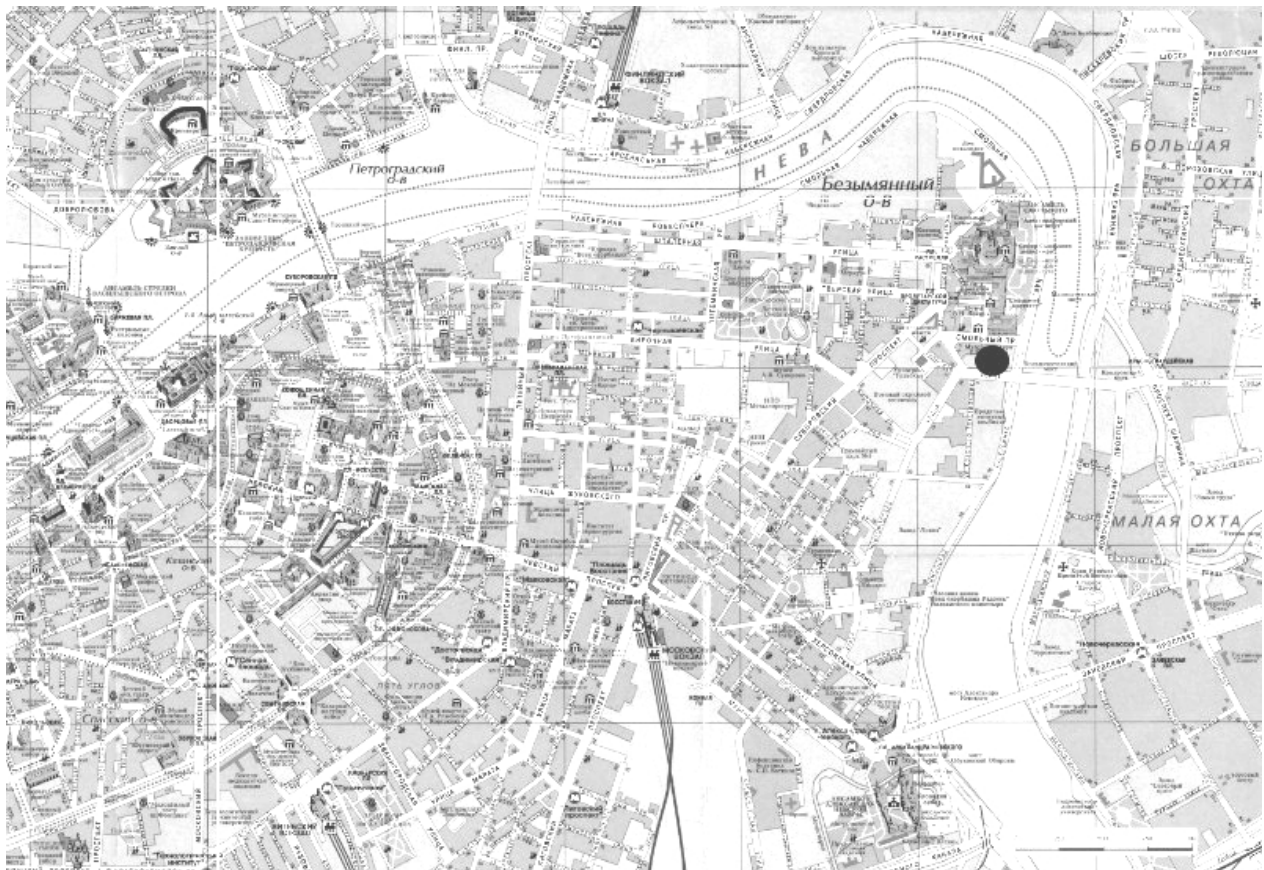

Рис. 1. Карта г. Санкт-Петербурга с расположением исследуемого участка

Спасское располагалось в месте перехода через Неву магистрального пути из Карелии (из Выборга, Кексгольма) в Новгород и Нарву. Отсюда по левому берегу Невы шла дорога к Нотеборгу (ныне Шлиссельбург). В шведское время некоторые из этих дорог являлись государственными. Государственные тракты имели специальное техническое устройство и особую систему обслуживания. В XVII в. вдоль всех трактов через определённые расстояния были устроены постоянные дворы (Krog). В зоне Приневья существовали следующие государственные тракты: Нотеборг–Ниен, Нотеборг–Кексгольм, Ниен–Кексгольм, Ниен–Выборг. К дорогам общегосударственного значения также можно отнести тракт от Ниена на Нарву – от села Спасского по гребню террасы на юго-запад (Семенцов, 1998, 2006).

На карте 1640-х гг. Э. Н. Аспегрена, изображавшей эти земли, обозначено село Спасское: в его северной части находилась церковь, а к югу от неё, на территории изучаемого участка показаны жилые строения (рис. 3). На других картах 1640-х гг. село отмечено несколько ниже по течению, в районе

современного Смольного монастыря. Спасское село изображено также на карте Э. Дальберга 1681 г. Здесь оно снова расположено напротив Ниеншанца – т.е. на территории исследуемого участка. Село названо *Spaski Hakelverk* или *Warenpol*. На других шведских картах конца XVII в. это место называется «*Vagumpol*», «*Wormpah*», «*Värompol*» (Гиппинг, 2003. С. 320). На карте Ингерманландии, составленной Э. Белингом в последние годы шведского владычества, изображена церковь села Спасское, расположенная на месте современного Смольного собора, и отмечены поселения к югу от неё, попадающие в район участка обследования. Как указывает П. Е. Сорокин (1995б): «Совмещение трёх шведских карт и планов 1630–1640 гг., 1681 и 1698 г. с современной топоосновой дало противоречивую информацию о расположении Спасского – от современного Большеохтинского моста до ул. Смольного». В 1994 г. в сквере на берегу Невы перед центральным каре Смольного монастыря проводились археологические исследования, которые наряду с находками более позднего времени выявили культурный слой с фрагментами керамических сосудов XV–XVI вв. По мнению

Рис. 2. План участка с местами расположения шурфов (арабскими цифрами указаны номера шурфов)

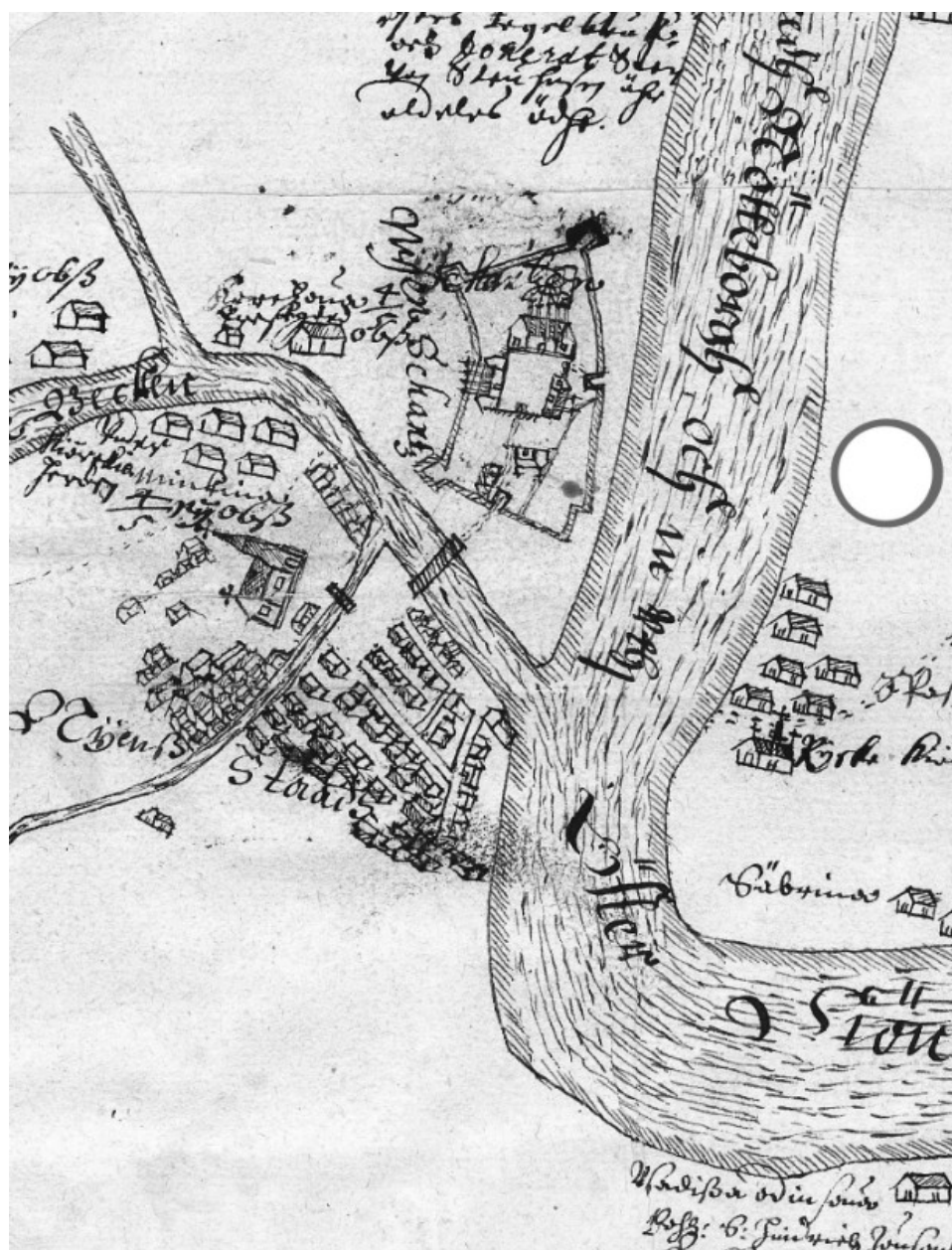

Рис. 3. Фрагмент шведской карты, составленной Э. Аспегреном в 1643 г. На левом берегу Невы отмечен исследуемый участок

П. Е. Сорокина, эти напластования можно связывать с существовавшим здесь селом Спасское (Сорокин, 2001. С. 17–18).

В начале Северной войны на месте села Спасское были построены укрепления, отмеченные на нескольких картах этого периода. Например, на карте Кроньорта 1698 г. на месте Смольного собора показана крепость с двойной линией укреплений. На планах 1703 г., изображающих осаду и штурм Ниеншанца изображены земляные укрепления с валами и рвом. Три выезда из укрепления были

прикрыты рavelинами (рис. 4). В августе 1702 г. солдаты окольного Петра Апраксина в ходе боя с частями Ингерманландской армии генерала Кроньорта взяли в плен шведского драгуна Иоганна Вегиля, который упомянул в расспросных речах «новопостроенный городок, что на Спасовшине», сообщив о нем следующее: «На реке Неве, у Канец, перевозных двенадцать паромов; против Канец на другой стороне Невы построен вновь земляной городок, вал небольшой вышиною и около того валу ров в вышину и в глубину в сажень; людей в ней пехоты триста человек и пушки по тому

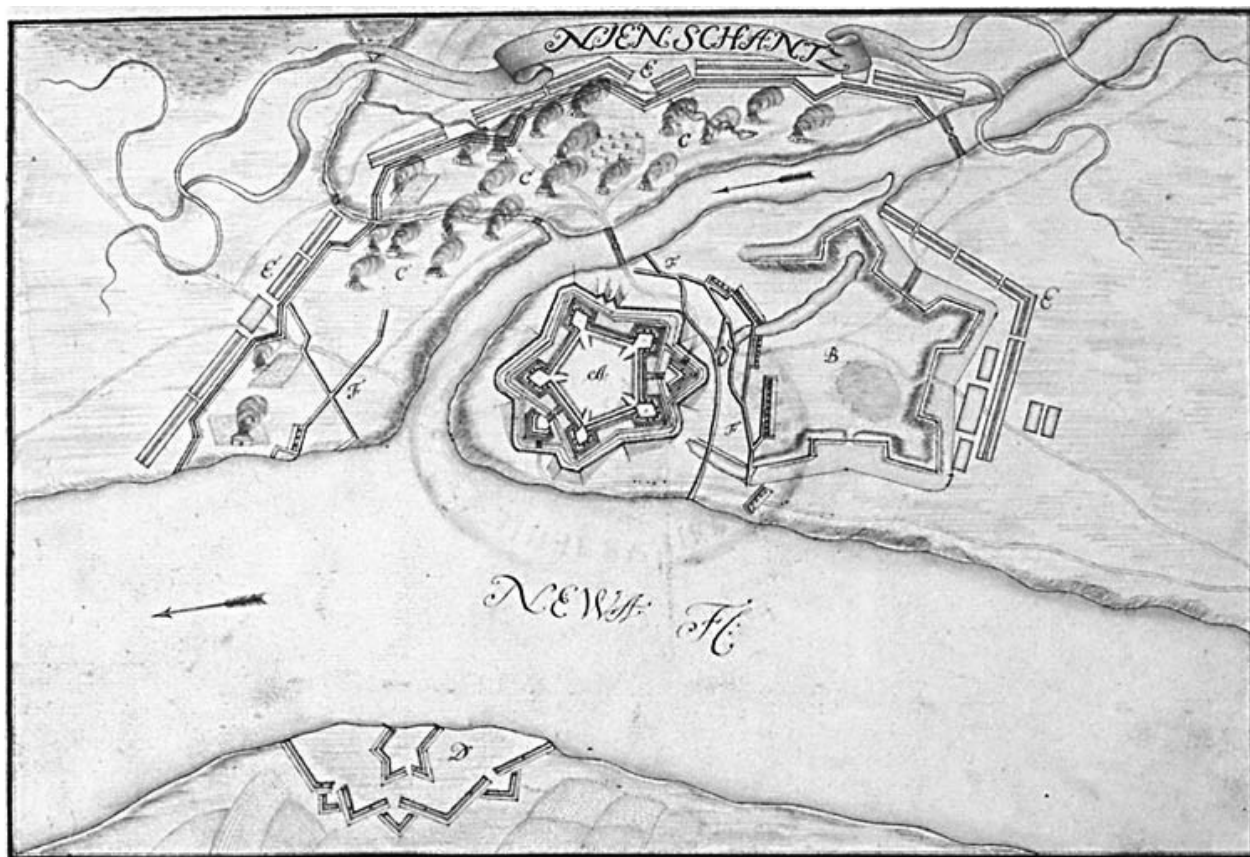

Рис. 4. План штурма Ниеншанца. 1703 г. На левом берегу Невы показаны шведские укрепления

новопостроенному валу поставлены, а сколько, про то не ведает» (Шарымов, 2009. С. 326). Эти укрепления были взяты русскими войсками во время штурма Ниеншанца. Сохранились сведения о том, что при случайных раскопках около юго-западной башни в саду, примыкавшем к дому смольного соборного духовенства в 1830-х гг. была обнаружена яма с костями, которая могла являться захоронением, связанным с взятием укреплений (Столпянский, 1922. С. 6).

Санкт-Петербургский период

Строительство Санкт-Петербурга осуществлялось в освоенном регионе с достаточно разветвлённой сетью дорог. Конфигурация городской застройки Петровского времени в значительной мере совпадает со структурой предшествующего периода (Семенцов, 2006). В петербургское время село Спасское и храм этого села не упоминаются. Вероятно, они были разрушены в ходе военных действий, но само место расположения села было освоено.

На планах 1717 г. (план Буша и план де Фера) в месте расположения исследуемого участка по-

казана проектная застройка. Согласно плану Хоммана 1717 г., изображающем реально существовавшие постройки (за исключением территории Васильевского острова) видно, что интересующий участок ещё не застроен. В 1720 г. на месте Смольного монастыря был построен «Смольный двор», по которому данная местность и получила своё дальнейшее наименование. Здесь хранилась смола, нужная для осмолки кораблей, здесь смолели пеньку для канатов. Был построен забор, внутри которого располагались амбары со смолой, построена пристань. Земли приписали к Адмиралтейству и Адмиралтейскому ведомству. Сестра царя Наталья Алексеевна выбрала для своей дачи участок земли при подъезде к смольному двору. Через два года после ее смерти участок перешёл к супруге Петра I, Екатерине, которая построила небольшой дворец. По наследству Смольный дворец достался дочери Петра Елизавете Петровне. В нем она провела свою юность. В 1744 г. произошёл пожар, уничтоживший основной корпус дворца. После восшествия Елизаветы Петровны на престол в 1748 г. был заложен Воскресенский Новодевичий монастырь и собор (Пыляев, 1889. С. 52–54; Столпянский, 1909. С. 334; Жерихина,

2009. С. 5–6). Относительно набережной Невы к югу от Смольного двора, начиная с 1718 г. и на протяжении последующих ста лет (в 1720, 1724, 1754, 1765, 1804, 1824, 1826 гг.), издавались указы, запрещавшие застройку бичевника.

Сохранились сведения о некоторых владельцах участков по Неве. Согласно распоряжению 1733 г., действительному тайному советнику князю Алексею Черкасскому была выдана данная на пожалованное ему место на Московской стороне, позднее это место было приобретено в казну для образования слободки слугителей конторы строений, впоследствии Рождественской или Песков. Рядом располагались участки Александра Львовича Нарышкина, два места купцов, далее бывшая дача Брюса и место купца Христофора Тесина. Тесин имел здесь жилой дом, амбары для склада импортной извести и небольшой завод канатов (Столпянский, 1909. С. 336–337). На плане 1738 г. вдоль современной Синопской набережной отмечена жилистая деревянная застройка, подписаны участки князя Черкасского и А. Л. Нарышкина. Вполне вероятно, что застройка на месте участка обследования могла принадлежать названному купцу Тесину. На планах 1737 и 1738 гг. к северу от рассматриваемого участка изображены казармы (№ 65) и конюшни (№ 64) конной гвардии, дворец Елизаветы Петровны. Рассматриваемый участок входит в обозначенную на планах Московскую часть города.

В 1750-е гг. по соседству со Смольным монастырём были запроектированы строения слободы Конной гвардии. В частности, по берегу Невы, включая территорию рассматриваемого участка, должны были располагаться пять корпусов конюшен. Этот проект отражён на плане 1753 г., однако он остался практически не выполненным (Петров, 1885. С. 526).

С конца царствования Елизаветы Петровны, несмотря на запретительные меры, заселение берега Невы шло усиленное. В частности, известно о продаже дома генерала поручика Якова Андреевича Мордвинова в 1761 г., расположенного «на берегу Невы у Охтинского перевозу против Конец». Дом был деревянным, имел каменный фундамент, погреба и лабаз. В это же время – в 1764 г. – здесь продавали свой дом князя Голицыны. На их участке также были выстроены лабазы для хранения хлеба. Из указа Елизаветы Петровны 1754 г., указа Екатерины II 1765 г. и последующих распоряжений о сохранении бичевника вдоль набережной от застройки следует, что первоначальное распоряжение Петра I не выполнялось, и набережная интенсивно застраивалась (Столпянский, 1909).

Согласно плану 1776 г. (план Роша) большая часть исследуемого участка расположена на территории монастырской слободы (рис. 5). На берегу Невы к югу от Смольного монастыря показана деревянная застройка берега Невы. На плане 1792 г. обозначено административное деление города на 10 частей, принятое в 1782 г. Исследуемый участок находился в Рождественской части. В этот период она граничила с востока и севера с Литейной частью, к которой относился и Смольный монастырь и с Каретной частью на юге. На этом плане изображён квартал застройки вдоль набережной Невы и отдельно прорисован дом на набережной, который, вероятно, попал в юго-восточный угол рассматриваемого участка.

По данным археологии, на прилегающих к рассматриваемому участку территориях выявлен культурный слой первой половины XVIII в. Хорошо сохранившийся культурный слой этого времени, содержащий органические остатки обнаружен у Большеохтинского моста (Сорокин, 1996. С. 38). При раскопках в районе Смольного монастыря были обнаружены печные изразцы, красноглиняные курительные трубки, корабельные гвозди, фрагменты стеклянных и керамических сосудов начала XVIII в. (Сорокин, 1995б), также предметы середины–второй половины этого столетия (Лапшин и др., 2010).

В конце XVIII в. формируются очертания рассматриваемого квартала и система улиц на месте современного Смольного пр. и ул. Бонч-Бруевича. На Атласе Санкт-Петербурга 1798 г. (Сенатский атлас) улица на месте Смольного пр. названа «Проспект к Большой Охте», на месте ул. Бонч-Бруевича – Малая Болотная (имела большее протяжение в южном направлении). Улицы по набережной ещё не существовало. На плане показана первичная разбивка квартала на участки. Сам квартал имел значительное протяжение в южном направлении (до ул. Большая Болотная – современная ул. Моисеенко). На этом плане показана застройка вдоль проспекта к Большой Охте (Смольного пр.), угловой дом со стороны набережной обозначен как каменный. В 1805–1808 г. для Смольного института благородных девиц было построено здание по проекту Д. Кваренги. Правое крыло здания выходило на Смольный проспект. В справочнике 1808 г. улица к Большеохтинскому перевозу названа проспектом, сообщается, что у перевоза располагался рынок (Санкт-Петербургская адресная книга, 1809. С. 40).

В 1828 г. было принято новое административное деление города, согласно которому рассматриваемый

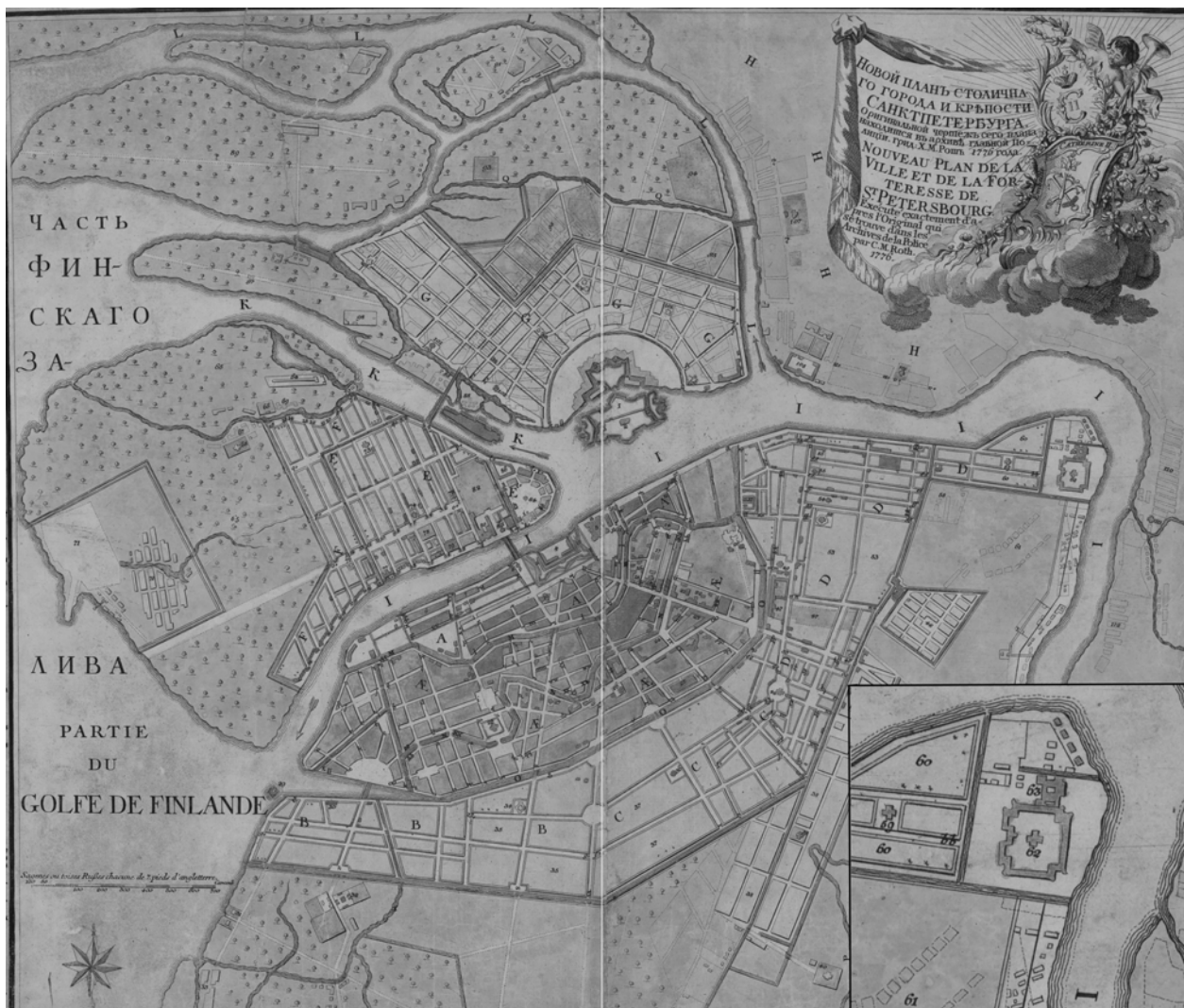

Рис. 5. План г. Санкт-Петербурга 1776 г. Фрагмент плана участка с деревянной застройкой

мый участок располагался в пятом квартале Рождественской части. На плане 1828 г. (план Шуберта), детально показывающий конфигурацию каждого здания, видно, что центральная часть исследуемого участка занята огородами, а северная и юго-восточная части застроены (рис. 6). В юго-восточной части исследуемого участка расположено строение, относящиеся к участку № 539, основная часть которого выходит за пределы исследуемого квартала в южном направлении. В северной части исследуемой территории расположены участки № 540, 543, 544, 545. Каменные строения отмечены только на угловом участке № 543. Вдоль углового здания, протянувшегося вдоль ул. Бережки (Смольного пр.), обозначенного как каменное, подписано «лавки». Набережная, которая теперь оформлена как улица, названа Невской, Смольный пр. – Бережки, а ул. Бонч-Бруевича – Малая Бо-

лотной. В створе ул. Бережки обозначен Большой Охтинский перевоз.

Участок № 539 и 540 принадлежал губернскому секретарю М. И. Балзеру. 15 октября 1827 г. было опубликовано сенатское объявление о запрещении на дом Балзера на участке № 539. Владельцем участка № 543 (бывший участок № 511) являлся купец Янкин, участка № 544 (бывший № 512) – мещанин Раззоронов, участка № 545 (бывший № 513) – мещанин Яблочкин (Указатель жилищ и зданий в Санкт-Петербурге, 1822. С. 139). По данным 1809 г., купец второй гильдии Янкин Иван Андреев проживал в собственном доме по набережной № 511 (Санкт-Петербургская адресная книга, 1809. С. 523). Раззоронов Егор Степанов и Раззоронов Григорий Степанов, купцы третьей гильдии проживали в доме купца Янкина № 511

Рис. 6. Фрагмент плана 1828 г. Исследуемый участок обозначен красной штриховкой

(Санкт-Петербургская адресная книга, 1809. С. 492). Остальными домами на Смольной улице владели мещанин Яблочкин (№ 545), коллежский советник Павловский (№ 546), мещанин Ульянов (№ 546–547), титулярный советник Бабошин (№ 549), мещанин Андреев (№ 550) (Указатель жилищ и зданий в Санкт-Петербурге, 1822. С. 139; Цылов, 1849. С. 172–173). На плане 1835 г. также видно, что в центральной части рассматриваемого участка сохраняются огороды, а северная и восточная части застроены.

В 1836 г. по четной стороне Смольной улицы числились дома № 2–22. Дом № 20 соответствовал старому № 543, № 18 – № 544, № 16 – № 545 и т.д. В доме № 18 проживали наследники мещанина Разоренного, № 16 – мещанка Яблочкина. Дома по набережной Невы, называвшейся Невская Рождественская, имели следующую нумерацию: дом № 4 соответствовал старому № 543, № 6 – № 542, № 8 – № 541, № 10 – № 539 и № 540, № 12–24 соответствовали старым № 532–538 и принадлежали лесной бирже, южнее располагались дома хлебной биржи. Домом № 4 владела купеческая жена Янкина, № 6 – наследники титулярной советницы Ждановой, № 8 – купец Фомин, № 10, а также № 5 по М. Болотной владел губернский секретарь Бальзер. По нечетной стороне Малой Болотной улицы числились дома № 1–17: дом № 5 соответствовал старому № 539 и № 540 (Нумерация домов в Санкт-Петербурге, 1836. С. 20, 87, 119, 191, 225–226, 229, 228, 248, 251).

На плане исследуемого квартала 1839 г. отмечены «дворы и частные строения, принадлежавшие различным владельцам на земле Смольного монастыря» (Историко-культурная градостроительная экспертиза квартала, 2006. Илл. 12). Смольный пр. назван Смольной улицей, ул. Бонч-Бруевича – Малой Болотной. Небольшой угловой каменный дом по Смольной ул. (угол с набережной) принадлежал Обществу благородных девиц. К югу от него располагался двор титулярной советницы Ждановой с деревянной застройкой. Следующим от набережной по Смольной улице был двор № 542 купчихи Янкиной. Янкина Варвара Сергеевна 1794 г.р., состояла в купечестве второй гильдии с 1827 г., по данным 1869 г. она владела домом 27 по Большеохтинскому пр. (Справочная книга о лицах, 1869. С. 406). На плане этого участка обозначены каменные строения вдоль Смольной улицы, по набережной Невы и во внутренней части участка. Следующим по Смольной улице обозначен двор № 544 с деревянными строениями наследников мещанина Разоренова. Следующий – небольшой двор № 545

с деревянными строениями мещанки Яблочкиной. Согласно добавлениям на плане территории исследуемого квартала 1839 г., четыре участка (Ждановой, частично Разоренова, Яблочкиной, Ульяновой) принадлежали Беляеву. Вероятно, эти поправки внесены после 1849 г.

По данным Атласа Санкт-Петербурга 1849 г., владельцами домов по Смольной улице (от Невы) являлись Смольный монастырь, № 22 Янкина, № 20 Разоренов, № 18 Локотников, № 16 Яблочкина, № 14 Павловский, № 12 Ульянов, № 10 Комов, № 3 Бабошин. По набережной Невы от Смольной улицы владельцами участков являлись Смольный монастырь, № 4 Янкина, № 6 Жданова, № 8 Беляевы, № 10 Калугин. На участках Беляевых и Калугина строения не показаны. По данным адресной книги Санкт-Петербурга 1849 г. известно, что в доме, принадлежащем Обществу благородных девиц, в пятом квартале Рождественской части, у Большеохтинского перевоза находился питейный дом. Это строение, скорее всего, располагалось в северо-восточной части участка на углу Смольного проспекта и Синопской набережной. Здесь же, на набережной Невы у Большеохтинского перевоза находилась лесная биржа Беляевых (Цылов, 1849. С. 218, 278).

В указателе улиц 1862 г. отмечено, что существовавший ранее Прачечный переулочок переименован в Тульский (Цылов, 1862. С. XV). Указаны домовладельцы по набережной Невы: № 1 – здание Общества Благородных девиц, № 3 – Янкина, № 5, 7 – Беляев, № 9 – Калугин, затем расположены дома фабрики Штиглица. По Смольной улице значатся дома № 1–9 Общества благородных девиц, № 11 Степановой (рощи), № 13 Беловой, № 15 Родионова, № 17 Белова, № 19 Павловской, № 21 Прокофьевой, № 23 Локотниковой (рощи), № 25 Прокофьевой, № 27 Янкиной, № 29 Общества благородных девиц (Цылов, 1862. С. 252, 388). По данным на 1869 г., владельцами домов по Невской набережной являлись: дом № 1 – каменный, он же по Охтинскому Большому проспекту № 29; № 3 Янкиной Варвары, дом каменный, он же по Охтинскому Большому проспекту № 27; № 5 Беляева Николая, каменный дом; № 7 его же деревянный дом; № 9 Калугиной Любви, деревянный дом; далее строения бумагопрядильной фабрики. Владельцами домов по Охтенскому Большому проспекту (Смольному пр.) являлись: дом № 29 Общества благородных девиц каменный дом, № 27 – Янкина, № 25 – Прокофьева Анна Григорьевна, купчиха второй гильдии, № 23 Никифоров Иван, № 21 и № 17 – Беляев Николай и др. (Нейгардт, 1869. С. 241).

*Фабрика Товарищества «Петра Беляева» и
«Третья мебельная фабрика»*

В 1860–1870-х гг. на участке купца Беляева построено несколько каменных зданий: котельная (1863 г., в 1878 г. перестроена), столярные мастерские (1871 г.), здание для паровых котлов (1873 г., надстроено в 1879 г.) (Историко-культурная градостроительная экспертиза квартала, 2006). На плане 1884 г. Смольный пр. назван Охтинским, на плане 1904 г. – Смольным проспектом, а набережная – Калашниковской. В 1880 г. название «Смольный проспект» было принято как официальное, название Калашниковская набережная существует с 1887 г. (Владимирович, Ерофеев, 2008. С. 607, 617).

По данным 1888 г., владельцами домов по Охтинскому пр. являлись: № 21, 23 – Беляев, № 25 – Прокофьева, № 27–29 – наследники Глинкиных, по М. Болотной улице № 2, 4 – Головин, № 6–8 – Беляев. Домами по Невской набережной: № 5–9 владели Беляевы, № 1–3 – наследники Глинкиных (Табель домов, 1888. С. 89, 103). В 1889 г. изменилась нумерация домов и название Невской набережной: она стала называться Калашниковской, владельцами домов по набережной № 92 (бывший № 3) являлась Глинкова, № 86–90 (бывшие № 5–9) – Беляев. Домами по Смольному проспекту владели: № 19 (бывшие № 27/29) Глинкины, № 17 (бывший № 25) – Прокофьев, № 13–15 (бывшие № 21, 23) – Беляев (Табель домов, 1889. С. 66, 191). В 1892 г. домам по Смольному проспекту владели: № 19 – наследники Глинковых, № 17 – Прокофьева А. Г., № 9–15 – наследники Беляевых (Адресная книга, 1892. Ст. 115).

Основателями семьи лесопромышленников Беляевых является купец Беляев Петр Абрамович (1800–1884), потомственный почётный гражданин, коммерц-советник, Выборгский первостатейный купец, состоявший в купечестве первой гильдии с 1854 г., владелец нескольких домов. Он совместно со своим братом Павлом Абрамовичем занимался лесопромышленностью и содержанием кирпичных заводов. Его сын Сергей Петрович (1847–1911) и племянник Григорий Павлович 1845 г.р., состоявшие в купечестве с 1880 г., вели торговлю строительными материалами, содержали фирму «Братья С. и Г. Беляевы» (Справочная книга, 1867. С. 8; 1884. С. 11). Старший сын Митрофан Петрович Беляев 1836 г.р. также занимался лесопромышленным делом в Олонецкой и Архангельской губерниях (в 1850 – первой половине 1880-х гг.). С середины 1880-х гг. Митрофан Петрович посвятил свою деятельность организации русских симфоничес-

ких концертов, музыкально-издательскому делу. К 1888 г. фирма по торговле строительным материалом и лесом была переименована в «Петра Беляева наследники и Комп.», в ней также состоял Николай Павлович Беляев (1842–1903), выборгский купец, в купечестве с 1885 г. (Справочная книга, 1888. С. 9). Это предприятие было одним из крупнейших в своей отрасли, основной капитал составлял 2 млн. рублей. К 1894 г. Беляевы управляли товариществом «Невское пароходство»: председателем правления был Сергей Петрович, директорами – Абрам Павлович и Павел Николаевич. Беляев Николай Павлович владел домами № 13 и № 15 по Смольному пр., № 88 и № 90 по Калашниковской набережной, Сергей Петрович и Яков Петрович – домом № 86 по Калашниковской наб. (Справочная книга, 1894. С. 84, 90, ст. 748). С 1889 г. функционировала фирма «А.П. Беляев и Комп.», при порте торговавшая оптом лесными материалами.

В конце XIX – начале XX вв. Смольный проспект застраивается каменными домами. На участке обследования расположены три доходных дома: № 11 – доходный дом М. П. Беляева, построенный в 1888 г. архитектором Лаговским Михаилом Михайловичем, № 13 – доходный дом, построенный в 1901 г. архитектором Гилёвым Петром Ивановичем, № 15 – доходный дом, построенный в 1907 г. по проекту инженера Б. Е. Фурмана. При постройке дома была разобрана западная часть лавок XVIII в. Эти дома сохранились по настоящее время. В 1896 г. на участке Беляевых был построен каменный трёхэтажный фабричный флигель, а в 1899 г. – ещё один каменный флигель, в 1900-х гг. перестроен каменный флигель столярной мастерской (Историко-культурная градостроительная экспертиза квартала, 2006). Фабрика Беляевых переименовывается в паркетно-мебельную фабрику.

В советский период фабрика и биржа Товарищества «Петра Беляева – наследники» была национализирована. В 20-е гг. XX в. здесь функционировал Лесопильный завод, с 1931 г. – «3-я мебельная фабрика». В 1931 г. часть территории фабрики была отведена под новую улицу, которая соединяла Суворовский пр. и Большеохтинский мост – современная Тульская улица. Свои современное название эта улица получила в 1975 г., до этого она именовалась «Охтинская прорезка». В 1952 г. Калашниковская набережная была переименована в Синопскую, а с 1964 г. получила своё название ул. Бонч-Бруевича, бывшая до этого ул. Красных Текстильщиков (Малая Болотная) (Владимирович, Ерофеев, 2008. С. 68, 607–608, 617, 668). К 1932 г.

к территории фабрики был присоединён угловой участок на месте бывшего гостиного двора (Смольный пр., 17), на котором была снесена до-революционная застройка. Застройка мебельной фабрики в значительной степени сохранила облик фабрики Беляевых. В начале 1960-х–1980-е гг. были построены несколько новых корпусов, часть деревянных корпусов заменена на каменные. В конце 1990-х – начале 2000-х гг. после ликвидации фабрики и при подготовке участка к новому строительству все производственные корпуса, кроме котельной, были снесены.

Археологическое исследование участка

В начале археологических работ территория обследования представляла собой огороженную площадку неправильной прямоугольной формы, расположенную между Смольным проспектом, Синопской набережной, Тульской улицей и улицей Бонч-Бруевича. С востока к участку примыкает набережная Невы. На бывшей территории мебельной фабрики находились площадки демонтированных заводских корпусов и заасфальтированные проезды. В центре участка сохранилось кирпичное здание котельной и несколько складских помещений. Вдоль северной границы участка располагались три кирпичных здания до-революционной постройки. Большая часть территории была покрыта асфальтом и утрамбованным битым кирпичом (рис. 7).

На площадке было заложено 15 археологических шурфов размерами 2 x 2, 2 x 4 и 2 x 6 м. Общая площадь шурфов составила 60 кв. м. Все шурфы ориентированы по сторонам света. С целью максимального обследования территории квартала шурфы были равномерно размещены по всей площади участка. Шурфы № 1 и 2, размерами 2 x 2 м, были заложены вдоль ул. Бонч-Бруевича по восточной границе участка, шурфы № 3 и 10 – в центре участка, к северу и северо-востоку от кирпичной котельной. По техническим причинам и по требованиям техники безопасности работ (из-за большой глубины и высокого уровня грунтовых вод) в восточной части квартала шурфы были сдвоены и получили двойную нумерацию. Шурфы № 4-5 и № 6-7 размещены вдоль Тульской улицы, шурф № 8-9 – вдоль Синопской набережной, шурфы № 11-15 – в северо-восточном углу участка на перекрёстке Смольного проспекта и Синопской набережной (рис. 2). В ходе исследований было выявлено несколько слоёв, характерных для всей территории обследования, и различных прослоек, залегающих между ними.

В северной части исследуемого участка на границе с ул. Бонч-Бруевича под асфальтом и слоем

гравия зафиксирован мощный слой строительного мусора с находками XIX–XX вв. Его подстилает слой гумуса коричневого цвета с органикой и щепой. В этом слое встречены находки и деревянные конструкции, которые можно датировать XIX в. Под ним залегают слой, состоящий из тонких горизонтальных прослоек высохшего гумуса, чередующихся с тонкими прослойками песка коричневого цвета. Вероятно, в северной части исследуемого участка этот слой может считаться верхней частью материка. Собственно материком является мощный слой алевролита с горизонтальными включениями органики, расположенный ниже.

В центральной и восточной части изучаемого участка под слоем строительного мусора XIX–XX вв. залегают мощный слой перемешанного однородного (без горизонтальных прослоек) мелко-зернистого песка или алевролита серого цвета. Вдоль берега Невы в этом слое обнаружены остатки деревянных конструкций, которые могут быть датированы XVIII в. Под слоем однородного, перемешанного алевролита на глубине около 2 м по БС выявлен материк, сложенный из горизонтальных прослоек алевролита и органики.

В северо-западной части исследуемого участка шурфы оказались полностью заняты развалами стен каменных строений XVIII–XIX вв. Работы здесь были остановлены до начала полномасштабных исследований. В связи с этим на пересечении Смольного проспекта и Синопской набережной не удалось полностью проследить всю стратиграфию напластований.

Шурф № 1 заложен около западной границы участка в 22,27 м к северо-востоку от края тротуара ул. Бонч-Бруевича. Размеры шурфа составили 2 x 2 м, площадь – 4 кв. м. Поверхность шурфа находится на уровне современного асфальта на высоте 6,36–6,40 м БС. Верхнюю часть отложений занимает слой современного асфальта и подушки из песка и гравия толщиной от 0,28 до 0,30 м (рис. 8). Под ними лежит слой строительного мусора. Он состоит из обломков кирпичей, бутовых камней, фрагментов железа, тонких прослоек строительных растворов, песка и находок конца XIX – начала XX вв. Мощность слоя достигает 0,84–1,02 м. Под ним зафиксирован слой гумуса и органики тёмно-коричневого цвета с щепой и с остатками деревянных конструкций. На глубине 5,86 м БС была зафиксирована вершина деревянного столба. Его основание находилось на глубине 4,71–4,79 м БС. Столб диаметром около 0,40 м оказался укреплён на крестовине из двух досок. С трёх сторон он дополнительно укреплён

Рис. 7. Смольнинский отряд ИИМК РАН. 2011 г. Исследуемый участок перед началом работ. Вид с востока

тремя вертикальными распорками. Общая высота конструкции составляла около 1,12 м. Особенности конструкции позволяют предположить, что она могла являться деталью временных навесов, которые находились на участке в начальный период существования на нем фабрики Беляевых (1860–1880 гг.).

По верхней границе слоя гумуса на глубине 5,14 м БС располагался настил из пяти горизонтально уложенных досок, лежавших перпендикулярно восточной стенке шурфа по оси восток–запад. Он вплотную подходил к деревянному коробу ливневой канализации, которая проходила вплотную к северной границе стенки. Короб зафиксирован с глубины 5,05 м БС до 4,49 м БС. Его разрез имел прямоугольную форму размерами 0,60 х 0,70 м. Боковая стенка короба состояла из двух горизонтальных досок, дно – из трёх досок. Короб прорезал слой гумуса и слой, состоящий из тонких горизонтальных прослоек мелкозернистого песка серо-жёлтого цвета и высушенной органики. Заполнение дренажа состояло из слоя строительного мусора конца XIX–XX вв. Трасса канализации проходила по оси запад–восток. Ниже слоя гумуса со щепой находок и следов человеческой

деятельности не замечено. Мощность слоя гумуса и органики достигает 0,41–0,55 м.

Под культурными отложениями залегает слой или «пачка» из тонких горизонтальных прослоек. В ней чередуются мелкозернистый песок серо-жёлтого цвета и тонкие прослойки высушенной органики или торфа коричневого цвета. Верх слоя находится на глубине 4,72–4,67 м БС. Низ лежит на уровне 4,26–4,27 м БС.

Ниже отметок 4,26–4,27 м БС. залегает слой однородного мелкозернистого песка серо-голубого цвета, состоящего из чередующихся тонких горизонтальных прослоек песка и органики. Прослойки органики толщиной 0,02–0,03 м состояли из спрессованной травы и обломков веток лиственных деревьев. Предварительный анализ позволяет считать эти отложения алевритами. В шурфе они были прослежены до глубины 2,90 м БС и продолжались ниже.

Находки. В слое строительного мусора XIX–XX вв. обнаружено 124 находки. К датирующим находкам можно отнести две монеты: из медно-бронзового сплава номиналом 1 копейка, 1869 г.

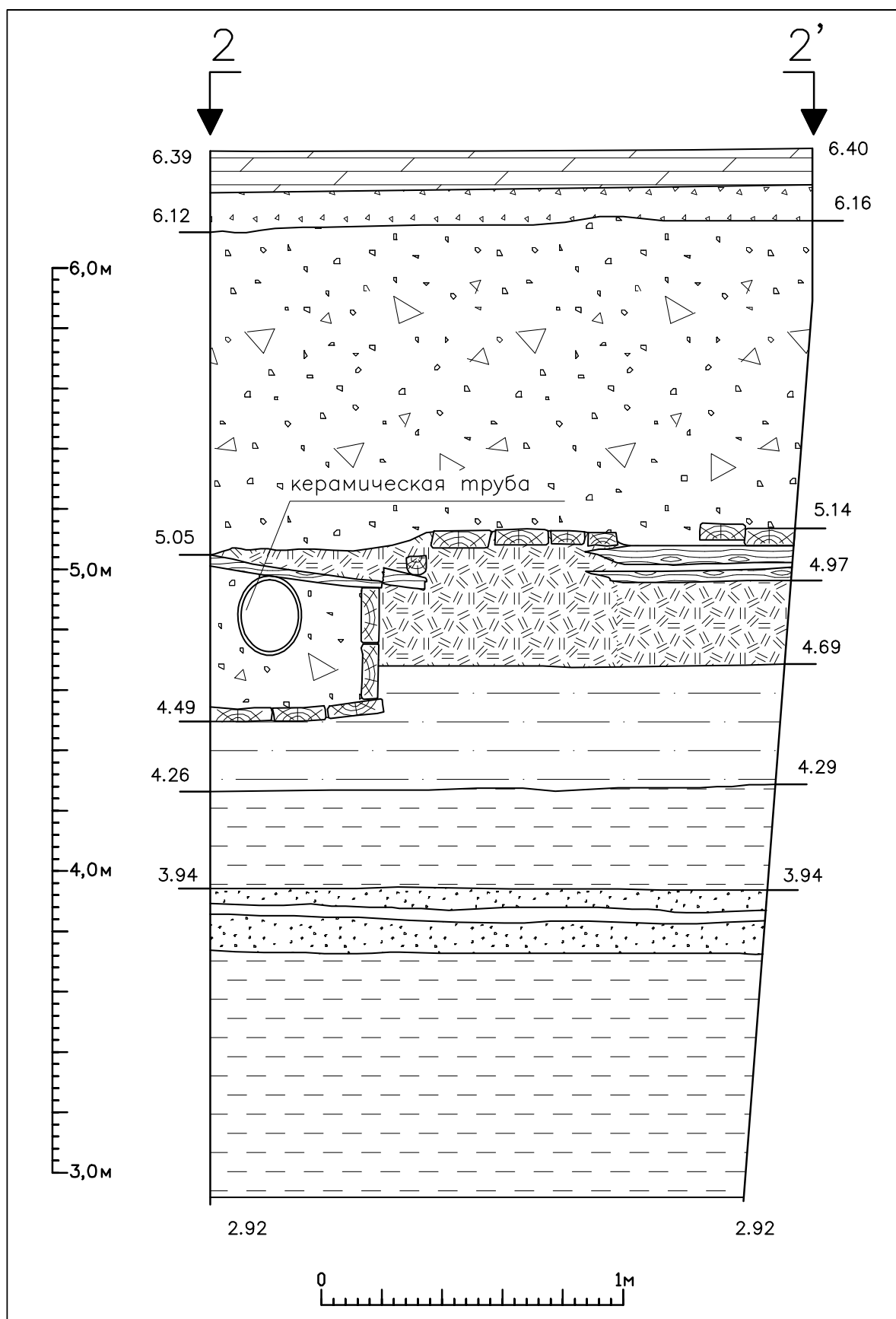

Рис. 8. Смольнинский отряд ИИМК РАН. 2011 г. Шурф 1. Стратиграфия восточной стенки

(№ 8, цв. илл. 8: 1) и серебряную номиналом «20 копеек» 1915 г. (№ 420, рис. 9: 4). Вместе с ними найден значок Добровольного общества за смычку города с деревней с портретом В. И. Ленина, сделанный из медного сплава (1922–1930 гг.). Среди металлических находок также следует упомянуть декоративную штампованную пряжку прямоугольной формы из медно-бронзового сплава, украшенную рельефным растительно-геометрическим орнаментом (6,5 x 4,4 x 0,01 см) (цв. илл. 8: 10). Пряжка выполнена в стиле модерн и, скорее всего, датируется началом XX в.

Среди двадцати девяти керамических находок заметную долю составляют фрагменты фарфоровой столовой посуды начала – первой половины XX в. с ручной росписью. На стенке одной из чашек сохранился фрагмент рисунка с женщиной-работницей, выполненный в стиле 1920–1930-х гг. На днище одной из тарелок сохранилось клеймо завода в г. Чудово. Так же в слое встречены многочисленные обломки красноглиняной и сероглиняной кухонной керамики. Некоторые фрагменты были покрыты поливой. К числу строительной керамики обломки трёх печных изразцов (№ 453–455). Предметы из органических материалов представлена деревянная рукоятка от шила или дротвы. Многочисленную группу находок составили предметы из стекла: обломки оконных стекол, стеклянных сосудов, стеклянные пробки от графинов (№ 468–470), фрагменты бутылок и целые аптечные флаконы XIX – начала XX вв., ножки стеклянных бокалов (№ 473) и фрагменты бутылок с советской символикой, характерной для 1930–1940-х гг (№ 481).

В слое гумуса со щепой и органикой обнаружено 17 находок. Среди них было несколько фрагментов керамики, монета медно-бронзового сплава номиналом 1 копейка 1869 г. (№ 535, цв. илл. 8: 1), железная лодочная скоба (№ 545, цв. илл. 8: 5) и железные кованые гвозди (цв. илл. 8: 5–9).

Шурф № 2 заложен около западной границы участка на месте внутреннего проезда. Он находился в 23,17 м к северо-востоку от ул. Бонч-Бруевича и 17,91 м от Тульской улицы. Шурф начинался с поверхности современного асфальта на уровне 6,50–6,53 м БС. Размеры шурфа составили 2 x 2 м, площадь – 4 кв. м.

Стратиграфия шурфа почти полностью идентична стратиграфии шурфа № 1 (рис. 9). Его верхнюю часть занимает слой современного асфальта и подушки из песка и гравия. Под ним лежит слой строительного мусора с включениями обломков

кирпичей, бутовых камней, фрагментов железа и находками XIX–XX вв. В южной стенке шурфа в слое строительного мусора зафиксированы остатки кладки из шлакоблоков. Под ними залегал слой гумуса и органики темно коричневого цвета со щепой и с остатками деревянных конструкций. Мощность слоя гумуса и органики достигает 0,35 м. С уровня 5,19–5,26 м БС прослежен ещё один слой гумуса, который состоял из горизонтальных прослоек коричневого и тёмно-коричневого цвета. В юго-восточном углу шурфа в нижней части слоя были зафиксированы остатки трёх обработанных деревянных балок со следами врубок. Балки лежали горизонтально и перпендикулярно друг другу на глубине 5,36–5,44 м БС. Следует отметить, что поверхность слоя в шурфе № 2 располагается на 0,43–0,44 м. выше, чем в шурфе № 1.

В юго-западной и западной части шурфа слой гумуса с органикой перекрыл яму, заполненную мелкими обломками кирпичей без следов клейм. Вдоль восточной стенки шурфа яма прослежена на 1,25 м. Она была плотно заполнена мелкими обломками кирпичей без следов клейм. Яма прорезала тонкий слой гумуса тёмно-коричнево цвета без находок и была перекрыта слоем гумуса со щепой и органикой. Дно ямы находилось на уровне 4,63 м БС. Под ней лежал тонкий горизонтальный слой гумуса тёмно-коричневого цвета. Он, в свою очередь, состоял из трёх тонких горизонтальных прослоек. Толщина слоя достигала 0,19 м. С уровня 5,18 м БС яма прорезала тонкий слой гумуса тёмно-коричнево цвета без находок. Предварительно этот слой можно обозначить в качестве дневной поверхности XVII–XVIII вв. Датированных находок в яме не обнаружено, но так как она перекрыта слоем гумуса с находками первой половины XIX в., то её появление можно отнести к концу XVIII – началу XIX вв. Найденные кирпичи без клейм могут быть связаны со строительством первых каменных домов на Болотной улице (современная ул. Бонч-Бруевича) во второй половине – конце XVIII в.

Ниже залегают слой или «пачка» из тонких горизонтальных прослоек. В нем чередуются мелкозернистый песок серо-жёлтого цвета и тонкие прослойки высушенной органики или торфа коричневого цвета. Верх слоя обнаружен на глубине 5,03–5,09 м БС, низ – на глубине 4,66–4,63 м БС. Ниже этого слоя находок и следов человеческой деятельности не обнаружено. С глубины 4,66–4,63 м БС залегают слой однородного мелкозернистого песка серо-голубого цвета, состоящего из чередующихся тонких горизонтальных прослоек песка и гумуса, или слой алевритов. В шурфе они были прослежены до глубины 2,90 м БС. Ниже уровня

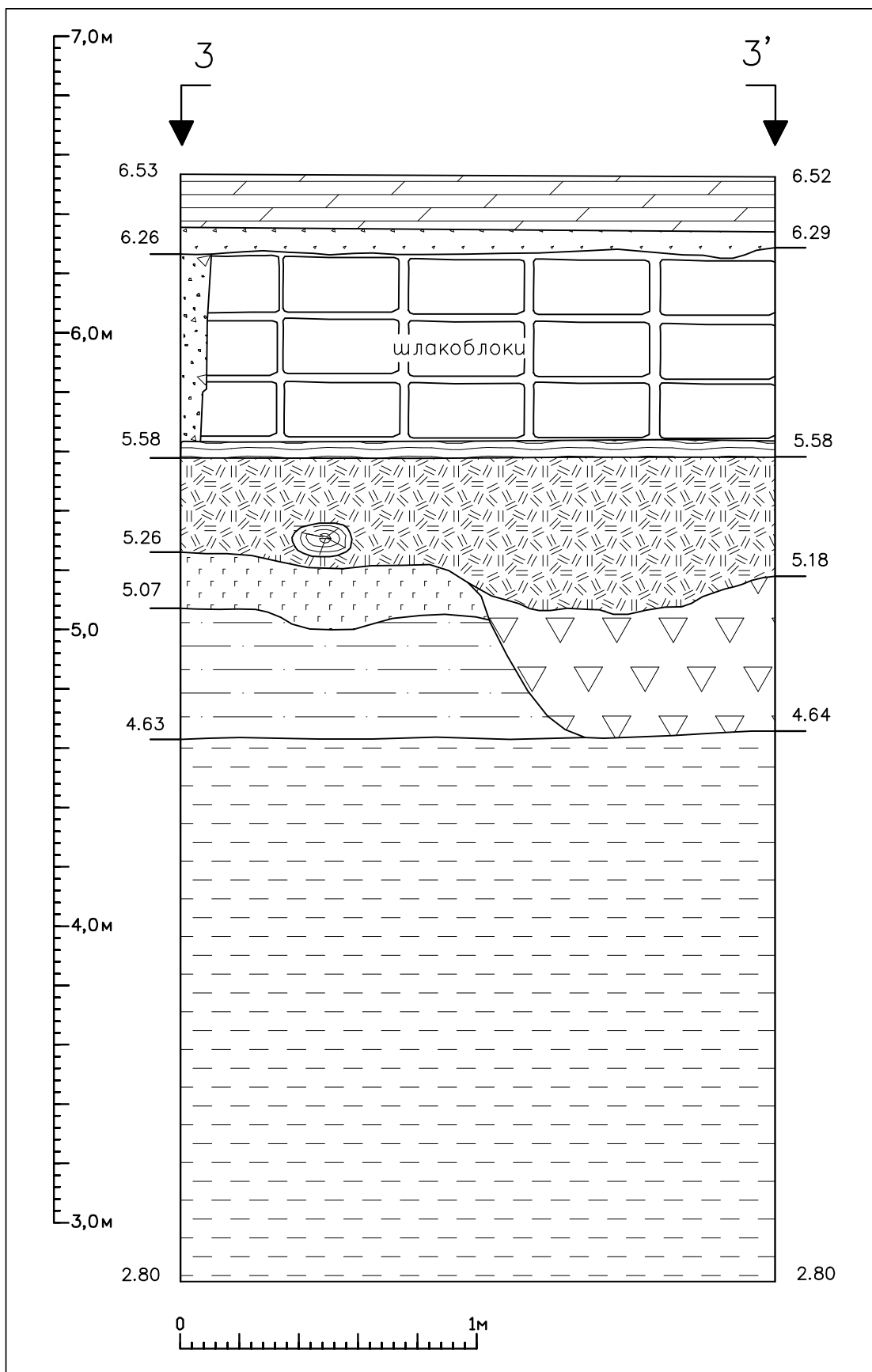

Рис. 9. Смольнинский отряд ИИМК РАН. 2011 г. Шурф 2. Стратиграфия южной стенки

3,00 м БС залегание слоя выявлено при помощи геологического бура. Слоистый слой, состоящий из чередующихся горизонтальных прослоек алевроита серо-голубого цвета и тонких прослоек органики (травы, дёрна), прослежен до глубины 2,40 м БС. Под ним лежит слой глины тёмно-серого цвета. При помощи ручного геологического бура с глубины 2,40 м БС до 1,00 м БС был прослежен слой серой глины. Следов культурного слоя и находок в слоях алевроита и глины не найдено.

Находки. В шурфе обнаружено 19 находок. На слой строительного мусора XIX–XX вв. приходится всего лишь семь находок. Большинство из них были представлены обломками предметов из железа: стамеской, ключом, кованым костылем и подковой. Там же были найдены обломки керамики и стекла. В слое гумуса со щепой и органикой XIX в обнаружено 12 находок: часть днища бочонка, обломки фарфоровой чашки, донце от фаянсовой чашечки, дно стеклянного флакона, фрагменты красноглиняной керамики и чашку от курительной красноглиняной «турецкой» трубки с псевдо арабским клеймом. В России трубки этого типа были наиболее популярны в конце XVIII – первой половине XIX вв.

Шурф № 3 заложен в центре участка около северной стенки заводской котельной в 70,08 м к югу от края тротуара Смольного проспекта и 162,15 м к востоку от ул. Бонч-Бруевича. Шурф начинался на уровне современного асфальта на глубине 6,50–6,53 м БС. Размеры шурфа составили 2 x 2 м, площадь – 4 кв. м.

Сразу же под слоем асфальта был обнаружен фрагмент булыжной мостовой конца XIX – начала XX вв. Мощение сохранилось в центральной и восточной части шурфа. Вдоль западной стенки шурфа мощение уничтожено перекопом, вырытым для газовой трубы. Траншея для газовой трубы впущена в более раннюю канаву-перекоп. Она была выкопана для деревянного короба ливневой канализации XIX в. Дно траншеи находилось на глубине 3,92 м БС (рис. 10). Траншея прорезала слой гумуса со щепой и органикой, а также слой ожелезненного мелкозернистого песка серо-жёлтого цвета с горизонтальными прослойками гумуса. На дне траншеи по оси запад–восток лежал деревянный короб ливневой канализации. Его крышку составляли десять коротких плах, расположенных перпендикулярно длинной оси короба. Ширина его верхней части составляла около 0,70 м., высота – около 0,53 м. Траншея с ливневой канализацией была врезана в слой материка (алевроита) на глубину до 0,70 м.

Слой однородного мелкозернистого песка серо-голубого цвета, состоявшего из чередующихся тонких горизонтальных прослоек песка и гумуса, или слой алевроитов залегал на глубине 4,59–4,62 м БС. Прослойки гумуса состояли из спрессованной травы и обломков веток лиственных деревьев. В шурфе они были прослежены до глубины 2,90 м БС. В шурфе обнаружены фрагменты кирпичей, мелкие обломки оконного стекла и куски проволоки. Датированных находок не найдено (рис. 11).

Шурф № 4-5 заложен в юго-восточной части участка в 30,23 м от Тульской улицы и 82,44 м от Синопской набережной. Размеры шурфа составили 3 x 4 м, площадь – 12 кв. м. Шурф начинался с поверхности современного асфальта на отметках 4,54–4,48 м БС. Таким образом, поверхность шурфа оказалась ниже поверхности шурфов № 1 и 2 почти на 1,00 м. Западная и восточные части шурфа были загромождены бетонными блоками, оставшимися от фундаментов заводских построек 1970-х гг. Поверхность бетонных фундаментов была обнаружена на глубине 3,68–4,31 м БС, т.е. сразу же под слоем асфальта. Поэтому в ходе работы пришлось расширить площадь шурфа до 12 кв. м. Центральная часть шурфа также была нарушена деревянной опалубкой и большим скоплением извести, оставшимися от творильной ямы 1920–1970-х гг. Её устье обнаружено на глубине 3,08–2,92 м БС под бетонными блоками. До глубины 2,90–2,47 м БС залегал слой строительного мусора. Ниже, до отметки 2,00 м БС лежал однородный слой серого мелкозернистого песка (алевроиты) без следов вкраплений прослоек гумуса. Предварительно этот слой можно связать с грунтами, перемещёнными во время подсыпки территории в XVIII–XIX вв.

Находки. В слое строительного мусора обнаружено 18 находок. Большинство из них составили находки тарной и кухонной керамики. К интересным образцам тарной керамики принадлежат находки трех бутылок с клеймом «КЕРКОВИУС и КОМ» Рига. Скорее всего, эти бутылки были изготовлены на фабрике Л. В. Керковиуса (1831–1904 гг.) в конце XIX – начале XX вв. (до 1904 г.). Так же в слое нашли чашку от курительной красноглиняной «турецкой» трубки конца XVIII – первой половины XIX вв.

Шурф № 6-7 заложен в юго-восточном углу участка в 29,48 м от Синопской набережной и 7,97 м от Тульской улицы. Размеры шурфа составили 2 x 4 м, площадь – 8 кв. м. Шурф начинался на уровне 5,04–5,27 м БС на уровне современного дёрна, образовавшегося поверх разрушенных корпусов мебельной фабрики (рис. 11). Под ним залегали

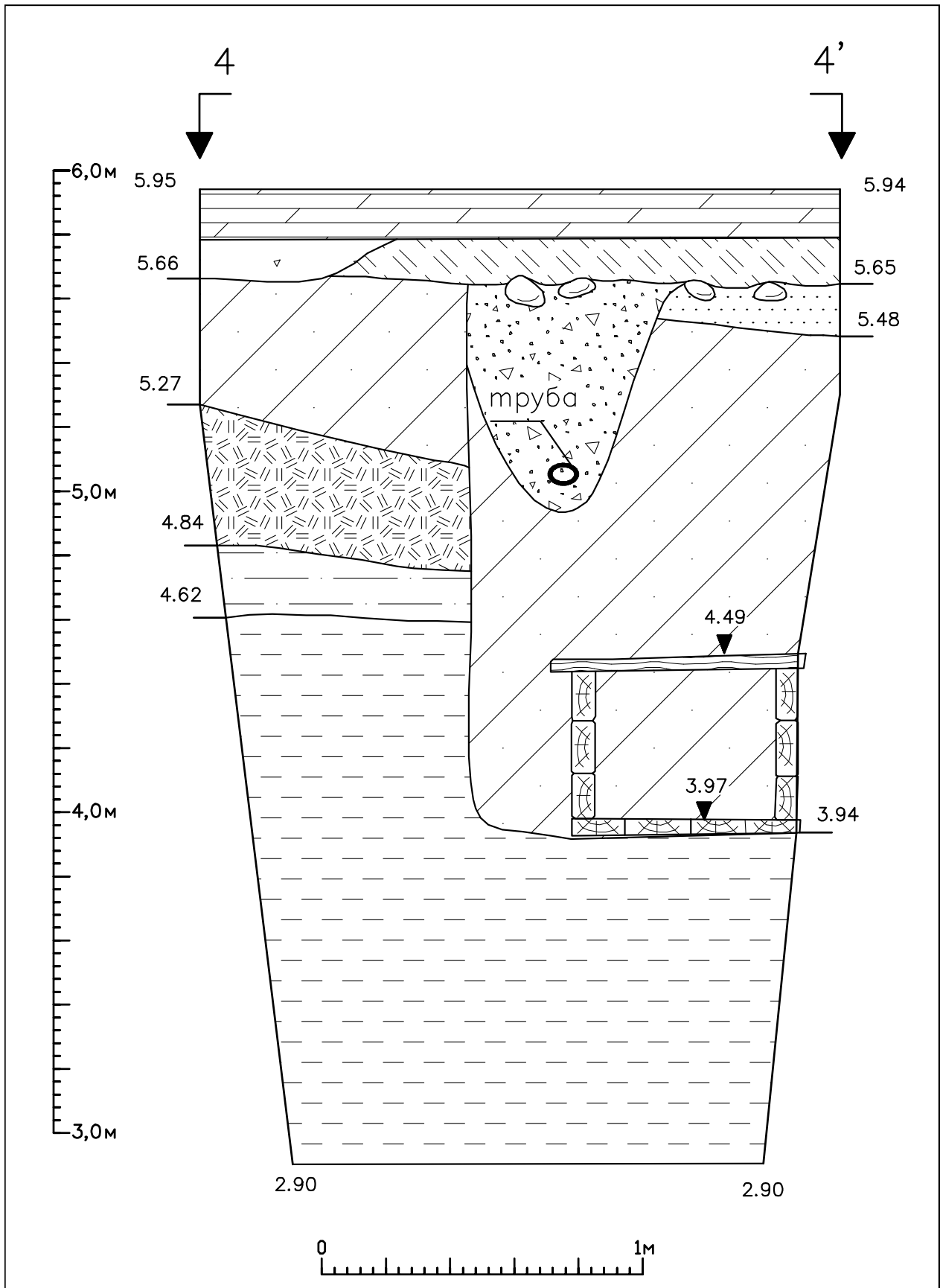

Рис. 10. Смольнинский отряд ИИМК РАН. 2011 г. Шурф 3. Стратиграфия западной стенки

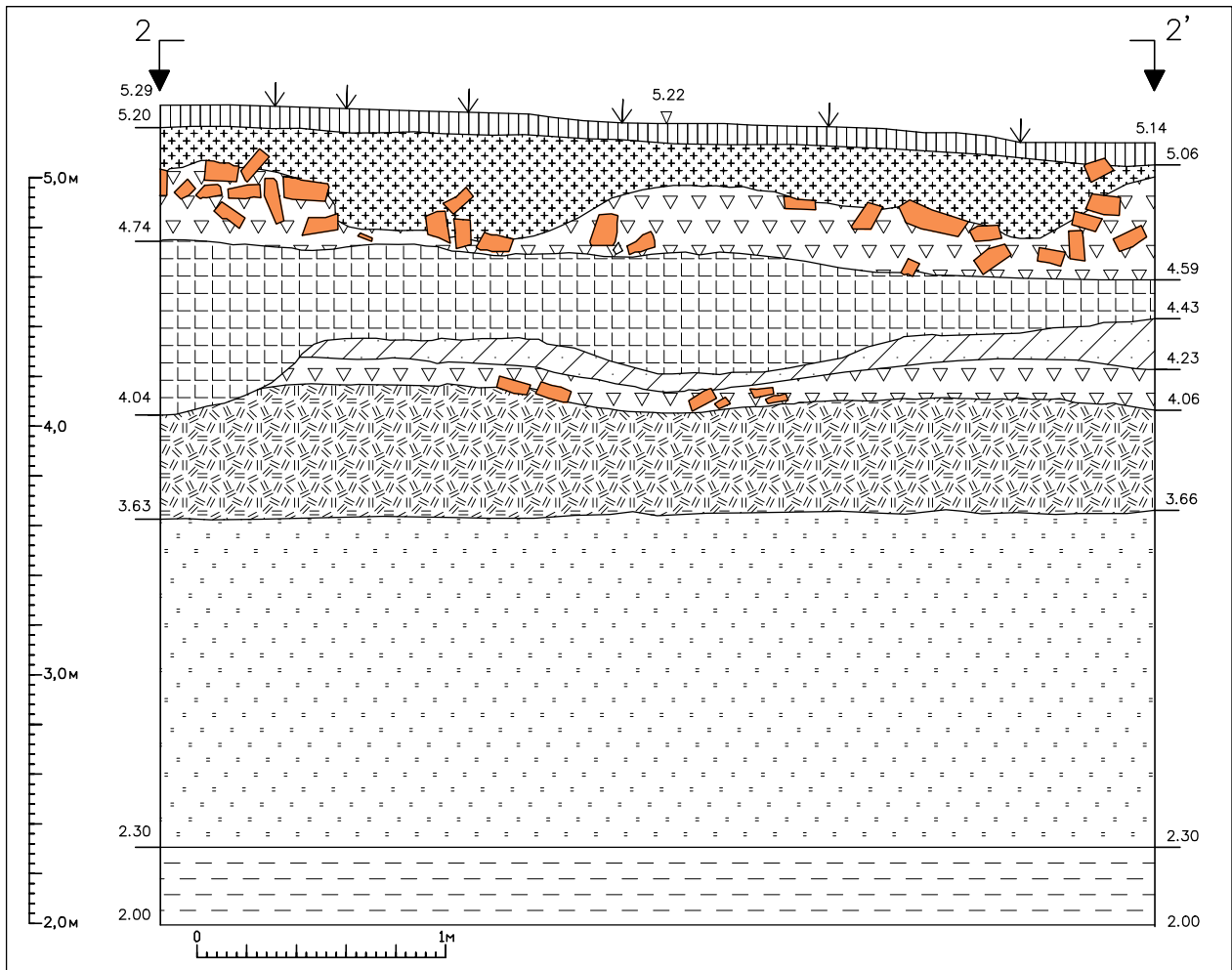

Рис. 11. Смольнинский отряд ИИМК РАН. 2011 г. Шурф 6-7. Стратиграфия восточной стенки

три слоя, связанные с периодом существования мебельной фабрики: слой угля, слой кирпичей середины–второй половины XX в. и слой угольного шлака. Общая толщина слоёв «техногена» достигала 0,06 до 1,20 м. Под ними залежали: слой мешаного гумуса, песка, суглинка и слой битых кирпичей. Ниже на глубине 3,96–4,06 м БС лежал слой органики со щепой. В слое обнаружены находки и керамика, которые позволяют предварительно его датировать XIX в. Мощность слоя достигала 0,43–0,50 м. Под ним лежал слой однородного перемешанного мелкозернистого песка серого цвета или алеврита. Этот слой можно связать с грунтами, перемещёнными во время подсыпки территории в XVIII–XIX вв. (см. шурфы № 4-5, 8-9). Нижняя граница мешаного песка или алеврита находилась на глубине 2,30 м БС. Мощность слоя составляла около 1,30 м. Под ним располагался слой, состоящий из чередующихся тонких горизонтальных прослоек алеврита и тонких прослоек органики.

Этот слой геологи называют алевритами и в шурфе № 6-7 его можно считать материком.

Находки. Всего в шурфе собрана коллекция из 32 находок. В верхнем горизонте битого кирпича нашли четыре обломка гончарных сосудов. Среди них следует упомянуть фаянсовый подсвечник-тарелку с росписью и железную подкову от ломовой лошади. Остальные 28 находок были сделаны в слое гумуса с органикой и щепой. В слое найдены многочисленные обломки кувшинов и кухонных горшков с поливой и без неё. Некоторые фрагменты относятся к серолощёным кувшинам, характерным для первой половины XIX в. Среди находок в слое были встречены обломки мундштуков от белоглиняных голландских курительных трубок XVIII в. Также в слое найдены несколько обломков строительной керамики – фрагменты черепицы и часть печного изразца, украшенного белой и синей поливой. Фрагменты стеклянной посуды были

представлены обломком фигурной вазочки, ножкой хрустального бокала и горлышком аптечной бутылки.

Шурф № 8-9 заложен вдоль восточной границы участка, в 32,17 м от Синопской набережной и 47,31 м от Тульской улицы. Размеры шурфа составили 2 x 4 м, площадь – 8 кв. м. Поверхность шурфа находится на уровне 5,00–5,10 м БС (рис. 12). Верхнюю часть стратиграфии шурфа занимают слои, связанные с существованием мебельной фабрики XX в. и завода братьев Беляевых. К ним относятся: слой строительного мусора, слой асфальта, слой шлака и прослойка битого кирпича. Толщина этих наслоений достигает толщины 1,05–1,10 м. С глубины 4,04–3,89 м БС располагается слой переотложенного ожелезнённого песка с включениями гумуса. Этим слоём засыпали ямы, располагавшиеся на участке. Ниже лежала прослойка переотложенного однородного мелкозернистого песка серого цвета, прослойка гумуса со щепой и находками конца XVIII – начала XIX вв. Последние имели заметное понижение с севера на юг.

На западной и восточной стенке шурфа в его северной части расположена яма шириной 1,60 м по верхнему краю и глубиной около 0,40 м. Длинная ось ямы располагается по направлению запад–восток. Яма прорезала слои переотложенного однородного мелкозернистого песка серого цвета и слой гумуса со щепой и органикой. Заполнение ямы состояло из ожелезнённого песка с включениями гумуса. Северный край второй ямы, прорезавшей слой переотложенного однородного мелкозернистого песка серого цвета, зафиксирован вдоль южного края профиля. Глубина западины достигает 0,30–0,40 м. Её заполнение также состоит из ожелезнённого песка с включениями гумуса. Ниже лежала тонкая прослойка переотложенного однородного мелкозернистого песка серого цвета и прослойка гумуса со щепой и находками конца XVIII – начала XIX вв. Последние две прослойки понижаются с севера на юг под углом около 30°. Под ними находился мощный слой переотложенного мелкозернистого песка серого цвета (алеврит). Внутри слоя было расчищено ошкуренное сосновое или еловое бревно диаметром около 0,40 м и доска. Части деревянных конструкций располагались

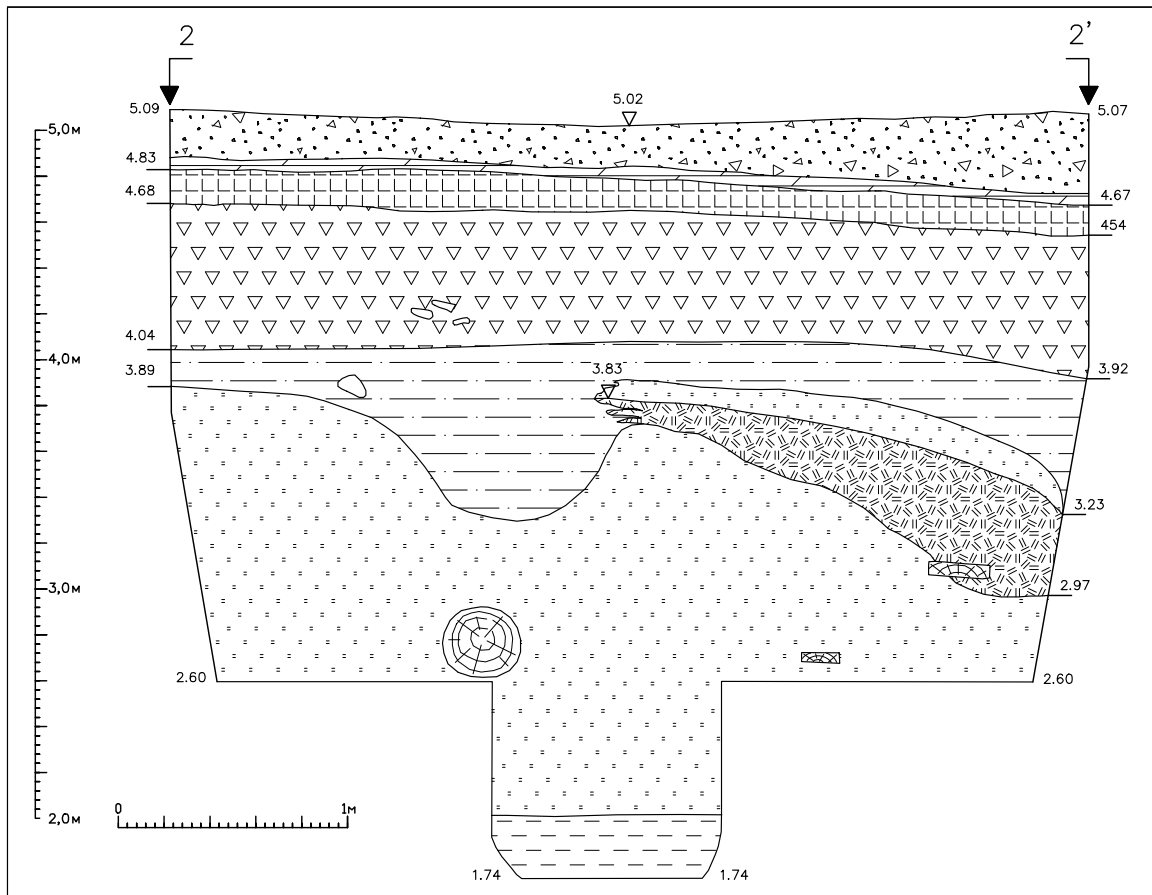

Рис. 12. Смольнинский отряд ИИМК РАН. 2011 г. Шурф 8-9. Стратиграфический профиль восточной стенки.

по оси восток–запад. Мощность слоя достигала 1,89 м. На глубине 2,00 м БС начинался слой непо потревоженного слоистого мелкозернистого песка с горизонтальными прослойками органики (алефрит). Если сравнивать с шурфами в западной части исследуемого участка, то в восточной части слой алефритов был найден на 2,30–2,60 м ниже, чем в шурфах № 1-3.

Находки. В слое битого кирпича обнаружены фаянсовые тарелки с клеймами советских заводов 1960–1980-х гг., фрагменты красноглиняной керамики, железная подпружная пряжка, фрагмент румпы от печного изразца и обломок мемориальной мраморной плиты с фрагментом надписи, обломок помадной банки и венчики кувшинов, покрытые разноцветной поливой. В слое гумуса коричневого цвета с органикой и щепой были обнаружены: горлышко бутылки тёмно-зелёного стекла, фрагмент венчика от печного горшка и обломок красноглиняной напольной плитки с закруглённым углом.

Шурф № 10 заложен в восточной части участка, к востоку от шурфа № 3, в 82,70 м от Синопской набережной и в 62,77 м от Смольного проспекта. Размеры шурфа составили 2 x 2 м, площадь – 4 кв. м. Шурф начинался на уровне современного асфальта на глубине 5,36–5,43 м БС. Большая часть площади шурфа оказалась повреждена современным канализационным колодцем и перекопами XX в. Стратиграфия слоёв сохранилась на западной и восточной стенках шурфа. В юго-восточном углу шурфа на глубине 4,86 м БС в слое песка жёлтого цвета была расчищена прямоугольная шпала (0,26 x 1,45 м). Под слоями асфальта, гравия битого кирпича и переотложенного песка на глубине 4,59 м БС выявлен тонкий слой коричневого слоистого гумуса. Ниже лежал слой ожелезнённого песка, чередующийся с тонкими горизонтальными полосками высохшего гумуса. Начиная с глубины 4,16–4,38 м БС, прослежена поверхность слоя однородного мелкозернистого песка серо-голубого цвета, состоящего из чередующихся тонких горизонтальных прослоек песка и гумуса (алефрит). Слой залегал до глубины 3,00 м БС. Из-за высокого уровня грунтовых вод опуститься до этого уровня удалось только вдоль южной стенки шурфа. Стратиграфия северной стенки оказалась полностью уничтожена бетонным колодцем ливневой канализации.

Шурф № 11-13 заложен в северо-восточном углу участка в 37,78 м от Синопской набережной и в 30,36 м от Смольного проспекта. Размеры шурфа составили 2 x 9 м, площадь – 18 кв. м (рис. 13). Шурф начинался на уровне современного

асфальта, на 5,81–5,87 м БС. Под четырьмя слоями асфальта на глубине 5,59–5,63 м БС была расчищена булыжная мостовая, которую можно датировать началом – первой половиной XX в. Мостовая располагалась на месте проезда с территории мебельной фабрики к Смольному проспекту. Под ней лежал слой подсыпки из песка и кирпичной крошкой, а прямо под ними залегал второй уровень булыжного мощения, развал кирпичной стены и фрагменты деревянных конструкций. В отличие от первого, второй горизонт мощения располагался только в северной части шурфа. Визуально он отличался от первого, верхнего горизонта более крупным размером булыжника и его обработанной верхней поверхностью. Совмещение сооружений, открытых в шурфе, с планом Шуберта 1828 г., продемонстрировало, что второй уровень мощения расположен на месте внутреннего двора каменного строения, в начале XIX в. находившегося на углу участка. Владельцем участка № 543 (бывший участок № 511) в начале XIX в. являлся купец Янкин.

Фрагменты конструкций и мощение № 2 были найдены на глубине 5,03–5,43 м БС. Фрагменты конструкции состояли из развала клеймёных и неклеимёных кирпичей, а также известняковых плит. Они протянулись от южной стенки шурфа к северной стенке на протяжении четырёх метров. Вдоль западной стенки на глубине 5,04–5,24 м БС располагалась дорожка из плоских известняковых плит. Поверх плит лежал кирпичный развал с остатками известкового раствора. Наибольшая концентрация кирпичей прослеживалась в виде полосы в 2,00 м к северу от южной стенки шурфа. Развал располагался от западной до восточной стенки шурфа. Из кирпичей с клеймами была выложена упорядоченная радиальная конструкция, которая напоминала водосток. Под кирпичами обнаружен настил из досок, располагавшийся по оси север–юг. Удалось проследить шесть досок шириной от 0,20 до 0,40 м. Доски и кирпичи лежали на слое известкового раствора, перемешанного с песком и мелкой кирпичной крошкой (рис. 13).

После расчистки фрагментов постройки шурф был увеличен до 2 x 9 м, а затем работы на нем были остановлены до начала полномасштабных исследований на объекте.

Находки. Помимо фрагментов оконного стекла и мелких фрагментов керамики в шурфе были найдены пять медных и одна серебряная монета. В южной части шурфа, на уровне деревянного пола XIX в. была обнаружена монета медно-бронзового сплава с вензелем Е (Екатерина) и императорской короной на аверсе, с изображением

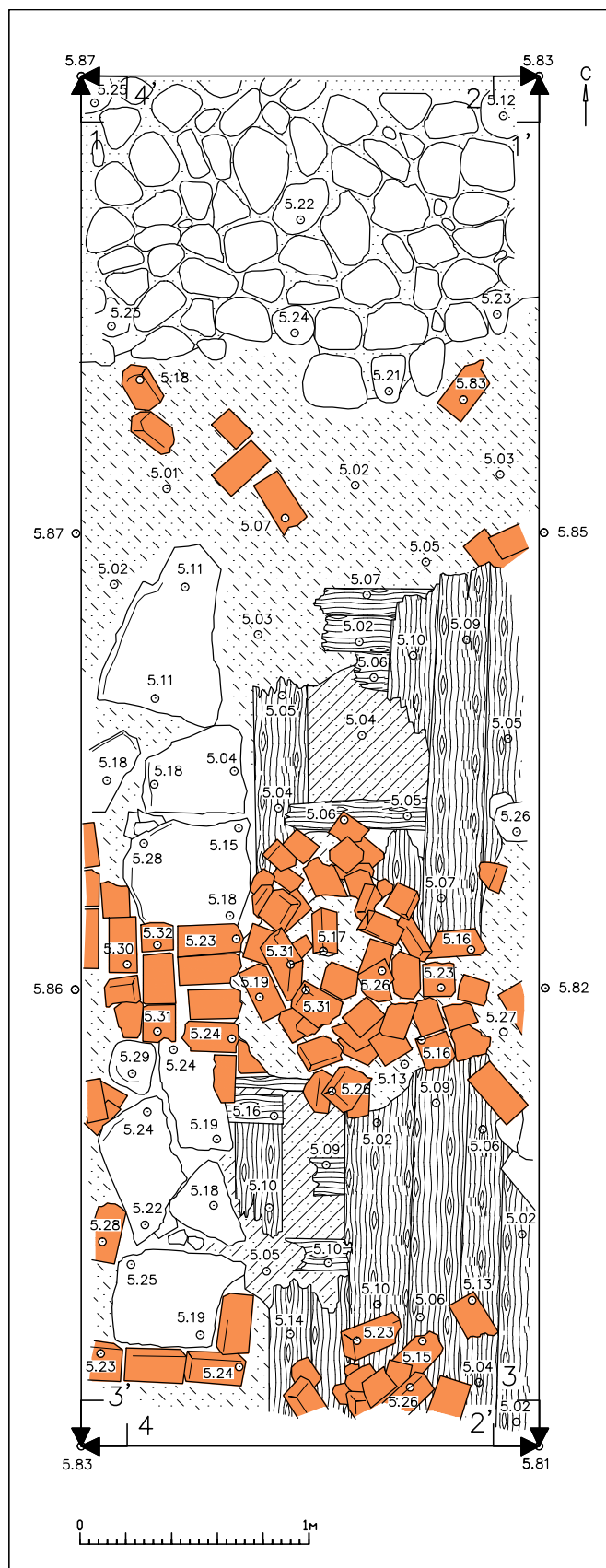

Рис. 13. Смольнинский отряд ИИМК РАН. 2011 г. Шурф 11-13. Нижний горизонт булыжного мощения начала XX в. и остатки постройки. Вид с севера

Георгия Победоносца на реверсе (№ 57) и монета медно-бронзового сплава номиналом «деньга» 1798 г. и вензелем П I (Павел) (№ 54) (рис. 14: 1–2). На поверхности булыжной мостовой и среди развала кирпичной стены найдены: монета медно-бронзового сплава номиналом «1 копейка серебром» 1841 г. (№ 44); монета медно-бронзового сплава номиналом «копейка» 1851 г. с вензелем Н I (Николай) (№ 45); монета медно-бронзового сплава номиналом «деньга» 1818 г. (№ 48); монета белого металла номиналом 5 копеек 1836 г. (№ 49) (рис. 14: 3–6). Состав монет позволяет датировать мощение и дворовой флигель первой половиной XIX в. В то же время наличие кирпичей с клеймами может указывать на перестройки или ремонтные работы во второй половине XIX в.

Рис. 14. Смольнинский отряд ИИМК РАН. 2011 г. Шурф 11-13. Медные монеты конца XVIII – середины XIX вв.

Шурф № 14-15 заложен в северо-восточном углу участка около пересечения Синопской набережной и Смольного проспекта. Он находился в 15,43 м от Синопской набережной и в 17,31 м от Смольного проспекта. Размеры шурфа составили 2 x 4 м, площадь – 8 кв. м. Шурф начинался на уровне современного асфальта, на 5,83–5,89 м БС. Под слоями асфальта, гравия и строительного мусора на уровне 5,42–5,10 м БС выявлен развал известняковых плит и кирпичной стены, состоявший из неклеяемых кирпичей с пальцевыми расчёсами (рис. 15). Традиционно, кирпичи с подобны-

ми особенностями относят к XVIII в. Кирпичи плотными скоплениями лежали вдоль западной и южной стенки шурфа. Вдоль западной стены шурфа кирпичи частично перекрывал развал из двух–трёх слоёв плоских известняковых плит. В Петербурге подобными плитами из пудожского камня облицовывали цоколи каменных зданий (рис. 15–16). Ближе к восточной стенке шурфа сплошной кирпичный развал состоял из мелких фрагментов кирпичей и известкового раствора. Судя по расположению кирпичей, в шурф попала западная капитальная стена, выходящая во двор домовладения.

Ниже обломков капитальной стенки был расчищен второй горизонт постройки. Он состоял из слоя штукатурки и завалившейся деревянной стены. Деревянные плахи открыты от западной до восточной стенок шурфа. Их максимальная длина составляла около 4,00 м. Всего удалось расчистить пять досок разной сохранности, покрытых тонким слоем штукатурки. Между ними встречались фрагменты плах, которые лежали перпендикулярно остальным по оси север–юг. Вдоль южной и северной стенки шурфа поверхность деревянной стены со штукатуркой находилась на глубине 4,78–5,09 м БС. К центру шурфа их уровень понижался до отметок 4,50–4,60 м БС. (рис. 17). Подстилал эти развалы слой серого песка с мелкой кирпичной крошкой. После расчистки фрагментов постройки работы в шурфе были остановлены до начала полномасштабных исследований на объекте.

Находки. Коллекция находок из шурфа № 14-15 самая многочисленная на участке. Она состоит из 311 номеров. Большинство из них найдено в слое развала кирпичей XVIII–XIX вв. Только три находки сделаны в верхней прослойке строительного мусора вдоль северной стены шурфа: монета белого металла номиналом 10 копеек 1923 г. (№ 2) (цв. илл. 9: 1), монета медно-бронзового сплава номиналом 2 копейки 1812 г. (№ 3) (цв. илл. 9: 3), монета медно-бронзового сплава номиналом 2 копейки 1799 г. (№ 4) (цв. илл. 9: 4).

В слое развала кирпичной стенки найдено 17 монет. Двенадцать монет были медными номиналом 2 копейки 1811–1812 (№ 5–11, 46, 47, 51, 53, 58). Здесь же обнаружены: серебряная монета номиналом 10 копеек 1798 г. (№ 1), монета медно-бронзового сплава номиналом «полушка» 17.(?) г. (№ 50), монета медно-бронзового сплава номиналом «деньга» 1797 г. (№ 52), монета медно-бронзового сплава номиналом 1копейка 1797 г. (№ 55), монета медно-бронзового сплава номиналом «деньга» 1749 г. (№ 193) (цв. илл. 9–11). Значительная часть

Рис. 15. Смольнинский отряд ИИМК РАН. 2011 г. Шурф 14-15. Профиль северной стенки раскопа. Вид с юга

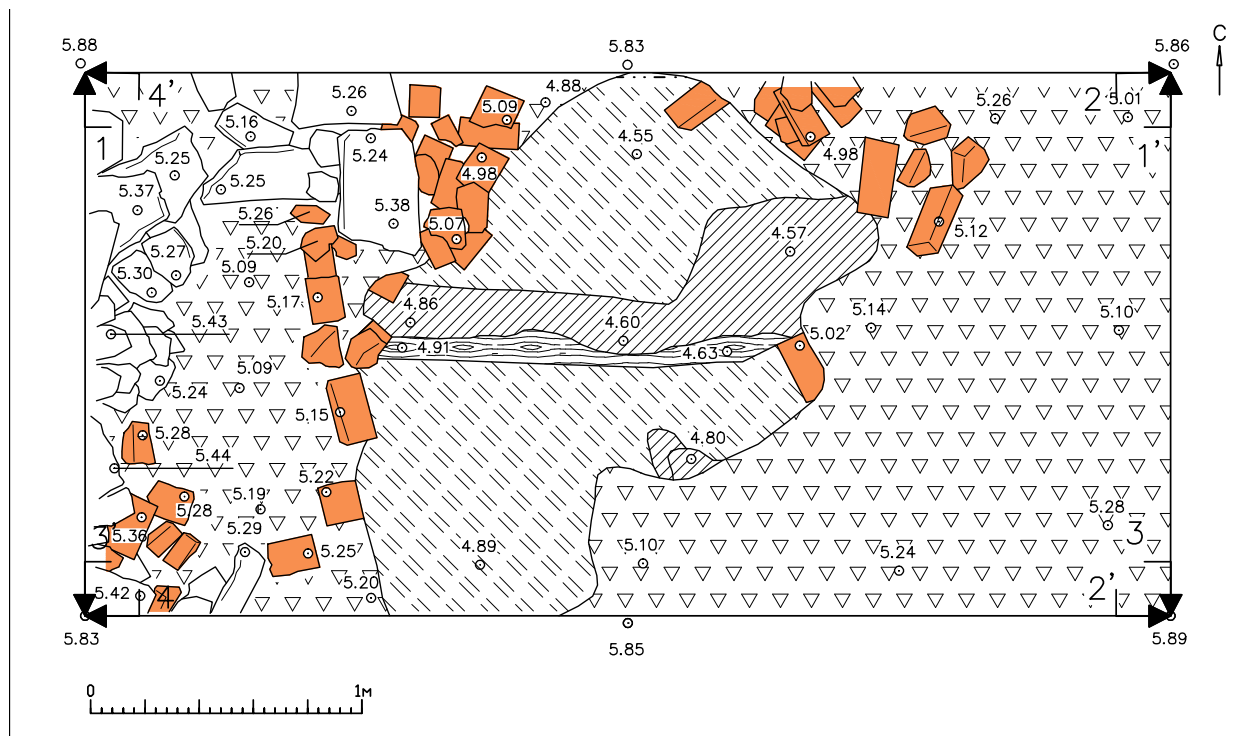

Рис. 16. Смольнинский отряд ИИМК РАН. 2011 г. Шурф 14-15. План верхнего горизонта развала стен постройки конца XVIII – начала XIX вв.

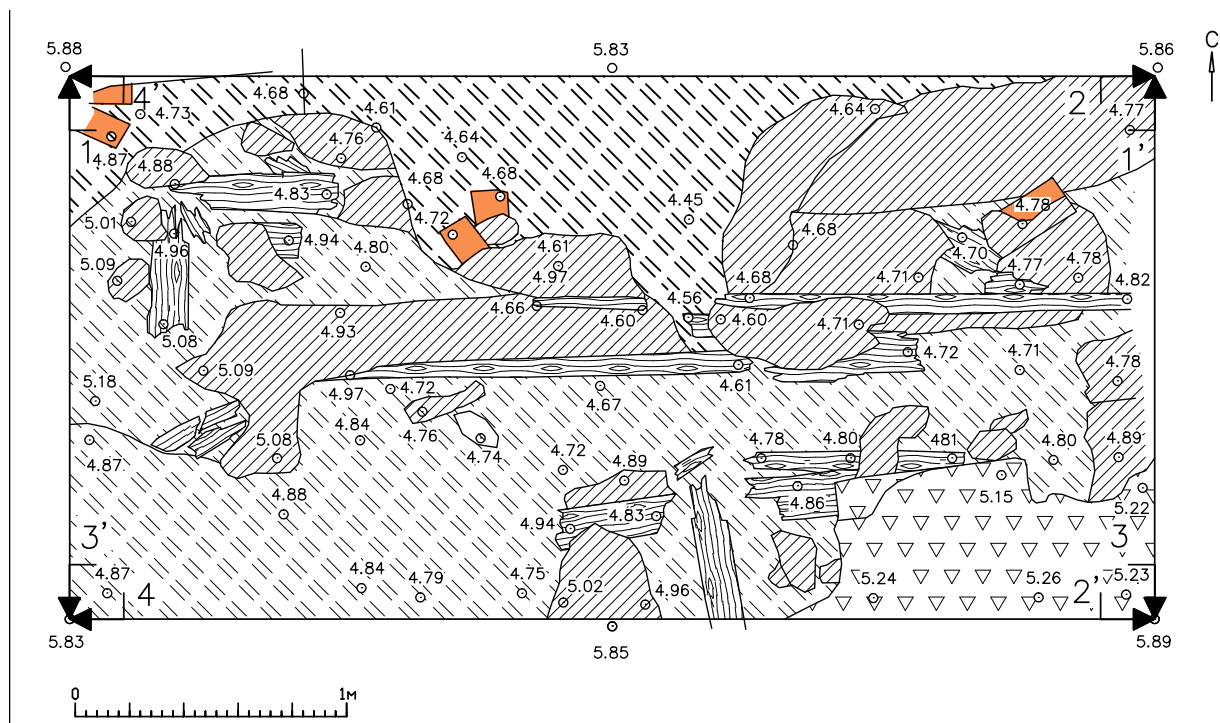

Рис. 17. Смольнинский отряд ИИМК РАН. 2011 г. Шурф 14-15. План нижнего горизонта развала внутренних перегородок постройки конца XVIII – начала XIX вв.

монет найдено в нижней части развала кирпичной стены, прямо на слое штукатурки.

Среди находок из металла также следует упомянуть ручку от вьюшки или печной заслонки, свинцовую пулю и ключ. В слое найдено несколько вещей из кости: фрагмент навершия трости или зонта, зубная щётка и щётка для одежды, костяные пуговицы. Находки из стекла представлены в коллекции обломками бутылок и венчиками бокалов или стаканов.

Значительную часть коллекции составляют обломки кухонной столовой посуды. Среди них наиболее заметны фрагменты красноглиняных мисок и тарелок со сливами и носиками. Изнутри многие из них покрыты поливой (рис. 18). Бытование такой посуды можно отнести к первой половине – середине XIX в. Вторую группу составляли обломки качественной расписной фарфоровой посуды второй половины XIX в. с клеймами заводов «И.Е.Кузнецова на Волхове» и «ARABIAN HELSINGFORS» (цв. илл. 12).

Наряду с керамикой XIX в. в составе находок присутствует несколько предметов, которые могут быть датированы XVIII в. Это фрагменты чубуков

от белоглиняных голландских курительных трубок и обломок черепицы (рис. 19: 3).

В целом, вещевая коллекция, обнаруженная в заполнении постройки, может быть отнесена XIX в. Между тем датировка части монетной и керамической коллекции может быть сужена до первой четверти XIX в. и даже до конца XVIII – начала XIX вв.

Заключение

По результатам археологической разведки на участке по адресу Смольный пр., 11 можно утверждать следующее. В западной, южной и центральной частях участка (вдоль ул. Тульская и ул. Боч-Бруевича, шурфы № 1-3, 4-5, 10) культурный слой имеет мощность около 1,50 м. В нем содержатся изделия конца XVIII – XX вв. Под культурными отложениями XVIII–XIX вв. залегал мощный слой алевритов с остатками органики. Этот слой можно считать материком. Он связан с процессами формирования Невской дельты и не содержит археологических находок. В восточной части исследуемого участка (вдоль Синопской набережной, шурфы № 6-7, 8-9) под культурными напластованиями и остатками разрушенных строений мебельной фабрики и завода

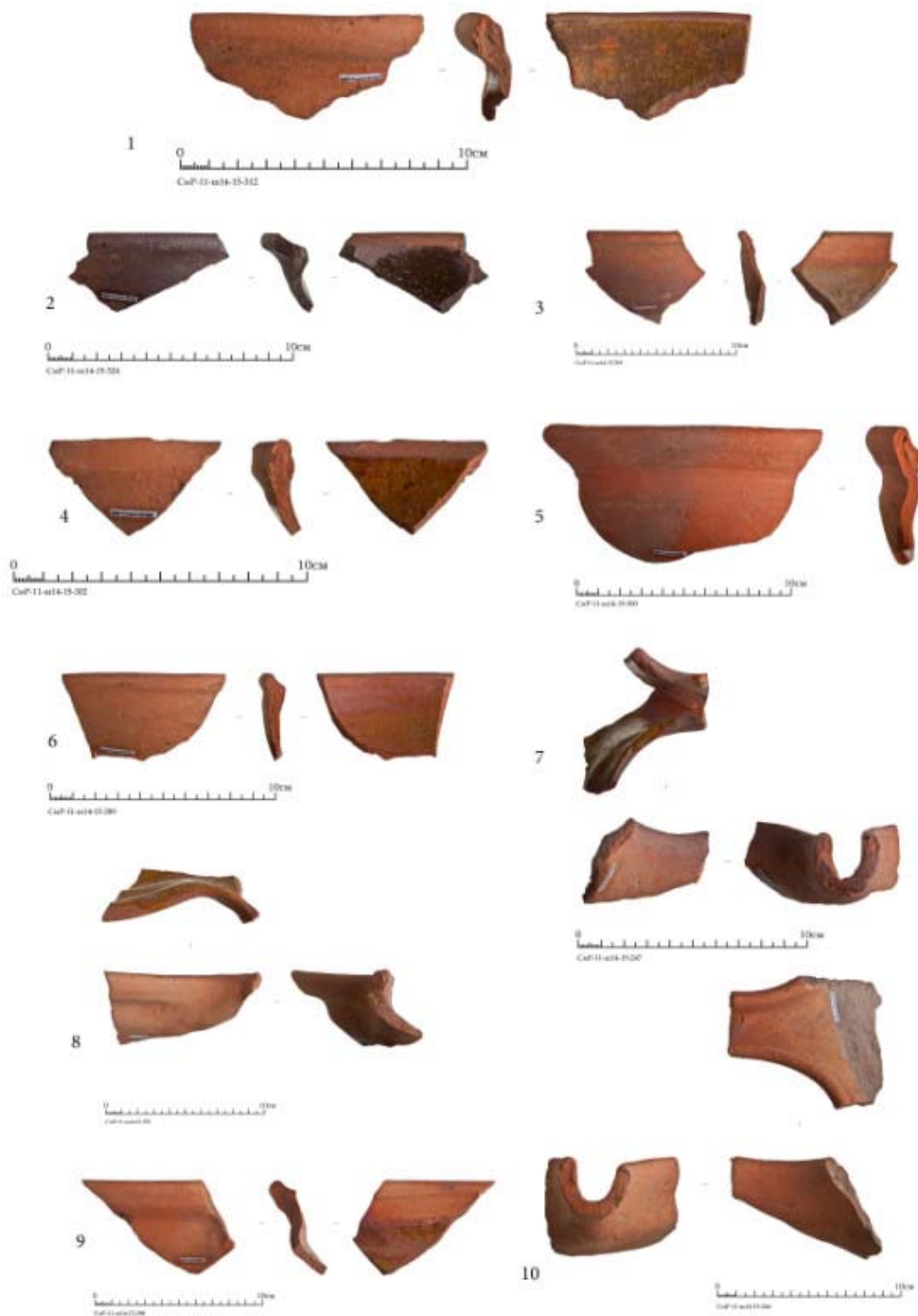

Рис. 18. Смольнинский отряд ИИМК РАН. 2011 г. Шурф 14-15. Фрагменты керамических мисок с поливой из слоя развала кирпичей XVIII-XIX вв.

Рис. 19. Смольнинский отряд ИИМК РАН. 2011 г. Шурф 14-15. Строительная керамика из развала стен дома XVIII–XIX вв.: 1–2 – кирпичи со следами пальцевых расчесов, 3 – черепица

Беляевых выявлен мощный слой переотложенного мелкозернистого песка (алеурита) без следов горизонтальных наслоений. Слой может быть связан с выравниванием набережной в XVIII – начале XIX вв. Мощность слоя достигает 1,30–1,89 м. Тот факт, что в шурфе № 8-9 на глубине 2,50 м БС найдены остатки деревянных конструкций, свидетельствует о значительных земляных работах и изменении первоначального рельефа вдоль берега Невы. Совокупная толщина культурных напластований вдоль берега Невы достигает 3,00 м. Слои непереотложенного алеурита-материка вдоль Синопской набережной выявлены на глубине 2,00–2,30 м БС. В северо-восточном углу участка (шурфы № 11-15) выявлены остатки сохранившегося каменного строения и два горизонта булыжного мощения двора XVIII–XIX вв. В заполнении построек найдены хорошо сохранившиеся деревянные конструкции и многочисленный вещевой материал конца XVIII – XIX вв.

Учитывая исторические данные и результаты проводившихся неподалеку раскопок на месте Смольного монастыря, можно было бы ожидать, что на исследуемом участке будет обнаружен культурный слой средневекового периода – XV–XVI вв., связанный с остатками села Спасское. Однако, никаких остатков жизнедеятельности этого времени в шурфах не обнаружено.

Источники и литература

- Адресная книга города Санкт-Петербурга на 1892 г. СПб., 1892.
- Владимирович А. Г., Ерофеев А. Д., 2008. Петербург в названиях улиц. М.; СПб.
- Гиппинг А. И., 2003. Нева и Ниеншанц. СПб.
- Жерихина Е. И., 2009. Остров благотворительности Смольный. СПб.
- Историко-культурная градостроительная экспертиза квартала, ограниченного Смольным проспектом, улицей Бонч-Бруевича, Тульской улицей и Синопской набережной. Архитектурная мастерская Т. А. Славиной. СПб., 2006.
- Лапшин В. А., Гарбуз И. А., Городилов А. Ю., Мурашкин А. И., Садыков Т. Р., Соловьева Н. Ф., 2010. Колокольня Смольного монастыря // Бюллетень ИИМК РАН. СПб. № 1.
- Нейдгардт П. П., 1869. Список домам С.-Петербурга по полицейским частям и участкам. СПб.
- Нумерация домов в Санкт-Петербурге. СПб., 1836.
- Петров П. Н., 1885. История Санкт-Петербурга с основания города до введения в действие выборного городского управления по Учреждениям о губерниях. 1703–1782 гг. СПб.
- Пыляев М. И., 1889. Забытое прошлое окрестностей Санкт-Петербурга. СПб.
- Санкт-Петербургская адресная книга на 1809 год. СПб., 1809.
- Семенцов С. В., 1998. Система поселений шведского времени и планировка Санкт-Петербурга при Петре I // Шведы на берегах Невы / Отв. ред. Б. Останин, Б. Янгфельд. Стокгольм.
- Семенцов С. В., 2006. Развитие Приневья и Приладожья в VIII–XVII вв. – основа создания Санкт-Петербурга и всей Санкт-Петербургской агломерации. // Материалы Вторых Елагинских чтений (Санкт-Петербург, январь 2003). СПб.
- Селин А. А., 1997 (1998). Новый документ о поселении рубежа XVI–XVII вв. в устье Невы // *Archaeologia Petropolitana*. СПб. № 2.
- Селин А. А., 2001. Новый документ о поселении рубежа XVI–XVII вв. в устье Невы // Мир истории. № 2. Электронный журнал: <http://www.tellur.ru/~historia/archive/02-01/selin.htm>.
- Селин А. А., 2004. Предыстория и обстоятельства появления Санкт-Петербурга // Отечественные записки. М. № 1.
- Сорокин П. Е., 1995а. Спасская церковь – первый храм на территории Санкт-Петербурга // Церковная археология. СПб.; Псков. Материалы первой Всероссийской конференции. Ч. 3.
- Сорокин П. Е., 1995б. Археологические исследования 1994 года в районе Смольного монастыря // Петербургские чтения 1995. СПб.
- Сорокин П. Е., 1996. Археологические исследования и проблемы сохранения культурного слоя на территории Санкт-Петербурга // *Archaeologia Petropolitana*. СПб. № 1.
- Сорокин П. Е., 2001. Ландскрона. Невское устье. Ниеншанц. СПб.

- Сорокин П. Е., 2003. Предшественники Петербурга. Ландскрона – Невское устье – Ниеншанц // Санкт-Петербургские епархиальные ведомости. СПб. № 30–31.
- Справочная книга о лицах, получивших на 1867 г. купеческие свидетельства по 1 и 2 гильдиям. СПб., 1867.
- Справочная книга о лицах, получивших на 1869 г. купеческие свидетельства по 1 и 2 гильдиям. СПб., 1869.
- Справочная книга о купцах Санкт-Петербурга. СПб., 1884.
- Справочная книга о купцах Санкт-Петербурга. СПб., 1888.
- Справочная книга о лицах Санкт-Петербургского купечества. СПб., 1894.
- Столянский П. Н., 1909. Петербург пятьдесят лет тому назад. СПб.
- Столянский П. Н., 1922. Вверх по Неве. Путеводитель. Петроград.
- Табель домов и улиц города С.-Петербурга, с Васильевским Островом, Петербургскою и Выборгскою сторонами, Охтою, Лесным, Петергофским, Полюстровским и Шлиссельбургским участками, с показанием частей, полицейских и мировых участков. СПб., 1888.
- Табель домов города С.-Петербурга: С показанием новой и старой полицейской нумерации домов, вновь открытых улиц, переулков и набережных, с наименованием оных и переименованием некоторых из ныне существующих. СПб., 1889.
- Шарымов А. М., 2009. Предыстория Санкт-Петербурга. СПб.
- Указатель жилищ и зданий в Санкт-Петербурге. СПб., 1822.
- Цылов Н. И. 1849. Городской указатель, или Адресная книга врачей, художников, ремесленников, торговых мест, ремесленных заведений и т.п. на 1849 год. СПб.
- Цылов Н. И. 1862. Описание улиц С.-Петербурга и фамилий домовладельцев к 1863 году. СПб.

Археологические исследования на территории Военной академии связи

С. А. Семёнов

В октябре–ноябре 2010 г. Группой охранной археологии ИИМК РАН было проведено предварительное археологическое обследование на участке планируемого строительства в Центральном районе Санкт-Петербурга на территории Военной академии связи (бывшего плаца Преображенского полка), расположенной по адресу: Суворовский пр., д. 32. Территория планируемого строительства делится на два примыкающих друг к другу участка (рис. 1). Первый участок площадью 4203 кв. м с объектом незавершённого современного строительства (недостроенным кирпичным домом), расположенный по адресу: Суворовский пр., дом 32, лит. Б или Парадная ул., д. 4, корп. 3, лит. А. Второй участок – историческое здание бывшего манежа Николаевской академии Генерального штаба, постройки 1900–1901 гг. (архитектор А. И. фон Гоген), с прилегающей территорией площадью 7131 кв. м, расположенного по адресу: Суворовский пр., дом 32 а, лит. Е или Парадная ул. д. 6 (рис. 2). Работа выполнялась в соответствии с договором, заключенным между Учреждением Российской Академии Наук Институт истории материальной культуры РАН и ООО ЛенСпецСМО «Промстроймонтаж».

Ранние сведения об этой территории мы можем почерпнуть из картографического материала XVII–XVIII вв. Одной из самых первых и подробных карт дельты Невы до основания Петербурга может считаться шведская карта начала 1640-х гг. (рис. 3). По мнению В. Е. Возгрин и И. П. Шаскольского, она составлялась для нужд первой администрации города Ниена, чтобы та хотя бы приблизительно имела представление о местности, окружающей город, о числе и расположении близлежащих селений и о всех рукавах Невской дельты (Возгрин, Шаскольский, 1981. С. 273–275). Карта имеет распространённую еще в картографии XVI в. ориентировку с севера на юг (юг наверху, север внизу). Внизу виден масштаб: масштабная линейка в пределах 1 мили, однако фактически все расстояния даны весьма условно. Шведская миля (до 1889 г.) равна 10,688 км. Исследованный нами участок находится напротив крепости Ниеншанц, на расстоянии около 1,5 км от левого берега Невы. Вокруг него расположены селения: ближе

всех – Спасское село, ещё ниже по течению и севернее – Сябрино, к юго-востоку и выше по течению – Овцынова, к юго-западу у древней дороги на Новгород и Нарву, проходящей от Спасского села и переправы через Неву западнее исследованной территории, – Волкова деревня, а ещё ближе – кабак.

На шведской карте 1698 г. территория, занимаемая современной военной Академией связи (карта Х. Я. Шварца 1737 г. по материалам А. Крониорта 1698 г.), отмечена как местность, расположенная у восточной границы пашенных угодий и покрытая деревьями или кустарником (Карты, 2003. № 14). На копии 1872 г. с карты 1698 г. этот участок, в восточной части, показан как открытая заболоченная местность, возможно, луг, отведённый для охоты, по её краю проходит ещё одна дорога, протянувшаяся вдоль левого берега Невы, в западной части участка отмечены пахотные поля (рис. 4). На ряде шведских карт XVII в. и планах Петербурга начала XVIII в. (план Хоманна 1716–1718 гг. и др.) с более точным рельефом местности этот участок попадает на склон правобережной гряды, на самое пограничье с заболоченной местностью. На плане М. Сойттера 1724–1729 гг. заболоченный участок так и подписан – «Morast» (болото) (рис. 5).

Спасское село, основанное, вероятно, в XV в. с церковью Спаса Преображения, построенной в XVI в., располагалось в 1,4 км к северо-востоку от этой местности на левом берегу Невы на месте Смольного монастыря (Сорокин, 2001. С. 34–35, 62–63, 76–79; Селин, 1998. С. 270; Гиппинг, 2003. С. 320). Проведенными П. Е. Сорокиным в 1994 г. разведочными археологическими работами на месте Спасского села была обнаружена средневековая керамика XV–XVI вв. (Сорокин, 1996. С. 38). В XVII в. у села на левом берегу Невы напротив крепости Ниеншанц существовали шведские земляные укрепления (редут), а выше и ниже Спасского села по течению р. Невы располагалось ещё несколько небольших деревушек. На шведских картах второй половины XVII – начала XVIII вв. чуть ниже места нынешнего Смольного монастыря, между Спасским селом и Сябрино (*Sabrina, Sabrula*) появляется двор под

План исследованного участка на территории
Военной Академии связи

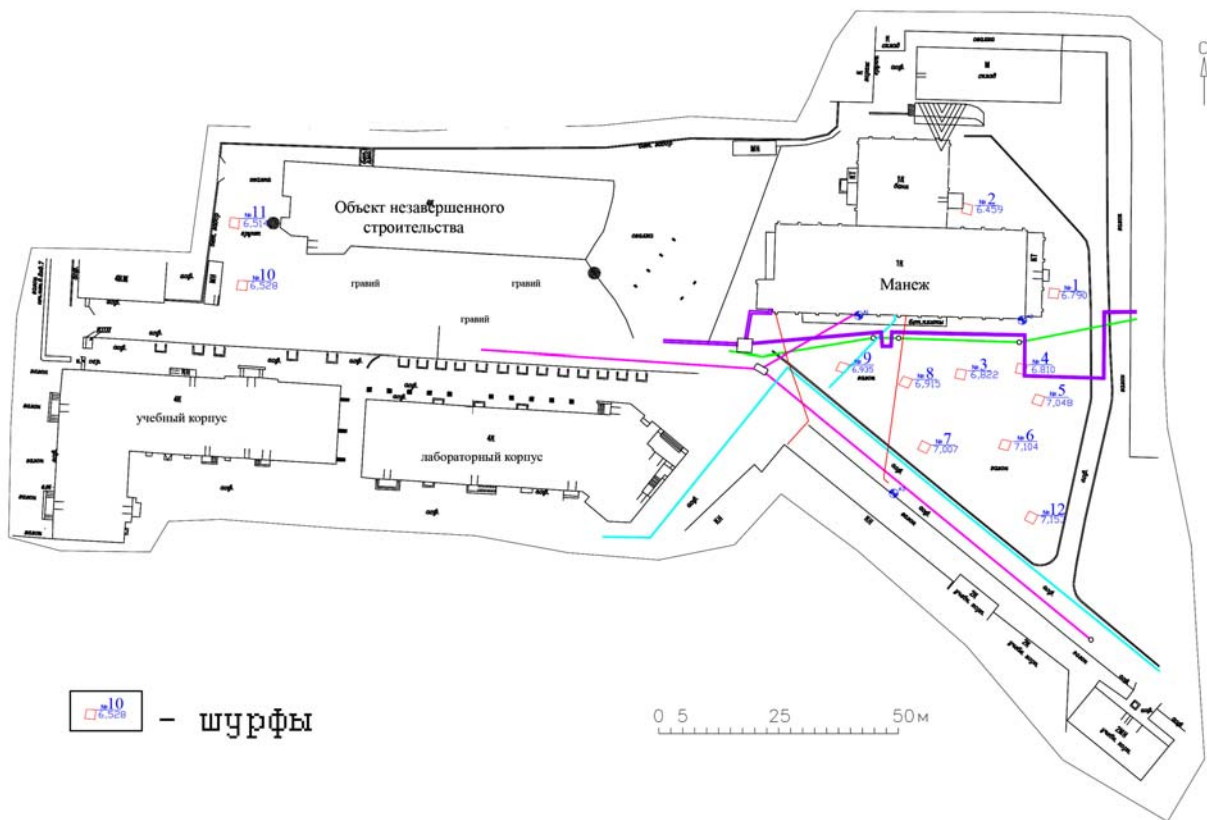

Рис. 1. План исследованного участка на территории Военной академии связи

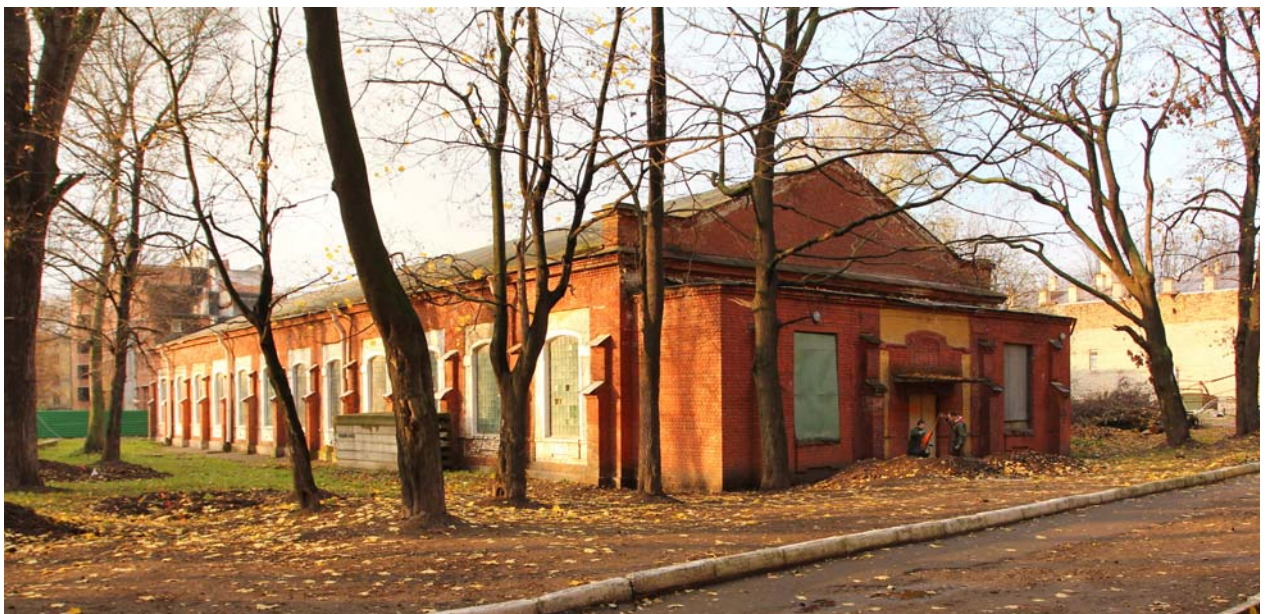

Рис. 2. Здание бывшего манежа Николаевской академии Генерального штаба (фото 2010 г.)

Место расположения
исследованного участка

Рис. 3. Карта низовьев Невы на шведской карте 1640-х гг.

-место расположения исследованного участка

Рис. 4. Копия 1872 г. со шведской карты 1698 г.

Рис. 5. План М. Сойттера 1724–1729 гг (фрагмент)

названием Каламария (*Kalamaria, Kalta Marry*), а выше смоляного монастыря на месте Овцинова – Манула (*Mannula*) (Гиппинг, 2003. С. 320; Карты, 2003. № 6, 10, 14).

По всей видимости, с рубежа позднего средневековья и Нового времени участок обследования входил в зону хозяйственного освоения (пашни, сенокосы, лесные угодья, дороги) жителей близлежащих поселений. По данным А. И. Гиппинга, вся Литейная часть «представляла в то время обработанные земли, луга и рощи (как видно на картах Блассинга и Крониорта), принадлежавшие, вероятно, жителям Каламории, Сабрулы, Ларовы, Патанеки и Кюян (Куан)» (Гиппинг, 2003. С. 320).

В первой половине XVIII в.¹ местность, простиравшаяся к востоку от Лиговского канала до располагавшихся вдоль берега Невы ниже Александро-Невского монастыря слободы и поселений, отмеченных на плане Петербурга 1738 г. как владения кабинет-министра князя Черкасского и Александра Львовича Нарышкина, была малозастроенной. Её возвышенную часть, сформированную песчаными дюнами последнего берега Литоринового моря, стали называть Песками. По некоторым данным, Лигово-Рождественская гряда, протянувшаяся вдоль Лиговского проспекта до Суворовского проспекта, Невы, и далее по Охте,

¹ Далее историческая справка подготовлена на основе материалов из архива КГИОП СПб.

являлась донными отложениями Литоринового моря. Район Песков был самым высоким в городе местом и никогда не затоплялся во время наводнений. С запада к гряде примыкал обширный участок, выделенный между Лиговским каналом, Литейным проспектом и трассами будущих Кирочной и Итальянской улиц под размещение переведенного в 1723 г. из Москвы в Санкт-Петербург Преображенского полка. К северу от Песков находились расположенные на восточной окраине Артиллерийской слободы «Лаборатория для делания фейерверков», Синодальный и Артиллерийский дворы, Русская слобода, а около деревянного дворца цесаревны Елизаветы Петровны (Смоляного запасного дома) в 1733–1734 гг. были отведены места под светлицы (казармы) и конюшни Конной гвардии. Луг перед ними обращён в «Парадное место».

В 1753–1755 гг. велась застройка слобод на землях, отведённых для расквартирования Конной гвардии, затянувшаяся на длительный срок из-за переноса строений, связанного с отводом в конце 1740-х годов земли под Новодевичий Воскресенский монастырь. Одна из этих слобод, предназначенная для проживания нижних чинов, располагалась «за парадным местом на Песках» на территории, ограниченной Конногвардейской улицей (впоследствии ставшей частью Суворовского проспекта) и Глухим переулком (впоследствии переименованным в Дегтярный). Тогда же на Пески была переведена слобода Конторы от строений ее Императорского величества домов и садов, получившая строгую регулярную планировку. В 1753 г. в центре слободы построена церковь Рождества Христова, по названию которой восемь параллельных улиц (впоследствии их стало десять) получили наименование Рождественских.

Местность между полковыми «городками» преображенцев и конногвардейцев оставалась незастроенной до начала XIX в. Восточная линия «светлиц» Преображенского полка в 1760-х годах проходила по трассе современной улицы Радищева (по которой в соответствии с разработанными под руководством А. В. Квасова градостроительными проектами был проложен от Бассейна к Неве Лиговский канал), а западная граница слобод Конной гвардии – по современной трассе Таврической улицы. Между ними оставался обсаженный деревьями луг, ограниченный с севера территорией Лаборатории Артиллерийского ведомства (бывшей «Лаборатории для делания фейерверков»). В последующие десятилетия «светлицы» Преображенского полка заняли часть этого луга. К началу 1780-х гг. примерно на месте д. 35 по улице Радищева был

возведён П-образный в плане полковой госпиталь с церковью Введения Богородицы. В 1783–1789 гг. на бывших землях Артиллерийского ведомства, где раньше находились Артиллерийский и Синодальный дворы и лаборатории Артиллерийского ведомства, И. Е. Старов построил Таврический дворец, а садовый мастер Вильям Гульд разбил Таврический сад. Участок, расположенный к югу от Таврического сада, окончательно перешел в ведение Преображенского полка при Павле I. В 1802 г. архитектор Ф. И. Демерцов завершил работу над проектом новых корпусов казарм и служебных зданий Преображенского полка, в том числе нового госпиталя, расположив их на западной половине отведённого полку в конце XVIII в. участка. Преображенские казармы заняли квадратный в плане квартал. Композиционной доминантой ансамбля стал расположенный по центральной оси Потёмкинской улицы госпиталь с церковью в верхнем этаже. Полковой плац был устроен по разработанному Демерцовым генеральному плану восточнее нового корпуса казарм. По этому же проекту была проложена Преображенская Госпитальная улица, юго-восточный отрезок которой, перекрытый в настоящее время, сохранился в современной топонимике как Госпитальный переулок. Местоположение плаца определило и западную линию будущей Таврической улицы. Южнее плаца распланировали полковой фуражный двор.

Полностью реализованный к началу 1820-х гг. Генеральный план казарм и плаца Преображенского полка зафиксирован на Планах Санкт-Петербурга 1828 г. («Плане Шуберта») (рис. 6). Плац со всех сторон был окружён каналами, через которые имелись мосты с Кирочной и будущей Парадной улиц. С этого времени «Парадное» (Плац-парадное) место Преображенского полка на планах Петербурга стало именоваться «Преображенской площадью», а иногда – «Преображенским плацем». Плац являлся для полка местом проведения строевых учений и смотров. Полк даже «выступал (на нём) лагерем и раскладывал палатки».

В 1850–1860-х гг. на южной стороне Госпитальной улицы по-прежнему существовала деревянная застройка (в том числе фуражный двор), на противоположной стороне – обнесённый сточными канавами плац, не изменивший первоначальных габаритов и конфигурации. Урегулирование улиц и площадей Рождественской части, проводившееся с конца 1850-х гг. и утверждённое в масштабе всей полицейской части в 1865 г., практически не затронуло общую планировку исследуемой территории.

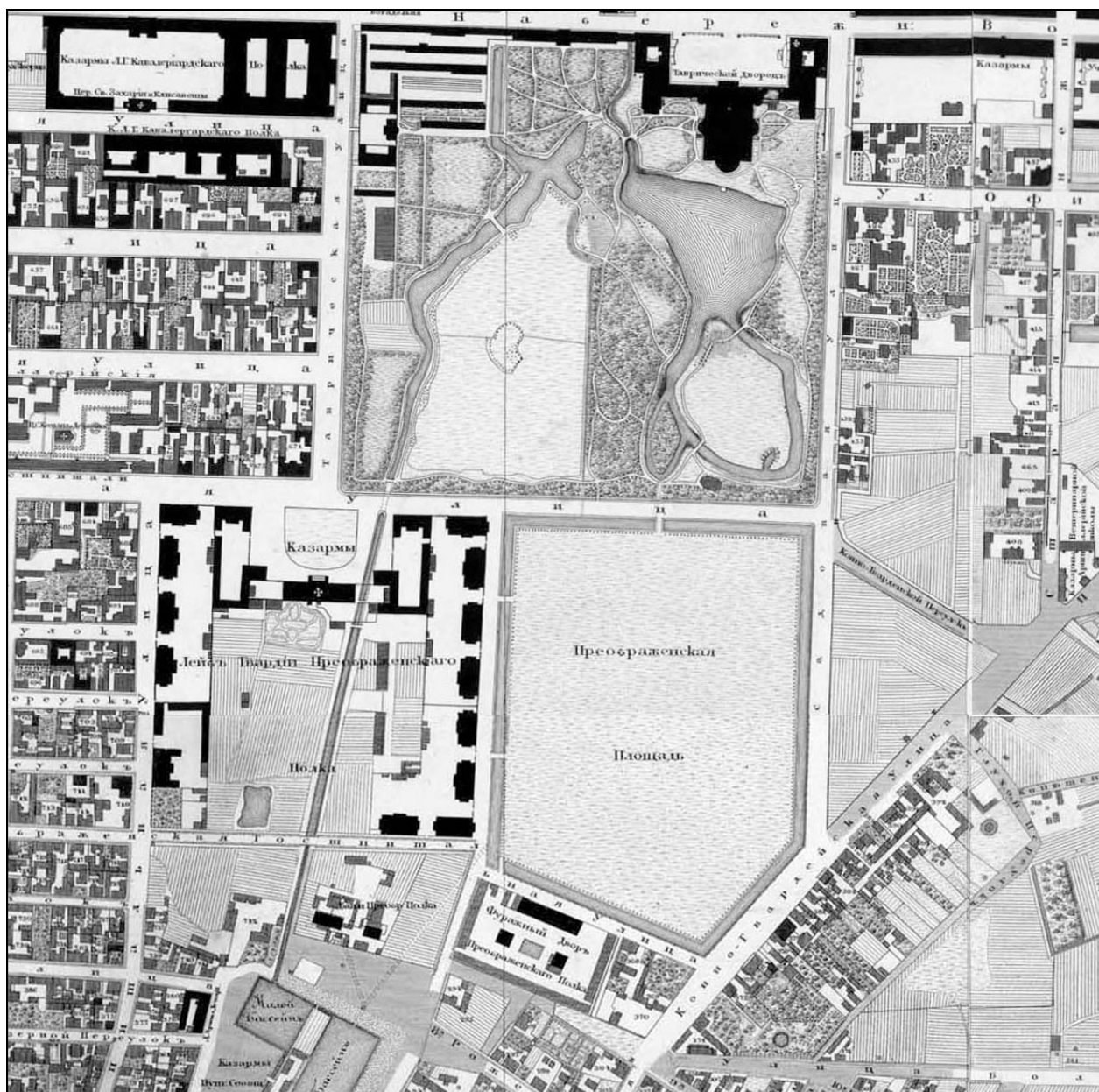

Рис. 6. Преображенская площадь на карте Петербурга 1828 г. (фрагмент плана Шуберта)

В процессе дальнейшей застройки соседних кварталов все больше стало появляться жалоб от их жителей на мусор, грязь и пыль, разносимых с неблагоустроенного плаца по окрестностям. Кроме того, после засыпки канала, проходившего вдоль восточной границы плаца (со стороны Конногвардейской улицы), от стоков весенних и дождевых вод здесь стали образовываться глубокие грязные лужи. В 1866 г. Городская управа вынуждена была поставить этот вопрос перед Военным ведомством. При этом выяснилось, что Преображенский полк не имел никаких официальных документов на право владения этим обширным

участком городской земли и ссылался только на «право давностного владения». Дело было передано в Окружной суд. Не дожидаясь его решения, купцы О. Корявов и А. Васильев на собственные средства заказали садоводу Визе посадку деревьев с южной стороны плаца вдоль Слоновой (буд. Суворовский пр.) и части Госпитальной улиц. В октябре 1867 г. Городская управа одобрила решение о засыпке рвов, проходивших вдоль его западной и северной границ. При этом отмечалось, что эти рвы «прежде служили вторым рукавом Лиговского канала для питания прудов Таврического сада, в настоящее же время по закрытии у большого Бассейна выхода,

а у ворот Таврического сада входа воды, рвы эти наполнялись водой почти до уровня берегов».

В ноябре 1875 г. судебный пристав Санкт-Петербургского Окружного суда официально ввёл лейб-гвардии Преображенский полк во владение «пустопорожним местом земли под названием «Преображенский плац»». Это имущество, состоявшее в Санкт-Петербургской Рождественской части, 2 участка по Парадной, Госпитальной, Конногвардейской, Таврической и Кирочной улицам, мерой земли в 38500 квадратных саженей, было утверждено за полком по праву давности владения. Однако последовавшие вслед за тем апелляции Городской управы привели к изменению решения суда в пользу города. Судебное решение о праве города владеть Преображенским плацем закрепил специальный указ Сената от 17 сентября 1886 г. Тем не менее, 3 июля 1890 г. последовало высочайшее повеление «Об оставлении плаца в ведении Преображенского полка». В процессе судебной тяжбы между Городской управой и Военным ведомством 1 октября 1871 г. по ходатайству великой княгини Елены Павловны вся северная часть плаца Преображенского полка, прилегающая к Парадной, Кирочной и Таврической улицам, была отдана в её распоряжение под строительство зданий Клинического института. Площадь отведённого участка первоначально составила 19300 квадратных саженей. Окончательный проект, разработанный архитектором Р. А. Гедике, был утверждён только 23 июня 1878 г. К этому времени площадь отведённого участка уменьшили и определили границы нового межевания. С 1879 г. начался длительный процесс его застройки, продолжавшийся до 1906 г. В конечном итоге, комплекс зданий Клинического института был возведён в северо-западном углу Преображенского плаца, у пересечения Кирочной и Парадной улиц. Общая площадь земельного участка составила 8586 кв. саженей.

В 1899 г. бывший Преображенский плац по Высочайшему указу был передан Военному ведомству под строительство зданий Николаевской Академии Генерального штаба. К Академии перешла почти вся его территория, за исключением участка, принадлежавшего Клиническому институту, а также узкой полосы шириной в несколько саженей, проходившей вдоль его южной границы, которая была оставлена под огороды Преображенского полка.

По проекту застройки участка, разработанного в 1900 г. архитектором А. И. фон Гогеном, на нем предполагалось возвести главный и жилой корпуса, казармы нижних чинов, общежитие для офицеров,

церковь, манеж, конюшни и ряд хозяйственных построек. Данный проект опубликован в журнале «Строитель» за 1900 г. С некоторыми отклонениями от первоначального варианта он был реализован в 1900–1901 гг. (рис. 7). Главное здание Николаевской академии Генерального штаба размещено с отступом от красной линии Суворовского проспекта и имеет сложную центрально-симметричную композицию. Прямоугольный в плане трёхэтажный жилой дом для служащих решён в духе неоклассики. Он расположен вдоль Таврической улицы с незначительным отступом от красной линии. Одноэтажное здание манежа размещено в глубине участка, в непосредственной близости от огорода Преображенского полка, решено в стиле поздней эклектики. Остальные служебные, жилые и хозяйственные постройки, находились ближе к парадной улице и имели столь же утилитарный облик (до настоящего времени они не сохранились). Торжественная закладка новых зданий Академии Генерального штаба состоялась 15 июня 1900 г., хотя главное здание и жилой дом к этому времени уже были выведены до уровня первого этажа. В 1903 г. была составлена Оценочная ведомость имущества Николаевской Академии Генерального штаба. Площадь принадлежавшего ей участка составляла 21387 кв. саженей. Его длина по Суворовскому проспекту составляла 84,75 саженей, по Таврической улице – 183,14 саженей, по Кирочной улице – 66,56 саженей, по

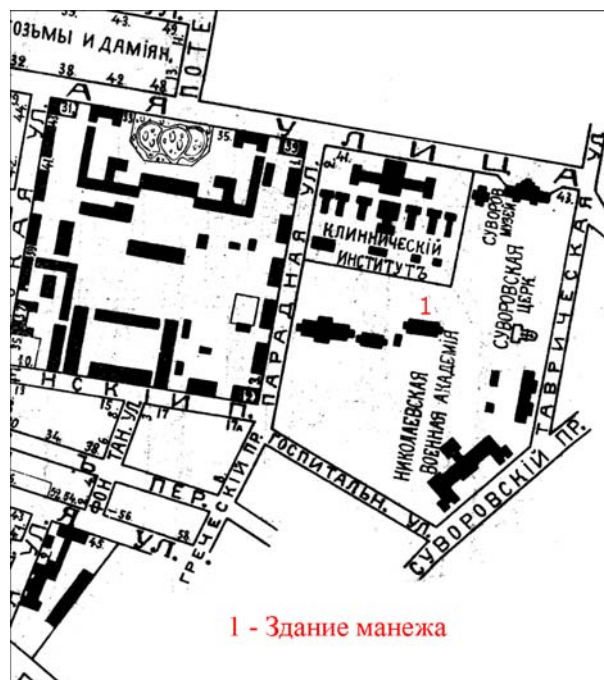

Рис. 7. Здания Николаевской академии Генерального штаба на плане Петербурга 1913 г.

Парадной улице – 56,86 саженей, по Госпитальной улице – 60,84 саженей. В ведомости о доходах были показаны следующие строения: «В главном здании – академия. Дом-особняк каменный, занят учреждением. ... Жилой дом для служащих. Особняк каменный, квартиры. ... Флигель деревянный. Казарма. (Всего 4 комнаты.) ... казарма для нижних чинов полуэскадрона. Офицерской прислуги. Дом-особняк, каменный. ... Службы: манеж, конюшни, сараи, кузница, прачечная, ледник. ... Церковь. (По прямому назначению)».

В 1905–1914 гг. на юго-западном участке бывшего Преображенского плаца по проекту военного инженера В. П. Апышкова возводится комплекс зданий Центральной научно-технической лаборатории Военного ведомства. Этот комплекс состоял из пяти зданий, решённых в стиле неоклассицизма.

Уже в послереволюционный период заметно изменился облик сада, окружающего главное здание. В «парадной части» между пандусом и крыльями появляются крупный кустарник и молодые лиственные деревья. На фотоснимке, сделанном около 1935 г., в перспективе проезда от северо-восточного крыла здания к манежу просматривается строго упорядоченная рядовая посадка тополей, сохранившихся до настоящего времени. Она же зафиксирована на плане 1932 г.

В 1950-х гг. со стороны Парадной улицы на месте двухэтажного здания казарм и хозяйственных построек возведены учебные и административные корпуса Высшего военного училища связи. В 1970-е гг. к северному фасаду манежа пристроено двухэтажное строение.

Для предварительного исследования на территории Военной академии связи, отведённой под планируемое строительство, было заложено 12 шурфов размерами 2 x 2 м. Первый участок площадью 4203 кв. м с объектом незавершённого современного строительства представлял собой заброшенную строительную площадку. Большую его часть занимал современный недостроенный кирпичный дом. Территория вокруг здания занята строительными материалами, забитыми сваями, мусором, засыпана толстым слоем гравия. Открытый участок земли, доступный к исследованию, был обнаружен только у западного торца недостроенного здания, где и были заложены два шурфа (№10, 11). Второй участок площадью 7131 кв. м состоял из исторического здания бывшего манежа Николаевской Академии Генерально-штаба, постройки 1900–1901 гг. (архитектор

А. И. фон Гоген) и прилегающей к нему территории. С запада он граничил с первым участком, к северу и востоку от манежа территория занята хозяйственными постройками, складированными строительными деталями, мусором, покрыта асфальтом. Основная площадь, пригодная для исследования располагалась к югу от здания манежа, на засаженном деревьями газоне. Здесь было заложено восемь шурфов (№ 3–9, 12). Один шурф (№ 1) расположен с западной стороны от манежа на склоне газона и ещё один шурф (№ 2) – в низменной части с северной стороны от манежа между крыльцом поздней пристройки и складированными бетонными плитами.

Высотные отметки заложения шурфов варьируют от 6,51 до 7,15 м в Балтийской Системе координат (далее БС), отметки на материке – от 4,30 до 4,87 м БС, с заметным понижением в северо-западном направлении. Глубина шурфов колеблется от 2,07 до 2,39 м. Стратиграфия всех шурфов аналогична: под дёрном (мощностью 0,10–0,15 м) залегают серые и серо-коричневые супеси с включением кирпичной крошки (мощностью до 1,50 м), ниже лежит слой белёсого светло-серого песка (мощностью 0,05–0,20 м), под ним – бурый торфяной слой с включением светло-серого материкового песка (мощностью 0,10–0,20 м) и погребённая торфяная почва чёрного (чёрно-бурого) цвета с включениями древесины (палок, веток и т.п.) мощностью 0,30–0,70 м. Слои располагались условно-горизонтально.

Исследования на территории Военной академии связи показали обычную большую насыщенность городского слоя археологическим материалом. Все находки делятся на семь категорий: керамическую посуду, строительную и облицовочную керамику, фаянсовые и фарфоровые изделия, изделия из стекла, изделия из органических материалов, изделия из камня, изделия из железа.

1. *Керамическая посуда* (рис. 8–16; цв. илл. 13). Это самая массовая категория находок, делящаяся на кухонную, столовую и тарную посуду. При исследовании данной территории кухонная посуда со следами копоти или нагара представлена в небольшом количестве и исключительно серо-глиняной керамикой без поливы. Большая часть находок – это столовая и тарная посуда, около 50 % которой покрыта поливой не менее девяти разных цветов в разных вариантах (по внутренней стороне стенки, по внешней стороне стенки или по обеим стенкам одновременно). Основные цвета поливы зелёный, коричневый, жёлтый разных оттенков и насыщенности, а также прозрачная

Рис. 8. Военная академия связи. Венчики красноглиняной поливной посуды

бесцветная. Найденная керамика изготовлена разными способами обжига, в результате которых черепок получался красного, серого или белого цвета, а также из так называемой каменной массы. Наиболее представительна красноглиняная керамика. Из неё изготовлена как столовая и тарная посуда, так и цветочные горшки. Из «каменной массы» изготовлены исключительно бутылки для импортной сельтерской воды из Германии и, возможно, имитация и подделки под эту тару.

2. *Строительная и облицовочная керамика* (цв. илл. 13: 5). Практически в каждом шурфе были встречены обломки гладких печных изразцов

XIX в., покрытые белой поливой, обломки кровельной желобчатой красноглиняной черепицы. Среди печных изразцов обнаружен один мелкий фрагмент гладкого так называемого голландского изразца XVIII в. с росписью синей кобальтовой краской по белому фону. Кровельная черепица данного типа (также называемая голландская), объединившая в одном изделии выпуклость вверх и вниз, была внедрена в производство во Фландрии в середине XVI столетия. Петербургская черепица может датироваться, вероятно, с XVII в., так как её экземпляры были найдены во рвах Ниеншанца. В шурфах, близких к историческому зданию манежа, найдены кирпичи с клеймами

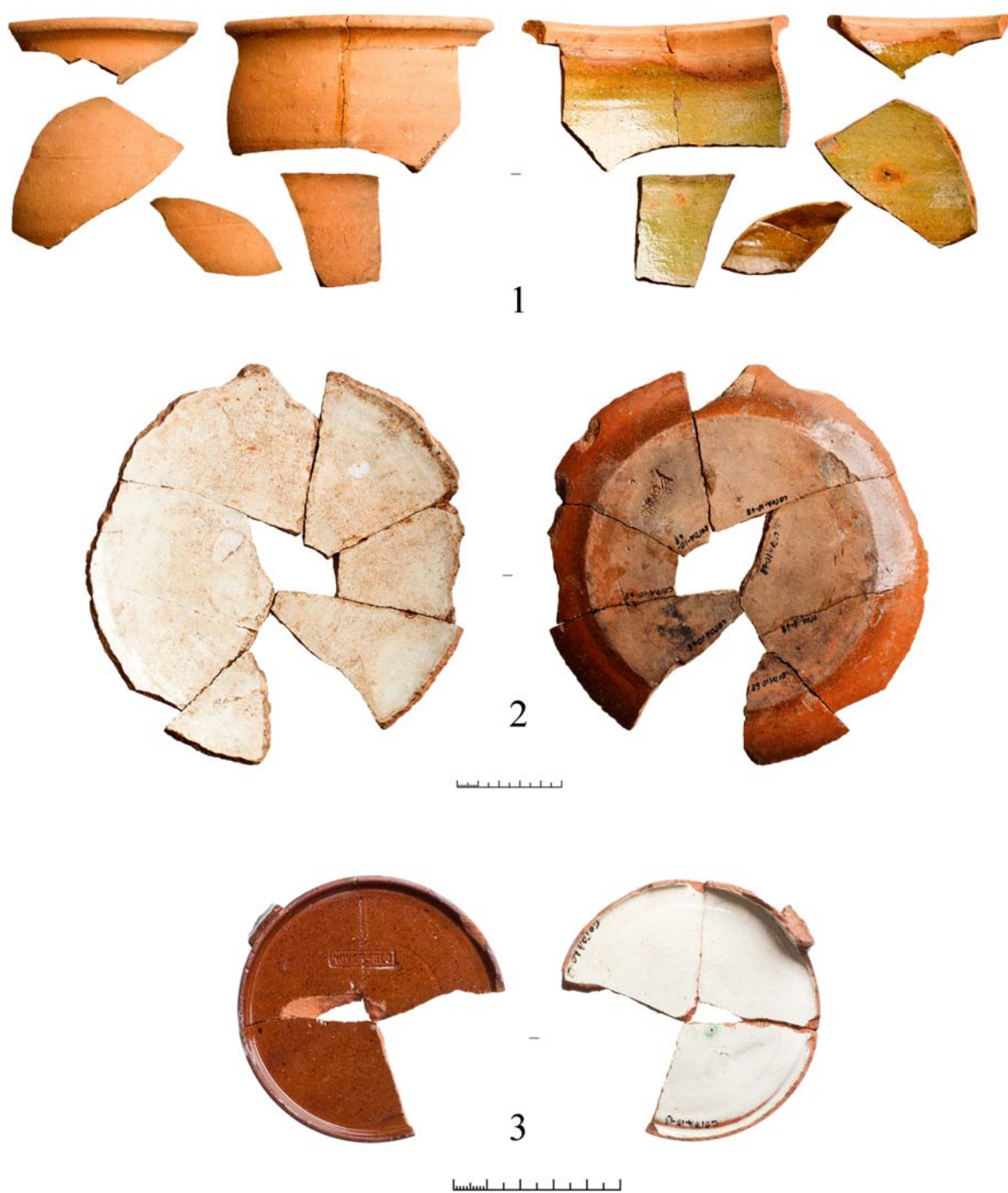

Рис. 9. Военная академия связи. Фрагменты красноглиняной поливной посуды: 1 – горшок; 2, 3 – донца

Рис. 10. Военная академия связи. Красноглиняная поливная посуда: 1–4 – кувшины с ангобом на внешней стороне; 5 – сосуд с ручкой; 6, 7 – миски

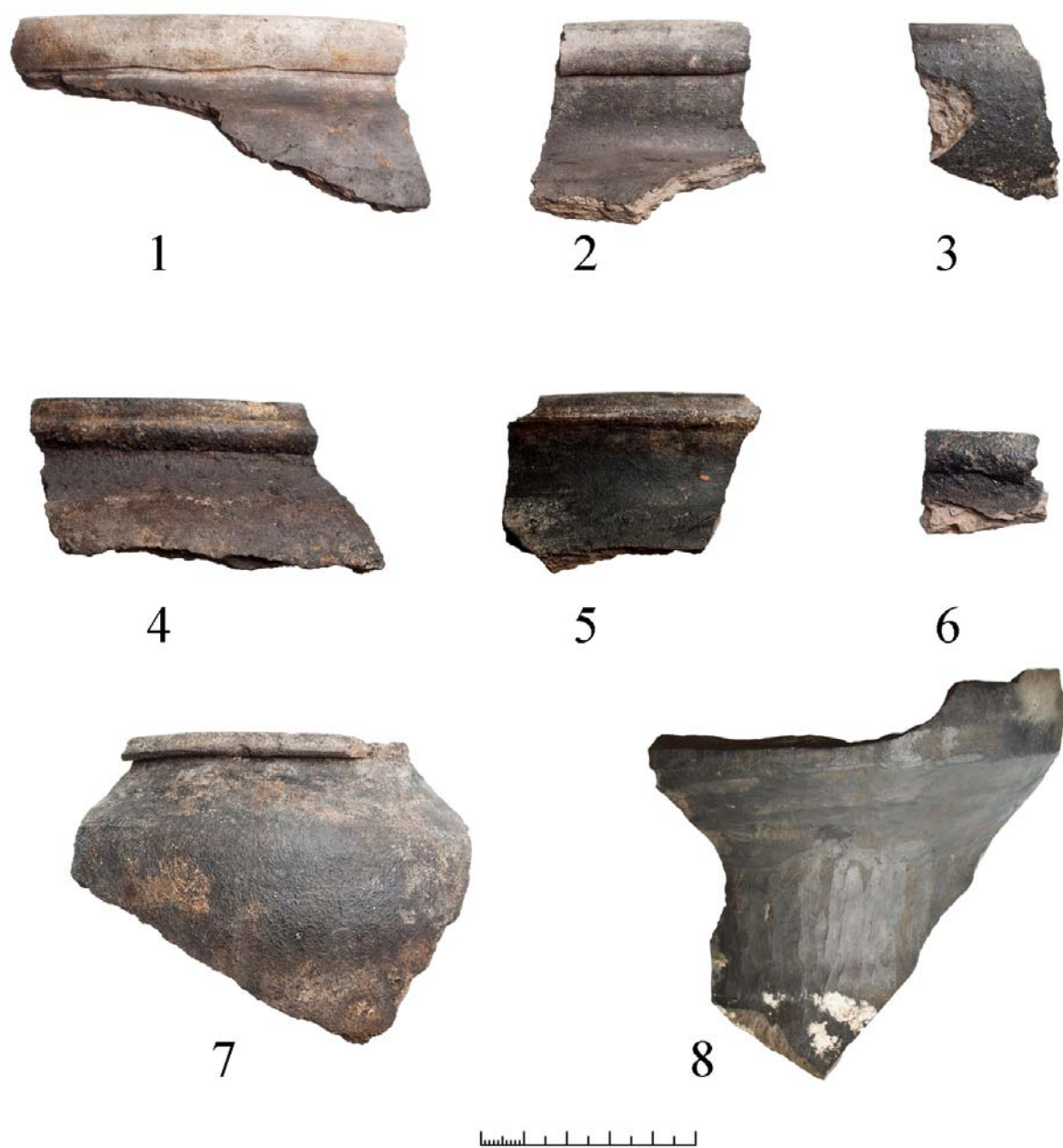

Рис. 11. Военная академия связи. Сероглиняная посуда: 1–7 – венчики; 8 – горло чернолощёного кувшина

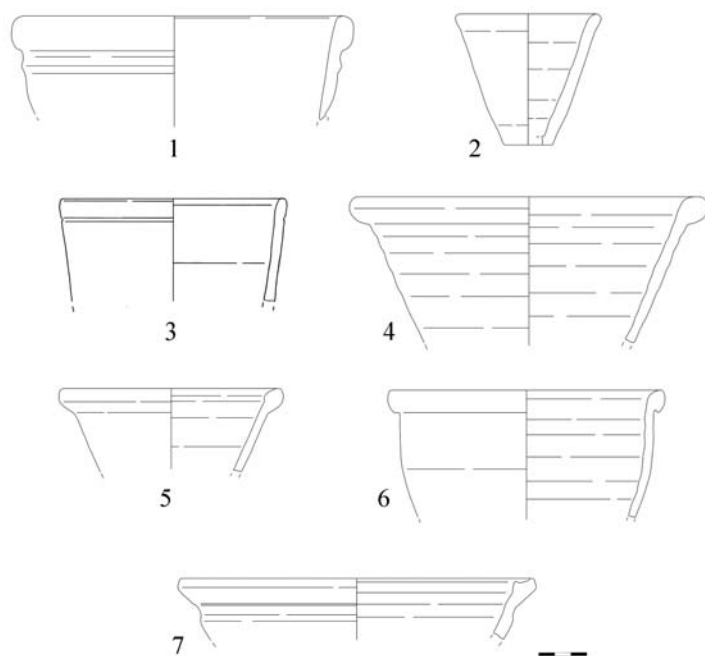

Рис. 12. Военная академия связи. Красноглиняная посуда

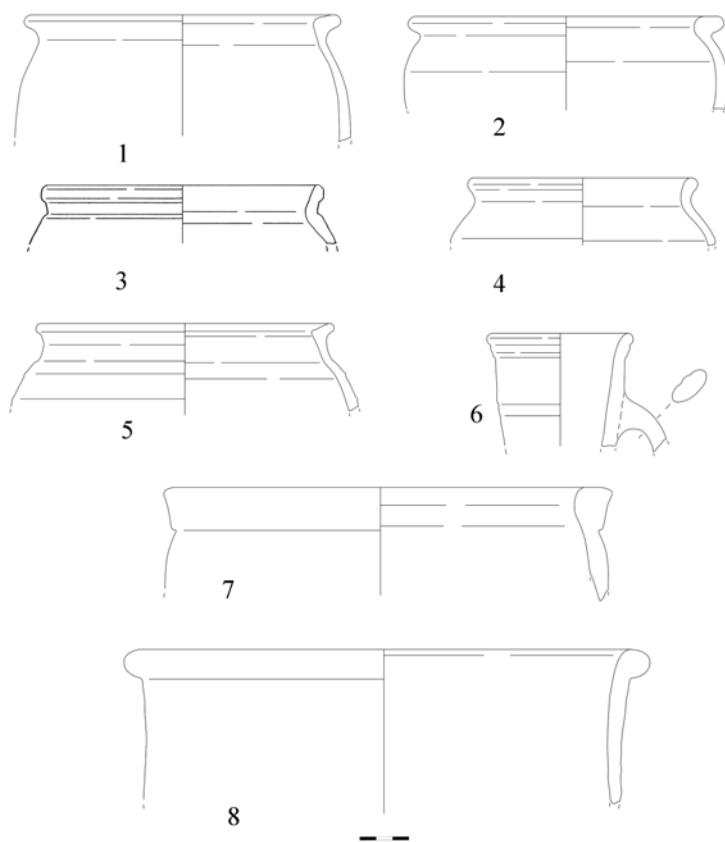

Рис. 13. Военная академия связи. Красноглиняная поливная посуда

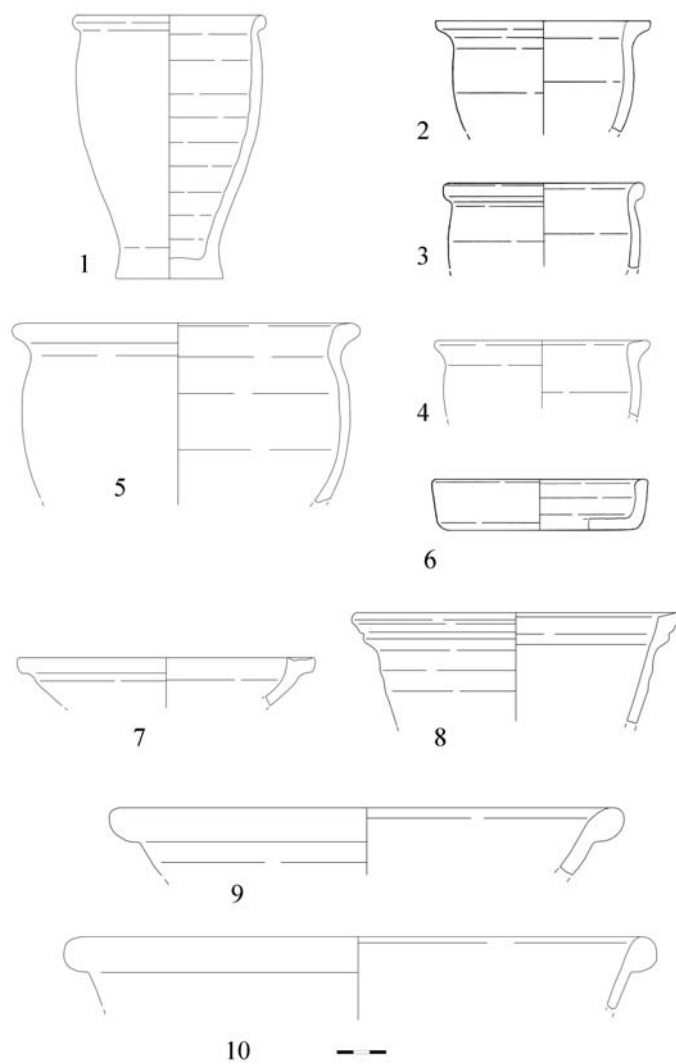

Рис. 14. Военная академия связи. Красноглиняная поливная посуда

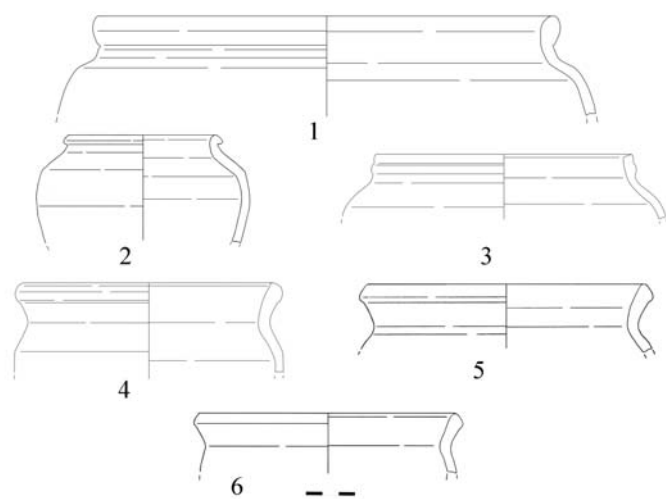

Рис. 15. Военная академия связи. Сероглиняная посуда

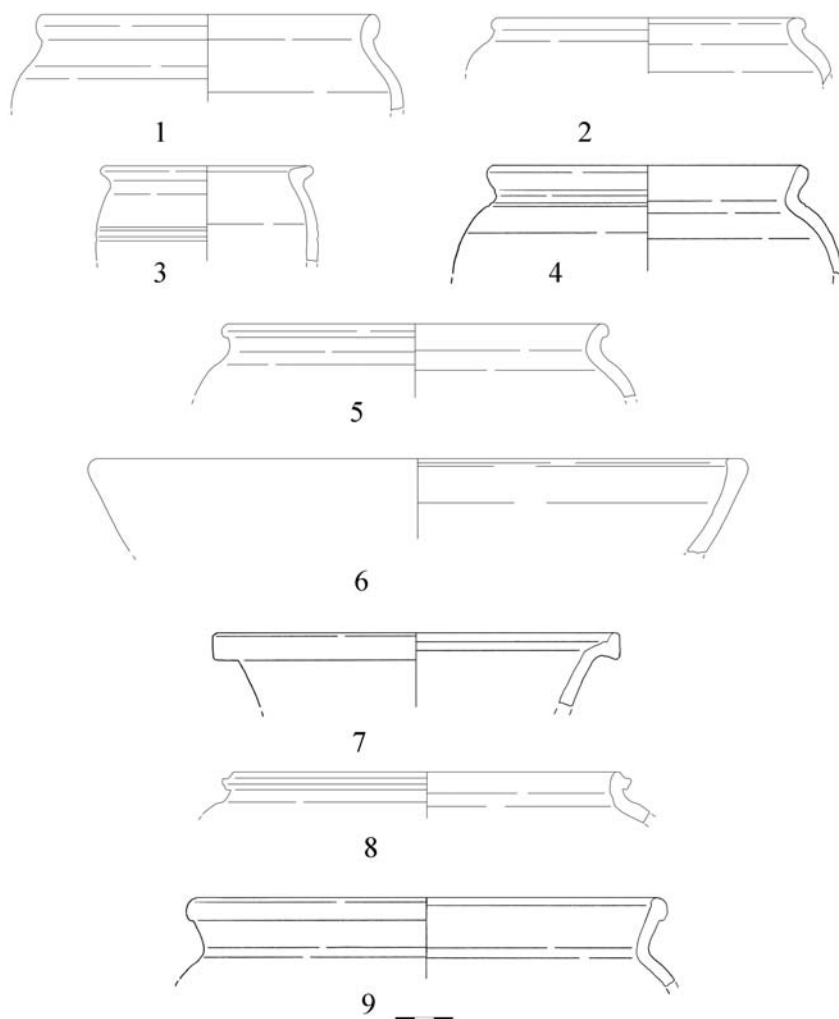

Рис. 16. Военная академия связи. Керамика: 1–7 – сероглиняная поливная посуда; 8, 9 – белоглиняная посуда

«СТРЬЛИНЬ», выпускавшиеся частным заводом братьев Стрелиных с 1875 по 1910-е гг. (Ёлшин, Векслер, 2003. С. 57).

3. *Фарфоровые и фаянсовые изделия* (цв. илл. 14). Это также одна из самых массовых категорий находок для Петербурга. Найденные в шурфах материалы представлены, в основном, экземплярами XIX–XX вв.: фрагментами тарелок, чашек, чайников и др. В их составе так называемые помадные или аптечные баночки, в основном покрытые белой глазурью внутри и синей или белой снаружи. Отдельные находки, такие как фрагменты стенки европейского (саксонского?) фарфора, синие помадные баночки можно отнести к XVIII в.

4. *Изделия из стекла* (цв. илл. 15). Эта категория находок представлена большим количеством стенок

и горлышек винных бутылок из зелёного стекла, в том числе сильно патинированных, фрагментами розеток, сахарниц, аптечными пузырьками из бесцветного прозрачного стекла, небольшими флакончиками, в том числе с клеймами.

5. *Изделия из органики* (цв. илл. 16; рис. 17) представлены небольшим количеством обрывков кожаной обуви и одной зубной щёткой из кости с клеймом.

6. Изделия из камня (рис. 18) представлены одной находкой кремневого скребка эпохи неолита.

7. Изделия из железа. Находок этой категории в шурфах найдено мало и в плохом состоянии: несколько четырёхгранных кованых гвоздей и несколько неизвестного назначения ржавых деталей.

Рис. 17. Военная академия связи. Костяная зубная щётка

Рис. 18. Военная академия связи. Кремневый скребок

В коллекцию было включено 126 предметов, характеризующие все категории находок (кроме изделий из железа) и представленные наиболее целыми экземплярами, венчиками сосудов, придонными частями сосудов, находками с клеймами и всеми находками из ранних слоёв и погребённой почвы.

1. *Керамическая посуда* (рис. 8–16; цв. илл. 13). Эта категория находок представлена 79 экземплярами. Красноглиняная керамика составляет большую часть коллекции посуды – 50 находок (рис. 8–10, 12–14), из них 33 покрыты поливой девяти цветов и оттенков: зелёной, темно-зелёной, зелёно-коричневой, коричневой, тёмно-коричневой, жёлто-зелёной, жёлтой, белой, прозрачной бесцветной. Полива нанесена в 14 вариантах: зелёная по внутренней стороне, зелёная по внутренней и внешним сторонам, темно-зелёная по внутренней стороне, зелёно-коричневая по внутренней стороне, коричневая по внутренней стороне, коричневая по внутренней и внешней сторонам, тёмно-коричневая по внешней стороне, жёлто-зелёная по внешней стороне, жёлто-зелёная по внутренней стороне, жёлтая по внешней и внутренней сторонам, жёлтая по внутренней стороне, жёлтая по внутренней и зелёная по внешней сторонам, белая по внутренней и коричневая по внешней сторонам, прозрачная бесцветная по внутренней и внешней сторонам. Восемь находок несут следы белого ангоба на наружной стороне стенок (рис. 10: 1–4; 12: 5; 14: 1, 4). На внешней стороне донца сосуда с коричневой поливой имеется теснёное клеймо в рамочке в виде надписи латинскими буквами «NOVOESELO» (рис. 9: 3). По предварительным данным, датировка красноглиняной керамики, по большей части, не выходит за пределы XIX–XX вв.

Сероглиняная керамика представлена 18 экземплярами (рис. 11; 15; 16: 1–7). Из них восемь покрыты поливой пяти разных цветов и оттенков: зелёной, коричневой, жёлто-зелёной, жёлтой, прозрачной бесцветной. Полива нанесена в семи вариантах: зелёная по внутренней стороне, зелёная по внутренней и внешним сторонам, коричневая по внутренней стороне, жёлто-зелёная по внутренней и внешней сторонам, жёлто-зелёная по внутренней стороне, зелёная по внешней сторонам, зелёная по внутренней стороне и прозрачная бесцветная по внешней стороне. Большая часть фрагментов без поливы покрыта нагаром или копотью и относится к кухонной посуде. Один экземпляр является частью горлышка чернолощёного кувшина (рис. 11: 8). Чернолощёная керамика имеют широкую датировку – от средних веков до XIX в. Часть материалов может датироваться XVIII в.

и, возможно, более ранним временем. Датировка основной массы находок сероглиняной керамики XIX–XX вв.

Белоглиняная керамика представлена восьмью экземплярами (цв. илл. 13: 1–3; рис. 16: 8, 9). Из них три покрыты поливой разных цветов нанесённой тремя вариантами: зелёной по внутренней поверхности, зеленой по внутренней поверхности и жёлто-зелёной по внешней, жёлтой по внутренней поверхности. Несколько фрагментов керамики без поливы имеют трёхслойный обжиг (с тёмной полосой в середине) и, возможно, датируются XV–XVII вв. Датировка основной массы находок белоглиняной керамики с поливой – XIX–XX вв.

Керамика из так называемой каменной массы представлена тремя фрагментами бутылок, покрытых по внешней стороне поливами кирпичного или коричневого цветов. Одна находка – фрагмент бутылки из-под сельтерской воды, импортируемой из Германии, имеет теснёное клеймо по внешней поверхности стенки в виде изображения льва в круге и надписи вокруг него «SELTER» и «ZOGTHUM NASSAU» (цв. илл. 13: 4). Материал датируется XIX в.

Строительная и облицовочная керамика. Из этой категории находок в коллекцию вошли девять фрагментов красноглиняной кровельной желобчатой («голландской») черепицы с целыми боковыми краями (цв. илл. 13: 5). Материал, вероятно всего, следует датировать XVIII в.

Изделия из фарфора и фаянса также одна из самой массовой категории археологического материала в Петербургских городских слоях (цв. илл. 14). В коллекцию принято 12 находок, представленных фрагментами тарелок, супниц(?), мисок, чашек. В их составе четыре помадные (аптечные) баночки, покрытые белой глазурью по внутренней и внешней поверхности стенок (цв. илл. 14: 1, 2). На донце одной фаянсовой тарелки имеется плохо видимое клеймо, состоящее из надписей «E.GUNTER(?)» ниже «S.P.B.». Материал датируется XIX – началом XX вв. К XVIII в., возможно, относится фрагмент фарфоровой чашки с синей росписью и изображением дух китайских домиков на фоне гор (снаружи) и растительным орнаментом (внутри) (цв. илл. 14: 4).

Изделия из стекла представлены девятью находками: бутылочками, аптечными пузырьками, горлышками винных бутылок из тёмно-зелёного стекла, фрагментами розетки и сахарницы (цв. илл. 15). Три аптечных(?) флакона имеют клейма. На

одном – бутылочке светло-зелёного стекла – изображение герба в виде двуглавого орла и надписью под ним «П.ПОЙТЕЛИНГА» (цв. илл. 14: 2). На другом – бутылочке прозрачного бесцветного стекла – изображение герба в виде двуглавого орла, на щите изображение «Н», внизу надпись «Т-во БРОКАРЪ и Ко Въ МОСКВЪ» (цв. илл. 15: 1). На третьем – бутылочке светло-зеленого стекла – надпись «Лаковый заводъ Братьевъ И.А. и М. Васильевыхъ въ С.Петербургъ» (цв. илл. 15: 3). Датировка материала – XIX в. Горлышки винных бутылок покрытые патиной, возможно, относятся к XVIII в.

Изделия из органических материалов (цв. илл. 16; рис. 21). К ним относятся 13 обрывков кожаных изделий и зубная щётка из кости. Кожаные изделия, вероятно всего, являются частями обуви (цв. илл. 16). Из них 12 экземпляров найдены в погребённой торфяной почве и могут датироваться поздним средневековьем – XVIII–XIX вв. Костяная зубная щетка сохранилась без щетины, на ручке имеет надпись «THE Montrose BRAND» и «TRADE MARK»² (рис. 17). Может датироваться XVIII – началом XX вв.

Изделия из камня (рис. 18). В коллекцию вошли две находки из кремня, найденные в погребённой почве: концевой скребок эпохи неолита (рис. 18: 1) и кусок кремня (нуклеуса?).

Основная масса находок собрана в слоях IX–XX вв., которые почти полностью занимают всю стратиграфическую колонку шурфов и представлены супесями с включением кирпичной крошки и кирпича. Отдельные артефакты могут датироваться XVIII в. К ним относятся такие, как печной «голландский» изразец, фрагмент европейского фарфора, некоторые сероглиняные и белоглиняные сосуды, чёрнолощёная сероглиняная керамика, помадные баночки. «Голландскую» кровельную черепицу можно датировать даже XVII в., так как аналогичный материал был найден во рвах шведской крепости Ниеншанц. К XV–XVII вв., возможно, относятся несколько фрагментов белоглиняной керамики с трёхслойным обжигом, возможно, отдельные фрагменты сероглиняной и чёрнолощённой керамики. К слоям XVIII в., по всей видимости, можно относить один–два нижних слоя, перекрывавших погребённую почву и связанных с подсыпками и выравниваниями «парадного места» – плаца. В погребённой почве были найдены только

² Монтроз – порт и город в Шотландии (упоминается с XII в.), также окрестности Хьюстона в США, возникшие в начале XX в.

обрывки кожаных изделий (обуви?), два фрагмента поздних сероглиняных сосудов и кремневый скребок эпохи неолита. Вполне вероятно, что кремневый скребок происходит из располагавшейся в пределах Лигово-Рождественской песчаной косы неолитической стоянки (поселения).

Заключение

Исходя из исторических сведений и проведённых археологических исследований, необходимо отметить, что в позднесредневековое и Новое время (по XVII в. включительно) участок Военной академии связи входил в зону хозяйственного освоения (пашни, сенокосы, лесные угодья, дороги) ближайших поселений, расположенных по левому берегу р. Невы. Исследованный участок города находится у подошвы (или в нижней части западного склона) Лигово-Рождественской гряды – самого высокого места в городе. Нивелировочные отметки на поверхности «материка» (песков, сформированных отложениями древнего Литоринового моря) показывают небольшое падение с юго-востока на северо-запад и составляют 4,70–4,87 м БС (в шурфах № 3–9, 12) и 4,30–4,50 м БС (в шурфах № 10–11). Анализ стратиграфии шурфов показал, что предматериковый слой – это торфяная погребённая почва тёмно-бурого или чёрного цветов с включением отдельных древесных фрагментов (сучков, веток и, возможно, обработанного дерева), мощностью 0,30–0,70 м. Почва формировалась с древнейших времен по XVIII в., вероятно, на несколько заболоченном участке. В ряде шурфов (№ 8, 11, 12), расположенных в разных краях участка, на поверхности погребённой почвы прослежена тонкая прослойка бересты, связанная с какими-то следами хозяйственной деятельности. В шурфах № 1 и 11 в погребённой почве найдены фрагменты кожаных изделий и венчики двух сероглиняных сосудов, которые, возможно, могут датироваться широко – поздним средневековьем–Новым временем. В погребённой почве шурфа № 7 было найдено орудие эпохи неолита – кремневый скребок. Исходя из того, что в эпоху неолита–раннего металла Лигово-Рождественская песчаная гряда была самым высоким местом Невской дельты и в определённые этапы морской регрессии могла быть сушей, вполне вероятно нахождение на ней стоянок и поселений древнего человека.

Следует отметить, что погребённые торфяники были зафиксированы уже в начале XX в. при бурении скважин, проведённом в различных участках Лигово-Рождественской гряды. В первой половине XVIII в. этот участок был превращён в «парадное место» Конной гвардии. Возможно, луг использовался в своем первоначальном при-

родном виде или на нем были произведены первые нивелировочные и осушительные подсыпки, соответствующие в стратиграфии шурфов бурому торфяному слою с включениями белёсого материкового светло-серого песка. В буром гумусном слое находок почти нет: их всего четыре, датирующихся, вероятнее всего, XVIII–XIX вв.

Городская планировочная структура территории современной Военной академии связи была сформирована только в начале XIX в. в соответствии с проектом казарм и служебных зданий Преображенского полка. В начале XIX в. «парадное место» по проекту Ф. И. Демерцова было обустроено в полковой плац, существовавший здесь почти столетие (1802–1899 гг.). Вероятно, этому периоду в стратиграфии шурфов соответствуют слои белёсого светло-серого песка, перекрывающие их тёмно-серые гумусированные прослойки и, возможно, нижние серые и серо-коричневые слои супесей с находками XVIII–XIX вв., переотложенные более ранними.

В 1900–1901 гг. по проекту, разработанному архитектором А. И. фон Гогеном, на территории плаца возвели главный и жилой корпуса, казармы нижних чинов, общежитие для офицеров, церковь, манеж, конюшни и ряд хозяйственных построек. Этому периоду в стратиграфии соответствуют слои серых и серо-коричневых супесей с включением битого кирпича, кирпичной крошки, линзами строительных растворов и находками XIX–XX вв. в верхней половине шурфов. К постройке здания манежа, несомненно, относятся найденные в ближайших к нему шурфах кирпичи с клеймами «СТРЬЛИНЪ» конца XIX – начала XX вв.

В коллекцию вошли 126 предметов, характеризующих все категории находок (кроме изделий из железа) и представленные наиболее целыми экземплярами, венчиками сосудов, придонными частями сосудов, находками с клеймами и всеми находками из ранних слоёв и погребённой почвы. Найденный материал, в основной массе, отражает формирование городского культурного слоя XVIII–XX вв. Отдельные артефакты могут датироваться ещё XVIII в. и поздним средневековьем. Кремневый скребок относится к эпохе новокаменного века (неолита) – IV–III тыс. до н.э.

Источники и литература

- Возгрин В. Е., Шаскольский И. П., 1981. Шведская карта низовьев Невы 1640-х годов // *Вспомогательные исторические дисциплины*. Л. Вып. XII.
- Гиппинг А. И., 2003. Нева и Ниеншанц. М.
- Ёлшин Д. Д., Векслер А. Ф., 2003. Клейма петербургского кирпича как исторический источник информации // *Кирпич и кирпичное производство в Петербурге*. СПб.
- Карты и планы Невы и Ниеншанца, собранные А. И. Гиппингом и А. А. Куником. СПб., 2003.
- Селин А. А., 1998. К исторической топографии Невского устья // *Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург*. СПб.
- Сорокин П. Е., 1996. Археологические исследования и проблемы сохранения культурного слоя на территории Санкт-Петербурга // *Археология Петербурга*. СПб. № 1.
- Сорокин П. Е., 2001. Ландскрона, Невское Устье, Ниеншанц. СПб.

Археологические исследования в излучине реки Невы

С. А. Семёнов, С. Г. Попов, З. Р. Румянцева, В. А. Лапшин

В июле–сентябре 2011 г. Пискаревским отрядом ИИМК РАН¹ на правом берегу р. Нева были проведены предварительные историко-археологические исследования на территории, которую около 150 лет занимала бумагопрядильная фабрика, в советское время носившая название «Возрождение» (рис. 1)². Этот участок расположен на северо-западной окраине исторического района города Большая Охта на самой границе с другим историческим районом – Полюстрово.

Правый берег излучины Невы был обжит ещё до основания Петербурга (рис. 2). Важнейшими, но в определённой степени схематическими источниками, являются шведские карты «Приневья» XVII в., дополняемые некоторыми письменными документами. Они указывают, что по правому берегу Невы в XVII в. проходила дорога от города Ниена и крепости Ниеншанц к городам Выборгу и Кексгольму, вдоль которой располагались различные селения и отдельные постройки (рис. 3). Где-то на участке от Пискаревского проспекта до дачи Кушелева-Безбородко (200–400 м) находилось поселение Ремсан (Краснолуцкий, 2010. С. 81–82; Сорокин, 2001. С. 26). А. И. Гиппинг, основываясь на шведских картах XVII в, отмечал, что «то место, где Нева, свернув на юг, образует колено, и где находилось несколько деревянных строений, называлось «Ремсан» (Remsan) и походило на небольшую деревню» (Гиппинг, 2003. С. 310). По мнению С. Кепсу Remsan или Ramsa (Рямса) являлся предместьем города Ниена, заселённым в том же XVII в., а его название «видимо, было уничтожительным и означало запущенное и не находящееся в должном порядке поселение» (Кепсу, 2001. С. 70). По данным исследования А. М. Шарымова, уже в Окладной книге Вотской

пятины 1500 г. здесь обозначена деревня «Ревцана», а в XVII в. «эту деревеньку можно представить как место загородных пирушек для ниеншанцких военных» (Шарымов, 2004. С. 339–340). На гидрографической карте Невы Карла Эльдберга 1701 г. по правому берегу излучины показана сплошная цепочка из семи пунктов или строений, которая в центре подписана «Remsan» (Карты и планы, 2003. № 10) (рис. 4). Возможно, это все постройки одной деревни, вытянутой вдоль берега Невы.

Ниже исследованного участка по течению Невы, на месте будущей усадьбы Кушелева-Безбородко со временем был разбит сад коменданта Ниена, захвативший, возможно, и территорию деревни Ремсан (Гиппинг, 2003. С. 304; Карты и планы, 2003. №14) (рис. 5). Еще ниже по Неве в 550–1000 м к северо-западу в районе современных улиц Феодосийской и Ватутина, на её берегу располагались королевский кирпичный склад («Tegelsbruk»), кирпичный завод и пушечный двор (Гиппинг, 2003. С. 310; Карты и планы, 2003. №10; Краснолуцкий, 2010. С. 81; Сорокин, 2001. С. 72) (рис. 4).

Выше по течению Невы в 400 м к юго-востоку в районе пересечения современных Большеохтенского пр. и улицы Большая Пороховская в XVII в. известен шведский госпиталь, расположенный в предместье Ниена, по словам Гиппинга, «состоявшее из группы деревянных домиков, которые не находились на городской территории, хотя примыкали к ней, и были обитаемы преимущественно ремесленниками и чернорабочими» (Гиппинг, 2003. С. 310; Карты и планы, 2003. № 10; Сорокин, 2001. С. 72) (рис. 4).

По мнению А. Ю. Краснолуцкого, ссылающегося на С. Кепсу, близ излучины Невы также располагалось поселение Ханнусильда (Краснолуцкий, 2010. С. 82). Однако, локализация А. Ю. Краснолуцким Ханнусильда «на берегу ручья, протекавшего по линии Пискаревского проспекта, в месте его примыкания к Свердловской набережной», по-видимому, ошибочно. С. Кепсу отмечал, что Ханнусильда располагалась «на территории нынешнего Полюстрово на берегу

¹ Приносим искреннюю благодарность за помощь в работе отряда А. А. Корневу и В. Г. Журавлеву (Абезгаузу).

² Работы производились согласно открытому листу, выданному на имя В. А. Лапшина, в соответствии с договором между УРАН ИИМК РАН и ООО «ДЕНГЕН» на территории общей площадью 24948 кв. м по адресу: Пискаревский пр., д. 3. Общая исследованная раскопками площадь составляла 48 кв. м.

Рис. 1. Общий вид земельного участка с Невы. Фото 2011 г.

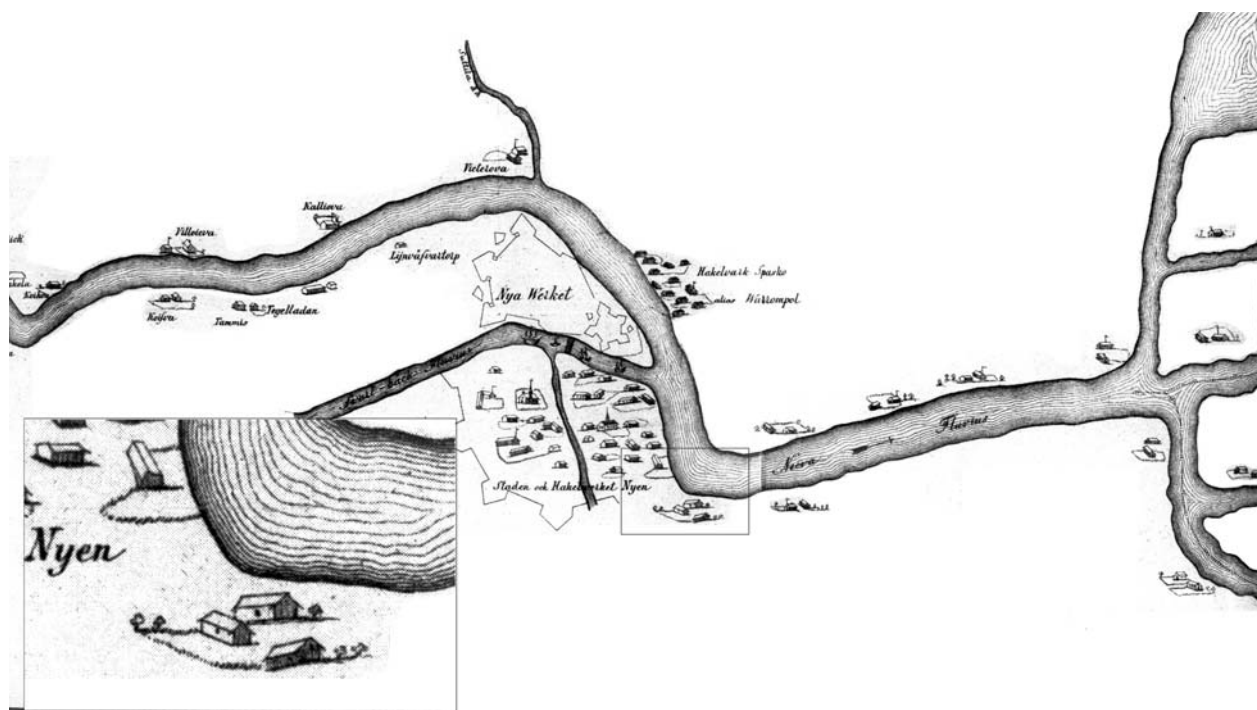

Рис. 2. Низовья Невы на фрагменте шведской карты 1681 г. (ориентирована севером вниз)

исчезнувшего ручья где-то в районе шоссе Революции», и эту землю с 1671 г. «отвоевывал у болота» мужчина по имени Ханс Пёльке (Кепсу, 2001. С. 73). Правый берег излучины Невы высокий, а болота располагались восточнее, за дорогой на Выборг. Именно там, на расстоянии не более 1 км от места наших работ, и показана Ханнусильда на шведской карте XVII в. (рис. 5).

Следует констатировать, что в XVII в. весь правый берег Невы, начиная от кирпичного склада, или, как минимум, от сада коменданта до Ниена, включая исследованный нами участок, был занят различными постройками и сооружениями, которые входили в городскую инфраструктуру и могли считаться его предместьем. Это наглядно показано на картах Крониорта 1698 г., Мейера 1698 г. и др. (рис. 6).

В начале XVIII в. после возвращения этих земель России и основания новой столицы Санкт-Петербурга жизнь по правому берегу Невы несколько затихла, поэтому участок исследования оказался на «пустопорожней государственной земле». Со второго десятилетия правобережье стало постепенно обустраиваться: с северо-западной стороны от территории будущей фабрики на месте сада комендантом Ниена Ж. К. Лебломом в 1717 г. разбивается «императорский запасной сад» – древесный питомник, а на юго-востоке с 1748 г. (возможно и ранее – уже с 1730-х гг.) к нему вплотную подступает Большеохтенская слобода³ (адмиралтейское селение) (рис. 7). Вероятно, участок частично входил в пределы слободы, так как Охтенские переведенские адмиралтейские слободы, основанные в 1721–1722 гг. для привлечения плотников и мастеровых для работ на верфях Санкт-Петербурга, с 1748 г. после наделения поселенцев земельными участками, увеличили свои территории, и Большеохтенская слобода стала простирается в северном направлении до современного шоссе Революции и Пискаревского проспекта (Краснолуцкий, 2010. С. 6). По некоторым источникам, вся сторона по правому берегу Невы от Казачьей слободы, которая была основана на месте шведских кирпичных складов, до слободы Охтинских плотников, называлась «Волчье поле» (рис. 8). Это «поле» своё название получило от того, что «с первых лет близко тут

много людей погребали, а наипаче в зимнее время, для мёрзлости земли, оных мёртвых не глубоко в землю зарывали, и те мёртвые тела волками были посещаемы и оное место людям не безопасно было» (Столпянский, 1915. С. 8; Краснолуцкий, 2011. С. 17).

Во второй половине XVIII в. правый берег Невы формируется как дачная местность и территория, примыкавшая к Охтинской слободе, стала застраиваться дворянскими усадьбами. В 1753 г. участок, расположенный между садом, приписанным к Дворцовому ведомству, и Большеохтинской слободой, был пожалован кофишенку Александру Ульяновичу Саблукову, отвечавшему за приготовление кофе, чая и шоколада для императрицы Елизаветы Петровны. При межевании к участку Саблукова отошла и часть земли охтинских поселенцев (Краснолуцкий, 2010. С. 216, 602). Согласно планам начала XIX в., дачный деревянный дом Саблуковых в виде каре был обращён к невавскому берегу, а в глубине участка находился сад и деревянные служебные постройки (рис. 9). С северо-западной стороны от владений Саблуковых, в соответствии с планом Петербурга 1821 г., от Невы была намечена трасса будущего Пискаревского проспекта (в начале XIX в. он носил название Пороховской переулоч, а с 1840-х до 1871 гг. – Кушелевский пер.). В 1832 г. дачный участок купил генерал-майор Платон Иванович Пенский. После его смерти в 1843 г. это частное владение было приобретено петербургским купцом Александром Форсманом и московским купцом Фридрихом Гольцгауером «для целей устройства частной мануфактуры машинного прядения хлопчатой бумаги» и в 1847 г. основано Товарищество на паях «Охтенская бумагопрядильня» (Краснолуцкий, 2010. С. 216).

Первый корпус бумагопрядильни на Охте был возведён по проекту архитектора Романа Романовича Генрихсена уже к 1848 г. (Акт, 2008. С. 52). В 1852–1854 гг. производились некоторые переделки и новые постройки во дворе мануфактуры, и комплекс получил окончательные очертания плана, представляющего собой прямоугольник с внутренним двором (рис. 10). Во второй половине XIX в. по проекту Р. Р. Генрихсена были воздвигнуты новые фабричные корпуса. В конце XIX в. Охтинская бумагопрядильня продолжает развиваться. На этом этапе строительство комплекса переходит к архитектору В. В. Шаубу (в связи со смертью архитектора Р. Р. Генрихсена в 1883 г.) и в 1890-х гг. на фабрике при его участии осуществляется ряд перестроек (Акт, 2008. С. 55). В 1900 г. утверждён проект В. В. Шауба

³ Первоначально существовало произношение и написание «Охтенские», «Охтенский» и т.д. С вводом новых правил в 1956 г. нормой стало словоупотребление «Охтинские», «Охтинский» и т.д. (Краснолуцкий, 2010. С. 8). В статье при описании исторических фактов до 1956 г. названия приводятся в старой орфографии.

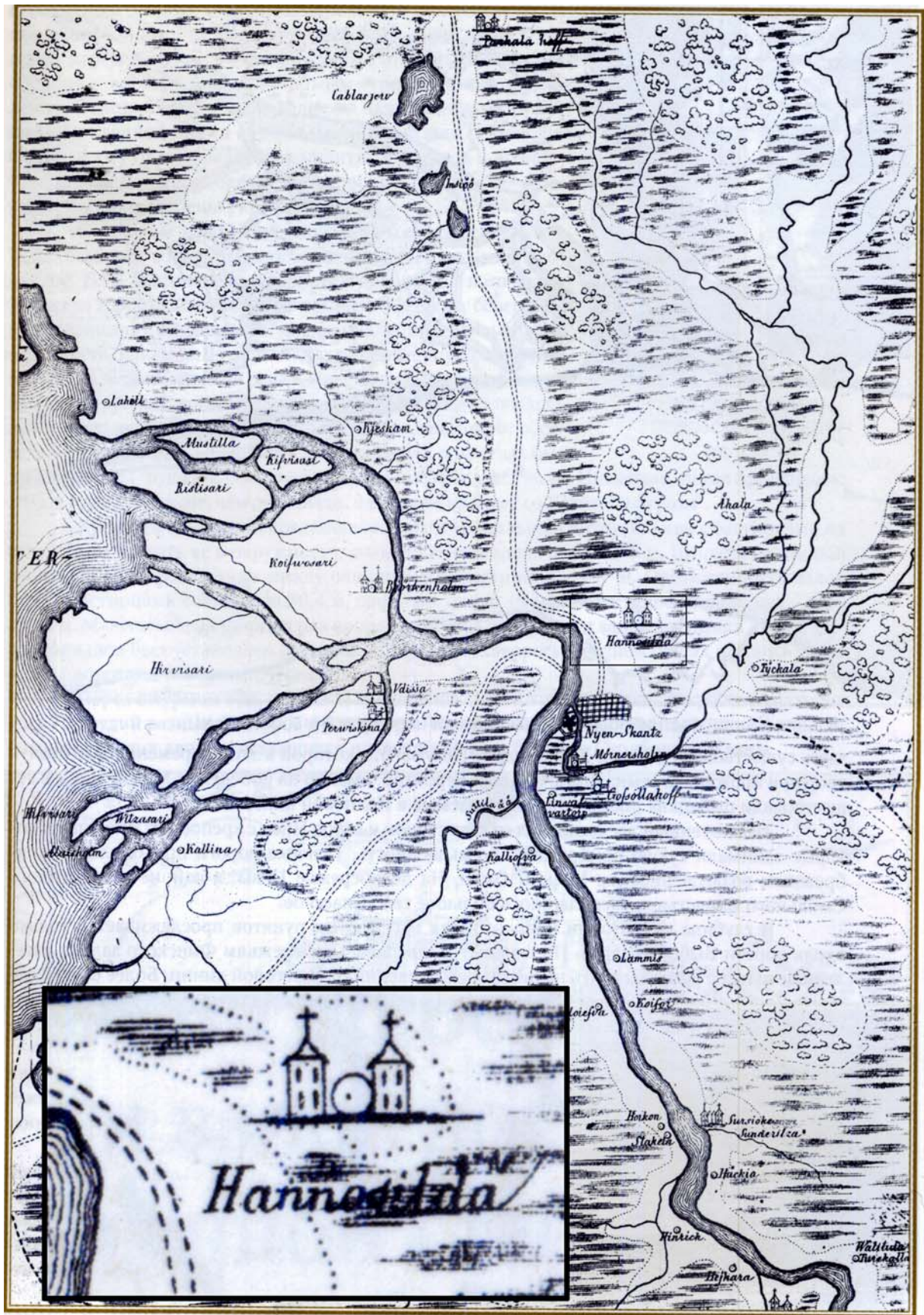

Рис. 5. Поселения в нижнем течении Невы на шведской карте конца XVII в.

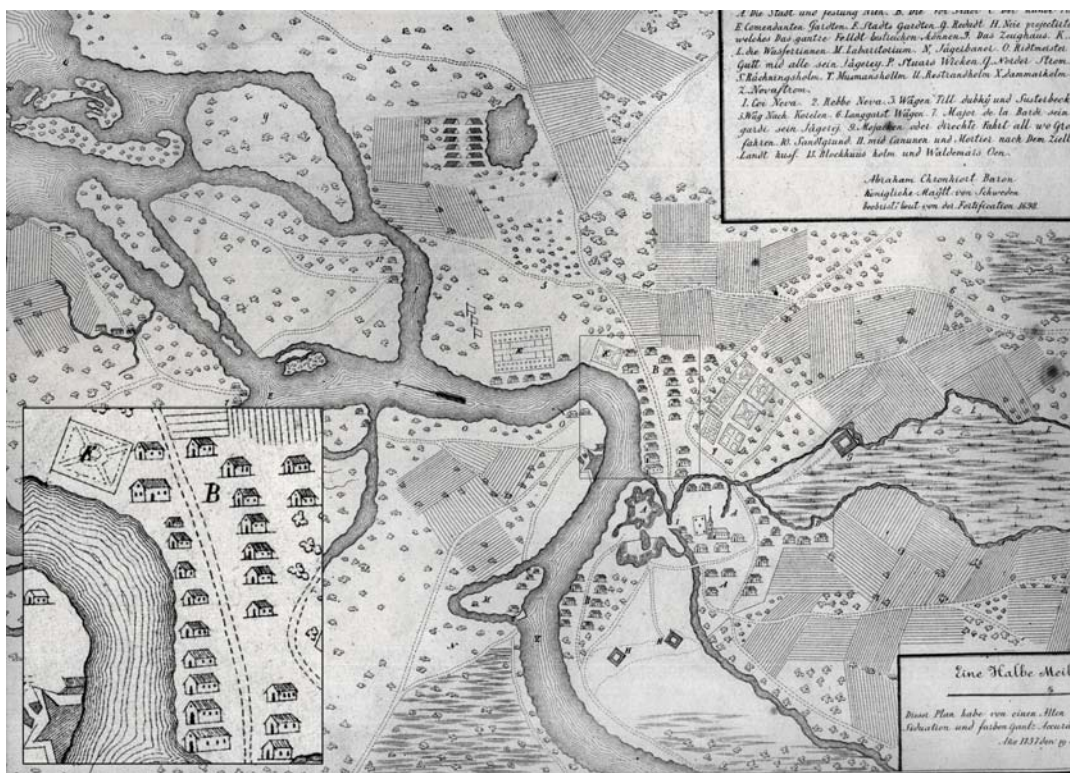

Рис. 6. Город Ниен с окрестностями. Карта Х. Я. Шварца (1737 г.) по материалам А. Крониорта (1698)

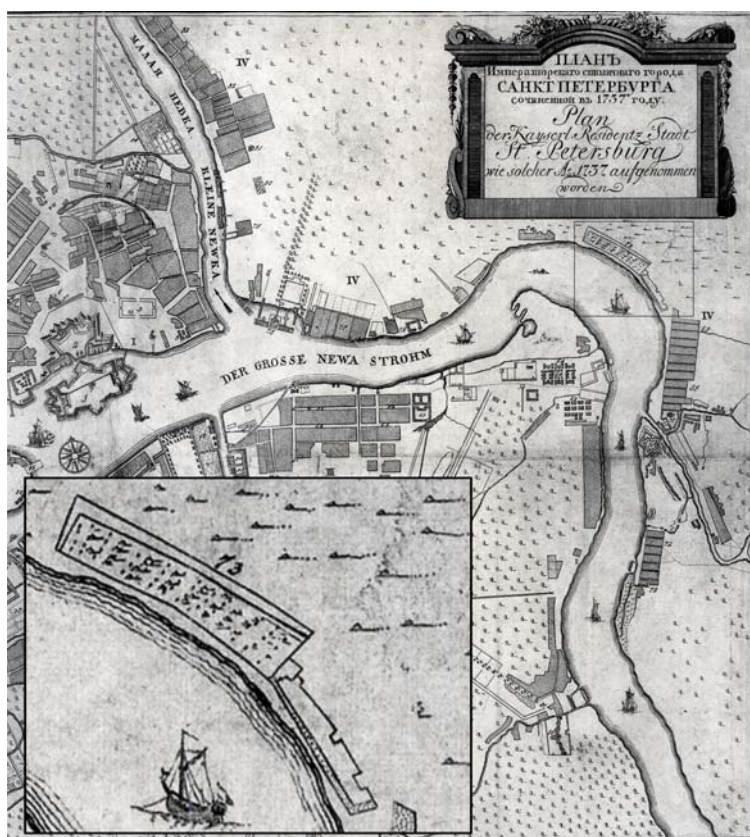

Рис. 7. Деревянный питомник («дубовый сад») и Большеохтинская слобода на плане Петербурга 1757 г.

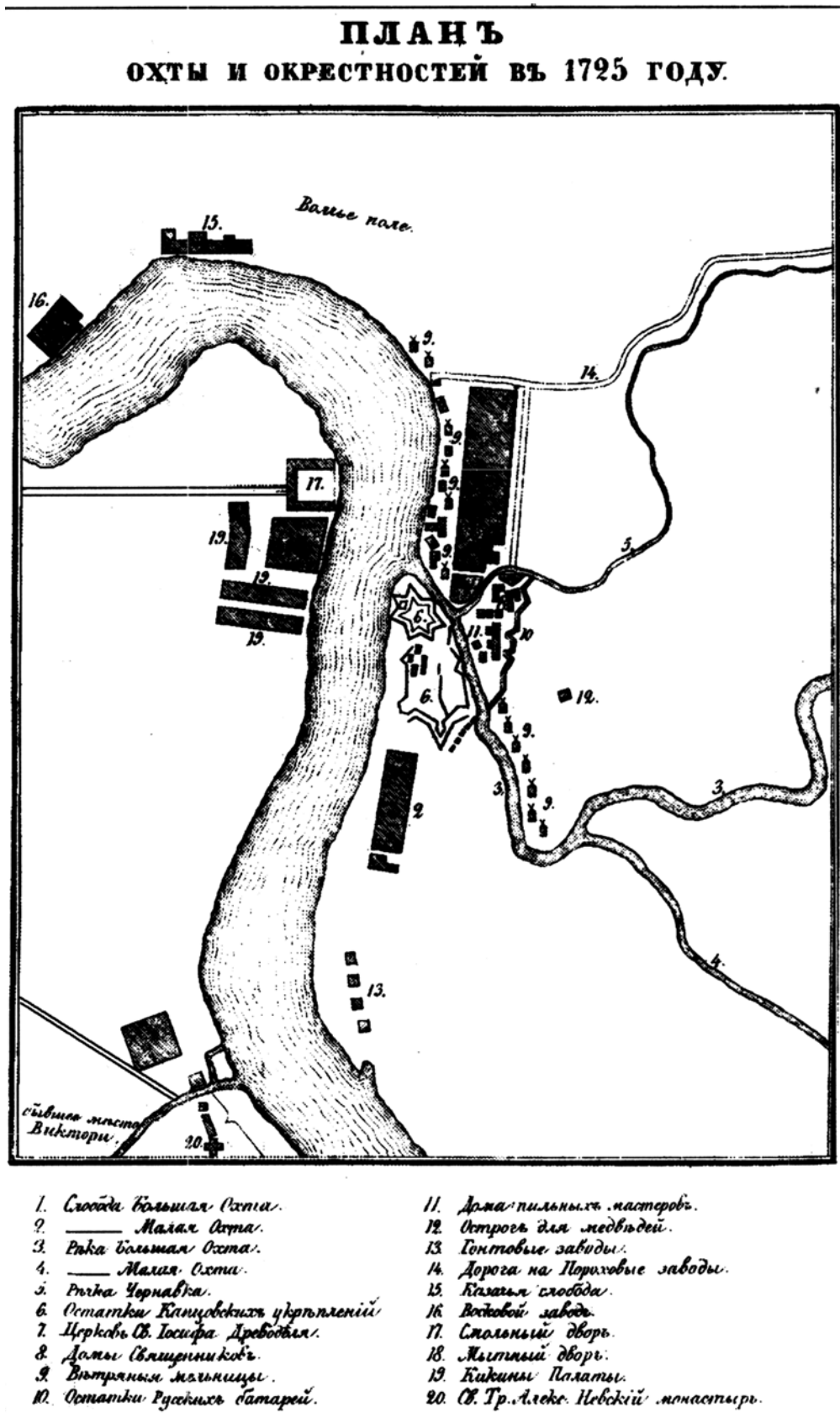

Рис. 8. План Охты и окрестностей в 1725 г. (из книги: Мансуров Б. П. Охтенские Адмиралтейские селения. СПб., 1856)

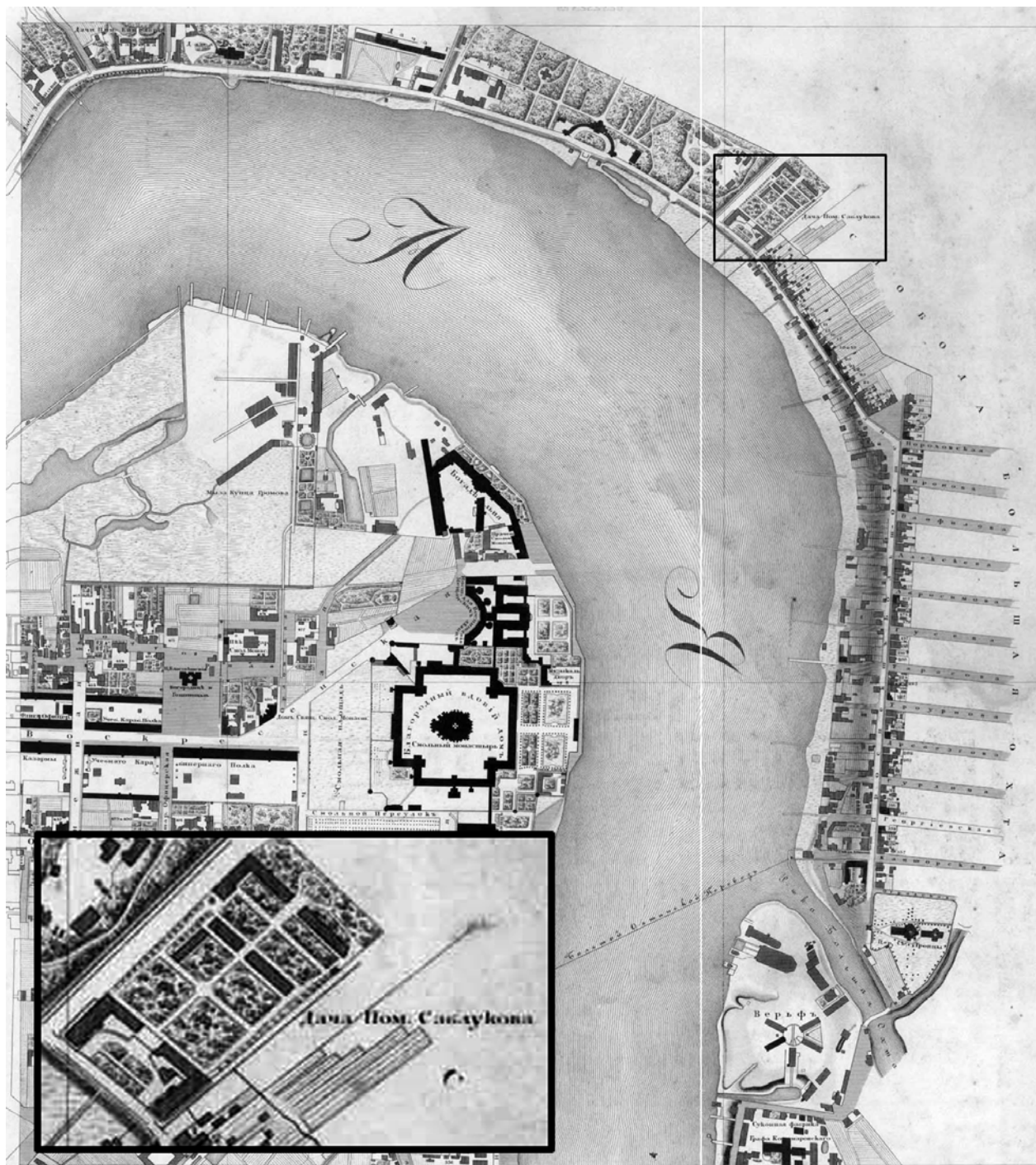

Рис. 9. Дача Саблуковых на плане Петербурга, снятого Ф. Ф. Шубертом (1828 г.)

Рис. 10. Бумагопрядильная мануфактура на плане Петербурга 1860 г.

по постройке каменной двухъярусной башни над производственным корпусом. Проектирование и строительство башни датируется 1900–1904 гг. (Акт, 2008. С. 56). В 1907 г. на фабричной территории велась прокладка водопровода.

В 1919 г. мануфактура была национализирована, а в 1925 г. её переименовали в прядильно-ткацкую фабрику «Возрождение». В 1930-е гг. произошло расширение территории предприятия к северо-востоку по шоссе Революции. Здесь располагались клубное

здание, хозяйственные постройки. Производство располагалось в дореволюционных зданиях. В послевоенные годы постройки на территории фабрики оставались без значительных изменений. В 1970 г. было образовано производственное прядильно-ткацкое объединение «Возрождение», входившее в объединение Ленхлоппром. С 1998 г. производство продукции прекращено, фабричные корпуса куплены холдингом RVI. В 2008 г. все здания предприятия, кроме башни архитектора В. В. Шауба, были снесены (рис. 11).

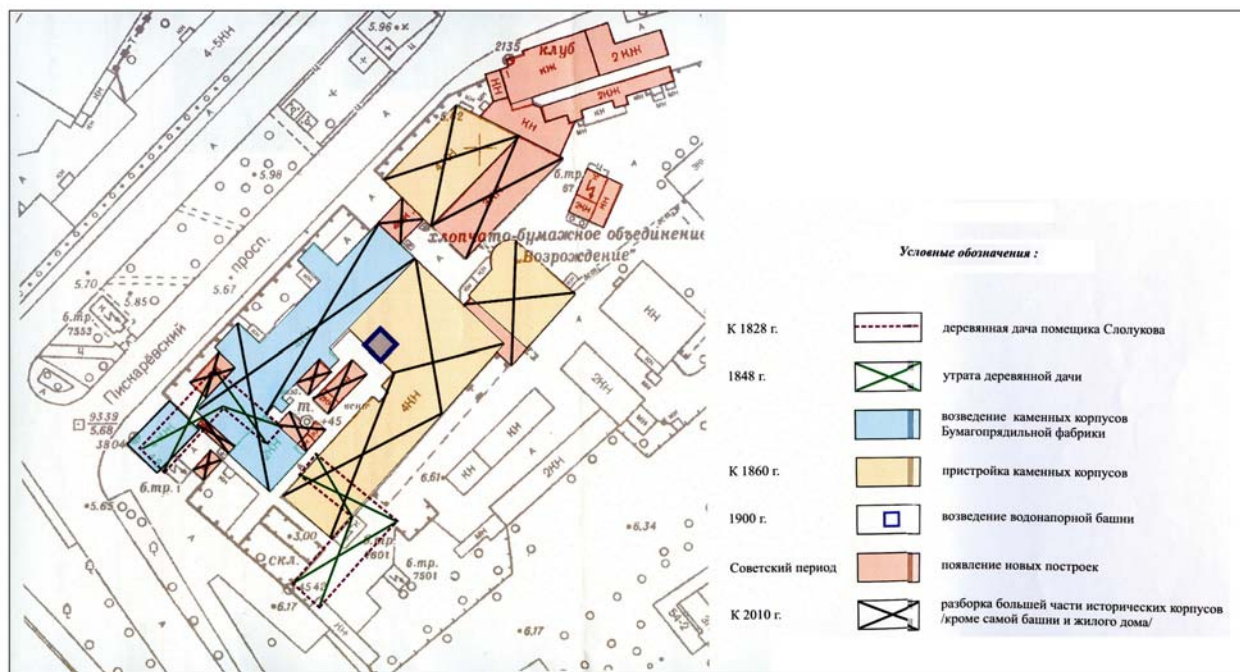

Рис.11. Схема участка с указанием расположения дачи Саблуковых (в условных обозначениях ошибочно указана фамилия Слолукова), корпусов и построек фабрики "Возрождение" (из архива КГИОП СПб.).

Археологические исследования

Предварительные археологические изыскания на правом берегу Невы, несмотря на первоначально предполагаемую нарушенность культурного слоя, дали весомые результаты для реконструкции этапов формирования данной территории нынешнего г. Санкт-Петербурга. В результате работ выяснилось, что мануфактура, основанная в середине XIX в., последующие её перестройки, канализационные и электротехнические коммуникации конца XIX–XX в. и прочие «техногенные» вмешательства полностью не уничтожили ранний культурный слой.

Для исследования были выбраны наиболее актуальные в археологическом аспекте места, в которых заложено восемь шурфов общей площадью 48 кв. м, из которых № 1, 4–8 имели размеры 2 x 2 м, № 2 – 2 x 4 м, а № 3 – 4 x 4 м (рис. 12; 13). Структура формирования поздних геологических отложений и культурного слоя на всей исследуемой территории была фактически одинакова. На участках, не занятых фабричной застройкой, выявлена ненарушенная стратиграфия слоёв, отражающих всю специфику формирования территории, начиная с рубежа XVIII–XIX вв. вплоть до последней четверти XX в. В этом отношении наиболее показательны шурфы под № 2, 3, 7.

Мощность культурных напластований, включая балластный слой, связанный со строительством и разрушением фабрики, составляла от 1,06 м до 2,11 м (в среднем, в большинстве шурфов около 1,75 м). Нивелировочные отметки⁴ современной дневной поверхности (дёрн, асфальт или строительный мусор) находились в пределах от -28 до +67, а отметки материка составляли -119 – -160. Дневная поверхность (отметки от + 67 до -28) и материк имели уклон в юго-западном направлении, обусловленный изначальным рельефом местности.

Материк – осадочная мелкозернистая порода (алевроит) представлял переходную стадию между песчаными и глинистыми отложениями (размеры зёрен от 0,01 до 0,05 мм). Над ним зафиксирован слой серой слоистой супеси мощностью 0,10–0,14 м. Его составляли слабогумусированные прослойки, перемежающиеся слоями тонкозернистого песка (мощность прослоек 0,01–0,015 м). Эта «пачка» намывов, которую, вероятно, следует связать с финальной стадией трансгрессии Литоринового

⁴ Нивелировочные отметки брались от единого рабочего репера, принятого за нулевую точку и расположенного у восточного угла башни (бетонная балка), высота которого составляла 6,13 м по Балтийской системе координат.

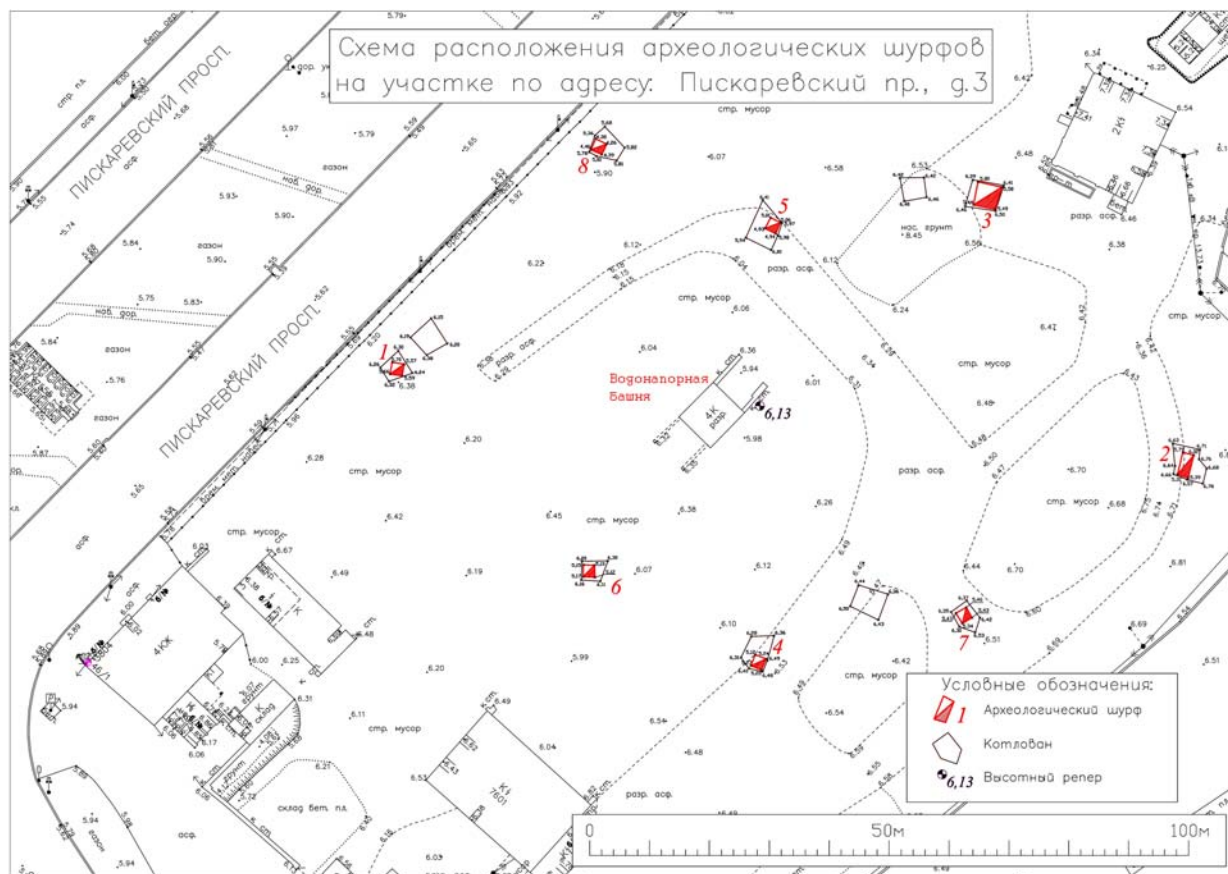

Рис. 12. План участка исследования с указанием расположения шурфов № 1–8

Рис. 13. Участок исследования. Общий вид с юго-запада. Фото 2011 г.

моря, возраст которой около 4–5 тысяч лет, отмечена на всех исследованных раскопками участках.

Над слоем слоистых намывов местами сохранилась погребённая почва – бурый торфянистый гумус, а выше залегал культурный слой – гумус чёрного или чёрно-серого цвета. С учетом всех предварительных данных, он начал формироваться не ранее рубежа XVIII–XIX вв. Наиболее значимую культурно-историческую информацию дали шурфы № 2, 3, 7.

Шурф № 2

Участок на восточной окраине исследуемой территории, где был заложен шурф № 2, размерами 2 x 4 м, был перекрыт слоями асфальта (толщиной до 0,20 м). Мощность строительных и культурных напластований составляла 1,84 м.

С поверхности торфянистой погребённой почвы бурого цвета, толщиной 0,06–0,10 м, в юго-западной и восточной части шурфа в слой «наносов» и в материк были впущены шесть столбовых ямок округлой формы, размерами от 0,06 x 0,09 до 0,14 x 0,22 м, глубиной до 0,27 м. В восточной ямке зафиксированы остатки деревянного кола диаметром 0,05 м. У всех ям центр дна был смещён в северо-восточном направлении, то есть колья, стоявшие в них, имели наклон к юго-востоку. Очевидно, они относились к какому-то лёгкому навесному сооружению, связанному с ранним аграрно-хозяйственным освоением территории в конце XVIII в.

Над слоем погребённой почвы залегали остатки культурного слоя – чёрно-серого и чёрного по цвету гумуса толщиной до 0,10 м. С его поверхности (отметки -95 – -98) в юго-восточном углу шурфа в нижележащие слои было впущено погребение собаки (рис. 14). Костяк её был обнаружен на дне овально-прямоугольной в плане ямы с плоским дном размерами 0,52 x 0,80 м, глубиной 0,11 м. Костяк собаки (по предварительным данным, бульдога⁵) лежал черепом на северо-восток на левом боку в скорченном положении. При погребении под хвостовыми позвонками отмечен фрагмент стенки красноглиняного сосуда, а у юго-восточной границы ямы – дно стеклянной бутылки. Стратиграфически и по сопутствующим находкам захоронение собаки может быть отнесено к первой половине–середине XIX в.

Со среднего уровня уже сформировавшегося культурного слоя из гумуса интенсивно чёрного

Рис. 14. Шурф 2. Погребение собаки

цвета (отметки -98 – -100) в нижележащие слои были впущены сооружения, интерпретируемые как остатки стапеля для смоления и ремонта маломерных судов, открытые в северо-западном углу шурфа. Основание деревянных конструкций было выявлено в подпрямоугольной яме с плоским дном длиной 1,24 м, шириной 0,76 м, глубиной 0,92 м, вытянутой по линии СЗ–ЮВ и уходящей за пределы западной границы шурфа. Оно состояло из подпрямоугольной в разрезе балки с округлыми краями, вероятно, корабельного шпангоута во вторичном использовании, вытесанного из бревна размерами в сечении 0,22 x 0,28 м. Балка примыкала непосредственно к юго-западной стене ямы (рис. 15). В её юго-восточном окончании (в 0,26 м от торца) вырублен прямоугольный продольный паз размерами 0,22 x 0,07 м, глубиной 0,06 м. Этому пазу соответствовал шип прямоугольной балки, выявленной выше по уровню, но расположенной под углом 45°, как и первоначально было задумано при устройстве стапеля. Балка представляла собой также остатки шпангоута с несколькими деревянными нагелями диаметром 0,02–0,023 м, в двух случаях составными из двух клиньев. При возобновлении стапеля она была приподнята на 0,23 м, но составляла то же направление 45° относительно горизонта. Рядом и параллельно с этой балкой, на том же уровне, был найден остаток шпангоута, изготовленного из мощного соснового корневища сечением 0,22 x 0,22 м. Таким образом, они соответствовали определённому этапу возобновления стапеля (рис. 16).

На дне ямы обнаружены две доски длиной 0,54–0,65 м, шириной 0,26 м, толщиной 0,02 м. Они лежали вплотную друг к другу и параллельно

По заключению сотрудника ИИМК РАН А. К. Каспарова (см. статью в настоящем сборнике).

Рис. 15. Шурф 2. Основание деревянных конструкций стула

Рис. 16. Шурф 2. Верхняя часть деревянной конструкции стула

бревну основания стапеля, причём юго-западная доска частично уходила длинной стороной под это бревно. Доски были положены в качестве вымостки на сырое дно ямы в процессе сооружения стапеля. В заполнении ямы под верхними деревянными конструкциями стапеля были обнаружены две стенки красноглиняных сосудов, а также куски смолы и остатки просмоленной пакли.

В 0,10 м к северо-востоку от описанной ямы выявлена часть подобной ей подпрямоугольной также ориентированной по сторонам света ямы размерами 0,30 x 1,18 м, глубиной 0,59 м. Она уходила под кирпичную кладку стока в северной стенке раскопа, верх её был разрушен этой кладкой. В нижней части заполнения этой ямы выявлена часть подтёсанного бревна длиной 0,90 м, сечением 0,17 x 0,19 м, с врубкой у юго-восточного его конца. Бревно было ориентировано по линии СЗ–ЮВ и также относилось к основанию стапеля. Ямы были заполнены мешаной гумусированной супесью тёмно-серого цвета с включениями материковой супеси светло-серого цвета.

В 0,20 м к ЮВ от ямы № 1 зафиксирована яма подпрямоугольно-овальной формы с уплощённым дном размерами 0,38 x 0,50 м, глубиной 0,19 м. Она имела однородное заполнение из мешаной гумусированной супеси тёмно-серого цвета.

В юго-восточной части шурфа зафиксирована яма овально-прямоугольной в плане формы с уплощённым дном, ориентированная длинной осью по линии СВ–ЮЗ размерами 0,32 x 0,37 м, глубиной 0,35 м. Она была заполнена гумусированной супесью тёмно-серого цвета. У северо-западной стенки в заполнении ямы зафиксирован вертикально стоящий деревянный брус размерами 0,13 x 0,24 м, высотой 0,43 м. Он представлял собой часть каркаса судна (два отверстия диаметром 0,025 м с нагелями) и использовался вторично.

Ямы с деревянными конструкциями были синхронны, впущены в нижележащие слои и материк примерно с одного уровня – с поверхности слоя бурой органики (погребённой почвы) или несколько выше его из формирующегося культурного слоя гумуса чёрного или чёрно-серого цвета. Подновление стапеля произошло несколько позднее.

Важнейшей находкой, в той или иной степени позволяющей установить верхнюю дату окончания функционирования стапеля, является монетный клад, найденный *in situ* (рис. 17). Клад представлял собой две стопки медных монет, расположенных

Рис. 17. Шурф 2. Клад медных монет *in situ*

рядом, в небольшой округлой ямке с округло-уплощённым дном диаметром 0,15 м, глубиной 0,04 м. Ямка была заполнена чёрным гумусом и впущена в культурный слой в средней части шурфа с уровня -81. Возможно, монеты были положены в небольшой мешочек или узелок, так как на дне ямки прослежены следы органики, возможно, остатки грубой ткани или мешковины. Северная стопка монет (стопка № 1) содержала четыре медные монеты достоинством 2 копейки 1812 г., 2 копейки (?), 2 копейки (?), 2 копейки 1816 г. (цв. илл. 17). Монеты в стопке лежали аверсом вверх. Южная стопка монет (стопка № 2) содержала семь медных монет достоинством 5 копеек 1831 г. (аверсом вверх), 2 копейки 1816 г. (аверсом вниз), 5 копеек 1831 г. (аверсом вниз), 5 копеек 1831 г. (аверсом вниз), 5 копеек 1833 г. (аверсом вниз), 2 копейки 1812(?) г. (аверсом вверх), 2 копейки 1813 г. (аверсом вверх) (цв. илл. 18). Нижняя дата монет 1812 г., верхняя – 1833 г. Таким образом, клад был зарыт в землю не ранее первой трети XIX в.

Также в верхних слоях гумуса были найдены 27 фрагментов фарфоровых изделий. Наибольший интерес представляет край фаянсовой тарелки, возможно германского производства первой половины XIX в. с набивным орнаментом в виде виноградных гроздьев и листьев (цв. илл. 19). Здесь же найдены семь фрагментов красноглиняных и сероглиняных сосудов, четыре кованых гвоздя квадратного сечения длиной от 0,05 до 0,14 м, четыре фрагмента стеклянных сосудов, детали кожаной обуви XIX в.

Со стапелем, безусловно, связаны напластования тёмно-серой гумусированной супеси толщиной 0,32 м, перекрывающие остатки культурного слоя, который составлял гумус чёрного и чёрно-серого цвета. В западной части шурфа рядом с конструкциями стапеля в толще этого слоя на уровне -78 выявлена плотная линза смолы диаметром 0,70 м и толщиной 0,14 м. Над ней залегала прослойка смоленной пакли толщиной 0,02 м. В южной части раскопа этот слой был нарушен котлованом, заполнение которого состояло из шлаковых отходов и мелких кусков антрацита толщиной 0,80 м, связанных уже с деятельностью бумаго-прядельной фабрики. В этом слое угольно-шлаковой засыпки найдено 25 фрагментов керамики, в том числе 16 мелких фрагментов от одного красноглиняного поливного горшка с надглазурным линейно-волнистым орнаментом, три донца цветочных горшков, четыре венчика и четыре стенки красноглиняных сосудов, 17 фрагментов стеклянных сосудов, детали кожаной обуви⁶ (верх и фрагменты подошвы женского башмака на шнуровке начала XX в.), 37 фрагментов фарфоровой и фаянсовой столовой посуды, из них 25 фрагментов фаянса с белой глазурью без орнамента. Из орнаментированного фаянса интересны два фрагмента тарелочки с бежевой глазурью и орнаментом в «ложнорусском» (скандинавском) стиле, вероятно эпохи модерна, т.е. конца XIX – начала XX вв. Также найдены многочисленные фрагменты облицовки печи, изразцы, в том числе фрагменты румп, угловой изразец, фрагмент трубы, фрагменты штукатурки, девять фарфоровых изоляторов, 13 фрагментов бутылочного и оконного стекла, стеклянный трехгранный сосуд с пробкой, 15 фрагментов фарфоровой и фаянсовой посуды, пять фрагментов керамики (два венчика и три стенки красноглиняных поливных сосудов), деревянная рукоять железного орудия (шила?).

Выше залегал слой строительного мусора второй половины XIX в. толщиной 0,40 м. Над ним в южной части шурфа открыта булыжная мостовая на песчаной подушке толщиной 0,22 м. Непосредственно её перекрывали слои асфальта XX в. толщиной 0,20 м.

Таким образом, сооружения, ненарушенные комплексы, монетный клад и ряд датирующих археологических материалов из шурфа № 2 позволяют отнести культурные напластования в этой части исследуемой территории к началу XVIII – XIX вв.

⁶ Все определения кожи проведены сотрудником ИИМК РАН А. В. Курбатовым.

Шурф № 3

Шурф № 3 размерами 4 x 4 м устроен на северо-восточной окраине исследуемой территории близ нынешнего офиса электротехнических служб – административного здания, сохранившегося от бумаго-прядельной фабрики. Нивелировочные отметки дневной поверхности варьировали от +35 до +48. Участок на месте закладки шурфа № 3 перекрыт тремя–четырьмя слоями асфальта мощностью 0,22 м. Толщина строительных и культурных напластований составляла 1,77 м. Их нивелировочные отметки лежали в пределах от -121 до -129. Толщина слоя «намывов» составила 0,14 м. Под слоями асфальта по всему участку шурфа № 3 отмечены мостовая из крупного гранитного булыжника на песчаной подсыпке оранжевого цвета (толщиной 0,22–0,30 м). Ниже залегал слой чёрно-серого шлака, местами с включением кирпичного боя (толщиной 0,14–0,30 м). Под ним по всей площади зафиксирована подсыпка из материкового алеврита светло-жёлто-серого цвета (толщиной 0,30–0,40 м), местами с отдельными прослойками мешаной серой супеси. Эта подсыпка, отмеченная практически во всех шурфах, была результатом нивелировки поверхности перед строительством бумаго-прядельной фабрики в середине XIX в.

Под слоем подсыпки из материковых отложений на уровне – 60 отмечена прослойка щепы толщиной 0,05 м. Она соответствовала определённому горизонту деревянного строительства в этой части изучаемой территории и перекрывала хорошо сохранившийся культурный слой первой половины XIX в. В западной части шурфа с верхнего уровня слоя щепы в нижележащий слой была впущена подпрямоугольная яма, ориентированная по линии СЗ–ЮВ, с расширением в северо-восточной части размерами 0,44–0,66 x 1,86 м, глубиной 0,09 м. Эта яма с уплощённым дном была заполнена мешаной слабогумусированной супесью, в которой найдено несколько фрагментов кирпичей. В верхней части заполнения ямы обнаружены бревна, выступающие над её верхним контуром. Основное бревно размерами 0,22 x 1,28 м, лежащее вдоль длинной оси ямы, имело в средней части паз – подтрапециевидную врубку размерами 0,10 x 0,20–0,24 м и две подтески близ торцов. Перпендикулярно врубке были вбиты два кованых железных гвоздя. Северно-западную половину этого бревна перекрывало лежащее выше бревно размерами 0,10–0,14 x 0,84 м с подтесками (нивелировочные отметки -51 – -56). В северной части ямы находилось бревно диаметром 0,12 м, длиной 0,74 м с подтёсками по краям, лежащее в направлении запад–восток. Все остатки брёвен можно интерпретировать как основание

конструкций для столба с диагональными упорами. Все сооружение можно датировать временем около середины XIX в. В северо-западном углу шурфа в 0,30 м к северу от описанной выше ямы на отметках - 58 – -62 прослежен компактный развал щепы размерами 0,80 х 0,90 м. Один из фрагментов щепы имел четыре крестообразные отметки, которыми обычно обозначались венцы срубов. Этот факт говорит о том, что на данном «строительном» этапе, вероятно, использовались венцы более ранних срубных сооружений.

Ниже залегал непотревоженный культурный слой – чёрный-чёрно-бурый интенсивный гумус толщиной 0,42–0,52 м. В его толще выявлены деревянные конструкции и собран ряд стратифицированных находок и фрагментов керамических сосудов и фарфора. Из гумуса происходит большинство всех находок. Керамика представлена многочисленными фрагментами красноглиняных цветочных горшков (вазонов) диаметром по венчику 0,12–0,50 м, поливными красноглиняными сосудами различного назначения, сероглиняными кухонными горшками. Изделия из фарфора в основном представлены фрагментами разнообразной столовой посуды, судя по оформлению, из одного сервиза (фрагменты тарелок, мисок, блюдца, чашек, крышка супницы, крышка заварочного чайника) с белой глазурью без росписи или с одной чёрной полосой, сделанного в начале – середине XIX в. В средней части слоя была найдена археологически целая чашка с налепами у ручки виде дубовых листьев, датирующаяся началом XIX в. (тверской завод Ауэрбаха) и еще два мелких фрагмента сосудов, оформленных в этом же стиле. Из орнаментированного фаянса интерес представляет донце чашки с клеймом «Wedgwood», край тарелки с набивным орнаментом в восточном стиле, датирующихся 40–50 гг. XIX в. (Англия).

Кроме этого, в гумусированном слое было найдено 18 фрагментов бутылок из каменной массы (на одной стенке имелось клеймо), многочисленные фрагменты стеклянных сосудов (винных бутылок, тонкостенных флаконов, бокалов, стенка штофа с клеймом), около 30 створок устричных раковин. Находки из металла представлены большим количеством кованых гвоздей (27 экз.), пять из них от подков. К единичным находкам относятся: бронзовый язычок с отверстием от пряжки, железная пряжка с язычком (возможно, от упряжи или амуниции), ладейный скреп, большая железная игла для сшивания грубой ткани (вероятно, парусов). Следует отметить находку всего лишь четырёх фрагментов мунштуков белоглинянных трубок, в то время

как в некоторых частях города в культурных напластованиях XVIII–XIX вв. подобные трубки являются массовым материалом. Значительную часть находок составляют фрагменты кожаной обуви и остатки от закроя, в том числе наборный каблук, подбитый гвоздиками, часть подошвы женского башмачка середины–конца XVIII в., а также верх и подошва женского башмака середины XIX в., три фрагмента кожаного узорчатого пояса.

В средней части культурного слоя на уровне -90 – -93 выявлен строительный горизонт, насыщенный остатками крупной щепы, занимавшими, в основном, южную половину шурфа. При расчистке щепы открыты срубные основания деревянных сооружений (рис. 18–19), длиной осью ориентированных по линии ССЗ–ЮЮВ. В их основании лежали продольные бревна длиной 3,20–4,10 м. ССВ бревно конструкции было подтёсано под балку размерами 0,14 х 0,17 м. В восточной части балка была удлинена посредством прямоугольного шипового стыка. По её сторонам имелись две вертикальных врубки – подтреугольная и подтрапецевидная. Параллельно каждой из линий основных бревен на расстоянии 0,30 м шла ещё одна линия параллельных бревен более плохой сохранности. Они обозначали с двух сторон внутреннюю границу сооружения. В продольные, основные бревна, перпендикулярно им были врублены поперечины длиной 0,68 м и 1,62 м, сечением 0,08 х 0,16 м. Вероятно, продольную линию конструкций укреплял ещё один венец (остатки бревна в западной стенке шурфа на уровне -78).

Сооружение, несмотря на неполную исследованность, реконструируется как основа фундаментально устроенной оранжереи. Между двумя линиями оранжерейных посадок прослеживается проход шириною 1,30 м. Его пространство подсыпалось три раза приносным крупно- и мелкозернистым речным песком (мощность подсыпок 0,04–0,06 м). Ширина «оранжерейной клетей» в 1,52 м может быть реконструирована по выявленным остаткам продольного бревна (его исследованная длина 0,88 м на отметках -89 – -91), параллельного основной линии и уходящего в южную стенку шурфа. В юго-восточной части шурфа уровень «пола» оранжереи найдена доска длиной 2,45 м, шириной 0,32–0,36 м, толщиной 0,03–0,04 м с симметрично расположенными девятью отверстиями диаметром 0,023 м с остатками нагелей. Отдельные фрагменты бревен и досок в юго-западной части шурфа связаны с подновлением всей конструкции (рис 20–21). На уровне основания конструкций найдены крупные фрагменты оранжерейных «вазонов» рубежа XVIII–XIX вв.

Рис. 18. Шурф 3. Верхний ярус деревянных конструкций оранжереи

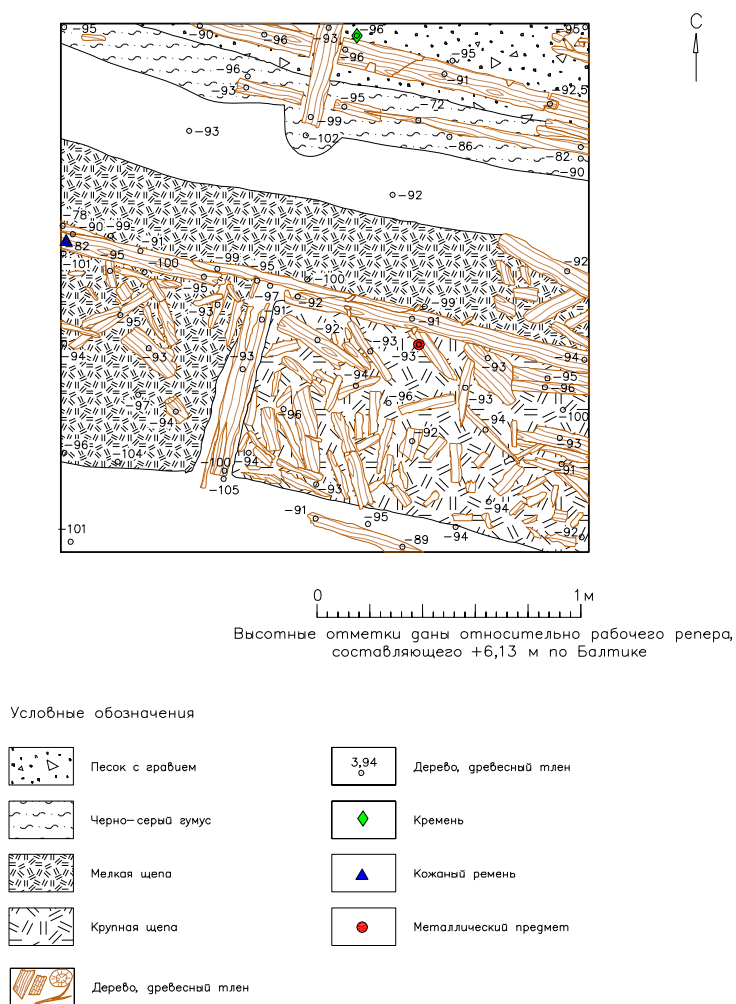
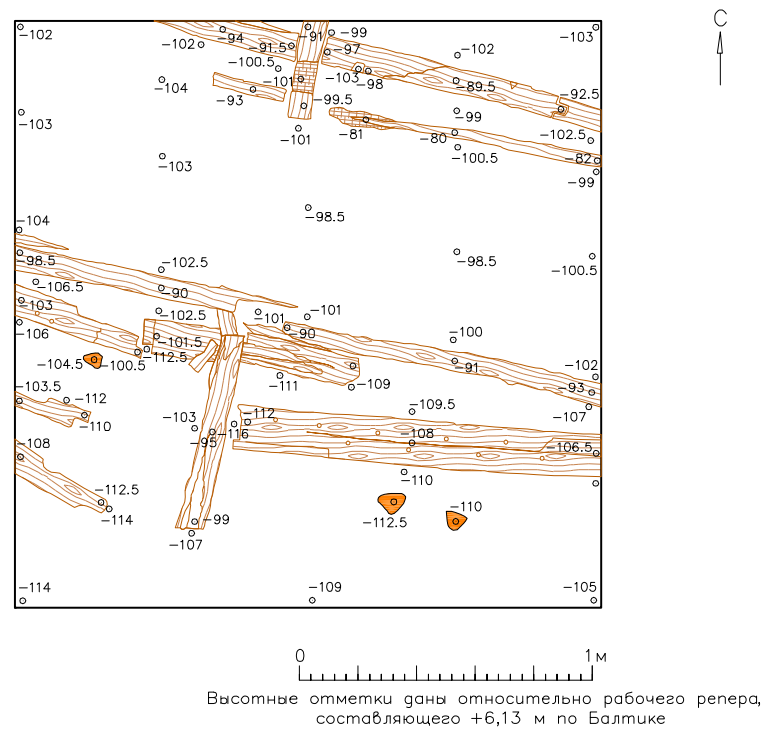

Рис. 19. Шурф 3. План верхнего яруса деревянных конструкций оранжереи

Рис. 20. Шурф 3. Нижний ярус деревянных конструкций оранжереи

- Условные обозначения
-
Дерево, гребесный тлен
 -
Керамика
 -
Нивелирочная отметка
 -
3,94

Рис. 21. Шурф 3. План нижнего яруса деревянных конструкций оранжереи

Вышеописанные конструкции были устроены на уровне нижней трети уже сформировавшегося культурного слоя (чёрный и чёрно-бурый гумус), частично разрушив слой погребённой торфянистой почвы (бурый гумус мощностью до 0,06 м). При их устройстве в значительной степени был также нарушен слой намывов, лежащий непосредственно над материком. На горизонте речных намывов отмечены слабогумусированные пятна, повторяющие продольную и ортогональную планировку описанных выше «оранжерейных» сооружений. Они обозначали систему канавок с округло-уплощённым дном длиной 1,50–4,40 м, шириной 0,20–0,24 м, глубиной 0,02–0,05 м, заполненных слабогумусированной супесью, местами с остатками древесного тлена. Они соответствовали ранней стадии сооружения оранжерей, которые впоследствии подновлялись. Судя по расположению канавок, планировка более поздних оранжерей совпадала с прежней. В надматериковых намывах выявлены основания пяти округлых в плане столбовых ямок с округло-уплощённым дном диаметром 0,08–0,12 м, глубиной 0,04–0,08 м. Два округлых углубления с уплощённым дном диаметром 0,68 м и 0,60 м, глубиной 0,08 м и 0,05 м, уходящие в северную и южную стенки шурфа, были заполнены, как и столбовые ямки, слабогумусированной супесью серого цвета.

Итак, при исследовании шурфа № 3 выявлена полная стратиграфическая картина напластований, начиная с рубежа XVIII–XIX вв. по настоящее время. Важнейшим результатом работ на этом участке стало обнаружение ненарушенной структуры оранжерейных сооружений, «пятна» усадебной застройки, судя по находкам привозного фарфора, первой половины XIX в.

Шурф № 7

Шурф № 7 размерами 2 x 2 м заложен в восточно-юго-восточной части исследуемой территории на отметках 16–29. Участок в месте закладки шурфа был перекрыт слоями асфальта мощностью 0,28 м, а на северо-восточной его границе отмечена бетонная плита толщиной 0,38 м. Мощность строительных и культурных напластований до материка (алеврит) составляла 1,66 м. Материк залегал на отметках -132 – -136. Под слоями асфальта залегал слой битого кирпича толщиной 0,40–0,44 м, под ним зафиксирован слой нивелировки из насыпного материкового грунта (светло-серо-жёлтая супесь с включениями гумуса толщиной 0,48–0,70 м. Под ним повсеместно залегал слой погребённого дерна толщиной 0,02–0,03 м – бурый торфянистый гумус. Погребённая почва перекрывала культурный слой толщиной

0,14–0,25 м, который местами лежал на материке, а в южной части шурфа перекрывал слоистые намывы толщиной 0,13 м.

В южной части шурфа открыта канавка длиной 1,64 м, шириной 0,32–0,38 м, глубиной 0,20–0,27 м, впущенная в материк с уровня намывов. Она была ориентирована длинной осью по линии запад–восток. Канавка обладала округлым дном и однородным заполнением из мешаного чёрно-серого гумуса с включениями серой супеси. У северного края канавы на отметке -156, примерно посередине её длины, найден деревянный кол. Вероятно, канавка служила водоотводом на границе «садового или деревенского» участка, а по её краю её проходил частокол. В канавке найдено 16 фрагментов керамики (два венчика и две стенки сероглиняных сосудов с лощением, 11 фрагментов сосудов из светло-бежевой глины плохого обжига, венчик керамической кружки из бежевой глины), два венчика тонкостенных стеклянных сосудов, вероятно бокалов, кованный гвоздь и мелкий фрагмент керамической облицовки с остатками глазури. Возможно, дренажная или частокольная канавка относится к раннему периоду освоения этого участка не позднее XVIII в. Следует отметить хорошую сохранность культурного слоя на этом участке.

Археологические находки

Исследования на территории бывшей фабрики «Возрождение» показали большую насыщенность городского слоя археологическим материалом. Все массовые и индивидуальные находки, представленные в коллекции более чем 1200 экземплярами, делятся на десять категорий: керамическую посуду, строительную и облицовочную керамику, керамические курительные трубки, фаянсовые и фарфоровые изделия, изделия из стекла, изделия из органических материалов, изделия из камня, изделия из железа, изделия из цветных металлов и кости животных. Большая часть находок происходит из нижних напластований, перекрытых слоями, связанными со строительством и функционированием бумагопрядильной фабрики, и, соответственно, датирующихся не позднее середины XIX в.

1. *Керамическая посуда*⁷ – самая массовая категория находок, делящаяся на кухонную, столовую и тарную посуду. Кухонная посуда со следами копоти или нагара представлена в небольшом количестве и исключительно серогли-

⁷ Определения сотрудника ИИМК РАН В. И. Кильдюшевского.

няной керамикой без поливы, иногда с лощением и волнообразным орнаментом, датируется рубежом XVIII–XIX вв. (рис. 22–23). Большая часть находок – это столовая и тарная посуда, часть которой покрыта коричневой, зелёной, жёлтой и белой поливой разных оттенков в разных вариантах (по внутренней стороне стенки, по внешней стороне стенки или по обеим стенкам одновременно) (рис. 24). Найденная керамика изготовлена из красной и серой глин, а также из так называемой

мой каменной массы. В составе красноглиняной керамики следует обратить внимание на большой фрагмент с рельефным венчиком (шурф № 2), вероятно, от формы для выпечки кулича (рис. 25). К ней также относится столовая и тарная посуда, цветочные горшки. Фрагменты цветочных горшков найдены в большом количестве, особенно в шурфе № 3. Часть из них украшена поливой коричневого и зелёного цветов разных оттенков и насыщенности, декорирована ангобом (рис. 26; цв. илл. 20). Из красной глины также изготовлен масляный светильник (рис. 27) и небольшая аптечная баночка.

Рис. 22. Шурф 3. Сероглиняная керамика из чёрного гумусированного слоя с включением щепы

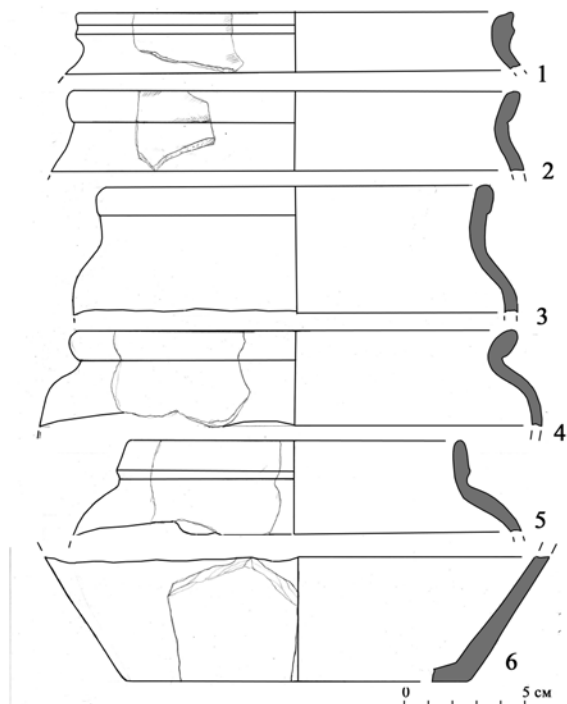

Рис. 23. Типы сероглиняной керамики: 1 – инв. № ШЗ-17, 2 – инв. № ШЗ-18, 3 – инв. № ШЗ-14, 4 – инв. № ШЗ-16, 5 – инв. № ШЗ-15, 6 – инв. № ШЗ-19

Найдены бутылки из «каменной массы» для импортной сельтерской воды из Германии (на части из них видны клейма производителя) и, возможно, подделки под эту тару. Интересна находка в шурфе № 3 двух фрагментов крышки предмета, возможно шкатулки, из тонко отмученной каменной массы чёрного цвета с шашечным орнаментом, состоящим из вертикальных полосок, сделанных штампом по сырому тесту (рис. 28: 1, 2). Подобная каменная масса или базальтовый фарфор был изобретён во второй половине XVIII в. на мануфактуре Джосайи Веджвуда (Англия) и изделия из него активно экспортировались в Европу. Технология изготовления тонко отмученных каменных масс заключалась в особых минеральных добавках, примешиваемых к керамическому тесту из огнеупорных глин и каолина. В зависимости от состава минеральной муки черепок при обжиге равномерно мог окрашиваться в различные цвета, в частности сам Веджвуд разработал технологию изготовления тонко отмученных каменных масс семи цветов. Формованное изделие обжигалось при высокой температуре один раз, не покрывалось глазурью и вследствие этого имело матовую поверхность. Таким образом, тонко отмученная каменная масса отличалась повышенной прочностью, тонкостью и изяществом выделки, использовалась для изготовления самых различных предметов: столовых сервизов, декоративных панно, вставок для ювелирных украшений, туалетных приборов (Акунова, Крапивин, 1984. С. 17–18, 56–57.) Однако небольшой размер фрагментов и отсутствие клейма на них не позволяют однозначно соотнести эти находки с предприятием Веджвуда и точно их датировать.

Тем не менее, именно в шурфе № 3 было найдено дно фаянсовой чашки с цветочным орнаментом (монохромная деколь), на котором отчетливо видно клеймо в тесте «Wedgwood» и несколько плохо читающихся букв, скорее всего зашифрованный год производства и номер партии (цв. илл. 21: 1). Фрагмент чашки хоть и принадлежит известной

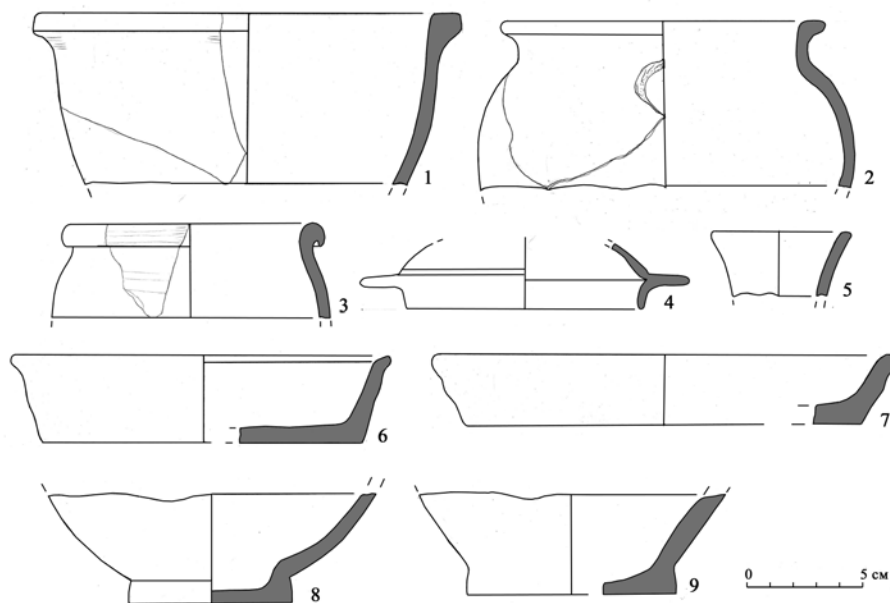

Рис. 24. Типы красноглиняной и сероглиняной поливной керамики: 1 – инв. № ШЗ-24, 2 – инв. № Ш4-3, 3 – инв. № ШЗ-22, 4 – инв. № ШЗ-21, 5 – инв. № ШЗ-92, 6 – инв. № ШЗ-89, 7 – инв. № ШЗ-90, 8 – инв. № ШЗ-86, 9 – инв. № ШЗ-88

Рис. 25. Фрагмент керамической формы для выпечки кулича (инв. № Ш2-1)

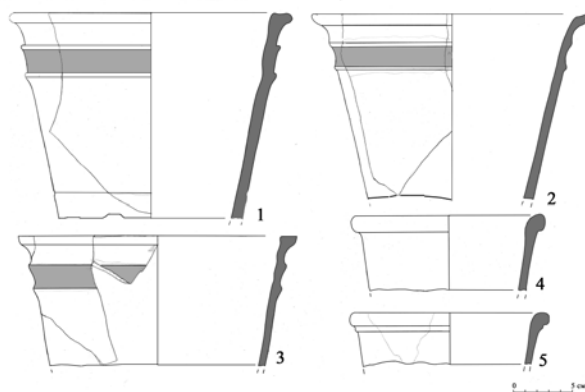

Рис. 26. Типы красноглиняных цветочных вазонов: 1 – инв. № ШЗ-68, 2 – инв. № ШЗ-72, 3 – инв. № ШЗ-70, 4 – инв. № ШЗ-25, 5 – инв. № ШЗ-31

мануфактуре, но судя по браку деколи, изготовлен для массовой серии не раньше первой четверти XIX в.

2. *Строительная и облицовочная керамика.* В ряде шурфов были встречены обломки гладких печных изразцов XIX в., покрытых белой поливой, один гладкий печной изразец, расписанный голубой кобальтовой краской по белой поливе XVIII в., отдельные обломки кровельной красноглиняной черепицы. По всей площади исследованного участка собраны многочисленные экземпляры кирпичей с клеймами второй половины XIX – XX вв.: «ТЫРЛОВЪ», «БОГДАНОВИЧЪ», «П.БЪЛЯЕВА», «СТРЪЛИНЪ», «ХИЛЛЬ», «ИЖОРА», «П.В.», «Б.Л.»

Рис. 27. Шурф № 3. Красноглиняный светильник из черного гумусированного слоя с включением щепы (инв. № ШЗн-9)

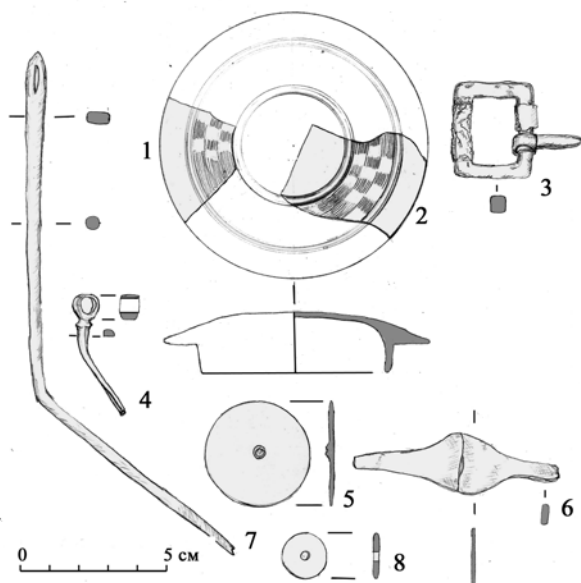

Рис. 28. Шурф № 3. Находки из культурного слоя:
1, 2 – фрагмент крышки, инв. № ШЗн-8, ШЗн-7;
3 – пряжка, инв. № ШЗн-4; 4 – язычок от пряжки,
инв. № ШЗн-6; 5 – основа для пуговицы, инв. № ШЗн-18;
6 – лодейный скреп, инв. № ШЗн-17; 7 – игла, инв.
№ ШЗн-13; 8 – основа пуговицы, инв. № ШЗн-5;
1, 2 – тонко отмученная каменная масса чёрного
цвета; 3, 6, 7 – железо; 4 – бронза; 5 – латунь;
8 – кость

«Г.Л.», «ЛЗКИ», «БЗ.23», «БЗ», «П.Б.Г.», «П.Е.Г.», «К.М.И.», а также ряд импортных огнеупорных кирпичей.

3. *Керамические курительные трубки.* В нижних слоях шурфа № 3 найдено всего четыре фрагмента неорнаментированных мундштуков небольшого диаметра так называемых голландских белоглиняных курительных трубок. Трубки могут датироваться XVII – началом XIX вв.

4. *Фарфоровые и фаянсовые изделия.* Это также одна из самых массовых категорий находок в Петербурге. Найденные в шурфах материалы представлены, в основном, экземплярами XIX в.: фрагментами тарелок, блюдец, чашек, крышек, баночек, ручками и т.п., изготовленных из простого белого фаянса без росписи. Несколько фрагментов (чашка, фрагмент стенки, фрагмент донца столового предмета) имеют рельефный декор ручек в виде листьев (рис. 34; 35: 1, 2). Эти фрагменты исполнены в едином стиле и могли быть частями одного сервиза, изготовленного, возможно, на

Рис. 29. Шурф № 3. Изделия из фаянса:
1–3 – фрагменты чашек (инв. № ШЗ-44,
инв. № ШЗ-50, инв. № ШЗ-45)

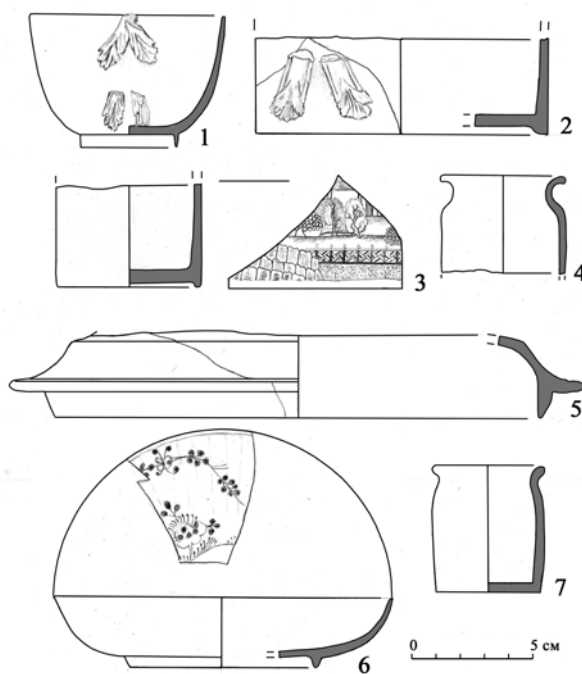

Рис. 30. Шурф № 3. Керамические изделия:
1–3 – чашки (инв. № ШЗ-44, инв. № ШЗ-45, инв. № ШЗ-47); 4, 7 – аптечные банки (инв. № ШЗ-9, инв. № ШЗ-10); 5 – крышка от супницы (инв. № ШЗ-46); 6 – фрагмент блюда (инв. № ШЗ-48); 1–5 – фаянс; 6 – фарфор; 7 – красная глина

тверском предприятии А. Я. Ауэрбаха, который в начале XIX в. наладил массовое производство российского фаянса, полностью отвечавшего потребностям внутреннего рынка. Качество продукции Ауэрбаха было настолько высоко, что в 1829 г. на первой мануфактурной выставке его завод получил серебряную медаль за прочность и чистоту отделки столовой посуды, а в 1831 г. – золотую медаль.

В части непо потревоженного слоя шурфа № 5 найдены несколько фрагментов фаянсового сосуда прямоугольной формы, с углублением под крышку и росписью в виде букета роз и полевых цветов. Сосуд представляет собой, скорее всего, предмет из парадного столового сервиза для подачи вторых блюд (рис. 31: 1, 2). Несколько фрагментов являются образцами английского фаянса, орнамент которых выполнен не вручную, а в технике печати или деколи, которая появляется не ранее первой четверти XIX в. (цв. илл. 21: 1; рис. 30: 3).

Рис. 31. Шурф № 5. Фаянсовая супница
(1 – инв. № Ш15-2; 2 – инв. № Ш15-5)

На фоне большого количества фрагментов фаянсовой посуды, находки изделий из фарфора относительно немногочисленны. Донце фарфоровой чашки с частично сохранившимся клеймом завода Гарднера, можно отнести к началу XIX в. (рис. 29: 2). Фрагменты фарфоровых чашек и блюдец с подглазурной кобальтовой росписью принадлежат, скорее всего, заводу братьев Кузнецовых и относятся ко второй половине XIX в. (рис. 30: 6). В числе находок имеются мелкие фрагменты так называемых помадных или аптечных баночек, в основном покрытые белой глазурью внутри и синей или белой снаружи (рис. 29: 4).

5. *Изделия из стекла.* Эта категория находок представлена большим количеством стенок и горлышек винных бутылок из зелёного стекла, в том числе сильно патинированных, фрагментами

розеток, сахарниц, флакончиками и пузырьками из бесцветного прозрачного стекла. Один фрагмент винной бутылки имеет неразборчивое клеймо. В большом количестве, особенно в шурфе № 3, найдены многочисленные фрагменты оконного стекла, в том числе с закраинами, датируемые XVIII – началом XIX вв.

6. *Изделия из органических материалов.* В разных слоях шурфов сохранились фрагменты кожаной обуви, с ручной и машинной прошивкой, а также ремня. Из дерева найдено несколько предметов неизвестного назначения, костяная пуговица (рис. 28: 8) и орнаментированная ручка, вероятно, от ножа или столового прибора.

7. *Изделия из камня* представлены тремя кремневыми сколами.

8. *Изделия из железа.* Находки этой категории представлены четырёхгранными коваными строительными гвоздями, небольшими гвоздиками для подков, скобами, ременной пряжкой (рис. 28: 3), большой длинной (вероятно, парусной) иглой (рис. 28: 7), ладейным скрепом (рис. 28: 6) и некоторыми предметами неизвестного назначения.

9. *Изделия из цветных металлов.* Наиболее значимой находкой всей коллекции является монетный клад из шурфа № 2, представленный 11 медными монетами номиналом 2 и 5 копеек 1812–1833 гг. Также интересны бронзовая булавочка с головкой (рис. 28: 4) и круглая основа пуговицы из латуни (рис. 28: 5). Об условиях труда на фабрике «Возрождение» напоминает найденный алюминиевый жетон учёта прихода и ухода с работы под № 100.

10. *Кости животных.* Представлены полным скелетом небольшой собаки, захоронение которой обнаружено в шурфе № 2, а также рядом костей домашних и диких животных и птиц (см. статью А. К. Каспарова в настоящем сборнике).

Усадебный быт конца XVIII – начала XIX вв. характеризует находка нескольких десятков фрагментов устричных раковин. Устриц, скорее всего, подавали к столу хозяев дачи Саблуковых и Пенского.

Заключение

В результате археологических работ во всех шурфах выявлен культурный слой XVIII – первой половины XIX вв., строительные слои, остатки стен и фундаментов бумагопрядильной фабрики, основанной в середине XIX в., различные

коммуникации XIX–XX вв. В шурфах № 1, 4, 5, 6 культурный слой XVIII – первой половины XIX вв. сохранился фрагментарно. В шурфе №7 с хорошей сохранностью культурных напластований, на уровне материка зафиксирована канавка с остатками деревянного частокола, относящаяся к раннему периоду освоения территории (возможно к XVII в.).

Наибольший интерес представляют результаты, полученные при исследовании шурфов № 2 и 3, соответственно площадью 8 и 16 кв. м. В обоих шурфах сохранилась полная стратиграфическая колонка культурных напластований XVIII–XX вв. В шурфе № 2 открыта, по предварительным данным, часть деревянных конструкций стапеля для смоления маломерных судов XVIII в., остатками смолы и пакли. Несколько выше основания стапеля в культурном слое найден монетный клад, состоящий из 11 медных монет 1812–1833 гг. Сумма клада составила 33 копейки⁸. В нижней части культурного слоя обнаружено захоронение собаки, а на уровне погребённой почвы открыты шесть столбовых ямок округлой формы с остатками деревянного кола диаметром 0,05 см в одной из них. В шурфе № 3, в слоях конца XVIII – начала XIX вв. исследованы деревянные конструкции оранжереи, в пределах которой обнаружено большое количество осколков оконного стекла, фрагментов цветочных горшков и вазонов большого размера. Находки, происходящие из непо потревоженного культурного слоя шурфа № 3 (раковины устриц, богатый привозной фарфор и пр.), характеризуют быт владельцев усадьбы.

Комплекс археологических находок из культурных напластований в целом состоит примерно из 1200 фрагментов керамики, фаянса, фарфора, стекла, изделий из железа и цветных металлов, предметов из кости и кремня, из которых в коллекцию было отобрано 38 находок и 172 фрагмента керамики.

С учётом исторических сведений и проведённых работ, следует отметить, что исследованный участок и ближайшие окрестности вошли в зону хозяйственного освоения не позднее XVII в. К

⁸ В начале XIX в. на эту сумму можно было пообедать в лучшем трактире на Невском. По данным М. И. Пыляева, фунт говядины стоил полторы и две копейки, курица – пять копеек, десяток яиц – две копейки, пуд сена – три копейки, хлеб белый в полфунта – две копейки, английский портер – двадцать пять копеек, пиво – две копейки, десяток апельсинов – двадцать пять копеек, десяток лимонов – три копейки (Пыляев, 1990. С. 430–431).

этому времени на правом берегу излучины Невы известно поселение Ремсан, ниже по течению – комендантский сад, выше по течению располагались предместья города Ниена. В начале XVIII в. (1721–1722 гг.) несколько выше по течению Невы была основана Охтинская адмиралтейская слобода судовых плотников, которая с 1748 г. (или ранее, уже в 1730-х гг.) вплотную подступает к границам исследованного участка, а возможно, даже частично его захватывает. Вполне вероятно, что части конструкции стапеля в шурфе № 2 относились именно к этому периоду, а на данной территории проводились строительные и ремонтные судовые работы. Возможно, что дренажная или частокольная канавка в шурфе № 7 и шесть столбовых ямок с остатком кола в шурфе №2 также связаны со слободскими участками или относятся к более раннему периоду (XVII в.). Во второй половине XVIII в. Охта становится местом дачной застройки петербургской знати. С 1753 г. по 1832 г. на исследуемой территории находилась дача рода Саблуковых. В 1832 г. она была выкуплена и по 1843 г. принадлежала П. И. Пенскому. Согласно плану Шуберта 1828 г., дачный деревянный дом в виде каре был обращён к Невскому берегу, а в глубине участка находился сад и деревянные служебные постройки. Именно к этому периоду относятся деревянные конструкции оранжереи с развалами цветочных горшков и вазонов, многочисленными осколками оконного стекла в шурфе № 3, монетный клад и захоронение (господской?) собаки породы бульдог(?), найденные в шурфе № 2.

В 1847 г. на этом месте была основана бумагопрядильня Форсмана и Гольцауэра по производству хлопчатобумажных тканей, в 1925 г. получившее название «Возрождение». На момент исследования большую часть территории занимали остатки зданий, фундаменты и различные коммуникации снесённой фабрики.

Источники и литература

- Акт по результатам государственной историко-культурной экспертизы земельного участка, планируемого для строительства комплекса жилых зданий со встроено-пристроенными помещениями и заглубленной автостоянкой и зданиями бизнес-центра с заглубленной автостоянкой по адресу: Санкт-Петербург, Красногвардейский район, Пискаревский пр., 3. 2008. ООО «АРС».
- Акунова Л. Ф., Крапивин В. А., 1984. Технология производства и декорирования художественных керамических изделий. М.
- Гиппинг А. И., 2003. Введение в историю Санкт-Петербурга, или Нева и Ниеншанц. М.
- Карты и планы Невы и Ниеншанца, собранные А. И. Гиппингом и А. А. Куником. СПб.
- Кепсу С., 2001. Петербург до Петербурга. История устья Невы до основания города Петра. СПб.
- Краснолуцкий А. Ю., 2010. Охтинская энциклопедия. Большая Охта. М.
- Краснолуцкий А. Ю., 2011. Охтинская энциклопедия. Малая Охта. М.
- Мансуров Б. П., 1856. Охтенские Адмиралтейские селения. Историческое описание. СПб. Ч. 2.
- Сорокин П. Е., 2001. Ландскрона, Невское Устье, Ниеншанц. СПб.
- Столянский П. Н., 1915. Старый Петербург. Былое величие (Кушелево Безбородко – Полуостров) // Столица и усадьба. Петроград. № 30.
- Шарымов А. М., 2004. Предыстория Санкт-Петербурга. 1703 год. Книга исследований. СПб.

Приложение 1

Сводная таблица массового материала из шурфов

№	Слой	Керамика				Фарфор	Стекло			Кости
		Серогл.	Красно-глин.	др.	всего		окон.	бут.	всего	
Ш1	Мешаная супесь светло-серого цвета	-	-	-	-	3	2	4	6	1
Ш2	Угольно-шлаковая засыпка	-	5	-	5	15	2	11	13	-
	Угольно-шлаковая засыпка	-	25	-	25	37	2	15	17	28
	сильногумус. слой	1	6	-	7	16		3	3	*
итог		1	36	-	37	71	6	33	39	29+*
Ш3	Мешаный слой угольно-шлаковой засыпки	2	9	2	13	7	9	1	10	3
	Мешаный т/с с материковой супесью	6	26	2	34	13	27	3	30	8
	Пласт 1 сильногум.слоя под щепой	68	269	6	433	74	205	24	229	223
	Пласт2	24	146	10	180	40	238	19	257	127
	Пласт 3	28	146	3	176	61	577	6	583	135
	Зачистка по 2 уровню щепы	6	26	4	36	13	18	-	18	34
	Расчистка дер. конструкций до досок	1	12	-	13	-	9	-	9	1

№	Слой	Керамика				Фарфор	Стекло			Кости
	Слой дёрна между деревянными конструкциями	-	4	-	4	1	36	-	36	2
	Под брёвнами клетей	2	15	-	17	2	89	3	91	8
	Зачистка по материке	1	2	-	3	1	-	3	3	9
итог		138	656	27	910	213	1208	57	1265	520
Ш4	Мешаный серо-коричневый слой с битым кирпичом (надзор)	-	1	3	4	7	3	1	4	-
	Мешаный серо-коричневый слой с битым кирпичом	1	3	2	6	17	2	3	5	-
итог		1	4	5	10	24	5	4	9	-
Ш5	Серый мешаный слой (надзор)	-	1	-	1	1	3	-	3	3
	Серый мешаный	6	1	-	7	1	14	1	15	1
	ч/с гумус	7	5	-	12	8	3	3	6	8
итог		13	7	-	20	10	20	4	24	12
Ш6	Мешаная серая супесь	-	-	-	-	-	-	1	1	-
	Пятно погребённой почвы	-	1	-	-	-	-	-	-	-
итог		-	1	-	-	-	-	1	1	-

№	Слой	Керамика				Фарфор	Стекло		Кости	
Ш7	Гумус, погребенная почва	4	1	11	16	-	-	2	2	-
Ш8	Мешаная супесчаная засыпка	-	3	-	3	-	-	-	-	-

* кости собаки

Архитектурно-археологические изыскания в Петергофской Александрии: Фельдьегерский дом, Телеграфная станция (сезоны 2009–2010 гг.)

С. Ю. Каргапольцев, М. Ю. Каргапольцев, В. Н. Седых

Архитектурно-археологические работы 2009–2010 гг. в ГМЗ «Петергоф» после двухлетнего перерыва продолжили исследования 2001–2006 гг., однако в гораздо меньшем производственном объёме (в период 2007–2008 гг. раскопки на территории музея-заповедника вообще не проводились в связи со сменой дирекции). В худшую сторону для нас изменились и сами условия изысканий: вместо прямых договоров – субподрядные, вместо экспертного статуса и права на самостоятельное принятие решений научно-исследовательского характера – многочисленные согласования и бюрократические проволочки. В «цепочку» надзорно-контролирующих инстанций, помимо дирекции и отдела реставрации, вошёл целый ряд должностных структур ГМЗ: охрана и служба безопасности, архитекторы, садовники, ландшафтники, научные сотрудники, хранители и пр., каждая из которых претендует на право соучастия в процессе организации, проведения и остановки работ. При этом многие из «специалистов» музея вообще не видят разницы между археологическими раскопками и трудом землекопов-гастарбайтеров, постоянно пытаясь указывать нам «где и как копать». Ещё одним «достижением» последних лет стала практическая недоступность архивных фондов музея, включая материалы авторов проведённых на территории ГМЗ раскопок.¹ Кроме того, непосредственным заказчиком археологического обследования реставрируемых объектов стали подрядные коммерческие организации: в 2009 г. ООО «Капитель» (Фельдьегерский дом), в 2010 г. ЗАО «Первые Петергофские реставрационные мастерские» (Телеграфная станция). Все это, конечно,

¹ К сожалению, современные трактовки Закона «Об авторском праве и смежных правах» и защиты интеллектуальной собственности лишает нас возможности привести качественные изображения описываемых объектов, находящиеся в архивных фондах ГМЗ «Петергоф». В данном случае приходится довольствоваться лишь их фрагментами, переданными одному из авторов статьи известным петергофским краеведом В. А. Гушиным (1939–2002) в копиях ещё в 2001 г., когда археологические работы в Петергофе с нашим участием только начинались.

негативно сказалось на сроках подготовки работ и сдачи отчётного материала (о нервных и морально-финансовых издержках говорить уже и вовсе излишне). Впрочем, подобной ситуацией сейчас никого не удивить. Гораздо более серьёзной проблемой является подмена понятий консервация и реставрация капитальным строительством и реконструкцией вследствие большей коммерческой привлекательности последних.

Тем не менее, проведённые исследования в парке Александрия позволили решить поставленные вопросы и получить ценный научно-практический материал. При раскопках использовалась методика послойного раскрытия грунта вручную с промежуточными зачистками и фиксацией необходимых промеров. Выборка грунта производилась до материкового слоя, в тех случаях, когда это не мешало сохранению архитектурных деталей или их конструктивных элементов. Обнаруженные находки переданы хранителям музейных фондов Фермерского дворца и Императорского телеграфа.

Краткому анализу выполненной работы и посвящена настоящая статья. С учётом результатов 2009–2010 гг. общий объём раскрытой территории в Александрии, начиная с 2003 г., составил 225 шурфов общей площадью 983,5 кв. м. Размер же всех раскрытых площадей в садах и парках Петергофа, осуществлённых под руководством одного из авторов статьи, начиная с 2001 г., составил 1833,5 кв. м. Важно отметить, что исследованные в 2009–2010 гг. объекты связаны между собой общим функциональным назначением – обеспечивать оперативными сведениями государственного значения пребывавшего на даче «Александрия» монарха.

Фельдьегерский дом с утраченным двориком хозяйственных помещений

Основной задачей исследований являлось изучение состояния фундамента Фельдьегерского дома, а также культурного контекста и остатков конструкций периметра утраченного внутреннего хозяйственного дворика, анализ находок, сопоставление исторических планов и чертежей, как между собой, так и с современной ситуацией.

Обследование утраченного внутреннего дворика при Фельдьегерском доме у Фермерского дворца было осуществлено в мае–июне 2009 г. В ходе исследований было заложено и раскрыто девять шурфов общей площадью 31 кв. м. В начале нескольких слов об истории объекта.

В разгар тяжёлой для России Крымской войны (1853–1856 гг.) и вскоре после кончины императора Николая I (февраль 1855 г.) по заказу ПДУ министерства Императорского двора архитектором Э. Л. Ганом в августе 1855 г. был представлен проект на строительство «Постройки для Фельдьегерей и Камердинера на вновь образованном экипажном дворе». Месторасположение дома было определено южнее Кухонного флигеля Фермерского дворца, на противоположном берегу Щёголева ручья, пересекающего с юго-запада на северо-восток через всю территорию парка Александрия. Находящийся в непосредственной близости у дворика – к северо-востоку – шлюз образует небольшой пруд вытянутой формы, который и отделяет Кухонный флигель «Фермы» от экипажного двора. После «Высочайшего утверждения» 8 октября того же года Фельдьегерский домик был построен (цв. илл. 22).

Столь оперативная потребность в данном сооружении вполне понятна: Александр II, как известно, любивший проводить время на даче Александрия при Ферме, позаботился об устройстве постоянного места для близкого расположения фельдьегерской службы. Там же было решено выделить помещение и дежурному камердинеру.

Согласно проектному эскизу Э. Л. Гана, сразу же был устроен и внутренний дворик, непосредственно примыкавший с северной стороны к камердинерской комнате. Восточнее его, за северной стенкой фельдьегерской комнаты, располагались кладовая и ламповая. Судя по плану и имеющемуся описанию, дворик был обнесён с трёх сторон забором, выкрашенным в жёлтый цвет, и имел прямоугольную форму в плане. При этом и план Э. Л. Гана и описание разделяют понятия дворик, кладовая и ламповая. Согласно этим данным, въезд в дворик был с западной стороны – через ворота, где под навесами, справа и слева, складировались уголь и дрова (в северной части), а также питьевая вода (в южной части). Далее, через вторые ворота можно было попасть в замкнутое помещение кладовой, находящейся в центре периметра территории. Здесь складировались на летний период зимние оконные рамы из дворца. Западная стенка кладовой образовывала снаружи как бы продолжение внутренней стены

Фельдьегерского дома, разделявшей фельдьегерскую и камердинерскую комнаты. Вход в ламповую, где хранились и обслуживались переносные дворцовые лампы (речь идёт о так называемых «коптилках»), расположенную в восточной части сооружения, был отдельный – через дверь, причём с южной стороны. Для попадания в неё нужно было пройти по дорожке вдоль восточной стены Фельдьегерского дома (рис. 1). Единственное его изображение с видимыми частями хозяйственных пристроек – в ракурсе с южного фасада – приводится на уже упомянутом акварельном рисунке Э. Л. Гана. Кроме того, описание указывает и на наличие запорных устройств в «подсобках»: коробчатый замок на внешних воротах и висячий на двери в ламповую. Из описания и чертежа следует, что кладовая и ламповая, непосредственно примыкавшие друг к другу, были перекрыты односкатной крышей из листового кровельного железа.

Однако на чертежах архитекторов А. И. Семёнова (1896 г.) и А. К. Миняева (1910, 1916 гг.) хозяйственная территория предстаёт совершенно в ином виде: ламповая отсутствует (в связи с электрификацией дворцово-парковых сооружений пожароопасные масляные и керосиновые лампы быстро вышли из употребления), северная стенка периметра выпрямлена в единую линию. Общий план территории приобрёл форму трапеции. Скос северной стенки был подчинён рельефу местности – береговой черте Кухонного пруда. Точной даты перестройки «служб» не известно, но можно предположить, что произошло это в последней четверти XIX в. и связано либо с периодом царствования Александра III (1881–1894 гг.), либо уже Николая II (с 1894 г.). Вполне вероятно, что именно с этой «ревизией» связан и ряд технических рисунков, где представлены различные варианты планировки пристроек (Генеральный план двора при Ферме...; Фельдьегерский домик...; План фельдьегерского дома на даче Ея Величества «Александрия»...; План фельдьегерского дома у Фермерского Дворца...). Более точная информация относится к периоду капитальных ремонтов основного корпуса дома на рубеже XIX–XX столетий. В 1896 г. здание приводят в порядок в связи с проживанием семьи императора Николая II в Фермерском дворце. Тогда же ремонтировалась и теннисная площадка у Собственного сада дворца, исследованная нами в 2003 г. (Каргапольцев С. и др., 2005. С. 181–183; Каргапольцев, 2010. С. 36–41). Ещё один ремонт произведён в 1910 г., когда в связи с ветхостью были заменены дощатые и паркетные полы в помещениях, а также входное крыльцо. В 1916 г. «Офицерский домик» (именно так он

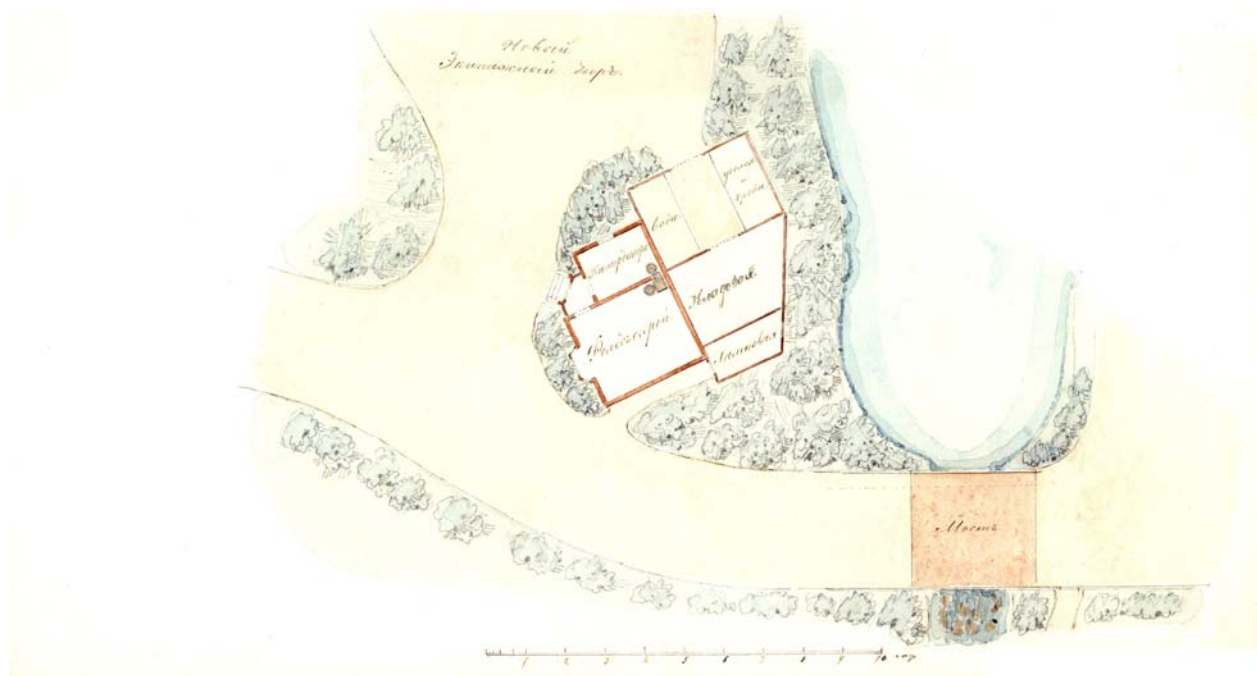

Рис. 1. План Фельдъегерского дома и прилегающего хозяйственного двора (фрагмент проектного эскиза Э. Л. Гана, август 1855 г.). Из личного архива В. А. Гуцина

подписан на плане А. К. Миняева) оборудовался ватерклозетом, для чего пришлось уменьшить камердинерскую комнату, расположив «удобства» у западной её стенки в проходном помещении (рис. 2). Согласно плану, вода в ватерклозет поступала по железной трубе из Кухонного флигеля, а сток по чугунной трубе был протянут до бетонного выгреба «при деревянных службах» (сохранился до настоящего времени). Данный план передаёт и общую планировку хоздвора по состоянию на 1916 г. Однако наиболее вероятной датой перестройки хозяйственного участка при Фельдъегерском доме является все же 1896 г., когда осуществлялось комплексное обновление всего периметра территории Фермерского двора.

Время утраты подсобных пристроек Фельдъегерского дома специалисты относят к 1920-м гг. В послевоенный период домик неоднократно подвергался косметическому ремонту: менялось кровельное покрытие, красились стены, укреплялись оконные рамы, переклеивались обои и т.д.

Проведенные архитектурно-археологические изыскания предваряют планируемую комплексную реставрацию Фельдъегерского дома с воссозданием утраченного периметра хозяйственных помещений. Избегая подробностей, отметим, что раскопки объекта позволили проследить этапность его

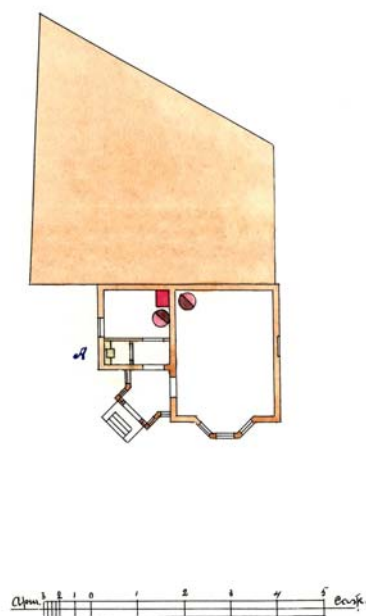

Рис. 2. План «Офицерского домика» с очертаниями хозяйственных пристроек (фрагмент чертежа А. К. Миняева 7 февраля 1916 г.). Из личного архива В. А. Гуцина

существования и сделать ряд важных находок и наблюдений (рис. 3).

В первую очередь было зафиксировано плачевное состояние фундамента Фельдьегерского дома. Верхняя его часть – кирпичный цоколь в три ряда на растворе глубиной около 0,50 м – частично утрачен, частично представлен крошевом. На некоторых кирпичах читаются производственные клейма: «З.К.З.», «А.М.», «БиК», «Б.З.», датировку которых традиционно определяют серединой–третьей четвертью XIX в. Сохранившаяся часть повреждённой кладки выступает с боков здания на 0,10–0,15 м и находится на уровне современной дневной поверхности (УДП). Никаких несущих функций, кроме частично контрфорсных, эта конструкция уже не выполняет, тем более что нижние брусы самого сруба дома совершенно ислели, превратившись в труху. Нижняя часть фундамента представляет собой однорядную валунную кладку из камней диаметром 0,25–0,45 м, расширявшую его конструкцию примерно на 0,10–0,15 м. Подстилающий слой – мятая глина с

включениями мелкого булыжника, битых кирпичей и другого строительного мусора. В прилегающем к фундаменту дома грунте также отмечено присутствие булыжного камня разрушенной отмостки здания, сам фундамент укреплен в основании прилегающей смесью глины, битого кирпича, мелких валунов и строительного мусора. Вне сомнений, этой смесью было засыпано и прилегающее к фундаменту свободное пространство траншеи после его сооружения. Нижняя часть фундамента дома, помимо крупных валунов, включает и обтёсанные известняковые лещадные плитки, также уложенные насуху.

Выяснена общая планировка периметра «служб», в целом подтверждающая ситуацию, отражённую на чертежах А. И. Семенова и А. К. Миняева конца XIX – начала XX вв. Регулярного фундамента внешние и внутренние стены хозяйственных деревянных пристроек к Фельдьегерскому дому не имели. Отмечено присутствие в слое лишь остатков подпорных конструкций под углами и стенками двори-

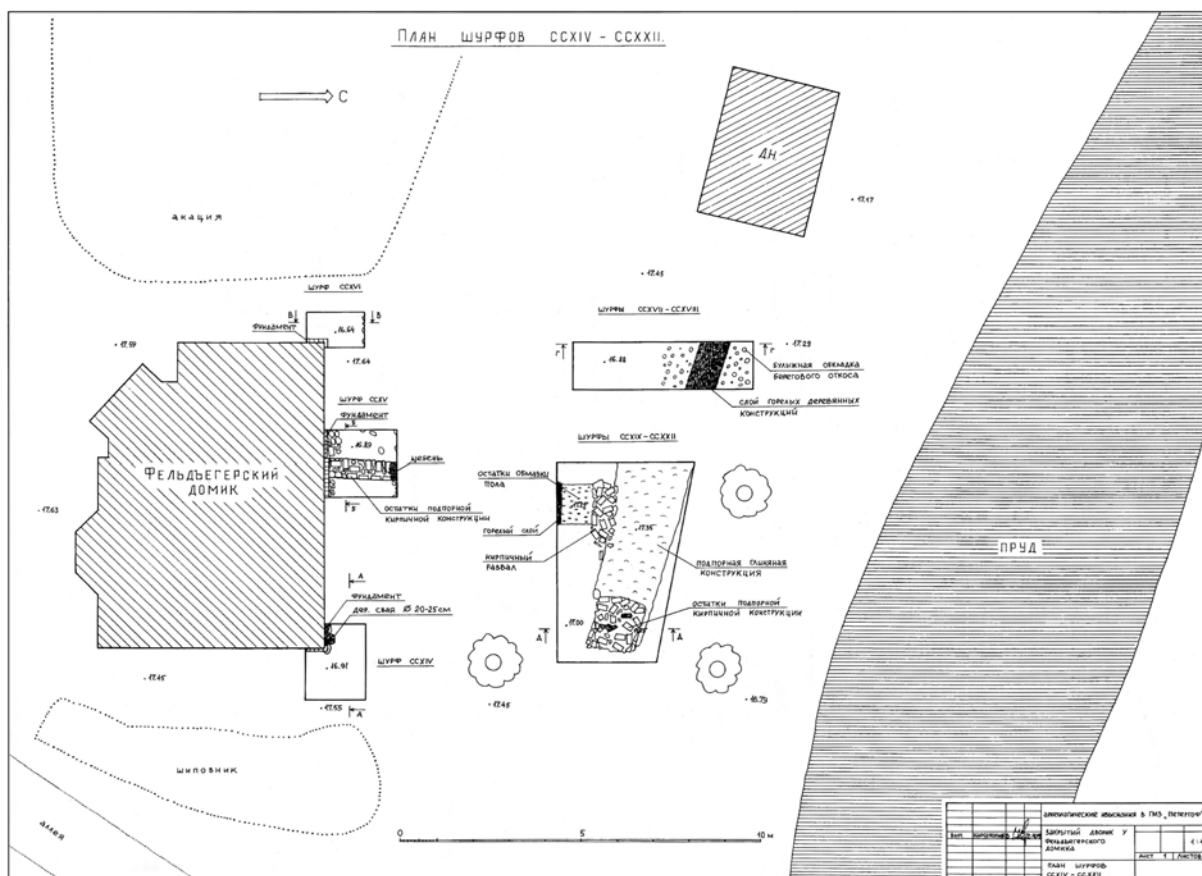

Рис. 3. План шурфов у Фельдьегерского дома (раскопки 2009 г.)

ка различного типа: деревянная свая или низ стойки, кирпичная кладка, кирпично-глиняные развалы (рис. 4). Присутствие кирпичей с маркировкой «БиК» в кладке фундамента дома и подпорных конструкциях углов и стенок дворика синхронизируют их, указывая на относительную одновременность сооружения. На разных участках дворика и, особенно, по линии ограждения северной части, на глубине 0,30–0,40 м отмечено присутствие следов пожара: горелые деревянные брусья, зола, кирпичные обломки и камни со следами копоти (рис. 5). Никаких архивных данных на этот счёт в нашем распоряжении не имеется. Отсутствуют следы пожара в районе северного фасада Фельдъегерского дома, к которому примыкали подсобные постройки (рис. 6).

Находки в шурфах немногочисленные, но знаковые. В прилегающем к фундаменту слое,

как раз в районе деревянной сваи, на глубине 0,25 м были обнаружены фрагменты латунного каркаса переносной лампы, на одном из которых стояло клеймо производителя в два ряда: «ПРИВИЛЕГИРОВАННЫЯ ЛУЧЕЗАРНЫЯ ЛАМПЫ» в верхнем ряду, и «Н.ПІТАНГЕ въ С.ПЕТЕРБУРГЪ.» в нижнем (рис. 7). Кроме того, было обнаружено несколько осколков стеклянных плафонов от ламп.

Данные предметы подтверждают наличие на этом месте ламповой кладовой, отмеченной на плане Э. Л. Гана. Из других находок на территории дворика отметим обломки фарфоровых садовых ваз и столовой посуды, в том числе фрагментированную салатницу с товарным знаком производителя-поставщика императорского двора – под двуглавым орлом со скипетром и державой надпись: «Братьевъ Корниловыхъ въ С.Петербургѣ.» (рис. 8).

Рис. 4. Примыкание кирпичной подпорной конструкции западной стенки кладовой к фундаменту северной стены Фельдъегерского дома. Вид с севера

Рис. 5. Фиксация горелого слоя в северной части периметра хозяйственного двора. Вид с запада

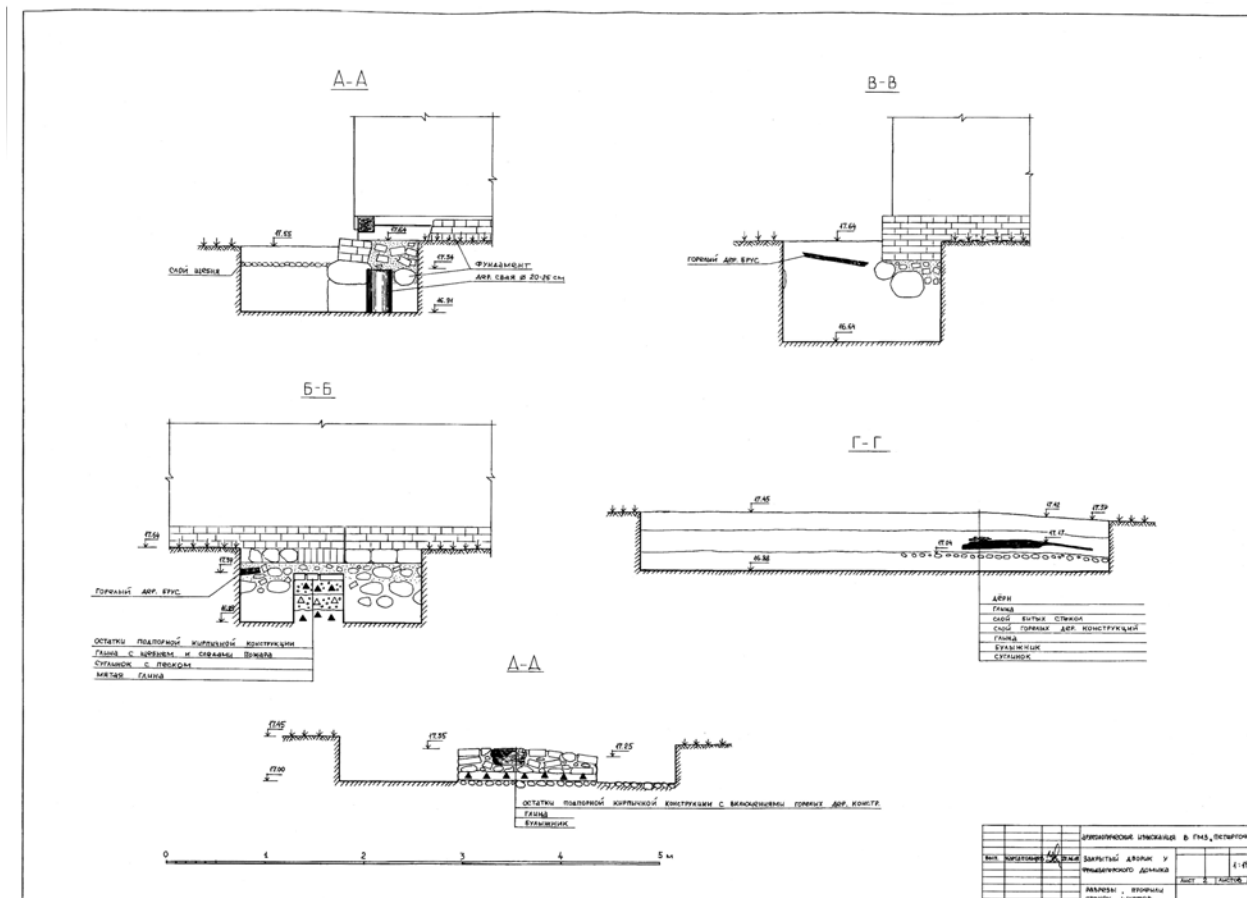

Рис. 6. Закрытый дворик у Фельдьегерского дома. Разрезы и профили стенок шурфов

Рис. 7. Латунная деталь переносной лампы с клеймом производителя (вторая половина XIX в.)

Рис. 8. Продукция фабрики «Братьевъ Корниловыхъ въ С.Петербургѣ.»

Телеграфная станция

Основной задачей данного этапа исследований был поиск и изучение конструкции фундамента утраченной ограды садика перед южным фасадом здания Телеграфной станции, анализ находок, соотнесение исторических планов и чертежей и др. Подробные данные о комплексе Телеграфной станции и общем историческом контексте исследуемого объекта приведены в рукописи А. А. Белова, хранящейся в фондах ГМЗ «Петергоф» (Белов, 1998).

Возведённое в 1857–1858 гг. по заказу ПДУ министерства Императорского двора архитектором А. И. Штакеншнейдером здание Телеграфной станции (рис. 9) неоднократно перестраивалось и ремонтировалось ещё в дореволюционный период, причём по прямому предназначению использовалось лишь до 1907 г. (выделяются, прежде всего, работы архитекторов Петергофского дворцового управления А. И. Семёнова и А. К. Миняева). В течение десяти последующих лет в доме квартировали командиры Своднопехотного полка, осуществлявшего охрану территории парка Александрия (собственность императорской фамилии). После революции 1917 г. здание бывшего телеграфа принадлежало жилфонду, МПВО, РОНО. В 1972 г. здание было передано под юрисдикцию музея-заповедника «Петергоф». До начала реставрации в нем располагались службы садово-паркового хозяйства.

Согласно проектному эскизу А. И. Штакеншнейдера, между южным фасадом здания и оградой Александрии был предусмотрен и собственный садик с «езжалой» и пешеходными дорожками, между которыми были устроены клумбы с кустарниками. Миниатюрный пейзажный сад при Телеграфной станции являлся важным элементом как композиции расположенных вблизи Фермерских ворот, так и всего пространства юго-западного сектора парка «Александрия». Пейзажная планировка сада с его дорожками, клумбами и рабатками создавалась с учётом видового промотра с Верхней Петергофской дороги (ул. Петербургская).

Для входа и въезда на территорию станции в ограде располагались ворота. С запада и востока периметр сада также ограничивался железными оградками на цоколе, ориентированными по линии юг–север и выполненными в том же стиле, причём, западная ограда имела калитку у южного входа в «каменные сени» (цв. илл. 23). Услугами телеграфа в 1858–1907 гг. позволялось пользоваться и жителям Петергофа, в связи с чем, входной периметр территории был ограничен восточной и западной оградками, вплотную примыкавшими к зданию. Проход на телеграфную станцию для горожан был возможен только через входные ворота, сделанные в общем ограждении парка Александрия. Техническое описание ограды отмечено и в 1929 г.: «от общей ограды до юго-западного угла здания идёт решётка из железных копий на цоколе из плиты (высота решётки от цоколя 0,70 м, высота цоколя 0,50 м, ширина – 0,50 м). Такая же решётка идёт от общей ограды до юго-восточного угла здания» (Опись парка «Александрия» 1929 г.). В

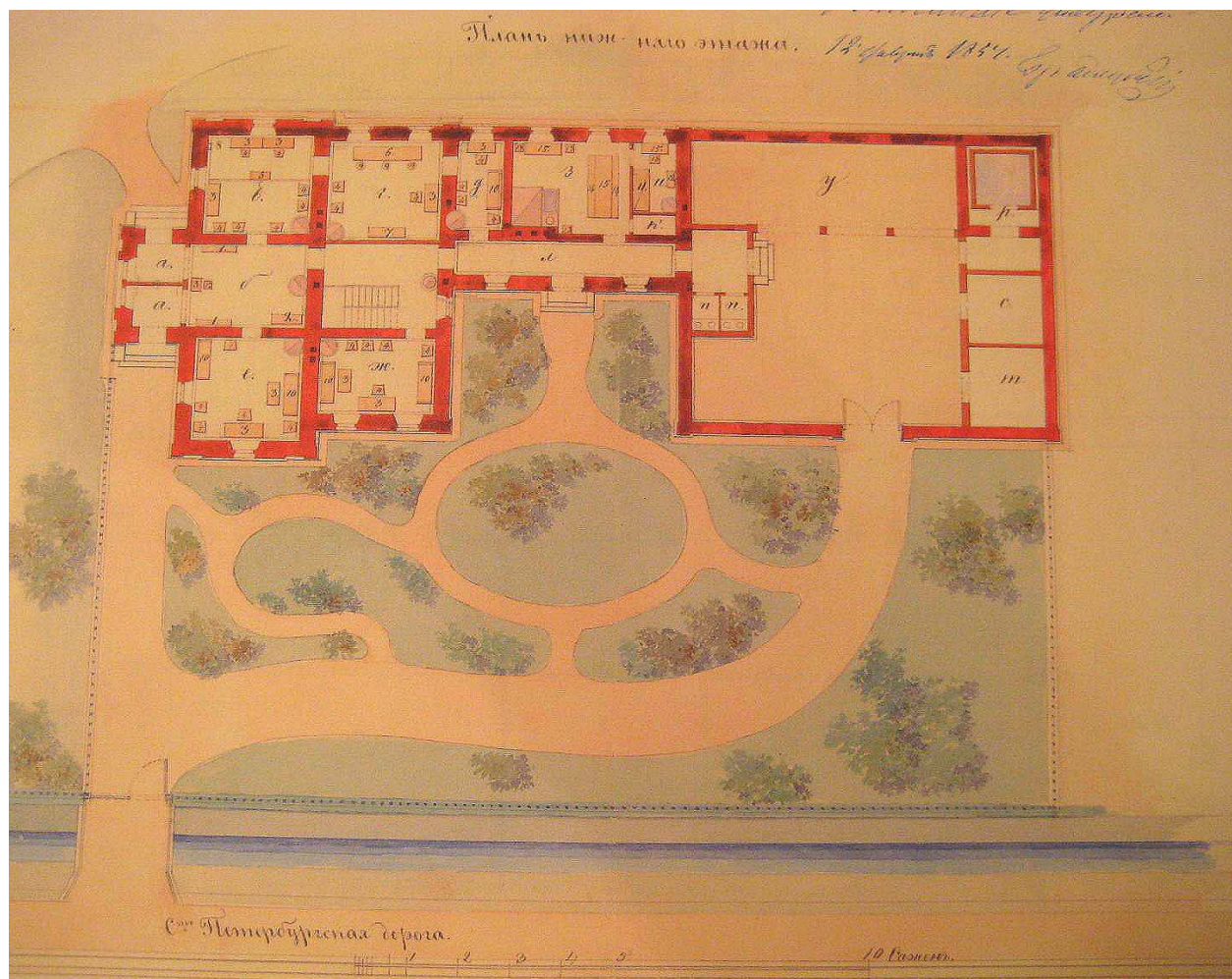

Рис. 9. План нижнего этажа Телеграфной станции. Проект А. И. Штакеншнейдера 1857 г.
Из личного архива В. А. Гуцина

послевоенный период ограды с подцоколем были демонтированы, сохранился лишь цоколь из пиленых известняковых плит западной ограды. Общее ограждение парка Александрия было восстановлено в конце 1990-х – начале 2000-х гг., правда, без цоколя и не в историческом колере (копья решётки ограды сменили изначально белый окрас на чёрный). Решение восстанавливать участки восточной и западной ограды телеграфного садика было принято в 2009 г. Здание Телеграфной станции было отреставрировано в 2006–2009 гг. Археологические работы 2006 г. проводились на площади 71,5 кв. м (рис. 10) и включали обследование хозяйственного двора с подсобными помещениями и системой ливневой канализации, ледника, дорожек садика (Каргапольцев, 2006. С. 1–6).

В 2009 г. была завершена комплексная реставрация здания со всей внутренней инфраструктурой

и экспозицией, а также собственного садика у его южного фасада. Решение о реконструкции ограды садика уже после его воссоздания, безусловно, ошибочно. Такого рода работы логично осуществлять до прокладки дорожек и разбивки газонов, клумб и работок.

В завершение краткого обзора укажем, что характеристика ленточных («контрфорсных») фундаментов под западную и восточную ограды приводится в смете на постройку здания Телеграфной станции 1857 г., подписанной А. И. Штакеншнейдером: «глубина 3 аршина, средняя ширина 1 аршин 6 вершков и цоколь в 3 ряда цокольной плиты серого слоя толщиной 3–3 ½ вершка. Между цоколем выложено кирпичом и сверху перекрыто чисто обделанными перекрывочными плитами размером 12 x 12 вершков» (Смета на постройку здания...).

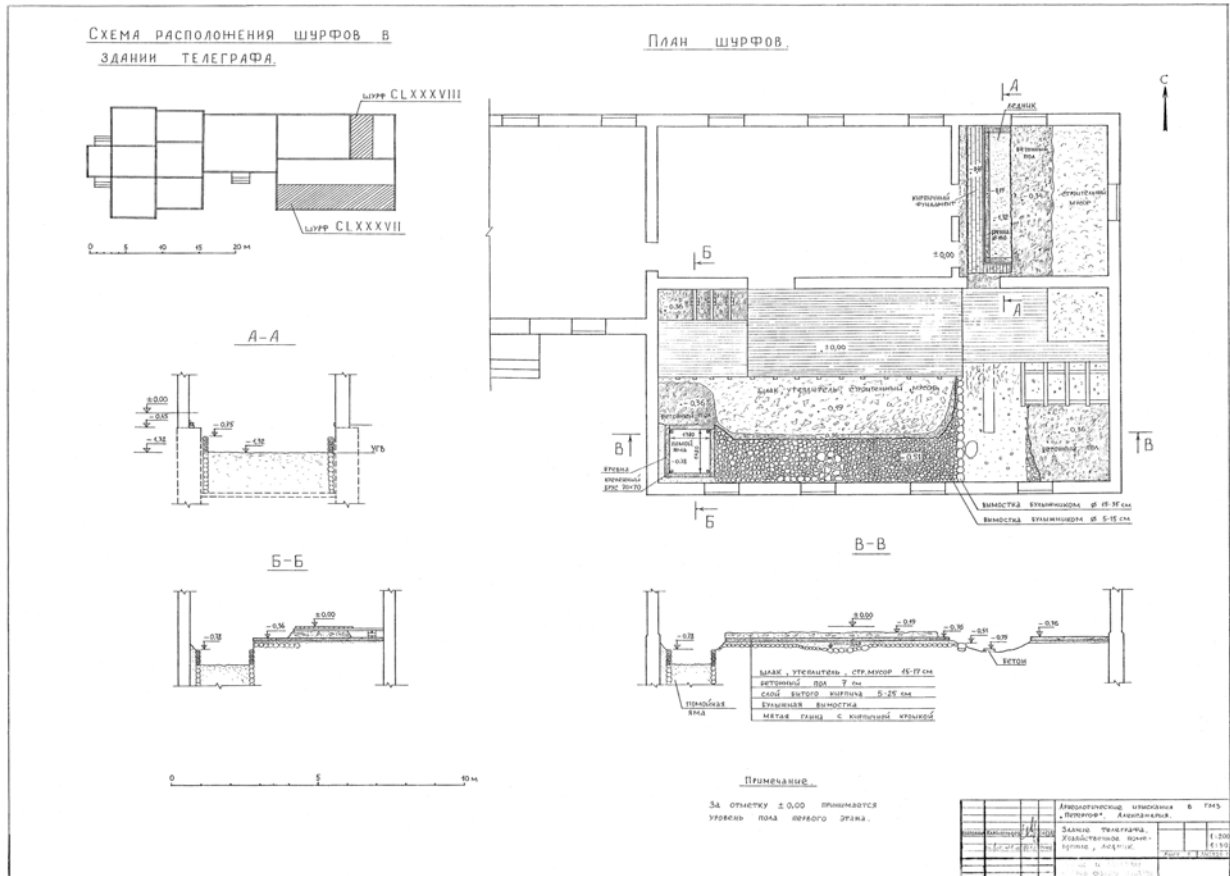

Рис. 10. Здание Телеграфной станции. Хозяйственный дворик (схема расположения, планы и разрезы шурфов)

Сразу отметим, что приведённая характеристика в целом соответствует раскрытой нами в июне–июле 2010 г. конструкции фундамента восточной ограды (три шурфа площадью 13,5 кв. м) и сохранившегося цоколя западной ограды Телеграфного садика (рис. 11). Периметр закладки шурфов и выборки слоя оказался жёстко ограничен сильной корневой системой кустов шиповника и близстоящего дерева. Для большей наглядности раскрытые шурфы были объединены в единый раскоп (рис. 12). На глубине 0,15–0,28 м от УДП были обнаружены и раскрыты остатки кирпичной кладки верхней части фундамента шириной 0,48 м (с учётом боковой обмазки 0,50 м). Маркировка кирпичей – «С.К.» в рамке (рис. 13). На расстоянии 10,20 м от здания кирпичная кладка прерывается (демонтирована). Верхняя часть фундамента по бокам была укреплена строительным мусором – битым кирпичом, остатками раствора, гравием. Этот уплотнительный гумусированный слой появляется сразу под дёрном и имеет толщину 0,30–0,35 м, ниже которого находится глиняный замок (рис. 14).

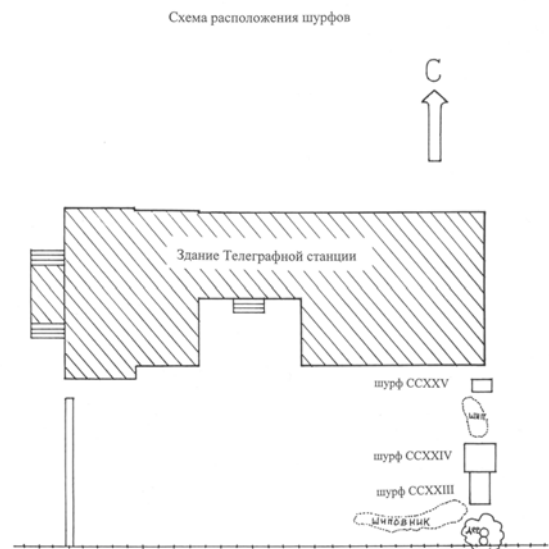

Рис. 11. Схема расположения шурфов у здания Телеграфной станции. Фундамент восточной ограды Собственного сада

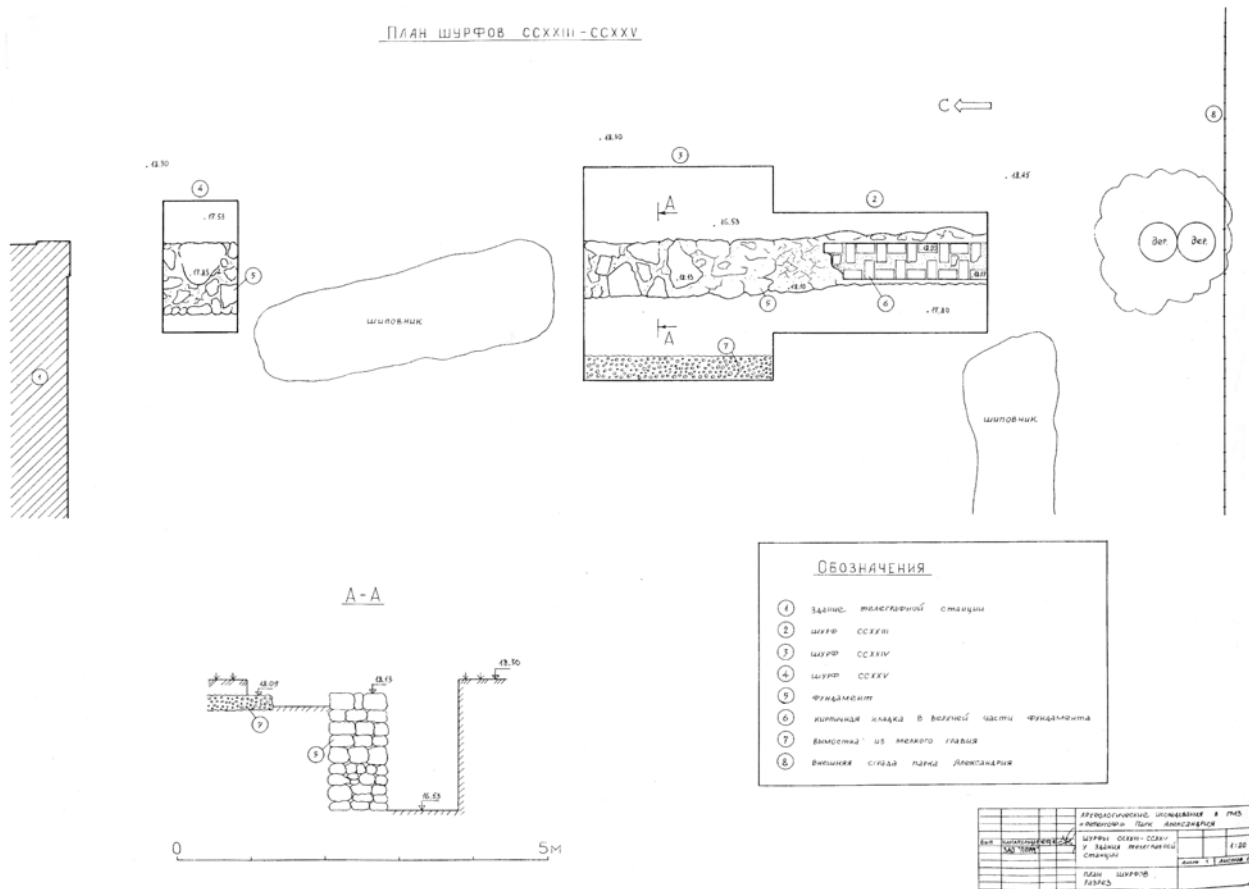

Рис. 12. План и разрез шурфов у здания Телеграфной станции

Рис. 13. Остатки кирпичной кладки верхней части фундамента восточной ограды Телеграфного сада. Вид с востока

Рис. 14. Фрагмент раскрытой части фундамента восточной ограды Телеграфного садика. Вид с юго-востока

Ширина каменной части фундамента – валуны и лещадные известняковые плиты на известковом растворе – составляет 0,70–0,90 м, т.е. намного шире, чем «подкоколье» кирпичной кладки, и не образует ровной линии (рис. 9). Определённо, строительство фундамента производилось «на глаз», с запасом ширины и прочности. Точно выверялась по направлению на внутренний юго-восточный угол здания лишь верхняя его часть – кирпичная кладка цоколя, выложенная строго по линии юг–север (рис. 15).

Глубина залегания нижней точки фундамента от УДП 1,77–1,80 м. Подстилающий слой – подушка из мятой глины. На глубине 1,55–1,60 м от УДП было отмечено присутствие грунтовых вод, однако их уровень зависит от времени года и количества выпавших осадков.

Из находок отметим осколки фарфоровой столовой посуды, оконные защёлку и ручку из латуни. Особый интерес для реставраторов представляют обнаруженные элементы крепления ограды – стяжки, крепёжные болты, основание стойки ограды.

Рис. 15. Соотнесение раскрытой части фундамента восточной ограды Телеграфного садика с юго-восточным углом здания. Вид с юга

Источники и литература

- Белов А.А., 1998. Собственная Ея Величества Дача Александрия (Хроника строительства и факты истории). СПб.-Петергоф // Архив ГМЗ «Петергоф». Р-478.
- Генеральный план двора при Ферме и домика для Фельдьегера и Камердинера // Архив ГМЗ «Петергоф». ПДМП. 771-ар.
- Каргапольцев С. Ю., 2006. Отчёт об архитектурно-археологических изысканиях в парке Александрия: комплексы восточного корпуса здания телеграфа (ледник, хозяйственное помещение у подъездной площадки) // Архив ГМЗ «Петергоф». ВУ № 16175/1, 16175/2.
- Каргапольцев С. Ю., 2010. Археологические исследования в Петергофе. Методика и результаты работ 2001–2009 гг. // История Петербурга. СПб. № 1 (53).
- Каргапольцев С. Ю., Каргапольцев М. Ю., Седых В. Н., 2005. Археологические раскопки в Петергофе (итоги работ 2001–2004 гг.) // Археологическое изучение Санкт-Петербурга в 1996–2004 гг. СПб. (Труды Санкт-Петербургской археологической экспедиции СПбГУ. Том 1).
- Опись парка «Александрия» 1929 г. // Архив ГМЗ «Петергоф». ПДМП-6214. Л. 47 об.
- План фельдьегерского дома на даче Ея Величества «Александрия» // Архив ГМЗ «Петергоф». ПДМП. 779-ар.
- План фельдьегерского дома у Фермерского Дворца на даче Ея Величества «Александрия», на капитальный ремонт // Архив ГМЗ «Петергоф». ПДМП. 788-ар.
- Смета на постройку здания Телеграфной станции 1857 г. // РГИА. Ф. 490. Оп. 2. Д. 3082, л. 15 об. 19.
- Фельдьегерский домик // Архив ГМЗ «Петергоф». ПДМП. 773-ар.

Археологические исследования на кладбище Черемнецкого Иоанно-Богословского монастыря в 2003 г.

С. А. Семёнов, А. А. Липатов

В 2003 г. отрядом Ленинградской областной экспедиции ИИМК РАН были проведены охранные археологические исследования в Черемнецком Иоанно-Богословском монастыре, расположенном в 20 км к ЮЮВ от г. Луга¹.

Время основания монастыря точно не известно. По преданию, он был основан в 1478 г. по повелению Иоанна III на острове Черемнецкого озера, где крестьянину явилась икона святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова. В XVI в. в монастыре было уже две церкви – каменная и деревянная. Во второй половине XVI в. вместо деревянного храма на высоком насыпном холме был сооружён из известняковой плиты и валунов Иоанно-Богословский собор. В 1580 г. монастырь разорился литовцами; в 1664 г. приписан к Николо-Вязищскому монастырю под Новгородом. В 1707 г. на месте церкви XVI в. на средства дворянина Е. В. Курицына построена каменная церковь Преображения Господня. В конце XIX в. был устроен перешеек между островом и берегом озера. В 1902 г. по проекту архитектора Н. Г. Кудрявцева сооружена церковно-приходская школа, в 1914–1916 гг. по его же проекту осуществлён ремонт собора. В 1930 г. монастырь и обе церкви закрыты советской властью. В 1997 г. монастырь возвращён русской православной церкви.

Объектом исследований стал склеп, выявленный в ходе работ по благоустройству территории вокруг церкви Преображения Господня (1707 г.). Склеп расположен на верхней площадке храмовой горы, в 5,50 м к востоку от церкви Преображения и в 0,80 м к западу от наземного каменного склепа Половцевой и смещён к северу от главной оси церкви (рис. 1–3). Склеп был обнаружен монастырской братией при понижении уровня площадки вокруг Преображенской церкви: часть кирпичной конструкции свода юго-западного угла склепа обрушилась внутрь камеры, что привело к образованию провала размерами примерно 0,55 x 0,53 м. В провале была видна часть цинкового гроба светло-серого цвета, засыпанного грунтом,

строительным мусором и кирпичами упавшего свода. Повреждённый склеп мешал дальнейшему производству работ на храмовой горе. С учётом пожеланий монастырского руководства было решено провести частичное исследование разрушающегося объекта – подземного склепа с погребением.

Охранные работы включали следующие мероприятия: зачистку склепа у провала свода, выполнение графической и фотографической фиксации памятника, его описание, сбор и обработку археологических находок, осмотр погребения.

Уровень современной дневной поверхности в районе склепа повышается по направлению от церкви Преображения к мавзолею и восточная половина склепа была скрыта под слоем грунта мощностью до 0,50 м, что исключило возможность расчистки всей конструкции. При зачистке западной половины поверхности склепа с северной его стороны была обнаружена кирпичная кладка свода ещё одной погребальной камеры, раскрытая нами частично (рис. 4). Обе камеры склепа, южная, обнаруженная первой, и северная, ориентированы своими осями по линии восток–запад. В ходе работ стенки склепа были оконтурены ровиком глубиной и шириной до 0,30 м. Полностью, на всю ширину южной и северной камер была выявлена западная стенка склепа длиной 2,70 м, южная стенка была прослежена на длину 1,81 м, северная – на длину 0,60 м.

При зачистке поверхности склепа и в ровике были найдены девять небольших фрагментов керамики XVI – начала XVII вв., а также большое количество переотложенных человеческих костей: фрагмент черепной крышки, фрагмент детской тазовой кости, позвонки, бедренные и берцовые кости, фаланги пальцев и проч. (рис. 5). В ходе зачистки склепа в центре южной камеры был обнаружен ещё один провал свода размерами примерно 0,50 x 0,25 м. На сводах частично сохранился слой раствора толщиной до 0,06 м и отдельные плиты песчаника толщиной 0,10–0,14 м. Плиты толщиной 0,10–0,17 м расположены также на северной и западной стенках склепа, а по южной стенке зафиксированы булыжники диаметром до 0,30 м.

¹ В работе отряда принимали участие сотрудники ИИМК РАН С. А. Семёнов, А. А. Липатов, Ст. А. Васильев.

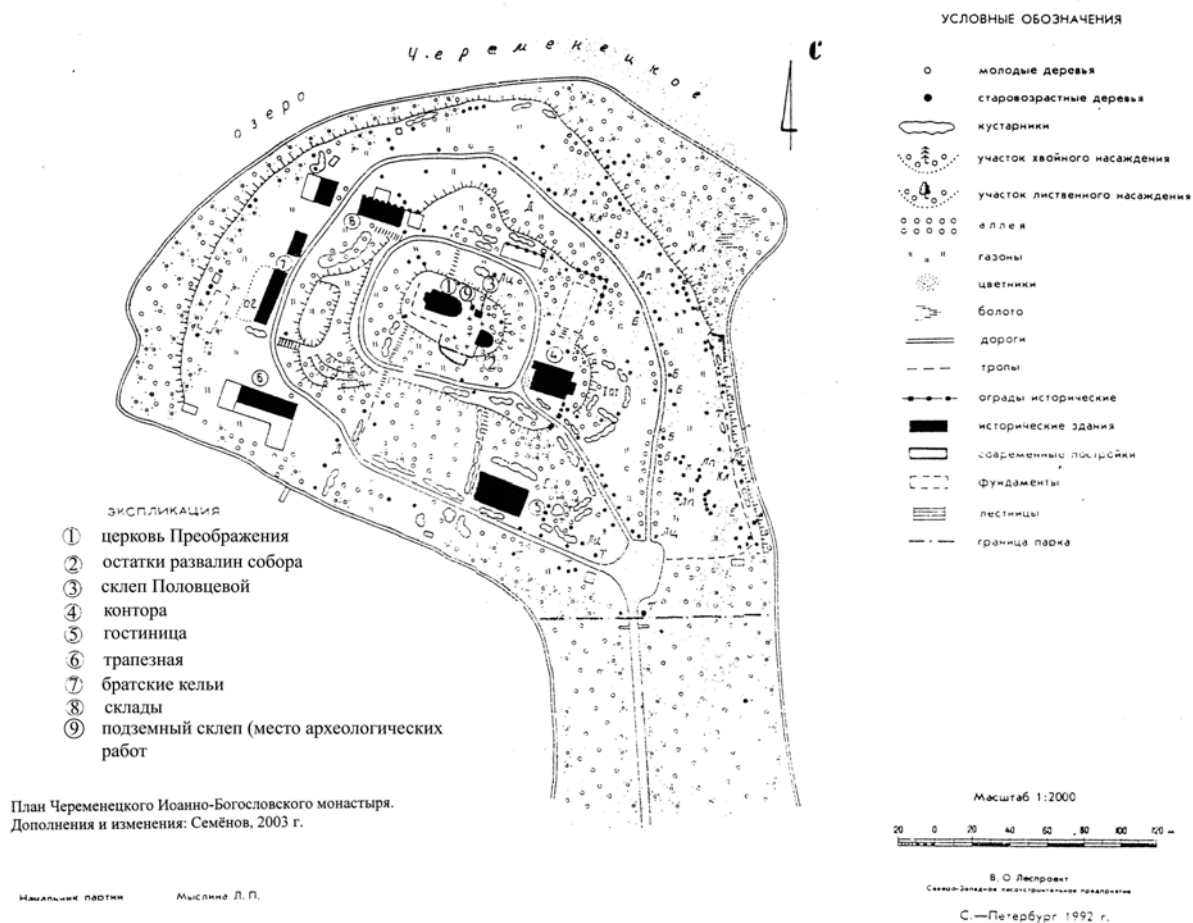

Рис. 1. План Черемнецкого Иоанно-Богословского монастыря

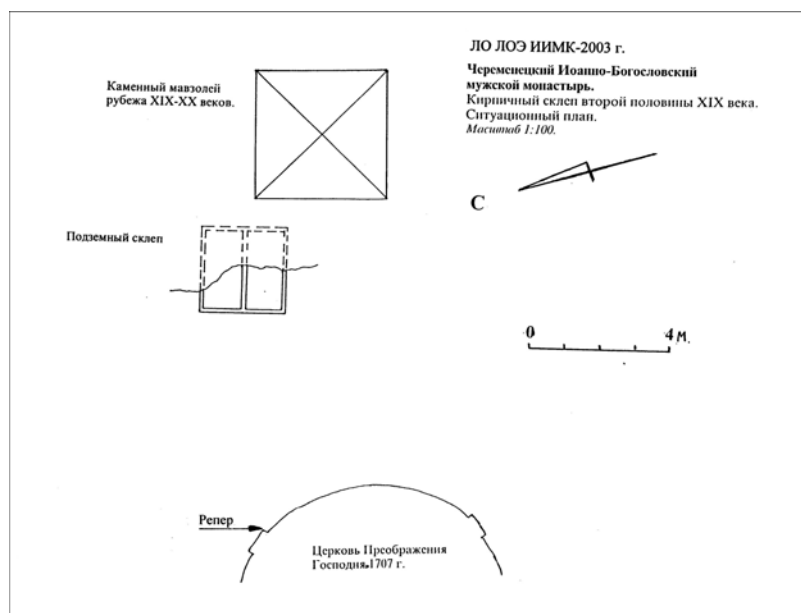

Рис. 2. Черемнецкий монастырь. Ситуационный план подземного склепа

Рис. 3. Местонахождение подземного склепа между мавзолеем Половцевой и церковью Преображения

Рис. 4. Южная погребальная камера склепа после снятия грунта

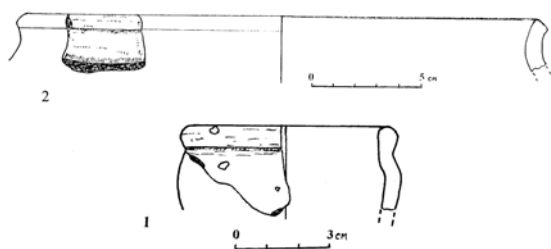

Рис. 5. Керамика XVI–XVII вв.

Свод южного склепа на момент обнаружения сильно повреждён: зафиксированы оседание, вывалы кирпича из конструкции, повреждения раствора и вымывание его из швов. С целью предотвращения дальнейшего обрушения оставшаяся часть западной половины свода южной камеры была разобрана.

При обследовании внутреннего пространства погребальной камеры в её восточном конце был обнаружен ещё один обвал свода. В камере находился цинковый гроб, пробитый в нескольких местах и сильно деформированный из-за обвалов свода, засыпанный раствором, кирпичами, частично грунтом, древесным тленом и несколькими сгнившими досками с коваными гвоздями от деревянного гроба (рис. 6). При расчистке камеры были обнаружены обрывки лент из металлических, в том числе «золотых», нитей, тонкие металлические (медные?) накладки, украшавшие деревянный гроб, пять покрытых ржавчиной железных ручек и десять железных угольников – оковок деревянного гроба с четырьмя гвоздями каждая, шесть бронзовых(?) окислившись до зеленовато-серебристого цвета ручек с накладными медными(?) пластинками от цинкового гроба, три деревянных изделия в форме маковок (каркасы для кистей?) высотой около 0,10 м, с металлическими нитями и остатками металлических кистей, шесть деревянных столбикоподставок со штырьками под деревянный гроб, имеющих форму песочных часов высотой 0,11–0,13 м.

Дно цинкового гроба полностью разложилось, поэтому, по просьбе настоятеля монастыря, верхняя крышка гроба была снята и погребение осмотрено. Осмотр показал, что в склепе была похоронена женщина, вероятно, не моложе 30 лет, на спине, ориентированная головой на запад (рис. 7). От скелета сохранились только отдельные фаланги пальцев рук и ног, отдельные позвонки, несколько рёбер плохой сохранности, обе плечевые кости, обе бедренные кости, полностью сохранился

Рис. 6. Цинковый гроб в южной камере склепа до расчистки

череп. Часть зубов верхней и нижней челюстей отсутствуют, коренные зубы имеют следы сильной стёртости. В теменной кости черепа обнаружено достаточно ровное отверстие диаметром 30 мм. Края отверстия черепа не затянуты, в них видна структура кости. В правой части затылочной кости черепа имеется ещё одно ровное, круглое отверстие диаметром 18 мм. На черепе сохранились волосы, уложенные в причёску и заколотые по бокам двумя костяными расчёсками, а сверху – черепаховым гребнем. На черепе находилась кожаная налобная лента с остатками сетчатой ткани. При погребённой обнаружен медный или бронзовый крестик, покрытый зелёным окислом, на длинной шёлковой ленте, две белые пуговицы с четырьмя отверстиями, в ногах две кожаные стельки, а с правой стороны от ног – литой флакончик высотой 0,14 м из светлого прозрачного стекла с рельефной надписью «Аптека Ф. Грахе в Казани». Останки погребённой находились на белой шёлковой материи, уложенной поверх частично сохранившихся досок дна гроба и настила(?). Под головой погребённой сохранилась часть набивки подушки (мох, солома?). После визуального осмотра останки погребения вмес-

Рис. 7. Женское погребение в южной камере склепа

те с инвентарём были переданы отцу Нектарию для перезахоронения. Погребальная камера была расчищена и исследована далее.

Конструкция склепа

Склеп представляет собой прямоугольное двухкамерное сооружение, южная камера которого перекрыта пониженным полуциркульным сводом, по всей видимости, таким же сводом перекрыта и северная камера (рис. 4). Склеп ориентирован осями камер по линии восток–запад. В ходе расчистки склепа целиком была выявлена западная стенка и прослежены южная и северная стенки. Размер склепа по линии западной стены составляет 2,70 м, длина вскрытых участков южной стены 1,81 м, северной – 0,60 м. Внутренние габариты южной погребальной камеры склепа составили 2,29 x 1,02 м (рис. 8). Основные стены склепа сложены в один кирпич, т.е. около 0,25–0,26 м. Стенка-перегородка сложена также толщиной в один кирпич.

Внешние стены сложены толщиной в один кирпич, т.е. около 0,25–0,26 см. Размеры кирпичей

западной стены: 0,25 x 0,06 м, 0,10 x 0,06 м, 0,245 x 0,06 м, 0,25 x 0,055 м, 0,12 x 0,04 м, 0,26 x 0,065 м. Кирпич несколько неоднороден по размерам и характеру обжига: присутствуют кирпичи красного цвета, но есть и незначительное число кирпичей с закопчённой внешней поверхностью (вторичное использование печных кирпичей?). Число использованных в кладке кирпичных обломков незначительно, также невелико число кирпичей с утраченной лицевой поверхностью. Стены сложены на плотном и прочном известково-песчаном растворе розово-кремового цвета. Прослежены незначительные случайные включения угольков, песок в растворе не окатанный, средних размеров. Растворный шов на внешней поверхности стен не обработан, его поверхность сохранила отпечатки примыкавшей к стене земли.

Западная стенка (рис. 9: разрез а-а). Западная стена южной камеры склепа сложена из кирпича, достаточно однородного по характеру обжига, в крестовой системе с удовлетворительной перевязкой рядов. Размеры кирпичей различаются: 0,25 x 0,06 м, 0,10 x 0,06 м, 0,245 x 0,06 м, 0,25 x 0,055 м, 0,12 x 0,04 м, 0,26 x 0,065 м. Кладка западной стенки перевязана с южной и стенкой-перегородкой, что позволяет говорить об одновременном возведении южной, западной стен склепа и перегородки. Раствор в кладке западной стенки камеры (как и на других участках) плотный известково-песчаный (песок в растворе не окатанный, средних размеров) розово-кремового цвета, в котором прослежены незначительные включения угольков. Толщина растворных швов: горизонтальных – 0,7, 0,8, 1,2 и 1,7 см, вертикальных – 0,7, 1,2 и 1,7 см. Растворные швы обработаны. Были прослежены три варианта обработки швов: обратная односторонняя подрезка, характерная в основном для горизонтальных швов, со слабо выраженным валиком в вертикальных швах и косая затирка раствора. Первые два варианта обычно датируются временем до второй половины–конца XIX в. (Киселев, 1986. Рис. 5). В стене прослежена трещина высотой в четыре ряда кладки с раскрытием 2–3 мм, указывающая на осадку южной части конструкции. Простирается западной стены на уровне пола 0,01 м, высота до уровня верхнего обреза стены в юго-западном углу 1,22 и 1,27 м в северо-западном.

Пол (рис. 9: план 2) южной камеры склепа сложен из кирпичного материала (кирпич и обломки), уложенного плашмя, и, по всей видимости, скрепленного раствором, ныне сильно поврежденного. Вдоль южной и северной стенок были уложены целые кирпичи, а пространство между ними заполнено целыми и обломками кирпича.

Рис. 8. Восточная часть южной камеры склепа

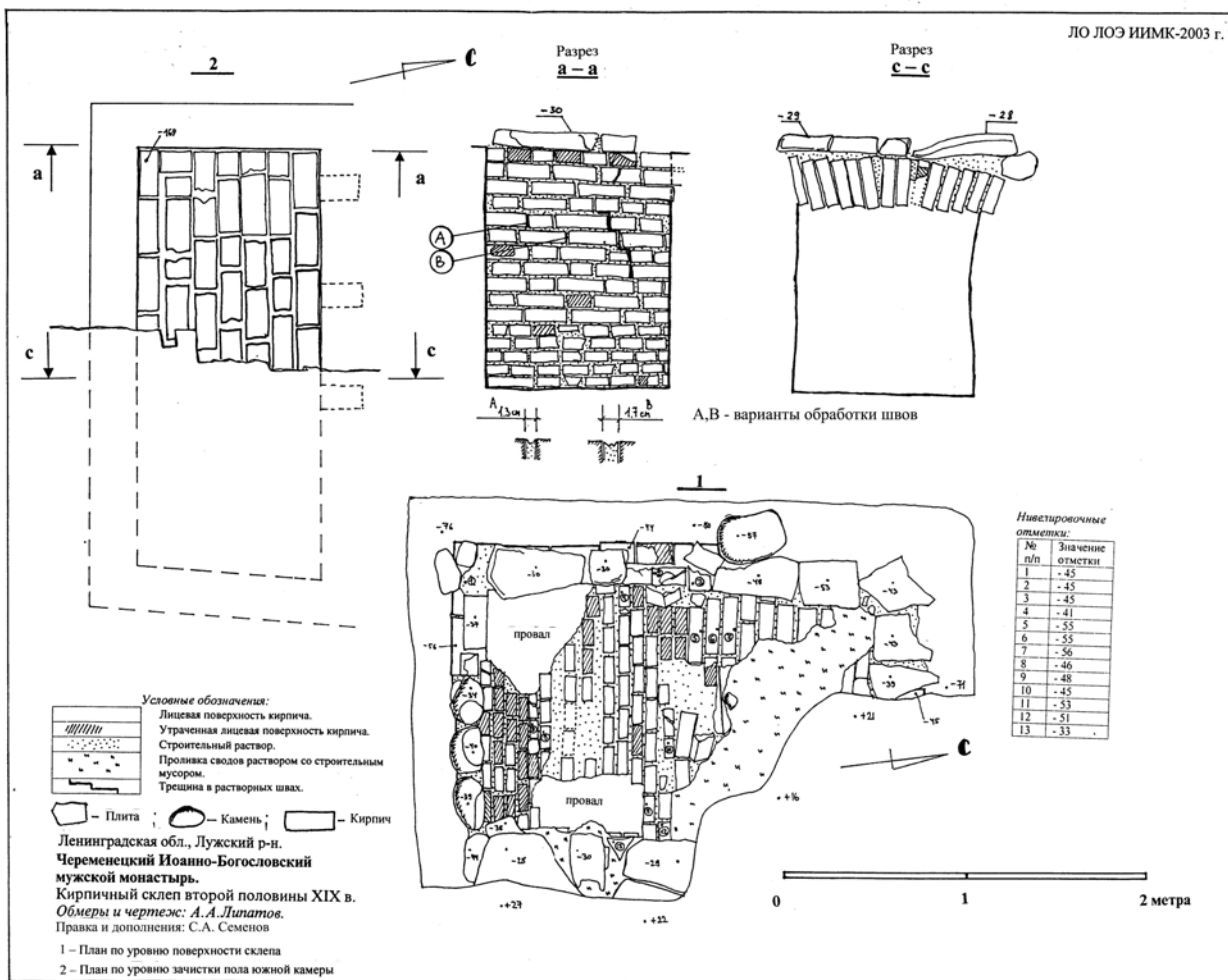

Рис. 9. Подземный склеп. Обмеры и чертежи

Свод (рис. 9: разрез с-с) в нынешнем его состоянии сильно повреждён, отмечены значительные вывалы кирпича, повреждения раствора в кладке и вымывание растворных швов. В целом следует признать состояние кладки свода неудовлетворительным. Свод, перекрывающий южную камеру, сложен в один кирпич, связанный между собой плотным известково-песчаным раствором розово-кремового цвета. Кирпичи из свода различаются по своим размерам: 0,26 x 0,13 x 0,065 м, 0,24 x 0,12 x 0,055 м, 0,255 x 0,13 x 0,055 м, 0,26 x 0,13 x 0,065 м, 0,228 x 0,11 x 0,06 м, 0,27 x 0,135 x 0,065 м, 0,265 x 0,125 x 0,06 м. Неоднороден кирпич и по прочим характеристикам: имеются кирпичи красного цвета, незначительное число кирпичей с закопчённой внешней поверхностью, отмечен кирпич пережжённый, клинкеризованный (кирпич-железняк). Следует отметить, что ни один замковый кирпич не был подтёсан на клин. Вместо подтёсанного кирпича были использованы два мощных растворных шва, толщина которых в верхней части составила 0,055 и 0,085 м. Стандартный растворный шов имел ширину от 0,5 до 1,5 см. Вследствие постепенного вымывания раствора из швов, разрушения упомянутых излишне мощных растворных клиньев, а также значительной деструкции кирпича в кладке, происходило постепенное проседание центрального сегмента и выпадение блоков кладки.

Устройство перекрытия склепа (рис. 9: план 1, разрез с-с). Конструкция перекрытия склепа была прослежена при разборке свода над западной частью склепа и при зачистке по поверхности сводов обеих камер. Свод был пролит раствором, идентичным кладочному, с добавлением не крупного строительного мусора (галька, осколки песчаниковых плит и кирпича). Поверх этой стяжки были уложены грубо обколотые плиты песчаника, сохранившиеся *in situ* только в восточной части над сводом. Укладкой плит строители добивались выравнивания пространства над сводами и их пазухами на всей площади, и на этот горизонт, по всей видимости, укладывалась не сохранившаяся надгробная плита. Плиты опирались также на камни-бульжники, уложенные по восточной линии стены и на песчаниковые плиты над западной стеной. Подобная разгрузка свода склепа путём установки плит по периметру стен была нарушена, разрушен был и консервирующий слой раствора над западной частью склепа, что, в итоге, привело к активизации разрушения кирпичной конструкции свода.

Заключение

Ряд характеристик кладки и её деформации позволяют реконструировать ход строительства

склепа. По всей видимости, строительство склепа велось в отрытом прямоугольном котловане, глубиной не менее 1,27 м, об этом свидетельствуют незатёртые растворные швы с внешней стороны западной и южной стен. Другие его размеры проследить невозможно. Никаких подготовительных мероприятий по укреплению основания под склепом, по всей видимости, не производилось, о чем косвенно может свидетельствовать развитие трещин на западной стене вследствие осадки конструкции. Три стены склепа (южная, западная и северная) были возведены одновременно, так как кладки их перевязаны.

Свод над камерой возводился при помощи деревянных кружал, для установки которых сохранились три отверстия, образованные выемкой кирпича из стенки перегородки (рис 9: план 2). Свод возводился на всю длину камеры: от западной стенки к восточной. После завершения кладки опоры кружала были вынуты из стены, а отверстия частично заложены. Последней была сложена восточная стенка склепа, так как перевязка кирпичей прослежена лишь в нижних рядах кирпича, и растворные швы обработаны только на нижнем уровне кладки.

Недоброкачественная кладка (плохая перевязка рядов кирпича, отсутствие подтёсанных на клин кирпичей, использование недопустимо толстых растворных участков), а также последующее разрушение стяжки над сводом и пазухами привело к значительному разрушению свода камеры.

В склепе по православному обряду головой на запад была похоронена женщина в возрасте не моложе 30 лет, о чём свидетельствуют отсутствие ряда зубов и сильная стёртость оставшихся. Наличие в правой затылочной кости черепа отверстия диаметром 18 мм, вероятно, связано с пулевым ранением, что и послужило причиной смерти. Отверстие в теменной кости черепа диаметром 30 мм является следствием вылета пули (или результатом трепанации для выемки пули из головы?). Смерть наступила в каком-то отдалённом от Черемнецкого монастыря месте, поэтому её и перевозили в цинковом гробу. Возможно, что везли покойную из Казани, о чём может косвенно свидетельствовать обнаруженный в ногах погребённой флакон с надписью «Аптека Ф.Грахе в Казани». По всей видимости, во флаконе находился елей, использованный для обряда соборования погибшей.

Цинковый гроб, помещённый во внутрь деревянного, был занесён в склеп с восточной

стороны, что следует из конструкции погребальной камеры. В камере гроб был поставлен на настил из досок, стоящий, в свою очередь, на шести деревянных столбиках, высотой 0,11–0,13 м. Помещение гроба в склеп с восточной стороны было возможно только до возведения каменного склепа (мавзолея) Половцевой, находящегося от восточной границы исследовавшегося склепа в 0,80 м. Известно, что мавзолей был устроен над могилой матери А. А. Половцевым (1831–1909 гг.), сенатором, членом Государственного совета, статс-секретарём Александра III, владельцем усадьбы Рапти (Мурашова, Мыслина, 2001. С. 21, 34).

По совокупности данных, полученных при исследовании конструкции и материалов склепа и захоронения можно заключить, что данный памятник относится ко времени не ранее второй половины XIX в. и не позже рубежа XIX–XX вв.

Источники и литература

- Киселев И. А., 1986. Датировка кирпичных кладок XVI–XIX вв. по визуальной характеристике. М.
- Мурашова Н. В., Мыслина Л. П., 2001. Дворянские усадьбы Санкт-Петербургской губернии. Лужский район. СПб.

Предохранительная обувь в средневековье и Новое время: европейские традиции и русская действительность

А. В. Курбатов

Потребность в защите ног от сырости и уличной грязи привела уже в древности к появлению «предохранительной» обуви, которая одевалась поверх обычной. Традиции ношения и формы такой обуви различались по регионам и историческим периодам. Все разнообразие форм и конструкций защитной обуви можно свести в четыре типологические группы: 1) деревянная платформа с вырезанными утолщениями-«копытцами» и с петлёй для охвата стопы, подобные деревянным скамеечкам-котурнам, известным в Западной Европе, на Кавказе, на Дальнем Востоке, в Средней Азии (Калашникова, Грязева, 2006). В последнем случае отметим невысокие деревянные башмаки, долбленные из орехового дерева, с тремя подставками, надеваемые зимой и осенью в грязную погоду, описанные этнографами в начале XX в. у горных таджиков долины Бартанга (Зарубин, 1916. С. 91–92, табл. VII: с, d) и у таджиков Каратегина и Дарваза (Широкова, 1970. С. 131, рис. 6: 2); 2) толстая плоская деревянная подошва на обычного типа обуви, обшитая кожей; 3) вырезанная из дерева низкая закрытая обувь; 4) обувь, сплетённая из бересты и других растительных волокон.

Начало использования в Европе каучука привело к унификации защитной обуви в форме галош (Кирсанова, 1995. С. 73–74). История галош современного вида – резиновых – для европейцев началась с открытием Америки, когда испанцы увидели, как индейцы опускали ноги в сок дерева гевеи и ждали его застывания, что давало своеобразную непромокаемую плёнку. Но только в первые десятилетия XIX в. началось промышленное производство резины, пригодной для изготовления непромокаемой обуви. Галоши сразу стали популярны, в основном, как мужская и детская обувь: их делали разной высоты и цвета, обычно чёрные и коричневые. Женщины же носили резиновые боты и ботики. В XIX в. галоши соединили воедино с обувью и так появились войлочные ботинки с резиновым низом. В начале XX в. галоши носили многие, а для женщин их делали на высоких каблуках. В середине столетия галоши в обиходе получили название «прощай молодость». Как правило, их одевали на валенки,

которые в городе и деревне носили только пожилые люди и дети.

Само название галоши в русский язык, вероятно, было заимствовано в XVIII в. из французского языка через посредство немецкого. Немецкое *Galosche* и французское *galoche* восходят к латинскому *calopedia* и греческому *kalopodion* – «деревянный башмак» (Шанский и др., 1971. С. 101). Варианты произношения в русском языке (галоши и калоши) объясняются наличием древнерусского слова *колоча*, а позже *колоша*, восходящего к латинскому *calcea* – «штанина» (Колесов, 1991. С. 60). Русские тексты XVIII в. позволяют раскрыть форму и назначение калош: «Калоши, деревянные башмаки или сандалии, на которых в дождь ходят», «Галоши, на башмаки надеваемые», «Галоши, деревянные башмаки у крестьян» (Словарь русского языка XVIII в., 1989. С. 86).

В настоящее время представляет интерес сравнение традиций ношения предохранительной обуви в средневековой Европе и России. Для этого имеется достаточно источников.

Западная Европа

Ношение «защитной» обуви в средневековых городах Западной Европы восходит к традициям древнего Рима. Деревянные колодки с ремennыми петлями для удержания на ноге археологи находят в римских военных лагерях: Селбурге, Зугмантеле и Малом Фельдберге и других (Busch, 1965. Taf. 30). В позднем Средневековье и в Новое время известны и полностью деревянные башмаки, ношение которых сохранялось до XX в. в ряде стран Южной и Западной Европы – Италии, Франции, Голландии, а также во многих областях северной Европы, в частности, на юге Швеции и ряде мест Финляндии (Вахрос, 1959. С. 54–55).

В документах позднесредневековой Англии отмечены три формы предохранительной обуви – *patterns* (патины), *clogs* (башмаки на деревянной подошве) и *galoshes* (галоши). Видимо, *clogs* имели деревянную основу с кожаным носком и крепились на ноге верхним ремнём или парой ремней поверх

стопы. Для практичности на большинстве снизу вырезались две ходули (*stilts*) или «каблук». Такие деревянные колодки появились на картинах со второй половины XIV в., хотя реально они стали широко употребляться людьми разного достатка только во второй половине XV в. Наиболее поздние образцы представлены в изобразительных материалах конца XVII в. (Swann, 2001. P. 78–79).

Судя по археологическим данным, патины были популярны во многих регионах Европы. В Скандинавии, как и в других местах, они появились примерно в конце XIII в., хотя большинство находок относится к XIV–XV вв. Большая коллекция колодок собрана в Турку, где при раскопках в 1980-е гг. найдены 32 деревянные и кожаные детали патин (рис. 1), датируемых концом XIV–XVI в. (Harjula, 2008. P. 65–67).

Рис. 1. Турку. Деревянные патины для ежедневного хождения по улице, снабжённые кожаными ремнями, иногда декорированными (Griffin, 2004. P. 55)

Несколько иного вида была обувь на плоских деревянных платформах, вырезанных по форме подошвы и обшитых со всех сторон кожей. Такие колодки описаны для Англии и других стран Европы XIV–XV в. Среди прочих городов такие «платформы» встречены в слоях XV–XVI в. в Вильнюсе (Steponavičiene, 2007. S. 145, pav. 104).

В странах Балтии в Новое и Новейшее время были в большом ходу деревянные башмаки со сходными названиями. Так, историки описали на острове Борнхольм деревянные клопнелс в XIX в. В Литве и в XX в. носили обувь с деревянной подошвой – клумпи. По форме они походили на русские колодки, а по названию – аналогичны резаным из дерева башмакам. По мнению этнографов, деревянная обувь в XVIII–XIX вв. заменяла в Литве лыковую обувь, хотя причины этого не называются.

Письменные источники XVII в. ясно говорят о том, что основным видом обуви у литовцев в это время были лапти, которые назывались вижос (*vyžos*). В Восточной Пруссии в 1724 г. правительством было запрещено изготовлять и носить лапти. В первой половине XVIII в. лапти перестали носить литовцы Восточной Пруссии; в течении XVIII в. они исчезают в Сувалкии и на большей части территории Жемайтии. Лапти в этих местах были вытеснены деревянными башмаками и кожаными башмаками на деревянной подошве. В XX в. деревянную обувь в Прибалтике уже считали традиционной. Её изготавливали сами крестьяне или сельские ремесленники в двух вариантах – полностью деревянные и деревянные с кожаным верхом (Историко-этнографический атлас Прибалтики, 1986. С. 144–147).

В Скандинавии, видимо, с конца XVII–XVIII вв. бытовали деревянные башмаки, наподобие голландских клопнелс и французских сабо. Но ранее этого времени здесь деревянная обувь ещё не прижилась (Курбатов, 2005. С. 240). Имеются наблюдения ученых XVIII в. о быте скандинавских народов. Так, Карл Линней, описывая региональные стили одежды 1730-х гг., упоминал деревянные туфли в Сконе, носимые с соломой внутри, очень удобные на холодном земляном полу в амбарах и домах. У. Д. Сирелиус отмечал, что подобная обувь бытовала в южной Финляндии уже с XVII в. Башмаки на деревянной колодке (*clogs*) в обоих регионах, вероятно, следует рассматривать как адаптацию их прототипов, привнесённых с континента. Сконе была частью Дании до 1658 г. и здесь носили *clogs* датского стиля, сходные с голландскими. Интересно отметить, что как туфли для крепостных они отмечены в листе Ландскроны за 1718 г. Широкое распространение деревянных туфель в Скандинавии приходится на XIX в. Одной из причин этого Ю. Сванн считает экономическую: их изготовление не требовало долгого обучения и обходилось намного дешевле, чем производство кожаной обуви. Такую обувь одевали для грязной работы на фермах, а также для повседневной работы пивовары, дубильщики, шахтеры и кузнецы. Она требовалась и на ряде производств, особенно на хлопковых фабриках. В 1834 г. Шведское Королевское патриотическое общество содействовало распространению деревянных туфель среди сельских и городских жителей. Ранее этого, уже в XVIII в., в Швеции были попытки наладить изготовление деревянной обуви для бедных, в то же время, не допускалось различий с модой горожан, для чего деревянные туфли всегда делали асимметричными – для правой и левой ноги. Исследователи отмечали и

региональные различия формы и внешнего вида деревянных башмаков в странах Скандинавии на протяжении XVIII – начала XX вв. (Swann, 2001. P. 156, 216–220). При археологических раскопках подобные клогс находили на поздних памятниках, в частности среди остатков стоянки промышленников на Шпицбергене (Боярский, 2003).

Предохранительная обувь в России

По мнению И. С. Вахроса, деревянная обувь в древнерусском быту не употреблялась (Вахрос, 1959. С. 54). Только в Новое и Новейшее время она стала употребляться как специфическая и региональная обувь, например, промысловая. В отдельных местностях Закарпатья, Волыни и смежных областей Украины и Белоруссии такие башмаки (колодки, колодяшки, деревянники) одевали при хождении по болотам (Маслова, 1956. С. 719). Однако, собранные по документам и этнографическим материалам названия деревянной обуви для XVIII – первой половины XX вв. свидетельствуют о её почти повсеместном ношении, значительно более широком, чем это ранее отмечали историки и филологи. Такие данные позволяют предполагать ношение специальных видов деревянной обуви и в средневековой России.

Названия деревянной обуви и колодок отражены в древнерусском языке. Для XI–XV вв. известны сандалии (сан(ъ)далие, сан(ъ)далиа), в которых можно видеть кожаную или деревянную подошву, привязанную к ступне (или голени) ремешками или оборами. Слово отмечено в Остромировом евангелии 1057 г. и Летописце Рогожском под 1352 г. (Вахрос, 1959. С. 161; Полное собрание русских летописей, 1965. С. 1, 61). Так часто называли обувь монахов, хотя содержание этого названия не всегда ясно. Так, в раннем списке Жития Иосифа Волоцкого (XVI в.) находим: «Обуца же подплесния древяныхъ корь плетение и въ всемъ худое имети и нищетою украшатися... Второй же чин еже простыми ядми присно довлетися... одежда же крепки едины и от кожъ обуца (список XVII в. – сандалия) просты» (Словарь русского языка XI–XVII вв., 1987. С. 183).

С XVII в. отмечено слово колодка как род деревянной сандалии, которую носят «франки»: «[1653] А франки... ходят... на колоткахъ боси по своему чину какъ хотятъ». Но как элемент русского быта слово колодка в это время имело несколько значений – сапожная колодка, деревянный каблук или род деревянной сандалии (Словарь русского языка XI–XVII вв., 1980. С. 246–247). Для XVIII в. она также отмечена в нескольких значениях, в том числе и как «колодка из корковаго (пробкового –

А. К.) дерева» (Словарь русского языка XVIII в., 1998. С. 100, 174). В конце XIX в. в ряде губерний (Владимирской, Воронежской, Нижегородской, Калужской, Пермской) колодкой или подножкой называли деревянную дощечку-подошву, которую крепили на лапти в дождливое время (Словарь русских народных говоров, 1978. С. 158; 1994. С. 102; Даль, 1881–1882. С. 351).

Зафиксированы и другие названия аналогичной обуви. Например, В. Даль приводит специфическое слово баклуша – деревянная подошва, которую промывальщики золота на сибирских приисках подвязывали к обуви (Словарь русских народных говоров, 2002. С. 62–63). В Псковской области бытовали колодки и капалыги: «Капалыги – кий деревянный, сверху маленько кожи, с каблуком, деревяшка не гиаецца, нелофко хадить» (Псковский областной словарь, 1984. С. 159); «Калотки насилии диривянны, далбёшки, из дерива их далбили, он как поршынь, толька весь диривянный» (Псковский областной словарь, 2004. С. 74–75). На Псковщине также называли сапожки или туфли на деревянной подошве, наряду с эстонскими формами и названиями деревянной обуви, например, клумба – в виде полуботинок с кожаным верхом и деревянной подошвой (Псковский областной словарь, 2004. С. 228). В Воронежской области одевали лёжки – род деревянной обуви для хождения по сырым местам (Словарь русских народных говоров, 1980. С. 336). На Русском Севере известны ваторы – кожаные сапоги на деревянной подошве (Архангельский областной словарь, 1983. С. 55).

Европейские деревянные патины не получили в средневековой России заметного распространения. Они не были найдены при археологических раскопках в русских городах. А единственный экземпляр деревянной подошвы-платформы найден при раскопках на Космодемьянской набережной в Москве в слое XVIII в. Это была пара обуви с подошвами из сосны и кожаными головками. По периметру подошвы на торце сохранились следы железных гвоздей (Осипов, 2006. С. 71, илл. 285).

В последние годы в слоях XVII–XVIII вв. археологи отмечали своеобразные формы плетёных из бересты лаптей, которые можно считать заменой деревянных колодок-патин, одеваемых для предохранения мягкой кожаной обуви от грязи и влаги. В русском языке для таких лаптей подходит название мокроступы. Особенность формы этой плетёной обуви – низкие боковины, не закрывающие верх стопы, и серия высоких берестяных петель вдоль верхнего края. Судя по следам смятости, в петли продевали кожаный ремешок или

толстую растительную нить, которая оплетала стопу и обувь сверху. Подобный мокроступ, например, недавно найден в Санкт-Петербурге при раскопках на территории Главного Штаба в выгребной яме первой половины XVIII в. (цв. илл. 24). В 2010 г. большое число похожих «лаптей» найдено при раскопках крепости Ниеншанц, также на территории современного Санкт-Петербурга (рис. 2), тогда как берестяные ступни с высокими боковинами в этой коллекции представлены единицами (рис. 3).

Подобные находки были и ранее, но их считали обычными носильными лаптями, в которых традиционно видели показатель бедности русских крестьян. Например, в 1957 г. при раскопках на Земляном городище в Старой Ладогe экспедицией

В. И. Равдоникаса, в слоях и комплексах XVI–XVII вв. (горизонт «В»), в заполнении одной из построек и в непосредственной близости от неё были найдены сразу 26 лаптей (рис. 4; 5), а также обрывки и обрезки кожи и кожаной обуви (см. Приложение), что, по мнению исследователя (Равдоникас, 1957-А. Л. 3), могло указывать на их принадлежность мастерской сапожника. Последнее предположение сомнительно, но саму концентрацию большого числа лаптей нельзя считать случайной. Там же, при раскопках в 1995 г. на Земляном городище передняя часть берестяного лаптя прямого плетения со следами стёртости на подошвенной стороне была найдена в слоях последней четверти XVI в., насыпанных при сооружении его бастионов в 1584–1586 гг. (Кирпичников, 1996-А. С. 2–3). К сожалению, фо-

Рис. 2. Берестяной лапоть-калоша из раскопа 48 на территории крепости Ниеншанц (Санкт-Петербург, 2010). Фото автора

Рис. 4. Берестяные лапти из раскопок В. И. Равдоникаса 1957 г. в Старой Ладогe (шифры ЛГ-130, ЛГ-131). Хранятся в ГЭ. Фото автора

Рис. 3. Ступни с высокими боковинами. Ниеншанц, 2010, раскоп 36. Фото автора

Рис. 5. Берестяные лапти из раскопок В. И. Равдоникаса 1957 г. в Старой Ладогe (шифры ЛГ-130, ЛГ-131). Хранятся в ГЭ. Фото автора

тография не даёт представления о конструкции и внешнем виде лаптя (Курбатов, 2001. С. 226, рис. 1).

Уже во время первых научных археологических раскопок в Ленинграде в 1952 г. на Васильевском острове были найдены подобного вида низкие лапти. Их сходство с находками 2010 г. в Ниеншанце видно по фотографии, приводимой в публикации. Их характерным признаком является очень низко сплетённая пятка и отсутствие вертикальных боковин (Грач, 1957. С. 21, табл. XXXIII).

Этнографы уже давно описывали неплотно сплетённые лапти с высокими ушниками, хотя не видели их специфического использования. Такие лапти-коверзны известны, например, в Себежском районе Псковской области. Эти «плохонькие» лапти плели из шести лык. Сначала настилали вдоль шесть лык и переплетали их поперек, начиная с головки, образуя пять ушей для обор. Уши надевали на деревянные спицы (Ганцкая и др., 1960. С. 53, рис. 27: а). Коверзны описаны и у белоруссов как самые простые их лапти – покосные, состоявшие почти только из одной подошвы (Маслова, 1956. С. 717–718). Подобного типа лапти отмечены и в этнографических материалах Латвии середины XIX в. (Slava, 1966. S. 91, 74 att.; Историко-этнографический атлас Прибалтики, 1986. С. 144, рис. 128: а).

Разумеется, может вызывать возражение такое сопоставление в использовании лёгких лаптей-коверзней у сельского населения Белоруссии и северо-запада России с условиями ношения подобных лаптей в городской среде. По-видимому, здесь следует усматривать две линии развития европейской одежды и обуви эпохи средневековья и Нового времени – городской и сельской. Если городская одежда в её наиболее престижных формах постепенно начинает внедряться в быт сельского населения, то обратный процесс (внедрение сельской одежды в городскую среду) за редкими и ограниченными по времени случаями практически нигде не засвидетельствован. Можно отметить и то, что при описании одежды крестьян Русского Севера в XIX – начале XX вв. этнографы называют ступни родом галош из берестяного лыка, которые одевали с портянками или шерстяными чулками, а лапти называют исключительно рабочей обувью (Слепцова, 2001. С. 331).

Заключение

Все приведённые материалы позволяют ещё раз обратить внимание на сохраняющееся в отечественной исторической литературе определение средневековых крестьян как беднейшей части населения, для которых основной формой обуви были

берестяные лапти. Это видно, например, в одной из последних обобщающих работ по культуре и быту древней Руси, где сообщается, что «Лапти всегда, вплоть до XIX – начала XX в., носили самые бедные люди» (Сабурова, 1997. С. 103). Хотя ещё 100 лет назад признанный знаток русской традиционной культуры Д. К. Зеленин писал, что «кожаные поршни как тип обуви много древнее плетённых из лент древесной коры лаптей» (Зеленин, 1982. С. 135–136).

В целом, обзор предложенных материалов показывает, что в средневековой Европе существовали специальные виды «предохранительной» обуви, простейшие формы которой делали сами жители для своего употребления. Подобную обувь могли носить и в средневековой Руси. Тот факт, что примитивные колодки в России или в других странах Восточной Европы не найдены при археологических раскопках, не может служить доказательством их отсутствия в средневековом быту. Возможно, здесь мы имеем тот случай, когда отсутствие знаний о предмете затрудняет его выделение в археологических контекстах. В средневековой России деревянные колодки могли заменять берестяные «лапти». Между тем отсутствие лаптей в комплексах ранее XVI в. (Курбатов, 2008. С. 252) может указывать на существование иного вида предохранительной обуви, ещё не выделенной в археологическом материале.

Следует также добавить, что бытовое использование разного рода «предохранительной» обуви, одеваемой поверх повседневной обуви, в том числе и для специфических условий хождения и работы, можно ожидать у многих народов мира, хотя крайне редко такую обувь выделяют в археологических и этнографических материалах. Была она и у северных народов. Например, на Русском Севере во второй половине XIX в. у саамов отмечены названия тоборы, тобоки, тобуры, топаки – это обувь наподобие калош, сделанных из оленьей шкуры шерстью наружу, надеваемая на пимы (Подвысоцкий, 1885. С. 172).

Помимо этого, в средние века, безусловно, использовали специальные деревянные колодки для хождения по льду. Их бытование доказывают частые находки железных ледоходных шипов в виде скобы с загнутыми вверх концами. Эти скобы набивали на деревянную доску-подошву и крепили поверх кожаной обуви. Выступ на нижней стороне шипов служил для удержания ноги от скольжения. Такие ледоходные шипы были наиболее распространены в Древней Руси. Они известны в письменных документах XVII в.

как «подков ловецкий» (Словарь русского языка XI–XVII вв., 1989. С. 268).

Отечественные археологи традиционно считают эти скобы заменой конских подков, предназначенных для движения лошадей по льду и набиваемых на их копыта. Эту версию подробно разобрал А. Н. Кирпичников, аргументируя её частыми находками «шипов» или «зимних конских подков» в погребениях X в. вместе с конями или конским снаряжением. Ледоходными же шипами для обуви он считал железные шипы треугольной или овальной в плане формы, а также в виде узкой пластины с загнутыми вверх концами, охватывавшей стопу с обувью по бокам (Кирпичников, 1973. С. 79–82, рис. 47).

Такая трактовка указанных археологических находок сегодня представляется сомнительной, прежде всего потому, что «шипы» в виде треугольника с загнутыми концами в русских городах малочисленны, а на многих сельских поселениях вообще неизвестны. В последнее время на треугольные шипы обратили внимание в Новгороде (Петров, 2006. С. 171–178), также они отмечены на поселении Нефедово (Кудряшов, 2006. С. 58, рис. 32: 10), в погребении Гнездово (Каменецкая, 1991. С. 147, рис. 10: 10), в Псковском кремле (Белецкий, 1981. С. 40–41, рис. 7: 9; 25). С другой стороны, подобные «шипы» широко использовались в странах Западной и Северной Европы. Их крепили на кожаной подошве или подметке при помощи полосы кожи или вставляли в прорези на подошве, о чем свидетельствуют результаты археологических раскопок (Christl G. and A., 1990. P. 105–109), в том числе в городах Прибалтики (Вилсоне, 1952. С. 123–134).

В отличие от мнения А. Н. Кирпичникова, следует также отметить иную трактовку железных шипов в виде овальной в плане шайбы длиной 30–45 мм с центральным зубцом и боковыми усами, загнутыми под прямым углом к основанию. Например, Б. А. Колчин считал, что их использовали, в основном, как оковки для деревянных палиц-ослопов, бывших «наиболее простым и массовым оружием древнерусских воинов» (Колчин, 1959. С. 114–116). Высказывались и другие мнения о назначении таких предметов (Недошивина, 1963. С. 51–54).

Источники и литература

Архангельский областной словарь. М., 1983. Вып. 3.

Белецкий С. В., 1981. Раскопки Псковского городища в 1977–1978 гг. // Древнерусские города. / Отв. ред. В. В. Седов. М.

Боярский П. В. (ред.), 2003. Полярный архив. М. Т. 1.

Вахрос И. С., 1959. Наименования обуви в русском языке. 1. Древнейшие наименования допетровской эпохи // Ежегодник Института по изучению СССР и Финляндии. Хельсинки. Приложение к № 6/10.

Вилсоне М. Р., 1952. Археологические раскопки в городе Риге // КСИИМК. Вып. XLII.

Ганцкая О. А., Лебедева Н. И., Чижикова Л. Н., 1960. Материальная культура русского сельского населения западных областей (во второй половине XIX – начале XX в.) // Материалы и исследования по этнографии русского населения Европейской части СССР. М. (ТИЭ. Новая серия. Т. LVII).

Грач А. Д., 1957. Археологические раскопки в Ленинграде // К характеристике культуры и быта населения Петербурга XVIII в. М.; Л.

Даль В. И., 1881–1882. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I–IV. СПб.; М.

Зарубин И. И., 1916. Обувь горных таджиков долины Бартанга // Сборник МАЭ им. Петра Великого при императорской Академии наук. Петроград. Т. III.

Зеленин Д. К., 1982. Терминология лапотного дела // Памятники культуры народов Европы и Европейской части СССР. Л. (Сборник МАЭ. Т. XXXVIII).

Историко-этнографический атлас Прибалтики. Одежда. 1986. Рига.

Калашникова Н. М., Грязева И. В., 2006. Традиционная обувь народов России. Учебное пособие. СПб.

Каменецкая Е. В., 1991. Заольшанская курганная группа Гнездова // Смоленск и Гнездово / Отв. ред. Д. А. Авдусин. М.

Кирпичников А. Н., 1973. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. Л. (САИ. Вып. E1-36).

Кирпичников А. Н., 1996–А. Отчет о раскопках Староладожской археологической экспедиции в 1995 г. в поселке Старая Ладога Волховского района Ленинградской области // Архив ИИМК РАН. КП 5069. Спб.

Кирсанова Р. М., 1995. Костюм в русской художественной культуре XVIII – первой половины XX вв. (опыт энциклопедии) / Отв. ред. Т. Г. Морозова, В. Д. Синюков. М.

- Колесов В. В., 1991. Язык города. М.
- Колчин Б. А., 1959. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого. М. (Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. II. МИА. Вып. 65).
- Кудряшов А. В., 2006. Древности Средней Шексны X–XIV вв. Череповец.
- Курбатов А. В., 2001. К истории лаптя на Руси (жизнь историографических мифов XVIII в.) // Тверской археологический сборник. Тверь. Т. II. Вып. 4.
- Курбатов А. В., 2005. История обувной моды в Скандинавии и восточноевропейские параллели. Рец.: June Swann. History of Footwear in Norway, Sweden and Finland. Prehistory to 1950. Stockholm. 2001 // АВ. № 12.
- Курбатов А. В., 2008. Музееведение и археология – две составляющих в изучении древнерусской моды и кожаного ремесла. Рец.: Осипов Д. О. Обувь московской земли XII – XVIII вв. 200 с.; 323 ил. 2006. М.: ИА РАН. Материалы охранных археологических исследований. Т. 7 // АВ. № 15.
- Маслова Г. С., 1956. Народная одежда русских, украинцев и белорусов в XIX – начале XX вв. // Восточнославянский сборник. Очерки народной материальной культуры русских, украинцев и белорусов в XIX – начале XX в. М. (ТИЭ. Новая серия. Т. XXXI).
- Недошивина Н. Г., 1963. Предметы бытового назначения // Ярославское Поволжье X–XI вв. / Отв. ред. А. П. Смирнов. М.
- Осипов Д. О., 2006. Обувь московской земли XII–XVIII вв. // Материалы охранных археологических исследований. М. Т. 7.
- Петров М. И., 2006. Обувные шипы из новгородских раскопок // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород. Вып. 20.
- Подвысоцкий А. О., 1885. Словарь областного Архангельского наречия. СПб.
- Полное собрание русских летописей. М., 1965. Т. 15. Рогожский летописец.
- Псковский областной словарь. Л.; СПб., 1984. Вып. 6; 2004. Вып. 14; 2004. Вып. 15.
- Равдоникас В. И., 1957-А. Отчет о работе Староладожской экспедиции 1957 г. // Архив ИИМК РАН. Ф. 35, оп. 1, д. 10. СПб.
- Сабурова М. А., 1997. Обувь // Древняя Русь. Быт и культура. М. Серия: Археология.
- Слепцова И. С., 2001. Происхождение поясной одежды крестьянок Русского Севера // Русский Север. Этническая история и народная культура XII–XX века / Отв. ред. И. В. Власова. М.
- Словарь русских народных говоров. Л.; СПб., 2002. Вып. 2 (2-е изд.); 1978. Вып. 14; 1980. Вып. 16; 1994. Вып. 28.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1980. Вып. 7; 1987. Вып. 12; 1989. Вып. 15.
- Словарь русского языка XVIII в. Л.; СПб., 1989. Вып. 5; 1998. Вып. 10.
- Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В., 1971. Краткий этимологический словарь русского языка. М. Изд. 2-е.
- Широкова З. А., 1970. Одежда // Таджики Каратегина и Дарваза. Душанбе. Вып. 2.
- Busch Anna-Lisa, 1965. Die römerzeitlichen Schuh- und Lederfunde der Kastelle Saalburg, Zugmantel und Kleiner Feldberg // Saalburg – Jahrbuch. Bd. XXII. Berlin.
- Christl G. and A. von, 1990. Mittelalterliche Eiskrebse mit Lederfassung aus der Cottbuser Altstadt // Ausgrabungen und Funde. № 35/2.
- Griffin. Middle Ages in the Middle of Turku. Turku, 2004. Turku Provincial Museum Publications. № 5.
- Harjula J., 2008. Before the heels. Footwear and shoemaking in Turku in the Middle Ages and at the beginning of the Early Modern period // Archaeologia Medii Aevi Finlandiae. Saarijärvi. № XV.
- Slava M., 1966. Latviešu tautas tērpi // AuE. Rīgā. № VII.
- Steponavičienė D., 2007. Pilies festivalio aidai // Lietuvos Pilyys 2006. Vilnius. № 2.
- Swann J., 2001. History of Footwear in Norway, Sweden and Finland. Stockholm.

Приложение

Кожаная и берестяная обувь из раскопок Земляного Городища в Старой Ладоге в 1957 г., хранящаяся в ГЭ (шифр ЛГ)

№ п/п	№. полевой	Наименование предмета	Квадрат, глубина	Слой
27	25	Лапоть	О-ХVI, гл. +16	Рядом с жилищем
28	26	Лапоть (обрывок задника)	Ф-ХVI, гл. +23	
45	36	Каблук кожаный многослойный	У-ХVI, гл. +30	
69	53	Кожаный многослойный каблук	П-ХVIII, гл.+22	Жилище
84	59	Лапоть	С-ХVI, гл. +37	
85	60	Поршень кожаный – 6 кусков	Т-ХVI, гл. +39	
87	62	2 куска кожи	Н-ХV, гл. +12	
116	72	Поршень кожаный – 3 куска	П-ХVII, гл.+25	Жилище
119	87	Каблук кожаный многослойный	П-ХVII, гл.+20	Жилище
120	87	4 обрезка кожи	Там же	Там же
121	73	Лапоть (остатки)	Там же	Там же
122	73	Лапоть (остатки)	Там же	Там же
123	73	Лапоть в хорошей сохранности	Там же	Там же
124	73	Лапоть в хорошей сохранности	Там же	Там же
125	73	Лапоть (остатки)	Там же	Там же
130	76	Лапоть	Там же	Там же
132	76	Передняя верхняя часть кожаного поршня	Там же	Там же
133	76	Остатки поршня – 2 куса	Там же	Там же
150	86	Лапоть	О-ХVII, гл.+24	Жилище
152	77	Обрезки кожи – 47 кусков	П-ХVII, гл.+23	Жилище

N. п/п	N. полевой	Наименование предмета	Квадрат, глубина	Слой
153	92	Лапоть	Там же	Там же
159	100	Кож. подметка с тиснением и каблук	Там же	Там же
160	100	3 обрезка кожи	Там же	Там же
174	107	Лапоть	Там же	Там же
175	107	Лапоть	Там же	Там же
176	107	Обрывок лаптя	Там же	Там же
177	107	Лапоть	Там же	Там же
178	107	Лапоть	Там же	Там же
179	107	Лапоть	Там же	Там же
180	107	Обрывок лаптя	Там же	Там же
181	108	Обрезки кожи – 14 кусков	Т-XVII, гл.+28	
183	112	Лапоть	Там же	
184	112	2 обрывка лаптя	Там же	
187	113	Лапоть	Ф-XVII, гл.+32	
188	113	Задняя часть лаптя	Там же	
189	113	Задняя часть лаптя	Там же	
190	113	Задняя часть лаптя	Там же	
195	116	Носочная часть лаптя	У-XVII, гл.+30	
196	116	Кожаная обувь (поршень)	Там же	
219	124	Обрезок кожи	Ф-XVII, гл.+32	
242	141	Обрезок кожи	Ф-XVI, гл. -9	
255	149	Стелька или подметка кож. обуви без следов шитья (заготовка ?)	С-XVI, гл. +2	
267	152	Многослойный каблук – 7 кусков	П-XV, гл. -12	
271	153	2 обрезка кожи	С-XVII, гл.+14	
273	154	3 обрывка кожаной обуви	Т-XVII, гл. +1	

№ п/п	№ полевой	Наименование предмета	Квадрат, глубина	Слой
274	156	Остатки кожаной обуви (поршень)	У-XVII, гл. -4	
288	158	3 обрезка кожи	У-XVII, гл. -4	
289	158	Остатки кожаной подметки	Там же	
338	184	Кожаные ножны	П-XVI, гл. +9	
472	262	Обрывок кожаной обуви	Ф-XV, гл. -13	
489	271	Обрывок кожи	Т-XIV, гл. -8	
829	478	Кусок подметки и многослойного каблука	У-XV, гл. -56	
1014	77	Кожаная подметка с ремесленным тиснением	П-XVII, гл. +23	Жилище
1015	77	Головка кожаного сапога	Там же	Там же
1016	77	Кожаная подметка	Там же	Там же
1017	77	2 куса кожи с тиснением, использованы для каблука	Там же	Там же
1018	77	Кожаный многослойный каблук	Там же	Там же
1019	77	Поршень из одного куска кожи	Там же	Там же
1020	77	3 куска от кожаной обуви	Там же	Там же

Белоглиняные курительные трубки из раскопок Охтинского мыса (по материалам работ 2010 г.)

Т. Н. Пошернева

В последние годы в нашей стране получили широкое развитие археологические исследования объектов и слоёв эпохи, которая раньше не считалась предметом изучения – эпохи нового времени. Её история, обеспеченная большим количеством письменных источников, долго представлялась слишком подробно изученной, чтобы археология могла внести свою лепту. Однако, уже к середине прошлого века теоретическое переосмысление задач археологии, а также изменение отношения к недавнему прошлому подготовили почву для становления археологии нового времени.

Спасательные археологические работы, развернувшиеся в огромном масштабе в исторических центрах российских городов, открыли свету утраченные материалы и категории материальной культуры недавнего прошлого. Оказалось, что предметы быта XVII–XIX вв. представляют собой иногда гораздо менее изученную и понятную область, чем материальная культура средневековья и более ранних эпох. В отечественной науке археологическое исследование этих категорий материальной культуры находится на начальной стадии. Накопление материала из спасательных археологических работ неизбежно требует его осмысления и интерпретации¹.

Курительные трубки – уникальный феномен археологии эпохи нового времени, уже давно отмеченный европейскими и американскими исследователями. Распространение культуры ку-

рения в XVI–XVII вв. маркирует первый период глобализации, установления прочных связей между культурными и торговыми центрами во всем мире. Английские и голландские белоглиняные курительные трубки находят повсеместно при раскопках всех европейских городов XVII в., а также колониальных поселений обеих Америк, военных и торговых центров на берегах Африки и Австралии. В Азии, ближневосточном и средиземноморском регионах, Южной Европе в XVII–XIX вв. распространяется другой тип трубок – короткие, чаще всего, красноглиняные, трубки («турецкие», «персидские», «египетские» типы)². Изучение белоглиняных трубок дало возможность проследить эволюцию их форм и декора, менявшихся в соответствии с модой, и создать типохронологические шкалы (Duco, 1982, 1987, 2003; Oswald, 1951, 1975; Atkinson, Oswald, 1969). Хрупкость глиняных трубок и короткая жизнь этих объектов представляет особую важность для археологов, поскольку археологизация трубок происходила достаточно скоро после их изготовления. В итоге исследований европейских археологов было обнаружено, что трубки часто обеспечивают более точную и узкую дату, чем традиционные датирующие находки – монеты и керамика.

За последние 20 лет в России белоглиняные трубки найдены в большом количестве в целом ряде центров, связанных с европейской историей XVII в. (Калининград-Кенигсберг, Выборг, Ниен, крепости Орешек, Ивангород, Ниеншанц), а также в слоях Санкт-Петербурга XVIII в., связанных с распространением культуры и привычки курения в России после петровских реформ (Грач, 1957; Сорокин, 2001, 2003; Кормильцева и др., 2004; Сорокин и др., 2009а, 2009б; Завьялов и др., 2010). Накоплена значительная база материалов, однако, до сих пор практически отсутствуют публикации с научным определением и интерпретацией этого материала,

¹ В ходе работы использовались полевые материалы (чертежи, описи, технические отчёты) Охтинской археологической экспедиции ИИМК РАН. Приношу глубокую благодарность начальнику экспедиции к.и.н. Н. Ф. Соловьёвой, любезно разрешившей мне пользоваться указанными материалами, а также другим сотрудникам экспедиции, консультировавшим и помогавшим в ходе моей работы. Отдельную благодарность приношу специалистам по изучению трубок Дону Дуко (Нидерланды) и Дэвиду Хиггинсу (Великобритания) за консультации и уточнение спорных атрибуций. Информация, полученная от Д. Дуко отмечена в тексте одной звёздочкой (*), от Д. Хиггинса – двумя (**).

² Такие трубки также были найдены в ходе работ на Охтинском мысу, но в значительно меньшем количестве. Коллекция восточных красноглиняных трубок требует отдельного исследования. Настоящая работа посвящена исключительно европейским белоглиняным трубкам.

находки трубок фактически игнорируются при вопросах датировки археологических комплексов.

Вопросам определения белоглиняных курительных трубок посвящена лишь одна статья на русском языке (Зурабян, 1997). Н. М. Зурабян привела общие сведения о распространении табака в Европе и России, типологическую схему голландских трубок, некоторые примеры находок из Орешка и Петербурга. Однако, этого краткого обзора совершенно недостаточно для анализа всего разнообразия находок, обнаруженных в последнее время. Кратко осветив историю и технологию трубочного производства в Европе, мы постараемся обозначить важнейшие моменты, необходимые археологам для первичной атрибуции курительных трубок.

Самые ранние упоминания о курении табака в Англии с помощью трубок относятся к 1570-м гг. Привычку, заимствованную от американских индейцев, привезли в Европу английские колонизаторы, солдаты и моряки. Попав в Англию, привычка распространилась в аристократических слоях и сразу стала предметом подражания и моды. С начала XVII в. началось постепенное падение цен на табак в связи с созданием плантаций табака в Америке и обширного выращивания табака в Англии. Привычка курить быстро распространилась в другие страны Европы и Азии.

Первые мастерские по производству трубок появились в конце XVII в. в Англии. Первые мастера часто использовали местные глины, это были небольшие семейные мастерские, которые обеспечивали своей продукцией небольшие районы, радиусом не более 10–15 миль. Аналогичные мастерские в портовых городах осуществляли значительные поставки в колониальные страны (Oswald, 1975. P. 9).

Вторым по значимости производителем трубок в Европе стала Голландия. Первые мастерские, появившиеся на рубеже XVI–XVII вв., работали под руководством английских мастеров. После размежевания традиций производства в первой трети XVII в. взаимовлияние английских и голландских производителей и взаимный импорт этих двух центров были минимальными. Начиная примерно с 1615 г. голландское трубочное производство быстро расширяется. До 1630 г. это ещё кустарная промышленность, но уже появляются отдельные мастерские, которые превращаются в более крупные ремесленные мануфактуры с серийным производством. Хотя в течение всего XVII в. трубки в Голландии производят повсеместно, с

1620 г. главную роль играет Амстердам. Успешно конкурирует с Амстердамом Гауда, которая в дальнейшем выходит на первое место по качеству и популярности своего товара. Важную роль сыграла организация гильдии мастеров в Гауде в 1661 г. Жёсткая конкуренция и соперничество гаудских мастеров, а также специализация труда подняли качество продукции на небывалую высоту. Трубки из Гауды за период 1690–1750 гг. становятся популярными не только в Голландии, но и во всей Европе. Это оказалось губительно для региональных центров, где отток заказчиков привёл к снижению качества, в то время как в Гауде, наоборот, увеличивается число мастерских, растёт конкуренция и, как следствие, улучшается качество (Duso, 1987. S. 8, 10–11, 44). XVIII в. – время расцвета гаудской трубочной промышленности. Трубки из Гауды поставляли по всему миру, и также широко подражали гаудским формам трубок, а в Европе часто шли и на подделку трубок с гаудскими клеймами. Многие немецкие подражания очень трудно отличить от голландских образцов. После 1750 г. начинается постепенный упадок индустрии. Причиной упадка стала повсеместная подделка клейм, а также протекционистская политика, отразившаяся на падении экспорта. В XVIII в. трубочное производство быстро развивалось не только в Германии, но и в Австрии, Швеции, Польше, Франции (Duso, 2003. S. 254–255).

На протяжении XVII и XVIII вв. Англия и Голландия являлись наиболее крупными центрами по производству белоглиняных трубок, диктовавшими моду в этой отрасли и генерировавшими основные формы, которым подражали остальные центры.

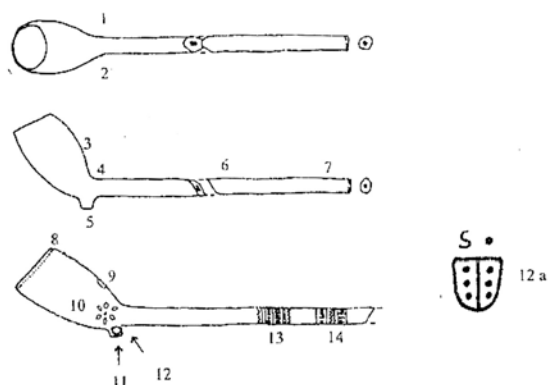
Терминология и технология

Важным разделом в изучении белоглиняных трубок является технология производства. Для обозначения частей трубки мы будем использовать, за некоторыми исключениями, термины, предложенные в статье Н. М. Зурабян (1997. С. 89). Часть трубки, содержащая камеру для табака, называется чашкой, длинная тонкая часть с дымоходным каналом – стеблем (другие названия «рукоятка» и «чубук» неточно передают значение). Противоположное от чашки завершение стебля, обычно более узкое, – мундштук. Характерный выступ под чашкой, выполнявший разные функции (подставка, упор для придерживания и подвешивания, место клейма) – пятка (иначе «каблук»). Варианты клеймения и украшения трубок чрезвычайно разнообразны. Край чашки часто бывает оформлен окантовкой. Штампованное изображение на торце пятки обычно представляло собой клеймо производителя, рельефные изображения на боковой части пятки

мы будем для отличия называть марками. Стебель бывает украшен штампованным опоясывающим орнаментом, реже – рельефным (рис. 1).

Для производства трубок использовалась особая белая глина, которая в процессе обжига сохраняла свой яркий цвет. В Голландии подходящее сырьё добывалось в Маастрихте, но в периоды примирения с Англией предпочитали импортировать глину морским путём. Глиняное сырьё проходило сложную процедуру отмучивания. Формовка трубки происходила в двустворчатой металлической (бронзовой или латунной) форме. Вначале из куска глины изготавливалась заготовка-валик. Один конец валика оставался утолщённым, на его месте должна была быть сформована чашка. В заготовку вставлялась железная проволока для формирования дымоходного канала. Затем заготовку помещали в форму, которая тщательно закрывалась и помещалась в пресс. С помощью специального инструмента (в форме жёлудя) вращательным движением формовалась внутренняя камера в чашке. Затем удалялись излишки глины, отмерялась длина стебля, трубка извлекалась из формы, маскировались литейные швы (Duso, 1987. S. 18–20).

Отличием английского способа производства было использование для формовки специальных тисков, совмещённых с рычагом-втулкой, опуская который, мастер формовал внутреннюю камеру чашки более простым образом. Исследователи отмечают, что именно поэтому на внутренней стороне чашки голландских трубок можно видеть круговые следы, а на английских – вертикальные (Oswald, 1975. P. 17–18).

Илл. II. Названия частей трубки по М. Кюлеру. 1. Правая сторона. 2. Левая сторона. 3. Голова. 4. Шей. 5. Пятка. 6. Стебель. 7. Мундштук. 8. Окантовка. 9. Внутренняя марка. 10. Боковая марка. 11. Пяточная марка. 12, 12 а. Боковая пяточная марка. 13. Орнамент стебля. 14. Надпись на стебле.

Рис. 1. Части белоглиняной курительной трубки и их названия (по Зурабян, 1997. С. 89)

Следующим технологическим этапом была отделка поверхностей трубки. Маленьким диском из дерева или кости скруглялся верхний край чашки, другим приспособлением с бронзовым колёсиком или зубчатым ножом наносили окантовку по краю чашки. На рубеже XVII–XVIII в. эта традиция в Англии прервалась. Считают, что это было связано с появлением специальной щели в английской форме, позволявшей обрезать чашку, пока трубка ещё находилась в форме. С этой щелью связано и изменение формы английских трубок, выразившееся в том, что край чашки стал параллелен стеблю – черта, которая полностью отсутствовала в Голландии до середины XIX в. (Oswald, 1975. S. 17–19).

В некоторых случаях штемпелем наносили клеймо на пятку. Металлической пластиной с рельефом наносили опоясывающий декор на стебель и надписи, характерные для голландских трубок (Duso, 1987. S. 20; Kluttig-Altman, 2001. S. 32–36). Лучшие экземпляры подвергались лощению. Тщательная обработка (полировка) более характерна для голландских трубок.

После высушивания трубки помещали в специальные горшки для обжига, чашками вниз (от 250 до 600 штук вместе). Горшок закрывался конической крышкой и герметично запечатывался глиной (Duso, 1987. S. 21). Обжигом чаще всего занимались сторонние гончары. Тяжёлые горшки с трубками устанавливались в первом ярусе печи, а на втором размещалась обычная посуда. Бывали случаи, когда полива, стекавшая с керамики, попадала на трубки.

Типология курительных трубок и методы датирования

Морфологические черты курительных трубок менялись со временем. Давно было отмечено, что одной из основных причин этих изменений было увеличение порции табака вследствие постепенного падения его стоимости. Кроме этого, курительная трубка всегда была предметом моды, и внешний облик трубок отражал постоянно менявшиеся предпочтения потребителя. Изменялись длина трубки, толщина стебля, размер и форма чашки, декор чашки и стебля. Систематизация и изучение морфологических особенностей курительных трубок имеет длительную западноевропейскую исследовательскую традицию. Результатом ее стали типологические разработки и методики датирования, позволяющие чрезвычайно точно определить время производства трубки.

Первые специальные археологические исследования английских белоглиняных курительных трубок

появились ещё в 1950-е гг. Адриан Освальд впервые предложил типологию английских трубок, в основу которой было положено изменение формы чашки (Oswald, 1951). Периоды бытования отдельных форм чашек, по исследованиям А. Освальда, составляли в среднем около 30 лет, что позволяло достаточно узко датировать чашки глиняных трубок. Монография А. Освальда «Глиняная трубка для археолога» до сих пор остается лучшим обобщающим обзором английского материала (Oswald, 1975)³ (рис. 2). В то же время, как уже говорилось, особенностью английского трубочного ремесла была рассеянность производства, вследствие чего формы трубок каждого региона в Англии имели существенные отличия от соседних. Поэтому дальнейшие исследования английских трубок пошли по пути изучения региональных особенностей (рис. 3) (White, 2003).

Особой методикой, применяемой к английским трубкам, является датирование по диаметру отверстия дымоходного канала в стебле трубки (Harrington, 1954; Binford, 1978). Диаметр канала, начиная с конца XVI в. до начала XIX в., постепенно уменьшался, и были предложены формулы для вычисления датировки (диаметр канала измеряется в 64-х долях дюйма). Дальнейшие исследования показали, что метод может использоваться лишь при действительно больших количествах (сотнях) обломков стеблей английских трубок со значительными оговорками и калибровкой (Orser, 2002. P. 475).

Формы английских трубок XVII в. очень разнообразны. В некоторых районах были популярны приземистые, шаровидные формы чашек, в других – более вытянутые. Характерным является одновременное сосуществование разных форм пятки – от очень широких плоских (подставки) до очень узких конических («шпоры»). Характерной чертой именно английских трубок, начиная с рубежа XVII–XVIII вв., является параллельность стебля и среза чашки. Достаточно редко встречается лощение, с начала XVIII в. исчезает окантовка по краю чашки. Клейма на пятке встречаются достаточно редко: для XVII в. наличие клейма на пятке вообще не характерно (около 1%), постепенно количество клеймённых трубок возрастает и к XIX в. достигает 60%. Штампованный декор на стебле практически не использовался. Для английских трубок XVII–XVIII вв. характерно большое разнообразие в употреблении инициалов и имён производителей в виде рельефных или штампованных клейм на стебле в различных рамках или вокруг стебля. Некоторые типы надписей характерны для отдельных регионов

и бытовали достаточно узкое время (Oswald, 1975. P. 62–79).

Рельефный декор на английских трубках появляется не раньше середины XVII в. Например, одним из наиболее частых украшений чашки является рельефное изображение шелковицы (ок. 1650–1700 гг.). В первой половине XVIII в. были характерны рельефные гербы и торговые знаки таверн, изображённые на стеблях трубок, во второй половине столетия распространяются рельефные орнаменты на чашках (геральдические изображения и масонские эмблемы) (Oswald, 1975. P. 96–110).

В целом, стоит признать большое разнообразие и различие английских трубок, при изучении которых, в первую очередь, стоит опираться на типологические таблицы, разработанные для отдельных регионов.

Исследования по типологии и систематизации голландских трубок начались в 1970-х гг. В 1975 г. Ф. Фридрих предложил метод датировки трубок, который основывался на измерениях параметров чашки. Датировка трубки вычислялась по графику изменения во времени коэффициента, получаемого при перемножении ширины, внутреннего диаметра и высоты чашки (Friedrich, 1975). Вскоре, однако, была обнаружена неточность этого метода (Duso, 1982; Wallin, 1983. S. 134–135). К 1982 г. голландский исследователь Дон Дуко разработал первую типологическую схему эволюции форм чашек голландских трубок. Периоды существования отдельных форм трубок составляли в среднем около 30 лет (Duso, 1982. S. 111). В 1987 г. Дон Дуко опубликовал ключевую монографию «Голландские глиняные трубки. Руководство для датировки и определения» (Duso, 1987). Автор показал, что прямолинейный метод Фридриха является ошибочным, поскольку размеры трубок часто представляли лишь вариации ассортимента. Взамен Дуко предложил разработанную им «дедуктивную» систему датирования, основанную на комплексном анализе всех признаков глиняной трубки: формы чашки, сведений о производителе (клейма и надписи), дополнительных марок, характера орнамента, качества. Благодаря этой системе, как показал Дуко, в некоторых случаях дата трубки может быть определена с точностью до нескольких лет. В монографии представлена значительная подборка сведений по указанным признакам глиняных трубок, что делает её незаменимым руководством для археолога.

Основным признаком для датировки является форма чашки. Д. Дуко выделяет пять «базовых

См. также таблицу в Atkinson, Oswald, 1969.

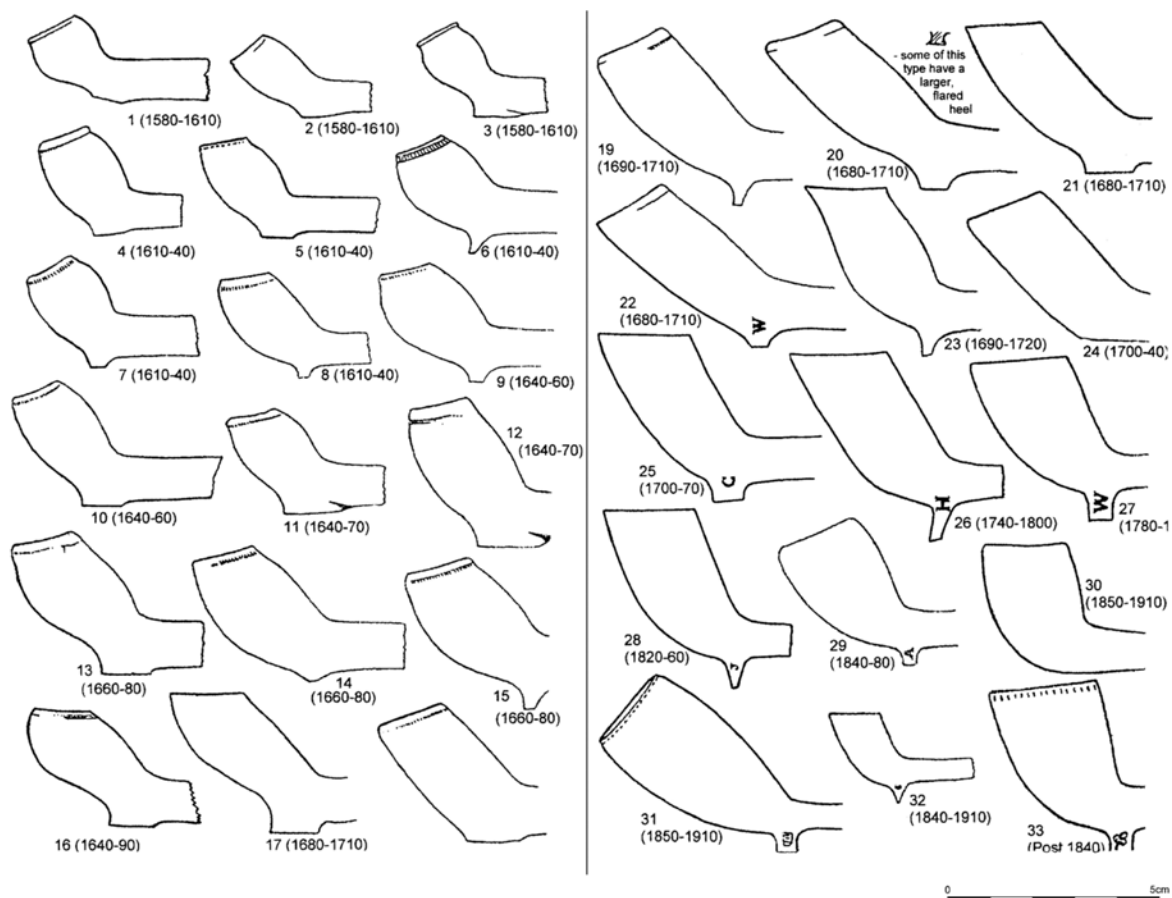

Рис. 2. Типология лондонских курительных трубок (по Atkinson, Oswald, 1969)

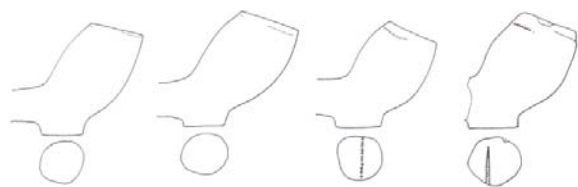

Рис. 3. Шаровидные формы йоркширских трубок второй половины XVII в. (по White, 2003)

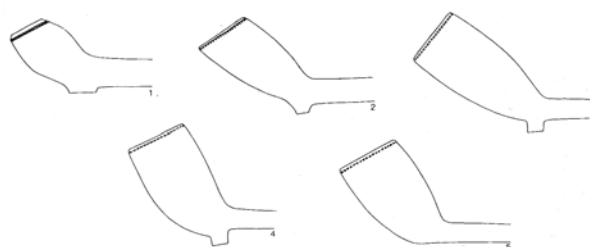

Рис. 4. «Базовые» типы форм голландских трубок XVII–XIX вв. (по Ducu, 1989)

форм» чашки: биконическую, воронкообразную, овальную (яйцевидную), форму с изогнутой чашкой и круглодонную беспяточную форму (рис. 4). Последние три формы сосуществовали в голландском производстве на протяжении второй половины XVIII–XIX вв. Эволюция форм голландских трубок была связана с тенденциями моды и с постепенным увеличением чашки. Базовые типы сменяли друг друга, причём известно, что старые типы иногда

продолжали сосуществовать некоторое время с новыми. Голландцы очень трепетно относились к пропорциональному соотношению частей трубки, поэтому с изменением чашки менялся и облик всей трубки. Для голландских трубок существовало понятие стандартной длины – «мера» (*maat*). Длинные голландские трубки во второй четверти XVII в. достигали 32 см (12 дюймов). В дальнейшем заметна тенденция к их удлинению. В последней

четверти XVII в., когда чашка становится более высокой, их длина составляет 44 см (17 дюймов), в первой четверти XVIII в. – 49 см (19 дюймов), с 1730-х гг. – 53 см (21 дюйм). В качестве дополнения к основному ассортименту более умелые и состоятельные мастера могли позволить производство трубок «сверх меры» (*bovenmaat*), длина которых составляла 25, 29, 33 и 37 дюймов (последняя почти метр длиной). В ассортименте изредка присутствовали трубки в «полмеры» и в «четверть меры» (Ducó, 2003. S. 200–201).

Во второй половине XVII в. в Голландии возникло разделение трубок на три категории качества, что имело существенное значение для особенностей морфологии трубок. В первую очередь, благодаря тщательной полировке стебля, что являлось трудозатратной процедурой, выделяются «фаянсовые» (голл. *fijne*) трубки с полированной поверхностью, круговой штампованной окантовкой чашки, с клеймом на пятке и штампованным декором на длинном стебле. Это был престижный и дорогостоящий продукт, сделанный с большой тщательностью. Начиная с 1640-х гг. качественные трубки стали после обжига опускать в мыльный раствор, что придавало им желаемый блеск. Такие трубки называли «порцелиновыми» (голл. *porceleijne*) по причине того, что такая обработка делала их внешне похожими на фарфор. Такие трубки считались трубками наивысшего качества. Обычные трубки стали именоваться грубыми (голл. *groffe*). Как правило, это более короткие трубки длиной 24 см (9 дюймов), которые не подвергались лощению, а единственным их украшением были рельефные марки в виде стилизованной розы, состоящей из рельефных точек, с обеих сторон чашки. С 1660-х гг. на грубых трубках, за редким исключением, нет орнамента стебля и клейм на пятке. Штампованная окантовка по краю чашки также редко применялась в грубом типе. С начала XVIII в. важным изменением является то, что пятка грубых трубок превращается в узкую коническую «шпору», а клеймо производителя наносилось в виде рельефного изображения на боковой стороне чашки. Постепенно на месте этих боковых клейм появляются подробные фигуративные рельефные украшения. Трубки, богато украшенные рельефным декором, также относились к грубым, но цена их могла быть значительно выше, так как их количество было небольшим, и для их изготовления была необходима специальная форма (Ducó, 2003. S. 199–201).

В действительности нет точного определения всех трех типов качества (грубого, «фаянсового» и «порцелинового»), критерии менялись во времени

и даже в зависимости от мастерской, каждая из которых старалась представить на рынок все три категории качества, но уровень мастерства в их изготовлении существенно отличался.

Ранние голландские трубки по своим формам практически неотличимы от английских. Их характеристиками являются очень небольшие размеры и шероховатая поверхность. Как правило, чашки были овальными и слегка выпуклыми. Первоначально край чашки срезали ножом, и он оставался необработанным. Стебель переходил в плоскую пятку или небольшую «шпору». Клейма в это время были редкостью. После 1620 г. голландские трубки приобрели определённые отличительные черты. Появляется и доминирует биконический тип формы чашки, просуществовавший почти до самого конца XVII в. (рис. 4: 1).

Биконическая форма претерпевает множество изменений, но главный принцип её сохраняется. До 1640 г. чашки становятся все более пузатыми, и достигают максимальных размеров, а с середины XVII в. трубки приобретают более стройную и высокую форму. В 1680-х гг. чашка достигает наибольшей высоты. На смену биконическому типу формы в конце XVII в. приходит воронкообразная форма (рис. 4: 2). Размер чашки постепенно увеличивается за счет ширины верхней части чашки. Расцвет этой формы приходится на начало XVIII в. Около 1700 г. производились высококачественные трубки элегантной воронкообразной формы с тонкими стенками и тонким стеблем. Эта форма остаётся в употреблении до 1730-х гг. Между 1735 и 1740 гг. начинается новая фаза. Под влиянием требования к увеличению содержимого трубки, форма становится овальной или яйцевидной (рис. 4: 3). Овальная форма чашки воспроизводится очень долго и широко имитируется. Вначале эта форма обладает стройностью, постепенно чашка приобретает больший объем и становится более массивной. С середины XVIII в. для гандских трубок характерна полная симметрия чашки относительно оси вращения, край чашки располагается к ней под углом 90° (Ducó, 2003. S. 200–201).

Для трубок грубого качества, производившихся в Голландии между 1700 и 1720 гг., также характерна воронкообразная форма, но пятка, которая для этого типа не является носителем клейма, превращается в «шпору». На протяжении последующего столетия форма чашек грубых трубок не претерпевает эволюции, характерной для трубок более высокого качества. Только отдельные экземпляры во второй половине XVIII в. приобретают яйцевидную форму (Ducó, 2003. S. 202).

Помимо доминирующего яйцевидного типа, в первой половине XVIII в. появляются также ещё два базовых типа: с приподнятой головой и округлодонный (рис. 4: 4–5). Трубки со приподнятой головой были непопулярны в Голландии вплоть до XIX в. и производились на экспорт. Трубки округлодонной формы с коротким стеблем (не длиннее 25 см) производились как более качественный вариант для низшего сословия. В XIX в. овальная чашка еще больше увеличивается в размерах, оставаясь основным типом. Со второй половины XIX в. происходят большие изменения формы голландских трубок, которые стали подражать иностранным, в первую очередь, французским.

Важную роль для определения датировки голландских трубок, особенно в фрагментированном виде, играет толщина стебля. В последнее десятилетие XVII в. в связи с усовершенствованием технологии очистки глины, а также переходом к стройной воронкообразной форме чашки произошло резкое сокращение диаметра стебля – с 10 мм до 6 мм. В то же время, в соответствии со стремлением гаудских мастеров придать трубке идеальные пропорции, трубки XVIII в. с очень длинным стеблем (*bovenmaat*) имели большие размеры чашки и больший, чем обычно, диаметр стебля*.

Уникальным датирующим признаком для гаудских трубок является особая рельефная марка в виде герба города Гауды, наносившаяся на боковые стороны пятки (рис. 1: 12а). Для того, чтобы защитить свою продукцию от подделок, членам гильдии трубочников Гауды в 1739 г. была дана привилегия (патент) на нанесение клейма в форме герба Гауды, которое должно было наноситься на боковую сторону пятки трубок «порцелинового» качества. Это было сделано для того, что бы предотвратить продажу трубок более низкого качества под видом лучших трубок. Подделка каралась высоким штрафом. Вскоре, однако, выяснилось, что трубки других сортов, например, «фаянсового» качества, трудно сбыть, так как продавцы отказывались от них из-за того, что на них не было характерного гаудского знака качества. В 1740 г. гаудским мастерам была дана новая привилегия, по которой и менее качественные трубки с обеих сторон от пятки должны иметь клеймо в форме герба Гауды, с добавлением буквы S (от голл. *slegte*, «хуже»). Правда, этот закон действовал только в провинции Голландия и в Западной Фрисландии, в других же городах любой производитель трубок мог свободно использовать гаудский герб (Ducso, 1982. S. 20–21). Существует

масса примеров подделок гаудского герба, наиболее частыми они были в Альпене-на-Рейне в Голландии и Вестервальде в Германии.

С конца XVII в. возникают разнообразные рельефные марки на боковой части пятки, свидетельствующие о разделении производства в больших мастерских, где трудились несколько подмастерьев, каждый из которых выбивал знак отличия на своей форме. Такие марки представляют собой, как правило, простые точки, иногда полумесяц, звезду или цветок (Ducso, 1987. S. 79).

Особенно широко распространены были крупные рельефные марки на боковых сторонах чашки в виде стилизованной розы Тюдоров (чаще всего, рельефные точки, расположенные вокруг одной центральной) (рис. 1: 10). Это не клейма мастеров-производителей, а показатель качества, так как подобные марки наносились на более простые (грубые) трубки. Марка в виде розы появилась в самом начале XVII в. и использовалась до 1740–х гг. во многих центрах. Считают, что она несла и чисто функциональную нагрузку – чтобы курильщику удобнее было держать чашку (Ducso, 2003. S. 200).

Большую роль для датировки голландского материала играют клейма на пятке. Сбор информации о гаудских трубочниках и их клеймах начался ещё в XIX в. В настоящее время основными каталогами гаудских клейм являются работы Д. Дуко (Ducso, 1975, 1982, 2003), основанные на данных сохранившихся гильдейских регистрационных перечней и многочисленных находках трубок. Д. Дуко приводит точные датировки периодов бытования клейм (зачастую клейма использовались разными мастерами на протяжении очень длительного периода, иногда более сотни лет). В последнем, наиболее подробном каталоге каждое клеймо сопровождается списком мастеров с периодами его использования каждым из мастеров (Ducso, 2003). Другому голландскому исследователю Я. ван дер Мюлену принадлежит альтернативный каталог гаудских клейм (Meulen, 2003). Важным дополнением к данным Дуко является перечень надписей с именами мастеров, встречающихся на стеблях гаудских трубок XVIII в.

Начиная примерно с 1730-х гг., крупные гаудские мастера стали наносить свои имена с помощью штампа вокруг стебля трубки. На стебель также наносилось название города, где была сделана трубка (IN GOUDA), между двумя надписями помещался штампованный опоясывающий орнамент, обычно в виде зигзагов или чередующихся насечек (Meulen, 2003. S. 100). Иногда имя мастера

занимало обе строчки. Штампованные надписи с именами мастеров использовались до начала XIX в. Со второй половины XIX в. в моду входят простые надписи с названием компании и местом производства, размещённые на одной стороне трубки. Наличие клейма и надписи с именем мастера позволяет наиболее узко датировать обнаруженный образец трубки.

Клейма других голландских центров трубочного производства изучены в меньшей степени, сводных каталогов клейм пока не существует.

При изучении голландских трубок важно обращать внимание также на декор трубки, который можно разделить на рельефный и штампованный.

Первое значительное производство рельефных трубок в Голландии относится к 1630-м гг. Рельефный орнамент наносился по заказу на металлическую форму в зоне стебля трубки, но нередко и полностью покрывал поверхность, включая поверхность чашки. Эти трубки по причине наличия рельефа не ложились, что снижало их стоимость, однако они явно выделяются своим оформлением на фоне других грубых трубок. Розы, гранаты, листья, вьющиеся побеги – наиболее часто употребляемые мотивы. Также были популярны так называемые трубки с Ионией и китом, трубки с украшениями, посвященными пропаганде Оранжевской династии и другими мотивами (Ducso, 1987. S. 88; 1992) (рис. 5).

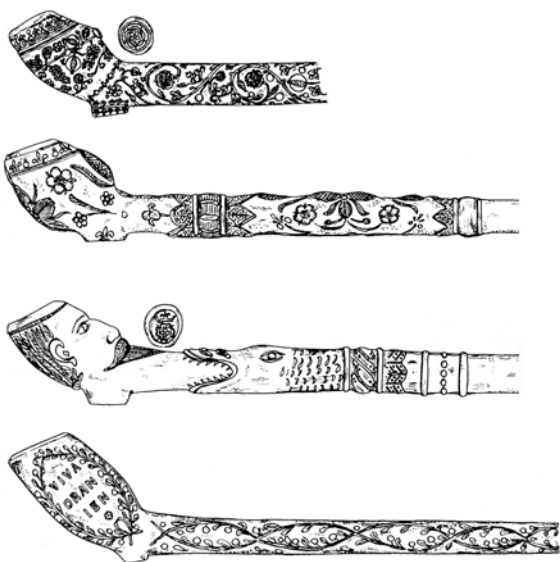

Рис. 5. Разновидности рельефных голландских трубок (по Ducso, 1989)

Отличительной чертой голландских трубок является украшение их стеблей штампованным декором. Во второй четверти XVII в. был популярен декор в виде штампованных ромбов с различными изображениями в них, размещённых на верхней части стебля в месте центра тяжести трубки. В середине XVII в. этот орнамент сменяется опоясывающим декором в виде зубчиков, насечек, шеврона и др. Орнамент наносился с помощью специального инструмента, двумя полосами вокруг стебля так, чтобы центр тяжести трубки располагался между полосами орнамента. Такой орнамент наносился, как правило, на качественные гаудские трубки и мало использовался в других голландских городах (Ducso, 1987. S. 81, 144).

Разные варианты элементов орнамента и их комбинаций характерны для достаточно узких промежутков времени. Исследователи выделяют четыре основных элемента – зубчики, зигзаг (шеvron), кресты, жемчужины (точки). Для краткости и удобства описания в настоящей статье введены буквенные обозначения элементов (А, В, С и D, соответственно) (рис. 6). Наиболее распространённым является штамп в виде мелких зубчиков или насечек (А). Часто он встречается в комбинации с другими элементами штампа, но может использоваться и в качестве самостоятельного декора, что характерно больше для второй половины XVII в., чем для последующего периода. В последней четверти XVII в. появляется разнообразие штампов, которые использовались синхронно, но сочетались только с зубчиками, но не друг с другом. Штамп в виде крестов (С) появляется в 1680-х гг., но не был особенно популярен. Штамп в виде зигзагов («шеvron») (В) был особенно популярен на рубеже XVII–XVIII вв. Штамп в виде точек, или жемчужин, помещённых в треугольные и круглые рамочки, был наиболее популярен и в 1720-е гг. окончательно вытеснил зигзаги и кресты (Ducso, 1987. S. 83).

В начале XVIII в. произошло важное изменение – орнамент стал наноситься одной полосой в центре тяжести трубки. У некоторых экземпляров, произведённых около 1700 г., штампованный орнамент наносился на стебель сразу за пяткой. Это высококачественные трубки с коротким стеблем (со смещённым к чашке центром тяжести) (Ducso, 1987. S. 83).

Только комплексный анализ всех признаков каждого фрагмента трубки позволяет наиболее точно определить датировку и регион производства трубки, а корреляция этого определения с контекстом находки – взаимно дополнить и уточнить интерпретацию. Наличие как рельефного, так и

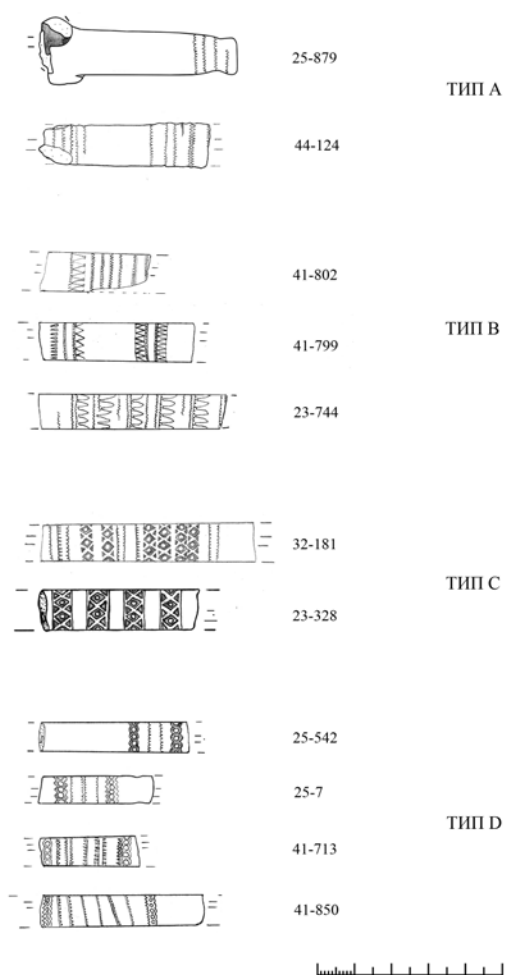

Рис. 6. Типы штампованного опоясывающего орнамента на голландских трубках (по материалам 2010 г.)

штампованного орнамента может позволить сузить датировку и уточнить регион производства трубки.

В ходе работ Группы охранной археологии ИИМК РАН по исследованию Охтинского мыса в 2010 г. была собрана значительная и весьма представительная коллекция фрагментов белоглиняных трубок XVII–XIX вв. Всего в 2010 г. было найдено более 1600 фрагментов белоглиняных трубок. Большую часть коллекции составляют малоинформативные фрагменты: неорнаментированные стебли без следов использования, поливы или других каких-либо отличительных признаков (длиной, как правило, меньше 6–8 см), мелкие неопределимые фрагменты и осколки чашек.

Более информативные фрагменты были детально проанализированы и включены в каталог (При-

ложение 1) и таблицы (Приложения 2, 3). Сохранность таких фрагментов трубок, от которой сильно зависит их информативность, распределяется следующим образом:

Таблица распределения сохранности курительных трубок из раскопок 2010 г.

Сохранность фрагмента	Количество
Чашка с пяткой и со стеблем (в т.ч. мундштуком)	27 (2)
Чашка с пяткой	86
Чашка без пятки и стебля	50
Чашка со стеблем, но с отбитой пяткой	1
Пятка без чашки и стебля	3
Стебель (в т.ч. мундштук) с пяткой	51 (10)
Стебель (в т.ч. мундштук) без чашки и пятки	288 (51)
Всего	506
Всего чашек	164
Всего стеблей (в т.ч. мундштуков)	367 (63)
Всего пяток	167

Из-за значительной перемешанности слоёв целых трубок не было обнаружено (или трубок, которые можно было бы собрать и склеить). При такой сохранности практически невозможно говорить о точном количестве трубок, обнаруженных на раскопах 2010 г. Исходя из количества чашек (164) в сумме с количеством пяток с отбитыми чашками (54) (см. Таблицу), можно приблизительно оценить минимальное число как 218 трубок. В реальности число трубок значительно выше. Множество найденных трубок имеет следы вторичного использования после поломки. Это говорит о том, что в слое находится большое количество

фрагментов стеблей тех трубок, чашки которых продолжали использовать и позднее.

Охтинская археологическая экспедиция ИИМК РАН исследовала участки рва и фрагменты фортификационных сооружений Карлова, Старого и Мёртвого бастионов, северо-западную, северо-восточную и южную куртины и южный рavelин крепости Ниеншанц второй половины XVII в.⁴ (рис. 7).

Большинство фрагментов трубок происходит из заполнения рвов крепости Ниеншанц 1656 г. Заполнение рвов формировалось на протяжении второй половины XVII – начала XIX в. в ходе процессов как естественного оплывания, так и намеренной нивелировки (после взятия крепости). В результате этого в заполнении рва оказались как трубки петербургского периода, так и предшествующего времени, попавшие в ров в результате перемещения культурного слоя с площадки крепости. На разных участках рва стратиграфическая ситуация сильно отличается, а период формирования заполнения иногда невозможно датировать точнее, чем в пределах всего XVIII в.

Наибольший интерес представляют закрытые⁵ археологические комплексы, период существования которых можно однозначно связать с датами, известными по письменным источникам. Это, например, слой погребённой почвы, перекрытый насыпями бастионов Ниеншанца 1656 г., а также собственно насыпи этой крепости. Находки из этих комплексов имеют совершенно определённый период накопления: 1611 (строительство первой крепости Ниеншанц) – 1656 гг. (второй строительный период Ниеншанца). В насыпи бастионов трубки могли попасть не только при строительстве, но и из перекопанной площадки крепости первого строительного периода. Гораздо меньше в ходе работ 2010 г. было обнаружено закрытых комплексов, однозначно связанных с существованием крепости Ниеншанц во второй половине XVII в. Закрытым археологическим комплексом можно, с определённой долей условности, считать развал

дерновых стен Карлова бастиона. Именно с южной стороны происходил штурм Ниеншанца в 1703 г., и именно здесь разрушение стен было наиболее сильным, а слой насыщен следами артиллерийской атаки. Другой комплекс – сортия Карлова бастиона, прекратившая своё существование в ходе очередной реконструкции крепости. К петербургскому периоду существования Охтинского мыса относится хорошо выделяемый слой существования садового питомника – оранжереи «Канецкого огорода».

Далее рассмотрим группы фрагментов курительных трубок из закрытых комплексов и, параллельно синхронных находок из перемешанных слоёв, сгруппированных на основе типологического определения и датирования по указанным выше европейским методикам Д. Дуко, А. Освальда и Д. Аткинсона.

Трубки Ниеншанца первого строительного периода (1611–1656 гг.) (рис. 8)

К этому периоду существования памятника относятся самые ранние белоглиняные голландские трубки из коллекции 2010 г., они иллюстрируют период, когда привычка курения только начала распространяться в Северной Европе. Одними из наиболее ранних комплексов являются исследованные на раскопе 40 две перекрывавших друг друга погребённых почв и хозяйственная яма, которые были перекрыты насыпью Мёртвого бастиона. Из этого комплекса происходит целый ряд характерных белоглиняных трубок. Среди них фрагменты стеблей со штампованными лилиями в ромбах в верхней части стебля (Нц40-45⁶; Нц40-480), стебли с рельефным барочным декором (Нц40 485–487; Нц40-320), чашки трубок биконической формы (Нц40-77–78, Нц40-315), трубки с клеймами на пятке в виде лилии в ромбе (Нц40-416–417) (рис. 9; 10). Ромбовидные штампы с различными изображениями в них составляют наиболее раннюю группу штампованного декора голландских трубок, особенно популярными были изображения геральдической лилий. Существовало множество вариаций ромбовидного штампа. Иногда мотив дополняется различными отметками, нанесёнными острым предметом около штампа, группа штампов может быть отделена круговым поясом, сделанным специальным ножом (Duco, 1987. S. 81).

Трубки из Охтинской коллекции, скорее всего, были произведены в Амстердаме и датируются

⁴ В северной и южной частях мыса были доследованы отдельные участки внутреннего и внешнего рвов большого прямоугольного дерево-земляного укрепления. При дальнейшем упоминании в тексте мы следуем интерпретации его как крепости Ландскрона 1300 г. (Сорокин, 2010. С. 373).

⁵ Комплексы, именуемые закрытыми, не являются в полном смысле таковыми, а представляют собой комплексы длительного накопления с уверенной верхней датой.

⁶ При упоминании находок используются полевые шифры ОАЭ ГОА ИИМК РАН 2010 г. Первая часть шифра содержит номер раскопа (сквозная нумерация с 2006 г.), вторая – номер находки по описи.

Рис. 7. Расположение раскопок Охтинской археологической экспедиции 2010 г.

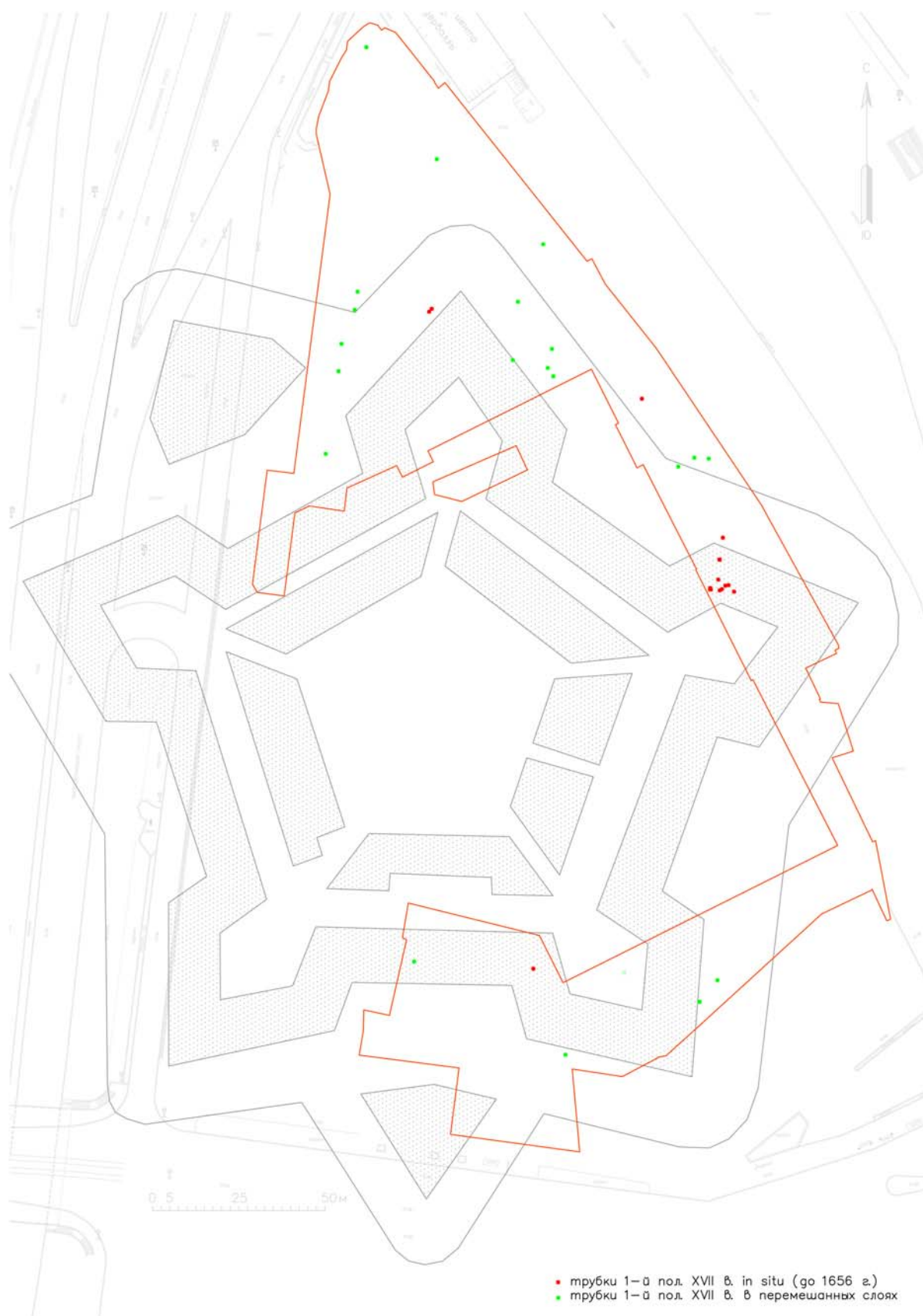

Рис. 8. Карта находок курительных трубок первой половины XVII в. (первого строительного периода Ниеншанца и времени реконструкции Ниеншанца в 1656 г.)

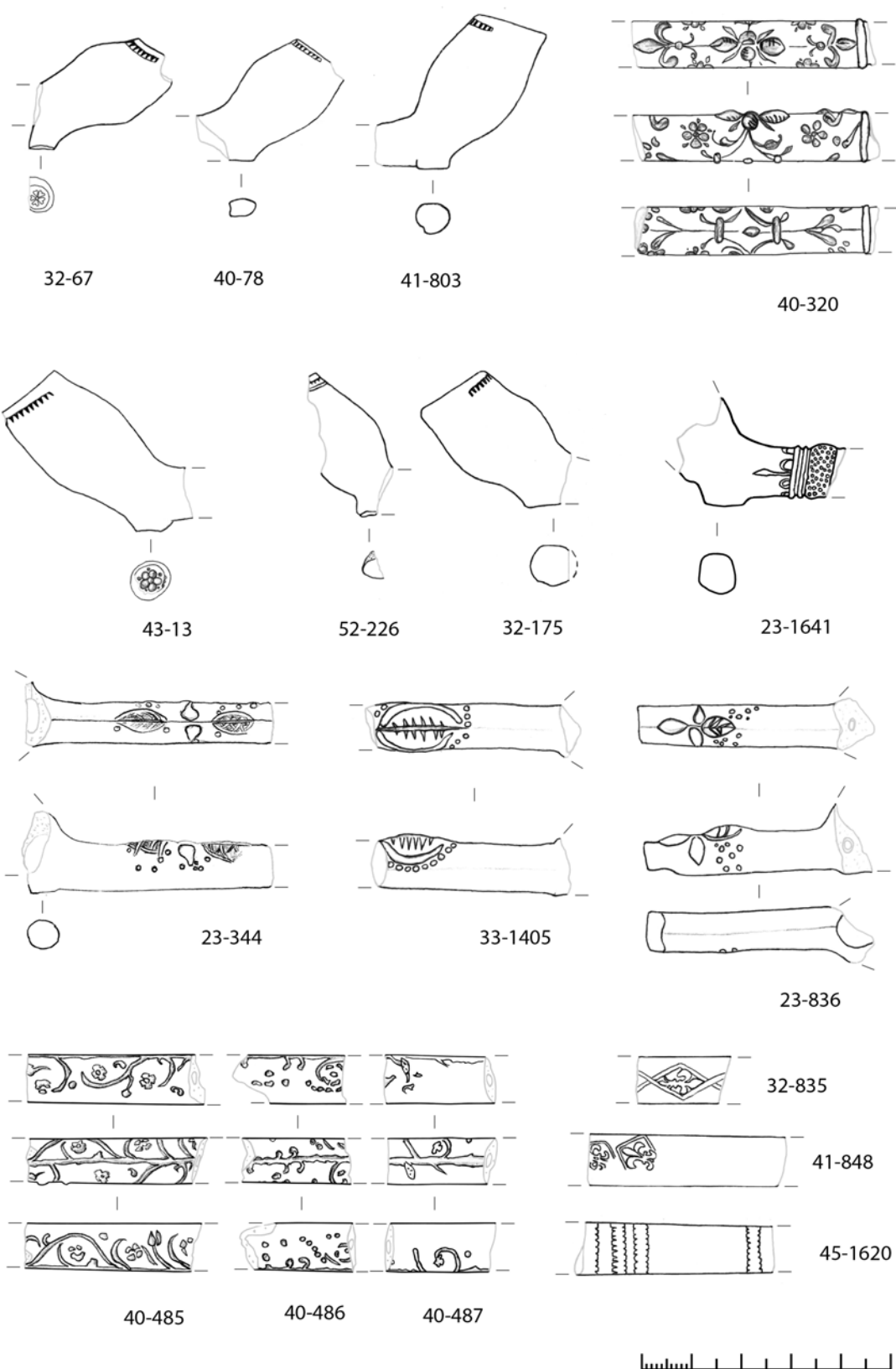

Рис. 9. Курительные трубки первой половины XVII в.

Рис. 10. Трубки, украшенные штампом в виде геральдической лилии: 1–8 – на стебле, 9 – на пятке; 1 – Нц23-2173, 2 – Нц25-873, 3 – Нц27-27, 4 – Нц27-621, 5 – Нц33-3668, 6 – Нц40-45 (из погребённой почвы), 7 – Нц40-480 (из погребённой почвы), 8 – Нц41-848, 9 – Нц40-316

1630–1650-ми гг. Курительные трубки, найденные на двух участках погребённой почвы, нельзя разделить по датировке или месту производства, но стоит отметить, что штампы в виде лилий имеют разный рисунок. Рельефные трубки относятся к «барочному» типу, который появляется в Голландии с 1630 гг. и остаётся довольно популярным до середины XVII в. (Disco, 1987. S. 144). Фрагменты трубки Нц40-485–487 (рис. 9) с декором в виде выющихся стеблей с цветами относятся к барочному типу 1, фрагмент трубки Нц40-320 (рис. 9) – к барочному типу 2. Барочный тип 1 отличается большей тщательностью исполнения, низкий рельеф, который занимает почти всю поверхность трубки (Davey, 2003. S. 159). Экземпляр из коллекции 2010 г. относится к довольно грубой вариации этого типа. Стебель трубки Нц40-320 тоже украшают растительные мотивы: цветы, бутоны, стебли, лилии, но манера исполнения другая – рельеф крупнее, пространство между узорами больше.

В северной части Охтинского мыса (раскоп 48) исследованы остатки насыпи Старого бастиона крепости Ниеншанц 1656 г. Из насыпи бастиона происходит фрагмент трубки Нц48-292 с плоской, почти невыделенной пяткой и толстым стеблем диаметром 1 см. Кроме того, в насыпи бастиона был обнаружен фрагмент стебля трубки (Нц48-270) с рельефным декором в верхней части стебля (цв. илл. 25). Декорация трубки сделана в довольно тщательной манере, орнамент занимает практически всю поверхность стебля с использованием растительных мотивов: бутонов, стеблей, листьев, точек. Центрами производства подобных трубок были Северная Голландия (Леуварден) и Амстердам, датировка у трубки довольно узкая: 1640–1650-е гг. (Disco, 1987. S. 85).

Орнаментированные трубки также были обнаружены в насыпи Мёртвого (раскоп 27) и Карлова бастионов (раскоп 45). Два фрагмента

стеблей трубок (Нц27-603 и Нц45-1490) украшает опоясывающий штампованный орнамент в виде мелкого зубчика (рис. 9). Подобный орнамент в середине XVII в. только появляется на голландских трубках, сменяя штампованный декор в виде лилий в ромбах. Можно предполагать, что обе трубки не попали из перемешанных более ранних слоёв, а принадлежали строителям новой крепости. Кроме того, из насыпи Мёртвого бастиона происходит, по-видимому, одна из самых ранних в коллекции 2010 г. поливных трубок (Нц27-647).

Из слоя засыпки рва Ландскроны на раскопе 53, сформировавшегося при строительстве крепости Ниеншанц 1656 г. происходит одна из самых коротких трубок (Нц53-88) длиной всего 3 см (рис. 11). Очевидно, изначально это была более длинная трубка, которую продолжали использовать после поломки или намеренного укорачивания.

Общая характеристика трубок Ниеншанца первой половины XVII в.

Фрагменты трубок, аналогичные находкам из комплексов, датируемых до 1656 г., обнаружены и в перемешанных слоях. В коллекции 2010 г. присутствуют, считая находки из погребённой почвы, 10 экземпляров с геральдической лилией в ромбе (Нц23-2173; Нц25-873; Нц27-27; Нц27-621; Нц32-835; Нц33-3668; Нц40-45; Нц40-413; Нц40-480; Нц41-848). Все экземпляры представляют собой лишь фрагменты стеблей, на которых сохранилось 1–3 штампа с лилией в верхней части стебля. Все лилии были нанесены разными штампами (рис. 10). Два фрагмента с лилиями сохранили поясок зубчатого орнамента (Нц25-873 и Нц27-27), аналогичный поясок прослежен отдельно ещё на одном фрагменте (Нц31-309). Все охтинские экземпляры, судя по их стилистике, следует датировать не раньше середины второй четверти XVII в.

Встречены также три фрагмента трубок с рельефным декором того же типа, что и на рельефной трубке из насыпи Мёртвого бастиона: Нц23-344, Нц23-836, Нц33-1405 (рис. 9; цв. илл. 25). На первых двух сохранились пятки без клейма. Декорированная площадь стебля несколько меньше, бутоны расположены в верхней части стебля в районе центра тяжести трубки. Все три трубки выполнены в довольно грубой манере. Ещё один фрагмент с опоясывающим рельефным декором и растительными мотивами (Нц23-1641) также можно отнести ко второй четверти XVII в. (рис. 9). Центром производства этих трубок является, скорее всего, Амстердам.

Уверенно можно отнести к первой половине XVII в. серию чашек биконической формы.

Это небольшие, как правило, округлые чашки (например, Нц32-67; Нц32-120; Нц32-175; Нц35-261; Нц52-226), высотой 2,5–3 см (рис. 9). К середине XVII в. чашки некоторых экземпляров начинают приобретать более вытянутые формы (например, Нц43-13) (рис. 9). Клейма на пятках чашек в это время редки. Кроме клейм в виде лилий, в первой половине XVII в. очень популярны клейма в виде стилизованной розы, с короной и без неё. Существует версия, что клеймо в виде розы пришло из Англии вместе с первыми мастерами, которые ставили клейма на свою продукцию в виде розы Тюдоров (роза под короной), которая была их любимым символом (Ducso, 1987. S. 7). Две трубки из коллекции 2010 г. с клеймами в виде розы без короны (Нц43-13, Нц32-67) (рис. 9) стоит отнести ко второй четверти XVII в., причём трубка из раскопа 43, судя по её небольшим размерам и округлой форме, более ранняя. Возможно, клеймо в виде розы изображено и на пятке трубки Нц23-228.

Практически все трубки, которые можно с уверенностью отнести ко времени Ниеншанца первого строительного периода, были сделаны в Голландии, и скорее всего, в Амстердаме. Именно этот город был в первой половине XVII в. главным центром трубочного производства в Голландии, лишь впоследствии уступив первенство Гауде.

Ранние трубки характеризует большое разнообразие, формы чашек ещё достаточно индивидуальны. Нет абсолютно схожих украшений или клейм, даже относящихся к одному типу. Различаются трубки и по своему качеству. Среди них есть как грубые не лощёные и неорнаментированные трубки, так и качественные экземпляры с клеймами, орнаментами и лощением. Грубых трубок в это время больше.

Английские трубки этого периода представлены только одним экземпляром, однако, возможно, наиболее ранним в коллекции (Нц46-3) (цв. илл. 26). Это совсем небольшая, округлая чашка с плоской, почти не выделенной пяткой и толстым стеблем (1 см). Датируется чашка 1620-ми гг.*

В целом, трубки первой половины XVII в. составляют небольшой процент от общего количества трубок в коллекции. Фрагменты чашек ранних биконических форм составляют 6–7% всех найденных чашек. Это объясняется как тем, что привычка курить ещё только распространялась среди моряков и военных, так и сложностью поставок из иностранных портов. Только в 1638 г. городу Ниену была пожалована привилегия принимать иностранные суда, которой он прежде был

Рис. 11. Курительные трубки со следами вторичного использования

лишен из-за жалоб своих конкурентов, в первую очередь, Выборга (Гиппинг, 1909. С. 220).

Трубки Ниеншанца второго строительного периода (1656–1703 гг.) (рис. 12)

Большинство белоглиняных трубок коллекции 2010 г. относится ко времени второго строительного периода Ниеншанца, что, очевидно, связано с расцветом города Ниена и международной торговли. Однако закрытых комплексов этого времени чрезвычайно мало. Отдельно стоит выделить комплекс, связанный с реконструкцией Карлового бастиона, а также слой, связанный со штурмом крепости Ниеншанц в 1703 г.

Реконструкция Карлового бастиона (конец XVII в.)

В раскопе 45 в месте соединения западного фланка Карлового бастиона с куртеной был изучен потайной ход (сортня). Сортня не прорезала лицевую часть дерновой обкладки стены бастиона. Следовательно, на момент штурма 1703 г. сортня была уже засыпана, а дерновая облицовка Карлового бастиона в этом месте претерпела реконструкцию. Поблизости от этого места во рву бастиона сохранилась частокольная канава со следами от некогда бывших там брёвен, которую под углом пересекает другая канавка с сохранившимся частоколом. Видимо, при реконструкции был полностью выбран частокол, идущий вдоль фланка бастиона по направлению к куртине, а новая трасса частокола была проложена непосредственно от фаса Карлова к фасу Гельмфельтова бастиона. Из естественного заполнения старой частокольной канавки, которое сформировалось почти сразу после того, как вытащили бревна частокола, происходит стебель трубки (Нц45-1620), датировать который можно второй половиной XVII в. по способу его декорации (два пояса штампа) и толщине (0,9 см). Между тем в засыпке сортни обнаружена трубка английского типа (Нц45-1653) (рис. 13; цв. илл. 25), имеющая довольно позднюю датировку – такой тип появляется на самом рубеже XVII–XVIII вв.

Таким образом, эта находка подтверждает, что засыпка сортни произошла не раньше этого времени, что соотносится с известной по письменным источникам реконструкцией Ниеншанца в начале Северной войны. Кроме того, датировка трубки говорит об очень небольшом времени, прошедшем между изготовлением трубки и её археологизацией. Также из сортни происходит фрагмент голландской воронкообразной трубки (Нц45-1660); подобная модель появляется в самом конце XVII в. и бытует на протяжении первой четверти XVIII в.

По письменным источникам известно, что шведское правительство выделило в 1699 г. деньги и рабочую силу на строительство укреплений Ниеншанца для подготовки крепости к обороне (Сорокин, 2010. С. 371). Возможно, реконструкция Карлового бастиона была осуществлена тогда же, что подтверждают поздние датировки фрагментов белоглиняных трубок.

Слой штурма крепости (не позднее 1703 г.)

В южной части крепости Ниеншанц второго строительного периода (1656–1703 гг.) в ходе исследований оборонительных сооружений в районе Карлова бастиона и куртены между Карловым и Гельмфельтовым бастионами (раскопы 31, 31+, 44, 45) были обнаружены слои супеси с дёрном, которые связывают с разрушением обкладки дерновых стенок крепости во время штурма её русскими войсками в 1703 г. В раскопе 31+ большое скопление разрушенных пластов дёрна интерпретируется как следствие взрыва мортирной бомбы, фрагменты которой были найдены здесь же. Среди находок из этих слоёв, помимо мушкетных пуль, ядер и фрагментов мортирных бомб, часто встречаются фрагменты белоглиняных трубок. Хронологически их можно разделить на трубки второй половины XVII в. и рубежа XVII–XVIII вв.

К первым относятся трубки из раскопа 45. Чашка трубки Нц45-1523 относится к биконическому типу, датировать её можно 1650–1680 гг. На этой трубке, грубого качества, присутствует декор в виде рельефных стилизованных роз на боковых сторонах чашки и окантовки только на передней, обращённой к курильщику части края чашки, клеймо на пятке отсутствует. Трубка была сделана, скорее всего, в Гауде (рис. 14). Трубка грубого качества Нц45-1525 представлена коротким (всего 2 см) фрагментом толстого стебля (0,9 см) с пяткой без клейма на одном конце и со следами зубов на другом. Трубка может быть датирована широко в пределах второй половины XVII в. (рис. 11).

Рубежом XVII–XVIII вв. можно датировать трубки из слоя штурма на раскопах 31 и 31+. На фрагменте чашки Нц31-869 сохранилось плохо читаемое клеймо, скорее всего, два ромба под короной (Duco, 2003. № 361⁷). Датировка клейма очень широкая – 1683–1757 гг. Уточнить датировку позволяет форма чашки, которая относится к раннему варианту воронкообразного типа (ок. 1690 г. – начало XVIII в.). Фрагмент стебля Нц31+-81, украшен только одним поясом штампованного декора типа

⁷ Номера клейм в статье даны по каталогу Duco, 2003.

Рис. 12_10. Карта находок курительных трубок второй половины XVII в. – 1703 г. (второго строительного периода Ниеншанца)

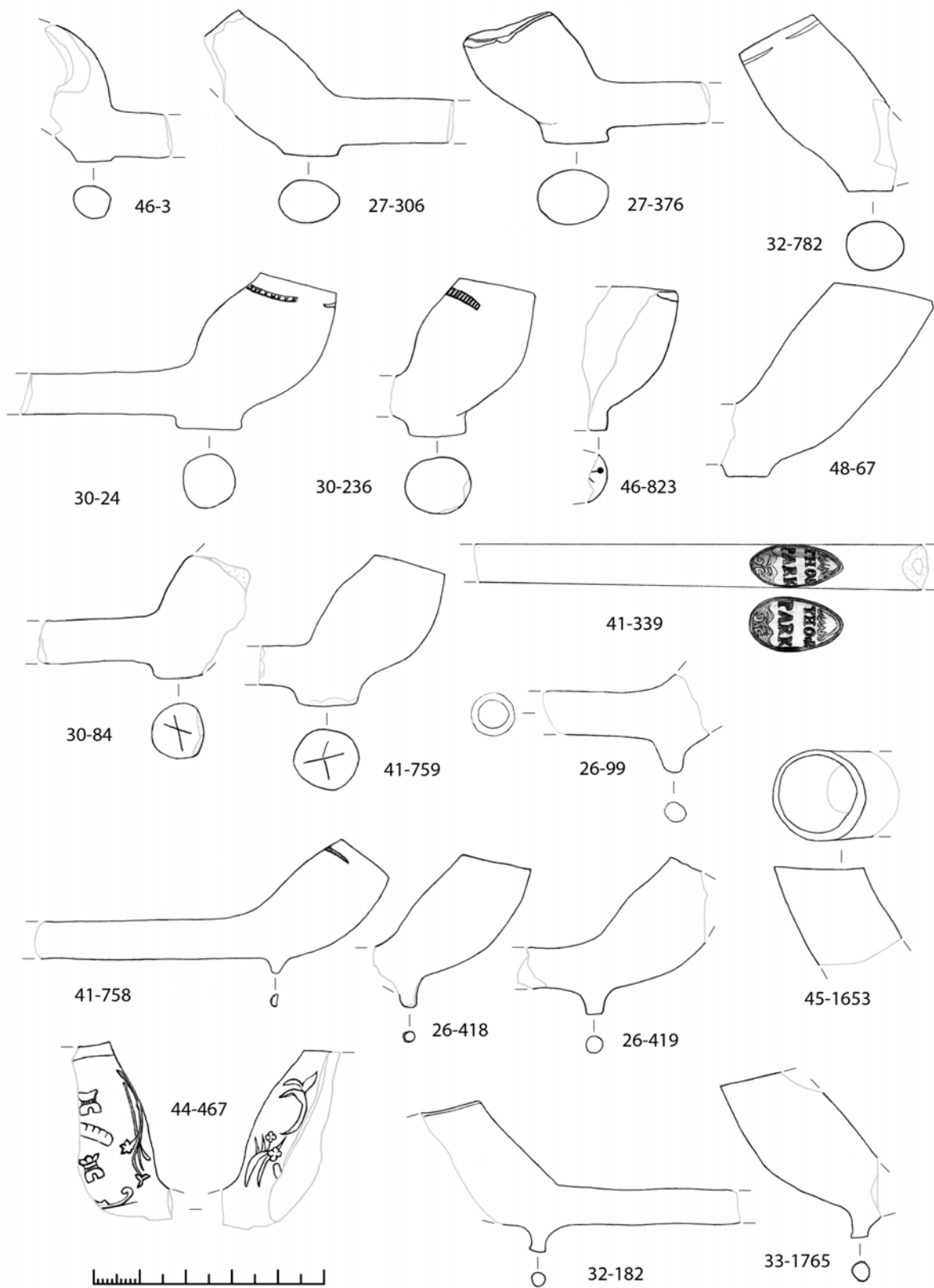

Рис. 13. Английские курительные трубки XVII–XVIII вв.

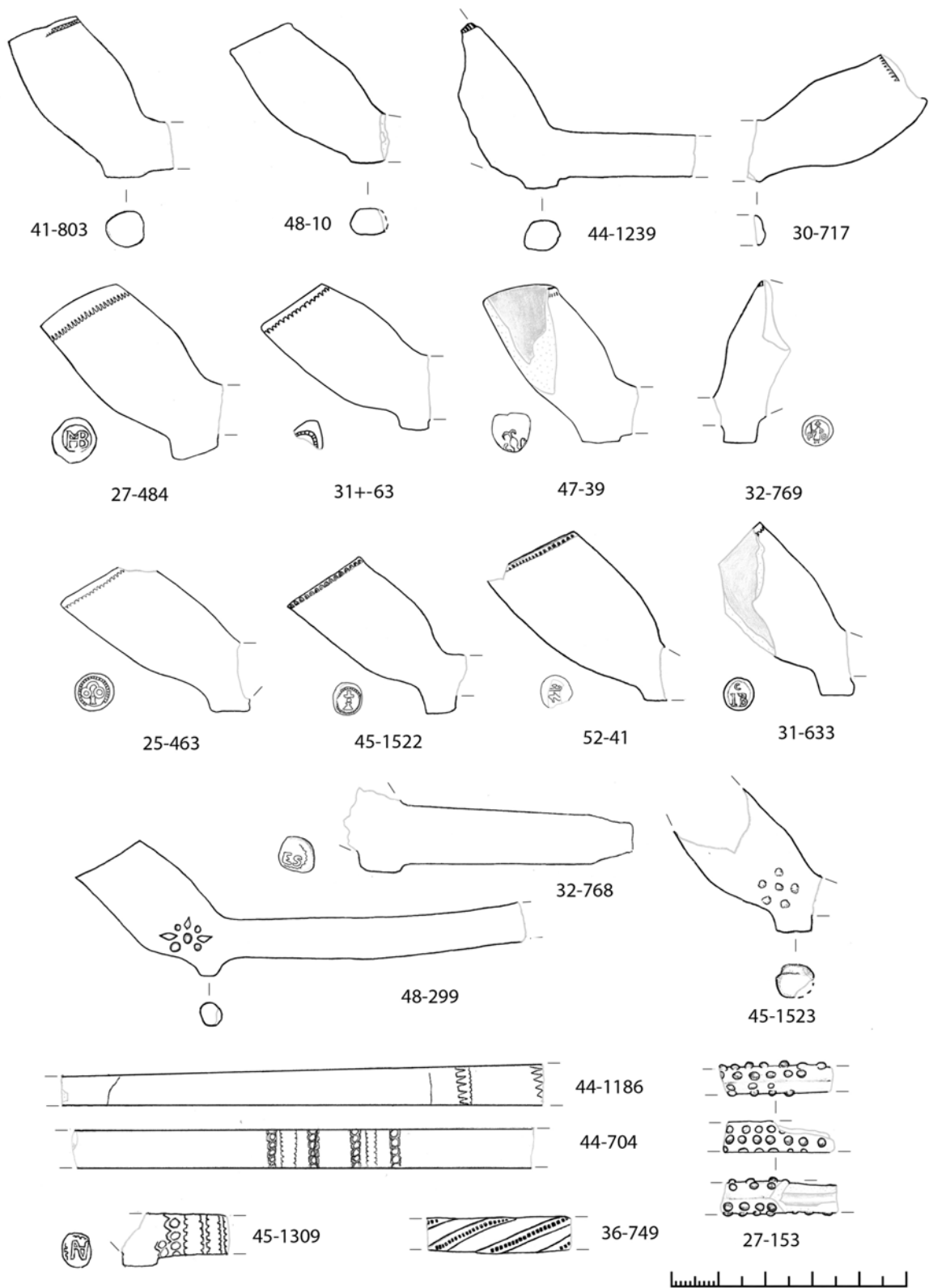

Рис. 14. Курительные трубки второй половины XVII в. – 1703 г.

шеврона, что характерно уже для рубежа XVII–XVIII вв. Однако, толщина стебля достаточно велика (0,9 см), следовательно, фрагмент не может быть датирован позже конца XVII в. Небольшой фрагмент чашки с пяткой (Нц31+151) датируется рубежом XVII–XVIII вв. Форму чашки определить не представляется возможным, большая часть клейма сбита. Скорее всего, на клейме были изображены ножницы (дата 1685–1753 гг.: Дисо, 2003. № 237). Характерная окантовка вокруг клейма датируется последней четвертью XVII в.* Все перечисленные трубки были произведены в Гауде или являются подделкой гаудских форм и клейм. Из этого же слоя происходит фрагмент стебля трубки (Нц44-704 + Нц44-544) толщиной 0,75–0,80 см. (рис. 14). Способ декора стебля (жемчужины в рамках в виде двух поясов с промежутком в 1 см) характерен для рубежа XVII–XVIII вв. (Дисо, 1987. S. 144).

Датировки трубок из слоя развала дерновой стенки в раскопах 31, 44 и 45, таким образом, не противоречат интерпретации комплекса как подвергшегося штурму. В слой попали как трубки самого рубежа XVII–XVIII вв., так и более ранние экземпляры, вероятно, в результате обвала слоёв самой крепости.

Общая характеристика трубок Ниеншанца второй половины XVII в.

Трубки этого периода составляют чуть больше половины общего количества трубок коллекции 2010 г. Большинство трубок этого периода происходит из заполнения рва Ниеншанца, и в основном найдены в переотложенном состоянии. Пожалуй, только в одном случае можно говорить о неслучайном скоплении трубок второй половины XVII в., несмотря на то, что они происходят из перемешанных слоёв. В раскопе 26 на кв. А”–В”35–39 в заполнении рва Ниеншанца найдено несколько десятков фрагментов трубок, которые датируются второй половиной XVII в. Большую часть составляют голландские белоглиняные трубки. Сохранилось довольно много чашек, как грубого (Нц26-864, 752, 158, 758), так и более высокого качества (Нц26-101, 113, 114, 143, 408, 588, 863, 868), а также фрагменты орнаментированных стеблей (Нц26-252, 403, 159, 416, 636). Большинство чашек относятся к ранней воронкообразной или биконической форме, переходной к воронкообразной, датировки по клеймам и форме трубки приходится на последнюю четверть XVII в. Среди находок трубок имеются три английские формы (Нц26-52, 26-418, 26-419), также относящиеся ко второй половине XVII в., сделанные, скорее всего, в Лондоне или в юго-восточной Англии (рис. 13; цв. илл. 26).

Трубки голландского производства составляют большинство трубок второй половины XVII в. из перемешанных слоёв. Формы чашек представлены поздним биконическим и ранним воронкообразным типами (рис. 14). Для поздних биконических чашек характерно увеличение в размерах за счёт удлинения чашки. Значительную часть из них составляют трубки, которые по форме чашки можно рассматривать как переходную между биконической и воронкообразной (например, Нц25-463, Нц26-758, Нц44-125, Нц47-39, Нц48-299) (рис. 14); они датируются последней четвертью XVII в. Ранние воронкообразные чашки (например, Нц25-464, Нц25-588, Нц31-285, Нц45-1522: рис. 14) относятся к рубежу XVII–XVIII вв. Главным отличием воронкообразных чашек является увеличение диаметра края чашки, который составляет около 2,0–2,2 см и является самой широкой частью чашки. Высота чашек оставалась прежней и составляла 3,0–3,5 см.

Поздние биконические и ранние воронкообразные формы представлены, в основном, трубками высокого качества с клеймами на пятке, штампованной окантовкой, лощением, декорированным стеблем. Вместе с тем, определённый процент составляют характерные грубые трубки без лощения, иногда с рельефными марками на боковых сторонах чашки в виде стилизованной розы (например, Нц48-299) (рис. 14).

В формах трубок этого периода уже заметна стандартизация, сходство форм чашек при разнообразии клейм. Если к первой половине XVII в. удалось отнести не больше пяти клейм (роза и лилия в ромбе), то вторая половина этого века характеризуется большим количеством и разнообразием клейм. Наиболее распространены геральдические изображения, предметы обихода, изображение людей и персонажей и т.д. Реже встречаются клейма с оттисками букв. Большинство цифровых клейм из коллекции 2010 г. имеют позднюю датировку и относятся уже к петербургскому периоду.

Найдены фрагменты трубок с клеймами довольно узкой датировки, в пределах 15–20 лет. Это, например, клеймо с изображением принца и инициалами РО: 1685/1690–1700/1705 гг. (Нц26-863, Нц32-769) (рис. 14), клеймо с изображением очков с буквой I: 1668–1674/1685 гг. (Нц25-463) (рис. 14), клеймо с буквами IA под короной: 1664–1680/1685 гг. (Нц39-40) (рис. 15) и другие примеры.

За редким исключением (например, Нц35-100, клеймо в виде Дортрехтской девы: рис. 15,

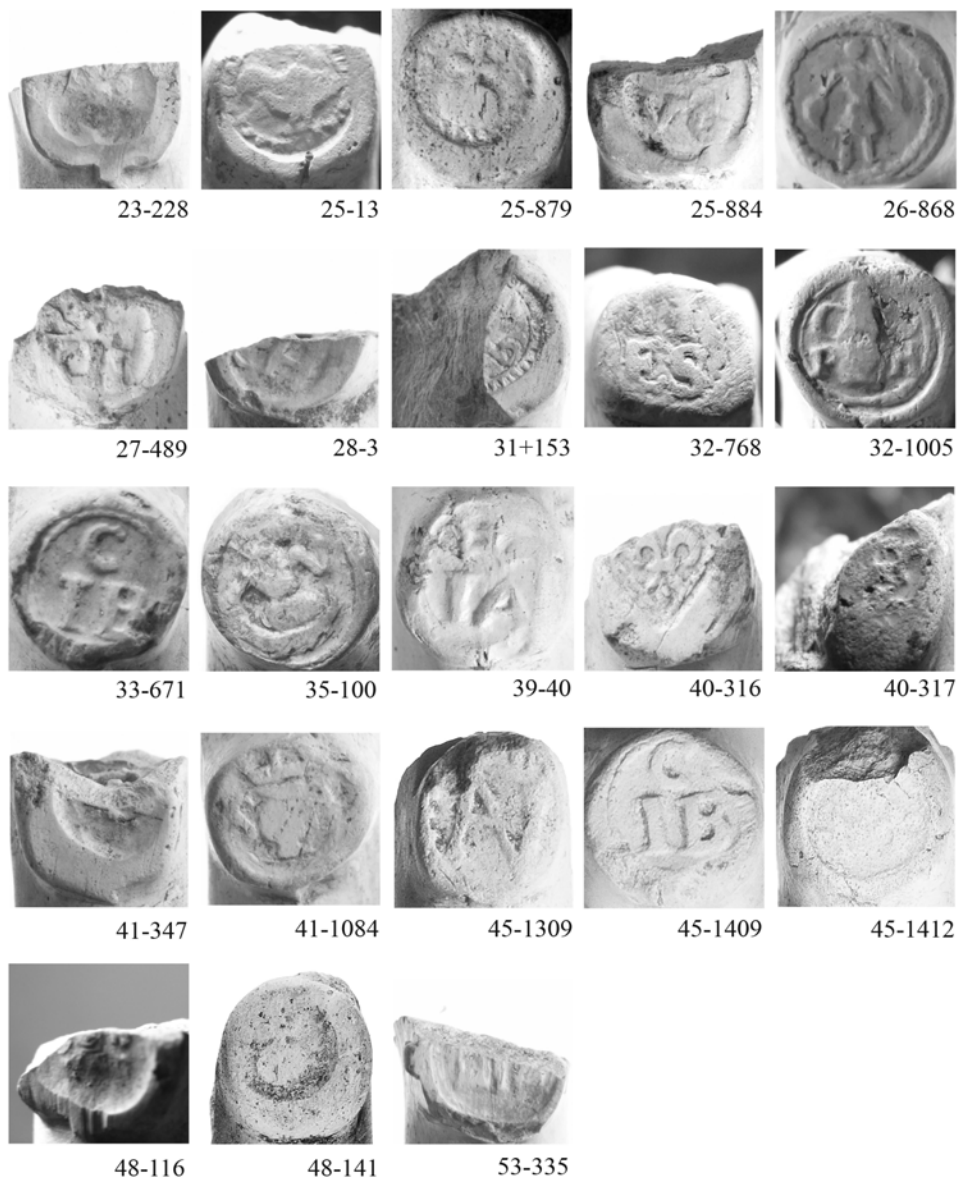

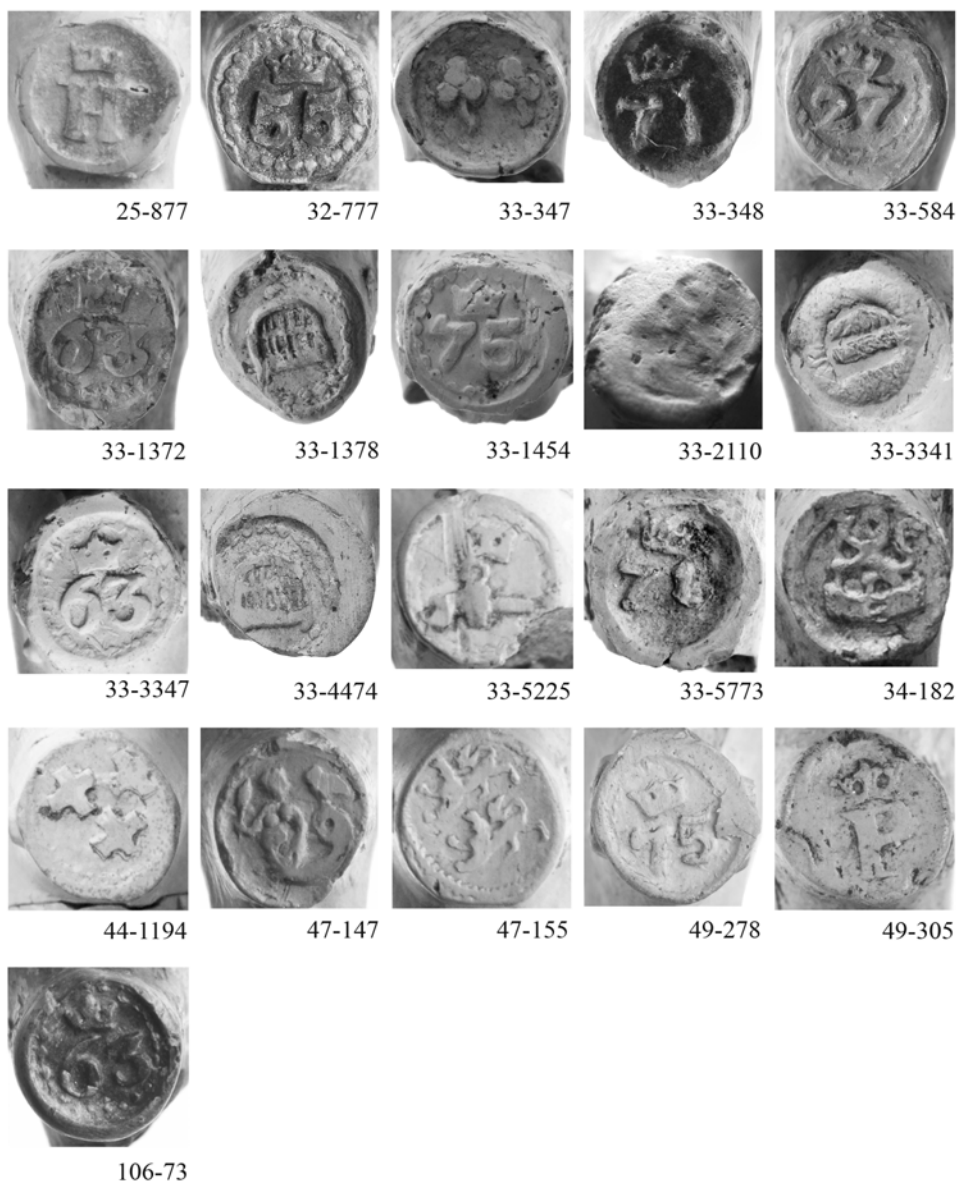
Рис. 15. Клейма на трубках с утраченными чашками

или трубок Нц28-29 и Нц31-632: рис. 16; 17), имеющих неизвестное клеймо на пятке в виде некоего изображения в круге), все клейма, начиная со второй половины XVII в., относятся к клеймам гаудского производства или являются их подделками. В случае, если клеймо поддельное, не исключено, что его датировка отличается от датировки гаудского клейма, однако нижняя дата появления поддельного клейма не может быть раньше нижней даты гаудского оригинала, а верхняя дата самих гаудских оригиналов очень часто достаточно поздняя. В таком случае решающее значение для датировки имеет форма чашки. Однако, важно заметить, что указанные выше периоды существования форм чашек отражают лишь основную тенденцию, имея при этом достаточное число исключений, поскольку часть потребителей иногда довольно долго продолжали оставаться верными «старомодным» формам, и последние составляли разнообразие ассортимента трубочных мастеров. Например, трубка Нц27-484 имеет биконическую форму, но относится уже к рубежу XVII–XVIII вв., так как имеет более позднее клеймо NVB, которое датируется 1691–1730 гг. (Ducso, 2003. № 660), когда была популярна воронкообразная форма (рис. 14). Иначе обстоит дело с трубкой Нц44-125, имеющей чашку воронкообразной формы, но клеймо на пятке датируется 1665–1685 гг. (Ducso, 2003. № 365) (рис. 18). Поэтому трубка, скорее всего, относится к началу 1680-х гг. Еще одно исключение – трубка Нц47-77, форма чашки которой относится к раннему варианту воронкообразного типа, но клеймо на пятке (герб Гааги – цапля с ужом в клюве: Ducso, 2003. № 14) датируется гораздо позже, начиная с 1735 г., когда воронкообразный тип постепенно вытесняется яйцевидным. Следовательно, эту трубку можно отнести уже к петербургскому периоду.

Для украшения стеблей голландских трубок в этот период характерно использование штампанного орнамента в виде двух поясов, разделенных промежутком, а в самом конце XVII в. – в виде одного пояса. На большинстве декорированных стеблей для орнаментации использован штамп в виде зубчиков и насечек (А). В некоторых случаях штамп использован отдельно (например, Нц24-131, Нц25-17, Нц33-5745, Нц37-381, Нц37-809, Нц44-124, Нц45-1620, Нц48-297), чаще – вместе с другими штампами (рис. 6). Зубчики встречаются чаще насечек (к примеру, Нц7-498, Нц37-809, Нц41-801, Нц41-850), хотя из-за плохой сохранности часто бывает трудно их отличить друг от друга. Как самостоятельный декор, штамп в виде мелкого зубчика отмечен на 35 экземплярах.

Декор в виде зигзага, или шеврона (В), встречается на 55 трубках. Обычно этот элемент использовался для оформления с двух сторон пояса зубчатого штампа (Нц31-621, Нц32-3, Нц32-78, Нц31-845, Нц31-847, Нц33-403) в качестве основы декора в чередовании с более мелким зубчиком, что характерно для более грубых трубок (Нц23-187, Нц23-744, Нц23-793, Нц31+-53, Нц31+-81, Нц32-770), а также без сопровождения мелким штампом (Нц30-232, Нц32-109, Нц41-1217, Нц44-1066, Нц45-1214). Штамп в виде крестов (С) встречен всего на 13 трубках (Нц27-498, Нц41-801, Нц25-583, Нц23-328, Нц23-415, Нц25-351, Нц29-13, Нц32-181, Нц33-3196, Нц52-5, Нц49-310, Нц41-715), в восьми случаях между крестами помещены точки (Нц23-328, Нц23-415, Нц25-351, Нц29-13, Нц32-181, Нц33-3196, Нц52-5, Нц49-310, Нц41-715) (рис. 6). Во всех случаях штамп встречается в комбинации с зубчатым штампом. Типы А, В и С характерны для Ниеншанца второго строительного периода. Исключение составляют две трубки, украшенные мелким штампом (тип А) (Нц27-603 и Нц45-1490), которые относятся, видимо, к самому концу существования первого Ниеншанца. Точки, или жемчужины (D), являются самым популярным мотивом среди рассматриваемого набора фрагментов (80 экз. из всей коллекции). Встречаются в рамках в виде кругов (например, Нц24-254, Нц30-20, Нц30-21, Нц30-189, Нц30-343) или треугольников (например, Нц34-121, Нц38-19, Нц25-7, Нц27-426, Нц30-851). Первоначальную форму рамки часто сложно определить из-за плохой сохранности. Как и кресты, точки используются всегда в комбинации с мелким штампом, чередуясь с ним или обрамляя группы мелкого штампа с двух сторон. Необходимо отметить, что разделить экземпляры, относящиеся к концу XVII в. и к раннему петербургскому периоду иногда почти невозможно. Отдельно следует отметить ряд трубок, произведённых около 1700 г., орнамент которых начинается сразу за пяткой (Ducso, 1987. S. 83) (Нц30-442, Нц35-100, Нц38-19, Нц41-50, Нц45-1309, Нц45-1309) (рис. 14).

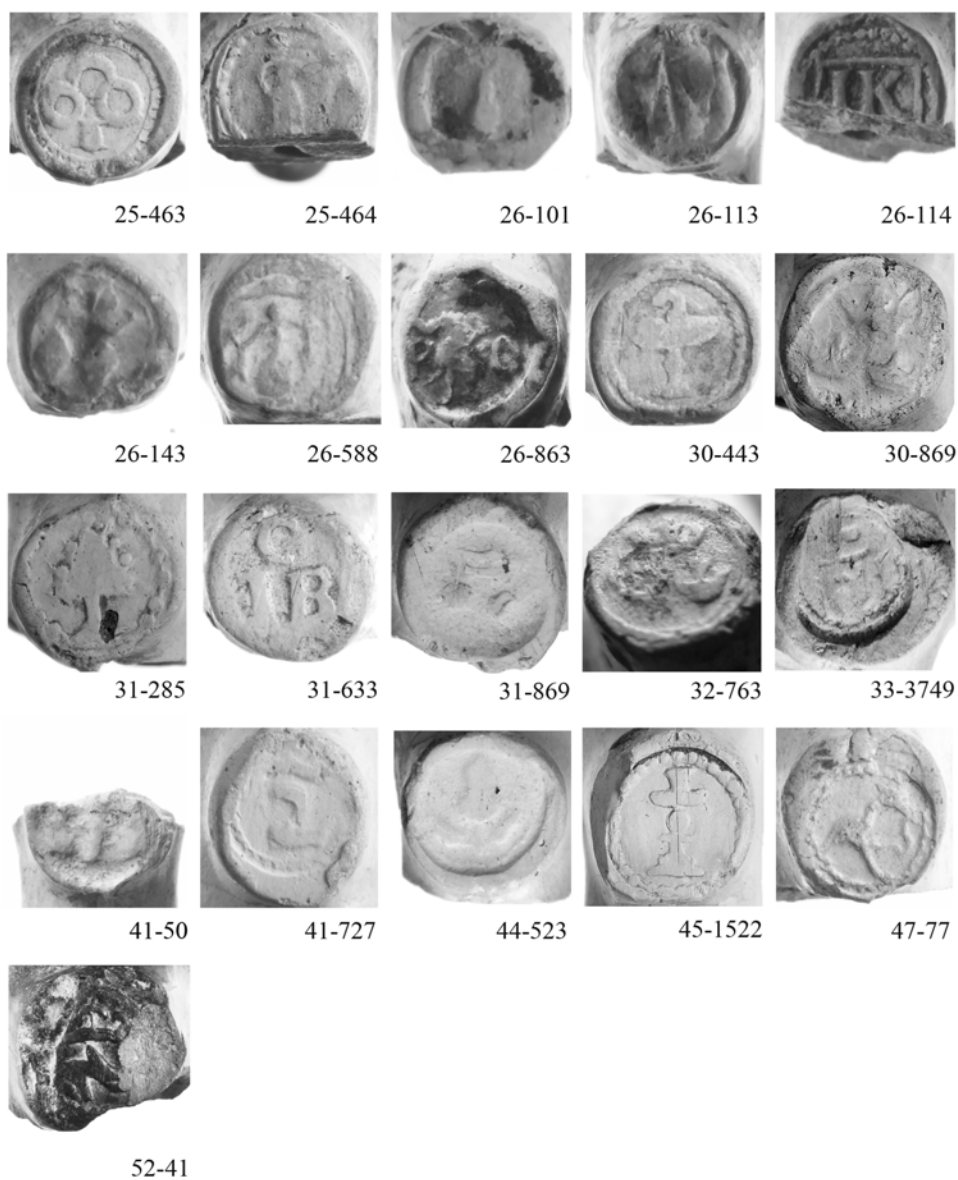
Рельефные трубки в это время становятся большой редкостью. Это, как правило, праздничные трубки, их традиционно использовали для особых случаев, например, свадеб. К таким трубкам, например, относится фрагмент кручёной трубки (Нц36-749), который, следует датировать около 1700 г.* (рис. 14). Для подобных трубок характерно продольное закручивание ещё необожжённого стебля с целью образования волнистой поверхности, которая декорировалась с помощью гравировального ножа. Этот тип трубок является ярким примером мастерства, и, возможно, служил

Клейма на чашках яйцевидной формы

Рис. 16. Клейма на чашках трубок яйцевидной формы

Клейма на чашках воронкообразной формы

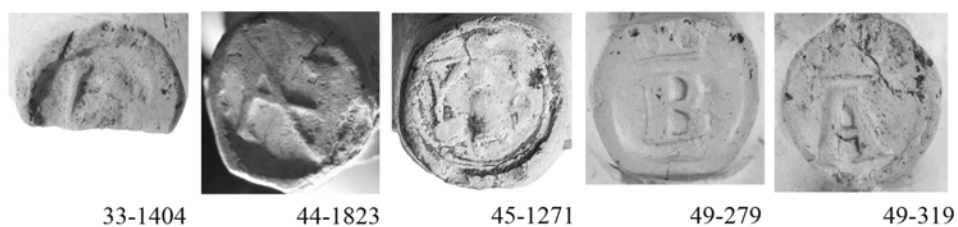

Рис. 17. Клейма на чашках воронкообразной формы

ТАБЛИЦА КЛЕЙМ белоглиняных курительных трубок из раскопок 2010 г.
(по типам форм чашек)

Клейма на чашках биконической формы

Клейма на чашках формы, переходной от биконической к воронкообразной

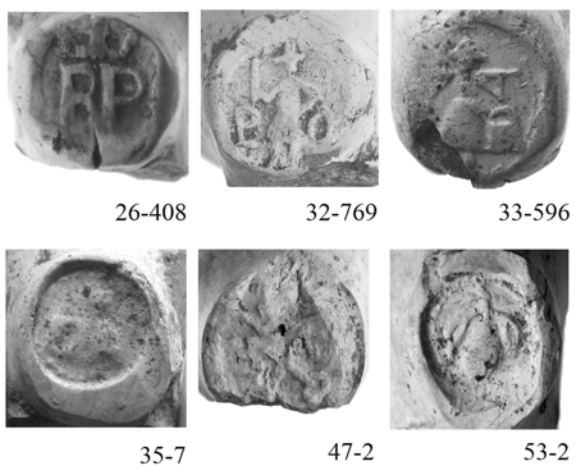

Рис. 18. Клейма на чашках биконической формы

в качестве подарка. В длину такие трубки были больше, часто достигали метра (Duso, 1987. S. 85). К сожалению, небольшой фрагмент трубки не позволяет восстановить полностью её первоначальный облик, но можно предположить, что её изготовил мастер из Гауды.

Еще один фрагмент стебля с рельефным декором (Нц27-153), вся поверхность которого покрыта рельефными точками в несколько параллельных рядов (рис. 14). В Голландии такой орнамент был популярен на трубках грубого качества в 1660-х гг., но рассматриваемый экземпляр, по-видимому, немецкого производства*.

Местом производства голландских трубок, найденных в Ниеншанце, в это время, в основном, являлся город Гауда. К концу XVII в. относятся первые имитации и подделки продукции Гауды, что объясняется широкой популярностью гаудских трубок, из-за чего их стали подделывать во многих городах Европы, особенно в Германии. Часто подделки были настолько хорошего качества, что отличить их от продукции города Гауда чрезвычайно сложно. Иногда подделку можно отличить по технологическим признакам (как например, Нц25-13 и Нц25-884, которые отличает нехарактерная для Гауды* подрезка шва), иногда по нечёткости клейм, что порой затруднительно выявить из-за плохой сохранности клейм. Также подделку можно определить по нехарактерным для оригинала деталям.

Ко второму периоду существования крепости Ниеншанц относится сравнительно большое число английских трубок (Нц26-418, Нц26-419, Нц27-306, Нц27-376, Нц30-24, Нц30-84, Нц30-236, Нц32-182, Нц32-782, Нц37-791, Нц41-758, Нц41-759, Нц30-874, Нц23-2166, Нц26-99) (рис. 13; цв. илл. 26). Можно выделить два региона Англии, откуда происходят английские трубки из охтинской коллекции – это северо-восток (Йоркшир) и юго-восток (Лондон).

Йоркширские трубки (например, Нц30-24 и Нц41-759) (рис. 3; 13; цв. илл. 26) наиболее узнаваемы по выпуклой шаровидной чашке и очень большой пятке; подобные чашки гораздо более широкие, чем любые южноанглийские экземпляры (Oswald, 1975. P. 46). Из северо-восточного региона Англии происходит единственный фрагмент трубки (Нц41-339) с английской надписью, содержащей имя мастера. Стебель трубки украшает штампованное яйцевидное клеймо с надписью в верхней части стебля THO+ / PARK, клеймо мастера Томаса Парка (Thomas Parke), датирующееся 1675–1700 гг.** (рис. 13; цв. илл. 26). Лондонские трубки (например,

Нц32-182 и Нц41-758) (ср. рис. 2) характеризуются более плавными вытянутыми формами, а также экземплярами с узкими шпорами (рис. 13; цв. илл. 26) (Atkinson, Oswald, 1969. S. 179).

Импорт именно из этих двух регионов Англии не удивителен, так как известно, что на северо-востоке Англии шла активная торговля с купцами из портов Балтийского моря, а Лондон был одним из важнейших международных портов. Однако, до Ниеншанца поставки из Англии, видимо, редко доходили. Не исключено и то, что многие трубки привозились в Ниеншанц их хозяевами. На это указывает не только небольшой процент английских трубок, но и следы починки, что нехарактерно для трубок, найденных в Англии**.

Английские трубки составляют менее 20 % от общего количества трубок, относящихся к Ниеншанцу второго строительного периода, что несколько отличается от картины, которая наблюдается в Швеции, где на многих памятниках английские трубки составляют от 1/3 до 2/3 всех трубок. Например, на затонувшем в 1676 г. у восточного побережья острова Оланда шведском корабле Кронана из 136 трубок с чашками 2/3 были английскими (Akerhagen, 2000). Небольшой процент английских трубок в Ниеншанце, вероятно, связан с его удалённостью.

Несмотря на гораздо большее количество находок второй половины XVII в., что свидетельствует о широком распространении курения в это время, белоглиняные трубки по-прежнему не теряют своей ценности.

Нередко на мундштуках трубок видны следы зубов, а иногда специальных подпилов, сделанных уже после обжига, возможно для того, чтобы трубку было удобно держать между зубами (Нц25-7, Нц25-706, Нц31-620, Нц33-691, Нц48 13, Нц48-297) (рис. 14). Часто такие следы использования заметны на очень коротких трубках, длина которых составляет 7–3 см, а диаметр 1–0,8 см (Нц23-836, Нц23-262, Нц24-155, Нц25-16, Нц25-406, Нц25-879, Нц26-99, Нц31-57, Нц31-329, Нц32-768, Нц45-1408, Нц45-1525, Нц48-141). У таких трубок следы зубов или подпилов часто перекрывают штампованный орнамент, который обычно размещался в центре трубки, а не с края (например, Нц25-879 и Нц48-141). Очевидно, это были длинные трубки, использовавшиеся повторно после поломки. Следы починки можно заметить и на чашке трубки Нц27-376. Изначально чашка была выше, но после поломки край зашлифовали и продолжали использовать (рис. 11). Вторичное использование

Рис. 19. Голландские чашки XVII–XVIII вв.

трубок, вероятно, свидетельствует об ограниченности поставок трубок, несмотря на стабильные торговые связи Ниена с Европой в это время.

На некоторых мундштуках видны следы специальной подтепки, возможно для того, чтобы использовать дополнительный мундштук (например, Нц37-381 и Нц37-1659). Следует отметить и такой фактор использования, как прокуренность трубки (Нц31-57, Нц25-464, Нц31-632) (рис. 19), который указывает на то, что трубку использовали довольно часто в течение длительного периода. Также интересны фрагменты стеблей с просверленным небольшим отверстием (Нц24-95, Нц30-20, Нц31-631, Нц31+-57, Нц33-4428, Нц33-5751). Все фрагменты диаметром 1–0,9 см относятся, по-видимому, к XVII в. и, очевидно, использовались в качестве свистков, что вполне уместно в крепости, где свистки должны были применяться для подачи звуковых сигналов (рис. 11). Ряд трубок имеет следы в виде опоясывающей бороздки, появившейся уже после обжига – возможно, это следы от подвешивания трубки за верёвочку при ношении, хранении трубки (Нц23-859, Нц25-706, Нц27-603, Нц28-22, Нц42-91) (рис. 11). Известны граффити в виде крестообразной метки, прочерченной уже после обжига креста на пятках двух английских трубок середины XVII в. (Нц30-84 и Нц41-759) (рис. 13; цв. илл. 26). Клейма на английских трубках этого времени были редкостью**, возможно, крест служил личной меткой хозяина трубки.

Таким образом, белоглиняные трубки из крепости Ниеншанц иллюстрируют повседневную жизнь и быт шведского гарнизона, уточняя разнобразную информацию, известную по письменным источникам. Для получения полной картины и достоверных выводов необходим анализ всей коллекции белоглиняных трубок, обнаруженных в крепости и городе Ниене в ходе археологических работ в предшествующие годы.

Комплексы XVII–XVIII вв.

Отдельно следует остановиться на комплексах длительного формирования, которые относятся как к шведскому, так и петербургскому периоду. В ходе работ 2010 г. была исследована северная периферия крепости (к северу от Старого бастиона) (смежные раскопы 30, 35, 52). Здесь на значительной площади сохранился слой бурой гумусированной супеси с щепой, которая хорошо датируется по находкам российских монет времени правления Павла I (1796–1801 гг.). Слой бурой гумусированной супеси связывают со строительством верфи в начале XIX в. Слой погребённой почвы небольшой мощности, перекрытый слоем с щепой, по находкам может

быть датирован XVII–XVIII вв. С этим слоем связан и колодец времени Ниеншанца, обнаруженный в раскопе 30. Некоторые находки белоглиняных трубок помогают уточнить датировку.

Погребённая почва XVII–XVIII вв.

Погребённая почва насыщена большим количеством находок русских монет, датируемых XVIII в. (с 1724 г.) с отдельными находками XVII в., такими как шведские монеты и белоглиняные трубки. Наиболее ранней трубкой, происходящей из этого слоя, является английская трубка, произведённая на северо-востоке Англии в 1660–1680 гг. (Нц30-236) (цв. илл. 26). К концу XVII в. или самому началу XVIII в., судя по диаметру и характеру декора, относятся несколько фрагментов стеблей (Нц30-20, Нц30-189, Нц35-91, Нц30-125, Нц30-232, Нц30-851). Трубка Нц30-442 имеет орнамент, начинающийся непосредственно от пятки, что характерно для серии, произведённой в Гауде в начале XVIII в. Приблизительно к рубежу веков относятся ещё две трубки Нц52-335 и Нц30-443. В первом случае сохранился стебель с фрагментом пятки с клеймом в виде коромысла (рис. 15) (1683–1711 гг.: Ducso, 2003. № 250). Чашка трубки Нц30-443 относится к раннему варианту воронкообразной формы и имеет клеймо на пятке в виде лебедя на блюде (рис. 17) (1693–1757 гг.: Ducso, 2003. № 133).

В целом, белоглиняные трубки из погребённой почвы относятся к рубежу XVII–XVIII вв., то есть ко времени второго строительного периода Ниеншанца. Показательно, что к петербургскому периоду можно отнести только один фрагмент яйцевидной чашки (Нц30-717).

Колодец (XVII–XVIII вв.)

В восточном углу раскопа 30 был обнаружен деревянный колодец размерами 1 x 1 м. Из него происходит фрагмент чашки английского типа (Нц30-874) второй половины XVII в. Из-за небольших размеров фрагмента нельзя точно определить форму и дату. По характеру обработки поверхности трубка похожа на ряд английских йоркширских трубок второй половины XVII в. Кроме этого фрагмента в засыпке колодца была найдена воронкообразная чашка (Нц30-869) с клеймом в виде трёх корон (рис. 17), которое датируется 1679–1789 гг. (Ducso, 2003. № 35). Изящная воронкообразная форма чашки указывает на то, что колодец был засыпан уже в петербургский период.

Трубки Охтинского мыса петербургского периода (рис. 20–21)

В 1702 г. город Ниен был сожжён, а годом позже взята и разрушена крепость Ниеншанц.

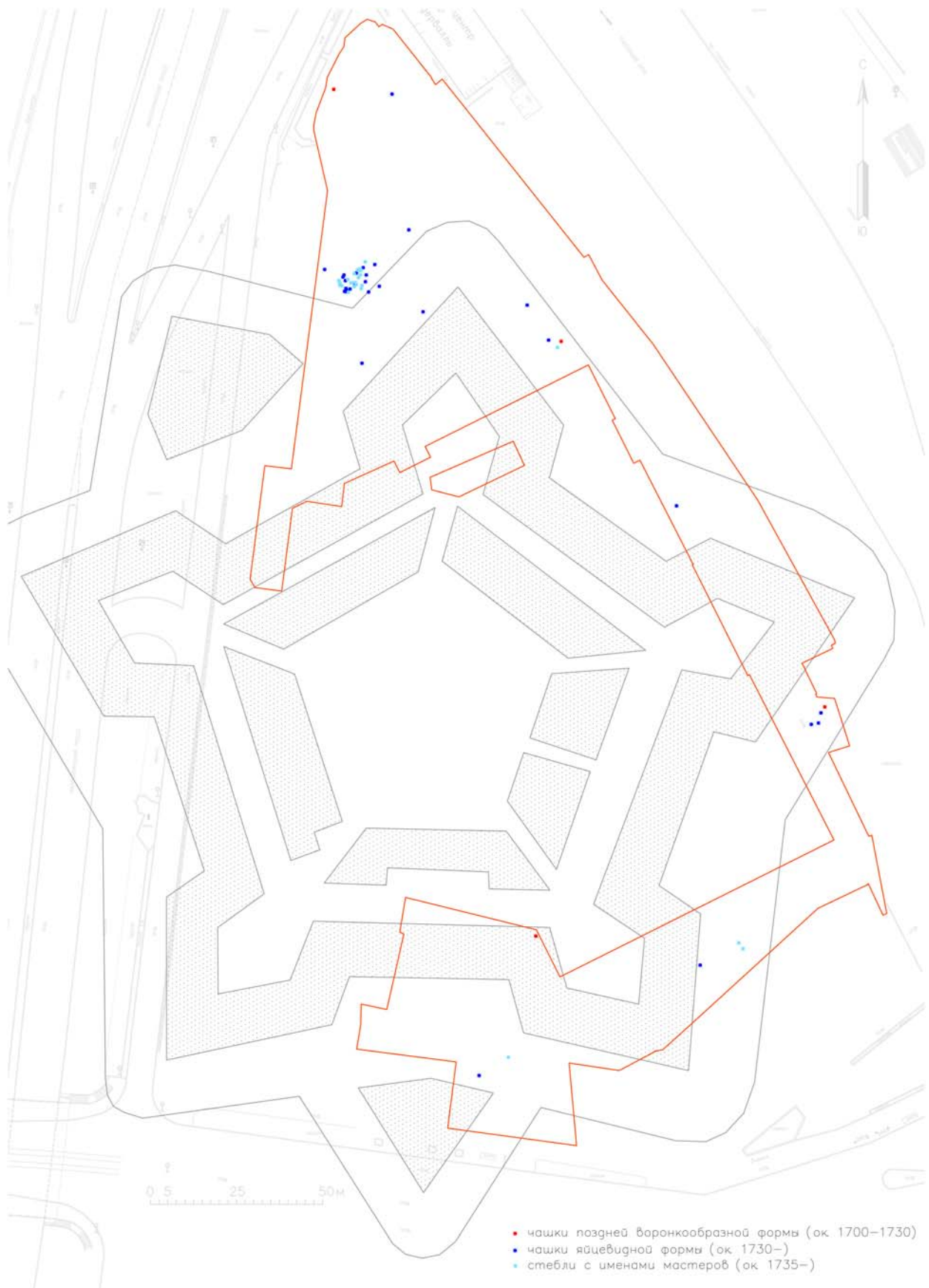

Рис. 20. Карта находок курительных трубок петербургского периода (XVIII в.)

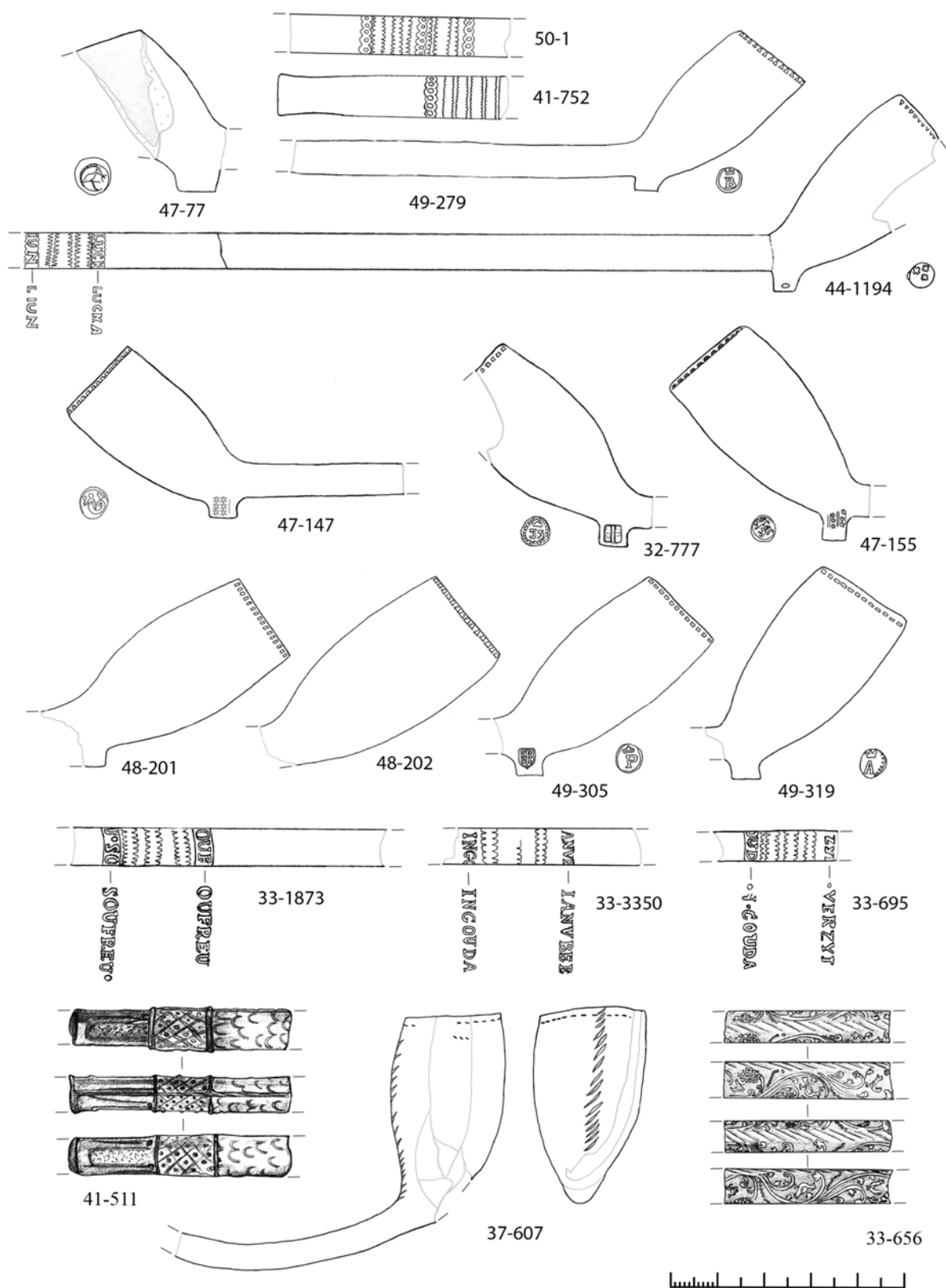

Рис. 21. Курительные трубки XVIII в.

После основания Петербурга на Заячьем острове, Охтинский мыс надолго превратился в далёкую окраину. Это место в начале XVIII в. пользовалось дурной славой и в народе получило название «Волчье поле». Голландские и английские трубки из охтинской коллекции, датирующиеся самым началом XVIII в., на этом основании были отнесены к последнему периоду существования города Ниена и функционирования крепости. Исключение составляют пять–шесть трубок, имеющие чашки позднего варианта воронкообразной форма и датирующиеся не ранее 1715–1730 гг.

Единственным комплексом, с которым можно связывать находки белоглиняных трубок этого периода, является слой садового питомника, очевидно, относившегося к «Канецкому огороду», о существовании которого на месте разрушенной крепости в XVIII в. известно по письменным источникам. Садовый питомник планировали построить на месте руин крепости Ниеншанц в 1717 г. для обеспечения новых садов и парков Санкт-Петербурге саженцами деревьев, кустарников и цветов (Сорокин, 2001. С. 103). Просуществовал «Канецкий огород» до XIX в.

В раскопе 47 на площади рва Ниеншанца был зафиксирован слой мощностью 20–30 см с фрагментами садовой керамики (толстостенные вазоны с отверстиями в донцах) и скоплением зеленоватого оконного стекла, который связывают с существованием оранжерей или теплиц «Канецкого огорода». Этот слой подстилался тонким слоем влажной тёмно-серой супеси, образовавшийся в результате естественного оплывания рва Ниеншанца, и был перекрыт прослойкой слежавшегося торфа с ветками и частями стволов деревьев, толщиной 10 см, являвшейся также следствием естественного оплывания рва, вероятно, уже после существования оранжерей. Из слоя садового питомника происходят монеты XVIII в.: 1735 и 1746 гг. (Нц47-96, Нц47-97, Нц47-98), а также фрагмент трубки с чашкой яйцевидной формы и клеймом на пятке в виде русалки (Нц47-147), которое датируется достаточно широко: 1747–1846 гг. (Duco, 2003. № 183). Боковая марка в виде герба города Гауды на боковой части пятки говорит о том, что эта трубка «порцелинового» качества. В нескольких метрах от фрагмента чашки были найдены фрагменты стебля (Нц47-149), принадлежащего, судя по цвету глины и способу лощения, этой же трубке, украшенного поясом штампованного орнамента, обрамленного надписью «I KLARI<S> / IN GOUD<A>». Удалось уточнить имя мастера трубки, которым оказался Якоб Кларис (Jacob Claris). Клеймо в виде русалки принадлежало этому мастеру в 1747–1749 гг. Из это-

го же слоя происходит ещё одна трубка высокого качества, яйцевидной формы с клеймом на пятке в виде герба Западной Фрисландии (Нц47-155), которое датируется 1714–1817 гг. (Duco, 2003. № 7). На пятке чашки имеется боковое клеймо в виде герба города Гауды, что указывает на то, что трубка была сделана не раньше 1739 г.

Похожий слой с большим количеством фрагментов керамических цветочных вазонов прослежен на раскопе 33, где он перекрывал вымостку из известняковых плит и кирпичей на склоне рва Ниеншанца, которая, возможно, использовалась как облицовка водоёма. Из этого слоя происходит одна английская трубка (Нц33-1765), которая датируется 1690–1720 гг. Край чашки почти параллелен стеблю, что характерно только для XVIII в. Можно предположить, что трубка была сделана в Лондоне**. В этом же слое найдено несколько голландских трубок с чашками яйцевидной формы, популярных в Голландии с середины XVIII в. (Нц33-1308, Нц33-1372, Нц33-1308, Нц33-5225). В двух случаях на пятке чашки сохранились клейма (Нц33-1372 и Нц33-5225), которые дают широкую дату, однако благодаря боковому клейму на пятке в виде герба города Гауды и буквы S, можно предположить, что трубки были сделаны не ранее 1740 г. Наличие буквы S указывает на принадлежность к фаянсовому качеству. Кроме того, здесь же был обнаружен фрагмент стебля с надписью «I:VAN...» (Нц33-689). К сожалению, полностью прочитать имя мастера невозможно, так как надпись плохо сохранилась. Можно лишь утверждать, что трубка была сделана гаудским мастером не ранее середины 1730-х гг.

Кроме этих находок, связанных со слоем садового питомника, в раскопе 33 собрана самая большая коллекция трубок с именами мастеров (см. Приложение 2). К сожалению, практически все они обнаружены в перемешанных слоях, что обусловлено строительством эллингов верфи в начале XIX в. Однако, можно предполагать, что они связаны со временем функционирования оранжерей, поскольку именно в слое с оранжерейной керамикой такие трубки найдены *in situ*. Наиболее часто (семь раз) встречается имя мастера Jan van Beek (Нц33-446, Нц33-454, Нц33-555, Нц33-1498, Нц33-1847, Нц33-2114, Нц33-3350). Мастер с таким именем работал в 1745–1780 гг. Три трубки были сделаны мастером Jan Souffreu (1732–1792 гг.) (Нц33-698, Нц33-1873, Нц33-3309), две других – мастером Frans Verzil (1724–1785 гг.) (Нц33-595 и Нц33-695) (Duco, 2003. S. 209–228) (Приложение 2). В одном случае читается фамилия мастера Claris, однако невозможно прочитать его инициалы

(Нц33-1457). Трубка, скорее всего, была сделана тем же мастером, что и трубка Нц47-149, т.е. Jacob Claris (1722–1764 гг.). Несмотря на большое количество трубок с именем Jan van Beek, которые происходят из одного раскопа, клеймо, которым пользовался мастер, было найдено здесь только в одном экземпляре: цифра 27 под короной (Нц33-584) (Duso, 2003. № 964). Это клеймо было закреплено за мастером в 1745–1758 гг. (Duso, 2003. S. 190). В иные годы этим клеймом пользовались другие мастера, однако можно предположить, что в одном раскопе на небольшом по площади участке и среди большого количества стеблей с именем Jan van Beek, чашка с клеймом этого мастера принадлежит одному из таких стеблей.

С мастером Jan Souffreu можно с уверенностью связать три клейма в виде дугообразной клетки (Нц33-1378, Нц33-3341, Нц33-4474) (Duso, 2003. № 314), найденные на том же раскопе. На пятках всех трубок с этим клеймом есть боковые марки в виде герба города Гауды, что означает, что они были сделаны не раньше 1739–1740 гг. В период с 1740-х по 1760-е гг. клеймо в виде дугообразной клетки было закреплено именно за Jan Souffreu (Duso, 2003. S. 147). О принадлежности какого-либо стебля с надписью к той или иной чашке с клеймом трудно говорить, так как все указанные фрагменты трубок происходят из мешаных слоёв.

Таким образом, выделяется большой комплекс гаудских трубок высокого качества, с клеймами и надписями на стебле. Судя по датировкам клейм и периодам деятельности мастеров, чьи имена содержат надписи, комплекс следует датировать концом 1740-х – 1760-ми гг. Эти дорогостоящие голландские трубки, по-видимому, следует связывать с посетителями оранжерей садового питомника, которыми могли быть представители петербургской знати или иностранцы.

Ряд белоглиняных трубок с чашками яйцевидной формы происходит из других переотложенных слоёв. В слое, связанном с оплыванием рва Карлова бастиона была найдена почти целая трубка (Нц44-1194), сохранившаяся на длину 40 см. Трубка отличается тщательным лощением, что говорит о том, что она относилась к высшему, «порцелиновому» качеству. Однако, на пятке нет клейма Гауды, что означает, что трубка была сделана до 1739 г. Чашка трубки относится к раннему варианту яйцевидной формы, появившемуся в 1730-е гг. На пятке трубки размещено клеймо в виде трёх крестов, которое датируется 1715–1788 гг. (Duso, 2003. № 348). На стебле имеется надпись с именем мастера LUCKA<S> / <D>E ION<G>, разделённая

опоясывающим штампованным декором. Клеймо в виде трёх крестов было закреплено за этим мастером в 1737–1747 гг. Подводя итог, можно датировать эту трубку очень узко – 1737–1739 гг. Рельефная точка сбоку на пятке указывает на то, что трубка сделана не самим мастером, а одним из подмастерьев. Лукас де Йонг был одним из крупнейших производителей Гауды. Имея множество различных форм для отливки, такие мастера поставляли на рынок большой ассортимент товара. Не исключено, что эта трубка была большемерной («*bovenmaat*»), поскольку расстояние между чашкой и центром пояса орнамента (14 см) превышает стандартное (8–12 см) для «мерной» трубки длиной 21 дюйм (53 см)*.

В целом, в петербургский период количество белоглиняных трубок на Охтинском мысу значительно сокращается по сравнению с XVII в. Голландские трубки XVIII в. с чашками поздней воронкообразной и яйцевидной форм составляют около 30% от всего числа найденных в 2010 г. трубок с чашками. Чашки поздней воронкообразной формы первой трети XVIII в. довольно редки (например, Нц30-869, Нц49-279, Нц44-1823). Несколько экземпляров яйцевидных чашек (например, Нц44-1194 и Нц49-319) имеют приближающееся к воронкообразному окончание чашки (край чашки находится под неправильным углом к оси вращения чашки), которые датируются до 1750 г. Остальные чашки имеют чёткую симметричную яйцевидную форму и относятся ко второй половине XVIII в.

Во второй половине XVIII в. появляются разноформатные чашки: «большечашечные», «среднечашечные» и «мелкочашечные» экземпляры (Duso, 2003. S. 202). Высота яйцевидных чашек из коллекции 2010 г. колеблется от 4,2 до 5,2 см, диаметр окончания чашки не превышает 2–2,5 см, а диаметр наиболее широкой части – 2,2–2,6 см.

Важным фактом является появление надписей с именами мастеров в этот период. Стебель трубок теперь украшает одна полоса штампа, состоящего, как правило, из жемчужин, обрамляющих широкую полосу зубчатого орнамента. Количество стеблей с опоясывающим декором по сравнению с предыдущим периодом резко сокращается (менее 10 % от общего количества стеблей, декорированных опоясывающим штампованным орнаментом). Среди находок выделяется фрагмент стебля (Нц33-656), украшенный рельефным декором, находящим аналогии в лучших образцах барочных трубок более раннего времени. На стебле изображены извивающиеся стебли с листьями, гроздьями

винограда и цветами, среди которых вписаны фигурки животных и птиц: львов, петухов. Изображение очень чёткое по исполнению. Необычно расположение фигурок животных и птиц, рассчитанных на рассматривание стебля трубки в вертикальном положении. Датируется трубка не ранее 1760-х гг.*

В петербургский период становятся популярны клейма с цифрами, по количеству не уступающим клеймам с картинками.

Следует отметить, что, так как в XVIII в. продукция Гауды занимала ведущие позиции на рынке, тогда же появилось много подделок, иногда столь хорошего качества, что отличить их от оригинала бывает очень трудно. В составе яйцевидных трубок Охтинской коллекции можно выделить следующие трубки: Нц33-348, Нц33-5779 и Нц33-2110, имеющие уже сложившуюся яйцевидную форму, но без боковых марок в виде герба города Гауды, которое должно было ставиться на все качественные трубки с 1739–1740 гг. Кроме того, трубка Нц33-5773 имеет нехарактерную для этого типа форму пятки, а трубка Нц33-2110 отличается шероховатой поверхностью (рис. 19).

Имитацией также является трубка Нц44-1823, воронкообразная форма чашки которой относится к 1715–1720-м гг., а клеймо содержит буквы NH (1643/1650–1745 гг.: Ducso, 2003. № 548). Чашка трубки хорошо отполирована. На пятке трубки с двух сторон боковая марка производителя в виде звезды или цветка, что указывает на подделку или имитацию, так как подобный вид марок был нехарактерен для гаудских трубок высокого качества*.

Английские (Нц44-467, Нц33-1765, Нц48-67) и немецкие трубки (Нц37-607, Нц41-511) представлены единичными находками, не позволяющими говорить о значительном импорте в это время. Среди них, однако, есть экземпляры, которые следует упомянуть особо, так как они выделяются среди общей массы находок. Все они относятся ко второй половине XVIII – началу XIX вв.

Особого упоминания заслуживает фрагмент чашки английской трубки с рельефным декором на боковых сторонах (Нц44-467) (рис. 14; табл. 2). Это единственный экземпляр такого типа из коллекции 2010 г. Изображения были обрамлены стеблями и цветами. Одно из изображений содержало три зубчатых башенки. Орнамент относится к мавританским эмблемам, сама же трубка была сделана на северо-востоке Англии и датируется 1780–1840 гг.**

Другая трубка (Нц37-607) имеет редкий элемент декора чашки – декоративную затирку формовочного шва на передней и задней сторонах чашки. Она была выполнена до нанесения штампованной окантовки. Производство трубки, судя по изогнутому стеблю, немецкое, датируется трубка второй половиной XVIII – началом XIX в.*

Рельефным декором украшен фрагмент стебля Нц41-511. Подобный декор также восходит к барочным трубкам – к так называемому типу «трубок с Ионой». Они были очень популярны в 1630–1650-х гг. Для трубок подобного типа характерно изображение бородатой головы мужчины, проглатываемого зубастым чудовищем с длинным туловищем. Интересна историографическая путаница с названием этого типа. Бородатого мужчину, изображенного на трубке, исследователи долго принимали за сэра Уолтера Рейли (Oswald, 1975. Р. 96, 116), знаменитого мореплавателя и государственного деятеля конца XVI в. Он одним из первых стал употреблять табак в высшем обществе Англии. Известна легенда о том, как в одном из своих плаваний сэр Рейли выпал за борт и был проглочен крокодилом, но крокодил выплюнул его из-за неприятного табачного дыма, которым была пропитана его одежда. Таким образом, сэр Уолтер Рейли был обязан своей жизнью курению табака (Oswald, 1975. Р. 96, 116). Однако в Англии подобные трубки, привезённые из Голландии, встречаются в гораздо меньшем количестве. О том, что на трубке обыгрывается ветхозаветный сюжет, стало известно благодаря трубке, найденной в Хорне с надписью IONAS ANNO 1632 (Ducso, 1987. S. 91). Они были популярны в разных городах Голландии: Амстердаме, Гауде, Хорне, Роттердаме и др. (Ducso, 1987. S. 94). Известно, что «трубки с Ионой» были найдены при раскопках города Ниена в 2007 г. (Сорокин, 2010. С. 54). Они были очень популярны среди моряков и ремесленников. Возможно, моряки рассматривали трубку с Ионой как талисман. Качество трубок на протяжении XVII в. постепенно снижается, рельефные изображения схематизируются. После середины XVII в. трубки упоминаются в письменных источниках как «моряцкие», а с конца XVII в. утрачивают свою популярность. Однако в 1740-х годах в Германии сюжет в виде чешуйчатого чудовища появляется на стебле вновь, но уже без изображения головы. Фрагмент рельефной трубки из коллекции 2010 г. относится к поздней, немецкой вариации этого мотива. Манера декора довольно грубая, датируется трубка 1750-ми гг.*

Находки белоглиняных чашек XIX в. единичны, в это время такие трубки, вероятно, почти вышли

из моды. Интересны находки фарфоровых трубок (Нц31-1102 и Нц37-1219), которые, вероятно, относятся к местному производству конца XVIII – начала XIX вв. На рубеже XVIII–XIX вв. в моду входят красноглиняные трубки восточного образца, находки которых составляют немногочисленную, но представительную серию в коллекции 2010 г.

Выводы

Материалы коллекции белоглиняных трубок из раскопок Охтинского мыса в 2010 г., большинство из которых происходит из перемешанных слоёв, уверенно делятся на три периода, связанных с Ниеншанцем первого строительного периода (1611–1656 гг.), Ниеншанцем второго строительного периода (1656–1703 гг.) и петербургским периодом (после 1703 г.), что также подтверждается находками из закрытых комплексов, хорошо датированных согласно стратиграфии и письменным источникам. Каждая из хронологических групп характеризуется комплексом находок с отчётливо выраженными морфологическими признаками.

Белоглиняные трубки первой половине XVII в. встречаются крайне редко. За исключением единичной находки ранней английской трубки, которую можно отнести к 1620-м гг., все остальные трубки этого времени сделаны в Амстердаме.

Наибольшее количество трубок с Охтинского мыса относится ко второй половине XVII в., что, очевидно, связано с расцветом города Ниена и ростом международной торговли. Большинство трубок – голландские, а также, возможно, их немецкие подражания. Среди них имеются как грубые, так и качественные (полированные, с клеймами) трубки, на протяжении этого периода их соотношение постепенно меняется в пользу второй категории: почти все трубки рубежа XVII–XVIII вв. относятся к качественным. Около 20 % трубок Ниеншанца второго строительного периода английского производства, что значительно меньше, чем в известных шведских комплексах этого времени. Важно отметить большое количество трубок со следами вторичного использования. Как выяснилось, довольно часто трубки продолжали использовать и после их неоднократной поломки, что свидетельствует об их ценности, и, очевидно, об ограниченности поставок. Длина таких трубок иногда составляла всего лишь 3–5 см. Следует также отметить вторичное использование трубок в качестве свистков.

В петербургский период трубки представлены качественной продукцией из Гауды. Во рву крепости к северу от Старого бастиона обнаружено

скопление дорогих гаудских трубок высокого качества 1740–1760-м гг., вероятно, связанных с посещением «Канецкого огорода» представителями петербургской знати. Трубки имеют повторяющиеся клейма и надписи на стеблях с именами мастеров, что говорит о крупных поставках серий трубок. Некоторое количество трубок петербургского периода составляют, по-видимому, немецкие подделки. Находки английских и немецких трубок единичны. Изредка встречаются неполированные трубки «грубого» качества. Помимо белоглиняных трубок в петербургский период получили распространение красноглиняные, фарфоровые, деревянные трубки.

Источники и литература

- Гиппинг А. И., 1909. Нева и Ниеншанц. СПб.
- Грач А. Д., 1957. Археологические раскопки в Ленинграде. Л.
- Завьялов В. А., Мурашкин А. И., Городилов А. Ю., Садыков Т. Р., Соловьёва Н. Ф., 2010. Археологический надзор за ходом строительства на участке Старого Гостиного двора // Бюллетень Института истории материальной культуры (охранная археология). СПб. Вып. 1.
- Зурабян Н. М., 1997. Об истории распространения белоглиняных курительных трубок в Санкт-Петербурге // Труды Государственного музея истории Санкт-Петербурга. Исследования и материалы. СПб. Вып. II.
- Кормильцева О. М., Сорокин П. Е., Кишук А. А., 2004. Екатеринбург. СПб.
- Костюк О. Г., 2010. Мир табачных аксессуаров Европейские традиции // «Но если уж табак так нравится тебе...». Каталог выставки Государственного Эрмитажа. СПб.
- Сорокин П. Е., 2001. Ландскрона, Невское устье, Ниеншанц. СПб.
- Сорокин П. Е., 2003. Археологическое изучение Троицкого Петровского собора // Археологическое наследие Санкт-Петербурга. СПб. Вып. 1.
- Сорокин П. Е., 2010. Крепость Ниеншанц (некоторые итоги историко-археологического изучения) // Краеугольный камень. СПб. Т. 2.
- Сорокин П. Е., Берташ А. В., Андреева О. В., Бельский С. В., Михайлова Е. Р., Семенов С. А., Соболев

- В. Ю., 2009а. Историко-археологическое изучение утраченных храмов Петербурга // Археологическое наследие Санкт-Петербурга. СПб. Вып. 3.
- Сорокин П. Е., Поляков А. В., Иванов А. В., Михайлов К. А., Лазаретов И. П., Гукин В. Д., Ахмадеева М. М., Глыбин В. А., Попов С. Г., Семенов С. А., 2009б. Археологические исследования крепостей Ландскрона и Ниеншанц в устье реки Охты в 2008 г. Предварительные результаты // Археологическое наследие Санкт-Петербурга. СПб. Вып. 3.
- Akerhagen A., 2000. Clay pipes from the man-of-war «Kronan» // Society for Clay Pipe Research Newsletter. Stockholm. № 56.
- Atkinson D. R., Oswald A., 1969. London Clay Tobacco Pipes // Journal of the British Archaeological Association. London. Vol. 32.
- Binford L. R., 1978. A New Method of Calculating Dates from Kaolin Pipe Stem Samples // Historical Archaeology: A Guide to Substantive and Theoretical Contributions / R. Schuyler (ed.). New York.
- Davey P.J., 2003. A 17th-century clay pipe from the Salcombe wreck site // Post-Medieval Archaeology. London. Vol. 37/1.
- Duco D.H., 1975. Goudse pijpmerken. Amsterdam.
- Duco D.H., 1982. Merken van Goudse pijpenmakers 1660-1940. Lochem.
- Duco D.H., 1987. De Nederlandse kleipijp: handboek voor dateren en determineren. Leiden.
- Duco D.H., 1992. De Tabakspijp als Oranje Propaganda. Leiden.
- Duco D.H., 2003. Merken en merkenrecht van de pijpenmakers in Gouda. Amsterdam.
- Friederich F.H.W., 1975. Pipelogie, vorm, versiering en datering van Hollandse kleipijp. Voorburg.
- Harrington J.C., 1954. Dating stem fragments of 17th and 18th century Tobacco Pipes // Quarterly Bulletin of the Archaeological Society in Virginia. Richmond. Vol. 9.
- Kluttig-Altmann R., 2001. Beobachtungen zur Technologie manueller Stielverzierungen an Tonpfeifen. Mit einem Beitrag von M. Kügler. // Knasterkopf - Mitteilungen für Freunde irdene Pfeifen. Leipzig. № 14.
- Meulen J. van der, 2003. Goudse Pijpenmakers en hun Merken. Leiden.
- Orser Ch.E. Jr., 2002. Encyclopedia of Historical Archaeology. London; New York.
- Oswald A., 1951. English Clay Tobacco Pipes // Archaeological Newsletter. London. № 3.
- Oswald A., 1975. Clay Pipes for the Archaeologist. Oxford (British Archaeological Reports, British Series 14).
- Wallin L., 1983. Datering med hjälp av kritpipor // Fornvannen. Stockholm. Vol. 78.
- White S.D., 2003. The Dynamics of Regionalisation and Trade: Yorkshire Clay Tobacco Pipes c1600-1800. Oxford (British Archaeological Reports. British Series 374).

Приложение 1

Каталог белоглиняных трубок из раскопок на
Охтинском мысу

Список сокращений к каталогу

К. – штампованное клеймо на пятке

Н. – надпись на стебле

ШО – штампованная окантовка по краю чашки

БО – без штампованной окантовки

Ч – чашка

ЧФ – небольшой фрагмент чашки

М – мундштук

МФ – небольшой фрагмент мундштука

С – стебель

СФ – небольшой фрагмент стебля

П – пятка

ПФ – небольшой фрагмент пятки

А – Англия

СЕ – Северная Европа

СЦЕ – Северная и Центральная Европа

ОШД – опоясывающий штампованный орнамент
на стебле

РР – боковая марка на чашке в виде рельефной розы

ШД Л/Р – штампованный декор в верхней части
стебля в виде лилии в ромбе

Амст – Амстердам

Леев – Леевуарден

РД – рельефный декор

Г – Голландия

Б – биконическая форма чашки

В – воронкообразная форма чашки

АС – английский стиль

ВР – воронкообразная форма чашки (ранняя)

ВП – воронкообразная форма чашки (поздняя)

Я – яйцевидная форма чашки

ЯР – яйцевидная форма чашки (ранняя)

ЯП – яйцевидная форма чашки (поздняя)

Б/В – биконическая форма чашки, переходная к
воронкообразной

ЮВ – юго-восток Англии

СВ – северо-восток Англии

Колодец XVII в. (раскол 30)

Шифр	Часть трубки	Форма чашки	К / Н	Дата	Кв., комп-лекс	Размеры	Производитель	Декор	Примечания
Нц-30-869	Ч+П	ВП, 1715–1735	К: три короны (№35, 1679–1789)	Нач. XVIII в. (1715–1735)	В85'	1.8/1.8/3.3	Гауда, Jacobus Gerritsz. Witsius	ШО	Хорошее лощение, трубка практически не прокурена
Нц-30-874	ЧФ	АС		Вг. пол. XVII в.?	В85'	1-2,5+	А	БО	По характеру обработки поверхности, трубка похожа на ряд английских йоркширских трубок второй половины XVII в.

Слой штурма крепости Ниеншанц до 1703 г. (раскопы 31, 44, 45)

Шифр	Часть трубки	Форма чашки	К / Н	Дата	Кв., комп-лекс	Размеры	Производитель	Декор	Примечания
Нц-31-869	Ч+П	ВР, конец XVII в.	К: два ромба под короной? (№ 361, 1683–1757)		Ж'55	2//3.5	Г	ШО	Клеймо нечеткое, возможно подделка
Нц-31+81	С			1680–1700 гг.	Ш'57	3.5+0.9	Г?	ОЩД. Тип А. Одна группа штампа	
Нц-31+151	П		К: возможно ножницы; (№ 237, 1685–1753)	Посл. четв. XVII в.	Ю'58		Гауда? Jacobus Pietersz. Van der Meij		
Нц-31+213	Ч	БВ, 1675–1690 гг.	К: двухглавый орел; (№21, 1685–1812)	1685–1690-е гг.	А'57	2/1.87/3.2; 2+/1.1	Гауда, Claes Jansz. Bal?	ШО	
Нц-45-1523	Б		РР(6)	Сер. XVII в.	Б'55	2/1.8/3	Г	ШО	Грубое качество

Шифр	Часть трубки	Форма чашки	К / Н	Дата	Кв., комп-лекс	Размеры	Производитель	Декор	Примечания
Нц-45-1525	М+П				Г"55	3,1+0.9			Повторное использование, на мундштуке видны следы зубов
Нц-44-544	С			Кон. XVII в. (до 1703)	В48	5+0.8-75		ОШД. Типы А и D	44-544 и 44-704 - одна трубка
Нц-44-704	С			Кон. XVII в. (до 1703)	Е48	1.3+0.8		ОШД. Типы А и D	

Погребённая почва пер. пол. XVII в. (раскоп 40)

Шифр	Часть трубки	Форма чашки	К / Н	Дата	Кв., комп-лекс	Размеры	Производитель	Декор	Примечания
Нц-40-45	С			1630-1650	Х4	3.2+0.9	Амст	ШД Л/Р	
Нц-40-77	ЧФ	Б, пер. пол. XVII в		Пер.пол. XVII в.	Х6		Амст	ШО	
Нц-40-78	ЧП	Б, 1640-1650 гг.		1640-1650	Ц7/яма	1.7/1.5/2.3	Амст	ШО	
Нц-40-315	ЧФ	Б, пер. пол. XVII в		Пер.пол. XVII в.	Ц5		Амст		
Нц-40-316	С+П			1630-1650	Ц2	2.9+0.9	Амст		
Нц-40-317	С+П			1630-1650?	Ц2	2.4+1	Амст		Клеймо нечеткое
Нц-40-320	С			1630-1650	Х5	5+0.9	Амст/Леев	РД: барокко, тип 2	
Нц-40-413	С+П			1630-1650	Ф6	4+1	Амст	ШД Л/Р	

Шифр	Часть трубки	Форма чашки	К / Н	Дата	Кв., комп-лекс	Размеры	Производитель	Декор	Примечания
Нц-40-480	С			1630–1650 гг.	Ф5	5.5+/1	Амст	ШД Л/Р (3 штампа)	
Нц-40-485	С			1640-е гг.	Ф5		Амст	РД: барокко, тип 1	Грубое качество, № 485, 486, 487 - одна трубка
Нц-40-486	С			1640-е гг.	Ф5	2+/0.9	Амст	РД: барокко, тип 1	Грубое качество, № 485, 486, 487 - одна трубка
Нц-40-487	С			1640-е гг.	Ф5	2.3+/0.9	Амст	РД: барокко, тип 1	Грубое качество, № 485, 486, 487 - одна трубка

Сортия (45 раскол.)

Шифр	Часть трубки	Форма чашки	К / Н	Дата	Кв., комп-лекс	Размеры	Производитель	Декор	Примечания
Нц-45-1653	Ч	АС, 1700–1780 гг.		1700–1703 гг.	А"43	2/-/2.3+	А		
Нц-45-1660	ЧФ	ВР, конец XVII в.		Конец XVII в. (до 1703 г.)	А"43	1.8/1.8-2/3	Г	ШО	

Насыль Старого бастиона (до 1656 г.)

Шифр	Часть трубки	Форма чашки	К / Н	Дата	Кв., комп-лекс	Размеры	Производитель	Декор	Примечания
Нц-48-270	С			1640–1650 гг.	А51'	2+1	Леев	РД в верхней части стебля. Растительные мотивы: бутоны, стебли, листья, точки.	
Нц-48-292	Ч+П+С	Б?		Пер. пол. XVII в. (до 1656 г.)	А51'	?;3+1	Г		Плоская, почти невыделенная пятка

Погребённая почва XVIII в. (раскол 49)

Шифр	Часть трубки	Форма чашки	К / Н	Дата	Кв., комп-лекс	Размеры	Производитель	Декор	Примечания
Нц-49-278	Ч+П	Я, вт. пол. XVIII в.	К: 75 под короной; (№ 1017, 1728–1867 гг.); ГГ слева и справа + S с права?	Вт. пол. XVIII в. (не раньше 1740 г.)	Щ31'	2.5/2.2/4.8	Гауда	ШО	Фаянсовое качество
Нц-49-279	Ч+П+С	ВП, 1715–1735 гг.	К: В под короной; (№ 374, 1661–1904 гг.)	1715–1735 гг.	Ы29'	1.7/1.7/3.5 8+0.6	Гауда, Jan Bastiaansz. Overwesel	ШО	Хорошее лощение, возможно порцелиновое качество

Шифр	Часть трубки	Форма чашки	К / Н	Дата	Кв., комп-лекс	Размеры	Производитель	Декор	Примечания
Нц-49-305	ЧП	Я, вт. пол. XVIII в.	К: Р под короной; (№ 390, 1674/1685–1819 гг.); ГГ слева на пятке	Вт. пол. XVIII в. (не раньше 1739 г.)	ЫЗ1'	2.2/2/4.2	Гауда	ШО	Порцелиновое качество
Нц-49-316	Ч	Б/В		Вт. пол. XVII в. – рубеж XVIII/XVIII вв.	Ю29'	1.6/3+	Г		
Нц-49-319	Ч+П	ЯР, 1730–1740-е гг.	К: А под короной (№373, 1714–1836 гг.)	1730–1740-е гг.	ШЩЗ1'	2.3/2.3/4.2	Гауда, Machiel Vrem?	ШО	Хорошее лощение, возможно порцелиновое качество

Насыль Мёртвого бастиона (до 1656 г.). Раскол 27

Шифр	Часть трубки	Форма чашки	К / Н	Дата	Кв., комп-лекс	Размеры	Производитель	Декор	Примечания
Нц-27-603	С			Пер. пол. XVII в. (до 1656 г.)	Ш2'	4.3+/0.9		ОШД. Тип А	После обжига прочерчена линия опоясывающая стембель
Нц-27-647	С+П			Пер. пол. XVII в. (до 1656 г.)	Щ2'	4.8+/1			Широкая прямая плоская пятка, без клейма. Полива

Заполнение частокольной канавки во рву Ниеншанца (конструкции частокола разоколы Карлового бастюна). Раскоп 45

Шифр	Часть трубки	Форма чашки	К / Н	Дата	Кв., комп-лекс	Размеры	Производитель	Декор	Примечания
Нц-45-1620	С			Вт. пол. XVII в. (до 1656 г.)	Д'46	3.9+/0.9	Г	ОШД. Тип А. 2 группы штампа	

Насыль Карлова бастюна (до 1656 г.). Раскоп 45

Шифр	Часть трубки	Форма чашки	К / Н	Дата	Кв., комп-лекс	Размеры	Производитель	Декор	Примечания
Нц-45-1490				Пер. пол. XVII в. (до 1656 г.)	Я'46	5.2+/0.9	Г	ОШД. Тип А	Пятка скорее всего широкая и плоская, большая часть пятки сбита

Засытка рва Ландскроны. Раскоп 53

Шифр	Часть трубки	Форма чашки	К / Н	Дата	Кв., комп-лекс	Размеры	Производитель	Декор	Примечания
Нц-53-88	МНП+ФЧ			Пер. пол. XVII в.	Ю24'	3+/1			Повторное использование, на мундштуке видны следы зубов. Пятка округлая, шпора?

Садовый питомник. Раскопы 33, 47

Шифр	Часть трубки	Форма чашки	К / Н	Дата	Кв., комп-лекс	Размеры	Производитель	Декор	Примечания
Нц-33-689	С		Н: I:VAN... (W?)	Не раньше 1735-х гг.	И'56'	4.1+/0.8	Гауда	ОШД. Тип А	Глина коричневатого цвета

Шифр	Часть трубки	Форма чашки	К / Н	Дата	Кв., комплекс	Размеры	Производитель	Декор	Примечания
Нц-33-1765	Ч+П	АС, тип 23		1690–1720 гг. (скорее всего 1703–1720 гг.)	К'55'	1.9/1.7/3.7	А, Лондон?	БО	Пятка неширокая, высокая (шпора). Край чашки почти параллелен стеблю
Нц-33-1308	ЧФ	Я		1730–1815 гг.	И'57'		Гауда	ШО	
Нц-33-1372	Ч+П	Я, вт. пол. XVIII в.	К: 63 под короной (№ 1004, 1729–1815 гг.). ГГ +S слева и справа. ДМП в виде точки справа	Вт. пол. XVIII в. (не раньше 1740 г.)	З'57'	2.2/2/4.4 /0.7	Гауда, подмастерье	ШО	Фаянсовое качество.
Нц-33-5225	Ч+П	Я, вт. пол. XVIII в.	К: кран под короной (№ 239, 1683–1827 гг.). ГГ слева и справа + ДМП в виде точки	Вт. пол. XVIII в. (не раньше 1740 г.)	И'57'	2.2/1.8/4.5	Гауда	ШО	Фаянсовое качество, левая сторона пятки сильно сбита.
Нц-47-147	Ч+П+С	Я, вт. пол. XVIII в.	К: русалка (№183, 1747–1846 гг.). ГГ слева на пятке	1747–1749 гг.	П35'	2/1.8/3.5; 7.5+/0.8	Гауда, Jacob Claris	ШО	№147 и №149 - одна трубка. Глина коричневатого цвета. Порцелиновое качество
Нц-47-149	С		Н: I KLARI; IN GOUD..	1747–1749 гг.	П37'	5+/0.8	Гауда, Jacob Claris	ОПД (между надписями). Тип А.	№147 и №149 - одна трубка. Глина коричневатого цвета. Порцелиновое качество

Шифр	Часть трубки	Форма чашки	К / Н	Дата	Кв., комп-лекс	Размеры	Производитель	Декор	Примечания
Нц-47-155	Ч+П	Я, вт. пол. XVIII в.	К: два льва (один над другим) – герб западной Фрисландии (№ 7, 1714–1817 гг). ГГ слева. ДМП в виде точки справа	Вт. пол. XVIII в. (не раньше 1739 г.)	П38'	2.2/2.1/4.2	Гауда, подмастерье	ШО	Порцелиновое качество
Нц-23-84	С+П+ЧФ		К: возможно солнце (?)		Л41'	3+1	ЦСЕ		Грубое качество
Нц-23-228	С+П		К: возможно роза с шестью лепестками	XVII в.	Н39'	4+1	Амстг?		
Нц-23-284	ЧФ	Б		XVII в.	З39'	1.7/-/-	Г		
Нц-23-344	С+П			1650-е гг.	О37'	3.1+1	Леев	РД в верхней части стебля. Растительные мотивы	Грубое качество
Нц-23-507	ЧФ	Б?		?	Л38'	1.7/1.5/3.2	Г?	ШО	Грубое качество
Нц-23-518	ЧФ			?	М37'	//3.5	А?ЦСЕ?		Грубое качество
Нц-23-792	Ч+П	Б, 1660–1680 гг.?	РР (7)	1660–1680 гг.	И40'	1.9/-/3	Г		Грубое качество
Нц-23-836	М			1650-е гг.	К41'	4/0.8	Леев	РД в верхней части стебля. Растительные мотивы	Повторное использование, на мундштуке видны следы зубов. Грубое качество
Нц-23-1445	Ч+П	Б, 1660–1680 гг.	РР (7)	1660–1680 гг.	Н35'	1.8/1.5/3.3	Г?	БО	Грубое качество

Шифр	Часть трубки	Форма чашки	К / Н	Дата	Кв., комплекс	Размеры	Производитель	Декор	Примечания
Нц-23-1448	Ч+П	БВ, 1660–1700 гг.	К: двухглавый орел с буквами D I. Ближайшая аналогия: (№21, 1658–1812 гг.)	1660–1703 гг.	К36'	1.8/-/-	Г?Гауда?		Клеймо нечеткое, смазанное. Брак? Подделка?
Нц-23-1481	Ч+П	БВ, 1660–1700 гг.	К: двухглавый орел с буквами D I. Ближайшая аналогия: (№21, 1658–1812 гг.)	1660–1703 гг.	К36'	1.8/-/-	Г?Гауда?		Клеймо нечеткое, смазанное. Брак? Подделка?
Нц-23-1641	Ч+П+С			1630–1650?	Н34'	3.9+1	Г, Амст?	РД опоясывающий стембель. Возможно тип барокко №3	Виден шов на стебле
Нц-23-1875	Ч+П	БВ, 1680–1700 гг.	К: X под короной; (№ 345, 1674/1745 гг.)	1674–1703 гг.	Ч37'	2/2/3.3	Г?Гауда? Возможно Leendert Sijmons. Kunst	ШО	Подделка?
Нц-23-2025	ЧФ			Вт. пол.XVII в?	О34'	1.8//3+	Г?ЦСЕ?	ШО	
Нц-23-2166	Ч+С+П			1660–1690 гг.	Н37'	3.3+0.9	А?		Скругленная, узкая пятка-шпора. Глина красноватого цвета
Нц-23-2173	С			1635–1645 гг.	М35'	3.7+1.1	Амст	ШД Л/Р	
Нц-24-73	С+П			Вт. пол. XVII –нач. XVIII вв.	К'43'	3.1+0.8			Грубое качество

Шифр	Часть трубки	Форма чашки	К / Н	Дата	Кв., комплекс	Размеры	Производитель	Декор	Примечания
Нц-24-135	Ч	Б, 1660–1680 гг.		1660–1680 гг.	З42'	1.8/1.5/3.3	Г	БО	Грубое качество
Нц-24-156	Ч	Б	РР (5)	Вт. пол. XVII в.	Л42	/1.8/2.6+	Г		Оплавленная, Скорее всего остеклованная, Скорее всего из пожара. Грубое качество
Нц-24-157	ЧФ	Б?		Вт. пол. XVII в.?	Л42'	?/1.6/3.3	Г	ШО	
Нц-24-255	М+ПФ			Вт. пол. XVII в.	М41'	6.7/0.9-0.8			Повторное использование, на мундштуке видны следы зубов. Мундштук сужается по направлению от чашки на 1 мм.
Нц-24-262	Ч+П	Б, 1660–1680 гг.	РР (6)	1660–1680 гг.	П43'	1.8/1.5/3.3	Г, Гауда?	БО	Со следыми желто-зеленой поливой, которые были получены, видимо, в процессе обжига, и являющиеся браком
Нц-25-13	С+П		К: ворона (№ 123, 1660/1665–1670/1675 гг)	1660–1675 гг.?	Е46'	4.9+/1.1	Г?		Подрезка шва стебля. Подделка под продукцию Гауды. Датировка может отличаться
Нц-25-19	С				Н46'	6.7+/0.8	Герм		Стебель изогнут
Нц-25-137	ЧФ+П				Д56'		Г?		Грубое качество. Пятка широкая, плоская
Нц-25-324	С+П			Вт. пол. XVII в.	Б49'	2.5+/0.8			Пятка широкая, плоская
Нц-25-326	Ч	В		Нач. XVIII в.	Ж46'	//3+	Г, Гауда?		

Шифр	Часть трубки	Форма чашки	К / Н	Дата	Кв., комплекс	Размеры	Производитель	Декор	Примечания
Нц-25-463	Ч+П	БВ, 1680–1700 гг.	К: очки и буква I (№ 292, 1668–1674/1685 гг.)	1668–1674/1685 гг. (предпочтительная дата: 1680–1685 гг.)	К46'	1.7/1.7/3.3	Гауда, Jan Huibertsz. Van Holland	ШО	
Нц-25-464	Ч+П	ВР, 1690–1710 гг.	К: женщина с якорем (надежда) (№185, 1655/1660–1833)	1690–1703 гг.	Л47'	1.8/2?/3.2	Гауда, Adriaen Andriessse Left, в использовании нии van Pieter Jonathans Schagr	ШО	
Нц-25-486	Ч+П	Б, 1650–1670 гг.		1650–1670 гг.	Л49'	1.8/1.5/3.3	Г, Гауда?	ШО	
Нц-25-873	С+П			1630–1650 гг.	О45'	3.8+1	Амст	ШД Л/Р	Широкая плоская пятка без клейма
Нц-25-877	Ч+П+С	Я, вт. пол. XVIII в.	К: Н под короной (№ 382, 1661–1825 гг.); ГГ слева и справа + S справа	Вт. пол. XVIII в. (не раньше 1740 г.)	О43'	D 2.3/2.2/4.3	Гауда	ШО	Фаянсовое качество, глина сероватого цвета.
Нц-25-879	С+П		К: держава (№ 29, 1674–1760 гг.)	1674–1690 гг.	П41'	5.2+1/1.1-1	Г	ОШД. Тип В	Повторное использование, на мундштуке видны следы зубов поверх орнамента. Глина сероватого цвета

Шифр	Часть трубки	Форма чашки	К / Н	Дата	Кв., комп-лекс	Размеры	Производитель	Декор	Примечания
Нц-25-884	С+П		К: буквы V и G. Над V звездочка. Верхняя часть пятки сколота. (Возможно, это № 911, 1653/1658-1679 гг.)	Вг. пол. XVII в. (1653/1658-1679 гг.)	Р43'	4.3+0.9	Г? Гауда? Cornelis Jacobsz. Vergou?		Скорее всего подделка под продукцию Гауды - нехарактерная для Гауды подрезка шва стебля
Нц-25-1058	ЧФ	Б?		XVII в?	С48'	1.7/-/3+	Г?		Глина красноватого цвета
Нц-25-1061	С+П			Вг. пол. XVII в.?	О42'	10.2+0.9			Пятка скругленная, чуть сужающаяся
Нц-26-52	Ч+П	В, посл. четверть XVII - начало XVIII вв.	К: кораблик? (№318, 1671-1949 гг.)	1671-1703 гг.	Б"36'	2/2/3.3	Гауда (Pieter Jansz. Hola?)	ШО	
Нц-26-99	М+П			1660-1710 гг.	В"36'	3.5/1.1-0.9	А?		Пятка чуть выгнутая, округлая(шпора). Повторное использование, на мундштуке видны следы зубов. Довольно широкий дымовой канал диаметром 0.5 см.
Нц-26-101	Ч+П	ВР, 1690-1710 гг.	К: жемчужина (№295, 1688-1792 гг.)	1688-1703 гг.	Широкая, плоская прямая	2/-/3+	Г, Гауда?		
Нц-26-113	Ч+П	В, конец XVII - начало XVIII вв.	К: кораблик? (№318, 1671-1949 гг.)	1671-1703 гг.	В"37'	2/-/3+	Гауда, Pieter Jansz. Hola?	ШО	Глина коричневатого цвета

Шифр	Часть трубки	Форма чашки	К / Н	Дата	Кв., комплекс	Размеры	Производитель	Декор	Примечания
Нц-26-114	Ч+П	В, конец XVII – начало XVIII вв.	К: К в квадратной рамке (№ 521, 1699–1737/1749 гг.)	1699–1703	В"37'	1.8/-/3+	Гауда, Isaak Thijsz. Kersteijn		Глина коричневатого цвета
Нц-26-143	Ч+П	ВР конец XVII – начало XVIII вв.	К: два ромба под короной (№ 361, 1682–1757 гг.)	1690–1703 гг.	Б"38'	-/1.8/3.3	Гауда, Bartholomeus Pietersz. den Hagenaeer	ШО	Глина коричневатого цвета
Нц-26-158	ЧФ+П	Б/В	РР (3+)	Скорее всего XVII в.	В"34'	//1.5+	Г?		Грубое качество
Нц-26-408	Ч+П	Б/В, 1680–1700 гг.	К: ВР с короной (№ 552, 1682–1783 гг.)	1680–1703 гг.	Б"35'	1.8/2/3	Г, Гауда, Bartholomeus Pietersz. den Hagenaeer	ШО	
Нц-26-418	Ч+П	АС, тип 19		1690–1710 гг.	А"35'	1.8/1.7/3	А, Лондон?	БО	Глина сероватого цвета. Узкая и скругленная шпора
Нц-26-419	Ч+П	АС, тип 15		1660–1690 гг.	Б"34'	2/1.7/3.5	А		Глина сероватого цвета. Узкая и скругленная шпора. Лощение
Нц-26-427	ЧФ+П			XVII в.	В"37'				Пятка низкая, плохо выделенная с "зубчиками". Грубое качество
Нц-26-588	Ч+П	ВР, конец XVII – начало XVIII вв.	К: женщина с пылятами в воротах (ближайшая аналогия: №182, 2003.1676–1762 гг.)	конец XVII – начало XVIII вв.	Б"36'	1.8/1.8/3.1	Г, Гауда?	ШО	Глина коричневатого цвета

Шифр	Часть трубки	Форма чашки	К / Н	Дата	Кв., комплекс	Размеры	Производитель	Декор	Примечания
Нц-26-633	С+П		К: аналогий не найдено. Некое изображение в круге. См № 28–29	Вт. пол. XVII в., рубеж XVII –XVIII вв.	Б"36'	3+0.9	ЦСЕ?	ОШД. Тип D	
Нц-26-712	С+П			XVII в.	В"37'	9.2+0.9	Г?ЦСЕ?		Пятка низкая, плохо выделенная
Нц-26-752	Ч+П+С	Б/В	РР (7)	Вт. пол. XVII в.	А"35	1.8/-/-;2+1	Г		Грубое качество
Нц-26-758	Ч+П	Б/В, 1660–1690 гг.	К: невозможно разобрать	1660–1690 гг.	А"35'	1.9/1.7/3.3	Г, Гауда? Подделка?	ШО	Возможно подделка под продукцию Гауды
Нц-26-863	Ч+П	В, конец XVII – начало XVIII вв.	К: принц + РО (№ 141, 1685/1690–1700/1705 гг.)	1685–1703 гг.	В"38'	1.8/1.8/3	Гауда	ШО	
Нц-26-864	Ч	Б		Вт. пол. XVII в.	В"38'	1.9/1.5/3+	Г?	БО	Очень узкое окончание чашки. Грубое качество
Нц-26-868	П		К: царь Давид (№ 170, 1661–1919 гг.)	Скорее всего вт. пол. XVII в. – начало XVIII вв.	В"38'		Гауда		Лощение
Нц-27-27	С			1635–1645 гг.	Э13'	3.8+0.8	Амст	ШД Л/Р. Лилии опоясывает ШД, тип А	
Нц-27-153	С			1660-е	Э12'	2.1+0.8	ЦСЕ, Герм	РД в виде точек в несколько рядов	Подражание под продукцию Гауды

Шифр	Часть трубки	Форма чашки	К / Н	Дата	Кв., комплекс	Размеры	Производитель	Декор	Примечания
Нц-27-154	С+П			XVII в.	Э12'	3.7+0.8	Г?		Пятка широкая, плоская, овальная чуть наклонена к стеблю. Без клейма. Грубое качество.
Нц-27-306	Ч+С+П	АС, тип 13?		1660–1680 гг.	Э10'	2.2/2/3.3; 2.4+/1.1	А, Лондон		
Нц-27-376	Ч+П+С	АС		1660–1690 гг.	Ю5'	2.4/2.3/2.8 3.9+/1	А, Йоркшир		Очень широкая круглая плоская пятка. Глина коричневатого цвета. Чашка была видимо выше, но после поломки была зашлифована
Нц-27-458	ЧФ	Б/В		Вт. пол. XVII в.	Э11'	//3+	Г	ШО	
Нц-27-484	Ч+П	БВ, 1680–1700 гг.	К: НУВ (№ 660, 1691–1718/1730 гг.)		Б10'	2.1/1.8/3.6	Гауда, Hendrick Jansen Verbrugge	ШО	
Нц-27+-489	П+С		К: трудно разобрать. Возможно буквы СН над ними видимо есть еще 1 или 2 буквы. Аналогий не найдено		Щ8'	6.3+0.9	Г?ЦСЕ?	ОШД. Тип А	Подрезка шва стебля. По технологическим признакам: не Гауда
Нц-27+621	С			По штампу: 1635–1645 гг.	Б14'	5.1+0.8	Амст	ШД Л/Р	
Нц-28-3	С+П		К: трудно определить – пол клейма сколото.	Вт. пол. XVII в?	Щ37	3.5+0.9	Г?		Пятка широкая, высокая, чуть по улом к стеблю, плоская.

Шифр	Часть трубки	Форма чашки	К / Н	Дата	Кв., комп-лекс	Размеры	Производитель	Декор	Примечания
Нц-28-29	Ч+П	Б/В?	К: аналогий не найдено. Некое изображение в круге. См. 26–633	Возможно конец XVII – начало XVIII вв.	ЦЦ'37'	1.7/-/3+	ЦСЕ?		Очень прямая чашка (небольшой угол между стеблем и чашкой)
Нц-30-20	С			Конец XVII – начало XVIII вв.	383'	3+0.9	Г?	ОШД. Типы А и D	С отверстием, повторное использование (свисток?)
Нц-30-24	Ч+П+С	АС		1660–1680 гг.	Д84'	2.3/1.9/3; 3+1	А, Йоркшир	ШО 1/3	Пятка очень широкая, плоская, круглая.
Нц-30-84	Ч+П+С	АС		1660–1690 гг.	386'	2/!2.5+/-1.1	А, Йоркшир		Пятка очень широкая, плоская, круглая. На пятке уже после обжига прочерчен крест
Нц-30-236	Ч+П	АС		1660–1680 гг.	Предмет-риковий слой	2.3/2/2.8	А, Йоркшир или СВ	ШО 1/3-1/4	Пятка очень широкая, плоская, круглая. Глина красноватого цвета
Нц-30-442	С+ПФ			Конец XVII – начало XVIII вв.	А83'	3.6+0.7	Г?	ОШД. Типы А и D	Широкая, плоская скошенная пятка. Большая часть пятки сбита
Нц-30-443	Ч+П	В, конец XVII – начало XVIII вв.	К: лебедь на блюде (№ 133, 1693–1757 гг.)	1693–1703 гг.	А81'	1.7/-/3.2	Гауда	ШО	
Нц-30-717	Ч+ПФ	Б, 1660–1680 гг.	Большая часть пятки сбита – клейма не видно	1660–1680 гг.	Л82'	1.8/1.6/3.3	Г?	ШО1/2-1/3	
Нц-30-804	Ч	Я, 1730–1815 гг.		1730–1815 гг.	Пред-матери-ковий слой	/ 2/2.5+	Г?	ШО	

Шифр	Часть трубки	Форма чашки	К / Н	Дата	Кв., комплекс	Размеры	Производитель	Декор	Примечания
Нц-31-263	Ч+П	БР	РР (7)	Пер. пол. XVII в.	Ж' 57	1.8/2+	Г		Грубое качество
Нц-31-278	ЧФ	В?		Вт. пол. XVII в. – начало XVIII вв.?	Е'57	/-β	Г?	ШО	
Нц-31-285	Ч+П	ВР, 1690–1710 гг.	К: дерево (яблоня?) (ближайшая аналогия – № 69, 1675–1771 гг.)	1675–1703 гг.	Д'55	1.8/1.8/3.5	Г?Гауда?	ШО	
Нц-31-309	С			1645–1650 гг.	З'56	3.2+/1	Амст?	ОШД тип А, возможно оформление Л/Р	
Нц-31-329	ЧФ+П+М			1660–1690 гг.	Ж'57	3/0.9	А		Повторное использование, на мундштуке видны следы зубов (подрезы?). Короткая трубка. Пятка небольшая, заглаженная (шпора)
Нц-31-619	П				В'56		А?		Пятка выгнутая, неширокая (шпора)
Нц-31-627	ЧФ	Я, 1730–1815 гг.		1730–1815 гг.	З'54	/2/	Г?	ШО	
Нц-31-628	ЧФ	Б		XVII в?	Д'54		ЦСЕ?		Толстые стенки чашки, грубая поверхность
Нц-31-631	С			XVII в.	В'56	5.4+/1			С отверстием, повторное использование (свисток?)
Нц-31-632	Ч+П	Б/В		Кон. XVII – нач. XVIII вв.	Г'53	2/2/3.5	ЦСЕ?	ШО	Подделка продукции Гауды? Плавный переход от чашки к пятке.
Нц-31-633	Ч	ВР, 1690–1710 гг.	К: ICВ (№ 663, 1690–1710 гг.)	1690–1703 гг.	А'53	2/2?/3.4	Гауда	ШО	Высокое качество

Шифр	Часть трубки	Форма чашки	К / Н	Дата	Кв., комп-лекс	Размеры	Производитель	Декор	Примечания
Нц-31+52	С			XVII в.	Ю'60	3.2+0.9			После обжига прочерчена линия, опоясывающая стебель
Нц-31+57	М+П			XVII в.	Ш'60	4.1+1			Сверху и снизу на мундштуке видны следы зубов. Повторное использование - короткая трубка. Отверстие в середине стебля (свисток?). Очень сильно прокуренная трубка
Нц-31+63	Ч+ПФ	Б, 1660–1680 гг.	К: сбито, видна только окантовка	1660–1680 гг.	Ю'60	1.8/1.6/3.2	Г, Гауда?	ШО	
Нц-32-67	Ч+П	Б вт.четв. XVII в.	К: пятилепестковая роза	Вт.четв. XVII в	Р'48	1.8/1.5/2.6	Амст	ШО	
Нц-32-120	Ч+П	Б пер. пол. XVII в.		Пер. пол. XVII в.	О'52'	2/1.8/3	Г	БО	Пятка сбита
Нц-32-175	Ч+П	Б, 1640-е гг.		1640-е гг.	М'38'	1.8/1.5/2.5	Г, Амст?	ШО 1/4	Грубое качество
Нц-32-182	С+П	АС, тип 19		1690–1720 гг.	Х'43'	1.8/1.8/3.3 6.8+0.7	А, Лондон или ЮВ	БО	Высокая, чуть отогнутая, узкая пятка (шпора). Край чашки скруглен
Нц-32-215	Ч+П	Б, сер. XVII в?	РР (6)	Сер. XVII в?	Т'49	1.8/-2.7+	Г		Грубое качество.Пятка слабо выделена, широкая
Нц-32-629	С+П			XVII в.	Л'60	3.7+0.9	Г?		Пятка скелота клейма не видно
Нц-32-644	М+П			Вт. пол. XVII в.	Л'61'	3.8+1.1	Г?		Повторное использование, на мундштуке видны следы зубов. Пятка плоская, широкая, невысокая

Шифр	Часть трубки	Форма чашки	К / Н	Дата	Кв., комплекс	Размеры	Производитель	Декор	Примечания
Нц-32-749	С+П		К: сохранилась лишь часть окантовки клейма	Вт. пол. XVII в.	М'31'	4.5+1.1	Г?		Пятка невысокая, широкая, скошенная к стемблю.
Нц-32-763	Ч+П	В, нач. XVIII в.	К: три короны (№ 35, 1679–1789 гг.)	Нач. XVIII в. (1700–1703 гг?)	П'51'	1.8/2/3.4	Г? Гауда? (Jacobus Gerritsz. Witsius) ЦЕ?	ШО	Клеймо очень нечеткое. Подделка под продукцию Гауды?
Нц-32-768	М+П		К: ПЕС (№928, 1665–1701/1705 гг.)	1665–1703 гг. (скорее всего 1675–1690 гг.)	С'50'	6.1+1.1	Гауда, Jeroen Jansz. Eelspeel? Подделка?		Клеймо не очень четкое. Повторное использование, на мундштуке видны следы зубов.
Нц-32-769	ЧФ+П	ВР	К: принц+РО (№ 141, 1685/1690–1700/1705 гг.). ДМП в виде точки слева	1685–1703 гг.	Т'49'	/3+	Гауда, подмастерье		Очень прямая чашка (небольшой уг между стемблем и чашкой)
Нц-32-777	Ч+П	Я, вт. пол. XVIII в.	К: 55 под короной (№ 996, 1685–1940 гг.). ГГ слева	1762–1817 гг.	Л'62'	2.2/2/4.3; 1+0.6	Гауда, Gloudt Marthee	ШО	Порцелиновое качество, глина коричневатого цвета
Нц-32-782	Ч+П	АС, тип 18		1660–1690 гг.	Т'50'	2.1/1.8/3.4	А, Лондон или ЮВ	БО	Край чашки скруглен. Пятка широкая, плоская, плавный переход от чашки к пятке.
Нц-32-783	С+П			XVII в.	Р'55	7.9+0.9		Без клейма	Широкая, плоская, скругленная пятка. Плохой обжиг - глина на срезе серая
Нц-32-835	С			1630–1650 гг.	Т'49'	1.8+0.9	Амст	ШД Л/Р.	

Шифр	Часть трубки	Форма чашки	К / Н	Дата	Кв., комплекс	Размеры	Производитель	Декор	Примечания
Нц-32-1005	Ч+П		К: кувшин или бутылка с ручками и двумя буквами: Р и D. Аналогий не выявлено	XVII в.?	Р'54'	1+1	Г? Гауда?		
Нц-32-1012	Ч+П	Б?	РР (6)	Сер.-вт. пол. XVII в.,	Т'50'	//3.3	Г		Грубое качество
Нц-33-51	С		Н: GOUDA	Не раньше 1735 г.	Техноген	3.5+0/7	Гауда	ОШД. Тип А	Надпись смазанная, нечеткая.
Нц-33-347	Ч+П	Я, вт. пол. XVIII в.	К: два трилистника (№ 58, 1731–1840). ГГ слева и справа.	Вт. пол. XVIII (не раньше 1740 г.)	Д'57'	2.3/2/4.4	Гауда	ШО	Фаянсовое качество. ГГ сильно смазан.
Нц-33-348	Ч+П	ЯР, 1730–1740-е гг.	К: 71 под короной (№ 1013, 724–1787 гг.)	1724–1728/1735	Д'56'	2.2/1.8?/4.2	Гауда, Gerrit van Keulen	ШО	
Нц-33-404	Ч	Я		1730–1815 гг.	Л'55'	/2/	Гауда	ШО	
Нц-33-445	С		Н: GOUDA	Не раньше 1735 г.	М'56'	3.6+0/7	Гауда	ОШД. Тип А	
Нц-33-446	С		Н: IAN.V.BEEK; IN GOUDA	1745–1780 гг. (1745–1753/58 гг.)	М'55'	8.8+0/7	Гауда, Jan van Beek	ОШД (между надписями). Тип А	Скорее всего фаянсовое качество.
Нц-33-454	С		Н: IAN.V.BEEK	1745–1780 гг. (1745–1753/58 гг.)	М'56'	2.9+0/7	Гауда, Jan van Beek	ОШД. Тип А	Скорее всего фаянсовое качество.
Нц-33-555	С		Н: IAN.V.BEEK	1745–1780 гг. (1745–1753/58 гг.)	Ж'58'	5.4+0/7	Гауда, Jan van Beek	ОШД. Тип А	Скорее всего фаянсовое качество.

Шифр	Часть трубки	Форма чашки	К / Н	Дата	Кв., комплекс	Размеры	Производитель	Декор	Примечания
Нц-33-584	Ч+П+С	Я, вт. пол. XVIII в.	К: 27 под короной (№ 964, 1731–1897 гг.). ГГ слева и справа + S справа	1745–1753/1758 гг.	Д'60'	2.3/2.2/4.4 5.5+/0.7	Гауда, Jan van Beek	ШО	Фаянсовое качество. Глина коричневатого цвета
Нц-33-595	С		Н: F VERZYL; IN GOUDA	1724–1785 гг. (1735-е – 1785 гг.)	К'57'	8+/0.6	Гауда, Fans Verzijl	ОШД (между надписями). Тип А	
Нц-33-596	Ч+П	Б/В	К: молочница (№ 180, 1647/1655–1920 гг.)	Не позже вт. четв. XVIII в. (скорее всего до 1703 г.)	Е'59'	3.1+/0.9	Г, Гауда?ЦСЕ?		
Нц-33-656	С			Не раньше 1760-х гг.	Е'59'	3.9+/0.7	Гауда	РД: барокко, тип 1 (цветы, стебли, гроздья винограда, животные: плицы, петухи, львы)	Шов замаскирован в орнаменте. Необычное расположение, как будто это мундштук для сигареты. Высокое качество
Нц-33-671	С+П		К: ICB (№ 663, 1690–1710 гг.)	1690–1703 гг.	К'56'	4.1+/0.8	Гауда		
Нц-33-695	С		Н: F VERZYL; IN GOUDA	1724–1785 гг. (1735-е – 1785 гг.)	Ж'58'	2.8+/0.6	Гауда, Fans Verzijl	ОШД (между надписями). Тип А	
Нц-33-698	С		Н: I SOUFREU; N GOUDA	1732–1792 гг. (1740–1760 гг.)	Е'58	4.1+/0.8	Гауда, Jan Souffreu	ОШД (между надписями). Тип А	Скорее всего фаянсовое качество.
Нц-33-1378	Ч+П	Я, вт. пол. XVIII в.	К п : дугобразная клетка (№314, 1704–1760 гг.). ГГ + S слева	1740–1760 гг.	Д'59'	2.5/2.2/5.5	Гауда, Jan Souffreu	ШО	Фаянсовое качество. Герб г. Гауды смазан. Четко видны только щит и буква S.

Шифр	Часть трубки	Форма чашки	К / Н	Дата	Кв., комп-лекс	Размеры	Производитель	Декор	Примечания
Нц-33-1396	С+П			XVII в.	Д'57'	3.9+/0.9	Г?	Без клейма	Пятка невысокая, широкая, скошенная к стеблю, плоская, бз клейма.
Нц-33-1404	Ч+П	ВП/ЯР	К: отбито	1715–1740 гг.	Л'53'	1.8/2/3.8	Гауда	ШО	
Нц-33-1405	С+П			1630–1650-е гг.	Ж'57'	4.1+/1.1	Амст	РД в верхней части стебля. Растительные мотивы	Грубое качество
Нц-33-1418	С		Н: UE(F)LLER; GOUDA	Не раньше 1735-х гг.	И'59'	4.5+/0.6	Гауда	ОЩД (между надписями). Тип А	
Нц-33-1453	С		Н: GOUDA	Не раньше 1735-х гг.	Ж'57'	3.8+/0.7		ОЩД. Тип А	
Нц-33-1454	Ч+П	Я, вт. пол. XVIII в.	К: 75 под короной (№1017, 1728–1867 гг.). ГГ слева и справа + S	Вт. пол. XVIII в. (не раньше 1740 г.)	Ж'57'	2.4/2.1/4.8	Гауда	ШО	Фаянсовое качество.
Нц-33-1457	ЧФ	Я, 1730–1815 гг.		1730–1815 гг.	Ж'57'	2.5/2.2/3+	Гауда?	ШО	
Нц-33-1475	С		Н: ...ARIS	Не раньше 1735-х гг.	Ж'59'	5.1+/0.6	Гауда	ОЩД. Тип А	
Нц-33-1498	С		Н: V:BEEK; GOUDA	1745–1780 гг. (1745–1753/58 гг.)	Ж'59'	4.2+/0.6	Гауда, Jan van Beek	ОЩД (между надписями). Тип А	Скорее всего фаянсовое качество.
Нц-33-1557	ЧФ	Я, 1730–1815 гг.		1730–1815 гг.	И'57'	/2/	Гауда?	ШО	
Нц-33-1701	ЧФ	Я, 1730–1815 гг.		1730–1815 гг.	Ж'56'	2.2/2?/4+	Гауда?	ШО	
Нц-33-1766	ЧФ	Я, 1730–1815 гг.			Л'56'	//3.4+	Гауда?		

Шифр	Часть трубки	Форма чашки	К / Н	Дата	Кв., комплекс	Размеры	Производитель	Декор	Примечания
Нц-33-1772	С		Н: IN GOUDA	Не раньше 1735-х гг.	Д'59	4.2+/0.7	Гауда	ОШД. Тип А	
Нц-33-1847	С		Н: IAN.V.BEEK; IN GOUDA	1745–1780 гг. (1745–1753/58 гг.)	Ж'55'	14.1+/0.8	Гауда, Jan van Beek	ОШД (между надписями). Тип В	Скорее всего фаянсовое качество. Глина коричневатого цвета
Нц-33-1873	С		Н: OUFREU; I SOUFRE	1732–1792 гг. (1740–1760 гг.)	Ж'57'	6.8+/0.7	Гауда, Jan Souffreu	ОШД (между надписями). Тип В	Скорее всего фаянсовое качество.
Нц-33-2110	Ч+П	Я, вт. пол. XVIII в.	К: возможно 2 или 3 короны	Вт. пол. XVIII в.	К'57'	2.5/2.2/ 4.7 /0.6	ЦСЕ?Г?	ШО	Клеймо очень нечеткое, грубая поверхность, нет боковых марок. Скорее всего подделка под продукцию Гауды
Нц-33-2113	С		Н: IN GOUDA	Не раньше 1735-х гг.	З'58'	5.5+/0.7		ОШД. Тип А	
Нц-33-2114	С		Н: IAN.V.BEEK	1745–1780 гг. (1745–1753/58 гг.)	З'57'	4.7+/0.7	Гауда, Jan van Beek	ОШД. Тип А	Скорее всего фаянсовое качество.
Нц-33-2448	ЧФ			Скорее всего XVII в.	К'54'	2.2/2/3.3	А?ЦСЕ?	БО	Глина желтоватого цвета
Нц-33-3309	С		Н: Г? SOUFREU	1732–1792 гг. (1740–1760 гг.)	Ж'58'	5.1+/0.7	Гауда, Jan Souffreu	ОШД. Тип А	Скорее всего фаянсовое качество.
Нц-33-3320	ЧФ	Я, 1730–1815 гг.		1730–1815 гг.	Ж'58'	/2?/4.5	Гауда?	ШО	
Нц-33-3321	ЧФ			Скорее всего XVIII в.	Д'60'	/1.6/	Г?ЦСЕ?	БО	Грубое качество
Нц-33-3336	С		Н: IAN: В?..	Не раньше 1735-х гг. (1745–1753/58 гг.)	Е'59'	5.5+/0.7	Гауда, Jan van Beek?	ОШД. Тип А	Скорее всего фаянсовое качество.

Шифр	Часть трубки	Форма чашки	К / Н	Дата	Кв., комплекс	Размеры	Производитель	Декор	Примечания
Нц-33-3341	Ч+П	Я, вт. пол. XVIII в.	К п : дугообразная клетка (№314, 1704–1760 гг.). ГГ слева и справа, буква S и ДМП в виде точки справа	1740–1760 гг.	И'57'	2.6/2.2/5	Гауда, Jan Souffreu подмастерье	ШО	Фаянсовое качество, герб г. Гауды сильно смазан
Нц-33-3347	Ч+П	Я, вт. пол. XVIII в.	К: 63 под короной (№ 1004, 1729–1815 гг.). ГГ+S слева и справа . ДМП в виде точки справа	Вт. пол. XVIII в. (не раньше 1740 г.)	Ж'59'	2.2/2/4.4	Гауда, подмастерье	ШО	Фаянсовое качество.
Нц-33-3350	С		Н: IAN.V.BEEK; IN GOUDA	1745–1780 гг. (1745–1753/58 гг.)	Ж'58'	4.1+/0.8	Гауда, Jan van Beek	ОШД (между надписями). Тип В	Скорее всего фаянсовое качество.
Нц-33-3666	С+П		К: невозможно разобрать	XVII в.	Л'55'	2.3+/0.8	Г?		
Нц-33-3668	С			1635–1645 гг.	К'55'	3.8+/1	Амст	ШД Л/Р.	Волнистая полоска вдоль стебля
Нц-33-3749	Ч+П	В, конец XVII – начало XVIII вв.	К: возможно М под короной (№ 387, 1667–1920 гг.)	В конец XVII – начало XVIII вв. (скорее всего кон. XVIII в. – до 1703 г.)	З'55'	1.8/1.8/3.3	Г?Гауда?	ШО	
Нц-33-4341	С+П			XVII в.	К'54'	5.2+/0.8	Г?		Пятка широкая, плоская, без клейма

Шифр	Часть трубки	Форма чашки	К / Н	Дата	Кв., комплекс	Размеры	Производитель	Декор	Примечания
Нц-33-4474	Ч+П	Я, вт. пол. XVIII в.	К п : дугобразная клетка (№314, 1704–1760 гг.). ГГ+ S справа и слева и ДМП в виде точки слева	1740–1760 гг.	Ж'58'	2.5/2.2/5.5	Гауда, Jan Souffren, подмастерье	ШО	Фаянсовое качество. Герб г. Гауды смазан. Четко видны только щит и буква S.
Нц-33-5183	ЧФ	Б?		XVII в.	Ж'59'	1.6//	Г?		
Нц-33-5735	Ч	Б/В		Кон. XVII – нач. XVIII вв.	3'45'	2/-/3+	Г'ЦСЕ?		Глина желтоватого цвета. Большая часть пятки сбита.
Нц-33-5779	Ч+П	Я, вт. пол. XVIII в.	К: 71 под короной (№ 1013, 1724–1787 гг.)	XVIII в. (вт. пол. XVIII в?)	М'45'	2.2/2/4.2	Г'ЦСЕ?	ШО	Скорее всего подделка под продукцию Гауды. Короткая пятка без герба г. Гауды
Нц-33-5801	М+П			XVII в.	3'49'	3/0.8	Г?		Повторное использование, на мундштуке видны следы зубов. Широкая, невысокая пятка
Нц-34-182	Ч+П+С	Я, вт. пол. XVIII в.	К: лев в Голландском саду (№ 5, 1640/45–1925 гг.). ГГ слева	Не раньше 1739 г. (1739–1786 гг.?)	О'53	2.2/2/4.4 4+/0.7	Гауда, Fans Verzijl?	ШО	Порцелиновое качество
Нц-34-235	Ч	Б?		XVII в.		1.6/1.8/3+	Г'ЦСЕ?	ШО	Грубое качество
Нц-35-7	Ч+П	Б?В?	К: возможно DA со звездой (№ 400, 1660/1665–1670/1675 гг.)	1660–1675 гг.	М89	1.7/-/3+	Г? Гауда? Daniel Andriesz.?		Подделка? Очень широкая плоская пятка. Плохая сохранность.

Шифр	Часть трубки	Форма чашки	К / Н	Дата	Кв., комп-лекс	Размеры	Производитель	Декор	Примечания
Нц-35-99	С			XVII в.	К84	3+0.9			На стебле три перекрещивающиеся линии (возможно след от веревочки)
Нц-35-100	С+П		К: дортрехтская дева	Около 1700 г. (до 1703 г.)	К84	2.5+0.8	Г (не Гауда)	ОШД (почти сразу за чашкой). Тип А и D.	
Нц-35-261	Ч	Б, пер. пол. XVII в.		Пер. пол. XVII в.	К89	2/-/3.3	Г	ШО	
Нц-36-268	Ч+П+С	ВР, 1690–1710 гг.	К: возможно лев в Голландском саду (№5, 1640/1645–1925)	1690–1703 гг.	Б52	2/2/3.5 4.2+0.8	Г, Гауда? Arij Jacobsz. Middelmeer?	ШО, ОШД. Типы А и С.	Глина коричневатого цвета
Нц-36-749	С			Около 1700 г. (до 1703 г.)	Х47	2+0.9	Гауда	РД: три закручивающихся рельефных полоски, гравировка	Праздничная трубка, высокое качество
Нц-37-607	Ч+П+С	Модель со стоячей чашкой овальной формы		Вг. пол. XVIII – начало XIX ввв	Ц57	2/2/4; 5+0.7	Герм	ШО. Загирка формовочного шва на фронтальной и задней сторонах чашки, сделанная до окантовки	Стебель изогнут, пятка возможно отсутствует.
Нц-37-791	Ч+П	АС тип 18		1680–1710 гг. (скорее всего до 1703 г.)	Ц45	2/2/3.8	А, Лондон или ЮВ	БО	Пятка очень широкая, плоская, овальная, большая часть пятки отбита.

Шифр	Часть трубки	Форма чашки	К / Н	Дата	Кв., комплекс	Размеры	Производитель	Декор	Примечания
Нц-38-19	С+П		К: почти полностью сбито, видно только часть окантовки	Около 1700 г. (до 1703 г.)	Э49'	3.5+0.8	Г, Гауда?	ОШД (почти сразу за чашкой). Типы А и D.	
Нц-39-40	ЧФ+П+С		К: 1А под короной (№ 406, 1664–1680\1685 гг.)	1664–1685 гг.	Ы22	4.8+1	Гауда, Jacob Abrahamsz		
Нц-41-50	С+П		К: возможно коромысло под короной (№ 250, 1683–1711 гг.)	1683–1689 гг.	У18'	4.5+0.8	Гауда, Jan Thielen Proost	ОШД (почти сразу за чашкой). Типы А и D.	
Нц-41-51	Ч	ВР, кон. XVII–нач. XVIII вв.		Кон. XVII–нач. XVIII вв.	Ф16	1.9/-/3	Г	ШО	
Нц-41-99	Ч+П+С	Б, 1675–1690 гг.	К: возможно IG (№475, 1670/1675–1694 гг.)	1670–1694 гг.	Ф4'	1.9/1.7/2.6; 1/1.1	Г, Гауда?	ШО	Глина коричневатого цвета.
Нц-41-339	С		На стебле яйцевидно клеймо с надписью: TNO, PARK.	1675–1700 гг.	Ф10'	9.5+1	А, СВ, Thomas Parke	После первой строчки крест. Сверху и снизу надписи растительные мотивы (ШД).	
Нц-41-347	М+П		К: пятка сильно сбита, невозможно разобрать	XVII в.	Х7'	4/1			Повторное использование, на мундштуке видны следы зубов. Невысокая, широкая, плоская пятка

Шифр	Часть трубки	Форма чашки	К / Н	Дата	Кв., комплект	Размеры	Производитель	Декор	Примечания
Нц-41-505	ЧФ	В?Я?		XVIII в.	X15'	2/2/4/	Г?	БО?	Грубое качество
Нц-41-511	С			С 1750-х гг.	X10'	4.8+1	Герм	РД: стебель разделен поперечными рельефными полосами на три секции: линии с точками, сетка с точками, чешуя. Поздняя версия трубки с Ионой	Грубое качество
Нц-41-720	Ч+П+С			XVII в.	X13'	2+1	Г?		Грубое качество. Пятка широкая, невысокая, плоская
Нц-41-727	Ч+П	ВР, 1690– 1710 гг.	К: 2 под короной (№ 940, 1679–1925 гг.)	1690–1703 гг.	У15'	1.9/2/3.4	Гауда	ШО	
Нц-41-758	Ч+П+С	АС, тип 15		1660–1690 гг.	Ф13'	1.7/1.5/3 4.5+0.9	А, Лондон?	ШО 1/2	Пятка узкая, скругленная (шпора)
Нц-41-759	Ч+П	АС		1660–1680 гг.	X15	2.3/1,8. 3	А, Йоршир	БО	Очень широкая плоская пятка. На пятке после обжига прочерчен крест
Нц-41-803	Ч+П	Б, сер. XVIII в?		Сер. XVII в?	Ц12'	2/1.7/3	Г, Амст?	ШО 1/3	Грубое качество
Нц-41-848	С			1630–1650 гг	Ч14'	3.9+1	Амст	ШД Л/Р.	
Нц-41-1012	ЧФ	Я, 1730–1815 гг.		1730–1815 гг.			Г, Гауда?	ШО	

Шифр	Часть трубки	Форма чашки	К / Н	Дата	Кв., комплекс	Размеры	Производитель	Декор	Примечания
Нц-41-1084	ЧФ+П+С		К: сосуд (плевательница? бутылка? кувшин?) под короной. Точных аналогий не найдено	XVII в.	X17	2+0.9	Г, Гауда?		
Нц-43-13	Ч+П	Б	К: роза (1640–1650 гг.)	Сер. XVII в.	Ф52	1.9/1.6/3.3	Амст	ШО	
Нц-44-125	Ч+П	Б/ВР, 1680–1700 гг.	К: возможно сердце под короной (две загнутые линии) (№ 365, 1665/1675–1675/1685 гг.)	1665–1685 гг. (скорее всего 1680–1685 гг.)	Г'50'	2/2/3.2	Г, Гауда?	ШО	Клеймо нечеткое, подделка?
Нц-44-467	ЧФ			1780–1840 гг.	Г'48'	/2/3.5+	А, СВ	РД: цветы, стебли, башни (массонский стиль), гравировка	
Нц-44-475	ЧФ	Я, 1740–1815 гг.		1740–1815 гг.	А'50'	2.3/2/4.5	Г, Гауда?		
Нц-44-522	С+П			Вт пол. XVII – нач. XVIII вв.	Д'49'	4.3+/0.8	Г?		
Нц-44-523	Ч+П	ВР, 1690–1710 гг.	К: желудь (№ 65, 1669–1710/1715 гг.)	1675–1703 гг. (1690–1703 гг.)	В'50'	2/1.8/3	Г, Гауда, Varent Cornelisz. Thoen	ШО	Скорее всего порцелиновое качество

Шифр	Часть трубки	Форма чашки	К / Н	Дата	Кв., комплекс	Размеры	Производитель	Декор	Примечания
Нц-44-1044	Ч	Б, пер. пол. – сер. XVII в.		Пер. пол. – сер. XVII в.	Е48	1.8/-2.8+	Г?		
Нц-44-1068	С+П		К: невозможно разобрать	Вт. пол. XVII в.	Б'59'	5+0.9	Г?		Пятка высокая, широкая, плоская. Лошение
Нц-44-1161	ЧФ			XVII в.	Б55	1.6//2.6+	Г?ЦСЕ?	БО	Грубое качество.
Нц-44-1162	Ч+П			XVII в.?	Д'58'	/1.8/2.7	ЦСЕ	БО	Пятка не выделенна. Чашка переходит в стебель. Вместо пятки - утолщение. Грубое качество
Нц-44-1177	ЧФ	Б		XVII в.	З'60'	/1.6/3+	Г?	БО	Грубое качество
Нц-44-1194	Ч+П+С	ЯР, 1730–1740-е гг.	К: три креста (№ 348, 1715–1788 гг.). ДМП в виде точки справа на пятке. Н: LUCKA, ... EION..	1737–1739 гг.	А'54	2//4 38.7+0.6	Гауда, Lucas Everz. de Jong, подмастерье	ШО, ОШД (между надписями). Тип А.	
Нц-44-1234	С+П			Посл. четв. XVII в.	Д'59'	3.4+1.1	Г?		Скорее всего грубое качество.
Нц-44-1239	Ч+П+С	Б/В		Посл. четв. XVII в.	Д'58'	2.8/-3; 4.7+0.9	Г, не Гауда, Гаага?	ШО	Грубое качество, подрезка формовочного шва стебля

Шифр	Часть трубки	Форма чашки	К / Н	Дата	Кв., комплекс	Размеры	Производитель	Декор	Примечания
Нц-44-1823	Ч+П	ВП, 1700–1720 гг.	К: НН под короной(№ 548, 1643/1650–1745 гг.) ДМП справа и слева в виде шести-лепесткового цветка	1700–1720 гг.		2/2 3.5	Г?	ШО	Имитация под производство Гауды
Нц-45-1195	С		Н?: РО..	Не раньше 1735-х гг.	Шлак	4.5+/0.7	Гауда	ОШД (между надписями). Тип А.	
Нц-45-1271	Ч+П	ВП, 1700–1730 гг.	К: молочница (№ 180, 1647/1655–1920 гг.)	1700–1730 гг.	Строительный мусор	1.8/1.8/2.9	Г? Гауда? ЦСЕ?	ШО	Возможно подделка под продукцию Гауды
Нц-45-1309	С+П		К: НН (№ 548, 1643/1650–1745 гг.) ДМП в виде точки слева	Около 1700 г. (до 1703 г.)	Строительный мусор	2.2+/0.8	Гауда, подмастерье	ОШД (сразу за чашкой). Типы А и D.	По клейму: 1643/1650-1745 гг.
Нц-45-1408	М+П			XVII в.		4.3+/0.9		Г?	Повторное использование, на мундштуке видны следы зубов. Пятка чуть скошена к стеблю, невысокая, широкая, плоская
Нц-45-1409	С+П		К: ICB (№ 663, 1690–1710 гг.)	1690–1703 гг.	Г"44'	4.5+/0.8	Гауда		
Нц-45-1412	С+П		К: три лилий? три клевера?	Посл. четв. XVII в.	В"56	2.2+/1.1	Г		Клеймо очень нечеткое
Нц-45-1418	ЧФ	Б, пер. пол. – сер. XVII в.	РР (7)	Пер. пол. – сер. XVII в.	В"54	//2.6+	Г	ШО	Грубое качество

Шифр	Часть трубки	Форма чашки	К / Н	Дата	Кв., комплект	Размеры	Производитель	Декор	Примечания
Нц-45-1522	Ч+П	ВР, 1690–1710 гг.	К: канделябр (№ 223, 1655/1660–1817 гг.)	1690–1703 гг.	Г'56	1.8/1.8/3.2	Гауда	ШО	Высокое качество (порцелиновое?)
Нц-46-2	С				С'37	5.5+0.9	Герм		Стебель изогнут
Нц-46-3	Ч+П	Ранняя, округлая модель		Вт. четв. XVII в. (1620-е гг.)	Р'35'	2/-;1+1	А		Глина желтоватого цвета
Нц-46-823	Ч+П	АС?	К: возможно звезда с точками на конце лучиков	1680–1720 гг.	П'38/	2.3/2/2.8	А?	БО	Венчик почти параллелен пятке. Глина желтоватого цвета
Нц-47-2	ЧФ+П	Б/В	К: 2 перекрещенных ключа под короной – герб Лейдена (№ 13, 1685–1919 гг.)	1685–1703 гг.	У40'	2//	Гауда, Jan Andriesz. Strawaat		
Нц-47-39	Ч+П	БВ, 1680–1700 гг.	К: двухглавый орел с буквами D I. Ближайшая аналогия: (№21, 1658–1812 гг.)	1660–1703 гг.	Р36'	1.9/1.6/3.2	Г?Гауда?	ШО	Клеймо нечеткое, смазанное. Брак? Подделка?
Нц-47-45	С			XVIII в.	С36	4+0.9	Г?		С поливой
Нц-47-77	Ч+П	В, нач. XVIII в.	К: аист с ужом в клюве – герб Гааги (№ 14, 1735–1897 гг.)	Около 1735 г. (1735–1740 гг.)	Р37'	1.9/2/3.4	Гауда, Pieter Gerritsz. De Bruijn	ШО	
Нц-47-140	ЧФ+П+С		РР? (1+)	XVIII в.	П36'	2+0.8			Грубое качество

Шифр	Часть трубки	Форма чашки	К / Н	Дата	Кв., комплекс	Размеры	Производитель	Декор	Примечания
Нц-48-10	Ч+П	Б, 1660–1680 гг.		1660–1680 гг.		1.9/1.5/3	Г, Гауда?	ШО 1/2	С бесцветной поливой
Нц-48-67	Ч+П	АС, тип 25		1700–1740 гг.	Б'51'	2.3/2.3/4.4	А?ЦСЕ?	БО	Венчик чашки параллелен пятке
Нц-48-92	ЧФ	Я, 1740–1815 гг.		1740–1815 гг.	В'58'	/2/4.5	Гауда?	ШО	
Нц-48-138	ЧФ+П+С	Б?	РР (3+)	Пер. пол. – сер. XVIII в	Г'51	;3+/1	Г		Грубое качество. Пятка широкая, плоская, невысокая, скошенная
Нц-48-141	М+П		К: держава (№ 29, 1674–1760 гг.)	1674–1703 гг.	В'52	5/1.1	Гауда?	ОШД. Тип А	Повторное использование, на мундштуке видны следы зубов. Короткая трубка.
Нц-48-151	С+П			XVII в.	В'58'	1.5+/1	Г?		Широкая, плоская, скошенная пятка без клейма. Грубое качество
Нц-48-161	С				Л'60'	4.5+/0.8-0.6	Герм?		Стебель изогнут
Нц-48-201	Ч+П	Я, вт. пол. XVIII в.	ГГ слева	Вт. пол. XVIII в. (не раньше 1739 г.)	Д'57'	2.3/2/4.3	Гауда	ШО	Большая часть пятки отбита
Нц-48-202	Ч	ЯР, 1730–1740-е гг.		1730–1740-е гг.	Д'56'	2.6/2.1/4.5	Гауда	ШО	Пятка отбита
Нц-48-298	С+П			XVII в.	Б'59'	4+/1	Г?		Пятка широкая, плоская, чуть подтрапецевидная, без клейма. Грубое качество
Нц-48-299	Ч+П+С	БВ/ВР, 1680–1700 гг.	РР (9)	1680–1700 гг.	А'57'	1.8/1.7/3; 9+/1	Г	БО	Грубое качество

Шифр	Часть трубки	Форма чашки	К / Н	Дата	Кв., комплекс	Размеры	Производитель	Декор	Примечания
Нц-48-116	С+П		К: сколото, невозможно разобрать	XVII в.	Л61'	4+1	Г		
Нц-52-41	Ч+П	БР, 1690–1710 гг.	К: домашняя туфля под короной (№ 302, 1675–1826)	1675–1703 гг. (1690–1703 гг.)	Ж77	2/2/3.5	Гауда	ШО	Возможно из пожара
Нц-52-226	Ч+П	БР, 1640–1650-е гг.		1640–1650-е гг.	М70'	1.5/2.5	Г	ШО	Лощение, пятка без клейма
Нц-53-2	Ч+П	БВ	К: виноград (№63, 1663–1799 гг.)	1663–1703 гг.	Ф25'	2/1.8/3	Гауда, Hendrick Willemsz. Proefhamer	ШО	
Нц-53-117	ЧФ	Б/В		XVII в?	Х26	//2+	Г?		
Нц-106-73	Ч+П	Я, вг. пол. XVIII в.	К: 63 под короной (№ 1004, 1729–1815 гг.). ГГ+S слева и справа . ДМП в виде точки справа.	Вг. пол. XVIII в. (не раньше 1740 г.)	З'60'	2.2/1.8 /4.2	Гауда, подмастерье	ШО	Фаянсовое качество

Приложение 2
Таблицы клейм и надписей
Клейма
Символы. Всего: 59

Категория	Кол-во	Название / кол-во экземпляров	Дата	№ по каталогу Дисо, 2003	Шифр Нц	Центр производства
Фауна и флора	6	Лебедь в блюде – 1	1693–1757 гг.	№ 133	30-443	Голландия, Гауда
		Ворона? – 1	1660/1665–1670/1675 гг.	№ 123	25-13	Подделка под продукцию Гауды
		Дерево (яблоня?) – 1	1675–1771 гг.	ближайшая аналогия № 69	31-285	Голландия, возможно Гауда
		Два клевера – 1	1731–1839 гг.	№ 58	33-347	Голландия, Гауда
		Виноград – 1	1663–1799 гг.	№ 63	53-2	Голландия, Гауда
		Желудь – 1	1669–1710/1715 гг.	№ 65	44-523	Голландия, Гауда
Геральдические изображения	21	Двуглавый орел – 4	1658–1812 гг.	№ 21	23-1448, 23-1481; 47-39?;	Голландия, возможно подделки под Гауду
					31+-213	Голландия, Гауда
		Роза без короны – 3	Вторая четверть – середина XVII в.		23-228?; 32-67; 43-13	Голландия, Амстердам
		Держава – 2	1674–1760 гг.	№ 29	25-879; 48-141	Голландия, Гауда?
		Лилия в ромбе – 2	Вторая четверть – середина XVII в.		40-316; 40-317?	Голландия, Амстердам
		Лев в голландском саду – 2	1640/1645–1925 гг.	№ 5	36-268?; 34-182	Голландия, Гауда
		Три лилии – 1	1705–1846 гг.	№ 56	45-1412	Голландия, Гауда
		Дордрехтская дева – 1	до 1710 г.		35-100	Голландия

Категория	Кол-во	Название / кол-во экземпляров	Дата	№ по каталогу Дисо, 2003	Шифр Нц	Центр производства
		Герб Лейдена 1	1685–1919 гг.	№ 13	47-2	Голландия, Гауда
		Герб Гааги – 1	1735–1897 гг.	№ 14	47-77	Голландия, Гауда
		Герб Западной Фрисландии – 1	1714–1817 гг.	№ 7	47-155	Голландия, Гауда
		Три короны – 3	1679–1789 гг.	№ 35	33-2110?	Возможно подделка под продукцию Гауды
					30-869; 32-763	Голландия, Гауда
Персоналии	8	Молочница – 2	1647/1655–1920 гг.	№ 180	33-348; 33-5773	Голландия, Гауда
		Русалка – 1	1747–1846	№ 138	47-147	Голландия, Гауда
		Принц с инициалами РО – 2	1685/1690–1700/1705 гг.	№ 141	26-863; 32-769	Голландия, Гауда
		Царь Давид – 1	1661–1919 гг.	№ 170	26-868	Голландия, Гауда
		Надежда – 1	1655/1660–1833 гг.	№ 185	25-464	Голландия, Гауда
		Женщина с цыплятами – 1	1676–1762 гг.	№ 182	26-588	Голландия, Гауда
Предметы обихода	13	Канделябр – 1	1655/1660–1817 гг.	№ 223	45-1522	Голландия, Гауда
		Бутылка с двумя ручками и инициалами РН – 1	?		32-1005	Возможно Голландия, Гауда
		Сосуд под короной – 1	?		41-1084	Возможно Голландия, Гауда
		Домашняя туфля под короной – 1	1675–1826 гг.	№ 302	52-41	Голландия, Гауда

Категория	Кол-во	Название / кол-во экземпляров	Дата	№ по каталогу Диско, 2003	Шифр Нц	Центр производства
		Очки с буквой I – 1	1668–1674/1685 гг.	№ 292	25-463	Голландия, Гауда
		Ножницы? – 1	1685–1753 гг.	№ 237	31+151	Голландия, Гауда
		Коромысло (под короной?) – 2	1683–1711 гг.	№ 250	41-50?; 53-335?	Голландия, Гауда
		Жемчужина – 1	1688–1792 гг.	№ 295	26-101	Голландия, Гауда
		Дугообразная клетка – 3	1704–1760 гг.	№ 314	33-1378; 33-3341; 33-4474	Голландия, Гауда
		Кран под короной – 1	1683–1827 гг.	№ 239	33-5225	Голландия, Гауда
Небесные тела	2	Солнце? – 1			23-84	
		Звезда с точками на конце лечиков?			46-823	Возможно Англия
Средства передвижения	2	Кораблик – 2	1671–1940 гг.	№ 318	26-113; 26-52	Голландия, Гауда
Геометрические изображения	4	Три креста – 1	1715–1788 гг.	№ 348	44-1194	Голландия, Гауда
		Один крест под короной – 1	1674–1745 гг.	№ 345	23-1875	Голландия, Гауда
		Два ромба под короной – 2	1682–1757 гг.	№ 361	26-143; 31-869?	Голландия, Гауда
Другое	3	Две загнутые линии под короной – 1	1665/1675–1675/1685 гг.	№ 365	44-125	Голландия, Гауда
		Изображение в круге – 2			26-633; 28-29	

Буквы. Всего: 20

Категория	Кол-во	Название / кол-во экземпляров	Дата	№ по каталогу Дисо, 2003	Шифр Нц	Центр производства
1 буква	5	М под короной? – 1	1667–1920 гг.	№ 387	33-3749	Голландия, Гауда?
		В под короной – 1	1661–1904 гг.	№ 374	49-279	Голландия, Гауда
		Р под короной – 1	1674/1685–1819 гг.	№ 390	49-305	Голландия, Гауда
		А под короной – 1	1714–1836 гг.	№ 373	49-319	Голландия, Гауда
		Н под короной – 1	1661–1825 гг.	№ 382	25-877	Голландия, Гауда
2 буквы	7	IG?	1670/1675–1694 гг.	№ 475	41-99	Голландия, Гауда
		HN под короной – 2	1643/1650–1745 гг.	№ 548	44-1823; 45-1309	Голландия, Гауда
		IK в квадратной рамке – 1	1699–1737/1749 гг.	№ 521	26-114	Голландия, Гауда
		BP под короной – 1	1682–1783 гг.	№ 552	26-408	Голландия, Гауда
		DA со звездой – 1	1660/1665–1670/1675 гг.	№ 400	35-7	Голландия, Гауда
		IA под короной – 1	1664–1680\1685 гг.	№ 406	39-40	Голландия, Гауда
3 буквы	4	ICB – 3	1690–1710 гг.	№ 663	31-633; 33-671; 45-1409	Голландия, Гауда
		HVB – 1	1691–1718/1730 гг.	№ 660	27-484	Голландия, Гауда
4 буквы / точное количество не известно	4	IIES – 1	1679–1789 гг.	№ 928	32-768	Голландия, Гауда

Категория	Кол-во	Название / кол-во экземпляров	Дата	№ по каталогу Диско, 2003	Шифр Нц	Центр производства
		VG. Над V звездочка. Верхняя часть пятки сколота. Скорее всего, на верху должны быть еще 2 буквы: С и I – 1	1653/1658–1679 гг.	№ 911	25-884	Голландия, Гауда
		СН?, верхняя часть клейма сколота, возможно, первоначально были еще буквы – 1			28-3	
		Возможно, буквы СН над ними видимо есть еще 1 или 2 буквы (верхняя часть клейма сколота) – 1			27+-489	

Цифры. Всего: 10

Категория	Кол-во	Название / кол-во экземпляров	Дата	№ по каталогу Диско, 2003	Шифр Нц	Центр производства
цифра	1	2 под короной – 1	1679–1925 гг.	№ 940	41-727	Голландия, Гауда
2 цифры	9	27 под короной – 1	1731–1897 гг.	№ 965	33-584	Голландия, Гауда
		55 под короной – 1	1685–1940 гг.	№ 996	32-777	Голландия, Гауда
		63 под короной – 3	1729–1815 гг.	№ 1004	33-1372; 33-3347; 106-73	Голландия, Гауда
		71 под короной – 2	1724–1787 гг.	№ 1013	33-348; 33-5773	Голландия, Гауда
		75 под короной – 2	1728–1867 гг.	№ 1017	33-1454; 49-278	Голландия, Гауда

Надписи

№ п/п	Надпись	Страна производитель	Имя мастера / даты	Клейма этого мастера	Шифр Нц
1	Первая строчка: «ТНО». Вторая строчка: «PARK»	Гейтсхед, северо-восток Англии**	Thomas Parke/1675–1700 гг.**		41-339
2	Две надписи. Верхняя строчка: «IAN.V.BEEK». Нижняя строчка: «IN GOUDA»	Голландия, город Гауда	Jan van Beek/1745–1780 гг.	27 под короной, мастерок, IVB, герб города Зютфена	33-446
3	«IAN.V.BEEK»	Голландия, город Гауда	Jan van Beek/1745–1780 гг.	27 под короной, мастерок, IVB, герб города Зютфена	33-454
4	«:VAN:BEEK»	Голландия, город Гауда	Jan van Beek/1745–1780	27 под короной, мастерок, IVB, герб города Зютфена	33-555
5	Две надписи. Верхняя: «V:BEEK». Нижняя: «GOUDA»	Голландия, город Гауда	Jan van Beek/1745–1780 гг.	27 под короной, мастерок, IVB, герб города Зютфена	33-1498
6	Две надписи. Верхняя строчка: «IAN.V.BEEK»; нижняя: «IN GOUDA»	Голландия, город Гауда	Jan van Beek/1745–1780 гг.	27 под короной, мастерок, IVB, герб города Зютфена	33-1847
7	«IAN:V:BEEK»	Голландия, город Гауда	Jan van Beek/1745–1780 гг.	27 под короной, мастерок, IVB, герб города Зютфена	33-2114
8	Две надписи. Верхняя строчка: «IAN.V.BEEK»; нижняя: «IN GOUDA»	Голландия, город Гауда	Jan van Beek/1745–1780 гг.	27 под короной, мастерок, IVB, герб города Зютфена	33-3350
9	«IAN: B?..»		?		33-3336
10	Две надписи. Верхняя строчка: «I SOUFREU»; нижняя: «N GOUDA»	Голландия, город Гауда	Jan Souffreu 1732–1792 гг.	Дугообразная клетка, P под короной, 62 под короной, русалка	33-698
11	Две надписи. Верхняя строчка: «OUFREU» нижняя: «I SOUFRE»	Голландия, город Гауда	Jan Souffreu 1732–1792 гг.	Дугообразная клетка, P под короной, 62 под короной, русалка	33-1873

№ п/п	Надпись	Страна производитель	Имя мастера / даты	Клейма этого мастера	Шифр Нц
12	«I SOUFREU»	Голландия, город Гауда	Jan Souffreu 1732–1792 гг.	Дугообразная клетка, Р под короной, 62 под короной, русалка	33-3309
13	Две надписи. Верхняя строчка: «F VERZYL» нижняя: «N GOUDA»	Голландия, город Гауда	Frans Verzjil 1724–1785 гг.	Лев в голландском саду, L под короной, WM под короной	33-595
14	Две надписи. Верхняя строчка: «F. VERZYL»; нижняя: «N GOUDA»	Голландия, город Гауда	Frans Verzjil 1724–1785 гг.	Лев в голландском саду, L под короной, WM под короной	33-695
15	Две надписи. Верхняя строчка: «I KLARI.»; нижняя строчка: «IN GOUD..»	Голландия, город Гауда	Claris Jacob 1722–1764 гг.	Корзинка с яйцами, русалка	47-149
16	«...ARIS»	Голландия, город Гауда	видимо CLARIS варианты: 1. Claris Boudewijn 1747–1779 гг. 2. Claris Boudewijn Jacobsz. 1692–1735 гг. 3. Claris Jacob 1722–1764 гг. 4. Claris Jan 1750–1752 гг.	1. корзинка с яйцами, русалка. 2. ВК, дрозд с буквой М. 3 корзинка с яйцами, русалка. 4. череп с костью	33-1457
17	Две надписи. Верхняя строчка: «LUCKA..»; нижняя: «..EION..»	Голландия, город Гауда	LUCKAS DE IONG Lucas Everz. de Jong 1719–1761 гг.	Известно клеймо: три креста под короной	44-1194
18	«I:VAN.W?..»	Голландия, город Гауда	?		33-689
19	«GOUDA»	Голландия, город Гауда			33-51
20	«GOUDA»	Голландия, город Гауда			33-445
21	«...GOUDA»	Голландия, город Гауда			33-1453

№ п/п	Надпись	Страна производитель	Имя мастера / даты	Клейма этого мастера	Шифр Нц
22	«IN GOUDA»	Голландия, город Гауда			33-1772
23	«IN GOUDA»	Голландия, город Гауда			33-2113
24	Две надписи. Верхняя строчка: «..UELLER»; нижняя: «...GOUDA»	Голландия, город Гауда	?		33-1418
25	Невозможно прочесть				45-1195

Приложение 3

Сводная таблица стеблей трубок, декорированных штампованным орнаментом (по типам орнамента) (в скобках указан диаметр стебля в см)

Типы	Два пояса орнаментов	Один пояс орнамента	Трудно определить	Орнамент начинается сразу за чашкой
Тип А	24-131 (0,9); 27-603 (1); 31+-60 (1); 33-691 (1); 33-5745 (1) 37-381 (1,1); 37-809 (1); 44-124 (1); 45-1620 (1); 47-204 (0,9); 48-141 (1)	35-5 (0,9); 44-1165 (0,8)	23-481 (1); 23-737 (1); 23-859 (0,9); 23-1189 (0,9); 23-1711 (1); 23-2077 (1); 23-2324 (0,8); 25-17 (1); 25-537 (1); 25-879 (1); 27-286 (1,1); 27-489 (1); 30-162 (1); 31-295 (1); 33-5785 (0,9); 37-1515 (0,9); 37-1659 (1-0,9); 41-100 (0,9); 41-202 (0,9); 44-900 (0,8); 44-1050 (0,8); 46-789 (1)	
Тип В	32-78 (1); 41-799 (1); 44-1186 (0,6-0,8); 48-296 (1)	23-187 (1); 23-744 (1); 23-793 (1); 24-95 (0,9); 24-185 (1); 25-543 (0,9); 25-875 (1,1); 26-585 (0,8); 30-232 (1); 30-576 (0,9); 31-262 (1); 31+-53 (1); 31+-81 (1,1); 32-109 (0,9); 32-770 (1); 33-403 (0,9); 33-4387 (1); 33-4393 (1); 41-1217 (0,8-1); 44-1060 (0,8-0,7); 44-1066 (1); 44-1148 (1,1); 45-1214 (1); 45-1488 (0,9)	23-229 (1); 24-94 (1); 25-874 (1-0,9); 26-252 (0,9); 26-403 (0,9); 26-636 (0,8); 31-621 (1); 31-845 (0,9); 31-847 (0,9); 35-1 (1,1-1); 35-98 (1); 36-268 (1); 37-16 (0,8); 37-1659 (1); 39-14 (1,1); 41-48 (1); 41-118 (0,9); 41-175 (0,9); 41-548 (0,9); 41-712 (0,9); 41-845 (1); 43-3 (1); 44-509 (1); 44-531 (1); 44-1151 (0,8); 45-1419 (0,9); 53-4 (0,8)	

Типы	Два пояса орнаментов	Один пояс орнамента	Трудно определить	Орнамент начинается сразу за чашкой
Тип С	27-498 (0,9); 32-181 (0,9); 33-3196 (0,9)	23-328 (1)	23-415 (1); 25-351 (0,9); 25-583 (1); 29-13 (1); 41-715 (0,9); 41-801 (1); 49-310 (0,9); 49-311 (0,9); 52-5 (0,8)	
Тип D	25-07 (1); 30-20 (0,9); 30-189 (0,9); 30-496 (0,9); 31-158 (0,9); 31-161 (0,8); 44-508 (1,1-1); 44-704 (0,8-0,75); 48-137 (1); 48-139 (0,9)	24-120 (0,9); 25-543 (0,9); 26-416 (0,8); 30-22 (0,9); 30-577 (0,9); 30-650 (0,8); 33-702 (0,6); 33-1397 (0,6); 33-3195 (0,7); 40-380 (0,9); 41-713 (0,8); 41-752 (0,9); 41-850 (0,9); 44-1192 (1); 45-45 (0,7); 46-825 (1,1); 47-151 (0,8); 48-159 (1); 50-1 (0,9)	23-1911 (1); 24-254 (0,7); 25-540 (1); 25-542 (0,8); 26-93 (0,9); 26-159 (0,9); 26-385 (1); 26-633 (1); 27-426 (1); 27-454 (1); 27-619 (1); 30-19 (1); 30-21 (0,9); 30-23 (0,9); 30-96 (0,9); 30-125 (1); 30-165 (0,9); 30-343 (0,8); 30-645 (1); 30-851 (0,9); 31-626 (0,9); 31+-80 (0,9); 34-121 (0,8); 32-3 (0,6); 33-1496 (0,7); 33-2115 (0,7); 33-3317 (0,7); 33-3767 (0,6); 33-4367 (0,8); 39-13 (1); 41-753 (1); 41-1216 (0,75); 44-507 (0,8); 44-1136 (0,75); 44-1193 (0,9); 45-1272 (1,1); 45-1559 (0,9); 46-80 (0,8); 46-811 (1); 48-295 (1); 49-315 (0,9); 52-227 (0,9); 52-257 (0,7); 52-335 (0,9)	30-442 (0,7); 35-100 (0,8); 38-19 (0,8); 41-50 (0,8); 45-1309 (0,8)

Поселенческий комплекс в составе памятника Харбас I

Т. Р. Садыков

Летом 2010 г. Эльбрусский отряд Группы охранной археологии Института истории материальной культуры Российской академии наук проводил научно-исследовательские археологические работы на памятнике Харбас I, расположенном в Зольском районе Кабардино-Балкарской республики на территории, отведённой под строительство автодороги «Кисловодск–Долина нарзанов–Эльбрус». Общая площадь раскопов составила более 220 кв. м.

Памятник расположен на высоком мысу при впадении в реку Харбас безымянного ручья, на абсолютной высоте около 1880 м (рис. 1). Расстояние до реки 100 м на юг и не менее 150 м вниз, прямой дороги к воде нет. Река Харбас – левый приток реки Малки, берущей начало от Эльбруса. Расстояние от памятника до впадения Харбаса в Малку около 2 км, до Эльбруса около 30 км по прямой.

Зафиксированный первоначально, как скальный могильник (Керефов, Звягин, 2008), памятник по результатам экспедиции 2010 г. может быть вновь определён как сложносоставной. Внутренняя структура показана на схеме (рис. 2). Нами были исследованы два склепа, около половины площади «пещеры», открыта, по всей видимости, жилая постройка. Публикации материалов «пещеры» и склепов будут сделаны отдельно, ниже речь пойдёт только о поселенческом комплексе.

На рис. 3 представлен подробный топографический план участка, на котором расположена жилая постройка, и отмечены раскопы, имеющие к ней отношение. Первыми исследованными экспедицией участками были места скопления камней, зафиксированные предыдущей разведкой как возможные подземные склепы (отмечены на плане цифрами 1 и 2). Захоронений обнаружено не было, но был встречен перемещённый материал поселенческого характера, и в целом стала понятна стратиграфическая ситуация на склоне.

Сразу под дерном находится сильно гумусированный с большим количеством камня слой селевого происхождения, включающий в себя кости животных, средневековую керамику, но также и бытовое стекло, рубероид, гильзы охотничьих

патронов и другие артефакты новейшего времени. Ниже его на некоторых участках присутствует схожий по структуре, но более светлый, коричневый слой, лишённый современного мусора. И тот, и другой, на наш взгляд, сформировались похожим образом – были перемещены с более высокой площадки: сначала коричневый, ещё до современной эпохи, потом чёрный, возможно, в период активного строительства дороги в начале 2000-х гг. Материк – скальный массив (сланец).

Жилая постройка была открыта на третьем раскопе, заложенном выше по склону. В пределах постройки присутствует перемещённый жёлтый глинистый слой с включениями угля, лежащий непосредственно на материке. Раскоп попал на край скальной террасы, на которой располагалась постройка. Перепад высот материка достигает полутора метров (рис. 4), но, тем не менее, выявленный комплекс никак не выражен на современной поверхности. Поскольку перед экспедицией были поставлены, в том числе, и спасательные задачи, было решено осуществить прирезку в направлении строящейся дороги, вскрыть прилегающий к дороге участок склона, нижней границей которого стал бы край обнаруженной террасы. Площадь и конфигурация прирезки определялась, таким образом, исходя из границ отчуждаемого в пользу дорожников участка, с одной стороны, и необходимостью определить границы выявленного объекта, с другой.

В верхней части большого раскопа был открыт полуразрушенный склеп, в нижней – продолжение постройки. Пространство между ними относительно пустое (38 фрагментов керамики на более, чем 130 кв. м). Материал происходит из того же сильно гумусированного мешаного каменистого слоя, с которым связана основная масса материала из постройки и ниже по склону, но, что характерно, в гораздо меньшем количестве. Поселенческий комплекс, таким образом, выше по склону не распространяется.

Выявленная постройка состоит, как минимум, из двух помещений (рис. 5) и расположена на самом краю скальной террасы. Площадь одного

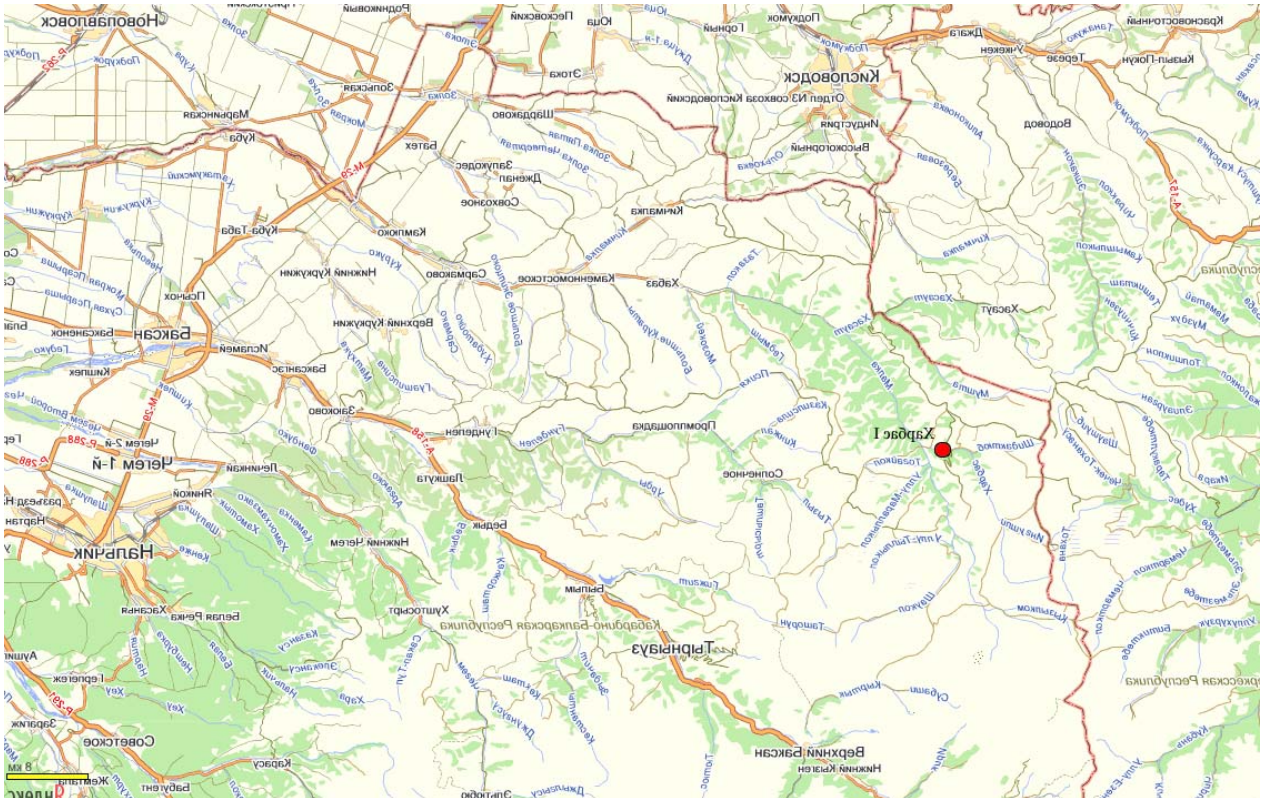

Рис. 1. Археологический памятник Харбас I

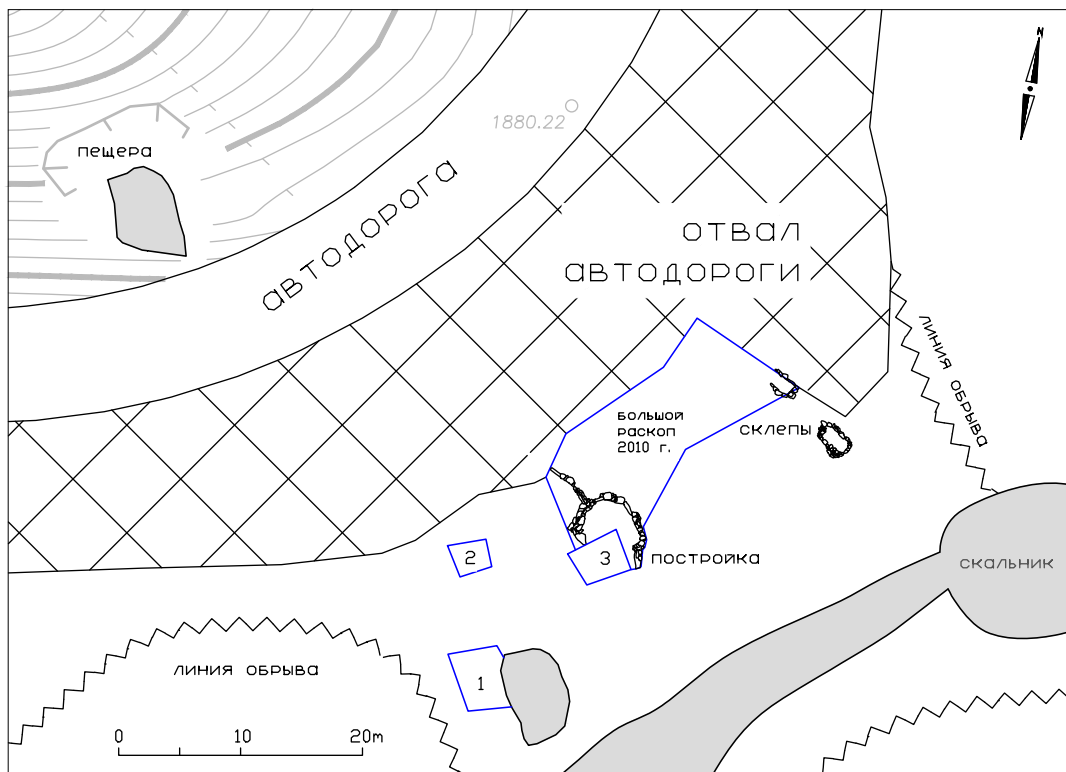

Рис. 2. Общая схема исследованного участка

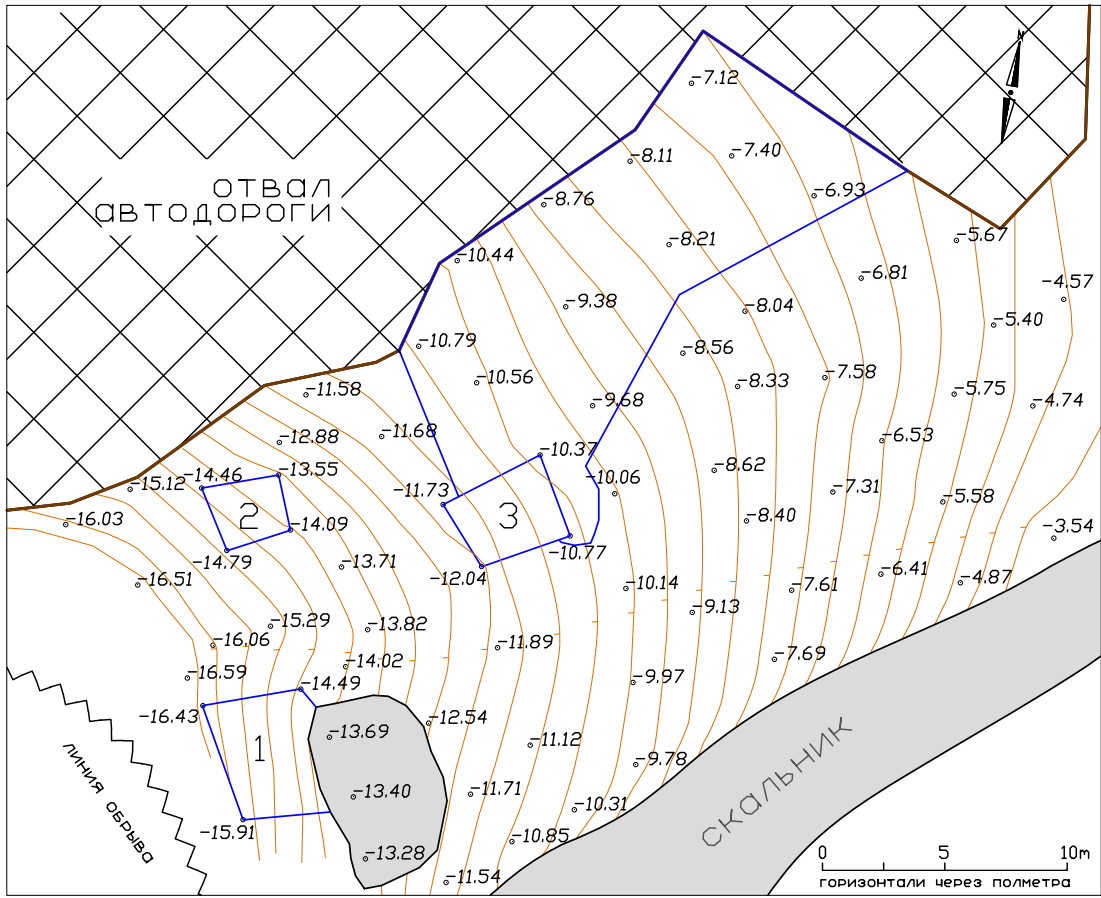

Рис. 3. Исследуемый склон до начала работ и относящиеся к жилой постройке раскопы

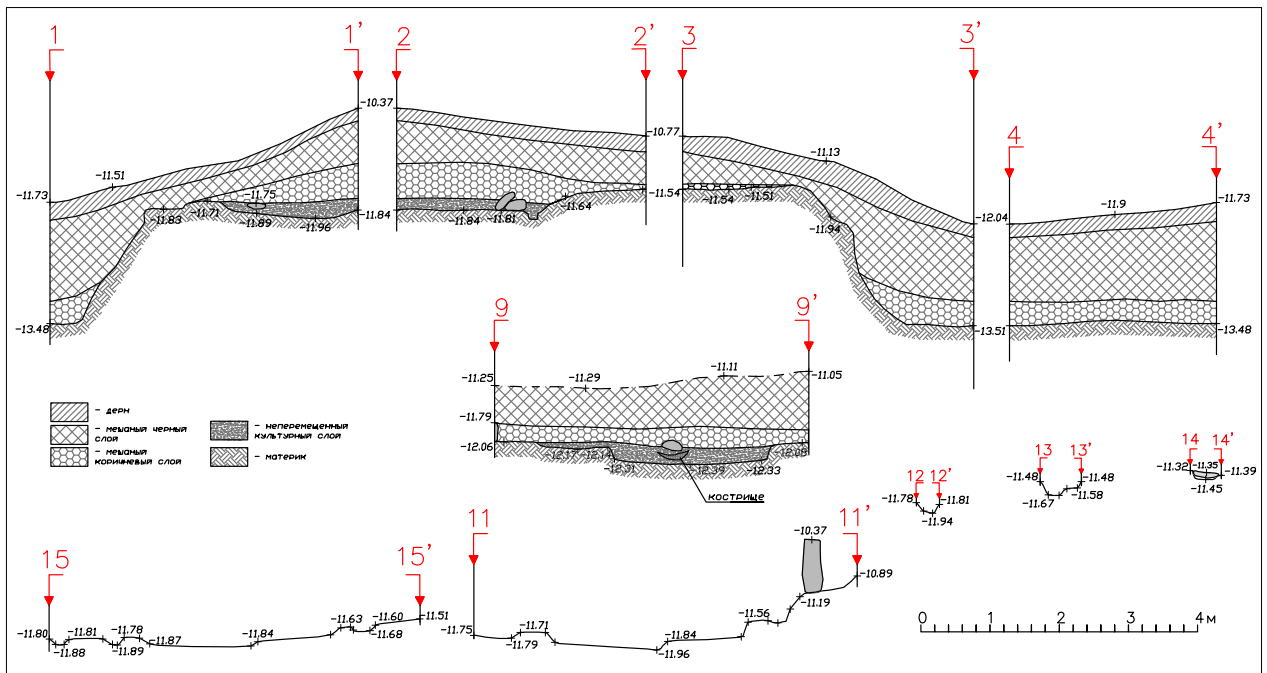

Рис. 4. Профили и разрезы

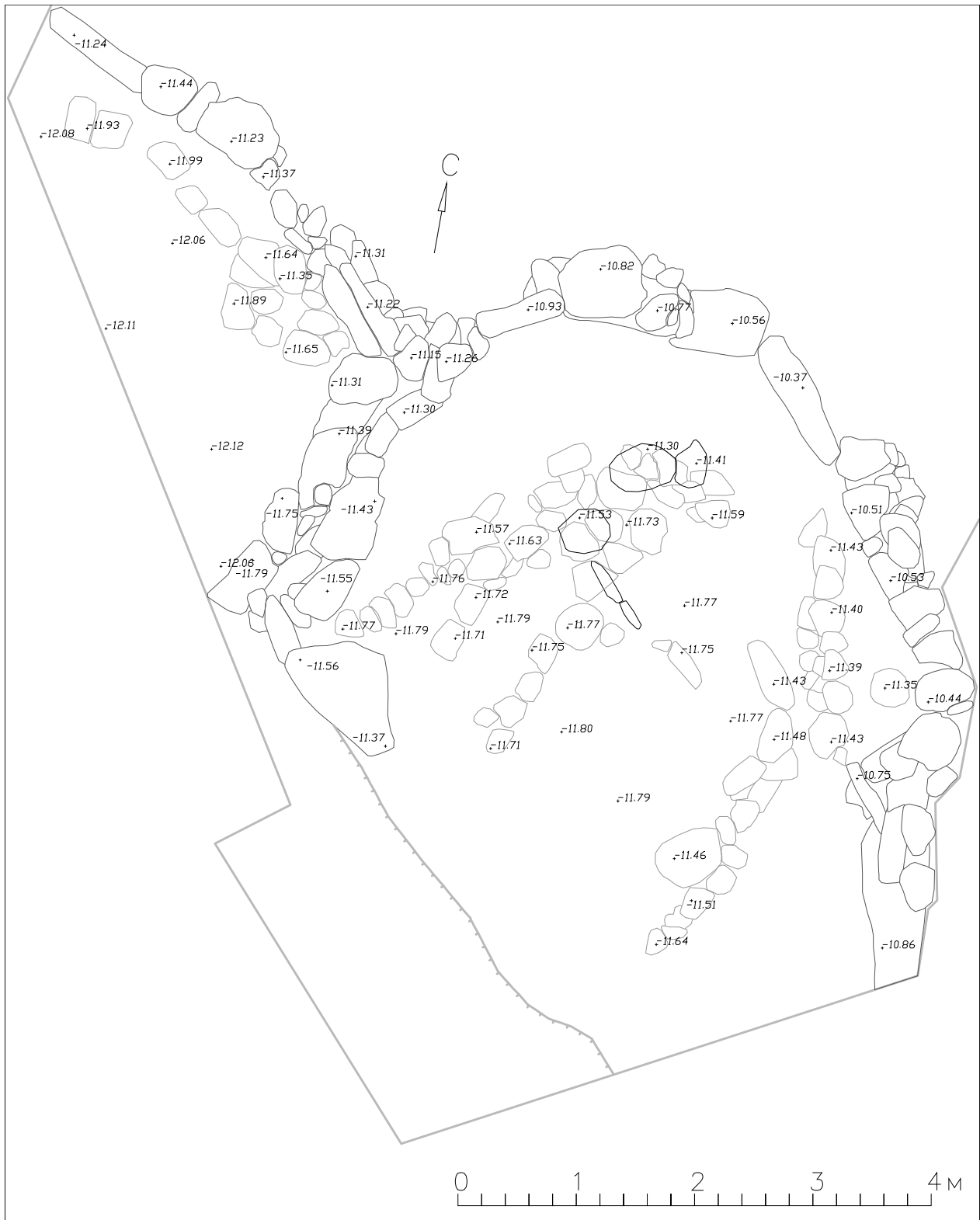

Рис. 5. Внешние и внутренние каменные конструкции, нивелировки по уровню непогрязенного культурного слоя

из помещений, вскрытая полностью, составляет около 30 кв. м. Каменная кладка сложена насухо из разновеликих, не всегда обработанных камней, на материковой скале. Самые нижние камни, как правило, гораздо массивнее. Со стороны обрыва следов кладки не прослежено. Ряд камней внутри помещения обнаружены *in situ*, в том числе каменный жернов. Общий чертёж выявленных каменных конструкций представлен на рис. 5.

Центральная часть постройки прямоугольной формы (площадью около 9 кв. м) выдолблена в материковой породе и перекрыта жёлтой глиной (рис. 6–7, на последнем её заполнение уже выбрано). По всей видимости, жёлтой глиной была сформирована жилая поверхность, материковая скала имеет слоистую структуру и довольно хрупка. Есть и другие материковые объекты – ямы и канавы (рис. 8). Ямы небольшие и, возможно, служили для столбовых конструкций. Однозначного вывода пока сделать нельзя. Канавы же, по нашему мнению, выполняли функции дождевых стоков. Они окружают центральную часть постройки и имеют некоторый наклон в сторону обрыва. Во многих случаях они перекрыты каменными конструкциями, то есть в период функционирования жилища

были не видны, отводя воду ниже уровня жилой поверхности. Все профили и разрезы, относящиеся к постройке, представлены на рис. 4.

Все находки, в том числе, так называемый массовый материал, в процессе работ фиксировались индивидуально. Коллекция с поселенческого комплекса составляет около 700 номеров. 53 предмета происходят из неперемещённого культурного слоя. В основном это, конечно же, керамика, 52 % которой орнаментирована (рис. 9–19). Учитывая, что орнамент часто носит зональный характер, процент орнаментированной керамики на памятнике очевидно выше. Орнаменты, по большей части, несложные – полосы, клетка. Часто он нанесён следами лощения. Около 10 % фрагментов имеют лощение по всей поверхности. 15 фрагментов керамики имеют отверстия, причём встречаются они как в придонных частях сосудов, так и у венчиков. Наиболее характерен фрагмент № 516 (рис. 20). Следует отметить, что по основным типологическим признакам керамика из разных раскопов и разных слоёв не отличается. Как нам кажется, это указывает на то, что вся или почти вся керамика из перемещённых слоёв связана именно с исследованным поселенческим комплексом, существовавшим относительно недолго.

Рис. 6. Выявленные каменные конструкции, вид с запада

Рис. 7. Зачистка по материке. Вид с востока

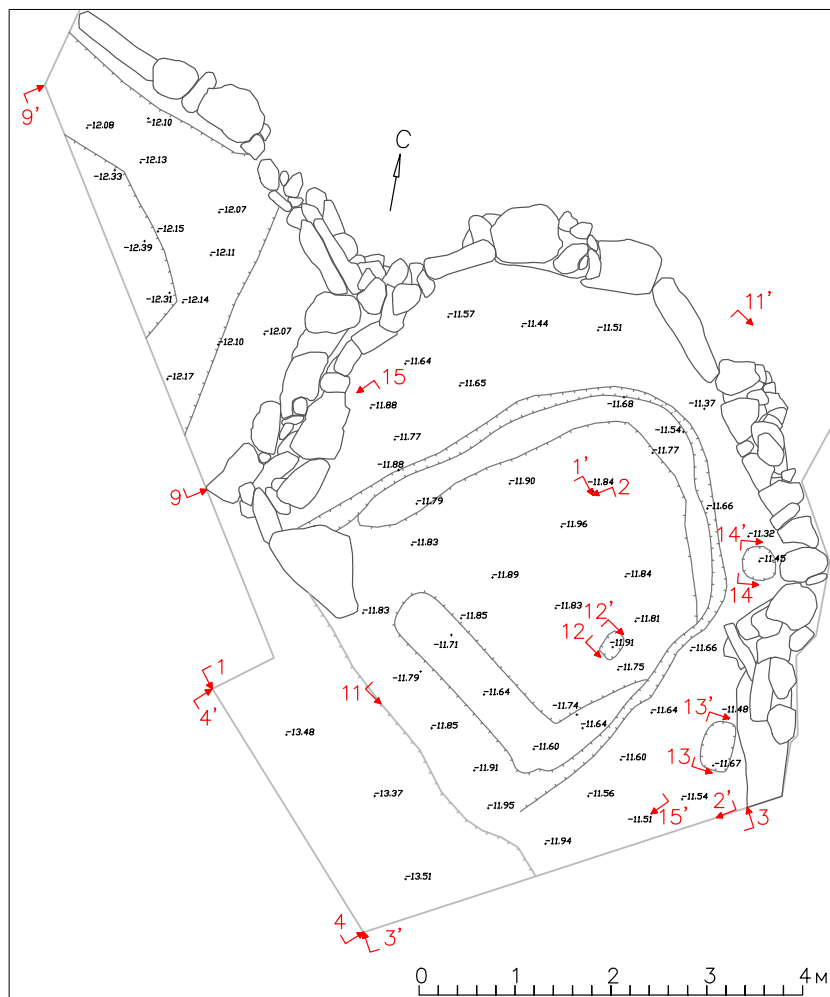

Рис. 8. Материковые конструкции, нивелировки по материке, схема расположения профилей и разрезов

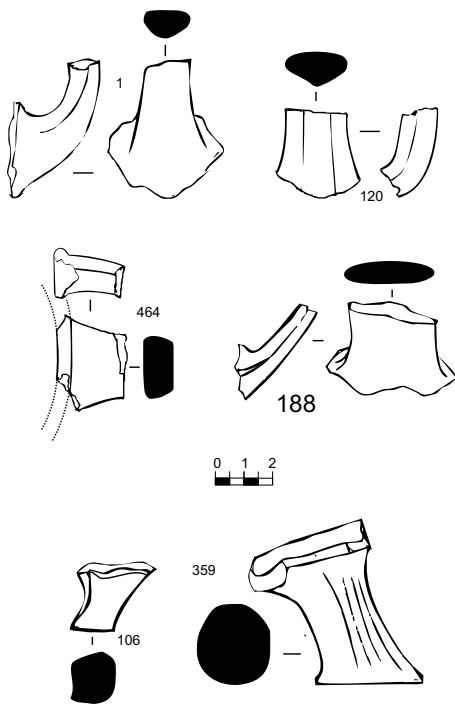

Рис. 9. Керамика из раскопа 1

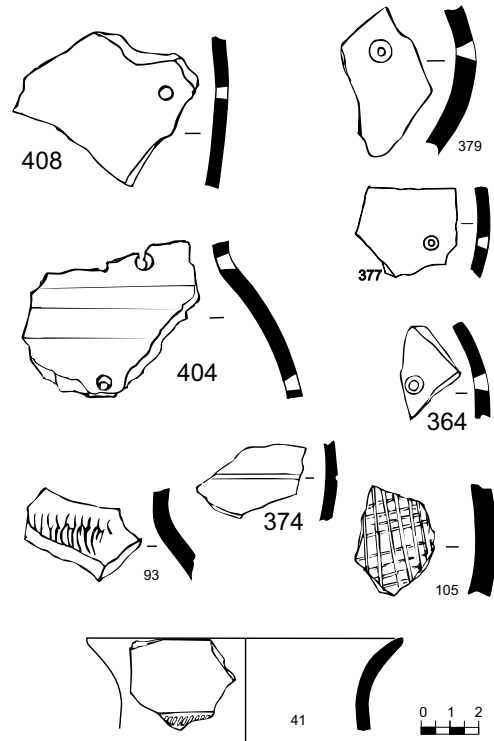

Рис. 11. Керамика из раскопа 1

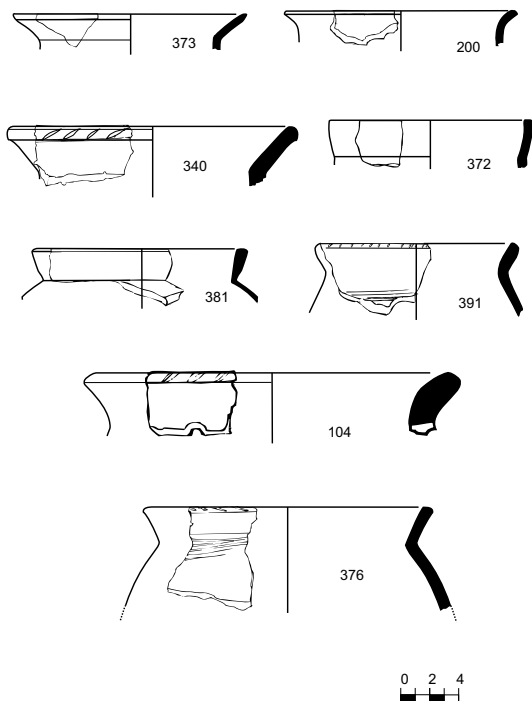

Рис. 10. Керамика из раскопа 1

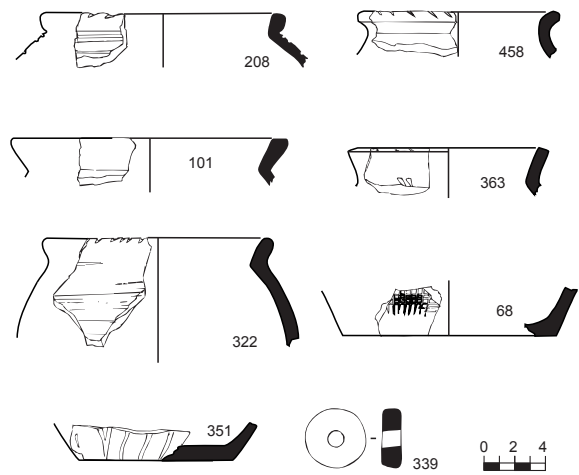

Рис. 12. Находки из раскопа 1: 339 – камень, остальное – керамика

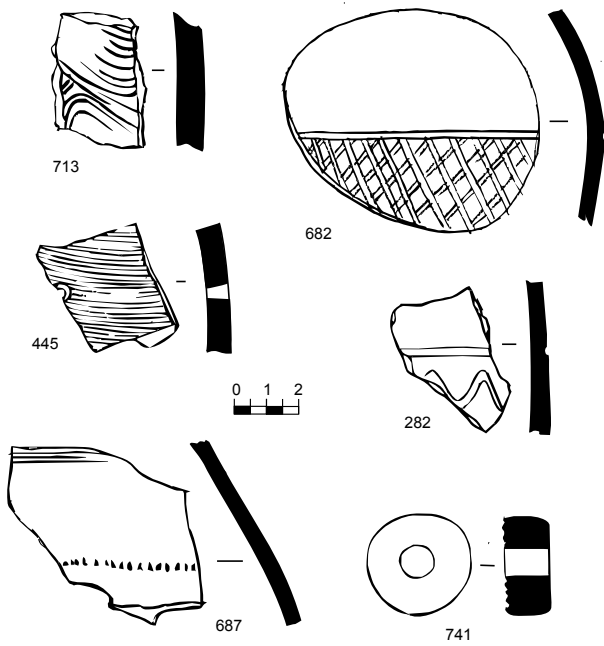

Рис. 13. Находки из большого раскопа: 741 – камень, остальное – керамика

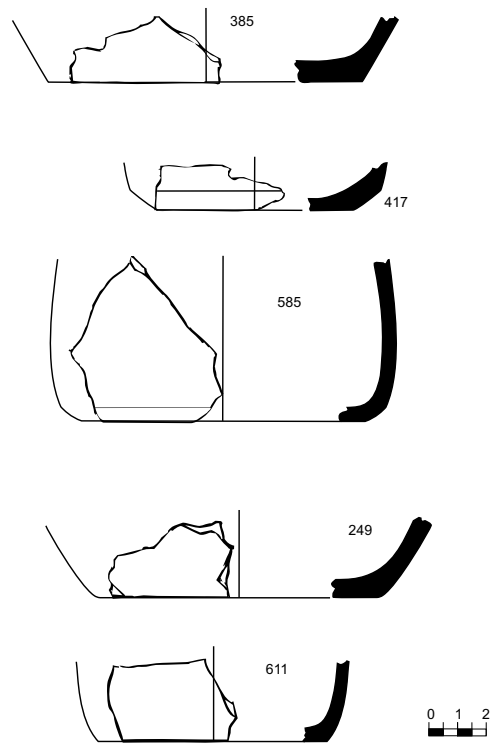

Рис. 15. Керамика из большого раскопа

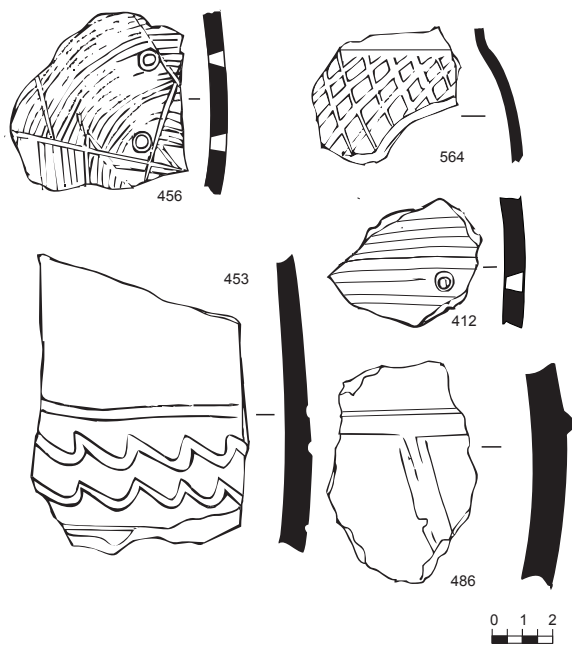

Рис. 14. Керамика из большого раскопа

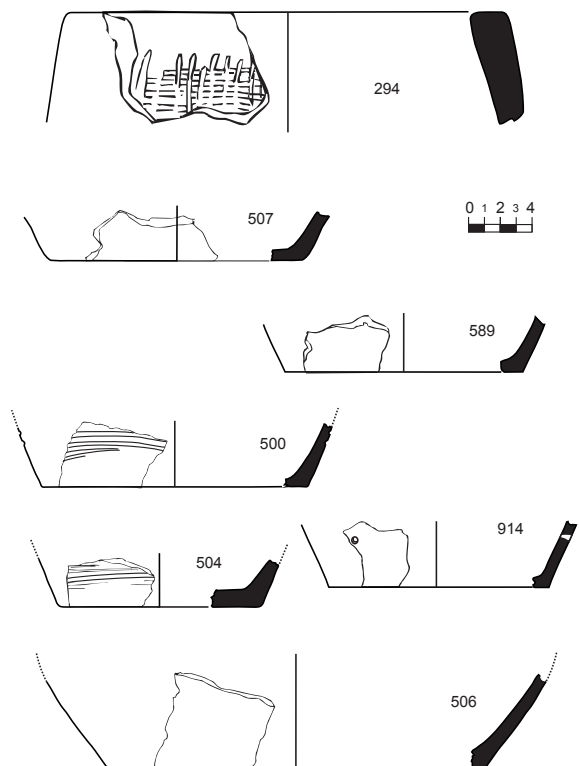

Рис. 16. Керамика из большого раскопа

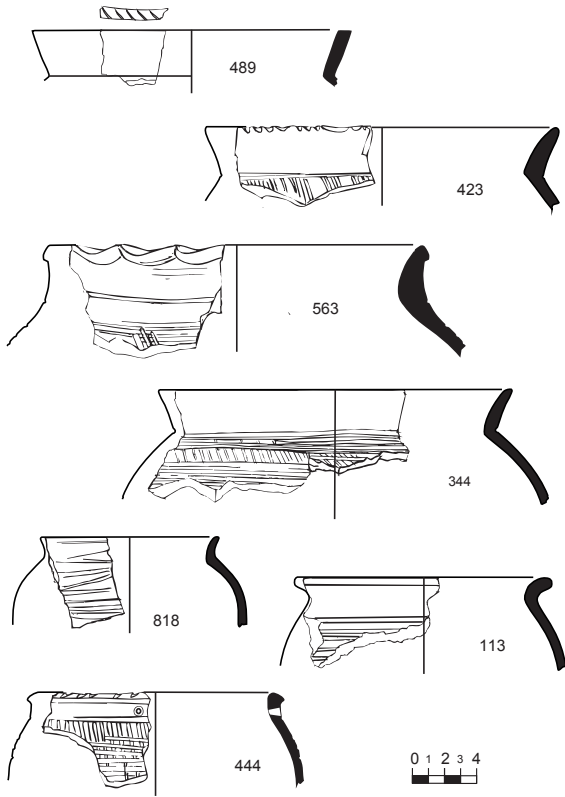

Рис. 17. Керамика из большого раскопа

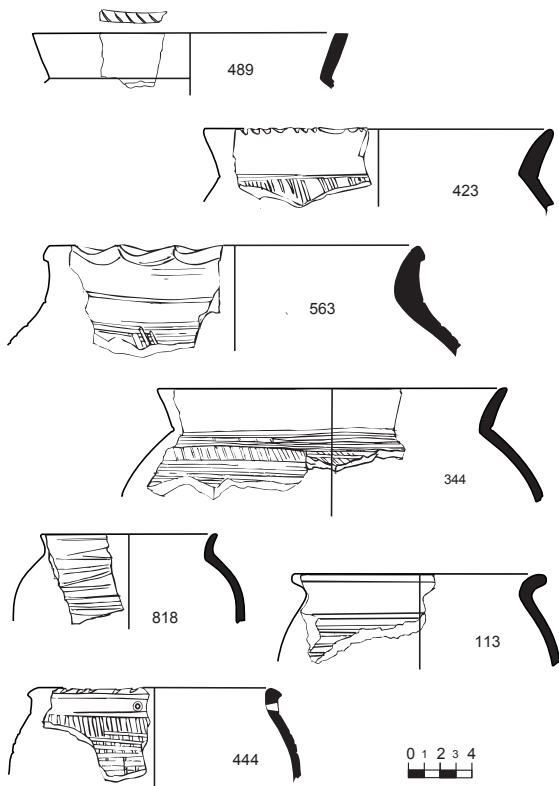

Рис. 18. Керамика из большого раскопа

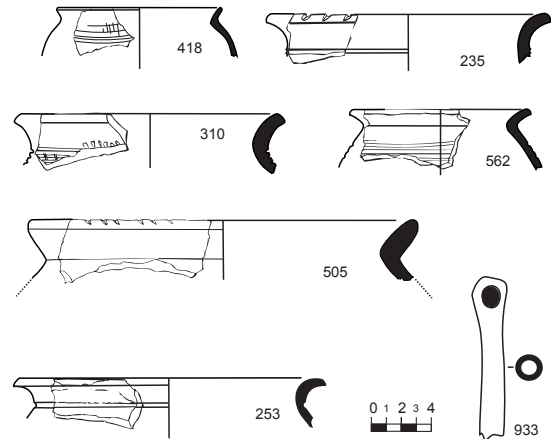

Рис. 19. Находки из большого раскопа: 933 – кость, остальное – керамика

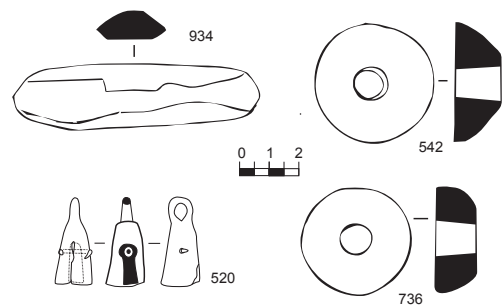
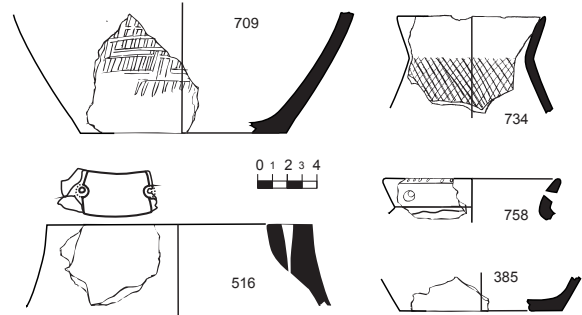

Рис. 20. Находки из нетронутого культурного слоя: 520 – бронза; 542, 736, 934 – камень; остальное – керамика

Одно каменное пряслице найдено в раскопе 1, два в перемещённом слое в пределах постройки и ещё два непосредственно в культурном слое. Обнаружено два каменных оселка – один из них с просверленным отверстием происходит из раскопа 1 (рис. 21).

Рис. 21. Находки из нетронутого культурного слоя: 520 – бронза; 542, 736, 934 – камень; 407, 939 – железо; остальное – керамика

Очень интересна находка костяного изделия (№ 933, рис. 19; 22), которое может быть интерпретировано как «сыппа», вплоть до недавнего времени использовавшееся в традиционной культуре многих кавказских народов. Оно служило частью приспособления для поддержания запелёнатого младенца в сухом состоянии на время сна.

Два железных ножа найдены в нетронутом культурном слое. Там же обнаружен и единственный бронзовый предмет – колокольчик. Его конструкция весьма своеобразна: язычок висит на бронзовой же скобе, укрепленной в отверстиях в стенках колокольчика (рис. 21).

Следует признать, что не до конца понятна связь поселенческого комплекса с расположенными

Рис. 22. «Сыппа»

в непосредственной близости некрополями, как и сам факт появления жилой постройки так далеко от источников воды. Прямые аналогии в материалах погребений и жилища отсутствуют. В пещерном могильнике, например, хорошо представлены бронзовые бубенчики, но не колокольчики. Отличия в керамическом материале могут, конечно, определяться разным назначением комплексов. Но в целом поселенческий материал ближе, по всей видимости, пещерному могильнику, который однозначно может датироваться VIII–IX вв., в отличие от склепов, которые несколько древнее.

Весьма привлекательной представляется интерпретация вышеописанной постройки, расположенной в непосредственной близости от могильника, как связанное с ним святилище, но, на наш взгляд, для этого пока недостаточно оснований.

Источники и литература

Керефов Б. М., Звягин В. Н., 2008. Новый ранне-средневековый скальный (?) могильник в высокогорной долине р. Харабаз в Кабардино-Балкарии // Материал по изучению историко-культурного наследия. М. (Крупновские чтения 1971–2006. Вып. VIII).

Фаунистические остатки, обнаруженные при археологических исследованиях в излучине Невы

А. К. Каспаров

В ходе предварительных исследований на правом берегу Невы¹ выяснена полная стратиграфия культурных напластований, начиная с конца XVIII в. по настоящее время. Проведён культурно-исторический анализ близлежащих территорий, предшествующих формированию города в дельте р. Нева, начиная с XVII в. В ходе раскопок выявлены участки, где непо потревоженные слои и сооружения, безусловно, относились к началу–середине XIX в. Таковы, вероятно, конструкции стапелей для смоления маломерных судов конца XVIII – начала XIX вв. (шурф № 2), а также сохранившиеся основания оранжерей времен усадьбы Саблукова (с 1832 г. – Пенского) (шурф № 3)². Фаунистические остатки встречены в трёх из восьми шурфов (№ 2, 3, 5). Наибольший интерес представляют материалы из шурфа № 3 (размерами 4 x 4 м), в котором сохранился полностью ненарушенный и хорошо стратифицированный культурный слой, перекрытый нивелирующими подсыпками перед строительством бумаго-прядельной мануфактуры³. В шурфе № 2 помимо костных материалов в слоях, связываемых с помещицей усадьбой, найдено погребение собаки, которое можно предварительно отнести ко второй четверти XIX в.

Фаунистические остатки, происходящие из шурфа № 3, брались строго по пластам культурного слоя и в соответствии с этапами расчистки деревянных оснований оранжерей, связываемых с усадьбой. Но видимой разницы по видовому составу в зависимости от глубины залегания материалов не наблюдается. Естественно, что их количественное содержание в надматериковых напластованиях заметно ниже, чем в вышележащих пластах.

Количество фаунистических остатков, полученных в результате предварительных археологических работ, составляет всего около 600 фрагментов,

из которых видовую принадлежность оказалось возможным определить лишь у 282 экземпляров (см. Приложение 1).

Судя по стратиграфическим и планиграфическим данным, костные остатки не являются результатом целенаправленного сброса именно в местах проведения разведочных работ. Это очевидно случайный бытовой мусор, попавший в культурный слой естественным путём.

Большинство костей принадлежит корове. Треть её остатков составляют обломки рёбер, ещё примерно треть приходится на обломки черепа и зубов и различные малосъедобные части туши, типа метаподий, таранных и пяточных костей, а оставшаяся часть – фрагменты трубчатых костей конечностей богатых мясом и ценных в пищевом отношении. Примечательно, что позвонков, а так же и фаланг в материале даже среди неопределимых фрагментов очень мало. Это говорит о том, что целые коровьи туши не разделяли в усадьбе, а пользовались покупным мясом, которое большими кусками привозили с боен. Позвонок в этом случае почти не используется, фаланги и копыта, как абсолютно несъедобные части, так же отрубаются, а метаподии и кости заплюсны, как правило, остаются на месте. Именно такую картину мы и наблюдаем, рассматривая анатомический состав остатков коров.

Второе место по численности среди костных фрагментов занимают птицы. Определение птичьих костей производилось младшим научным сотрудником Зоологического Института РАН А. В. Пантелеевым. В их составы представлены: серый гусь (домашний?) *Anser anser*, кряква *Anas platyrhynchos*, перепел *Coturnix coturnix*, серая куропатка *Perdix perdix*, домашняя курица *Gallus gallus var. domesticus*, фазановые *Phasianidae indet.* Небольшая часть костей птиц неопределима.

Наиболее многочисленной оказалась, как и можно было ожидать, домашняя курица. Ей принадлежит 50 костных фрагментов, на одном из которых хорошо видны следы ножа. Это, разумеется, кухонные отбросы. На втором месте ос-

¹ Работы проводились Пискаревским отрядом ИИМК РАН летом–осенью 2011 г. на бывшей территории фабрики «Возрождение».

² См. статью об исследовании этой территории в настоящем сборнике.

³ Окончание первого этапа её строительства в 1847 г.

татки домашнего гуся – 14 фрагментов. Остальное принадлежит птицам, очевидно добытым на охоте: кряква, перепел, серая куропатка. Таким образом, хозяева земельного участка, на площади которого были заложены шурфы, в первой половине XIX в. занимались охотой в расположенных неподалеку болотистых зарослях.

Находка кости крупной птицы из семейства фазановых не удалось определить вида. Она обнаружена в шурфе № 3 при зачистке по второму уровню щепы. Этот фрагмент, очевидно, не принадлежит ни обыкновенному фазану, ни павлину, т.е. тем птицам, которые были достаточно популярны в обиходе состоятельных людей в те времена. Вероятно, это кость какого-то экзотического вида, скорее всего привезённого из Азии. По всей видимости, эта достаточно крупная экзотическая птица могла быть в поместье.

На третьем месте по количеству остатков находится домашняя свинья. Количество её костей невелико, и анатомическая ситуация не прослеживается достаточно достоверно. Она представлена практически всеми костями скелета, кроме, опять-таки, концевых частей конечностей и позвонков, что позволяет предположить, что и свинина использовалась покупная, а не с собственного скотного двора.

Единичные кости мелкого домашнего скота свидетельствуют о том, что баранина изредка оказывалась на столе обитателей поместья. Остатки костей коз позволяют предположить, что кто-то из жителей пил козье молоко. Козы дают очень низкосортное мясо и маловероятно, чтобы их содержали для употребления в пищу, когда в достатке имелись первосортная говядина и свинина.

Кости лошади немногочисленны. Они представлены мелкими разрозненными фрагментами, не позволяющими определить их вид

Одна большая берцовая кость кошки и верхняя часть большой берцовой кости зайца или кролика также вполне типичны для городской усадьбы первой половины XIX в.

Отдельно следует упомянуть костные остатки собак. Они крайне немногочисленны. Найдено лишь четыре разрозненных обломка. Кроме того, в шурфе № 2 на краю усадебных владений обнаружено захоронение собаки. Скелет принадлежит очень старому животному. Все швы на черепе полностью срослись. Все верхние резцы выпали при жизни, а из нижних сохранились

только крайки, стёртые почти до основания. Сильно стёрты вершины клыков и всех щёчных зубов. Такая степень износа зубных коронок наступает у собак, которые перешагнули 15–17 летний рубеж. На старость животного указывают многочисленные склеротические разрастания на эпифизах костей конечностей. Собака была самцом, о чем свидетельствует обнаруженный бакулюм. Высота животного в холке по длине плечевой кости, примерно, 52–53 см. Умерло оно, видимо, от старости.

О породной принадлежности захороненной собаки можно только догадываться. Однако череп её очень короткий и широкий – типа бульдога, боксёра или ротвейлера. Боксёр, однако, порода очень молодая, появившаяся лишь в конце XIX в. Английский же бульдог появился в средние века, а ротвейлер в XVIII в. Отношение ширины в скулах к кондиллобазальной длине черепа у ротвейлера составляет около 66 %, у бульдога – примерно 75 %. У нашего экземпляра эта величина равна 70 %. По величине захороненный экземпляр меньше ротвейлера и костяк его не столь массивен. При этом кости не искривлены и не укорочены, как это должно быть у бульдога – сравнительно низкорослой и кривоногой собаки. Высота ротвейлеров в холке составляет от 57 до 68 см, а английских бульдогов – примерно 30–40 см. Таким образом, наш экземпляр принадлежит к какой-то короткомордой бульдогообразной породе, ведущей, как бульдог, мастифф или ротвейлер своё начало от молосских собак.

Несомненно, собака содержалась на барском дворе и не являлась обычной дворнягой лайкоидного облика. Собака была породистой и, вероятно, дорогой. Однако чётких остеологических критериев для определения конституционных типов собак этого времени пока не разработано.

В целом, остеологический материал даёт нам представление о пристрастиях землевладельца, живущего на широкую ногу, гурмана, охотника, любящего породистых собак и экзотических птиц. Однако перевести эти умозаключения из области предположений в область утверждений могут только дальнейшие раскопки объекта и новые, более многочисленные археозоологические материалы.

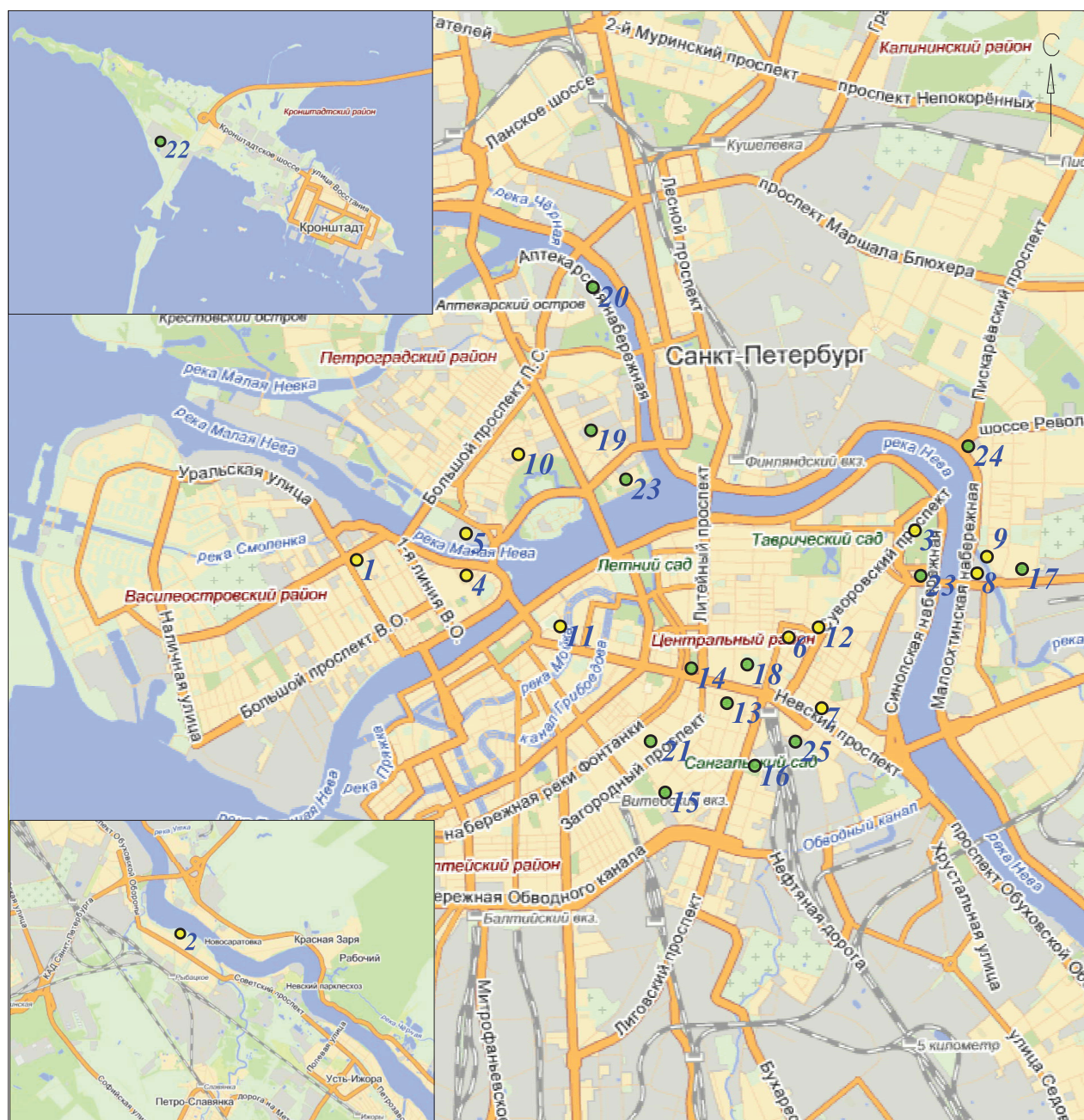
Приложение 1

Видовой состав фаунистических материалов из раскопок на Пискаревском проспекте

В И Д Ы	Ш 2	Ш 3									Ш 5
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Заяц или кролик			1								
Кошка домашняя	1										
Лошадь		1	5								
Корова	11		44	42	21	7	4				4
Овца			2								
Коза				2	1						
Овца или Коза		1	6	3	3			1	2	1	
Свинья	1		10	7	8				1		
Собака					1			1	2		
Птицы	2		25	22	28	9			1		
Рыбы			1								
И Т О Г О	15	2	94	76	62	16	4	2	6	1	4
Неопределимых	4	7	121	69	68	19	2	-	4	4	6

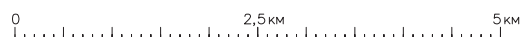
Список сокращений

АВ	Археологические вести. СПб.
ВУ	Вспомогательный учёт
ГМЗ	Государственный музей-заповедник
ГОО ИИМК РАН	Группа охранной археологии ИИМК РАН
ГЭ	Государственный Эрмитаж
ИИМК РАН	Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург
КГИОП	Комитета по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры Правительства Санкт-Петербурга
МАЭ	Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера). СПб.
МИА	Материалы и исследования по археологии СССР. М.
ПДМП	Петергофская дирекция музеев и парков
ПДУ	Петергофское дворцовое управление
РА	Российская археология. М.
САИ	Свод археологических источников. М.
ТИЭ	Труды Института этнографии. М.
AuE	Arheologija un etnogrāfija. Rīga.

● Работы 2009-2010 годов

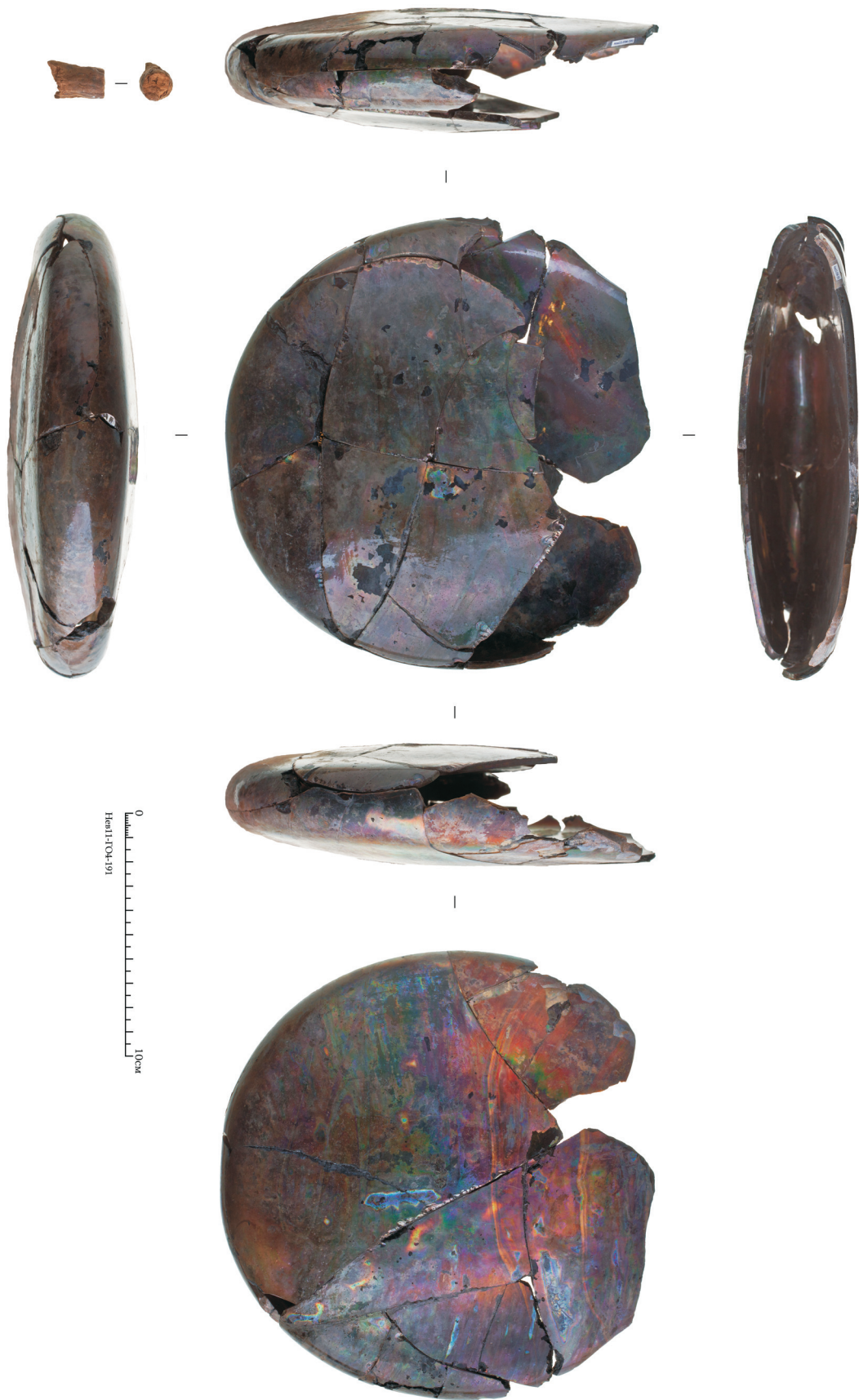
● Работы 2011 года

Илл. 1. Работы ИИМК РАН на территории Санкт-Петербурга в 2009–2011 гг.: 1 – «Благовещенский сад», в границах 7–8 линии В.О., Малый проспект, территория Благовещенской церкви; 2 – Территория яхт-клуба в Рыбацком; 3 – Смольнинский проезд, дом 1; 4 – ул. Биржевая – Минная, 1/1, лит. 0; 5 – пр. Добролюбова, «Набережная Европы»; 6 – Некрасовский сад; 7 – пр. Бакунина от 2-ой Советской ул. до Синопской набережной; 8 – Красногвардейская пл. д. 1; 9 – Большеохтинский пр., д. 1; 10 – Сытнинская ул., д. 9, лит. А; 11 – Дворцовая пл., д. 6–8, лит. А (1, 2, 3 дворы и цокольный этаж); 12 – Суворовский пр., д. 32, лит. Б; 13 – Стремянная, д. 15/1, лит. А; 14 – набережная р. Фонтанки, д. 40/68; 15 – Звенигородская ул., д. 16, лит. А; 16 – Лиговский пр., д. 60–62; 17 – Среднеохтинский пр. – пр. Металлистов; 18 – ул. Маяковского, д. 5, лит. Б; 19 – ул. Большая Посадская, д. 12, лит. А; 20 – Аптекарская наб., уч. 1, южнее д. 3, лит. Б по Инструментальной ул.; 21 – Загородный пр., 19, лит. А; 22 – о. Котлин; 23 – Мичуринская ул., д. 1, лит. Б; 24 – Пискаревский пр., д. 3; 25 – Невский пр., д. 85, лит. БЕ; 26 – Смольный пр., д. 11

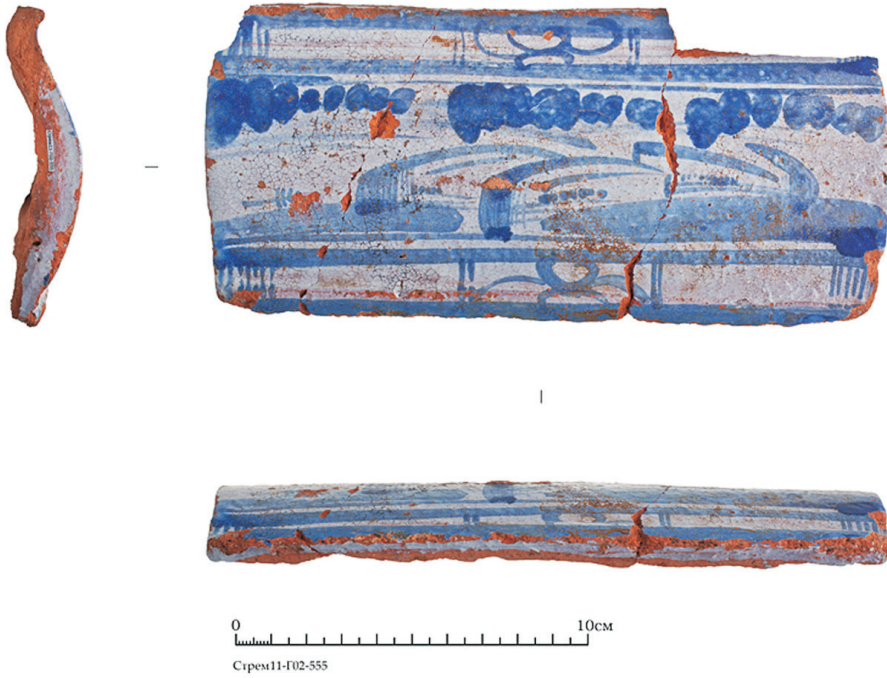
Илл. 2. Невский пр. д., 68. Фрагменты керамических и стеклянных изделий

Илл. 3. Невский пр. д., 68. Фрагмент стеклянной фляги

Илл. 4. Невский пр. д., 68. Деревянные изделия

Илл. 5. Ул. Стремянная, д. 15. Фрагменты изразцов с синей росписью

Илл. 6. «Сенат». Находки: 1 – бронзовая книжная застежка, 2–3 – белоглиняные курительные трубки, 4 – железная двузубая вилка, 5 – железный пробой

Илл. 7. Детали кожаной обуви с основным швом «в подтай». Фото В. И. Кильдюшевского

Илл. 8. Смольнинский отряд ИИМК РАН. 2011 г. Шурф 1. Находки из слоя XIX – начала XX вв.
Металлические предметы: 1–2 – монеты, 3 – значок, 10 – пряжка (№ 415).
Слой гумуса со щепой: 4 – монета, 5 – лодочная скоба, 5–9 – кованые гвозди

Илл. 9. Смольнинский отряд ИИМК РАН. 2011 г. Шурф 14-15. 1, 3–4 – монеты из слоя строительного мусора и прослойки песка с кирпичной крошкой. 2, 5–10 – монеты из слоя развала кирпичей XVIII–XIX вв.

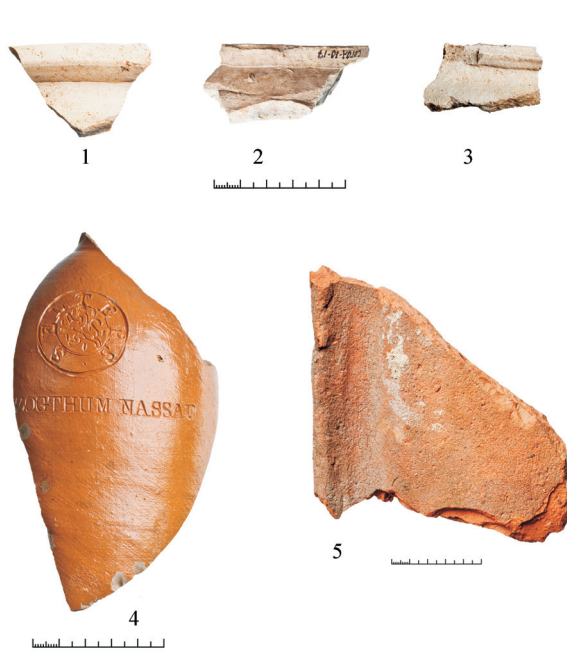
Илл. 10. Смольнинский отряд ИИМК РАН. 2011 г. Шурф 14-15. 1–10 – монеты из слоя песка с кирпичной крошкой поверх развала деревянной стены XVIII–XIX вв.

Илл. 11. Смольнинский отряд ИИМК РАН. 2011 г. Шурф 14-15. 1–8 – монеты из слоя песка с кирпичной крошкой поверх развала деревянной стены XVIII–XIX вв.

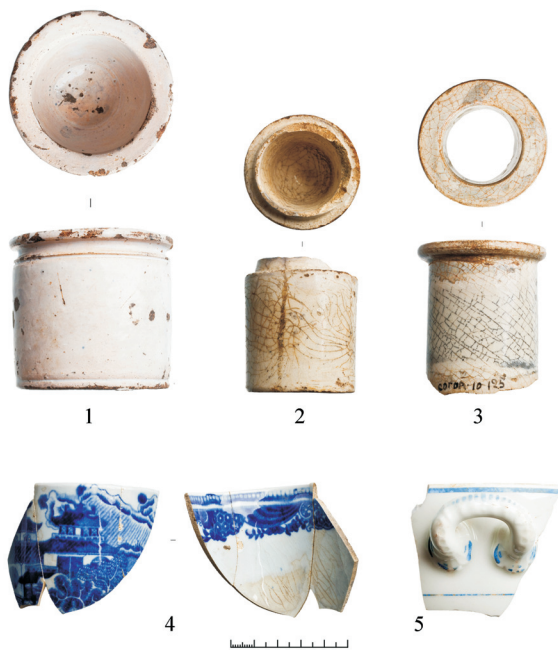
Илл. 12. Смольнинский отряд ИИМК РАН. 2011 г. Шурф 14-15. Фрагменты фарфоровой посуды из развала кирпичей XVIII–XIX вв.

Илл. 13. Военная академия связи. Керамика: 1–3 – венчики белоглиняной посуды; 4 – фрагмент сельтерской бутылки (из «каменной массы»); 5 – фрагмент черепицы

Илл. 15. Военная академия связи. Стекланные изделия

Илл. 14. Военная академия связи. Фаянсовые и фарфоровые изделия: 1–3 – помадные фаянсовые банки; 4, 5 – фарфоровая посуда

Илл. 16. Военная академия связи. Кожаные изделия

Илл. 17. Шурф 2. Клад монет: северная стопка (№ 1) (инв. № Ш2н-3–Ш2н-6)

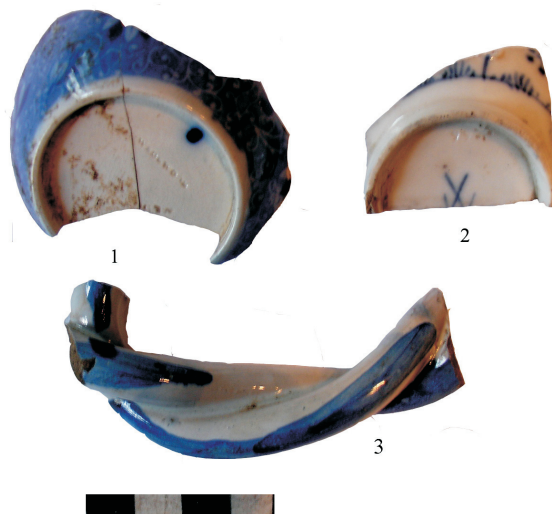
Илл. 18. Шурф 2. Клад монет: южная стопка (№ 2) (инв. № Ш2н-7–Ш2н-13)

Илл. 19. Шурф 2. Фрагмент привозной фаянсовой тарелки, орнаментированной в технике деколь (инв. № Ш2-4)

Илл. 20. Шурф № 3. Красноглиняные цветочные вазоны из зачистки по основанию конструкции оранжежери: 1, 2 – инв. № 139, 140; 3 – инв. № 137+138

Илл. 21. Шурф № 3. Изделия из фарфора и фаянса: 1 – фрагмент фаянсовой чашки (инв. № Ш3-97); 2 – фрагмент фарфоровой чашки (инв. № Ш3-98); 3 – фаянсовая ручка (инв. № Ш3 – 99)

Илл. 22. Южный фасад Фельдъегерского дома (фрагмент проектного эскиза Э. Л. Гана, август 1855 г.).
Из личного архива В. А. Гуцина

Илл. 23. Западный боковой фасад Телеграфной станции с оградой садика (фрагмент проектного эскиза
А. И. Штакенишнейдера, январь 1857 г.). Из личного архива В. А. Гуцина

Илл. 24. Лапоть-калоша из раскопок на территории Главного Штаба (Санкт-Петербург, 2009).
Фото В. И. Кильдюшевского

Илл. 25. Рельефный и штампованный декор

Илл. 26. Английские чашки XVII–XVIII вв.